ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ,

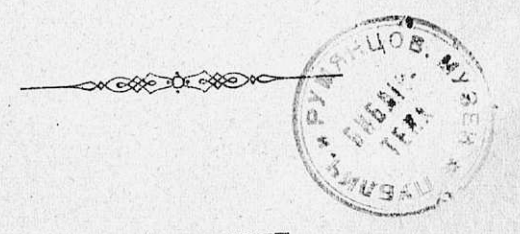
или

ПОСЛѢДНЯЯ УЧАСТЬ

ЧЕЛОВѢКА.

СОСТАВИЛЪ

Е. Тихомировъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданiе книгопродавца Т. Ф. КУЗИНА.

1888.

От Московскаго Комитета для цензуры духовных книг печатать дозволяется. Москва, 26 Октября 1887 года.

Цензор священник *Григорий Дьяченко*.

Типография П. Вощинской, Спб., Фурштадтская ул., № 5.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Смерть и безсмертие.

Стр.

1. Господство смерти 1
2. Происхождение смерти 4
3. Решение возражений и недоумений 12
4. Что такое смерть? 32
5. Противоестественность смерти. . . . . —
6. Благотворная цель смерти 35
7. Смертный час 38
8. Смерть праведника 46
9. Смерть грешника 47
10. Приготовление к смерти 49
11. Память смертная 52
12. Безсмертие души. 58

А) В каком смысле нужно понимать безсмертие души? 60

Б) Значение веры в безсмертие души для жизни человеческой 66

В) Существо и происхождение души человеческой. 77

Г) Доказательства безсмертия души человеческой . 91

а) Непосредственное сознание. 93

Стр.

б) Метафизическое, или онтологическое доказательство 96
в) Телеологическое, или психологическое доказательство 106
г) Нравственное доказательство. 119
д) Оптимизмъ и пессимизмъ. 127
е) Завершительное доказательство 131
Д) Заключеніе 153
13. Спиритизмъ 155
14. Мнѣніе митрополита московскаго Филарета о столоґаданіи 201

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Частный судъ.

1. Дѣйствительность частнаго суда 206
2. Образъ частнаго суда—мытарства.
а) Предварительныя замѣчанія 211
б) Ученіе Церкви о мытарствахъ 214
в) Основанія для ученія о мытарствахъ въ Священномъ Писаніи. 229
г) Святаго Отца нашего Кирилла, архіепископа александрійскаго. Слово объ исходѣ души и страшномъ судѣ 233
д) Порядокъ и число мытарствъ. 247
е) Сороковой день и его значеніе 257
ж) Два необходимыхъ замѣчанія о мытарствахъ 260
з) Бытіе діавола 263

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Погребеніе и поминовеніе православнаго христіанина.

1. Погребеніе православнаго христіанина.
а) Отходная 273
б) Омовеніе и облаченіе умершаго 276

Стр.

в) Панннихида 284
г) Выносъ тѣла 291
д) Отпѣваніе 295
е) Разрѣшительная молитва 308
ж) Погребеніе. 311
з) Катакомбы—мѣсто погребенія древнихъ христіанъ 315
и) Отпѣваніе и погребеніе младенцевъ . . . 321
і) Общій взглядъ на духъ погребальныхъ обрядовъ 326
2. Поминовеніе православнаго христіанина.
а) Связь и общеніе между живыми и умершими . 331
б) Основанія ученія Церкви, о ходатайствѣ живыхъ за умершихъ въ Священномъ Писаніи . . . 334
в) Поминовеніе усопшихъ существуетъ въ Церкви христіанской со временъ Апостоловъ . . . 340
г) Святоотеческія объясненія, почему и какъ наши молитвы могутъ быть благотворны для умершихъ 344
д) Ходатайство Церкви за умершихъ:. 350
Литургія 351
Мясопустная родительская вселенская суббота 355
Троицкая родительская вселенская суббота . 359
Родительскія субботы 2-й, 3-й и 4-й седьмицъ св. Четыредесятницы. 363
Вторникъ Ѳоминой недѣли. 365
29-е августа 366
Димитріевская суббота 367
Поминовеніе усопшихъ особъ царскаго дома (царскія паннихиды). 369
е) Частное поминовеніе: —
Третій день 371
Девятый день. 372
Сороковой день . . . .

Стр.
Годины и годовщины 374
ж) Нѣсколько примѣровъ спасительности молитвъ за умершихъ 375
з) Рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и недоумѣній . 381
и) Изъ Слова Филарета, митрополита московскаго, о молитвѣ за умершихъ 389
і) Взглядъ на ученіе римской Церкви о чистилищѣ 396

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Первый періодъ загробной жизни.

1. Состояніе умершихъ вообще 404
2. Состояніе умершихъ въ частности:
а) Состояніе святыхъ 408
б) Состояніе грѣшниковъ 411
3) Мѣстопребываніе праведниковъ и грѣшниковъ . . . 412
4) Почитаніе святыхъ 425
5. Призываніе святыхъ. 430
6. Почитаніе святыхъ мощей 438
7. Почитаніе святыхъ иконъ 444
8. Отвѣты на возраженія противъ почитанія св. иконъ . 447

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Кончина вѣка.

1. Бесѣды Господа на горѣ Елеонской 451
2. Ожиданіе конца міра 457
3. Признаки приближенія конца міра 465
4. Антихристъ 479
5. Для чего Богъ допустилъ явленіе антихриста? . . 501
6. Второе пришествіе Христово 504
7. Воскресеніе мертвыхъ и измѣненіе живыхъ . . . 509
Примѣчаніе. О различіи возрастовъ и половъ въ будущей жизни . . . .

Стр.
8. Всеобщій судъ 521
9. Обновленіе міра 534
12. Кончина царства благодати и начало царства славы 539
11. Хиліазмъ, или тысячелѣтнее царство Христово . . 544

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Второй безконечный періодъ загробной жизни.

1. О вѣчныхъ мукахъ грѣшниковъ.
а) Виды адскихъ мукъ. 551
б) Огонь адскій и червь неумирающій. . . 554
в) Тяжесть адскихъ мученій 558
г) Степени адскихъ мученій 562
д) Вѣчность адскихъ мученій. 564
е) Отвѣты на возраженія противъ вѣчности мученій 567
2. О вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ.
а) Въ чемъ будетъ состоять блаженство праведниковъ. 584
б) Степени блаженства праведниковъ . . . 589
в) Вѣчность блаженства праведниковъ . . . 591

ДОПОЛНЕНІЕ.

Историческое доказательство безсмертія души человѣческой и будущей жизни

Предварительныя замѣчанія 597
Китайцы 600
Индійцы: народная вѣра, браманизмъ и буддизмъ . 601
Персы 605
Египтяне 606
Семитическіе народы: вавилоняне, ассиріяне, финикіяне 608
Арабскія племена. 609

	Стр.
Греки	609
Римскій народъ	614
Германцы	616
Восточные славяне	—
Народъ израильскій	619
Новоіудейство	624
Магометанство	629
Дикари	634
Заключеніе	639

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Перенесемся мыслію въ апостольскія времена.

Вотъ великій Апостолъ языковъ—въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ центровъ древняго язычества, предъ именитѣйшими представителями города языческой мудрости, словомъ — въ Аѳинскомъ ареопагѣ. Апостолъ Христовъ проповѣдуетъ народу мудрецовъ премудрость Божію, говоритъ объ общемъ всѣхъ людей Богѣ, о Христѣ воскресшемъ, о будущей жизни.

Каковъ-же былъ результатъ его проповѣди?

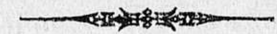
Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время (Дѣян. XVII, 32).

Не втрѣчаетъ-ли и въ наше время ученіе о воскресеніи и о будущей жизни точно такой-же пріемъ? Не служитъ-ли оно для однихъ, хотя и взросшихъ на христіанской почвѣ, но возвратившихся къ языческой мудрости, предметомъ глумленія и соблазна? И не отвращаются-ли отъ него другіе, если не умомъ, то сердцемъ, развлекаемые разными *заботами вѣка сего* (Матѳ. XIII, 22), кто своимъ *полемъ*, кто своею *торговлею* (XXII, 5)?

А между тѣмъ, послѣдняя участь человѣка не должна-ли служить для всякаго предметомъ глубочайшаго вниманія, постояннаго размышленія, добросовѣст-

наго изученія? Такъ или иначе,—а къ вопросу о послѣдней судьбѣ человѣка сводятся всѣ вопросы жизни человѣческой.

Достоинство предлагаемой книги, конечно, далеко не соотвѣтствуетъ достоинству и важности разсматриваемаго въ ней вопроса. Но она исполнитъ свое скромное назначеніе, если хотя нѣсколько удовлетворитъ благочестивой потребности ищущихъ истинной христіанской мудрости и находящихъ ее въ томъ, чтобы, живя на землѣ, помышлять о небѣ и готовиться къ жительству на небесахъ.



ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Смерть и безсмертіе.

1. Господство смерти.

Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши. (Сирах. VI 39).

Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. (Сѵмволъ вѣры).

«Еслибы кто-либо изъ небожителей, никогда не бывавшихъ на землѣ, нами обитаемой, явился на ней и обратилъ вниманіе на нашъ родъ человѣческій, то чтобы—вы думаете—наиболѣе могло поразить его взоръ? Мнѣ кажется, что его всего скорѣе удивила бы и поразила наша ужасная смертность. Въ лицѣ человѣка онъ тотчасъ узналъ бы владыку земли, коему все подчинено и волею или неволею служитъ; а въ смерти онъ тотчасъ увидѣлъ бы лютаго врага и тирана, коему этотъ владыка земли отданъ въ жертву наряду съ послѣдними изъ безсловесныхъ. И долго ли бы надлежало ожидать ему, чтобы сдѣлать это послѣднее заключеніе о насъ? Ни единой даже секунды. Ибо на

землѣ, нами обитаемой,—узнайте и ужаснитесь!—не проходитъ ни единой секунды безъ того, чтобы не умеръ кто-либо, такъ что еслибы считать непрерывно и по порядку, рядъ смертей человѣческихъ, то сей счетъ могъ бы служить вмѣсто самыхъ вѣрныхъ часовъ для измѣренія нашего земнаго времени. Такъ брененъ и мимоходящъ образъ бытія нашего здѣсь! Почти четвертая часть людей для того только, повидимому и рождается, чтобы умереть, не оставивъ слѣда бытія своего, кромѣ только развѣ въ растерзанномъ скорбію сердцѣ родителей; для многихъ минута рожденія служитъ вмѣстѣ и минутою скончанія; многіе умираютъ, не выходя на свѣтъ, имѣю гробомъ утробу матернюю. Изъ остающихся жить едва третья часть достигаетъ юношества и едва половина переходитъ за средину жизни; а доживающихъ до послѣднихъ предѣловъ жизни (и велики ли они?—70, 80 лѣтъ!), такъ мало, какъ колосьевъ, кои ускользнули изъ-подъ серпа жателя. Никто не свободенъ отъ смерти. Войдите въ полуразвалившуюся хижину—увидите гробъ, на горахъ—смерть, въ долинахъ—смерть, на моряхъ и рѣкахъ—смерть. Всему есть сроки и времена: смерти—нѣтъ (ни срока, ни времени). Она мимоходитъ старца и похищаетъ юношу; оставляетъ младенца и беретъ мать, его питавшую; этотъ употребляетъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ неважной, повидимому, болѣзни и умираетъ отъ нея; а тотъ дѣлаетъ, повидимому, все, чтобы разстроить свое здоровье и сократить дни,—и живетъ. Мудрецъ умираетъ, не довершивъ своихъ открытій, надъ коими трудился цѣлый вѣкъ; полководецъ умираетъ въ навечеріи битвы, которая должна бы рѣшить судьбу его отечества; возвращающійся изъ пути дальняго сынъ—умираетъ за часъ пути отъ крова отеческаго; невѣста или женихъ умираетъ, возвратившись только или и не возвратившись изъ-подъ вѣнца брачнаго. Смерти нѣтъ дѣла ни до чего нашего, человѣческаго: это—скелетъ безъ сердца и души, съ одною косою и серпомъ. Большею частію она любитъ предпосылать себѣ, какъ вѣстника и предтечу, различные недуги и болѣзни. Иногда, какъ бы любуясь страданіями своей жертвы, замедляетъ приходъ и ударъ свой; но она же любитъ поражать и внезапно, какъ тать ночной. Сколько людей не встало отъ ложа ночнаго, легши на него съ замыслами на многіе годы! Сколько уснуло послѣднимъ сномъ за трапезою! Сколько не возвратилось въ домъ, вышедъ на нѣсколько минутъ! Тщетно наука здравія истощаетъ все искусство и всѣ усилія: сила смерти все та-же и та-же свирѣпость и внезапность. Врачи, какъ бы въ отмщеніе за покушеніе на невозможное, менѣе всѣхъ пользуются долговѣчіемъ. Сама религія не спасаетъ отъ смерти. Вотъ человѣкъ, который всю жизнь посвятилъ Богу, вѣрѣ, добродѣтели и человѣчеству. Всѣ желали какъ милости отъ Неба—продолженія дней его. Но смерть не внимаетъ ни чему,—и праведникъ лежитъ бездыханенъ.

«Взирая на все сіе, кто вмѣстѣ со св. пѣснопѣвцемъ не воскликнетъ отъ всей скорбной души: *Что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію! Како сопрягохомся смерти?*

«Вопросъ горькій, неизбѣжный! Но кто изъ людей въ состояніи самъ собою разрѣшить его? Нѣтъ гласа и отвѣта изъ могилы; *нѣсть познанъ возвратившйся изъ ада...*» [1]).

«Если бы не признавать безсмертія души и вѣчности, то не справедливо ли было бы всю временную жизнь человѣка считать только непрерывною смертію, которая, наконецъ, рано или поздно, перевѣсивъ силу рожденія, погло-

[1]) *Иннокентія*, архіепископа херсонскаго и таврическаго, слово о смерти (изъ бесѣдъ на св. Четыредесятницу о смерти).

тила бы все человѣчество и всякую жизнь въ мірѣ? И было бы послѣднимъ словомъ человѣка на землѣ его самоотрицаніе. «Я жилъ и мыслилъ, я чувствовалъ, и дѣйствовалъ: но все это — *ничто*, потому что я умру и буду ничто». Горькія слова, которыя придавали бы самый мрачный и безотрадный видъ всей нашей жизни! Такое самоотрицаніе ставило бы духовную нашу жизнь даже ниже тѣлесной, потому что и тѣло наше по смерти не уничтожается, а только разлагается и смѣшивается съ другими элементами земли» [1]).

---

2. Происхожденіе смерти.

Откуда смерть въ людяхъ? На этотъ чрезвычайно важный вопросъ существуютъ два противоположныхъ отвѣта. Невѣрующіе всѣхъ временъ, предоставленные руководству своего бѣднаго разума, признаютъ смерть естественною и неизбѣжною для человѣка по самой его природѣ: мы умираемъ потому, что такова именно была изначала и всегда есть природа человѣческая. *Случайно мы рождены и послѣ будемъ какъ небывшіе; когда тѣло обратится въ прахъ,—и духъ разсѣется какъ жидкій воздухъ; и нѣтъ намъ возврата отъ смерти* (Премудр. Солом. II, 2, 3, 5). Умирая мы отдаемъ неизбѣжную дань природѣ наравнѣ со всѣми животными. Какъ пожелтѣвшій листъ спадаетъ осенью съ дерева, точно также и человѣкъ, сраженный въ свою осень неумолимою косою смерти, исчезаетъ, подобно бѣдному листу, безслѣдно и безвозвратно...

Таковъ взглядъ невѣрующихъ на смерть: смерть—не иное что, какъ дань природѣ. Къ сожалѣнію, и мы всѣ

[1]) *Іоанна*, епископа смоленскаго, бесѣды въ день Успенія Божіей матери (15-го августа 1867 года).

безсознательно подтверждаемъ этотъ языческій взглядъ, когда, желая сказать, что такой-то умеръ, говоримъ вмѣсто того, что такой-то заплатилъ долгъ или отдалъ дань природѣ—выраженіе языческое, перешедшее и въ христіанство.

Благодареніе милосердому Богу, озарившему насъ свѣтомъ Своего Божественнаго Откровенія, *утаившему отъ премудрыхъ и разумныхъ и открывшему младенцамъ* (Матѳ. XI, 25) великія истины и спасительныя тайны царства Божія. Теперь отрокъ и младенецъ знаютъ о цѣли бытія человѣческаго и о жизни нашей за гробомъ болѣе, нежели сколько знали всѣ языческіе мудрецы. Теперь мы знаемъ не только начало, но и конецъ, можно сказать— смерть самой смерти.

Божественное Откровеніе учитъ, что *Богъ смерти не сотворилъ* (Премудр. Солом. I, 13), *но сотворилъ человѣка въ нетлѣніе* (II, 23), и что *смерть вошла въ міръ завистью діавола* (стр. 24). Смерть есть дань не природѣ, а грѣху; она вторглась въ нашу безсмертную природу случайно — посредствомъ отпаденія нашего отъ Источника жизни, Бога, чрезъ нарушеніе Его животворной заповѣди. Вотъ единственно истинный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи смерти.

«Смерти не было и не могло быть во вселенной, какъ произведеніи Существа всесовершеннаго, въ царствѣ Божіемъ. Она есть произведеніе не Творца, а самихъ тварей, слѣдствіе злоупотребленія ихъ свободы и дѣятельности. Тутъ весьма понятно для каждаго, что существа разумно-свободныя могли употребить и произволъ, и волю, и силы свои, какъ восхотѣли—на добро или на зло: могли устремиться по пути правды и жизни вѣчной или, устремившись по противоположному пути зла и неправды, пойдти вопреки законовъ своего Творца, отдѣлиться отъ Него, един-

ственнаго Источника жизни и благобытія, и въ семъ отдѣленіи отъ Него и противоположности Ему необходимо срѣтиться съ паденіемъ, превращеніемъ своихъ силъ, истощеніемъ и, наконецъ, смертію.

«Гдѣ и какъ произошло это ужасное разлученіе существъ разумно-свободныхъ съ Источникомъ жизни и безсмертія, съ Богомъ?

«Слово Божіе сказываетъ намъ (и кто бы могъ сказать это намъ безъ него?), что такое ужасное превращеніе послѣдовало не на землѣ, а на небѣ, послѣдовало, по всей вѣроятности, еще до сотворенія земли нашей и рода человѣческаго.

«Первый мертвецъ былъ не на землѣ, въ Едемѣ, какъ мы обыкновенно представляемъ, а на небѣ, у самаго престола Божія, и былъ не человѣкъ, а Архангелъ, даже едва ли не первый изъ Архангеловъ. Онъ былъ ближайшимъ зрителемъ совершенствъ Божіихъ, первымъ пріемникомъ свѣта несозданнаго и слѣдовательно блаженнѣйшимъ изъ существъ сотворенныхъ.

«Что могло недоставать къ совершенству его, къ упроченію за нимъ сего совершенства на всю вѣчность, кромѣ благодарнаго повиновенія и любви къ своему преблагому Создателю?—Но сего-то именно и недостало! Какъ и почему недостало? Это—тайна, для насъ неизслѣдимая. Но сей свѣтоносный Архангелъ не устоялъ въ своемъ чинѣ, не удовлетворился своимъ достоинствомъ и блаженствомъ, возсталъ противъ своего Творца и Благодѣтеля, возмнилъ безумно, что не только можетъ обойтись безъ Его благоволенія, но и открыто вступить съ Нимъ въ борьбу.

«Произошла брань—твари съ Творцемъ: Архангелъ съ клевретами своими (ибо безуміе его раздѣляли съ нимъ и другіе ангелы) не устоялъ противъ Всемогущаго и съ неба низринутъ въ преисподнюю»!

«Вотъ первый мертвецъ и первое кладбище въ мірѣ!—Не имѣя, какъ духи, нашего тѣла, возмутившіеся ангелы не могли имѣть нашей смерти; но вмѣстѣ съ возмущеніемъ своимъ, съ отлученіемъ чрезъ грѣхъ отъ Бога, они тотчасъ потеряли жизнь, силу и блаженство, содѣлались мертвыми для жизни въ Богѣ. Какъ духи нетлѣнные, они не могли потерять вовсе бытія, не могли разрѣшиться на части и истлѣть, какъ тлѣетъ наше тѣло; но подверглись стократъ большей смерти—вѣчному и невозвратному отлученію отъ Бога, единственнаго Источника всякой истинной жизни».

«Эта первая смерть въ мірѣ Ангельскомъ была самая ужасная, ибо она тотчасъ сдѣлалась смертію и вѣчною, отъ коей нѣтъ воскресенія».

«Какъ ни ужасна была эта смерть, на насъ она не имѣла никакого вліянія; ибо насъ, рода человѣческаго, даже нашей земли и неба, тогда, по всей вѣроятности, еще не существовало».

«Между тѣмъ, для показанія безпредѣльности Своего могущества и благости, Творцу благоугодно было произвести нашъ міръ видимый, чувственный и тѣлесный. Во главу его произведено и поставлено такое существо, которое совокупляло въ себѣ и духъ, и тѣло. То былъ первый человѣкъ, наши прародители. По душѣ своей и по внутренности своего существа они были подобны ангеламъ, но сіи ангелы—подобныя существа облечены были тѣлесностію и въ семъ отношеніи походили на прочія тѣлесныя существа нашей земли».

«Тѣло ихъ своимъ видомъ, частями, дѣйствіями, безъ сомнѣнія, походило на наше тѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло великое число совершенствъ, коихъ нѣтъ въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ. А главное—оно было безсмертно, не въ томъ смыслѣ, чтобы не могло умереть, какъ, напр.,

душа, а въ томъ, что заключало въ себѣ возможность и способность не умирать, а жить вѣчно, чего нѣтъ уже въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ».

«Таковая драгоцѣнная способность зависѣла отъ разныхъ причинъ, а первѣе всего отъ того, что невинный человѣкъ былъ образъ Божій, былъ пріискренно соединенъ съ своимъ Первообразомъ. Вѣчная жизнь изъ существа Божія прямо струилась въ существо человѣка, наполняя душу его, и чрезъ нее и самое тѣло мощью и нетлѣніемъ. Вмѣстѣ съ симъ; или—точнѣе сказать — по тому самому тѣлесная природа первыхъ человѣковъ была превыше нынѣшняго господства надъ нею стихій, по коему дѣйствуютъ на нее столько началъ разрушительныхъ. Въ природѣ, окружавшей человѣка, ничто не вредило его здравію и силамъ, а напротивъ все стремилось къ поддержанію его, еслибы въ томъ была нужда. Я говорю: *еслибы;* ибо тѣлесность человѣка чистая, проникнутая силою богоподобія душевнаго, вмѣсто того, чтобы имѣть нужду въ поддержаніи своей силы, могла сама быть источникомъ подкрѣпленія и оживленія для окружающихъ ее тварей, низшихъ ея.

«По всему этому первый человѣкъ, несмотря на то, что въ составъ существа его входило тѣло чувственное, обладалъ способностію не умирать, а жить вѣчно».

«Но онъ могъ и умереть. Путь къ этому несчастію былъ одинъ—отдѣленіе отъ Бога, Источника жизни, причемъ неминуемо человѣкъ предоставлялся самому себѣ и, не имѣя въ себѣ самомъ источника живота, долженствовалъ подвергнуться безсилію и разрушенію всего того, что въ немъ было разрушимаго, то-есть всей его тѣлесности. А къ разлученію съ Богомъ путь для человѣка также былъ одинъ—уклоненіе отъ воли Божіей, грѣхъ».

«Для того, чтобы не впасть въ грѣхъ и противленіе

волѣ Божіей и чрезъ то не потерять безсмертія, человѣкъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ до полноты и избытка».

«Но въ немъ была свобода—даръ высокій, необходимый для существа разумно-нравственнаго, но вмѣстѣ и крайне опасный; ибо по силѣ этой свободы и человѣкъ, какъ прежде Архангелъ на небѣ, могъ изъ себя сдѣлать что угодно: могъ остаться въ соединеніи съ Источникомъ жизни—Творцемъ своимъ; могъ и удалиться отъ Него, къ величайшему своему вреду и пагубѣ.

«Чтобы помочь человѣку скорѣе обнаружить свою свободу и волю и чрезъ употребленіе ихъ на доброе утвердиться въ добрѣ, Отеческій Промыслъ Божій далъ человѣку въ испытаніе положительную заповѣдь о невкушеніи отъ плодовъ одного изъ древъ райскихъ. Симъ всѣ случаи къ паденію сводились въ одинъ случай, все возможныя искушенія невиннаго человѣка на зло сокращались въ одно, самое невеликое искушеніе, которое преодолѣть было весьма нетрудно».

«Чтобы еще болѣе оградить человѣка отъ злоупотребленія своею свободою и отъ всѣхъ противныхъ внушеній, Всеблагій Творецъ указалъ даже на пагубныя послѣдствія нарушенія заповѣди, данной человѣку, и объявилъ прямо, что непосредственнымъ слѣдствіемъ того будетъ смерть. *Въ онъ же аще день снѣсте отъ него* (отъ плодовъ запрещеннаго древа), *смертію умрете* (Быт. II, 17), т. е., по силѣ сего выраженія на священномъ языкѣ, умрете неминуемо, ужасно, подвергнетесь бѣдствію величайшему.

«Такимъ образомъ мы всевозможно ограждены были со всѣхъ сторонъ отъ опасности. Поелику намъ необходимо было показать свою свободу, рѣшить самимъ, какъ существамъ разумнымъ, свою участь, избрать, такъ сказать, себѣ образъ бытія или въ соединеніи съ Богомъ, по намѣренію и плану Божію, или по своему мудрованію и при-

хоти, то для насъ нарочно изобрѣтенъ къ тому самый простой и легкій случай. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взяты всѣ мѣры, чтобы этотъ роковой опытъ былъ съ нашей стороны удаченъ и счастливъ.

«Вообразимъ теперь положеніе нашихъ прародителей въ Едемѣ, даже поставимъ себя тамъ вмѣстѣ съ ними мысленно: вотъ предъ нами древо запрещенное съ его плодами, а надъ нимъ заповѣдь Божія съ угрозою смерти.

«Не должно ли сказать о семъ положеніи того, что пророкъ говорилъ потомъ отъ лица Божія народу Израильскому: *Се дахъ предъ лицомъ твоимъ жизнь и смерть* (Второз. XXX, 19; см. стихи 15—18),—избирай, т. е., самъ любое?

«Дѣйствительно въ Едемѣ была предъ лицомъ нашимъ не только жизнь,—ибо мы ею пользовались,—а самое безсмертіе и смерть.

Кто бы могъ ожидать, что мы будемъ такъ неразумны, такъ, можно сказать, враждебно ненавистны къ самимъ себѣ, что отвергнемъ и безсмертіе, и жизнь, а изберемъ произвольно смерть?

«Но такъ именно и случилось» [1]).

Кратко и просто сказаніе Моисеево о паденіи человѣка. Такъ и обыкновенно Духъ Святый изображаетъ въ Писаніи великія событія и тайны, въ каждомъ словѣ заключая неизслѣдимую и неизмѣримую глубину смысла. Скоро наступитъ тотъ страшный день, которымъ Богъ угрожалъ первому человѣку, если онъ вкуситъ отъ запрещеннаго древа [2]).

---

[1]) *Иннокентія*, архіепископа херсонскаго и таврическаго, бесѣды на св. Четыредесятницу о смерти.

[2]) Священное Писаніе не показываетъ, сколь долго первобытная Церковь сохранила свой миръ и благоденствіе отъ козней сего врага (діавола). Кажется, сіе молчаніе заключаетъ въ себѣ тайну, особливо если противоположить его столь точному счисленію дней, заключившихъ дѣла Божіи. Оно даетъ разумѣть, что мрачная эпоха паденія должна изгладиться изъ книги бытія человѣческаго, между тѣмъ какъ память Творенія и Суббота Божія, будутъ сохраняться и совершаться во времена опредѣленныя. Сіе примѣчаніе вѣрнѣе тѣхъ, по которымъ полагаютъ паденіе Адама въ шестый, седьмый, третійнадесять день или тридесятый годъ міра. Впрочемъ мнѣніе, что искушеніе Адама въ Раю было *не четыредесятидневное*, такъ какъ не четыредесятидневнымъ же искушеніемъ въ пустынѣ заплатилъ за сіе Искупитель, достойно вниманія". *Филарета*, митрополита московскаго «Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи. Изданіе 11-е М. 1866 г., стр. 13.

Не надолго отдалила его отъ человѣка любовь къ Творцу. Угроза и страхъ смерти не остановили его приближенія. Падшій ангелъ, позавидовавъ блаженству людей (Премудр. Солом. II, 24), вошелъ въ змія и соблазнилъ Еву нарушить заповѣдь Божію [1]). *И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ, и вожделѣнно, потому что даетъ знаніе, и взяла плодовъ его и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ* (Быт. III, 6). И исполнилось Слово Божіе: человѣкъ смертію умеръ. За святотатственнымъ вкушеніемъ отъ запрещеннаго древа послѣдовала смерть духа, отчужденіе отъ жизни Божіей (Ефес. IV, 18), разъединеніе съ Тѣмъ, Кто есть жизнь всего живущаго и Свѣтъ человѣковъ (Іоан. I, 4),

---

[1]) *И сказалъ змій женѣ* (Быт. III, 1)... Развѣ природѣ змѣй свойственно было говорить? Конечно, нѣтъ. Изъ этого-то именно обстоятельства, а также изъ того, что райскій змѣй дѣйствуетъ разумно и по предначертанному плану, съ цѣлію погубить человѣка,—открывается, что это было не простое животное, но что въ немъ скрывалось нѣкоторое высшее существо и, притомъ, злое и богопротивное. Это существо, этотъ искуситель первыхъ людей въ раю называется въ Словѣ Божіемъ *древнимъ зміемъ, діаволомъ, сатаною* (Апокал. XX, 2. Захаріи III, 1), *человѣкоубійцею отъ начала, отцомъ лжи* (Іоан. VIII, 44).

И сказала жена змію (—ст. 2)... Какъ не ужаснулась Ева при видѣ говорящаго змѣя и не удалилась? До паденія своего наша прародительница не могла испытывать страха ни предъ какимъ животнымъ, какъ повелительница и госпожа всей земли. Но, конечно, она ни одной минуты не сомнѣвалась, что предъ ней—не змѣй обыкновенный, а какой-нибудь небесный посланникъ, принявшій его форму и желающій разъяснить ей заповѣдь Божію: свѣтлый и высокій умъ Евы не могъ, конечно, допустить словеснаго дара въ простомъ животномъ и предположить, чтобы животныя могли лучше, чѣмъ она, понимать волю Божію. Видя предъ собою только змѣя, она не поддалась бы обману.

изгнаніе человѣка изъ рая, удаленіе его отъ древа жизни, осужденіе на труды, болѣзни, скорби смерть и разрушеніе тѣла, проклятіе его ради всей твари. *Какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили* (Римл. V, 12).

---

3. Рѣшеніе возраженій и недоумѣній [1]).

Хотя *произведенію* не свойственно судить *художника* (Римл. IX, 20), но когда есть уже такіе, которые пререкаютъ ему, то позволительно, съ благоговѣйною осторожностью, и оправдывать пути его» [2]).

Исторія паденія человѣка, или—что тоже—исторія происхожденія смерти, вызывала со стороны иныхъ возраженія и возбуждаетъ въ другихъ недоумѣнія.

Какъ могъ—говорятъ—человѣкъ возстать противъ непреложной и святой воли Бога всемогущаго и произвесть такой страшный переворотъ въ царствѣ Божіемъ? Какъ могъ человѣкъ, существо ничтожное предъ Богомъ, стать во вражду съ Творцемъ своимъ и вмѣстѣ съ собою увлечь и всю тварь въ бездну нестроенія и зла? Почему Творецъ не уничтожилъ зла въ самомъ его зародышѣ, и допустилъ ему войдти въ міръ? Зачѣмъ дана человѣку самая возможность зла? Зачѣмъ данъ случай, или поводъ ко грѣху—древо познанія? Зачѣмъ еще допущенъ въ рай искуситель, столь хитрый и сильный въ злѣ? Какъ будто мало было одной, данной человѣку, возможности грѣха? Употреблены всѣ средства, чтобы ускорить переходъ этой несчастной возможности въ дѣйствительность. Открыть человѣку и слу-

[1]) Заимствовано сокращенно изъ книги: «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка». *Ѳ. А. Голубинскаго*. Изд. 3-е. М. 1885 г.

[2]) *Филарета*, митрополита московскаго „Записки на книгу Бытія". Изд. 1867 г., стр. 43.

чай ко грѣху, данъ и опытный учитель грѣха.—Человѣкъ введенъ Богомъ въ состояніе испытанія, за которымъ, если-бы онъ прошелъ это испытаніе счастливо, его ожидала свѣтлая и блаженная вѣчность. Но, говорятъ, неужели мы признали-бы мудрымъ и добрымъ такого отца, который-бы намѣренно ввелъ своего сына въ искусительное и опасное положеніе, въ которомъ несчастный и погибъ; а онъ послѣ сталъ-бы увѣрять, что вовсе не погубилъ своего сына, потому что онъ только попустилъ зло, но не хотѣлъ его, не содѣйствовалъ ему? Человѣкъ не видитъ и можетъ не видѣть, чѣмъ кончится испытаніе, которому онъ подвергаетъ другаго. Но Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ, что человѣкъ не устоитъ въ испытаніи, падетъ и низринетъ за собою всю тварь: зачѣмъ-же Богъ вводилъ человѣка въ испытаніе? Какую цѣль могло имѣть испытаніе, когда испытующій несомнѣнно зналъ его гибельный конецъ?

Нѣтъ спора, что рѣшеніе такихъ вопросовъ недоступно разуму, особенно дерзкому и кичливому. Но искреннее и благоговѣйное желаніе умудренія найдетъ въ Писаніи успокоительные на нихъ отвѣты, доступные разумѣнію человѣка въ этой жизни, въ которой *мы ходимъ вѣрою, и не видѣніемъ* (2 Кор. V, 7), не неудовлетворительные и для разума, пришедшаго *въ послушаніе вѣры* (Римл. XIV, 25).

Въ предвѣчномъ совѣтѣ Тріѵпостаснаго Божества о сотвореніи человѣка Богъ опредѣляетъ создать человѣка *по образу Своему и по подобію* (Быт. I, 26. 27). Основная черта образа Божія въ природѣ человѣческой есть ея личность, или духовность; а существенныя черты духовности—самосознаніе и свобода.

Богъ есть Духъ самобытный и безконечный; а человѣческій духъ сотворенъ и ограниченъ. Слѣдовательно между образомъ и Первообразомъ—разстояніе безконечное. Богъ, какъ Духъ безпредѣльный, имѣетъ въ Себѣ всецѣлую пол-

ноту возможныхъ совершенствъ, безъ всякаго недостатка и ограниченія; а потому, какъ всесовершенный, Онъ неизмѣняемъ, всегда одинаковъ въ Своемъ существѣ, въ Своихъ силахъ и совершенствахъ. Въ Духѣ безпредѣльномъ и неизмѣняемомъ—и умъ безпредѣльный, всевѣдѣніе и свобода совершеннѣйшая, всегда святая и благая, не могущая быть несвятою и неблагою. Поэтому Богъ всемогущъ и въ нравственномъ смыслѣ—можетъ все, чего хочетъ, потому что хочетъ только сообразнаго съ Своей совершеннѣйшей природой и не можетъ хотѣть того, что ей противно. Свобода Божія всесовершенна, неизмѣняема, не можетъ ни хотѣть, ни дѣлать зла. Никакое сотворенное существо, какъ-бы ни было высоко, совершенно, близко къ Богу, не можетъ имѣть такой всесовершенной и неизмѣняемой свободы. Иначе оно было-бы не тварію, не образомъ Божіимъ, но существомъ совершенно равнымъ Богу.

Малымъ чимъ, по слову Пророка, *умаленъ человѣкъ отъ Ангелъ, вѣнчанъ славою и честію* (Псал. VIII, 6). Адамъ получилъ изъ рукъ Творца могущественныя силы и великія совершенства. Умъ Адама, говоритъ Августинъ, по своей силѣ и быстротѣ былъ настолько-же выше величайшаго изъ извѣстныхъ намъ человѣческихъ умовъ, насколько птица быстрѣе черепахи. Но и это сравненіе представляется Августину слабымъ и недостаточнымъ. Высокъ былъ умъ Адама, но не былъ умъ совершенный и неограниченный, для котораго невозможно-бы было никакое дальнѣйшее возрастаніе и усовершеніе. Неограниченное совершенство принадлежитъ только уму Божескому. Постепенное усовершеніе есть необходимый законъ всякаго сотвореннаго духа, какими-бы высокими силами и совершенствами не обладалъ онъ. Высоко было совершенство ума Адамова; однакожъ это совершенство было не болѣе, какъ младенческое состояніе, въ сравненіи съ тѣмъ величіемъ, котораго онъ могъ бы

достигнуть. И Адаму предлежалъ путь развитія, но путь легкій, быстрый, свѣтлый, безъ тѣхъ скорбей и трудовъ, съ которыми пролагаютъ себѣ и разработываютъ путь знанія его потомки.—Ни одна нечистая мысль или желаніе не возмущало свѣтлаго состоянія его ума. Чувственность, съ которою у насъ непримиримая борьба, которая такъ часто увлекаетъ и порабощаетъ нашъ умъ, есть уже порожденіе грѣха. Внутренняя брань еще не открывалась въ душѣ человѣка невиннаго. *Только это я нашелъ*, говоритъ Премудрый, *что Богъ сотворилъ человѣка правымъ* (Екклез. VII, 29). Свобода первозданнаго была свобода чистая и направленная къ добру, неколеблющаяся между добромъ и зломъ, но совершенно согласная съ нравственнымъ закономъ, съ святою волею Божіею. Творецъ, какъ святый и благій, не могъ вложить въ нее искусительнаго влеченія къ злу (Іак. I, 13), но внѣдрилъ въ сущность ея законъ добра, написалъ Свой законъ въ сердцѣ человѣка (Римл. II, 15). Однакожъ эта самая свобода сдѣлалась источнымъ началомъ всего зла. Свобода твари, какъ бы ни была чиста и совершенна, не есть свобода не измѣняемая, обладающая всею полнотою нравственнаго совершенства. Для ограниченной и сотворенной свободы возможна и естественная измѣняемость на лучшее, постепенное возрастаніе и укрѣпленіе въ добрѣ, но есть въ ней возможность и удаленія отъ добра, влеченія къ злу. Творецъ создалъ человѣческую свободу чистою, невинною, безгрѣшною, вложилъ въ нее стремленіе къ добру; но, не разрушая свободы, не могъ исторгнуть изъ нея возможности зла. При постоянномъ возрастаніи и укрѣпленіи въ добрѣ проходила-бы и самая возможность зла. Свобода пережила-бы эту возможность и удалилась бы отъ нея, какъ пережила ее окрѣпшая въ добрѣ и теперь уже непреклонная къ злу свобода Ангеловъ: но въ сотворенной свободѣ первоначально

должна быть возможность зла, чтобы самое укрѣпленіе ея въ добрѣ было свободно и непринужденно. Человѣкъ такъ былъ созданъ, надѣленъ такими могущественными силами и совершенствами, что для него гораздо легче была добродѣтель, чѣмъ грѣхъ, въ немъ несравненно сильнѣе была потребность добра, чѣмъ возможность зла. «Богъ сотворилъ человѣка,—разсуждаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ,—безгрѣшнымъ по естеству и свободнымъ по волѣ; безгрѣшнымъ—говорю, не потому, чтобы онъ былъ недоступенъ для грѣха (ибо одно Божество грѣшить не можетъ), но потому, что возможность грѣшить имѣлъ онъ не въ своемъ естествѣ, а въ своей свободной волѣ. Именно, при содѣйствіи Божіей благодати, онъ могъ пребывать и преуспѣвать въ добрѣ; а равно, по своей свободѣ, при попущеніи Божіемъ, могъ и отвратиться отъ добра и быть во злѣ. Ибо то — не добродѣтель, что дѣлается по принужденію» [1]). Августинъ различаетъ въ нравственномъ состояніи разумныхъ тварей возможность не уклоняться отъ добра и невозможность уклониться отъ добра, или иначе — *возможность не грѣшить* и *невозможность грѣшить*. Возможность не грѣшить есть состояніе невинности, въ которомъ поставленъ былъ Адамъ; невозможность грѣшить есть состояніе Ангеловъ, святыхъ и блаженныхъ въ жизни небесной [2]). Возможность не грѣшить при постепенномъ укрѣпленіи въ добрѣ перешла бы въ возможность грѣшить, какъ было и со святыми Ангелами. Нѣкоторые изъ духовъ пали по своей свободной волѣ; другіе по той же свободной волѣ устояли въ добрѣ и за это укрѣпленіе въ добрѣ удостоились получить награду—такую полноту блаженства, которая даетъ имъ совершеннѣйшую увѣренность, что они навсегда останутся непоколебимы. Но человѣкъ поступилъ не по-ангельски: вмѣсто того, чтобы возвышаться къ невозможности грѣха, онъ осуществилъ возможность зла. Осуществленіе этой несчастной возможности есть то преступленіе, грѣхъ, который, какъ говоритъ Апостолъ, человѣкомъ взошелъ въ міръ, а за нимъ—смерть и все зло.

[1]) Точное изложеніе православной вѣры, гл. XII, стр. 91, 92.
[2]) О поврежденіи и благодати, гл. XII.

Предлагаютъ вопросъ: «зачѣмъ Богъ далъ человѣку самую свободу—даръ опасный и гибельный?» — Движимый безпредѣльною благостію, Богъ воззываетъ къ бытію твари. Безмѣрная любовь Его благоволила, чтобы существовали не одни только безсознательные носители совершенствъ Божественныхъ — твари бездушныя и неразумныя, но чтобы были и сознательные и разумные причастники Его блаженства. Ему благоугодно было въ тваряхъ не только рабское, безсознательное служеніе необходимости, но и духовное служеніе любви. Неприступный и безпредѣльный, по безмѣрной благости Своей, хочетъ сблизиться съ Своею тварію и, сколько возможно для нея, приблизить ее къ Себѣ. Чтобы сколько возможно возвысить и облаженствовать Свое созданіе, Богъ нѣкоторыхъ изъ тварей украшаетъ и возвеличиваетъ Своимъ образомъ и въ немъ даетъ имъ возможность къ уподобленію и приближенію къ Себѣ, къ блаженному соединенію съ Собою. Ничего нѣтъ любезнѣе для Творца, какъ видѣть образъ Своего высочайшаго Божескаго совершенства. Нѣтъ ничего выше и блаженнѣе для твари, какъ носить въ себѣ образъ Творца. Существенныя черты образа Божія и вмѣстѣ величія человѣческаго составляютъ сила ума и сила свободы. Существо разумное не можетъ быть несвободнымъ. Сознаваніе себя самого самостоятельною виною своихъ стремленій и дѣйствій безъ дѣйствительной возможности на самомъ дѣлѣ быть виною своихъ дѣйствій—пустой призракъ, самообольщеніе. Поэтому тре-

бовать, чтобы Богъ создалъ тварь сознательную и разумную, но не давалъ ей свободы, значитъ требовать, чтобы Богъ истины оставилъ Свою тварь въ постоянномъ самообольщеніи и обманѣ. Богъ могъ бы поставить человѣка въ состояніе необходимости, которой подчинены животныя; но, даруя ему свободу, Онъ возвысилъ человѣка надъ всѣми видимыми тварями и приблизилъ его къ Себѣ, какъ священника и царя природы. Слѣдовательно, роптать на Бога за даръ свободы значитъ роптать на Него за то, что Онъ весьма благъ и милостивъ къ человѣку, зачѣмъ Онъ такъ возвысилъ человѣка и зачѣмъ не уравнялъ его съ животными.

«Но, говорятъ, если свобода есть столь высокое и существенное состояніе человѣческаго духа, то зачѣмъ же Творецъ далъ ей возможность зла? Развѣ Онъ не могъ создать свободу безъ этой гибельной возможности?» — Кто дерзнетъ утверждать, что Богъ не могъ создать свободы недоступной грѣху и неодолимой зломъ? И *изъ камней* Онъ можетъ *воздвигнути чада Аврааму* (Матѳ. III, 9). Но чѣмъ бы такая свобода отличалась отъ необходимости? «Богъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, почтилъ человѣка свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго» [1]). «Говорятъ, разсуждаетъ св. Василій Великій, — почему въ самомъ устройствѣ не дано намъ безгрѣшности, такъ что нельзя было бы согрѣшить, хотя бы и хотѣли? Потому же, почему и ты не тогда признаешь служителей исправными, когда держишь ихъ связанными, но когда видишь, что они добровольно выполняютъ предъ тобою свои обязанности» [2]). Возможность зла такъ первоначально необходима и есте-

[1]) Творенія Святыхъ Отецъ. III, 243.
[2]) Твор. Св. Отецъ. VIII, 151, 156.

ственна человѣческой свободѣ, что, и по суду разума, уничтожить эту возможность въ человѣкѣ значило бы тоже, что пересоздать человѣка; точно такъ же, какъ теперь остановить въ человѣкѣ возможность грѣха значило бы тоже, что совершать надъ нимъ постоянное чудо.

Возможность зла представляется намъ страшною въ невинной свободѣ Адама потому, что мы сравниваемъ его возможность съ нашею возможностію, которая перешла въ насъ почти въ необходимость зла или, по крайней мѣрѣ, въ преобладающую наклонность къ злу, въ страсть грѣха. Не слѣдуетъ представлять, что возможность зла, какъ тѣнь, неотлучно преслѣдовала невинную свободу Адама и, какъ внутренній неумолимый искуситель, влекла ее ко грѣху, подобно тому, какъ наша чувственность не даетъ намъ покоя и жадно ищетъ средствъ и случаевъ ко грѣху. Возможность зла въ невинной свободѣ далеко не имѣла такой страшной силы. Несправедливо представляютъ себѣ, что невинная свобода носила въ себѣ возможность зла, какъ плодотворное сѣмя зла, которое точно такъ же, какъ и сѣмя вещественное, будучи брошено въ землю, уже необходимо совершаетъ раскрытіе своихъ возможностей, необходимо начинаетъ свое развитіе. Такая возможность есть скрытая необходимость, и вся вина за осуществленіе такой возможности падала бы на Того, Кто далъ ее. Возможность же зла въ свободѣ невинной—исключительная, единственная и безпримѣрная во всемъ царствѣ сотворенныхъ возможностей. Какъ возможность свободы, она не носила въ себѣ необходимости осуществленія, могла не переходить въ дѣйствительность и навсегда остаться только возможностію. Такая самоопредѣляемая возможность, свободная отъ необходимости осуществленія, не есть дѣло невозможное и въ настоящей свободѣ человѣка. Человѣкъ имѣетъ полную

возможность извѣстнаго грѣха: всѣ условія къ ея осуществленію благопріятны; готовы—и предметъ грѣха, и средства ко грѣху; есть даже—чего не было въ свободѣ невинной—внутреннее, сильное влеченіе ко грѣху. И при всемъ этомъ человѣкъ всегда можетъ оставить свою возможность грѣха одною возможностію—не сдѣлать грѣха. Если свобода уже нечистая и ослабѣвшая можетъ еще подавлять въ себѣ различныя грѣховныя возможности, то эта возможность грѣха, конечно, была несравненно свободнѣе отъ грѣха въ человѣкѣ невинномъ, еще чистомъ и безгрѣшномъ. — Еще неестественнѣе представлять себѣ состояніе невинной свободы какъ состояніе тяжкаго колебанія, какъ внутреннюю борьбу между добромъ и зломъ. Борьба есть уже состояніе свободы падшей или, по крайней мѣрѣ, начинающей паденіе. Колебаніе между добромъ и зломъ предполагаетъ уже не одну простую возможность зла, но влеченіе къ злу, влеченіе неравносильное съ стремленіемъ къ добру, съ которымъ оно борется. Человѣкъ, у котораго сердце двоится, по словамъ Апостола, подобенъ волнѣ морской, вѣтромъ поднимаемой и разбиваемой (Іак. I, 6, 8). Состояніе, конечно не райское.—Несправедливо, наконецъ, представлять себѣ состояніе невинной свободы равновѣсіемъ между добромъ и зломъ, въ которомъ свобода была одинаково доступна и открыта тому и другому, равно повинна и на добро и на зло. Такое воображаемое равновѣсіе есть тоже, что застой, неподвижность, недвижимое коснѣніе, возможное только въ безжизненномъ веществѣ. Адамъ получилъ изъ рукъ Творца могущественныя силы ума и воли, направленныя къ созерцанію и дѣланію добра; на сердцѣ человѣка былъ начертанъ законъ добра, руководитель къ Богу. Слѣдовательно для добра данъ былъ законъ, опредѣленное требованіе; для зла была только возможность. Законъ ума, который въ человѣкѣ падшемъ является желаніемъ добра,

но часто безсильнымъ и безплоднымъ [1]), въ невинномъ состояніи человѣка, конечно, былъ стремленіемъ свѣтлымъ, сильнымъ, безпрепятственнымъ. Сравнивая потребность добра и возможность зла въ первобытной свободѣ, осуществленіе возможности зла, и по суду разума, признаютъ столь неожиданнымъ и неестественнымъ, что за эту неожиданность и неестественность называютъ грѣхъ Адамовъ чудомъ, неизслѣдимою тайною тьмы.

Напрасно сравниваютъ Бога съ отцемъ, который, чтобы испытать сына, намѣренно его вводитъ въ искусительное и опасное состояніе. Богъ *не искушаетъ никого же* (Іак. I, 13), Напротивъ Богъ въ отношеніи къ Адаму подобенъ отцу, который предвидитъ и мудро предупреждаетъ самую возможность искушенія или, по крайней мѣрѣ, всѣми средствами укрѣпляетъ его и приготовляетъ къ подвигу испытанія. Независимо отъ того, что возможность зла въ невинномъ человѣкѣ была слишкомъ слаба въ сравненіи съ крѣпкими силами ума и воли, направленными къ добру, и немощна предъ силою естественнаго закона, написаннаго на сердцѣ человѣка, — независимо отъ этого Богъ Самъ непосредственно содѣйствуетъ Адаму къ укрѣпленію въ добрѣ и предохраняетъ его отъ зла, конечно, въ такой мѣрѣ, чтобы не стѣснять его свободы.

---

1) «Мы знаемъ, что законъ духовенъ, а я плотянъ, проданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ; а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, т. е. въ плоти моей, доброе: потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать добро, прилежитъ мнѣ зло. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ». (Римл. VII, 14—23).

Рай, въ который былъ введенъ первозданный, многіе изъ Отцевъ Церкви представляютъ себѣ не только вещественнымъ, но и духовнымъ. По вещественной сторонѣ, рай былъ блаженнымъ жилищемъ человѣка на землѣ; по духовной сторонѣ, райская жизнь была состояніемъ особенной близости человѣка къ Богу. При такой близости человѣка къ Богу, тѣмъ ужаснѣе представляется его отпаденіе отъ Бога. Изъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ Писанія извѣстно, что въ раю бывали Богоявленія. Богъ непосредственно являлся прародителямъ, бесѣдовалъ съ ними и вводилъ ихъ въ свѣтъ Богопознанія. Озаряя умъ Адама свѣтомъ Своихъ непосредственныхъ явленій и собесѣдованій, Господь Богъ не оставилъ и свободы его безъ подкрѣпленія всемогущею силою Своей благодати. До своего паденія Адамъ постоянно стоялъ подъ ея наитіемъ. «Богъ—пишетъ блаж. Августинъ—далъ человѣку добрую волю; такую волю создалъ въ немъ Создавшій его правымъ. Онъ далъ ему и Свою вспомоществующую силу, безъ которой Адамъ не могъ бы устоять въ добрѣ, еслибы и хотѣлъ; но самое хотѣніе добра было предоставлено его свободной волѣ. Слѣдовательно онъ могъ бы устоять въ добрѣ, еслибы хотѣлъ; потому что съ нимъ была та вспомоществующая сила, которою онъ могъ и безъ которой не могъ бы устоять въ добрѣ. Но что онъ не хотѣлъ устоять, въ этомъ и вина его. Еслибы человѣкъ по своей свободной волѣ не отринулъ благодатнаго вспомоществованія, онъ навсегда пребылъ бы добрымъ; но онъ не отринулъ благодать и былъ отринутъ ею» (О поврежденіи и благодати. XI, 31, 32).

И такъ Адамъ не могъ оправдываться въ своемъ паденіи тѣмъ, чѣмъ думаютъ оправдываться въ грѣхахъ своихъ его потомки. Прародитель не могъ жаловаться ни на тяжесть добродѣтели, ни на немощь своихъ силъ. Силы онъ

имѣлъ могущественныя, направленіе къ добру прямое и безпрепятственное. Путь его былъ путь райскій, свѣтлый, блаженный, на затрудняемый еще внутренними грѣховными влеченіями. Благодать осѣняла его своею всемощною силою. Самъ Богъ былъ его Наставникомъ и Воспитателемъ. Богъ сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать для твари свободной, не стѣсняя ея свободы. Со стороны человѣка требовалось свободное хотѣніе добра. Богу оставалось создать въ Адамѣ самое это хотѣніе, т. е. сокрушить въ немъ свободу, или спасти человѣка безъ его хотѣнія, противъ воли, насильно. Но такое насильное спасеніе или облаженствованіе человѣка и недостойно Бога, даровавшаго свободу, и недостойно человѣка, какъ существа свободнаго. Къ чему бы тогда была и самая свобода.

«Но къ чему говорятъ—заповѣдь? Зачѣмъ среди дня древо познанія, искушеніе, случай грѣха? Зачѣмъ искуситель»?—Что касается до древа познанія, то оно было простое средство, которымъ свобода могла обнаружить принятое ею направленіе къ дóбру или къ злу. Въ пустынѣ при Синаѣ евреи, не имѣя, изъ чего сдѣлать идола, слили его изъ золотыхъ серегъ, которыя они взяли изъ ушей своихъ женъ и дочерей (Исход. гл. XXXII). Не женскія-же украшенія были причиною идолопоклонства. И въ раю человѣкъ, возмечтавшій быть равнымъ съ Богомъ и независимымъ отъ Него, нашелъ-бы и иное средство, которымъ-бы обнаружилъ свое отпаденіе отъ Бога, еслибы и не было запрещеннаго древа. Древо познанія само по себѣ не имѣло никакой особенно обольстительной и искусительной силы. Рай полонъ былъ красивыхъ плодоносныхъ деревъ. Ева, доколѣ не смотрѣла на древо познанія глазами грѣха, не видѣла въ плодахъ его какой нибудь особенной, чрезвычайной красоты. Надобно предположить, что въ прародителяхъ былъ совершенно

дѣтскій разумъ, еслибы ихъ могла обольстить красота древеснаго плода.

«Но зачѣмъ-же заповѣдь»?—«Намъ ввѣренъ былъ рай,—пишетъ св. Григорій Богословъ,—намъ дана была заповѣдь, чтобы, сохранивъ ее, заслужить славу; дана не потому, что Богъ не зналъ будущаго, но потому, что Онъ постановилъ законъ свободы человѣка, почтивъ свободою, Богъ поставилъ его въ раю. Даетъ ему и законъ для упражненія свободы. Закономъ-же была заповѣдь—какими растеніями ему пользоваться и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо познанія, и насажденное въ началѣ не злонамѣренно, и запрещенное не по зависти» [1]).

«Для чего въ раю было древо познанія»?—«Для того,—отвѣчаетъ св. Василій Великій,—что нужна была заповѣдь для испытанія нашего послушанія» [2]). А заповѣдь эта есть тотъ-же внутренній нравственный законъ, только въ его приложеніи къ частному случаю жизни, или къ частному предмету дѣятельности. Общее требованіе нравственнаго закона есть любовь къ Богу, преданность Его волѣ. Но человѣкъ не иначе можетъ выражать свою любовь и преданность Богу, какъ въ частныхъ поступкахъ, въ различныхъ частныхъ случаяхъ своей жизни и дѣятельности. Заповѣдь, какъ частное, опредѣленное выраженіе закона, не только не затрудняла свободу на пути добра, напротивъ, какъ и всѣ заповѣди Божіи, была свѣтомъ, просвѣщающимъ очи человѣка (Псал. XVIII, 9). Проникая мыслію въ заповѣдь, данную Адаму, мы видимъ въ ней свидѣтельство о великой премудрости и благости Заповѣдавшаго. Заповѣдь дана о самомъ частномъ предметѣ, но при своей частности она проявляетъ въ себѣ весь духъ нравственнаго закона,

[1]) Твор. Св. Отецъ. VI, 182; III, 240.
[2]) Тамъ-же. VIII, 150.

всю сущность его требованій—любовь, преданность Богу и этимъ показываетъ человѣку опредѣленный образъ для всей его дѣятельности; опредѣляетъ направленіе всей его жизни—послушаніе, повиновеніе волѣ Божіей. Въ такомъ духѣ понималъ заповѣдь блаж. Августинъ: «Древо—доброе, но не касайся его. Почему? потому что Я—Господь, а ты—рабъ, вотъ вся причина» [1]). Если не Господь, то сама заповѣдь Его говорила Адаму о преданности, покорности Богу: а въ этомъ и вся сущность закона. Богъ ограждаетъ заповѣдь угрозою: *въ онъ же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете.* Нравственный законъ не предсказывалъ чаловѣку смерти. Въ душѣ еще невинной совѣсть была свѣтла и покойна. Въ Своей угрозѣ Богъ открываетъ Адаму то, о чемъ еще не могла говорить ему совѣсть, именно—горькія слѣдствія нарушенія закона и такимъ образомъ заповѣдію восполняетъ законъ и страхомъ усиливаетъ въ человѣкѣ уваженіе къ нему. Наконецъ Богъ провидитъ искушеніе, которому подвергнется человѣкъ отъ діавола. Любовь и преданность къ Богу, Дарователю жизни и всѣхъ райскихъ благъ ея, сильны были спасти человѣка отъ искушенія. Но Богъ даетъ человѣку еще сильное орудіе противъ искусителя—страхъ смерти. Для той-же благой цѣли Онъ даетъ заповѣдь самую легкую и удобоисполнимую: запрещается вкушеніе плодовъ одного только древа. Невозможно придумать заповѣди болѣе легкой, особенно для того, кто владѣлъ цѣлымъ раемъ и всею землею. Запрещенный предметъ не имѣлъ въ себѣ ничего особенно соблазнительнаго; значитъ, тѣмъ легче человѣкъ могъ сохранить заповѣдь, выдержать испытаніе, отразить искусителя. И такъ напрасно многіе сѣтуютъ на древо познанія: оно насаждено было съ

[1]) Размышленіе на псаломъ LXX.

цѣлію мудрою и благою. Заповѣдь, хотя и была ограждена страхомъ смерти, но вела не къ смерти, а къ жизни.

«Но—говорятъ—извѣстное дѣло, что запрещеніе раздражаетъ желаніе».—«Когда чувствуемъ пожеланіе къ предмету,—пишетъ Златоустый,—и намъ запрещаютъ этотъ предметъ, то огнь пожеланія разгорается сильнѣе» [1]). Еще задолго до Златоуста, Мудрый сдѣлалъ наблюденіе, что ворованныя воды (то есть запрещенныя удовольствія) сладки и вкусенъ утаенный хлѣбъ (Притча IX, 17). То-же замѣчаетъ и Апостолъ, что заповѣдь служитъ поводомъ грѣха. *Грѣхъ, взявъ поводъ отъ заповѣди, произвелъ во мнѣ всякое пожеланіе: ибо безъ закона грѣхъ мертвъ* (Римл. VII, 8). Правда, что запрещеніе дѣйствуетъ на насъ какъ возбужденіе или раздраженіе желаній; но такъ-ли оно дѣйствовало на чистую и безгрѣшную волю Адама? Да еслибы и такъ,—то виновата-ли въ этомъ заповѣдь? *я не иначе узналъ грѣхъ, какъ посредствомъ закона. Ибо я не понималъ-бы и пожеланія, еслибы законъ не говорилъ. не пожелай* (Римл. VII, 7). Заповѣдь, указывая человѣку зло, выводитъ его изъ опаснаго невѣдѣнія зла и предостерегаетъ отъ указываемаго зла. Въ волѣ человѣка—воспользоваться предостереженіем или найдти въ немъ указаніе и поводъ къ опытному извѣданію запрещеннаго. Богъ далъ человѣку свободу и оградилъ его свободу заповѣдію. Свобода пала и въ заповѣди нашла только поводъ ко грѣху. Виноватъ въ этомъ не Дарователь свободы и не заповѣдь Его, а падшая свобода. *Что-же скажемъ?* спрашиваетъ Апостолъ. *Неужели отъ закона грѣхъ? Никакъ. Но я не иначе узналъ грѣхъ, какъ посредствомъ закона... Когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ; и такимъ образомъ заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти.*

[1]) Толкованіе на посланіе къ Римлянамъ, стр. 270.

Потому что грѣхъ, взявъ поводъ отъ заповѣди, обольстилъ меня и умертвилъ ею. Посему законъ святъ и заповѣдь свята, и праведна, и добра. И такъ неужели доброе сдѣлалось мнѣ смертоноснымъ? Никакъ, но—грѣхъ (Римл. VII, 7, 9—13). «Въ худомъ употребленіи лекарства,—объясняетъ слова Апостола св. Златоустъ,—виновенъ не врачъ, а больной. Богъ не для того далъ законъ, чтобы имъ воспламенять похоть, а для того, чтобы угашать ее. Хотя вышло и противное, но виновенъ въ томъ не законъ... Что изъ этого, что грѣхъ получилъ поводъ посредствомъ закона? Худому человѣку и доброе приказаніе часто служитъ поводомъ сдѣлаться еще порочнѣе. Такъ діаволъ погубилъ Іуду, ввергнулъ въ сребролюбіе и содѣлалъ татемъ принадлежащаго нищимъ. Но не ввѣренный ему денежный ящикъ былъ причиною его погибели, а худое расположеніе воли. Оно же изгнало изъ рая Адама и Еву, погубивъ ихъ вкусить отъ древа. И не древо было въ томъ виною, хотя имъ поданъ поводъ» [1]).

«Но съ какою-же—говорятъ—цѣлію допущенъ въ рай искуситель и при томъ столь хитрый и сильный въ злѣ»?—Разсуждая, что зло не отъ Бога, св. Василій Великій предвидитъ и разрѣшаетъ вопросъ о діаволѣ. «Откуда діаволъ, если зло не отъ Бога? Что скажемъ на сіе? То, что и на сей вопросъ достаточно намъ того-же разсужденія, какое представлено о лукавствѣ въ человѣкѣ. Ибо почему лукавъ человѣкъ?—По собственному своему произволенію. Почему золъ діаволъ?—по той-же причинѣ [2]). Діаволъ не созданъ злымъ: онъ палъ гордостію и сдѣлался искусителемъ и врагомъ человѣка по зависти. «Отчего у него брань съ нами?—продолжаетъ св. Василій Великій. Оттого, что, ставъ вмѣ-

[1]) Толков. на посл. къ Римлянамъ, стр. 270, 274.
[2]) Твор. Св. Отецъ. VIII, 157.

стилищемъ всякаго порока, принялъ въ себя и болѣзнь зависти и позавидовалъ нашей чести, ибо видя, что самъ низринутъ изъ Ангеловъ, не могъ равнодушно смотрѣть, какъ земнородный чрезъ преуспѣяніе возвышается до ангельскаго достоинства»[1]). Богъ не возбраняетъ діаволу искушать человѣка потому-же, почему не возбраняетъ и человѣку сорвать смертоносный плодъ съ древа познанія. Для этого Богу надлежало-бы ограничить ихъ свободу, даже отнять ее у нихъ, но *дары Божіи непреложны* (Римлянамъ XI, 29). Двери рая отверсты искусителю; путь къ древу познанія открытъ человѣку, потому что и искуситель, и искушаемые—существа свободныя, и добро и зло должно быть дѣломъ ихъ свободнаго избранія, а не физической необходимости или нравственнаго принужденія. Адамъ не ребенокъ, чтобы насильно отводить его отъ искусителя и укрывать отъ него опасные предметы. Діаволъ является въ рай не какъ притѣснитель человѣка, готовый употребить противъ него насиліе и принужденіе, но какъ обольститель, который могъ дѣйствовать хитростію, совѣтомъ, внушеніемъ, т. е. тѣми орудіями, которыя хотя могутъ дѣйствовать на свободу, но не могутъ ее принудить, стѣснить, приневолить. Богъ даровалъ Адаму крѣпкій и свѣтлый умъ, душу чистую, укрѣпилъ сердце его пріугожденною любовью къ добру, вооружилъ его страхомъ смерти, оградилъ свободу его заповѣдію ясною, опредѣленною, легкою, облекъ его силою Своей благодати, Самъ непосредственно являясь ему, былъ его Наставникомъ и Воспитателемъ. Послѣ этого какой-же искуситель могъ быть опасенъ для Адама? Какое искушеніе могло пересилить волю его, кромѣ искушенія собственною похотію, которая и дѣйствительно зачала и родила грѣхъ? (Іак. I, 14, 15). Богъ, по увѣренію

[1]) Твор. Св. Отецъ. VIII, 157.

Апостола, не допускаетъ искушенія, которое было-бы не по силамъ искушаемому (1 Кор. X, 13).

Діаволъ искушеніемъ самъ начинаетъ вражду, или открываетъ борьбу съ человѣкомъ. Богъ попускаетъ эту борьбу, но, по Своей неизслѣдимой мудрости, нисколько не стѣсняя свободы враговъ, направляетъ эту борьбу къ пораженію и униженію искусителя и къ торжеству и возвышенію человѣка. Въ борьбѣ съ діаволомъ раскрываются и крѣпнутъ нравственныя силы человѣка. Зло, измышленное и введенное въ міръ діаволомъ, не переставая быть зломъ, служитъ благимъ и мудрымъ цѣлямъ Міроправителя. Никто не станетъ спорить, что въ общемъ ходѣ судебъ человѣческихъ добро торжествуетъ надъ зломъ. Большинство разумныхъ тварей достигаетъ предназначенной имъ цѣли,—но прочіе гибнутъ. Зачѣмъ же, говорятъ, Богъ создалъ существа, о которыхъ зналъ, что они не устоятъ въ добрѣ и погибнутъ? Не больше ли было бы благости — вовсе не давать имъ жизни, чѣмъ дать ее на погибель? Подобные вопросы волновали душу одного изъ мужей близкихъ къ Богу. *Лучше было не давать земли Адаму,* говоритъ Ездра, *или, когда уже дана, удержать его, чтобы не согрѣшилъ. Что пользы людямъ—въ настоящемъ вѣкѣ жить въ печали, а по смерти ожидать наказанія? Что пользы намъ, если намъ обѣщано безсмертное время, а мы дѣлали смертныя дѣла? Намъ показанъ будетъ рай, но мы не войдемъ въ него* (3 Ездры VII, 46, 47, 49, 53, 54). Припомнимъ здѣсь слова Апостола. *Ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ-ли сдѣлавшему его: зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ? Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той-же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія а другой для низкаго?* (Римл. IX, 20, 21). Конечно, человѣкъ не могъ бы препираться съ Богомъ и требовать

у Него отчета даже и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ дѣйствительно былъ созданъ на погибель. Но да идетъ отъ насъ такая мрачная мысль. Въ приведенныхъ словахъ Апостолъ ограничиваетъ только необузданную пытливость человѣческаго разума, который дерзко стремится проникнуть въ глубочайшіе планы Міроправителя, и научаетъ человѣка смиренной преданности и покорности Богу премудрому и благому, а вовсе не проповѣдуетъ намъ божество мрачное и безсердечное, подобное судьбѣ, которую выдумали и предъ которою трепетали язычники. Богъ, въ котораго мы вѣруемъ и о которомъ возвѣщаетъ намъ откровенное слово Его, не есть только *всемогущая* сила. «Еслибы у насъ кто спросилъ,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—что мы чествуемъ и чему покланяемся?—то отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь. Ибо, по изреченію св. Духа, *Богъ* нашъ *любы есть* (I Іоан. IV, 8), и наименованіе сіе благоугоднѣе Богу всякаго другаго имени [1]). Движимый безпредѣльною благостію, Богъ воззываетъ къ бытію существа Себѣ близкія и подобныя, сознательныя и свободныя, назначаетъ цѣлію бытія ихъ участіе въ своемъ собственномъ блаженствѣ, провидитъ ихъ паденіе, но и предопредѣляетъ ихъ спасеніе. Въ предвѣчномъ совѣтѣ Тріединаго Божества опредѣлено и сотвореніе человѣка, и искупленіе его; поэтому Спаситель нашъ и называется Агнцемъ, закланнымъ прежде сложенія міра (Апокал. XIII, 8). Еслибы для тѣхъ, — разсуждаетъ св. Дамаскинъ,—которые, по благости Божіей, предназначены къ бытію, послужило препятствіемъ къ полученію бытія то, что они по собственному произволенію сдѣлаются злыми, то зло побѣдило бы благость Божію» [2]). Если провидѣнная Богомъ погибель грѣшныхъ, какъ разсуждаютъ нѣкоторые,

[1]) Твор. Св: Отецъ. II, 231.
[2]) Точное изложеніе православной вѣры, стр. 287,

могла бы остановить Творческую благость, восхотѣвшую создать разумныхъ тварей, то почему же обратно блаженство праведныхъ и спасенныхъ, также провидѣнное Богомъ, не могло подвигнуть Его къ творенію? И тогда какъ погибающіе во грѣхахъ по своей злой волѣ, при всѣхъ средствахъ спасенія, дерзаютъ роптать на Жизнодателя и на благость Его, милліоны разумныхъ существъ ликуютъ и славословятъ Творца за радости блаженнаго бытія. Неужели же хотятъ, чтобы въ глазахъ Божіихъ зло было дороже добра, такъ чтобы изъ-за зла Богъ отказалъ въ бытіи и добру? И по человѣческимъ соображеніямъ, и неблаго, и неправедно—изъ-за гибели немногихъ лишать блаженства многихъ. «Богъ зналъ,—пишетъ св. Златоустъ,—что Адамъ падетъ; но видѣлъ, что отъ него произойдутъ Авель, Еносъ, Енохъ, Ной, Илія, произойдутъ пророки, дивные Апостолы—украшеніе естества, и богоносимыя облака мучениковъ, источающія благочестіе» [2]).

«Но—скажутъ—каждый дорогъ самъ себѣ».—Не только себѣ, но и Богу. Самъ Господь увѣряетъ насъ, что на небѣ бываетъ радость и объ одномъ грѣшникѣ кающемся. (Луки XV, 7). И чего Богъ не сдѣлалъ и чего не дѣлаетъ, чтобы грѣшникъ не погибалъ во грѣхахъ, а покаялся и обратился? Но перестанемъ поправлять Премудраго. Перестанемъ доискиваться того, что было бы лучше сотвореннаго Имъ. Хотя отъ насъ сокрыты причины частныхъ Его распоряженій, однакожъ утвердимъ въ душахъ своихъ слѣдующее положеніе: отъ Благаго не бываетъ никакого зла.

[2]) Библіотека Фотія. CCCXXVII, стр. 1548.

4. Что такое смерть?

По своему *происхожденію* смерть есть слѣдствіе или произведеніе грѣха, или, какъ говоритъ Апостолъ, *оброкъ грѣха* (Римл. VI, 23). Она есть казнь безсмертнаго человѣка, которою онъ пораженъ за преслушаніе заповѣди Божіей.

По своему *внѣшнему проявленію*, смерть есть разлученіе души съ тѣломъ, соединенныхъ волею Божіею и волею Божіею опять раздѣляемыхъ. Смертію человѣкъ болѣзненно разсѣкается и раздирается на двѣ части, его составляющія, и по смерти нѣтъ уже полнаго человѣка: отдѣльно существуетъ душа его и отдѣльно тѣло. Послѣднее, повергаясь во власть земныхъ стихій, подвергается тлѣнію и разрушенію. *И возвратится персть* (тѣло) *въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его*. (Екклез. XII, 7).

По своей *внутренней, таинственной сторонѣ* смерть есть конецъ земной, временной жизни и начало иного, вѣчнаго житія, есть неизбѣжный путь, которымъ человѣкъ вступаетъ въ будущую жизнь. Поэтому первенствующіе христіане называли обыкновенно день кончины вѣрующаго *днемъ рожденія* его для вѣчной жизни со Христомъ.

5. Противоестественность смерти.

Нѣтъ ничего достовѣрнѣе и неизбѣжнѣе смерти. *Кто изъ людей жилъ и невидѣлъ смерти*? (Псал. LXXXVIII, 49). Ежедневный опытъ представляетъ намъ смерть, тлѣніе и разрушеніе. Милліоны людей до насъ отдали неизбѣжную дань смерти и на нашихъ глазахъ смерть похищаетъ неумолимо и безвозвратно свои жертвы. Въ свою очередь и—

Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ...

И несмотря на то, нѣтъ ничего для человѣка ужаснѣе и ненавистнѣе смерти. Почему же это? Отчего человѣкъ такъ отвращается смерти? Еслибы смерть была естественнымъ, нормальнымъ явленіемъ, въ такомъ случаѣ она не возбуждала бы въ насъ такого ужаса и отвращенія, мы не считали бы ея такимъ великимъ зломъ, такимъ страшнымъ бичемъ, не видѣли бы въ ней самаго непримиримаго нашего врага. Но дѣло въ томъ, что смерть есть противорѣчіе нашей безсмертной природѣ. «Напрасно намъ говорятъ о листьяхъ, что они желтѣютъ и падаютъ; о временахъ года, что они имѣютъ каждое свою чреду и конецъ; тщетно усиливаются убѣдить насъ—смотрѣть на смерть какъ на естественное отправленіе жизни и примирить насъ съ фактомъ смерти тѣми или другими аналогіями (сравненіями), почерпнутыми изъ жизни природы: наша душа страшится и отвращается смерти какъ смерти, въ какомъ бы видѣ она ни являлась ей» [1]). Съ одной стороны болѣзненность смерти, а съ другой—тотъ непреодолимый страхъ и ужасъ, который проникаетъ все существо человѣческое при ея приближеніи, непререкаемо свидѣтельствуютъ о томъ, что тѣлесная смерть не есть естественное, мирное разлученіе души съ тѣломъ, а представляетъ собою разрывъ насильственный и неестественный. Древніе еретики пелагіане учили, что только духовная смерть есть наказаніе за грѣхъ, а смерть тѣлесная есть естественное устроеніе. Опровергая эту мысль еретиковъ, блаж. Августинъ между прочимъ обращаетъ вниманіе и на

[1]) *Эрнестъ Навиль*, вопросъ о злѣ. Переводъ священника Протопопова. Стр. 34.

ужасающую силу смерти. «Если смерть,—говоритъ онъ,— отторгающая душу отъ тѣла, не есть смерть карательная, то почему же природа наша боится ея? Что за причина, что и дитя, едва только выйдетъ изъ младенчества, уже трепещетъ при видѣ смерти? Почему мы не смотримъ на смерть такъ же покойно, какъ на сонъ? Почему считаемъ великими людьми тѣхъ, которые не боятся смерти, и почему такіе люди столь рѣдки? Почему и тотъ, который какъ самъ говоритъ, желаетъ разрѣшиться и быть со Христомъ (Филип. I, 23), не хочетъ однако раздѣться, но пріодѣться, чтобы смертное поглощено было жизнію (2 Кор. V, 4). И не сказано ли было Петру о его славной кончинѣ: *инъ тя пояшетъ и ведетъ, аможе не хощеши* (Іоан. XXI, 18). Если душа по самому естеству не хочетъ отторгнуться отъ тѣла, то, значитъ, смерть есть наказаніе, хотя милость Божія и обращаетъ ее во благо». Онъ же (Августинъ) приводитъ слова Златоустаго изъ бесѣды на воскресеніе Лазаря: «Плакалъ Христосъ надъ Лазаремъ о томъ, что діаволъ сдѣлалъ смертными тѣхъ, которые могли бы быть безсмертными».

Страхъ и томленіе свойственны каждому человѣку при его кончинѣ. Это и должно быть такъ: смерть есть казнь. Хотя эта казнь и смягчается иногда для праведниковъ, но всетаки казнь остается казнію. Самъ Богочеловѣкъ, приготовляясь къ принятію вольной смерти, для спасенія рода человѣческаго, былъ въ подвигѣ, скорбѣлъ и тужилъ; капли пота Его падали на землю каплями крови. *Прискорбна есть душа Моя до смерти* (Матѳ. XXVI, 38), сказалъ Онъ Апостоламъ, уснувшимъ отъ печали и не чувствовавшимъ приближавшейся напасти. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (—ст. 39),—такъ молился Онъ Отцу.—Предсмертный страхъ ощущала Пресвятая Дѣва Богоматерь предъ своимъ блаженнымъ Успеніемъ, хотя Ей предвозвѣщены были Архангеломъ Гавріиломъ Ея переселеніе въ горнія обители и слава, ожидающая Ее тамъ, хотя Духъ Святый, обильно обитавшій въ Ней, увлекалъ всѣ помышленія и всѣ желанія Ея на небо [1]).

«Содержитъ нынѣ душу мою страхъ великъ, трепетъ неисповѣдимъ и болѣзненъ есть, всегда изыти ей отъ тѣлесе, Пречистая, юже утѣши» [2]).

6. Благотворная цѣль смерти.

Будучи слѣдствіемъ и наказаніемъ грѣха, смерть есть вмѣстѣ съ тѣмъ и благодѣяніе Божіе къ грѣшнику. Человѣкъ своимъ грѣхомъ самъ издалъ себѣ смерть. Богъ попускаетъ ее, но дѣлаетъ ее кончиною грѣха, ею же наказывая грѣшника, ею же и милуя. Смерть—благодѣяніе человѣку, потому что она изводитъ душу изъ земной суеты и крушенія, освобождаетъ отъ земныхъ скорбей и бѣдствій, порожденныхъ грѣхомъ, а главное—пресѣкаетъ и оканчиваетъ путь самаго грѣха. Смерть есть то убѣжище, въ которое скрывается человѣкъ отъ грѣховныхъ волненій и искушеній. Грѣховный пламень, разжигаемый на землѣ соблазнами, по смерти необходимо ослабѣваетъ, лишенный пищи. Смертію отнимается у души все, что дѣлаетъ грѣхъ обольстительнымъ для чувственности. Чѣмъ меньше успѣетъ душа надѣлать грѣховъ на землѣ, тѣмъ легче и отраднѣе будетъ состояніе ея за гробомъ. По такому рѣшительному вліянію смерти на вѣчную будущность души, смерть дѣйствительно есть великое благодѣяніе для человѣка.

[1]) Четьи-Минеи 15 августа.

[2]) Канонъ молебный на исходъ души, пѣснь 1-я, тропарь 3-й.

«Человѣкъ подвергнулся смерти», разсуждаетъ св. Ѳеофилъ (въ посланіи къ Автолику), «но и въ семъ случаѣ Богъ оказалъ ему великое благодѣяніе, именно—тѣмъ, что не оставилъ его вѣчно пребывать во грѣхѣ. Богъ выгналъ человѣка изъ рая какъ бы въ ссылку, чтобы человѣкъ въ теченіе извѣстнаго времени очистилъ свой грѣхъ и, вразумленный наказаніемъ, снова возвращенъ былъ въ рай. Какъ какой-нибудь сосудъ только-что сдѣланный, если откроется въ немъ какой недостатокъ, переливается или передѣлывается, чтобы былъ новый и цѣлый: то не бываетъ и съ человѣкомъ въ смерти. Для того онъ и сокрушается ея силою, чтобы во время воскресенія былъ здравъ, то есть чистъ, праведенъ и безсмертенъ». Св. Василій Великій видитъ въ смерти избавленіе отъ безсмертнаго недуга. Св. Григорій Богословъ признаетъ смерть пріобрѣтеніемъ для грѣшника въ странѣ изгнанія. «Чрезъ грѣхъ дѣлается человѣкъ изгнанникомъ, удаляемымъ въ одно время и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога. Впрочемъ и здѣсь пріобрѣтаетъ нѣчто, именно—смерть, въ пресѣченіе грѣха, чтобы зло не стало безсмертнымъ. Такимъ образомъ самое наказаніе дѣлается человѣколюбіемъ [1])». Какъ грѣхъ отдѣлилъ человѣка отъ Бога, такъ смерть отдѣляетъ его отъ діавола. «За грѣхъ», по словамъ Златоустаго, «Господомъ благодѣтельно установлена смерть. Адамъ изгоняется изъ рая, чтобы не смѣлъ болѣе прикасаться къ древу, постоянно поддерживающему жизнь, и не грѣшилъ безконечно. Значитъ, изгнаніе изъ рая есть дѣло больше попечительности Божіей о человѣкѣ, нежели гнѣва [2])». «Сократилъ Ты продолженіе жизни нашей», прославляетъ св. Ефремъ Сиринъ Бога; «самая большая мѣра ея—семьдесятъ лѣтъ. Но мы грѣшимъ предъ Тобою въ

[1]) Творенія Св. Отецъ. III, 244.
[2]) На книгу Бытія бесѣда XVIII въ христ. чтеніи 1851 г.

семьдесятъ кратъ седмерицею. По милосердію сократилъ Ты дни наши, чтобы не удлиннялся рядъ грѣховъ нашихъ [1])». И ветхозавѣтные праведники прозрѣвали подъ грознымъ видомъ смерти ея благодѣтельную силу. Поэтому они называли смерть изведеніемъ души изъ темницы (Псал. CXLI, 8), отпущеніемъ души (Луки II, 20), и не только безъ страха вступали въ долину смертной тѣни (Псал. XXII, 4), но и тяжко воздыхали о продолжительности своего земнаго пришельствія (Псал. CXIX, 5).

И въ благодатномъ царствѣ Христовомъ, когда держава смерти разрушена крестною смертію Христа Спасителя и вѣрующіе въ Него искуплены и оправданы отъ грѣха первороднаго, смерть равнымъ образомъ необходима для совершеннаго очищенія и истребленія зла изъ природы человѣка, потому что корень его заключается въ самомъ плотскомъ зачатіи и слѣдовательно какъ бы въ союзѣ, связывающемъ тѣло съ душою; а потому это зло, то есть грѣхъ, не иначе можетъ быть истреблено, какъ только съ расторженіемъ этого союза. Сколько бы ни очищалъ себя человѣкъ на землѣ и какъ бы ни усовершался въ святости, онъ не можетъ однако же совершенно истребить въ себѣ самый корень грѣха и достигнуть такого состоянія, чтобы не тяготиться тѣломъ и не воздыхать вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: *Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти* (Римл. VII, 24).

Смерть, изреченная древле какъ угроза и опредѣленная какъ наказаніе первому грѣшнику, наконецъ возвѣщается какъ успокоеніе отъ трудовъ, на которые осужденъ воздѣлыватель земли и на которые осудилъ себя дѣлатель суеты и грѣха. Тайнозритель пишетъ: *И услышалъ я голосъ съ неба, говорящій мнѣ: отнынѣ блаженны мерт-*

[1]) Твор. св. Отецъ. XVIII. 211.

вые, умирающіе въ Господѣ. Ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ (Апокал. XIV, 13).

7. Смертный часъ.

Смерть—великое и страшное таинство. И самое таинство. И самое таинственное и ужасное въ этомъ таинствѣ это—самый моментъ разлученія души съ тѣломъ, то, что совершается во внутреннемъ состояніи умирающаго человѣка, или переходъ, перерожденіе человѣка изъ жизни тѣлесной въ жизнь чисто духовную, изъ временной—въ вѣчную.

«Вотъ наступаетъ послѣдній часъ человѣка въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, приблизившая его къ смерти, уже прекратилась; она подорвала основы тѣлеснаго организма и сдѣлала его уже неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ настоящемъ его видѣ, и тѣло уже не служитъ духу. Тогда жизнь души начинаетъ отторгаться отъ частей и органовъ тѣла, къ которымъ была прирождена и въ которыхъ доселѣ дѣйствовала. Судорожныя движенія и необычайныя сотрясенія всего организма показываютъ, какъ усильно, какъ жестоко это отрѣшеніе души отъ тѣла; и чѣмъ крѣпче организмъ, чѣмъ сильнѣе была привязанность духа къ тѣлу, тѣмъ сильнѣе эти сотрясенія, потому что тѣмъ болѣе силы нужно духу, чтобы оторваться отъ тѣла. Какъ страшно уже это одно зрѣлище! Но всмотритесь ближе: вы увидите, что тутъ ни одни физическія страданія. Трепещетъ душа, чувствуя свое невольное, быстрое приближеніе къ вѣчности; въ трепетѣ она силится какъ будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе ее ожидаютъ,

или овладѣть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройдти. Но эти порывы, подавляемые болѣе и болѣе приближающеюся смертію, производятъ только то невыразимое возбужденіе и раздраженіе всѣхъ силъ и чувствъ души, которыя кладутъ еще болѣе страшную печать на лице и на все состояніе умирающаго. Да, въ часъ смерти овладѣть собою и самимъ путемъ смертнымъ и всѣми его ужасами—какая это неизобразимая задача! И я не думаю, чтобы та отчаянная храбрость, которая, немного думая о жизни и смерти, а еще менѣе о вѣчности, смѣло несется навстрѣчу смерти, какъ напримѣръ въ битвѣ со врагомъ или въ самоубійствѣ, вѣрно рѣшала эту задачу. Эта храбрость слѣпа и потому такъ отважна только до момента самой смерти; а въ моментъ смерти душа прозрѣваетъ,—и скажи мнѣ ты, смѣлая душа, будешь ли ты такъ же смѣла передъ тѣмъ, что тогда увидишь?

Въ то время, какъ въ низшихъ степеняхъ и силахъ душевной жизни, въ тѣхъ, которыми душа непосредственно привязана къ тѣлу, происходитъ эта ужасная предсмертная борьба,—во внутреннѣйшей жизни духа, въ высшей сферѣ его духовнаго бытія совершается другое. Тамъ слабѣе узы тѣла; поэтому духъ человѣка скорѣе и легче отрѣшается отъ условій временной жизни, и тогда какъ внизу его долго еще длится борьба, онъ у себя вверху самъ собою освобождается, и еще прежде рѣшительной смерти тѣла онъ уже витаетъ какъ-будто внѣ тѣла. Такъ случается, что въ часъ кончины, еще не совершившейся, человѣкъ, или правильнѣе сказать—духъ его, въ земномъ образѣ, является въ отдаленіи отъ тѣла близкимъ по сердцу людямъ. Но человѣку начинаетъ уже открываться и вѣчность; онъ уже подходитъ къ рубежу ея. Онъ еще видитъ, хотя тускло и нераздѣльно, земные предметы; еще слышитъ, хотя и неразборчиво, здѣшніе звуки; еще ощущаетъ въ себѣ, хотя

и смѣшанно, земныя чувства: но уже сказывается ему и другая жизнь. Онъ замѣчаетъ предметы и явленія, невидимые для другихъ, слышитъ необыкновенные звуки, прозрѣваетъ то, что намъ не можетъ быть извѣстно естественнымъ порядкомъ. Еще нѣсколько минутъ—и человѣкъ переступаетъ въ вѣчность. Какъ вдругъ измѣняется форма его бытія: духъ его видитъ самого себя, свое собственное существо, какъ не видѣлъ его въ тѣлѣ; онъ видитъ предметы и самые отдаленные уже не тѣлесными глазами, а непосредственнымъ разумомъ и то, что прежде онъ могъ постигать только разумомъ, теперь онъ видитъ какъ-бы глазами; онъ говоритъ не члено-раздѣльными звуками слова, а мыслію, и то, что прежде онъ могъ представить себѣ только въ мысляхъ, теперь уже выражаетъ какъ-бы словомъ; не руками осязаетъ предметы, а ощущеніями и чувствами; и предметы самые тонкіе и прежде для него неуловимые и неосязаемые онъ теперь обнимаетъ въ ощущеніяхъ, какъ-бы въ рукахъ; движется не ногами, а одною силою воли; и то, къ чему прежде онъ могъ приближаться съ великимъ трудомъ медленно, черезъ большія пространства мѣста и времени, теперь онъ настигаетъ мгновенно: никакія вещественныя препятствія его уже не задерживаютъ. Теперь и прошедшее ему видно, какъ настоящее, и будущее не такъ сокрыто, какъ прежде; и нѣтъ уже для него раздѣленія времени и мѣстъ: нѣтъ ни часовъ, ни дней, ни годовъ, ни вѣковъ, нѣтъ разстояній ни малыхъ, ни большихъ, все сливается въ одинъ моментъ—вѣчность, вѣчность никогда не оканчивающуюся и всегда только еще начинающуюся; все соединяется въ одну точку зрѣнія, и эта точка зрѣнія не подлежитъ никакимъ измѣреніямъ. Что-же онъ видитъ и чувствуетъ? Невыразимымъ ужасомъ поражаетъ его открывшаяся вѣчность; ея безпредѣльность поглощаетъ его ограниченное существо; всѣ его мысли и чувства теряются въ ея безконечности. Онъ видитъ предметы, для которыхъ у насъ нѣтъ ни образовъ, ни названія; слышитъ то, что на землѣ не можетъ быть изображено никакимъ голосомъ и звукомъ; его созерцанія и ощущенія не могутъ быть выражены у насъ ни на какомъ языкѣ и никакими словами. Онъ находитъ свѣтъ и мракъ, но не здѣшній: свѣтъ, передъ которымъ наше яркое солнце свѣтило-бы менѣе, чѣмъ свѣча передъ солнцемъ; мракъ, передъ которымъ наша самая темная ночь была-бы яснѣе дня. Онъ встрѣчаетъ тамъ и подобныя себѣ существа и узнаетъ въ нихъ людей, также отшедшихъ изъ здѣшняго міра. Но какое измѣненіе! Это уже не здѣшнія лица и не земныя тѣла: это однѣ души, вполнѣ раскрывшіяся со всѣми ихъ внутренними свойствами, которыя и облекаютъ ихъ соотвѣтственными себѣ образами. По этимъ образамъ души узнаютъ другъ друга; а силою чувства узнаютъ тѣхъ, съ которыми сближались въ здѣшней жизни. Потомъ встрѣчаются духу существа также сродныя ему по естеству, но такія, которыхъ одно приближеніе даетъ ему чувствовать неизмѣримо высшую надъ нимъ силу ихъ. Одни изъ нихъ выходятъ изъ глубины безпредѣльнаго мрака, и все существо ихъ—мракъ и зло; они мыслятъ, дѣйствуютъ, живутъ одним злом; неизобразимыя страданія въ нихъ самихъ и отъ нихъ другимъ скорбь и гибель отличаютъ ихъ каждое движеніе и дѣйствіе. Но это еще въ низшихъ сферахъ духовнаго міра, ближайшихъ къ міру земному. А тамъ, далѣе, духъ видитъ безконечное море непостижимаго свѣта, изъ котораго выходятъ другія существа еще болѣе могучія: ихъ природа и жизнь—одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный свѣтъ наполняетъ все существо ихъ и сопровождаетъ каждое движеніе.

«Итакъ въ этомъ чудномъ мірѣ духъ человѣка, ничѣмъ

не стѣсняемый, и силою своей духовной природы, и неодолимою силою притяженія сроднаго ей міра, летитъ, летитъ все далѣе и далѣе, до того мѣста, или лучше сказать,—до той степени, до какой могутъ достигать его духовныя силы, и весь поразительнымъ для него образомъ перерождается. Тотъ-ли это духъ, который жилъ въ человѣкѣ на землѣ, духъ ограниченный и связанный плотію, едва замѣтный подъ массою тѣла, всецѣло ему служащій и порабощенный такъ, что безъ тѣла, повидимому, и жить и развиваться не могъ? Тотъ-ли это духъ немощный, съ такимъ трудомъ развивавшій здѣсь и не широкія свои идеи, и не глубокія чувства, и не сильныя стремленія, такъ часто и легко падавшій подъ бременемъ чувственности и всѣхъ условій земной жизни? Тотъ-ли наконецъ это духъ, въ которомъ и добро было большею частію только въ сѣмени, и зло скрывалось глубоко, такъ что онъ почти не сознавалъ самъ въ себѣ ни того, ни другаго, и такъ было въ немъ все нетвердо и перемѣшано, что и добро побѣждалось зломъ, и во злѣ проглядывало иногда добро, и нерѣдко являлось одно подъ видомъ другаго? Теперь что съ нимъ сталось? Теперь все—и доброе, и худое, быстро съ неудержимою силою раскрывается; его мысли, чувства, нравственный характеръ, страсти и стремленія воли—все это развивается въ необъятныхъ размѣрахъ; онъ самъ ихъ ни остановить, ни измѣнить, ни побѣдить не можетъ; безпредѣльность вѣчности увлекаетъ и ихъ до безконечности; его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло; его зло дѣлается безконечнымъ; его скорби и духовныя болѣзни обращаются въ безпредѣльныя страданія. Представляете-ли вы себѣ весь ужасъ такого состоянія? Твоя душа теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая въ себѣ зло, тамъ явится злою до безконечности; твое худое чувство, здѣсь еще чѣмъ-нибудь сдержанное, если ты не

искоренишь его здѣсь, обратится тамъ въ бѣшенство. Если ты здѣсь владѣешь собою, тамъ ты уже ничего не можешь съ собою сдѣлать: все въ тебѣ и съ тобою перейдетъ туда и разовьется въ безконечность. Чѣмъ ты тогда сдѣлаешься? Если ты здѣсь не хорошъ, то тамъ будешь темнымъ, злымъ духомъ. О, тогда ты самъ себя не узнаешь, или нѣтъ—ты тогда слишкомъ хорошо узнаешь себя и еще гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. Помощи никакой и ни откуда уже не будетъ, и понесетъ тебя твое зло собственнымъ своимъ тяготѣніемъ туда, гдѣ живетъ вѣчное, безконечное зло, въ сообществѣ темныхъ, злыхъ силъ. И на этомъ пути ты ни остановиться, ни возвратиться не можешь, и во вѣки вѣковъ ты будешь страдать—чѣмъ? Бѣшенствомъ отъ твоего собственнаго зла, которое не подастъ тебѣ уже никакой надежды къ лучшему и не дастъ тебѣ покоя въ самомъ себѣ,—и отъ той злой среды, которая будетъ сильнѣе тебя, будетъ вѣчно окружать тебя и терзать тебя безъ конца.

«Что-же душа добрая,—что съ нею? И добро также раскроется во всей полнотѣ и силѣ; оно будетъ развиваться со всею свободою, которой здѣсь не имѣло, обнаружитъ все свое внутреннее достоинство, здѣсь большею частію сокрытое, неузнаваемое и неоцѣняемое, весь свой внутренній свѣтъ, здѣсь всячески затемняемый все свое блаженство, здѣсь непостигаемое и подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа всею силою своего природнаго, нравственно развитаго и добродѣтельно возвышеннаго стремленія горѣ, въ высшія сферы того міра, туда, гдѣ въ безконечномъ свѣтѣ живетъ Источникъ и Первообразъ всякаго добра, въ сообщество свѣтлыхъ, чистѣйшихъ существъ, и сама сдѣлается ангеломъ, т. е. такимъ-же чистымъ, свѣтлымъ, блаженнымъ существомъ. Безпредѣльная любовь будетъ соединять и съ Богомъ, съ Ангелами и подобными ей душами. Она будетъ уже во вѣки тверда въ

своемъ добрѣ, и никакое зло—ни внутреннее, ни внѣшнее, не можетъ уже колебать ее, ни измѣнить ее, ни повредить ея блаженному состоянію. Но и не праздно будетъ душа жить и наслаждаться своимъ добромъ и блаженствомъ; она будетъ дѣйствовать—дѣйствовать своимъ уже ни чѣмъ не затемняемымъ, незаблуждающимъ, а просвѣтленнымъ умомъ, въ созерцаніи и постиженіи тайнъ, здѣсь неразгаданныхъ и неизвѣстныхъ, тайнъ Бога, мірозданія, себя самой и вѣчной жизни; будетъ дѣйствовать всею силою уже ничѣмъ нестѣсняемыхъ и неповреждаемыхъ чувствъ сердца, въ развитіи своей новой, высшей жизни; будетъ дѣйствовать всею крѣпостью своихъ духовныхъ, ничѣмъ неудержимыхъ и неразвлекаемыхъ въ разныя стороны стремленій воли по пути, указанному ей судомъ высшей Правды и Любви, къ цѣлямъ, опредѣленнымъ въ предвѣчныхъ идеяхъ царства Божія.

«Что еще сказать вамъ? Я показалъ только переходъ человѣка въ вѣчность и, такъ сказать, общія основанія загробной жизни. На всякіе дальнѣйшіе вопросы я долженъ отвѣчать: не спрашивайте» [1]).

Мы не имѣемъ ни одного непосредственнаго свидѣтельства о томъ, какъ совершается переходъ человѣка изъ временной жизни въ вѣчную: надъ концомъ жизни человѣческой простерта рукою самого Промысла Божія непроницаемая завѣса. «Кто можетъ приподнять ее хотя отчасти?— Всего бы ближе ожидать сего отъ тѣхъ, кои прошли уже вратами смерти, отъ толикаго числа усопшихъ братій нашихъ. Но—доколѣ они были еще предъ сими вратами, дотолѣ, безъ сомнѣнія, сами не знали, что ихъ срѣтитъ тамъ; а когда прошли ихъ, и сіи врата затворились за

1) *Іоанна*, епископа Смоленскаго, бесѣда въ день Успенія Божіей Матери (15 августа 1867 г.).

ними, для нихъ нѣтъ возможности оглянуться назадъ и сказать намъ, что было съ ними, когда они проходили ихъ.

«Еще болѣе можно бы ожидать разъясненія для насъ великой тайны смерти отъ тѣхъ, коимъ дано было, оставивъ эту жизнь, перейдти объ онъ-полъ бытія земнаго и потомъ возвратиться назадъ къ намъ, въ этотъ міръ, то есть отъ людей, воскрешенныхъ изъ мертвыхъ. Немного таковыхъ было во всей исторіи человѣчества, и однако не были таковые, именно тѣ, кои напримѣръ воскрешены были изъ мертвыхъ Спасителемъ нашимъ, какъ напримѣръ праведный Лазарь. Безъ сомнѣнія, современники таковыхъ людей, по самому любопытству, не преминули узнать отъ нихъ, что происходитъ съ человѣкомъ во время его смерти. Но если и узнали что-либо, то, такъ устроившу Промыслу Божію, до насъ ничто почти не дошло отъ этихъ свѣдѣній. А всего вѣроятнѣе,—такъ мнится мнѣ,—что эти воскрешенные никому не раскрывали тайну смерти, хотя и извѣдали ее на самихъ себѣ. Почему не раскрывали? Потому, что имъ не дано было раскрыть ее, или даже и потому, что не могли сдѣлать сего. Ибо для предметовъ высшихъ и сверхъестественныхъ на земномъ языкѣ нашемъ нѣтъ даже словъ къ изъясненію. Въ томъ и другомъ смыслѣ— свидѣтель намъ Апостолъ Павелъ, который былъ восхищенъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, до третьяго небесе, видѣлъ и слышалъ тамъ множество вещей и глаголовъ: но какихъ?—*о нихъ же*, какъ самъ выражается, *нелѣть есть*, нельзя *глаголати* (2 Кор. XII, 4) человѣку. Изъ послѣдующей священной исторіи христіанства мы имѣемъ не болѣе, впрочемъ, двухъ-трехъ сказаній людей, возвратившихся къ намъ изъ области смерти; но сіи сказанія касаются болѣе того, что умершіе видѣли и встрѣчали за

предѣлами гроба, въ другой жизни, а не того, что испытали они въ минуту самой смерти» [1]).

8. Смерть праведника.

Смерть, какъ оброкъ грѣха, какъ наказаніе за грѣхъ, страшна для всякаго человѣка, зачатаго въ беззаконіи и рожденнаго во грѣхѣ (Псал. L, 7). «Есть однакоже кончина безъ ужасовъ предсмертной борьбы: душа отходитъ мирно, конечно, не безъ смущенія и тѣлесныхъ страданій. Это душа чистая, добрая, кроткая. Ясность, самосознаніе, чистота и тихость чувствъ, глубокая вѣра и преданность Богу, отличавшія ее при жизни, не оставляютъ ее и въ часъ смерти; она владѣетъ собою; внутренняя свѣтлость ея разсѣеваетъ предъ нею мракъ и страхъ смертнаго пути, и, всецѣло вручая себя Богу, она съ тихою покорностію отдается послѣднимъ волнамъ житейскаго моря, прибивающимъ ее къ берегамъ вѣчности» [2]).

Такова смерть праведника, оставляющаго эту жизнь съ молитвою старца Симеона въ сердце и устахъ: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ!*

День смерти—торжество Святаго!
Среди молчанья гробоваго
Призывный голосъ внемлетъ онъ,
И тихъ его послѣдній сонъ.
Хранитель-Ангелъ неизмѣнный
Его закроетъ мутный взоръ:
Душа постигнетъ свой просторъ
И, какъ орелъ освобожденный,

1) *Иннокентія*, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, бесѣды на Св. Четыредесятницу о смерти.

2) *Іоанна*, епископа Смоленскаго, бесѣда въ день Успенія Божіей Матери.

Летитъ въ пространствѣ голубомъ,
Чтобъ тамъ въ обители эѳира,
Допѣть передъ благимъ Творцомъ
Начатый гимнъ въ темницѣ міра.

9. Смерть грѣшника.

Коль скоро неизбѣжно для каждаго человѣка—оставить этотъ міръ и перейдти въ другой высшій, то для каждаго должно быть крайне желательно, чтобы сей переходъ въ другой міръ, называемый смертію, совершился какъ можно мирнѣе и безболѣзненнѣе. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, для достиженія коего можно отказаться отъ многихъ удовольствій въ жизни уже потому, что это будетъ благо послѣднее въ жизни,—въ тѣ минуты, когда всего нужнѣе миръ и отрада. Но тотъ, кто работаетъ грѣху и служитъ страстямъ, долженъ знать заранѣе, что если онъ не исправится, то сіе благо для него потеряно, что подъ конецъ жизни, при разлукѣ души съ тѣломъ, его ожидаетъ не покой и услажденіе, а скорбь и мука.

«Благость Божія спасительная, не оставляющая человѣка до самыхъ послѣднихъ предѣловъ его бытія земнаго, готова и въ семъ случаѣ посѣтить грѣшника и большею частію является у одра его съ знаменіемъ искупленія и съ чашею завѣта. Но, увы, сіе утѣшительное явленіе рѣдко успокоиваетъ, а большею частію смущаетъ и пугаетъ грѣшника среди его предсмертныхъ страданій. Почему? Потому что душа, окаменѣвшая въ злѣ, неспособна бываетъ воспринимать въ себя каплей елея духовнаго. Въ самомъ дѣлѣ, много ли людей, кои, проведши всю жизнь въ грѣхахъ, могли бы въ послѣднія минуты вдругъ обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для благодати

покаянія, подобно покаявшемуся на крестѣ разбойнику? Ахъ, многіе и на одрѣ смертномъ остаются подобными другому разбойнику, который и на крестѣ продолжалъ свое ожесточеніе грѣховное» [1]).

«Видѣли ли вы, какъ отходитъ изъ здѣшняго міра душа злая? Видѣли ли тѣ невыразимые ужасы, какими сопровождается ея отшествіе? Она не знала въ жизни,—не имѣетъ и въ часъ смерти ни самосознанія, ни самообладанія, ни покорности. Всѣ чувства ея волнуются; но эти чувства злы, и раздраженіе ихъ въ послѣднія минуты доходитъ до крайней степени. Ея зло, освобождаясь вмѣстѣ съ нею отъ послѣднихъ узъ, которыми еще сдерживалось сколько нибудь въ здѣшней жизни, со всею силою поднимается и, въ виду ужасовъ смерти, ожесточается до отчаянія. Душа хочетъ бороться съ этими ужасами; она какъ будто бы вызываетъ на бой самую смерть и силою собственнаго зла хочетъ одолѣть ее; она усиливается овладѣть отлетающею жизнію, но въ то же время чувствуя подъ собою разверзающуюся бездонную пропасть вѣчнаго зла, неодолимо увлекается въ нее силою сродныхъ стремленій своей злой природы. Въ борьбѣ съ жизнію и смертію душа борется еще сама съ собою, она терзаетъ самое себя. Можно ли и какими словами выразить весь ужасъ этихъ минутъ? Одинъ внѣшній видъ этого зрѣлища заставляетъ живыхъ бѣжать отъ умирающихъ. Такъ поистинѣ *смерть грѣшниковъ люта*» (Псал. XXXIII, 22) [2]).

Какова жизнь, такова и смерть!

---

[1]) *Иннокентія*, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, слово о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника.

[2]) *Іоанна*, епископа Смоленскаго, бесѣда въ день Успенія Божіей Матери.

10. Приготовленіе къ смерти.

Изъ многихъ вопросовъ, которые можно предложить себѣ касательно нашей жизни на землѣ, едва ли не самый важный вопросъ—вопросъ о томъ, какъ лучше приготовиться къ смерти. Нѣкоторые даже изъ языческихъ мудрецовъ поставляли въ этомъ всю мудрость человѣческую и называли ее не иначе, какъ наукою смерти. Для христіанина же тѣмъ болѣе наилучшее приготовленіе къ смерти составляетъ самый первый вопросъ всей жизни.

Земная жизнь не есть собственно жизнь: это есть непрестанная борьба между жизнію и смертію, въ которой мы попеременно уклоняемся то къ той, то къ другой, колеблемся между тою и другою. Если мы должнымъ образомъ оцѣнимъ то краткое мгновеніе, на которое мы поставлены здѣсь, на землѣ, сравнивъ его съ неизмѣримою вѣчностію, то должны будемъ признать единственно правильнымъ употребленіемъ земной жизни постоянное приготовленіе къ вѣчности. *Не имѣемъ здѣсь*, на землѣ, *постояннаго града*, истиннаго отечества, *но ищемъ будущаго* (Евр. XIII, 14). *Наше* настоящее *жительство—на небесахъ* (Филип. III, 20), говоритъ Апостолъ Христовъ. *Не бойся, малое стадо*!—такъ завѣщаетъ Господь ученикамъ своимъ на время ихъ земнаго странствованія,—*ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство. Продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себѣ влагалища неветшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ, куда воръ не приближается и гдѣ моль не съѣдаетъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше будетъ. Да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣ*-

тильники горящи; и вы будьте подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего съ брака, дабы, когда прійдетъ и постучитъ, тотчасъ отворить ему. Блаженны рабы тѣ, которыхъ господинъ, пришедши, найдетъ бодрствующими: истинно говорю вамъ, онъ препояшется, и посадитъ ихъ и, подходя, станетъ служить имъ. И если прійдетъ во вторую стражу, и въ третью стражу прійдетъ, и найдетъ ихъ такъ, то блаженны рабы тѣ. Вы знаете, что еслибы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ прійдетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой. Будьте же и вы готовы; ибо, въ который часъ не думаете, прійдетъ Сынъ человѣческій. Кто вѣрный и благоразумный домоправитель, котораго господинъ поставилъ надъ слугами своими—раздавать имъ въ свое время мѣру хлѣба? Блаженъ рабъ тотъ, котораго господинъ его, пришедши, найдетъ поступающимъ такъ. Истинно говорю вамъ, что надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его. Если же рабъ тотъ скажетъ въ сердцѣ своемъ: не скоро прійдетъ господинъ мой; и начнетъ бить слугъ и служанокъ, ѣсть и пить, и напиваться: то прійдетъ господинъ раба того въ день, въ который онъ не ожидаетъ, и въ часъ, въ который не думаетъ, и разсѣчетъ его и подвергнетъ его участи съ невѣрными (Луки XII, 32—40, 42—46). Господь заповѣдуетъ намъ превратить земное имѣніе милостынею въ Небесное имѣніе, чтобы самое сокровище человѣка, находясь на небѣ, влекло его къ небу. Онъ повелѣваетъ устроивать свои обстоятельства и располагать всю жизнь такъ, чтобы постоянно быть готовымъ къ смерти. Называя земную жизнь ночью, Онъ возвѣщаетъ, что неизвѣстно, въ которую стражу этой ночи придетъ смерть—въ дѣтскомъ ли возрастѣ или въ юношескомъ, въ зрѣломъ-ли мужествѣ или въ глубокой ста-

рости. Господь угрожаетъ неожиданною смертію тому, кто считая ее далекою отъ себя, позволяетъ себѣ злоупотреблять земною жизнію и дарами Божіими.

Истинные ученики Христовы съ точностію исполняли завѣщаніе Господа Бога своего. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ умиралъ ежедневно (1 Кор. XV, 31). Въ самомъ дѣлѣ, кто ежедневно приготовленъ къ смерти, тотъ умираетъ ежедневно; а кто умираетъ ежедневно, тотъ живетъ уже вѣчною, истинною жизнію [1]). Св. Антоній Великій даетъ такія наставленія ученикамъ своимъ: «Думай самъ въ себѣ и говори: я не пробуду въ этомъ мірѣ больше нынѣшняго дня,—и никогда не согрѣшишь предъ Богомъ.—Всякій день полагай самъ въ себѣ, что этотъ одинъ день остался тебѣ въ мірѣ семъ,—и сохранишь себя отъ грѣховъ» [2]).

Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой! Таковы были послѣднія слова Господа со креста. Каковы-то будутъ наши послѣднія слова? И достанется-ли намъ произнести что-либо предъ нашею смертію?.. По крайней мѣрѣ, мы должны быть всегда готовы къ смерти и стараться отходить изъ этого міра такъ, чтобы самая кончина наша была свидѣтельствомъ нашей вѣры и любви къ Господу и, если можно, поученіемъ для нашихъ ближнихъ. Возлюбленный Спаситель нашъ подаетъ намъ наилучшій къ этому примѣръ. Онъ ли не страдалъ на крестѣ? Его ли смерть не была ужасна и даже поносна въ очахъ міра? И несмотря на то—какое терпѣніе, какая любовь къ ближнимъ, какое безконечное всепрощеніе, какая преданность волѣ Божіей! Подобно этому надобно умирать и каждому изъ насъ. Надобно отходить

[1]) Преп. Макарія Великаго бесѣда XLIX, глава 2.
[2]) Добротолюбіе. Томъ первый. Изд. 2-е. М. 1886, стр. 107.

изъ этого міра безъ ропота и съ терпѣніемъ христіанскимъ, простивъ отъ всего сердца всѣмъ врагамъ своимъ, ознаменовавъ исходъ свой какими-либо дѣлами любви къ бѣдствующей братіи, предавъ наконецъ духъ и все существо свое во всеблагую волю Того, Кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Но такъ какъ Господь нашъ былъ безгрѣшенъ и святъ, а мы, какъ бы безукоризненно ни старались вести жизнь свою, всегда совершаемъ немало вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, то вмѣстѣ съ этимъ каждому изъ насъ надобно отходить изъ этого міра съ духомъ сокрушенія о грѣхахъ своихъ и съ живою вѣрою въ заслуги Искупителя, кровь Котораго очищаетъ грѣхи всего міра.

Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны у Господа просимъ!

11. Память смертная.

Однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ приготовленія къ смерти служитъ постоянное памятованіе и размышленіе о смерти, или *память смертная. Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сирах. VII, 39), говоритъ премудрый сынъ Сираховъ.

Приведемъ свидѣтельство одного свѣтскаго писателя о благодѣтельности и спасительности памятованія о смерти. «Мысль о смерти имѣетъ ту выгоду, что укрѣпляетъ человѣка на поприщѣ добродѣтели и честности. Пусть въ сомнительномъ случаѣ или когда надобно разрѣшить, что справедливо и что ложно, подумаютъ только о послѣднемъ часѣ жизни и спросятъ самихъ себя: какъ поступили бы тогда или какъ бы хотѣлось тогда поступить? Всякое наслажденіе, среди котораго можно думать о смерти безъ страха, ко-

нечно, невинно. Если противъ кого-нибудь возникаетъ ненависть или зависть, или овладѣваетъ желаніе отомстить кому-нибудь за оскорбленіе,—пусть подумаютъ только о послѣднемъ часѣ жизни, о новыхъ соотношеніяхъ для насъ въ другомъ мірѣ, и всякая непріязненность тотчасъ исчезнетъ. Причина этому та, что, перемѣняя точку зрѣнія, мы посмотримъ на вещь въ настоящемъ ея свѣтѣ, а не сквозь призму нашихъ собственныхъ, мелкихъ и часто себялюбивыхъ интересовъ. Мечта исчезаетъ и остается одна существенность» [1].

Св. Исаакъ Сиринъ говоритъ: «Кто достойно именуется разумнымъ? Тотъ, кто дѣйствительно уразумѣлъ, что есть предѣлъ сей жизни; тотъ можетъ положить предѣлъ своимъ согрѣшеніямъ» (Слово 21).

«Первая мысль, посылаемая человѣколюбіемъ Божіимъ человѣку и напутствующая его душу въ животъ вѣчный, есть западающая въ сердце мысль объ исходѣ. Этой мысли естественно послѣдуетъ презрѣніе къ міру; ею начинается въ человѣкѣ всякое благое движеніе, наставляющее его въ животъ. Божественная сила, содѣйствующая человѣку, когда восхощетъ явить въ немъ животъ, полагаетъ въ немъ эту мысль въ основаніе, какъ мы сказали. Если человѣкъ не угаситъ ее житейскими заботами и суесловіемъ, но возраститъ въ безмолвіи, углубляясь въ себя и занимаясь ею, то она поведетъ его къ глубокому вѣдѣнію, невыразимому словомъ. Эту мысль крайне ненавидитъ сатана и употребляетъ всю силу, чтобъ исторгнуть ее у человѣка. Еслибы можно было, онъ отдалъ бы человѣку царство цѣлаго міра, только бы посредствомъ развлеченія изгладить эту мысль въ умѣ человѣка; онъ сдѣлалъ бы это охотно, еслибъ могъ.

[1]) *Гуфеландъ*, Макровіотика. Стр. 204.

Коварный! онъ знаетъ, что если помышленіе о смерти укоренится въ человѣкѣ, то умъ его не останется уже болѣе въ странѣ обольщенія, и бѣсовскія хитрости къ нему не приближаются» (Слово 86).

«Когда приблизишься къ одру твоему, скажи ему: одръ мой! не сдѣлаешься ли ты въ эту ночь моимъ гробомъ? Мнѣ неизвѣстно, не постигнетъ-ли меня въ эту ночь, вмѣсто временнаго сна, будущій, вѣчный сонъ. Доколѣ имѣешь ноги, теки къ дѣланію, прежде нежели онѣ свяжутся уздою, которая уже не можетъ разрѣшиться. Доколѣ имѣешь персты, распни ихъ на молитву, прежде нежели придетъ смерть. Доколѣ имѣешь очи, исполни ихъ слезъ, прежде нежели они покроются прахомъ. Какъ роза увядаетъ едва дунетъ на нее вѣтеръ, такъ и ты умираешь, если поколеблется внутри тебя какая-либо изъ стихій, входящихъ въ составъ твой. О человѣкъ! вкорени въ сердце твое мысль о твоемъ отшествіи и напоминай себѣ непрестанно: вотъ, посланникъ, долженствующій придти за мною, уже достигъ дверей. Что сижу? Отшествіе навѣки, безвозвратное» (Слово 41).

«Какъ хлѣбъ нужнѣе всякой другой пищи», говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, «такъ размышленіе о смерти нужнѣе всѣхъ дѣланій. Памятованіе о смерти рождаетъ въ общежительныхъ инокахъ усердіе къ трудамъ и непрестанное пріобученіе себя къ исполненію евангельскихъ заповѣдей, особливо же къ перенесенію безчестій съ сладостію, а въ безмолвникахъ—отложеніе попеченій, постоянную молитву и храненіе ума. Эти добродѣтели—вмѣстѣ и матери, и дщери памятованія смерти. Живое памятованіе смерти отсѣкаетъ излишество въ пищѣ; когда же со смиреніемъ отсѣчено будетъ это излишество,—съ отсѣченіемъ его отсѣкаются и страсти. Какъ, по опредѣленію Отцевъ, совершенная любовь не падаетъ: такъ я утверждаю, что истинное предощущеніе смерти не страшится паденій. Какъ нѣ-

которые признаютъ бездну безконечною, говоря, что это мѣсто не имѣетъ дна, такъ и памятованіе о смерти доставляетъ чистоту и дѣланіе, не имѣющія предѣловъ. Невозможно, невозможно настоящій день провести благочестиво, если не будемъ считать его послѣднимъ днемъ нашей жизни. Увѣримся, что памятованіе смерти, какъ и всякое благо, есть даръ Божій; потому что часто при самыхъ гробахъ не проливаемъ слезъ и пребываемъ равнодушными; напротивъ того часто приходимъ въ умиленіе и безъ этого зрѣлища» (Изъ 6-й степени Лѣствицы).

Преподобный Варсонофій пишетъ одному брату: «Уразумѣй, что время не медлитъ, и когда настанетъ часъ, вѣстникъ смерти неумолимъ. Кто молилъ его и былъ услышанъ? Онъ есть истинный рабъ истиннаго Владыки, въ точности исполняющій повелѣніе Его. Убоимся страшнаго дня и часа, въ который не защититъ ни братъ, ни сродникъ, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава, но будетъ лишь человѣкъ и дѣло его. Хорошо человѣку помнить смерть, чтобъ навыкнуть знанію, что онъ смертенъ; смертный не вѣченъ; невѣчный же и поневолѣ оставитъ вѣкъ сей. Чрезъ непрестанную память о смерти человѣкъ начинаетъ и произвольно дѣлать добро» (Отвѣты на вопросы 799 и 644).

Преподобный Филоѳей Синайскій говоритъ: «Узрѣвъ красоту ея (памяти смертной) и будучи плѣненъ духомъ, а не окомъ, я захотѣлъ стяжать ее сожительницею на время этой земной жизни, содѣлавшись любителемъ ея благолѣпія и честности. Какъ она смиренна, радостно-печальна, разсмотрительна! Какъ она постоянно страшится будущаго праведнаго истязанія! Какъ она боится отлагать со дня на день добродѣтельное жительство! Она источаетъ изъ чувственныхъ очей живую, цѣлительную воду, а изъ мысленныхъ очей—источникъ, точащій премудрѣйшія мысли, ко-

торыя текутъ и скачутъ, веселя смыслъ. Эту, какъ сказалъ я, дщерь Адамову, *память*, говорю, *смерти*, я постоянно жаждалъ имѣть сожительницею, съ нею усыпать, съ нею бесѣдовать и изслѣдовать, что будетъ со мною по разлученіи съ тѣломъ» (Преп. Филоѳея, гл. 6).

Св. Исихій іерусалимскій уподобляетъ смертную память вратарю, стоящему при дверяхъ души и возбраняющему входить въ нихъ лукавымъ помысламъ (Слово о трезвеніи).

Итакъ всякому изъ насъ необходимо принуждать себя къ воспоминанію о смерти, усвоивать сердцу навыкъ размышленія о ней, хотя такое размышленіе и крайне противно грѣхолюбивому и міролюбивому сердцу. Несмотря на несомнѣнную увѣренность въ неизбѣжности смерти для каждаго изъ насъ, сначала съ величайшимъ трудомъ можно принудить себя даже къ холодному воспоминанію о смерти. Мы не можемъ освободиться отъ того обольстительнаго и обманчиваго мысленнаго состоянія, въ которомъ каждый человѣкъ представляется самъ себѣ какъ бы вѣчнымъ на землѣ, считая смерть удѣломъ только другихъ людей, а не своимъ. Постоянное развлеченіе мыслей, многоразличныя житейскія попеченія похищаютъ у насъ мысль о смерти. Если же намъ удастся преодолѣть себя, и мы начнемъ сближаться съ мыслію о смерти, то по началу для нашего ветхаго человѣка бываетъ необыкновенно тяжелъ самый страхъ, производимый живымъ воспоминаніемъ и представленіемъ смерти, какъ предощущеніемъ ея: онъ приводитъ въ ужасъ умъ и воображеніе; холодный трепетъ пробѣгаетъ по тѣлу, потрясаетъ, разслабляетъ его; сердце томится невыносимою тоскою, сопряженною съ безнадежіемъ. Но не должно отвергать этого состоянія, не должно опасаться отъ него пагубныхъ послѣдствій. «Всякому, начинающему жить въ Богѣ», говоритъ св. Симеонъ Новый Богословъ,—«полезенъ страхъ муки и рождаемая отъ него болѣзнь. Мечтающій положить начало безъ такой болѣзни и узъ не только полагаетъ основаніе на пескѣ своихъ дѣяній, но и подобенъ покушающемуся построить храмину на воздухѣ, вовсе безъ основанія, что невозможно. Отъ этой болѣзни вскорѣ рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всѣхъ согрѣшеній и страстей; этотъ мучитель бываетъ причиною не смерти, но жизни вѣчной. Кто не захочетъ избѣжать болѣзни, рождающейся отъ страха вѣчныхъ мукъ, и не отскочитъ отъ нея, но произволеніемъ сердца предастся ей и возложитъ на себя ея узы, тотъ, сообразно этому, начнетъ скорѣе шествовать и она представитъ его Царю царствующихъ. Когда же совершится это, и подвижникъ отчасти воззритъ къ славѣ Божіей, тогда немедленно разрѣшатся узы, отбѣжитъ мучительный страхъ, болѣзнь сердца приложится въ радость, явится источникъ, точащій чувственно приснотекущія слезы рѣкою, мысленно же тишину, кротость, неизреченную сладость, мужество, устремляющееся свободно и невозбранно ко всякому послушанію заповѣдямъ Божіимъ» (Дѣятельныхъ и Богословскихъ главъ 66 и 67). Такое измѣненіе совершается отъ благодатнаго явленія въ сердцѣ надежды спасенія. Тогда, при размышленіи о смерти, печаль растворяется радостію, слезы горькія претворяются въ слезы сладостныя. Человѣкъ, начавшій плакать при воспоминаніи о смерти, какъ при воспоминаніи о казни, внезапно начинаетъ плакать при этомъ воспоминаніи, какъ при воспоминаніи о возвращеніи въ свое безцѣнное отечество. Таковъ плодъ памятованія смерти.

Господи, даждь ми память смертную!

12. Безсмертіе души.

Но память о смерти имѣетъ для человѣка свое значеніе и смыслъ только въ такомъ случаѣ, если она соединяется съ памятью о безсмертіи, если то есть смертный человѣкъ вѣритъ въ свое безсмертіе.

Великій религіозно-нравственный вопросъ о безсмертіи души и загробной жизни, встрѣчаетъ въ настоящее время троякое отношеніе къ себѣ: между тѣмъ какъ одни *вѣруютъ* въ загробную жизнь, а другіе рѣшительно *отрицаютъ* ее, для третьихъ она является предметомъ очевидной *увѣренности*, реально-нагляднаго *знанія*, добытаго обычнымъ путемъ внѣшняго опыта.

Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка— такъ исповѣдуетъ христіанинъ, вѣрующій въ живаго Бога, признающій въ человѣкѣ безсмертную душу и ожидающій загробной, вѣчной жизни, какъ продолженія и завершенія земной, временной жизни.

Случайно мы рождены и послѣ будемъ какъ небывшіе; когда тѣло обратится въ прахъ,—и духъ разсѣется какъ жидкій воздухъ; и нѣтъ намъ возврата отъ смерти (Премудр. Солом. II, 2, 3, 5)—такъ говорили и говорятъ невѣрующіе всѣхъ временъ, отрицающіе бытіе Божіе и безсмертіе души человѣческой и ограничивающіе все бытіе человѣка одною земною жизнію.

Но есть еще третій разрядъ людей, которые не отрицая будущей жизни, не довольствуются однако въ этомъ случаѣ одною вѣрою, а проповѣдуютъ очевидную увѣренность въ этомъ великомъ вопросѣ бытія. Эти люди вносятъ въ духовную область несродный ей чувственный, матеріальный элементъ, овеществляютъ ее, признаютъ возможность и дѣйствительность явленія людей умершихъ живымъ въ чувственно-реальныхъ формахъ и думаютъ видѣть въ этомъ осязательно-наглядное доказательство безсмертія души человѣческой и существованія загробной жизни. Это—послѣдователи такъ называемаго *спиритизма,* представляющаго собою характеристическое и въ то-же время странное явленіе нашего времени. Спиритизмъ имѣетъ много горячихъ приверженцевъ и защитниковъ и за-границей, и у насъ, и притомъ—что всего замѣчательнѣе—въ лицѣ многихъ извѣстныхъ натуралистовъ.

Если мы, ученики и послѣдователи Начальника жизни и Побѣдителя смерти, можемъ только скорбѣть о невѣрующихъ, *не имущихъ упованія* на будущую жизнь, то съ другой стороны мы не можемъ относиться сочувственно-одобрительно и къ спиритамъ, этимъ мнимымъ, ложнымъ защитникамъ христіанскаго ученія о безсмертіи души и будущей жизни.

Слѣдуя наставленію Первоверховнаго Апостола: *будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ* (1 Петр. III, 15), мы постараемся показать не имущимъ упованія, что наше упованіе на безсмертіе не есть пустая мечта и самообольщеніе, но имѣетъ за себя самыя разумныя основанія и вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ высшимъ запросамъ ума и сердца.

Другой самовидецъ и служитель Слова убѣждаетъ: *Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они* (1 Іоан. III, 1). Подвергая испытанію духовъ, вызываемыхъ нашими духовопрошателями (спиритами), мы должны признать, что они *не отъ Бога.* Вслѣдствіе этого въ спиритахъ мы не можемъ видѣть и имѣть союзниковъ въ защитѣ христіанскаго ученія о безсмертіи души.

а) Въ какомъ смыслѣ нужно понимать безсмертіе души?

Прежде чѣмъ начнемъ рѣчь о безсмертіи души человѣческой, необходимо, въ предупрежденіе и предотвращеніе всякихъ недоразумѣній и перетолкованій, установить правильный взглядъ на предметъ рѣчи: нужно дать отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается истинное безсмертіе души, такое безсмертіе, которое одно только можетъ быть дорого, желательно и утѣшительно для человѣка.

Новые саддукеи, не признающіе истиннаго и дѣйствительнаго безсмертія души человѣческой, проповѣдуютъ намъ, взамѣнъ его, четвероякаго рода безсмертіе, отъ котораго однако мы должны отказаться, потому что чаемъ для себя лучшаго безсмертія, нежели какое обѣщаютъ намъ они.

Самый низкій и грубый родъ безсмертія—это безсмертіе, проповѣдуемое матеріализмомъ. По ученію матеріалистовъ, душа человѣка не только теряетъ свою личность по смерти тѣла, но и совсѣмъ уничтожается, исчезаетъ. Такъ какъ она есть не болѣе, не менѣе какъ произведеніе, или отправленіе, или гармонія тѣлеснаго организма, то понятно, что коль скоро не стало этого организма,—не стало вмѣстѣ съ нимъ и его произведенія, управленія, или гармоніи, т. е., не стало души. Тѣмъ не менѣе однако и матеріалисты допускаютъ также своего рода безсмертіе человѣка. Въ чемъ же оно состоитъ? А вотъ въ чемъ: тѣло человѣка по смерти разлагается на свои составные элементы или стихіи; но эти стихіи не исчезаютъ безслѣдно изъ міра и не уничтожаются, а сохраняются въ общей жизни или экономіи природы и входятъ въ другія тѣла, въ живые организмы, вообще образуютъ собою новыя формы жизни: это и есть безсмертіе

человѣка. Но вѣдь это—безсмертіе только стихій и силъ природы, а не человѣка: къ душѣ человѣческой оно не имѣетъ никакого отношенія. Допущеніе такого безсмертія есть жалкая и грубая насмѣшка надъ дѣйствительно безсмертнымъ человѣкомъ. *Такое* безсмертіе—безсмертіе «обмѣна веществъ», человѣкъ раздѣляетъ со всѣми безъ исключенія предметами природы.

Кто поселялъ въ народахъ страхъ,
Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли,—
Великій Цезарь—нынѣ прахъ,
И имъ замазываютъ щели [1])!

Вотъ *все* безсмертіе, обѣщаемое намъ матеріализмомъ!

Второй родъ безсмертія, допускаемый пантеизмомъ, отличается болѣе возвышеннымъ характеромъ, хотя и его также нельзя признать истиннымъ безсмертіемъ. Такъ какъ душа человѣческая, по воззрѣнію пантеистовъ, есть проявленіе, или видоизмѣненіе абсолютной субстанціи (безличнаго Бога), то она и должна, по смерти тѣла, возвратиться въ эту субстанцію, потерявъ въ ней свою обособленность и личность. Душа отъ вѣчности существовала въ абсолютномъ, какъ его идея (мысль); потомъ получила на время обособленность и личность въ формѣ человѣческаго организма и затѣмъ, по разрушеніи организма, потеряетъ свою обособленность и личность и опять станетъ существовать въ абсолютномъ, какъ его идея. Личное бытіе человѣка въ абсолютномъ можно сравнить съ волною на морѣ: сначала мы видимъ просто необъятную массу воды; но вотъ изъ нея выдѣляется волна, чрезъ нѣсколько мгновеній опять исчезающая въ общей массѣ воды, изъ которой она выдѣлилась было. Но, теряя свою личность въ абсолютной субстанціи,

---

[1]) *Гамлетъ*, трагедія Шекспира, въ переводѣ Кронеберга. Дѣйствіе V, сцена 1-я.

душа не уничтожается, не исчезаетъ совершенно: ея субстанція (существо) сохраняется въ абсолютной субстанціи. Въ этомъ и состоитъ ея безсмертіе: она безсмертна не въ смыслѣ продолженія личнаго бытія ея за гробомъ, а въ смыслѣ продолженія или сохраненія ея бытія въ общей міровой субстанціи. Такимъ образомъ мы видимъ, что и пантеистическое безсмертіе есть безсмертіе собственно не души человѣческой, а только абсолютной субстанціи, поглощающей ее въ себѣ, подобно тому, какъ капля поглощается моремъ и исчезаетъ въ немъ безслѣдно. Такое безсмертіе проповѣдуютъ иногда поэты подъ формою слiянія съ природою, исчезновенія въ природѣ, которая все даетъ и все отнимаетъ...

Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ?—
Въ цѣломъ живи: ты умрешь,—цѣлое-жъ все будетъ жить.
(Шиллеръ).

Третій родъ мнимаго безсмертія есть такъ называемое *историческое* безсмертіе, или безсмертіе человѣка въ потомствѣ. «Мы живемъ въ добрыхъ дѣлахъ, совершенныхъ нами, дѣлахъ, которыми мы содѣйствовали прогрессу и усовершенствованію человѣчества. Мы живемъ вътѣхъ истинахъ, которыя громко проповѣдывали, не боясь людей, которыя мы передали въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ, обязаннымъ осуществить ихъ на дѣлѣ. Идеи Аристотеля и произведенія Рафаэля живутъ еще и теперь и постоянно оживаютъ въ произведеніяхъ индивидуумовъ, подражающихъ имъ и образующихся по нимъ»... (Мишле). Говорить, что *мы* живемъ или будемъ жить въ нашихъ мысляхъ и дѣлахъ, конечно, можно, но только—фигурально, не собственно: вѣдь существо наше не исчерпывается до дна тѣми идеями и дѣлами, которыя мы оставляемъ въ наслѣдство потомству, не отождествляется съ ними; оно отъ этого не

умаляется и не сокращается само въ себѣ, точно такъ-же, какъ не умаляется въ своемъ составѣ и существѣ солнце, нѣсколько тысячелѣтій освѣщающее и согрѣвающее землю. То, что называютъ историческимъ безсмертіемъ, есть безсмертіе не самой души человѣческой, не человѣка самого по себѣ, а только его полезныхъ, а иногда и вредныхъ, разрушительныхъ идей, его славныхъ, а часто и безславныхъ, постыдныхъ дѣлъ. Поэтому-то историческое безсмертіе, начинающееся и оканчивающееся на землѣ, и принадлежитъ не всѣмъ людямъ, или лучше и строго говоря, оно принадлежитъ только весьма немногимъ, исключительнымъ или привиллегированнымъ людямъ, и притомъ не самымъ только лучшимъ, но вмѣстѣ и рядомъ съ ними и самымъ худшимъ,—не только друзьямъ и благодѣтелямъ человѣчества, не только Аристотелямъ и Рафаэлямъ, но и такимъ геніямъ зла и разрушенія, каковы Нероны, Калигулы, Тамерланы и другіе подобные имъ.

«Чего стоятъ приговоры исторіи, которая часто записываетъ въ свои скрижали выдающееся и даже мелкое злодѣйство, въ родѣ убійствъ изъ-за угла, въ родѣ злодѣйскаго покушенія Каракозовскаго или Гартмановскаго,—милліоны-же благороднѣйшихъ подвиговъ удостоиваются чести только забвенія? Подумайте объ этихъ воинахъ Наполеона, въ которыхъ онъ видѣлъ только пушечное мясо для миража собственной славы. Вѣдь каждый изъ этихъ воиновъ былъ далеко благороднѣе своего вождя, потому что проливалъ свою собственную кровь за него, по чувству воинскаго долга. Что-же такое самъ Наполеонъ, за что и для кого проливалъ онъ чужую кровь, тщательно впослѣдствіи оберегая свою, и губилъ милліоны чужихъ жизней? По слову Спасителя: *больше сея любве никто-же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя*. Положить свой животъ за вѣру, Царя и отечество—это величайшій подвигъ

человѣческаго самоотверженія. Но подумайте, сильна-ль исторія наградить безсмертіемъ эти сотни тысячъ и милліоны истинныхъ самоотверженныхъ героевъ, которые увлажили своею кровью и утучнили собственными костями почву примѣрно Куликова поля, или Бородина, или Севастополя, или-же безмѣрныя пространства Кавказа и Закавказья, нашего Новороссійскаго края, Балканскаго полуострова, Малой Азіи до Эрзерума и т. д. безъ конца и числа? Сильна-ли исторія даже вмѣстить на своихъ скрижаляхъ всѣ эти милліоны славныхъ, достойныхъ вѣчной памяти именъ, *ихже Ты единъ, Господи, вѣси»?* [1])

Наконецъ четвертый родъ измышленнаго безсмертія есть *родовое* безсмертіе, то есть непрерывное и нескончаемое существованіе не каждаго отдѣльнаго человѣка, но всего рода человѣческаго какъ цѣлаго. Такимъ образомъ безсмертіемъ человѣчества исключается и уничтожается безсмертіе человѣка. «Каждое поколѣніе и въ немъ каждая особь существуетъ лишь затѣмъ, чтобы породить свое потомство; но и послѣднее существуетъ только для того, чтобы произвести слѣдующее за нимъ поколѣніе. Значитъ, каждое поколѣніе имѣетъ смыслъ своей жизни только въ слѣдующемъ, то есть, другими словами, жизнь *каждаго* поколѣнія безсмысленна; но если безсмысленна жизнь каждаго, то, значитъ, безсмысленна жизнь всѣхъ. Это безсмысленное существованіе называется «жизнью рода». Но есть ли это въ самомъ дѣлѣ *жизнь?* Если каждое поколѣніе существуетъ только для того, чтобы погибнуть съ появленіемъ новаго, которому въ свою очередь предстоитъ такая же гибель, и если родъ живетъ только въ такихъ непрерывно

[1]) Изъ поученія объ историческомъ безсмертіи преосвященнаго *Никанора*, епископа Херсонскаго и Одесскаго, произнесеннаго 24-го іюня 1885 года.

гибнущихъ поколѣніяхъ, то жизнь рода есть постоянная смерть, и путь природы есть явный обманъ. Цѣль здѣсь для каждаго поколѣнія въ чемъ-то другомъ (въ потомствѣ); но и это другое само такъ же безцѣльно, и его цѣль опять—въ другомъ, и такъ далѣе безъ конца. Настоящей цѣли нигдѣ не находится, все существующее безцѣльно и безсмысленно, какъ неисполнимое стремленіе. Родовая потребность есть потребность вѣчной жизни; но вмѣсто вѣчной жизни природа даетъ вѣчную смерть [1])». Таково это мнимое родовое безсмертіе!

Всѣ четыре разсмотрѣнныхъ нами рода безсмертія (матеріалистическое, пантеистическое, историческое и родовое безсмертіе), при всемъ незначительномъ отличіи другъ отъ друга, сходятся между собою существенно въ томъ, что отрицаютъ и уничтожаютъ *личность* человѣка за предѣлами гроба. Между тѣмъ человѣку, какъ единственному въ природѣ личному существу, должно принадлежать и безсмертіе *личное*, а не такое, какое принадлежитъ всѣмъ прочимъ предметамъ и тварямъ природы. Это послѣднее состоитъ въ неуничтоженіи родовъ тварей (но не видовъ ихъ и не отдѣльныхъ особей) или въ постоянномъ существованіи и непрерывномъ сохраненіи всѣхъ силъ и стихій природы въ одномъ и томъ же количествѣ, несмотря на всѣ многоразличныя ихъ комбинаціи. Еслибы и человѣку принадлежало только такое безсмертіе, въ такомъ случаѣ это значило бы, что онъ одинъ между тварями *смертенъ* въ собственномъ смыслѣ слова, потому что уничтоженіе въ немъ личнаго самосознанія было бы подлиннымъ уничтоженіемъ его какъ человѣка. Въ мірѣ животныхъ каждая особь есть простой экземпляръ рода, для котораго совер-

[1]) *В. Соловьевъ.* Религіозныя основы жизни. Православное Обозрѣніе 1884 г., январь, стр. 114—115.

шенно все равно—умереть раньше или позже, такъ какъ его роль можетъ быть одинаково выполнена и другими остающимися экземплярами. Но въ человѣчествѣ другія личности не могутъ замѣнить и вознаградить собою той, которая исчезла бы: въ ней исчезъ бы цѣлый самостоятельный духовный міръ, существующій не для другихъ только, но и для себя; въ ней погибло бы цѣлое самосознательное существо, имѣющее цѣль своего бытія не въ родѣ только, какъ напр. животныя, но и въ себѣ самомъ; въ ней погибъ и уничтожился бы одинъ изъ самостоятельныхъ духовныхъ атомовъ—подобій Божества.

Итакъ истинное, дѣйствительное безсмертіе души человѣческой состоитъ въ томъ, что она, по смерти тѣла, будетъ продолжать свое существованіе за гробомъ какъ существо личное, самосознательное, разумно-нравственное съ сохраненіемъ воспоминанія о прошлой земной жизни,—въ томъ, однимъ словомъ, что загробная жизнь будетъ продолженіемъ земной жизни, только въ другой формѣ и въ другихъ условіяхъ, но безъ утраты самосознанія и личности—коренныхъ основъ бытія человѣка. Непрерывность и тожество личнаго бытія человѣка—вотъ его истинное безсмертіе. Смерть не прерываетъ существованіе человѣка, а только видоизмѣняетъ его.

Б) Значеніе вѣры въ безсмертіе души для жизни человѣческой.

Истина безсмертія души человѣческой не есть только отвлеченная, теоретическая или—какъ думалось бы инымъ—мистически-безплодная истина: нѣтъ! это вмѣстѣ съ тѣмъ—самая жизненная истина, признаніе или непризнаніе которой сопровождается величайшими практическими послѣдствіями. Мы имѣемъ полное право и основаніе сказать, что вся жизнь человѣческая, какъ личная, такъ и общественная, въ послѣднемъ своемъ, глубочайшемъ основаніи, зиждется на вѣрѣ въ безсмертіе души. «Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ лишь одна и именно—идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя *высшія* идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ [1])». Поэтому-то вѣра въ безсмертіе души есть повсюдный спутникъ каждаго человѣка и каждаго народа на жизненномъ пути. Ею обусловливается и опредѣляется направленіе и цѣль всей жизни человѣческой. «Знаніе того, смертна душа или безсмертна, касается цѣлой жизни», говоритъ *Паскаль* [2]). «Безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землей. Тутъ казалось бы даже противорѣчіе: если жизни такъ много, то есть, кромѣ земной, и безсмертная, то для чего бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрой въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ. Безъ убѣжденія не въ своемъ безсмертіи связи человѣка съ землей порываются, становятся тоньше, гнилѣе [3])».

Въ самомъ дѣлѣ, если жизнь моя есть не болѣе, какъ

Даръ напрасный, даръ случайный,

если она—одинъ только *мигъ*, если я не сегодня—завтра долженъ обратиться въ *нуль*, точно такъ же, какъ и всѣ прочіе люди—мои собратья: то какая же можетъ быть ра-

---

[1]) *Ѳ. М. Достоевскій*, Дневникъ Писателя, 1876 г., № 12, стр. 320.

[2]) *Мысли* Паскаля. Французское изданіе Шарля Луандра 1866 г. глава I, стр. 116.

[3]) Дневникъ Писателя—тамъ же, стр. 321.

зумная цѣль, какое необходимое назначеніе мое на землѣ? Я—только случайный гость, безучастный зритель, неизвѣстно кѣмъ и для чего помѣщенный на одной изъ безчисленнаго множества планетъ во Вселенной, не связанный никакими обязательствами, никакою отвѣтственностью, не видящій и не знающій для себя впереди никакой цѣли...

Съ какою сокрушительною, убійственною силою дѣйствуетъ на человѣка мысль о смерти при отсутствіи вѣры въ безсмертіе, характеристическій примѣръ этого представляетъ намъ знаменитый критикъ нашъ Бѣлинскій. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ по поводу смерти друга его Станкевича. Вотъ что онъ писалъ къ Боткину: «Станкевичъ умеръ! Боже мой! кто ждалъ этого? Не были ли, напротивъ, каждый изъ насъ убѣжденъ въ невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни? Да, каждому изъ насъ казалось невозможнымъ, чтобъ смерть осмѣлилась подойти безвременно къ такой божественной личности и обратить ее въ ничтожество. Въ *ничтожество*, Боткинъ! Увы! ни вѣра, ни знаніе, ни жизнь, ни талантъ, ни геній не безсмертны! Безсмертна одна смерть: ея колоссальный и побѣдоносный образъ гордо возвышается на престолѣ изъ костей человѣческихъ и смѣется надъ надеждами, любовію, стремленіями»... И далѣе въ томъ же письмѣ: «мысль о тщетѣ жизни убила во мнѣ даже самое страданіе. Я не понимаю, къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгніемъ,—для чего жъ любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы,—умретъ и планета наша, — Шекспиръ и Гоголь будутъ ничто»... Почти то же самое писалъ Бѣлинскій Ефремову: «Мысль о томъ, что все живетъ одно мгновеніе... эта мысль превратила для меня жизнь въ мертвую пустыню, въ безотрадное царство страданія и смерти. Смерть!—вотъ истинный Богъ міра... Зачѣмъ родился, зачѣмъ жилъ Станкевичъ? что осталось отъ его жизни, что дала ему она [1])»?

Такъ мыслилъ и чувствовалъ въ свое время Бѣлинскій. Въ наше время идутъ въ этомъ отношеніи далѣе: отъ теоретическаго отрицанія безсмертія переходятъ къ практическому отрицанію его, выражающемуся въ самоубійствѣ. Вспомнимъ Левина, героя романа графа Л. Н. Толстаго: «Анна Каренина». Размышляя о сильно, безотвязно занявшемъ его вопросѣ о послѣдней судьбѣ человѣка, онъ ясно увидѣлъ, что, если не признавать безсмертія, то «для всякаго человѣка и для него впереди ничего не было, кромѣ страданія, смерти и вѣчнаго забвенія; и онъ рѣшилъ, что такъ нельзя жить, что надо или объяснить свою жизнь такъ, чтобы она не представлялась злой насмѣшкой какого-то дьявола, или застрѣлиться [2])». И только совершившійся въ немъ вскорѣ процессъ внутренняго перерожденія изъ невѣрующаго въ вѣрующаго спасаетъ его отъ петли или пули. Дѣйствительно, «самоубійство, при потерѣ идеи о безсмертіи, становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостію для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами; потому что безъ вѣры въ свою душу и въ ея безсмертіе бытіе человѣка неестественно немыслимо и невыносимо [3])».

Выводъ необходимости самоубійства составляетъ для многихъ какъ бы послѣднее слово новѣйшей науки, которая приравниваетъ человѣка къ обезьянѣ и сулитъ ему въ будущемъ одинъ конецъ съ нею—абсолютное (полнѣйшее) ничтожество, — той науки, которая устами Гартманна, творца «философіи безсознательнаго», проповѣдуетъ новую *религію будущаго*, у послѣдователей которой всѣ прошенія

[1]) Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Соч. *Пыпина*, томъ 2, стр. 51—53.
[2]) Анна Каренина. Часть восьмая, стр. 76.
[3]) Дневникъ Писателя 1876 г., № 12, стр. 319 и 321.

будущаго «Отче нашъ» должны будутъ слиться въ одно прошеніе: «Избави насъ отъ бытія!»

На нашихъ глазахъ, число случаевъ самоубійства возрасло въ такой значительной степени, что это печальное явленіе сдѣлалось по-справедливости *знаменіемъ* нашего времени. Характеристично при этомъ то, что почти общимъ мотивомъ (основаніемъ), приводящимъ къ самоубійству, слышится одно: «жизнь надоѣла,—не стоитъ жить». Нѣтъ сомнѣнія, что это явленіе имѣетъ связь и соотношеніе съ общимъ духомъ и направленіемъ нашего времени—времени пантеистически-пессимистической философіи Шопенгауэра и Гартманна. По ученію этой философіи, бытіе хуже и ниже небытія; вся и всякая индивидуальная жизнь есть зло и бѣдствіе; источникъ всѣхъ бѣдствій жизни заключается необходимо въ самой жизни. По этому конечною цѣлію жизни и дѣятельности всякаго человѣка должно быть уничтоженіе самой основы всякой жизни. Мораль, вытекающая изъ этого ученія, проста и немногосложна: это—призывъ къ самоубійству въ той или другой формѣ.

Мы не хотимъ, конечно, сказать того, чтобы всѣ самоубійства происходили вслѣдствіе сознательнаго усвоенія этого пессимистическаго ученія, этого новобуддизма въ мірѣ христіанскомъ. Но дѣло въ томъ, что основной тонъ этого безотраднаго ученія гармонируетъ съ направленіемъ нашего времени и служитъ выраженіемъ его. Развитіе роскоши, жажда удовольствій, усиленная погоня за исключительно практическими интересами—вотъ явленія характеризующія общественные нравы нашего времени. Поэзія и все идеальное—не во вкусахъ нашего реалистическаго времени. Современный человѣкъ, какъ истинный сынъ практическаго, положительнаго вѣка, ищетъ обыкновенно вездѣ и во всемъ подъ разными видами «хлѣба», т. е. матеріальныхъ благъ и наслажденій. Отсюда совершенное равнодушіе къ высшимъ цѣлямъ жизни, ко всему тому, что придаетъ настоящую цѣну и смыслъ жизни, что питаетъ и поддерживаетъ ее, и въ концѣ концовъ—равнодушіе къ самой жизни, къ этому безцвѣтному и безцѣльному существованію. И вотъ «больной сынъ больнаго вѣка», разочаровавшійся въ жизни, накладываетъ на себя руки, оставляя намъ въ назиданіе свою горькую исповѣдь: «жизнь надоѣла,—не стоитъ жить».

Мнѣ пожалуй укажутъ, что въ нашъ вѣкъ убиваютъ себя люди и никогда не занимавшіеся никакими высшими вопросами; тѣмъ не менѣе убиваютъ себя загадочно, безъ всякой видимой причины. Мы дѣйствительно видимъ очень много (а обиліе это опять-таки—своего рода загадка) самоубійствъ странныхъ и загадочныхъ, сдѣланныхъ вовсе не по нуждѣ, не по обидѣ, безъ всякихъ видимыхъ къ тому причинъ, вовсе не вслѣдствіе матеріальныхъ недостатковъ, оскорбленной любви, ревности, болѣзни, ипохондріи или сумасшествія, а такъ, Богъ знаетъ изъ-за чего совершившихся. Такіе случаи въ нашъ вѣкъ составляютъ большой соблазнъ, и такъ какъ совершенно невозможно въ нихъ отрицать эпидемію, то обращаются для многихъ въ самый безпокойный вопросъ. Всѣ эти самоубійства я, конечно, объяснять не возьмусь, да и разумѣется, не могу, но зато я несомнѣнно убѣжденъ, что въ большинствѣ, въ цѣломъ прямо или косвенно, эти самоубійцы покончили съ собой изъ-за одной и той-же духовной болѣзни—отъ отсутствія высшей идеи существованія въ душѣ ихъ. Въ этомъ смыслѣ нашъ индефферентизмъ, какъ современная русская болѣзнь, заѣлъ всѣ души. Право, у насъ теперь иной даже молится и въ церковь ходитъ, а въ безсмертіе своей души не вѣритъ, то есть, не то что не вѣритъ, а просто объ этомъ совсѣмъ никогда не думаетъ. А между тѣмъ лишь изъ этой одной вѣры выходитъ весь высшій смыслъ и значеніе жизни, выходитъ желаніе и охота жить. О, повторяю, есть много

охотниковъ жить безъ всякихъ идей и безъ всякаго высшаго смысла жизни, жить просто животною жизнью, въ смыслѣ низшаго типа; но есть, и даже слишкомъ ужъ многіе, и—что всего любопытнѣе—съ виду, можетъ быть, и чрезвычайно грубыя и порочныя натуры, а между тѣмъ природа ихъ, можетъ быть, имъ самимъ невѣдомо, давно уже тоскуетъ по высшимъ цѣлямъ и значенію жизни. Эти ужъ не успокоятся на любви къ ѣдѣ, на любви къ кулебякамъ, къ красивымъ рысакамъ, къ разврату, къ чинамъ, къ чиновной власти, къ поклоненію подчиненныхъ, къ швейцарамъ у дверей домовъ ихъ. Этакій застрѣлится именно съ виду *ни изъ чего*, а между тѣмъ непремѣнно отъ тоски, хотя и безсознательной, по высшему смыслу жизни, не найденному имъ нигдѣ. О, глядя, на многихъ изъ этакихъ, разумѣется, трудно повѣрить, чтобъ они покончили съ собою изъ-за «тоски по высшимъ цѣлямъ жизни».—«Да они ни объ какихъ цѣляхъ совсѣмъ и не думали, ни объ чемъ такомъ никогда и не говорили, а только дѣлали *пакости*»—вотъ всеобщій голосъ! Но пусть не заботились и дѣлали пакости: высшая тоска эта—знаете ли вы твердо, какими сложными путями, въ жизни общества, передается иногда иной душѣ и заражаетъ ее? Идеи летаютъ въ воздухѣ, но непремѣнно по законамъ; идеи живутъ и распространяются по законамъ слишкомъ трудно для насъ уловимымъ; идеи заразительны, и знаете ли вы, что въ общемъ настроеніи жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высокообразованному и развитому уму, можетъ вдругъ передаться почти малограмотному существу, грубому и ни объ чемъ никогда не заботившемуся, и вдругъ заразить его душу своимъ вліяніемъ? Укажутъ мнѣ, пожалуй, опять, что въ нашъ вѣкъ умерщвляютъ себя даже дѣти или такая юная молодежь, которая и не испытала еще жизни. А у меня именно есть таинственное убѣжденіе,

что молодежь-то наша и страдаетъ и тоскуетъ у насъ отъ отсутствія высшихъ цѣлей жизни. Въ семьяхъ нашихъ объ высшихъ цѣляхъ жизни почти и не упоминается, а объ идеѣ безсмертія не только ужъ вовсе не думаютъ, но даже слишкомъ нерѣдко относятся къ ней сатирически—и это при дѣтяхъ, съ самаго ихъ дѣтства, да еще, пожалуй, съ нарочнымъ назиданіемъ... Наше юное поколѣніе обречено само отыскивать себѣ идеалы и высшій смыслъ жизни. Наша молодежь такъ поставлена, что рѣшительно нигдѣ не находитъ никакихъ указаній на высшій смыслъ жизни. Отъ нашихъ умныхъ людей и вообще отъ руководителей своихъ она можетъ заимствовать въ наше время, повторяю это, скорѣе лишь взглядъ сатирическій, но ужъ ничего *положительнаго*, то есть, во что вѣрить, что уважать, обожать, къ чему стремиться: и все это такъ нужно, такъ необходимо молодежи, всего этого она жаждетъ и жаждала всегда, во всѣ вѣка и вездѣ! А еслибы и смогли и въ силахъ еще были ей передать что-нибудь изъ правильныхъ указаній въ семьѣ или въ школѣ, то опять-таки и въ семьѣ, и въ школѣ (конечно, не безъ нѣкоторыхъ исключеній), слишкомъ уже стали къ этому индефферентны за множествомъ иныхъ, болѣе практическихъ и современно-интересныхъ задачъ и цѣлей» [1]).

Но тутъ можетъ случиться еще и другая, противоположная крайность: теряя вѣру въ безсмертіе, человѣкъ долженъ или отчаяться въ жизни, не видѣть въ ней никакого смысла и потому отказаться жить, или же, если ужъ жить, то жить одною низменною, животною жизнію, держась эпикурейскаго правила: (*Станемъ, ѣсть и пить, ибо завтра умремъ* (1 Кор. XV, 32)! А къ чему приводитъ послѣдованіе этому правилу? «Сіе правило (приведемъ слова одного

[1]) Дневникъ Писателя 1876 г., № 12, стр. 322, 323.

изъ знаменитыхъ нашихъ проповѣдниковъ), которое Апостолъ, отъ лица не знающихъ или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, приводитъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, еслибы они имѣли преимущество философствовать,—въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, еслибы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда—не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити; ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утрѣ умремъ*, то точно также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей и превращаетъ человѣка въ скота или звѣря» [1]). А вотъ еще слова одного оратора-демократа на Брюссельскомъ съѣздѣ интернаціонали въ 1874 году: «Кто отнимаетъ у народа небо, тотъ долженъ дать ему землю. Вы, жалкіе фарисеи-либералы, отняли у народа утѣшеніе религіозной вѣры и не хотите снять съ него желѣзное иго вашихъ желѣзныхъ машинъ: гдѣ же ваша логика? Логика всемірной исторіи строже,—строже вашей логики. Съ потерею неба народъ всегда настойчиво требовалъ земли въ полное владѣніе. И онъ логически правъ: если нѣтъ Бога и загробной жизни, дайте намъ пожить въ полное удовольствіе на землѣ,—такова логика народа». Такова—скажемъ мы съ своей стороны—неизбѣжная логика здраваго, нормальнаго человѣческаго разсужденія: безъ вѣры въ свое безсмертіе человѣкъ только лживыми, обольщающими софизмами можетъ навязывать себѣ высшія, истинно-

[1]) Изъ Слова *Филарета*, митрополита Московскаго, въ день воскресный и Святителя Алексія 1848 г.

человѣческія побужденія, стремленія и цѣли. «Отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душей, съ правами на безсмертіе, матеріалистическій соціализмъ проповѣдуетъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлается ненужнымъ при томъ, указываемомъ имъ случайномъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мятутся, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобы завтра дать мѣсто другому такому же столбу. Если это такъ, тогда не стоитъ работать надъ собою, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе. Зачѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого надо запастись, какъ муравью, зернами на зиму, обиходнымъ умѣньемъ жить, такою честностью, которой синонимъ—ловкость, столькими зернами, чтобы хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобы было тепло, удобно... Какіе же идеалы для муравьевъ?» [1]).

Намъ могутъ возразить, что и среди людей, не вѣрующихъ въ загробную жизнь, есть очень много людей истинно благородныхъ, выполняющихъ свое человѣческое назначеніе ничуть не хуже, если еще не лучше людей, вѣрующихъ въ безсмертіе; причемъ эти люди, признающіе земную жизнь предѣломъ всего своего существованія, не находятъ въ этомъ никакой причины и основанія тяготиться земною жизнію и искать насильственнаго выхода изъ нея. Мало того:—нѣкоторые проповѣдуютъ даже, что только тогда, когда у всѣхъ исчезнетъ вѣра въ безсмертіе, только тогда каждый будетъ правильно пользоваться дѣйствительною

[1]) Обрывъ. Романъ *Гончарова*. Спб. 1870 г. Томъ второй, стр. 487—488.

жизнію, исполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности и наслаждаться истиннымъ блаженствомъ» [1]).

На это мы должны сказать слѣдующее. Природа человѣческая исполнена неуловимыхъ иногда противорѣчій, и эта противорѣчивость ея служитъ иногда во благо человѣку, хоть бы примѣнительно къ занимающему насъ вопросу. Скажите, много ли людей, дѣйствительно не вѣрующихъ въ свое безсмертіе или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ *послѣдовательныхъ* въ своемъ невѣріи? Думаемъ, что—очень мало. Иной, повидимому, дѣйствительно не вѣритъ въ будущую жизнь,—по крайней мѣрѣ, старается увѣрить себя въ этомъ. Между тѣмъ на дѣлѣ, самъ того не сознавая, онъ живетъ тѣми духовными истинами, которыя всосалъ съ материнимъ молокомъ, тѣми вѣрованіями, въ которыхъ былъ воспитанъ. Но отъ него ускользаетъ это глубоко-коренящееся внутреннее противорѣчіе, раздвоеніе его существа. Такимъ образомъ невыносимая, убійственная для человѣка мысль о ничтожествѣ парализуется у него въ своемъ дѣйствіи иными, противоположными началами, живѣе и сильнѣе говорящими въ немъ, составляющими истинный источникъ жизни человѣческой. Что-же касается того, будто общество людей, рѣшительно отказавшихся отъ вѣры въ безсмертіе, должно бы было представлять собою вполнѣ нормальное человѣческое общество, то утверждать это, по меньшей мѣрѣ, довольно трудно—впредь до осуществленія такого несбыточнаго идеала человѣческаго существованія. Но если позволительно судить по представляемымъ исторіею образчикамъ приближенія къ такому идеалу, то дѣйствительность скорѣе опровергаетъ, нежели подтверждаетъ такія утопическія, безсмысленныя теоріи. Къ счастію, вѣра въ человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, даетъ право надѣяться,

[1]) *Дуэ*, Азбука знанія для мыслящихъ. Лейпцигъ. 1875 г., стр. 16.

что онъ никогда не дойдетъ до совершеннаго забвенія и отрицанія Бога и безсмертія души.

И такъ вѣра въ безсмертіе души, служа выраженіемъ нормальнаго, здороваго состоянія природы человѣка, составляетъ основаніе нравственно-разумной жизни человѣческой, имѣющей въ ней самое первое и коренное свое предположеніе. Ею же держится и весь строй общественной жизни человѣческой: она связываетъ между собою людей во имя общихъ высшихъ интересовъ ихъ, во имя общаго высшаго ихъ назначенія, не оканчивающагося здѣшнею земною жизнію. Смертный сынъ земли долженъ сдѣлаться вѣчнымъ гражданиномъ неба. Имѣя это постоянно въ виду, помня это высокое свое предназначеніе, онъ сообразно съ нимъ располагаетъ и устрояетъ первую, предуготовительную ступень своего существованія—земную жизнь свою. При забвеніи же о вѣчности онъ ходитъ во тьмѣ и не знаетъ, куда идетъ (Іоан. XII, 35), потому что путь его не озаряется свѣтомъ вѣры въ безсмертіе, потому что онъ стоитъ на ложномъ пути, приводящемъ его къ ложному концу.

В) Существо и происхожденіе души человѣческой.

Съ вопросомъ о назначеніи и послѣдней судьбѣ души находится въ неразрывной связи вопросъ о ея существѣ и о ея началѣ, или происхожденіи: первый вопросъ заключается уже необходимо во второмъ.

Два діаметрально противоположныхъ взгляда господствуютъ на *существо* души человѣческой.

По одному взгляду душа есть самостоятельное и самодѣятельное начало жизни, соединенное съ тѣломъ, начало, которое, до тѣхъ поръ, пока живетъ въ тѣлѣ, пользуется,

правда, для своей дѣятельности и своего проявленія тѣлесными органами, но во время смерти человѣка отдѣляется опять отъ тѣла и продолжаетъ существовать независимо отъ него.

Другой взглядъ (съ которымъ мы уже познакомились отчасти выше) признаетъ душу не самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ началомъ жизни, а только суммою отправленій тѣлесныхъ органовъ; съ уничтоженіемъ этихъ послѣднихъ въ смерти прекращается, само собою разумѣется, и всякая дѣятельность души: такъ называемая душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

Послѣдній взглядъ не составляетъ результата только уже новѣйшей науки, какъ часто утверждаютъ. Уже саддукеи отвергали существованіе безтѣлесной души и не признавали воскресенія мертвыхъ, то есть существованія души по смерти человѣка. Вообще то мнѣніе, что душа не имѣетъ бытія отдѣльно отъ тѣла, имѣло своихъ послѣдователей и защитниковъ во всѣ времена.

Съ точки зрѣнія этого взгляда, конечно, не можетъ быть рѣчи ни о безсмертіи, ни о будущей жизни, ни о загробномъ воздаяніи.

Вопросъ о *происхожденіи* души человѣческой—одинъ изъ самыхъ трудныхъ и неудоборазрѣшимыхъ вопросовъ въ области ученія о человѣкѣ. «Вотъ старъ уже я»,—говорилъ о себѣ блаженный Августинъ,—«а и теперь такъ же не понимаю тайны происхожденія души, какъ не понималъ «въ юности».

Объяснить происхожденіе существа матеріальнаго считали всегда задачею нетрудною. Но какъ и отъ чего можетъ происходить существо простое, духовное, какова душа? Такъ какъ каждая отдѣльная душа появляется на свѣтъ и начинаетъ проявлять свою жизнь—дѣятельность только въ извѣстное историческое время, то естественно рождается вопросъ:

откуда и какъ она появляется? Существуютъ издавна три разныхъ отвѣта на этотъ вопросъ, или три гипотезы для объясненія происхожденія души человѣческой: 1) гипотеза *предсуществованія* (praecxistentianismus), 2) гипотеза *творенія* (creatianismus) и 3) гипотеза *переведенія* (traducianismus или generatianismus).

Разсмотримъ каждую изъ нихъ.

1) Гипотезою *предсуществованія* душъ предполагается, что всѣ души человѣческія существуютъ отъ созданія міра [1]) и до вселенія въ тѣло живутъ гдѣ-либо—или въ соединеніи съ Богомъ или въ такъ называемой общей міровой душѣ или же странствуютъ по тѣламъ животныхъ, и потомъ каждая, когда рождается для нея тѣло, въ наказаніе или въ награду, вводится въ него, какъ въ готовый домъ. Этому мнѣнію, въ томъ или другомъ видѣ, слѣдовали древніе языческіе народы (индійцы, египтяне, персы, мексиканцы, монголы и другіе), а изъ философовъ: Эмпедоклъ, Пиѳагоръ, Платонъ, Порфирій. Изъ учителей и писателей Церкви къ этому мнѣнію—въ лучшемъ его смыслѣ—склонялись, повидимому, Ориченъ, Климентъ Александрійскій, Немезій; и перечисленіе душъ допускалось только гностическими сектами. Мнѣніе это подкрѣпляли тѣми свойствами души, которыя какъ бы невольно возводятъ мысль за начало настоящаго бытія—въ вѣчность; таковы неизъяснимыя изъ опыта явленія—происхожденіе идей; прирожденность зла или добра, предопредѣленная какъ бы тому или другому, счастливая или несчастная доля и проч.

Разсмотрѣнная гипотеза всегда встрѣчала справедливое порицаніе со стороны святыхъ отцевъ Церкви; и въ опро-

1) Еврейскій раввинъ Манассія бенъ Израиль высказываетъ какъ общепринятую у іудеевъ вѣру, что всѣ души созданы во время шестидневнаго творенія міра.

верженіе ея св. Іустинъ Философъ, Григорій Нисскій, Василій Великій и другіе говорили слѣдующее:

а) Она противорѣчитъ внутреннему опыту: мы не помнимъ никакого періода жизни и дѣятельности до начала сознанія; и потому соединеніе нашихъ душъ съ тѣлами не можетъ быть ни наградою, ни наказаніемъ; а безъ этого ни настоящая, ни предыдущая жизнь при этой гипотезѣ не можетъ имѣть никакого смысла [1]). Пятый Вселенскій Соборъ, осуждая мнѣніе Оригеново о предсуществованіи человѣческихъ душъ, выражается: «Церковь, послѣдуя божественнымъ словамъ, утверждаетъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, чтобы одна творилась прежде, а другое послѣ, по лжеученію Оригена».

б) Она влечетъ за собою множество недоумѣній, чѣмъ и гдѣ была душа до соединенія съ тѣломъ, что дѣлала или почему была въ бездѣйствіи, для чего послана въ тѣло и т. д.

в) Наконецъ она основывается на ложномъ понятіи объ отношеніи души къ тѣлу, считая тѣло столько же случайнымъ и внѣшнимъ для души, сколько домъ для живущаго въ немъ или одежда для надѣвающаго ее,—что несправедливо.

Что же касается до вышеупомянутыхъ явленій опыта, въ которыхъ эта гипотеза думаетъ находить подкрѣпленіе себѣ, то они гораздо лучше объясняются изъ другихъ началъ, а именно: а) идеи имѣютъ начало своего происхож-

---

[1]) «Человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о своемъ существованіи до рожденія; слѣдовательно мы не въ правѣ предполагать такое существованіе. Природа разума состоитъ въ сознаніи; а потому и продолженіе жизни разумнаго существа опредѣляется продолженіемъ сознанія. Если же сознаніе прерывается, то лежащая въ основаніи субстанція можетъ перейдти въ другую форму и начать новую жизнь, но это будетъ уже жизнь другаго разумнаго существа, а не того же самаго» (*Б. Чичеринъ*. Наука и Религія. М. 1879 г. стр. 185—186).

денія въ стремленіи духа къ Безконечному; б) прирожденность зла или добра есть наслѣдство отъ прародителей и предковъ; в) непонятное для насъ распредѣленіе жребіевъ есть дѣло Премудраго Промысла.

Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ мнѣніи есть и часть истины. Въ самомъ дѣлѣ, не весь я произошелъ во времени: къ бытію моему принадлежитъ нѣчто, выходящее за предѣлы естества, что вложено въ меня Богомъ и что слѣдовательно прежде начала бытія моего было въ Немъ.

2) Гипотеза *творенія* (новотворенія, творенія вновь) душъ полагаетъ, что души не существуютъ отъ начала міра, но *творятся* Богомъ въ то самое время, когда образуется для нихъ тѣло. Защитниками этого мнѣнія изъ отцевъ церкви были: Ѳеодоритъ, Кириллъ Александрійскій, Амвросій, Иларій. Къ принятію его располагали ихъ частію невыгодныя стороны другихъ гипотезъ, частію высокое достоинство души, не могущей имѣть земнаго происхожденія и долженствующей выходить непосредственно изъ рукъ Творца. Но святые отцы Церкви находили и въ этой гипотезѣ нѣкоторыя неудобства, а именно:

а) Она вводитъ въ естественный порядокъ міра сверхъестественное твореніе.

б) Она разрываетъ естественную связь поколѣній рода человѣческаго между собою и дѣлаетъ необъяснимымъ переходъ какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ свойствъ, а слѣдовательно и грѣховной порчи отъ родителей къ дѣтямъ,—переходъ, который однакожъ подтверждается всеобщимъ опытомъ. Если душа выходитъ чистою изъ рукъ Творца (а иною она и не можетъ выходить изъ Его рукъ), въ такомъ случаѣ откуда же въ ней зло? Отъ тѣла? Но этой мысли не принимали никогда серьезные мыслители

христіанскіе: они не допускали, чтобы нравственный характеръ души опредѣлялся тѣломъ и чтобы тѣло было источникомъ зла.

в) Она подчиняетъ творческую волю Божію дѣйствію страстей человѣческихъ, иногда самому беззаконному.

Тѣмъ не менѣе однако и въ этомъ мнѣніи есть нѣчто истинное: я, какъ недѣлимое, имѣю начало бытія; но я не могу быть обязанъ своимъ бытіемъ одной только подобной мнѣ твари самой по себѣ,—я долженъ возводить причину моего происхожденія къ единому Творцу—Богу.

3) Гипотеза *переведенія* душъ принимаетъ, что души всѣхъ, и самыхъ отдаленнѣйшихъ потомковъ, содержались въ праотцѣ рода человѣческаго, или какъ дѣйствительныя существа или только въ возможности и потомъ переходятъ или переводятся преемственно отъ родителей къ дѣтямъ, когда образуется принадлежащее той или другой душѣ тѣло. Къ этому мнѣнію, однако съ особеннымъ ограниченіемъ, склонялась большая часть восточныхъ отцевъ, именно: Григорій Богословъ, Аѳанасій Великій, Ириней и многіе другіе богословы отъ Тертулліана до нашихъ временъ, также многіе врачи и физіологи. Подтвержденіе его можно находить въ опытѣ, который показываетъ, что и тѣлесныя, и душевныя свойства переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ.

Большая или меньшая состоятельность этой гипотезы зависитъ отъ того, какъ она объясняетъ происхожденіе души отъ душъ родителей. Именно можно предположить одинъ изъ трехъ слѣдующихъ способовъ: а) или душа родителей отъ существа своего *удѣляетъ* новое начало жизни, которое потомъ раскрывается въ рожденномъ. Но это некоторое совмѣстно съ простотою души, исключающею всякую дѣлимость. б) Или душа, имѣющая произойдти, уже заключалась нѣкоторымъ духовнымъ сѣменемъ въ душѣ родителей и изъ нея *развивается*. Но всякое воображеніе изнемогаетъ, усиливаясь представить себѣ это безконечное «завитіе» однѣхъ душъ въ другія отъ нашего времени до первыхъ людей. Или наконецъ в) души родителей имѣютъ способность просто *производить* вновь существо себѣ подобное. Но чтобы тварь какъ тварь могла производить другую тварь, это—противорѣчіе.

Однако нѣчто и изъ этой гипотезы допустить необходимо. Если родъ человѣческій долженъ имѣть между собою связь и если опытъ свидѣтельствуетъ о непосредственной связи дѣтей съ родителями, то что-нибудь въ душахъ нашихъ происходитъ и отъ родителей.

Отцы Церкви тайну происхожденія души любили болѣе преходить благоговѣйнымъ молчаніемъ, нежели изъяснять. Не для того, чтобы разоблачить эту тайну, но чтобы устранить неправыя мнѣнія, привязываемыя къ неправильному взгляду на происхожденіе души, представимъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ предметѣ.

1) Въ рожденіи живыхъ существъ дѣйствуетъ сила Божія. Богъ, хотя даровалъ ее тварямъ, однако не можетъ отказаться отъ нея, а признаетъ ее Своею; почему рождающееся по отношенію къ Богу есть *твореніе* Божіе. Поэтому Августинъ говоритъ: «Какъ бы ни происходила душа, все же она еетъ твореніе Божіе». Но съ другой стороны родотворящая сила Божія усвоена существу тварей. Поэтому появляющаяся на свѣтъ душа по отношенію къ родителямъ есть ихъ *рожденіе*, а не твореніе; ибо (замѣчаетъ св. Василій Великій)—твореніе не изъ существа творящаго, а рожденіе—изъ существа рождающаго.

2) Родотворящая сила есть по существу своему духовная; поэтому изъ представленія происхожденія душъ нужно удалять всякіе матеріальные образы. Рожденіе вообще есть явленіе духовное—на всѣхъ степеняхъ бытія: отъ смерт-

наго рождается смертное, отъ безсмертнаго—безсмертное, отъ Вѣчнаго—Вѣчное, но все духовнымъ образомъ. Поэтому св. Ириней и св. Іустинъ мученикъ, называя душу рожденною, тѣмъ не менѣе однако признаютъ ее безтѣлесною и нетлѣнною.

3) Родотворящая сила Божія имѣетъ качество всеобщее; но, нисходя въ міръ явленій, она а) производитъ только недѣлимыя въ человѣчествѣ—души, наши *я*. Почему то, что въ насъ есть выше нашего *я*, не рождается, а приходитъ отвнѣ, отъ Бога. Поэтому Антоній Великій, признавая человѣка состоящимъ изъ тѣла, души и ума, говоритъ: «Душа есть въ мірѣ какъ *рожденная*, а умъ превыше міра, какъ *нерожденный*» [1]). Притомъ, б) открываясь чрезъ взаимодѣйствіе родителей, родотворящая сила Божія и въ образѣ проявленія своего опредѣляется ихъ природою и ея состояніемъ. Поэтому-то дѣти въ физическихъ и духовныхъ чертахъ носятъ на себѣ образъ родителей.

Вышеприведенное объясненіе соглашаетъ въ себѣ всѣ три разсмотрѣнныя гипотезы, принимая въ себя то, что въ нихъ есть лучшаго и устраняя ихъ крайности.

Душа, какъ недѣлимое, какъ это *я*, существо измѣняющееся, происходитъ вмѣстѣ съ тѣломъ отъ родителей, до происхожденія своего находится въ состояніи возможности въ ихъ естествѣ, именно—въ усвоенной имъ родотворящей силѣ, и чрезъ нихъ и отъ нихъ получаетъ дѣйствительное бытіе. Вотъ гипотеза *переведенія!*

Но чтобы это *я* могло быть настоящею, разумно-свободною, богоподобною душею, для этого должно превзойдти въ него нѣчто высшее его, что одушевляло-бы его стремленіемъ къ Божественному, давало душѣ духовную жизнь

[1]) Наставленія Антонія Великаго 93, 94, 98, 126, 131, 136. Добротолюбіе, часть 1-я.

и возвышало ее надъ всѣмъ случайнымъ и преходящимъ. Это есть богоподобный духъ, не рождающійся отъ родителей и вообще не происходящій, а вливаемый Богомъ въ душу послѣ ея происхожденія. Одушевленная имъ, душа возвышается изъ области времени въ вѣчность и по нѣкоторому самообольщенію усвояетъ себѣ свойства вѣчности, считаетъ себя старѣйшею своего начала, какъ-бы совѣчною Богу. Вотъ гипотеза *предсуществованія!*

Между тѣмъ происходящая душа есть новое существо, изъ состоянія чистой возможности переходящее въ дѣйствительное бытіе; основаніе его хотя и заключается въ родителяхъ, но у нихъ—въ томъ, что въ нихъ выше ихъ самихъ, именно—въ безконечной силѣ Божіей, вліянной въ нихъ. Дѣйствіе-же этой силы всегда проявляется подъ вліяніемъ свободной воли Божіей, возвышающейся надъ всѣми отношеніями времени. Переведеніе существа изъ состоянія чистой возможности въ состояніе дѣйствительнаго бытія свободною волею Божіею есть твореніе. Вотъ гипотеза *творенія!*

Въ Православно-Догматическомъ Богословіи преосвященнаго *Макарія* ученіе о «происхожденіи каждаго человѣка и въ частности происхожденіи душъ» изложено слѣдующимъ образомъ:

Хотя всѣ люди происходятъ отъ прародителей путемъ естественнаго рожденія, однако-жъ, тѣмъ не менѣе, Богъ есть Творецъ и каждаго человѣка. Разность только въ томъ, что Адама и Еву Онъ создалъ непосредственно, а всѣхъ потомковъ ихъ творитъ посредственно—силою Своего *благословенія*, которое Онъ даровалъ нашимъ праотцамъ вдругъ по сотвореніи ихъ, сказавъ: *раститеся и множитеся и*

наполните землю (Быт. I, 28), и которое, будучи изречено однажды, какъ слово Всемогущаго, не потеряетъ своей дѣйственности до окончанія вѣковъ. Посему-то въ Священномъ Писаніи говорится, что Богъ не только создалъ нашихъ прародителей, но и—

а) *сотворилъ есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному* (Дѣян. XVII, 26), *Самъ дая всѣмъ животъ и дыханіе и вся* (—25);

б) творитъ каждаго человѣка. *Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя*, восклицаютъ Іовъ и Псалмопѣвецъ (Іов. X, 8; Псал. CXVIII, 73); и въ другихъ мѣстахъ: *Духъ Божій сотворивый мя...* (Іов. XXXIII, 4); *Ты создалъ еси мя* (Псал. CXXXVIII, 5). Самъ Богъ говоритъ къ Іереміи: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя и прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ, освятихъ тя, пророка во языки поставихъ тя* (Іерем. I, 5);

в) творитъ тѣло человѣка: *кожею и плотію мя облеклъ еси, костьми-же и жилами сшилъ мя еси* (Іов. X, 11); *не утаится кость моя отъ Тебе, юже сотворилъ еси въ тайнѣ* (Псал. CXXXVIII, 15; снеси Псал. XXXII, 15),—взываютъ предъ Богомъ тѣ-же священные писатели;

г) творитъ душу человѣка. Эту мысль выражаютъ: Екклесіастъ: *и возвратится персть въ землю, яко-же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его* (XII, 7); пророкъ Исаія: *тако глаголетъ Господь Богъ, сотворивый небо и водрузивый е, утверждей землю и яже на ней, и даяй дыханіе людемъ, иже на ней, и духъ ходящимъ на ней* (XLII, 5; снеси LVII, 16); пророкъ Захарія: *глаголетъ Господь, простерый небо, и основаяй землю, и созидаяй духъ человѣка въ немъ* (XII, 1). Со всею-же ясностію это вѣрованіе Церкви ветхозавѣтной выразила благочестивая жена іудеянка, когда, во дни гоненія Антіоха, убѣждая дѣтей своихъ вкусить смерть ради закона Божія,

говорила имъ: *не вѣмъ, како во чревѣ моемъ явистеся, ниже бо азъ духъ и животъ дахъ вамъ, и коегождо уды не азъ составихъ, но міра Творецъ, создавый родъ человѣчь, и всѣхъ изобрѣтый рожденіе, и духъ и жизнь вамъ паки воздастъ съ милостію, яко нынѣ сами себе презираете ради законовъ Его* (2 Макк. VII, 22—24).

Что касается, въ частности, вопроса о происхожденіи душъ человѣческихъ, то православная Церковь, на основаніи означенныхъ текстовъ, всегда держалась, какъ и нынѣ держится (Православное Исповѣданіе, ч. 1-я, отвѣтъ на вопр. 28), мысли, что онѣ творятся Богомъ. Объ этомъ непререкаемо засвидѣтельствовалъ пятый Вселенскій Соборъ, когда, осуждая мнѣніе Оригеново о предсуществованіи человѣческихъ душъ, выразился: «Церковь, послѣдуя божественнымъ словамъ, утверждаетъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, чтобы одна творилась прежде, а другое послѣ, по лжеученію Оригена». Засвидѣтельствовалъ, по крайней мѣрѣ, относительно Церкви восточной, блаж. Ѳеодоритъ: «св. Церковь, вѣруя божественному Писанію, учитъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, но не такъ, чтобы съ самымъ сѣменемъ, изъ котораго образуется тѣло, и она получала бытіе, но что, по волѣ Творца, она тотчасъ-же является въ тѣлѣ по его образованіи». Засвидѣтельствовали относительно Церкви западной св. Левъ, папа римскій и блаж. Іеронимъ. «Каѳолическая вѣра,—говоритъ первый,—исповѣдуетъ, что каждый человѣкъ, по своему тѣлу и душѣ, образуется и одушевляется въ утробѣ матерней Творцемъ всяческихъ, такъ впрочемъ, что остается зараза грѣха и смерти, переходящая отъ прародителя на потомство». А блаж. Іеронимъ спрашиваетъ: «откуда всѣ люди имѣютъ души?—ужели отъ родителей, подобно неразумнымъ животнымъ, такъ что, какъ тѣло рождается отъ тѣла, такъ душа отъ души? Или разумныя твари, ниспавши

на землю по пристрастію къ тѣламъ, соединяются съ человѣческими тѣлами? Или дѣйствительно (какъ и учитъ Церковь на основаніи словъ Спасителя: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю*—Іоан. V, 17, и словъ Захаріи: *создаяй духъ человѣка въ немъ*—Зах. XII, 1, и Псалмопѣвца: *создавый наединѣ сердца ихъ*—Псал. XXXII, 15) ежедневно творитъ души Богъ, коего хотѣніе есть уже дѣло и который не престаетъ быть Творцемъ»? Не упоминаемъ уже о частныхъ учителяхъ Церкви: Лактанціѣ, Амвросіѣ, Иларіѣ, Ефремѣ Сиріанинѣ, Кириллѣ Александрійскомъ, Геннадіѣ и другихъ, которые ясно проповѣдуютъ въ своихъ писаніяхъ, что души человѣческія творятся Богомъ.

Какъ-же понимать это твореніе душъ? Сама Церковь съ точностію не опредѣляетъ; но, на основаніи представленныхъ свидѣтельствъ пятаго Вселенскаго Собора, блаж. Ѳеодорита и особенно св. Льва, и въ соотвѣтственность съ другими догматами Церкви, надобно полагать, что здѣсь разумѣется не непосредственное твореніе Божіе, а посредственное,—что Богъ творитъ человѣческія души, какъ и тѣла, силою того самаго благословенія—*роститься и множиться*, которое Онъ даровалъ нашимъ праотцамъ еще въ началѣ,—творитъ не изъ ничего, а отъ душъ родителей. Ибо, по ученію Церкви, хотя души человѣческія получаютъ бытіе чрезъ твореніе, но такъ, что на нихъ переходитъ отъ родителей зараза прародительскаго грѣха,—а этого не могло-бы быть, еслибы Богъ творилъ ихъ изъ ничего. Скажутъ-ли, что такое твореніе душъ отъ душъ родителей для насъ совершенно неизъяснимо, когда человѣческая душа есть существо простое? Правда. Но для насъ совершенно неизъяснимо и то, чтобы Богъ, Духъ чистѣйшій, могъ рождать изъ существа Своего Сына и изводить Св. Духа,—однакожъ Откровеніе учитъ, что Богъ дѣйствительно вѣчно рождаетъ изъ существа Своего Сына и вѣчно изводитъ Св.

Духа, не подвергаясь никакому дѣленію... Потому-то еще древніе учители Церкви повторяли, что тайна творенія нашихъ душъ понятна одному Богу. Принимая мнѣніе о твореніи человѣческихъ душъ отъ душъ родителей, мы естественно тѣмъ самымъ отвергаемъ: а) мнѣніе, будто души происходятъ отъ сѣмени родителей, отъ котораго происходятъ и тѣла,—мнѣніе, очевидно, допускающее вещественность человѣческой души и ея смертность вмѣстѣ съ тѣломъ [1]); б) мнѣніе, будто души происходятъ сами собою отъ душъ родителей, какъ тѣла отъ тѣлъ, допускающее неизбѣжно дѣлимость души и слѣдовательно также вещественность ея и смертность: потому что существо, совершенно невещественное, никогда не можетъ, безъ особеннаго творческаго всемогущества, произвести изъ себя какое-либо другое существо; [2]) в) наконецъ мнѣніе, будто души человѣческія творятся Богомъ изъ ничего и посылаются Богомъ въ тѣла, неудобно примиряемое съ догматомъ православной Церкви о распространеніи первороднаго грѣха отъ родителей на дѣтей путемъ естественнаго рожденія [3]).

Когда же именно творятся человѣческія души и соединяются съ тѣлами? Образованіе тѣла, какъ вещественнаго, происходитъ въ утробѣ матерней постепенно; а душа, существо простое, можетъ твориться только мгновенно, и дѣйствительно творится и дается отъ Бога, по ученію

---

[1]) Мнѣнія этого держались еретики Люциферіане. „Еслибы и душа“,—говорится въ Православномъ Исповѣданіи Каѳол. и Апост. Церкви Восточной,—„происходила отъ того-же сѣмени, отъ котораго происходитъ и тѣло, то онѣ вмѣстѣ-бы и умирали» (ч. 1-я, отв. на вопр. 28).

[2]) Этому мнѣнію слѣдовали, по свидѣтельству блаж. Іеронимъ, Тертулліанъ, Аполлинарій-еретикъ и многіе изъ западныхъ христіанъ. Вооружались противъ него: Оригенъ, Іеронимъ, Лактанцій, Геннадій и другіе.

[3]) См. способъ примиренія, предложенный Стефаномъ Яворскимъ въ статьѣ: *Изъявленіе Богословскихъ вопросовъ* (Хр. чт. 1844, III, 400—413), и сн. Православное Богословіе *Ѳеофана Прокоповича* (т. II, стр. 37—45).

православной Церкви, «въ то время, когда тѣло образуется уже и содѣлается способнымъ къ принятію оной» (Прав. Испод. ч: 1-я, отв. на вопр. 28). Такъ учили и древніе учители Церкви: Кириллъ Александрійскій, Августинъ, Өеодоритъ, Геннадій и другіе, и въ доказательство своихъ словъ указывали на слова св. пророка Моисея: Исх. XXI, 22—24. Вотъ какъ напримѣръ раскрываетъ мысль свою блаж. Өеодоритъ: «тотъ же пророкъ (Моисей) въ законахъ своихъ еще яснѣе учитъ, что сперва образуется тѣло, а потомъ вливается душа. Ибо, говоря о томъ, кто поразитъ беременную женщину, онъ даетъ такой законъ: *аще кто поразитъ жену непраздну, и изъидетъ младенецъ ея неизображенъ,—тщетою да отщетится. Аще же изображенъ будетъ, да дастъ душу за душу, око за око* и проч. (Исх. XXI, 22—24). Этимъ самымъ онъ даетъ разумѣть, что неизображенный или необразовавшійся младенецъ еще не имѣетъ души, а образовавшійся имѣетъ душу». Съ другой стороны, можно указать и на другія мѣста Писанія, изъ которыхъ видно, что младенцы еще во утробѣ матерней, слѣдовательно до рожденія своего, имѣютъ души. Напримѣръ о Ревеккѣ замѣчено: *играста же младенца въ ней* (Быт. XXV, 22); св. Елизавета говоритъ о самой себѣ предъ Пресвятою Дѣвою Маріею: *се бо, яко бысть гласъ цѣлованія твоего во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ* (Лук. I. 44; снеси Іерем. I, 5).

(Правосл.-Догмат. Богословіе, томъ I, § 79. Изд. 4-е. Спб. 1883 г., стр. 439—443).

Г) Доказательства безсмертія души человѣческой.

При томъ высокомъ интересѣ и томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ для человѣка вопросъ о безсмертіи его души, естественно ожидать, что этотъ вопросъ будетъ не только привлекать его сердце, но и занимать его умъ, то есть, что онъ будетъ предметомъ не религіознаго только убѣжденія, или вѣры, но также и предметомъ теоретическихъ или философскихъ изслѣдованій. И дѣйствительно, люди искони пытались проникнуть въ таинственную область загробной жизни, усиливались такъ или иначе разрѣшить великій вопросъ о послѣдней судьбѣ человѣка. Послѣ всего того, что было говорено въ разныя времена *за* и *противъ* вѣры въ безсмертіе, нельзя не согласиться, что она имѣетъ за себя такое «облако свидѣтелей» и свидѣтельствъ, что только научное легкомысліе и слѣпое предубѣжденіе можетъ приравнивать ее къ обыкновеннымъ человѣческимъ суевѣріямъ и несбыточнымъ мечтамъ.

Мы имѣемъ въ виду изложить здѣсь главнѣйшія доказательства, которыми обыкновенно подкрѣпляютъ истину безсмертія души человѣческой, считая однако нужнымъ оговориться сейчасъ-же, что не всѣ эти доказательства имѣютъ одинаковую убѣждающую и доказательную силу и что вообще мы не можемъ и не обѣщаемъ представить доказательства безусловно ясныя и неопровержимыя въ математическомъ смыслѣ, такія доказательства, противъ которыхъ не могло бы быть сдѣлано никакихъ возраженій. Это не значитъ однако, чтобы истина безсмертія души человѣческой не имѣла въ свою пользу вѣскихъ основаній, чтобы ее слѣдовало отнести къ разряду безосновательныхъ фантазій, пустыхъ басенъ. Это значитъ только то, что рели-

гіозно-нравственныя истины—къ числу каковыхъ принадлежитъ и истина безсмертія души—не могутъ быть доказываемы математическимъ путемъ, путемъ убѣжденія одного ума: онѣ воспринимаются и усвояются преимущественно сердцемъ, и сердечное убѣжденіе или неубѣжденіе въ нихъ отражается соотвѣтственнымъ образомъ и въ умѣ. *Сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога*, И многіе безумцы говорятъ то же самое сначала въ сердцѣ своемъ, а потомъ и въ умѣ своемъ. Что $2 \times 2 = 4$, этого я не могу допустить, потому что это—математическая аксіома, основывающаяся на законахъ моего ума. Но что нужно любить ближняго, къ этому умъ мой не обязываетъ меня съ принудительною силою: это рѣшаетъ мое сердце, мое нравственное развитіе и расположеніе. Не всѣ любятъ ближнихъ, но всѣ обязательно признаютъ, что $2 \times 2 = 4$. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что нравственная истина—любовь къ ближнему менѣе разумна, основательна и обязательна въ своемъ родѣ, нежели математическая аксіома $2 \times 2 = 4$? Мы признаемъ математическія истины неопровержимыми и безспорными; а между тѣмъ, еслибы геометрія противорѣчила нашимъ страстямъ, нашлось бы немало людей, которые стали бы оспаривать твердость ея доказательствъ» (Лейбницъ». Сердце—исходище жизни, глубокій источникъ убѣжденій и предубѣжденій. *Отъ сердца исходятъ помышленія злыя* (Матѳ. XV, 19), но и благія. Оно даетъ тонъ и направленіе даже умственному складу человѣка. «Мы познаемъ истину не умомъ только, но и сердцемъ», говоритъ *Паскаль*. «Система нашего мышленія—это ни болѣе, ни менѣе, какъ исторія нашего сердца. Всѣ мои убѣжденія вытекаютъ изъ внутренняго расположенія, а не изъ ума» (И. Г. Фихте). «Собственно говоря все сводится къ внутреннимъ расположеніямъ: ими вызываются мысли» (Гете).

Итакъ, представляя доказательства въ пользу истины безсмертія души человѣческой, мы имѣемъ въ виду раскрыть и оправдать ея разумность, показать, что она не только не противорѣчитъ ни одной здравой человѣческой истинѣ, напротивъ того вполнѣ гармонируетъ съ разумнымъ взглядомъ на міръ и человѣка и служитъ прекраснымъ и возвышеннымъ его завершеніемъ.

а) Непосредственное сознаніе.

Мысль о безсмертіи души не дается намъ опытомъ. Ежедневный опытъ представляетъ намъ напротивъ того смерть, тлѣніе и разрушеніе. Въ каждую секунду темная могила поглощаетъ по одному сыну земли; каждая секунда отнимаетъ у кого-либо изъ насъ дорогое существо и уноситъ его туда,

Откуда никто не приходитъ!

И для каждаго изъ насъ настанетъ въ свое время эта ужасная, ничѣмъ непредотвратимая секунда...

Откуда же въ насъ, въ противность столь очевидному и подавляющему опыту, мысль о безсмертіи, о вѣчной жизни? Какъ намъ пришло въ голову думать о безсмертіи и желать его? Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что человѣкъ носитъ идею о своемъ безсмертіи въ своемъ духѣ: она присуща ему непосредственно. Она служитъ въ немъ выраженіемъ голоса природы, который никогда не обманываетъ. «Идея о безсмертіи—это сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истины и правильнаго сознанія для человѣчества» [1]. Слѣ-

[1]) Дневникъ Писателя, 1876 г., № 12, Стр. 322.

довательно жить для человѣка значитъ сознавать и чувствовать себя безсмертнымъ. Съ другой стороны, почему человѣкъ такъ отвращается смерти, зная ея полнѣйшую неизбѣжность? Еслибы смерть была естественнымъ, нормальнымъ явленіемъ, въ такомъ случаѣ она не возбуждала бы въ насъ такого ужаса и отвращенія, мы не считали бы ея такимъ великимъ зломъ, такимъ страшнымъ бичемъ, не видѣли бы въ ней самаго непримиримаго нашего врага. Но дѣло въ томъ, что смерть есть противорѣчіе нашей безсмертной природѣ, и сознаніе этого противорѣчія служитъ сильнѣйшимъ, невольнымъ свидѣтельствомъ о нашемъ безсмертіи.

«Есть ли въ человѣкѣ чувство своего безсмертія? Должно быть. Какъ существо, предназначенное къ безсмертію, человѣкъ по этому самому не можетъ не имѣть предчувствія о томъ; и дѣйствительно, нѣтъ человѣка, который, въ извѣстныя минуты жизни, не ощущалъ въ себѣ того, что превыше смерти. Во всѣхъ ли равно это чувство?— Нѣтъ; въ иныхъ очень сильно, въ иныхъ такъ слабо, что почти его нѣтъ. Отъ чего зависитъ эта разность? Отъ природы или отъ воли самого человѣка?—Чувство безсмертія, какъ и всѣ прочія чувства въ нашей душѣ, можетъ усиливаться и ослабѣвать. Когда прилагаютъ стараніе, то оно усиливается: когда небрегутъ о томъ, тѣмъ паче когда дѣйствуютъ противнымъ образомъ, то оно ослабѣваетъ.

«Отъ чего же именно усиливается это драгоцѣнное чувство и отъ чего ослабѣваетъ?

«Въ настоящемъ состояніи человѣка, въ составѣ его, очевидно; два начала: одно—безсмертное, которое не исчезаетъ въ смерти, другое—смертное, которое продолжается только до гроба и тамъ разлагается и исчезаетъ. Каждое изъ сихъ началъ производитъ въ человѣкѣ сродное себѣ чувство: начало безсмертія производитъ чувство безсмертія,

начало смертное производитъ чувство смертности. Оба начала эти—безсмертное и смертное—такъ тѣсно сочетаны, что составляютъ теперь одно цѣлое: посему-то и чувство безсмертія съ чувствомъ смертности сливается въ одно неопредѣленное чувство. Такая неопредѣленность чувствъ недолго можетъ продолжаться: съ продолженіемъ времени, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, одно какое-либо чувство беретъ верхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ другое слабѣетъ и умаляется. Если беретъ верхъ чувство безсмертія, то чувство смертности слабѣетъ; если напротивъ, усиливается чувство смертности, то чувство безсмертія дѣлается слабѣе. Зависитъ же это отъ того, чѣмъ наиболѣе человѣкъ начинаетъ жить и дѣйствовать. Если онъ живетъ болѣе тѣмъ, что есть въ немъ истинно-безсмертнаго,—духомъ, совѣстію, закономъ: то усиливается чувство безсмертія. А если предается сильно тому, что въ немъ есть смертнаго,—плоти и крови: то усиливается чувство смертности. И съ чѣмъ наиболѣе онъ живетъ, то наиболѣе и чувствуетъ, тѣмъ наиболѣе и проникается, отъ того заимствуетъ силу и чувство [1])».

Если поэтому непосредственное сознаніе, или чувство безсмертія иногда затемняется, заглушается и даже вовсе теряется въ нѣкоторыхъ людяхъ, то это не служитъ еще опроверженіемъ его необходимости и всеобщности: это уже явленіе ненормальное, вызываемое такими причинами и обстоятельствами, которыя вліяютъ вообще искажающимъ образомъ на природу человѣческую. «Есть много охотниковъ жить безъ всякихъ идей и безъ всякаго высшаго смысла жизни, жить просто животною жизнью [2])». У та-

---

[1]) *Иннокентія*, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, *Мысли о безсмертіи*.

[2]) Дневникъ Писателя, 1876 г., № 12, стр. 322.

кихъ людей, конечно, нечего искать яснаго и отчетливаго сознанія своего безсмертія: они исказили въ себѣ образъ Божій и человѣческій, почему и не могутъ служить нормою для сужденія о человѣкѣ, когда идетъ рѣчь о высшихъ вопросахъ и интересахъ человѣческихъ.

Здѣсь нельзя не припомнить характеристически-вѣрнаго изреченія одного изъ древнихъ христіанскихъ апологетовъ: «душа—по природѣ христіанка [1])». Вотъ почему мы находимъ въ ней свидѣтельство объ одной изъ существеннѣйшихъ христіанскихъ истинъ, съ которою неразрывно связано все дѣло возстановленія природы человѣческой въ ея истинномъ и чистомъ видѣ,—объ истинѣ безсмертія души человѣческой.

Итакъ мы можемъ сказать, что непосредственное сознаніе, или чувство безсмертія не есть выраженіе какого-нибудь единичнаго, случайнаго и произвольнаго желанія: это—всеобщая, неизмѣнная и отличительная черта человѣка, когда бы и гдѣ бы онъ ни жилъ и на какой бы степени образованія ни находился. Мы слышимъ въ немъ голосъ природы человѣческой.

б) Метафизическое, или онтологическое доказательство.

Если Декартъ сказалъ: «я мыслю, слѣдовательно я есмь»; то мы можемъ сказать: «я есмь, слѣдовательно я безсмертенъ». Человѣкъ безсмертенъ, потому что онъ *есть*. Мы знаемъ однако, что не всѣ раздѣляютъ это убѣжденіе, что напр. матеріалисты и пантеисты не допускаютъ возможности личнаго безсмертія человѣка. Отчего же такое

[1]) *Тертулліанъ*, О свидѣтельствѣ души, гл. 5-я.

различіе, такая противоположность во взглядѣ на этотъ важный вопросъ? Это различіе зависитъ, очевидно, отъ различія во взглядѣ на существо души человѣческой: вотъ гдѣ основаніе этого различія взглядовъ на судьбу души по смерти человѣка. Для матеріалиста душа человѣческая не есть самостоятельное начало, независимое и отличное отъ тѣла, она есть продуктъ нашего тѣлеснаго организма и потому прекращаетъ свое бытіе вмѣстѣ съ разрушеніемъ, смертію этого организма,—умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Точно также и для пантеиста душа человѣческая не есть самостоятельное существо, или субстанція: она есть не иное что, какъ проявленіе общей міровой субстанціи, которая одна только дѣйствительно существуетъ и въ которую возвращается или съ которою сливается душа по смерти человѣка, совершенно теряя свое личное бытіе. Неправильный взглядъ на существо души сопровождается, естественно, и ложными выводами относительно будущей, конечной ея судьбы.

Что такое душа человѣческая? Душа человѣческая есть единичная, то есть простая и невещественная субстанція, самостоятельное и самодѣятельное существо, и притомъ существо самосознательно-личное; однимъ словомъ, она есть духовный атомъ. Изъ этого понятія о душѣ человѣческой съ необходимостью вытекаетъ невозможность ея уничтоженія, или ея безсмертіе.

Во-первыхъ, душа человѣческая есть единичная, не сложная, духовная субстанція. Это доказывается единствомъ ея отправленій: всѣ разнообразныя впечатлѣнія, воспринимаемыя душею, сводятся въ ней къ единству сознанія. Единство сознанія предполагаетъ единство сознающей субстанціи. А это единство исключаетъ всякую сложность и матеріальность. Этимъ самымъ опровергается само собою

ученіе матеріалистовъ, отождествляющихъ душу съ нервною системою, которая, какъ извѣстно, представляетъ большую сложность. Мы согласились бы, пожалуй, съ ученіемъ матеріалистовъ, еслибы имъ (ученіемъ) могли быть объяснены факты душевной жизни; но этого-то именно мы и не видимъ. Для примѣра возьмемъ одинъ фактъ изъ области мышленія, именно—*сужденіе*. Всякое сужденіе предполагаетъ единство субъекта или субстанціи, высказывающей сужденіе. Во всякомъ сужденіи должно быть, какъ извѣстно, не меньше двухъ различныхъ представленій, соединяемыхъ вмѣстѣ, напр. *душа безсмертна*. Но въ сужденіи мы хотимъ уничтожить это двойство или множество представленій объединеніемъ ихъ: мы не хотимъ представлять отдѣльно *душу* и отдѣльно *безсмертіе*, а хотимъ представить дѣло такъ, чтобы душа заключала въ себѣ безсмертіе; иначе, не сдѣлавъ этого объединенія, мы можемъ искать безсмертіе не въ душѣ, а еще въ другомъ чемъ-нибудь. Для большей наглядности положимъ, что мы подѣлили между двумя лицами два представленія, которыя должны быть объединены въ сужденіи: если у каждаго изъ нихъ будетъ по одному представленію, то сужденіе не можетъ образоваться. Если напр. одно изъ нихъ будетъ представлять только: *душа*, а другое только: *безсмертна*, то ни то, ни другое не въ состояніи будетъ составить сужденіе: *душа безсмертна*. Это сужденіе можетъ образоваться только въ такомъ случаѣ, если одно и то же лице, то-есть одинъ и тотъ же судящій субъектъ соединитъ вмѣстѣ, приведетъ къ единству оба представленія. А спинной и головной мозгъ не составляетъ единичной простой субстанціи: онъ состоитъ изъ безчисленнаго множества клѣточекъ, которыя въ свою очередь состоятъ изъ множества атомовъ. Слѣдовательно нервную систему, или мозгъ, нельзя считать причиною духовныхъ отправленій; мозгъ не даетъ возможности соста-

вить даже простое сужденіе. Такимъ образомъ единствомъ духовныхъ отправленій души, или единствомъ ея сознанія предполагается и доказывается ея единство, простота, или духовность, существенно отличающая ее отъ всего вещественнаго, сложнаго, тлѣннаго. Какъ духовная субстанція, чуждая вещественной сложности, она не можетъ подлежать разложенію и уничтоженію.

Во-вторыхъ, называя душу человѣческую самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ началомъ, мы этимъ самымъ приписываемъ ей, какъ единственной дѣйствующей причинѣ, всю умственную и нравственную дѣятельность человѣческую: душа дѣйствуетъ самостоятельно сама изъ себя. И здѣсь мы опять становимся въ прямой разрѣзъ съ матеріализмомъ, отрицающимъ самостоятельную дѣятельность души человѣческой. Уже выше мы видѣли, что безъ признанія души за самостоятельную, дѣйствующую причину мы ни можемъ ни представить, ни объяснить себѣ ни одного самаго простаго факта въ области мышленія. Говорить, какъ говорятъ матеріалисты, что мозгъ мыслитъ и ощущаетъ,—все-равно, что говорить: играетъ скрипка или флейта, а не музыкантъ. Безъ музыканта скрипка и флейта не могли-бы издать ни одного звука; и безъ души мозгъ, несмотря на всѣ возбужденія извнѣ, не могъ бы производить мышленія и ощущенія. Воспользуемся еще для доказательства того, что душа есть самостоятельно дѣйствующая субстанція, примѣромъ изъ области воли и чувства. Возьмемъ напримѣръ *чувство страха*. Какъ ни просто и ни сложно, повидимому, это чувство, однако мы можемъ отличить въ немъ, по крайней мѣрѣ четыре представленія: во-первыхъ, представленіе о чемъ-то опасномъ, напр. о хищномъ звѣрѣ, о пропасти или о чемъ-нибудь другомъ подобномъ, потому что безъ такого представленія мы не имѣли бы никакого

основанія пугаться; затѣмъ—второе представленіе, дающее намъ знать, что опасность угрожаетъ не другому кому-либо, а именно намъ самимъ, потому что иначе мы чувствовали-бы только жалость и состраданіе, а не страхъ (если бы т. е. при опасности, угрожающей другому, мы находились сами въ безопасности); въ-третьихъ, сюда присоединяется еще представленіе о томъ, что опасность была не нѣсколько лѣтъ тому назадъ или что она предстоитъ намъ еще только впереди, но что то, чего мы боимся, наступаетъ сейчасъ-же непосредственно; наконецъ, въ-четвертыхъ, кромѣ этихъ представленій, изъ коихъ каждое, взятое отдѣльно само по себѣ, не возбуждаетъ еще страха,—въ страхѣ заключается еще особенное ощущеніе боязни, которое знакомо каждому и которое не можетъ быть объяснено тому, кто еще не испыталъ его. Если мы допустимъ, что душа не есть самостоятельно дѣйствующее существо, но что описанные аффекты производятся мозгомъ, въ такомъ случаѣ мы должны будемъ подѣлить эти четыре различныхъ момента между четырьмя различными клѣточками или атомами мозга: одна частица мозга носила бы представленіе опаснаго предмета, другая—представленіе того, что опасность грозитъ намъ самимъ, третья—представленіе того, что опасность предстоитъ въ данную минуту, четвертая заключала бы въ себѣ самое чувство страха. Допущеніе этого есть очевидная нелѣпость, потому что страхъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, если эти четыре момента совпадаютъ въ одномъ нераздѣльномъ пунктѣ, слѣд. въ единичной субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла бы четвертая частица мозга бояться, если она не видитъ опасности? Если же она видитъ опасность, значитъ, отправленіе первой частицы мозга есть и ея отправленіе. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ двухъ моментахъ. Слѣдовательно страхъ можетъ появиться только тогда, если одна и та-же субстан-

ція носитъ въ себѣ всѣ различныя условія отправленія въ ихъ единствѣ. Какъ ни прекрасно и ни полезно раздѣленіе труда, но въ настоящемъ случаѣ оно невозможно.

А что душа при своихъ отправленіяхъ находится въ извѣстной зависимости отъ тѣла, это—другой вопросъ. Мы отнюдь не отрицаемъ зависимости души отъ тѣла, но должны сказать, что весь вопросъ объ этой зависимости сводится только къ тому, что душа зависитъ отъ тѣла не по своему бытію или существу, а только по проявленію своего бытія, по своей дѣятельности, причемъ она пользуется тѣломъ какъ своимъ покорнымъ орудіемъ, такъ что зависимость ея отъ тѣла можно сравнить съ зависимостью государя отъ его министровъ, чрезъ которыхъ онъ отдаетъ свои приказанія. Очевидная ошибка матеріалистовъ заключается въ томъ, что они смѣшиваютъ существо души съ условіями и обстоятельствами, сопровождающими ея дѣятельность, смѣшиваютъ, значитъ, совершенно разнородныя и несравненныя вещи. «Какъ желчь есть отправленіе печени, точно такъ же говорятъ матеріалисты—мысль есть отправленіе мозга». Но вѣдь желчь сама—вещь чувственная осязаемая, тогда какъ мысли мы не можемъ ни видѣть, ни осязать. Причина и ея произведеніе оказываются разнородными, несоизмѣримыми предметами. Душевныя явленія тѣсно связаны съ тѣлесными, и каждому духовному акту, ощущенію, представленію или отвлеченной идеѣ неизбѣжно соотвѣтствуетъ какое-нибудь физическо-химическое или вообще механическое измѣненіе въ нервно-мозговыхъ тканяхъ. Это и понятно. Человѣкъ—не безтѣлесный духъ, и пока онъ живетъ въ условіяхъ своего настоящаго существованія, нельзя думать, чтобы душевныя явленія, каково бы ни было ихъ начало—духовное или матеріальное, происходили внѣ связи съ тѣлесными, такъ чтобы тѣлесныя явленія въ одномъ и томъ же человѣкѣ шли своимъ

чередомъ, а душевныя—своимъ. Этимъ объясняется и доказывается единство только *дѣйствій*, а не *дѣятелей*, только связь, а не единство и не тождество душевныхъ явленій съ матеріальными, точно такъ же, какъ нельзя напр. заключать о единствѣ или тождествѣ телеграммы съ распространеніемъ электрическаго тока по проволокѣ.

Не душа есть продуктъ тѣлеснаго организма, какъ говорятъ матеріалисты, но наоборотъ—тѣло есть, можно сказать, произведеніе души, орудіе ея, которымъ она распоряжается по своему благоусмотрѣнію. Состоя изъ различныхъ составныхъ частей, изъ различныхъ элементовъ видимаго міра, составляя въ нѣкоторомъ смыслѣ случайную форму природы, тѣло должно подлежать разрушенію со стороны силъ природы при враждебномъ столкновеніи съ ними: оно, такъ сказать, разбивается въ нашихъ рукахъ, какъ хрупкая посудина. Но душа наша, какъ самостоятельное духовное существо, хотя и соединенное съ тѣломъ, однако отличное и независимое отъ него по своему бытію и существу, не можетъ подлежать разрушенію: она безсмертна.

Въ третьихъ, душа человѣческая есть не индивидуальное только, мыслящее и дѣйствующее, но сверхъ того самосознательно-личное существо. На всѣ наши мысли, желанія, стремленія, словомъ—на всю нашу умственную и нравственную жизнедѣятельность мы налагаемъ печать нашего самосознанія, дѣлаемъ ее нашимъ личнымъ достояніемъ. Мы сознаемъ себя непрерывно и неизмѣнно однимъ и тѣмъ же существомъ отъ перваго пробужденія въ насъ сознанія и до послѣдняго момента нашей жизни; мы постоянно отличаемъ себя отъ всего, что внѣ насъ и что—не мы. Если индивидуальная (обособленная) жизнь свойственна еще въ низшей степени и всѣмъ животнымъ, то лично - самосознательная жизнь принадлежитъ на землѣ исключительно одному только человѣку: животныя живутъ

какъ бы во снѣ, жизнь ихъ сливается съ жизнію природы. Одинъ человѣкъ является существомъ личнымъ, всегда и во всемъ проявляющимъ и сохраняющимъ свое «я»: свѣтъ самосознанія озаряетъ и освѣщаетъ весь путь, все теченіе его жизни; и будучи однажды вожженъ этотъ внутренній свѣтъ не можетъ уже потухнуть, а пребудетъ навсегда *свѣтильникомъ свѣтящимъ и горящимъ*.

По смерти человѣка,—то есть, вѣрнѣе, по смерти тѣла человѣка,—душа его не перестаетъ существовать: она вступаетъ только въ новую форму существованія—существованія для себя, а не для другихъ. Вотъ предъ нами лежитъ умершій человѣкъ: вмѣстѣ съ его смертію прекратилась душевная жизнь, проявляющаяся при посредствѣ тѣла. Умершій уже не смѣется и не говоритъ, глаза его ничего не видятъ, онъ не можетъ отвѣчать на наши вопросы и просьбы: однимъ словомъ исчезъ всякій слѣдъ прежней жизни. Если довѣрять только непосредственному свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, то какъ не сказать, что и душа его точно такъ же мертва, какъ и тѣло. Однако односторонность и поспѣшность этого сужденія вполнѣ очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ знаетъ, что онъ можетъ проявлять себя другимъ, сообщать имъ свои мысли и чувствованія только чрезъ посредство тѣла—при помощи звуковъ, различныхъ тѣлодвиженій и т. п.; но онъ знаетъ въ то же время, что онъ существуетъ самъ по себѣ и безъ или помимо этихъ видимыхъ знаковъ, мало того—онъ можетъ даже самъ по себѣ думать и чувствовать совершенно противное тому, что обнаруживаетъ своими тѣлодвиженіями и словами, какъ напр. актеръ-комикъ можетъ находиться въ печальномъ настроеніи духа вслѣдствіе какихъ-нибудь своихъ личныхъ непріятныхъ обстоятельствъ, между тѣмъ другимъ онъ кажется веселымъ. Поэтому необходимо различать жизнь *для себя* или *въ себѣ* отъ жизни *для дру-*

гихъ. Жизнь для себя каждый изъ насъ знаетъ только самъ по себѣ и въ себѣ. Другимъ она можетъ становиться извѣстною только при посредствѣ тѣлесныхъ знаковъ, то есть всякій другой узнаетъ жизнь чужой души только такою, какою она существуетъ для другихъ, а не для себя. Вотъ почему людямъ часто приходится жаловаться на то, что они не могутъ показать и выразить вполнѣ другимъ, напр. любимому человѣку или недовѣрчивому судьѣ, свое внутреннее расположеніе, всѣ движенія своего сердца, такъ чтобы другіе могли узнать и понять ихъ вполнѣ. И такъ мы имѣемъ право сказать, что со смертію человѣка прекращается его жизнь для другихъ; но не имѣемъ никакого основанія утверждать, что она перестала существовать и сама по себѣ и для себя. Такое заключеніе было бы, по меньшей мѣрѣ, поспѣшно. Объяснимъ это примѣромъ. Мы слушаемъ игру отличнаго скрипача, видимъ движенія его пальцевъ по струнамъ и восхищаемся его игрою. Но вотъ, по какому-нибудь несчастному случаю, скрипка его разбивается и затѣмъ бросается въ огонь. Мы уже не видимъ болѣе движеній пальцевъ скрипача по струнамъ и не восхищаемся уже его игрою. Для другихъ онъ пересталъ быть скрипачемъ; но имѣемъ ли мы право дѣлать заключеніе, что музыкальная способность и искусство, умерли въ немъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ его скрипки? Кто знаетъ, не найдетъ ли онъ когда-нибудь лучшей скрипки и не явится ли тогда и для другихъ еще лучшимъ скрипачемъ?

И такъ человѣкъ безсмертенъ по своей природѣ, или по своему существу. Но гдѣ послѣднее основаніе и, такъ сказать, запечатлѣніе его безсмертія? По ученію Писанія, безсмертіе принадлежитъ одному только Богу (1 Тим. VI, 16). Да, собственно и абсолютно безсмертенъ одинъ Богъ—самосущее и самобытное Бытіе, единый Сущій. Человѣкъ же безсмертенъ, если можно такъ выразиться, взаимообразно,

во второй степени. Какъ часть міра, человѣкъ проявляетъ тройственную связь: во первыхъ, съ видимой природой, во вторыхъ, съ прочими людьми—его собратьями и, въ третьихъ, съ Богомъ—Виновникомъ всякаго бытія, съ Богомъ, который

Конецъ съ началомъ сопрягаетъ
И смертію животъ даритъ.

Въ этой послѣдней, важнѣйшей и таинственнѣйшей связи коренится основа безсмертія человѣка: Богъ есть субстанція души человѣческой. Говоря такъ, мы не отнимаемъ у души человѣческой ея самостоятельнаго бытія, не впадаемъ въ пантеизмъ: Богъ не есть для насъ спинозистическая субстанція, которая одна только есть все. Мы хотимъ только сказать, что Богъ проявляетъ Себя какъ благій и премудрый Виновникъ въ самостоятельно-личныхъ существахъ, отличивъ ихъ печатію Своего вѣчнаго существа, заронивъ въ нихъ искру Своей божественной жизни, которая (искра) не можетъ уже погаснуть, но должна разгорѣться въ живую полноту разумно-сознательной, безсмертной жизни. Онъ сообщилъ человѣку *дыханіе жизни* (Быт. II, 7); *Имъ мы живемъ, и движемся, и существуемъ* (Дѣян. XVII, 28), имѣя великую заповѣдь и питая возвышенную надежду сдѣлаться подобными Ему. (Мат. V, 48, 1. Іоан. III, 2)—въ мѣру нашего конечнаго существа.

Нѣкоторые изъ отцевъ Церкви признаютъ также душу человѣческую безсмертною не по естеству, а *по благодати Божіей*.

Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: «Знай, что ты имѣешь душу свободную, твореніе Божіе прекрасное, сотворенное по образу Создателя, безсмертное по благодати Бога, который дѣлаетъ оное безсмертнымъ, твореніе живое, разумное, нетлѣнное по благодати Того, который даровалъ сіе» (Огласит. поуч. IV, 69).

Св. Ириней Ліонскій, говоря о безсмертіи души нашей, замѣчаетъ, что «это Богомъ сотворенное существо, хотя и получаетъ начало своего происхожденія... но продолжаетъ существовать и продолжается въ долготу вѣковъ, по волѣ Творца Бога, такъ что и происхожденіе въ началѣ, и бытіе послѣ того есть для него даръ» (Противъ ересей, II, 34).

Такъ же учатъ *св. Іустинъ Мученикъ* (Разговоръ съ Трифономъ, VI), *Татіанъ* (Противъ Грековъ, XIII), *Арновій* (Противъ язычниковъ, II, 14, 18, 32, 35), *Өеофилъ* (Къ Автолику, II, 34, 36).

Такимъ образомъ человѣкъ есть такое существо, въ которомъ безконечное начало соединяется съ конечнымъ тѣломъ, которое, рождаясь во времени, затѣмъ, по самой природѣ своей, должно продолжаться въ вѣчность: съ запасомъ пріобрѣтенныхъ на землѣ мыслей, стремленій, привязанностей оно переходитъ въ новую жизнь, въ которой, несвязанное уже тѣлесною ограниченностію, вступаетъ въ ближайшее соотношеніе съ тѣмъ вѣчнымъ, сверхчувственнымъ и нравственнымъ міромъ, котораго онъ по природѣ своей состоитъ членомъ, и съ тѣмъ Верховнымъ Разумомъ, отъ котораго оно получило свое бытіе.

в) Телеологическое, или психологическое доказательство.

Въ заголовкѣ этого доказательства мы можемъ поставить старинное изреченіе: Ars longa, vita brevis (наука долга, жизнь коротка), съ небольшой перефразировкой его: «Жизнь коротка, задача жизни необъятна». Зачѣмъ мы живемъ на землѣ? Какая цѣль и какое назначеніе нашего существованія? И осуществляется ли наше назначеніе вполнѣ въ здѣшней жизни? Вотъ вопросы, съ которыми тѣсно связанъ вопросъ о безсмертіи человѣка.

Все въ этомъ мірѣ имѣетъ свое назначеніе и все достигаетъ своего назначенія—сообразно съ законами и предѣлами, указанными каждому роду предметовъ и существъ. Никто не можетъ сказать, чтобы солнце, чтобы дерево, чтобы животное не исполняли, не хотѣли или не могли исполнять своего назначенія: они не могутъ не исполнять его, они исполняютъ его по необходимости.

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ!—

именно потому, что все въ немъ—отъ великаго до малаго—слѣдуетъ неуклонно своему назначенію, представляя въ совокупности великую и возвышенную гармонію цѣлаго.

Посмотримъ на человѣка—высшее въ видимомъ мірѣ существо, вѣнецъ творенія на землѣ. Подобно всѣмъ прочимъ существамъ въ мірѣ, и онъ, конечно, имѣетъ свое назначеніе: онъ долженъ сдѣлаться и быть тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть—*человѣкомъ*, то есть онъ долженъ развить всѣ силы своего существа, раскрыть все содержаніе своей природы, исчерпать полноту своего существованія до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ. Теперь спрашивается: достигаетъ ли онъ этого своего назначенія на землѣ, какъ достигаютъ своего назначенія всѣ прочія твари?

1. Человѣкъ есть прежде всего существо *разумное*. И такъ первая цѣль его жизни—развитіе его ума. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ философъ Аристотель въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ твореній сказалъ: «Всякій человѣкъ имѣетъ естественное желаніе знать [1])». Любовь къ знанію есть изначальный элементъ нашей природы. Человѣкъ имѣетъ такую жажду знанія, что съ каждымъ расширеніемъ своихъ познаній чувствуетъ потребность новыхъ открытій въ области истины, никогда вполнѣ не удовлетворяясь достигнутыми уже результатами знанія. А между

---

1) Метафизика I, 1.

тѣмъ, чѣмъ болѣе расширяется предъ нимъ горизонтъ знанія, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ онъ неизъяснимыхъ тайнъ, недоступныхъ его уму. Только самодовольно-мелкіе умы не хотятъ ничего знать о тайнахъ природы, тогда какъ величайшіе и серьезнѣйшіе изслѣдователи истины всегда сознаютъ, что тайна повсюду составляетъ начало и конецъ, Альфу и Омегу, что самое существованіе міра и послѣднее основаніе всѣхъ законовъ остается и останется навсегда величайшею тайною. «Я знаю одно,—что ничего не знаю», повторитъ вслѣдъ за Сократомъ всякій серьезный изыскатель истины, сопоставляя результаты, достигнутые человѣческою мыслію, съ безконечною областію еще неизслѣдованнаго и неизслѣдимаго. Чѣмъ ближе, повидимому, человѣкъ подходитъ къ идеалу истины, тѣмъ болѣе этотъ послѣдній удаляется отъ него на недосягаемую высоту, не переставая однако манить его къ себѣ надеждою всезнанія. И если спросить человѣка, посвятившаго всю жизнь изслѣдованію истины, перенесшаго *тяготу и зной дня* въ неутомимой погонѣ за идеаломъ истины,—если спросить его: «что есть истина»? то онъ долженъ будетъ отвѣтить словами великаго Апостола: *теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. XIII, 12), или смиреннымъ признаніемъ одного изъ величайшихъ умовъ (Ньютона): «я—не болѣе, какъ ребенокъ, собирающій раковины на морскомъ берегу».

«Что мы не можемъ ничего знать, это сожжетъ мое сердце»,—вотъ что влагаетъ поэтъ (Гете) въ уста одного изъ страстныхъ и самоотверженныхъ искателей истины (Фауста)...

Итакъ мы приходимъ къ тому признанію, что развитіе человѣческаго ума не знаетъ предѣловъ, не имѣетъ остановки, что жажда знанія не столько удовлетворяется, сколько возбуждается только и раздражается тѣми познаніями, ка-

кія человѣкъ пріобрѣтаетъ и можетъ пріобрѣтать на землѣ, что самой продолжительной жизни не хватаетъ ему не только на то, чтобы читать и понимать, но чтобы только разбирать по складамъ великую книгу природы, что, однимъ словомъ, человѣкъ какъ разумное существо не достигаетъ на землѣ своего назначенія.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ одно изъ двухъ: или человѣкъ есть акомалія въ великомъ царствѣ природы, обнаруживая стремленія, идущія далѣе предѣловъ его земнаго существованія и не могущія быть удовлетворенными, получивъ такимъ образомъ отъ щедротъ природы, по какой-то странной ошибкѣ или слѣпому капризу, болѣе, нежели сколько ему требуется для земнаго его назначенія; слѣдуетъ, однимъ словомъ, что «человѣкъ слишкомъ широкъ для этого міра,—его нужно бы съузить». Но мы не имѣемъ никакого основанія допускать такія аномаліи, потому что природа представляетъ вездѣ и во всемъ гармонически-цѣлесообразный порядокъ, мудрую экономію, строгую бережливость. Или же слѣдуетъ допустить, что истинное назначеніе человѣка не ограничивается земною жизнію, что оно восходитъ за предѣлы его земнаго существованія, что развитіе его ума будетъ продолжаться въ другой жизни, гдѣ онъ будетъ созерцать Вѣчную Истину и при свѣтѣ Ея преуспѣвать въ уразумѣніи всего сущаго, что это развитіе ума и это преуспѣяніе въ познаніи не будутъ имѣть предѣловъ. Въ противномъ случаѣ,—еслибы то есть назначеніе человѣка прекращалось съ его смертію,—онъ представлялъ бы дѣйствительно аномалію: это значило бы, что природа его организована вопреки, несоотвѣтственно своему назначенію и есть какъ бы отрицаніе самой себя.

Такимъ образомъ безконечное развитіе человѣческаго ума требуетъ безсмертія человѣка.

«Когда я былъ младенцемъ, то по-младенчески говорилъ,

по-младенчески мыслилъ, по-младенчески разсуждалъ; а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно,—тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти,—а тогда познаю, подобно какъ я познанъ» (1 Кор. XIV, 11, 12).

2) Человѣкъ есть существо разумно-*свободное*. Какъ умъ его требуетъ себѣ пищи—знанія, точно такъ же и воля его стремится проявить себя въ дѣятельности, сообразной съ существомъ и достоинствомъ человѣка—существа нравственно-свободнаго. И какъ уму его постоянно предносится недосягаемый идеалъ истины, такъ воля его стремится къ осуществленію добра. Что заставляло людей, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитаться по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли (Евр. XI, 38). Что населяло пустыни и лѣса подвижниками, убѣгавшими отъ міра и посвящавшими цѣлую жизнь самоусовершенію, тяжелой и непрерывной борьбѣ съ самими собою, борьбѣ, отъ которой они никогда не успокоивались?—стремленіе къ осуществленію нравственнаго идеала. Но чѣмъ ближе они были, повидимому, къ этому идеалу, тѣмъ выше видѣли его надъ собою. Всѣ мы стремимся сдѣлаться и быть добрыми и нравственными, но никогда не можемъ успокоиться въ этомъ стремленіи, дойти до сознанія, что намъ ничего уже не остается дѣлать въ этомъ отношеніи, что мы достигли нравственнаго совершенства. Напротивъ того, чѣмъ серьезнѣе наше стремленіе къ нравственному совершенству, тѣмъ сильнѣе и больнѣе тяготитъ насъ сознаніе, что достиженіе нравственнаго совершенства невозможно для насъ. Да и какъ достигнуть намъ въ здѣшней жизни нравственнаго совершенства, когда, по признанію людей, стоявшихъ на возможной для человѣка нравственной высотѣ, мы постоянно дѣлаемъ не то, что хотимъ, а то, что ненавидимъ (Римл. VII, 15). Какъ намъ достигнуть нравственнаго идеала, когда нашъ нравственный идеалъ есть богоподобіе. *Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. V, 48)—вотъ заповѣдь, данная намъ Тѣмъ, который одинъ изъ всѣхъ людей осуществилъ въ Себѣ нравственный идеалъ. И такъ только тогда, когда, прошедши переходную ступень земной жизни и сбросивъ съ себя ветхаго человѣка, *тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ*, мы соединимся въ другой жизни съ Вѣчнымъ и Высочайшимъ Добромъ,—тогда только мы получимъ возможность безпрепятственно восходить *отъ силы въ силу* въ достиженіи нравственнаго совершенства—*въ мѣру возраста Христова*, въ достижимую для насъ мѣру богоподобія. «Возлюбленные! еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1 Іоан. III, 2).

Такимъ образомъ нравственное наше совершенствованіе предполагаетъ и требуетъ болѣе широкаго поприща, нежели какое отведено для насъ въ настоящей жизни. Остановка въ началѣ пути, на исходномъ пунктѣ развитія ненормальна точно также, какъ ненормально пребываніе въ младенческомъ возрастѣ въ теченіе всей жизни.

Приходится слышать иногда такое возраженіе: множество людей и даже цѣлые народы не обнаруживаютъ въ себѣ большой способности и стремленія къ умственному и нравственному развитію, напр. кафры, готтентоты и другіе.

На это мы должны отвѣтить слѣдующее. Рѣшаясь подвергать своему обсужденію явленія духовной жизни мы должны дѣлать свои заключенія не по исключительнымъ, особенно же уродливымъ явленіямъ въ этой области, а по нормальнымъ. Когда мы беремся опредѣлять мѣру способности нашихъ духовныхъ силъ къ развитію, то должны имѣть въ виду не кафровъ и готтентотовъ, а людей, могущихъ служить истинными представителями своего рода. Съ

другой же стороны и относительно кафровъ и готтентотовъ, а равно и другихъ дикихъ племенъ нужно замѣтить, что путешественники, описывавшіе эти племена, слишкомъ уже преувеличивали ихъ неспособность къ умственному и нравственному развитію; опытъ же (напр. успѣхи христіанской миссіонерской дѣятельности) показываетъ, что и въ этихъ младенчествующихъ народахъ кроются или дремлютъ немалыя духовныя силы, и если онѣ не развились, то благодаря лишь неблагопріятнымъ условіямъ исторической жизни этихъ народовъ. «Разсказы путешественниковъ, откуда почерпаются всѣ свѣдѣнія (относительно дикихъ народовъ), иногда очень томительны. Если не вполнѣ вѣрными оказываются ихъ описанія орудій, жилищъ, обычаевъ, племенныхъ особенностей и произведеній мѣстностей, обитаемыхъ дикими, то какъ осторожно мы должны принимать свидѣтельства путешественниковъ о религіозномъ и нравственномъ состояніи племенъ, посѣщенныхъ ими! Эти идеи смутны и неясны въ самыхъ душахъ ихъ, да и высказываются онѣ ими на самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ нарѣчіяхъ; а на языкѣ неразвитомъ трудно выражаются истины отвлеченныя, какъ бы онѣ просты намъ ни казались. Притомъ большая часть дикарей не любятъ, когда ихъ разспрашиваютъ объ ихъ убѣжденіяхъ [1])».

Еще говорятъ противъ телеологическаго доказательства безсмертія души человѣческой: нѣкоторые люди уже въ здѣшней жизни, повидимому, раскрываютъ все то идеальное содержаніе, которое заключалось въ ихъ природѣ, и развитіе ихъ иногда доходитъ до того пункта, гдѣ вполнѣ раскрываются ихъ индивидуальныя силы и уже начинается поворотъ назадъ.

Но это наблюденіе страдаетъ неточностью и односторонностью. Если нѣкоторые люди подъ конецъ своей жизни кажутся не могущими уже идти далѣе и болѣе развиваться, то они только *кажутся* такими. На самомъ же дѣлѣ отнюдь нельзя оспаривать той истины, что въ настоящей жизни человѣкъ развивается односторонне, такъ что если въ немъ до возможныхъ наивысшихъ предѣловъ раскрывается одно идеальное дарованіе, то остальныя присущія его природѣ дарованія или едва пробуждаются или раскрываются въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ Гете сказалъ о себѣ: «Я охотнѣе помирюсь съ несправедливостью, чѣмъ равнодушно перенесу безпорядокъ». Но и въ сферѣ чисто нравственныхъ влеченій и способностей, развиваемыхъ человѣкомъ въ настоящей жизни, замѣчается та же односторонность: иной обнаруживаетъ замѣчательно правдивый характеръ, но у него недостаетъ мягкости и нѣжности сердца; другой обладаетъ любящимъ, всепрощающимъ сердцемъ, но за то у него или слабо умственное развитіе или нѣтъ силы воли и т. д. Такимъ образомъ, еслибы даже человѣкъ достигалъ иногда въ здѣшней жизни полнаго развитія какой-либо изъ своихъ способностей (чего допустить однако нельзя), то этимъ всетаки далеко еще не исчерпывалось бы все содержаніе и все богатство его духовныхъ дарованій.

3) Обладая умомъ, жаждущимъ истины, и волею, стремящеюся къ нравственному совершенству, человѣкъ одаренъ еще *сердцемъ*, жаждущимъ счастія, блаженства. Всѣ мы

О счастіи съ младенчества тоскуемъ

и ищемъ его до гробовой доски, такъ что жизнь человѣка едва ли не справедливо будетъ охарактеризовать, назвавши ее погонею за счастіемъ. Но сколько на свѣтѣ несчастныхъ! А гдѣ счастливые? Найдется ли хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы сказать о себѣ чистосердечно, что сердце его

1) *Людовикъ Каро*, О происхожденіи вѣрованій въ будущую жизнь—въ Revue des Deux Mondes, 1-я декабрьская книжка за 1875 г.

вполнѣ довольно и покойно, ничего не желаетъ, ни о чемъ не тоскуетъ? Съ самаго начала жизни наша природа, пробуждаясь со всѣми ея потребностями и силами, встрѣчаетъ міръ, повидимому, представляющій безграничную область для удовлетворенія этихъ потребностей и для развитія этихъ силъ. При взглядѣ на этотъ міръ, кажущійся такимъ свѣтлымъ и полнымъ счастія, наша природа порывается къ нему съ горячими надеждами и ожиданіями. И одна изъ этихъ надеждъ не осуществляется, ни одно изъ этихъ ожиданій не оправдывается. Пока мы молоды, несчастіе насъ больше удивляетъ, чѣмъ ужасаетъ: намъ кажется, что оно есть только аномалія, и вѣра наша въ счастье не колеблется. Аномалія эта повторяется; но мы все еще крѣпимся. Но наконецъ какой-нибудь слишкомъ сильный ударъ поражаетъ насъ и вдругъ открываетъ намъ глаза; а затѣмъ, чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе представляется намъ и обнажается предъ нами печальная истина: надежды, которыми прежде смягчались несчастія, исчезаютъ и смѣняются горькимъ разочарованіемъ. Въ концѣ концовъ мы приходимъ къ тому же заключенію, къ которому пришелъ нѣкогда премудрый царь израильскій, имѣвшій полную возможность узнать и оцѣнить человѣческое счастіе: «все суета!» Въ чемъ же заключается тайна неудовлетворимости сердца человѣческаго ничѣмъ земнымъ? Вся тайна заключается въ томъ, что все земное непрочно и непостоянно, что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы само по себѣ и навсегда доставить намъ полное счастіе. Въ здѣшней жизни мы можемъ имѣть только предчувствіе истиннаго счастія, предназначеннаго человѣку, который тоскуетъ по немъ, не находя его. Мы будемъ наслаждаться имъ только по соединеніи съ Вѣчнымъ Источникомъ блаженства—Богомъ. Оно будетъ дано намъ на новомъ небѣ и новой землѣ: тогда Богъ отретъ всякую слезу съ очей нашихъ, и смерти

не будетъ уже, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо все прежнее пройдетъ (Апокал. XXI, 4). «Ты создалъ насъ для Себя, и сердце наше неспокойно до тѣхъ поръ, пока не найдетъ покоя въ Тебѣ [1])». Тогда всѣ труждающіеся и обремененные найдутъ для себя успокоеніе отъ земныхъ скорбей, бѣдъ и треволненій.

А теперь, здѣсь всѣ мы, труждающіеся и обремененные, плаваемъ по житейскому морю, обуреваемые множествомъ всяческихъ золъ и бѣдствій, не находя себѣ нигдѣ вѣрнаго пристанища. Вражда и раздоръ между людьми, внутренній разладъ людей съ самими собою, кровавыя войны, голодъ, моръ, и болѣзни, плачевное соціальное положеніе милліоновъ людей, влачащихъ самое жалкое существованіе, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія,—вотъ картина человѣческаго счастія, съ тѣхъ поръ, какъ запомнятъ себя люди! «Каждое столѣтіе, можетъ быть, каждое десятилѣтіе человѣчество развивается болѣе и болѣе, обогащается новыми знаніями, новою опытностію, изобрѣтаетъ множество новыхъ средствъ противъ того или другаго изъ физическихъ и нравственныхъ золъ, удручающихъ его. Но что-же—зла въ мірѣ дѣйствительно становится меньше? Нужды, болѣзней, страданій въ наше время меньше, чѣмъ было за 100, за 200, за 1000, за 5000 лѣтъ назадъ? Едва-ли какой-либо серьезный и искренній мыслитель и наблюдатель человѣческой жизни сталъ бы съ рѣшительностію отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Зло человѣческой жизни—горе и страданіе всякаго рода какъ будто растетъ со средствами, изобрѣтаемыми противъ него» [2]).

---

[1]) *Августинъ*. Исповѣдь I, 1.

[2]) Протоіерей *А. М. Иванцовъ-Платоновъ*, Христіанское ученіе о любви къ человѣчеству сравнительно съ крайностями ученій соціалистическихъ. М. 1875 г., стр. 14.

Среди этихъ бѣдствій и золъ жизни насъ стараются утѣшить тѣмъ, что если страдаютъ и мучаются отдѣльныя личности человѣческія, за то цѣлое человѣчество идетъ впередъ, развивается, совершенствуется, и цѣною частныхъ страданій покупается общее благо человѣчества, которое и достигнетъ нѣкогда всеобщаго благоденствія. Такимъ образомъ каждый изъ насъ—страдальцевъ можетъ сказать вмѣстѣ съ трудолюбивою пчелою:

И моего тутъ капля меду (правда, пока еще будущаго) есть! Печальное утѣшеніе!

«Цѣль исторіи заключается не въ личномъ удовлетвореніи, а въ общемъ благѣ; общее же благо состоитъ въ разнообразіи и гармоническомъ единствѣ частей, а не въ равномъ для всѣхъ развитіи и распредѣленіи жизненныхъ средствъ. Всеобщее равенство никогда не можетъ быть для насъ идеаломъ, потому что оно противорѣчитъ природѣ вещей и человѣка. Еслибы мы даже представили себѣ, что человѣчество достигло наконецъ идеальнаго блаженства, равно простирающагося на всѣхъ, то все же позднѣйшія поколѣнія были бы привиллегированными въ сравненіи съ предыдущими. Имъ выпало на долю высшее счастіе, полное осуществленіе человѣческаго назначенія; но что сталось съ ихъ предшественниками, которые пролагали имъ дорогу. За что всѣ эти страданія и слезы? за что угнетеніе и нищета, которыя они претерпѣвали для того только, чтобы когда-нибудь другимъ было лучше? Если мы предположимъ даже, что въ концѣ развитія человѣкъ способенъ вполнѣ достигнуть своего назначенія, то это нисколько не касается многихъ милліоновъ людей, погибшихъ на пути. Скажемъ ли мы, что они были орудіями высшихъ цѣлей человѣчества и что въ этомъ состояло истинное ихъ назначеніе? Но нравственный законъ запрещаетъ намъ смотрѣть на человѣка только какъ на средства: служа высшимъ цѣлямъ

онъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда самъ остается цѣлью, ибо онъ—носитель абсолютнаго начала, и если эта личная цѣль не достигнута, то назначеніе его не исполнено. Недостаточно слѣдовательно указывать на будущее совершенство человѣческаго рода: требованіе, чтобы назначеніе человѣка было исполнено, прилагается равно и къ прошедшимъ, и къ настоящимъ поколѣніямъ, ибо природа у всѣхъ одна. А такъ какъ въ земной жизни это назначеніе не исполняется, то здѣсь опять оказывается противорѣчіе между природою вещи и дѣйствительнымъ ея существованіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что извѣстная намъ дѣйствительность составляетъ только частное проявленіе этой природы, которая не исчерпывается настоящею жизнью, но предназначена и для другой, гдѣ она можетъ проявиться вполнѣ.

«Наконецъ никакое совершенствованіе не можетъ уничтожить величайшаго противорѣчія человѣческой жизни—смерти. Смерть составляетъ естественное событіе для физическаго существа. Весь органическій міръ основанъ на преемственности смѣняющихъ другъ друга особей, которыя умирая оставляютъ послѣ себя другихъ, рожденныхъ отъ нихъ же и назначенныхъ заступить ихъ мѣсто. Какъ физическое существо, человѣкъ подлежитъ тому же закону; но какъ существо духовное, онъ не можетъ не видѣть въ немъ противорѣчія съ высшимъ своимъ естествомъ. Сознаніе и стремленіе человѣка не ограничиваются настоящею жизнью: они простираются на прошедшее и будущее. Человѣкъ полагаетъ себѣ цѣли, идущія далеко за предѣлы отмежеваннаго ему земнаго существованія. Наконецъ у него есть привязанности, которыя имѣютъ не временный только характеръ и не исчезаютъ съ удаленіемъ возбуждающаго ихъ предмета, а сохраняются какъ вѣчныя, неразрывныя части его существа. Человѣкъ можетъ еще помириться съ тѣмъ, что цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, не будутъ имъ

достигнуты: онѣ могутъ быть исполнены другими. Онъ можетъ покориться печальной необходимости разлуки съ любимыми мѣстами, съ вѣчно-сіяющею природою, съ отечествомъ, въ судьбахъ котораго онъ принималъ живое участіе: все это было дано ему, и всѣмъ этимъ онъ въ свое время насладился; затѣмъ настаетъ очередь и для другихъ. Но онъ никогда не можетъ примириться съ мыслью, что любимое имъ существо превратилось въ ничто, что тотъ разумъ, то чувство, которые составляли предметъ глубочайшей его привязанности, исчезли какъ дымъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. Противъ этого возмущается все его существо. Устремляя въ вѣчность свои умственные взоры, человѣкъ простираетъ въ вѣчность и свои сердечныя привязанности. А если таковы глубочайшія основы его естества, то предметомъ этой привязанности не можетъ быть что-либо преходящее. Передъ гробомъ любимаго существа изъ глубины человѣческаго сердца опять вырывается роковой вопросъ: зачѣмъ дано ему любить такимъ образомъ, если предметъ этой любви ни что иное, какъ мимолетная тѣнь, исчезающая отъ первой случайности? Или зачѣмъ отнимается у него предметъ любви, когда эта любовь есть самое высокое и святое, что есть въ человѣческой жизни? И тутъ на эти вопросы можетъ быть одинъ только отвѣтъ: безсмертіе! Любовь, носящая въ себѣ вѣчность, въ себѣ самой заключаетъ неискоренимое убѣжденіе, что предметъ ея вѣченъ, такъ же, какъ и она сама. И это убѣжденіе не есть только пустое самообольщеніе чувства, которое старается утѣшить себя въ невозградимой потерѣ. Разумъ, такъ же, какъ и чувство, говоритъ намъ, что иначе быть не можетъ, ибо безъ этого, жизнь высшаго въ извѣстномъ намъ мірѣ созданія была бы только возмутительною шуткою, разыгранною надъ нимъ какимъ-то злымъ духомъ, въ руки котораго предана его судьба.

«Для физическаго существа смерть ни что иное, какъ конецъ его жизни; для существа духовнаго, одареннаго разумомъ и чувствомъ, простирающимися въ вѣчность, она имѣетъ совершенно другое значеніе. Она не только служитъ переходомъ къ высшей жизни, но она составляетъ связь между видимымъ и невидимымъ міромъ, между небомъ и землею. Смерть напоминаетъ человѣку, что все для него не ограничивается земными цѣлями и земными привязанностями, что, нося въ себѣ сознаніе безконечнаго, онъ принадлежитъ къ высшему, вѣчному и безконечному міру и что только тамъ всѣ вложенныя въ него силы, всѣ стороны его естества могутъ достигнуть полнаго своего назначенія. Безъ этой мысли вся человѣческая жизнь представляется неразрѣшимою загадкою, страннымъ противорѣчіемъ; напротивъ, озаренная ею загадка превращается въ свѣтлую истину, и противорѣчіе разрѣшается въ высшую гармонію» [1]).

г) Нравственное доказательство.

Мы молимся ежедневно Отцу небесному: *Да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое*—царство святости и правды. Но въ то-же время мы видимъ ежедневно, что имя Божіе далеко не всѣми людьми и не всегда святится, что *весь міръ лежитъ во злѣ* (1 Іоан. V, 19), представляетъ собою царство грѣха и неправды. Какое рѣзкое несоотвѣтствіе, какая роковая противоположность! И ужели такому порядку вещей суждено продолжаться вѣчно? Нѣтъ! *Мы ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ*

---

1) *Б. Чичеринъ.* Наука и Религія, стр. 200—203.

будетъ обитать правда (2 Петр. III, 13); мы чаемъ жизни будущаго вѣка, въ которой *алчущіе и жаждущіе правды насытятся* (Матѳ. V, 6).

Человѣку присущъ нравственный законъ—законъ святости и правды, какъ высшій двигатель и направитель жизни. Онъ вложенъ въ природу человѣческую Верховнымъ Законодателемъ—Богомъ. Язычники дѣлаютъ законное по природѣ, потому что законъ написанъ у нихъ въ сердцѣ и находится подъ охраною и наблюденіемъ совѣсти (Римл. II, 14, 15). Въ трагедіи греческаго поэта Софокла «Антигона» выражена та нравственная аксіома, что основный законъ, который управляетъ нашею жизнію, за который мы жертвуемъ самою жизнію,—не законъ человѣческій, не правило нами созданное, но принадлежитъ къ неписаннымъ и вѣчнымъ законамъ Божества: «начало его не вчера и не сегодня, но отъ вѣчности, и никто не знаетъ тайны его рожденія». И такъ нравственный законъ съ одной стороны всеобщъ, а съ другой—освящается высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ.

Если въ нравственномъ законѣ мы должны видѣть безусловно обязательное предписаніе, если исполненіе его составляетъ безусловную обязанность человѣка, то непремѣнно требуется, чтобы человѣкъ находилъ въ немъ и личное свое удовлетвореніе. Иначе это предписаніе противорѣчило бы его природѣ, а потому и не могло бы быть для него верховнымъ закономъ. Въ отношеніи къ разумному существу это требованіе тѣмъ необходимѣе, что въ силу самаго нравственнаго закона, разумное существо должно всегда разсматриваться какъ цѣль, а не только какъ средство. Оно исполняетъ нравственный законъ свободно, а не по принужденію, и это одно даетъ его дѣйствіямъ нравственный характеръ. Свободное же исполненіе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы исполняющій могъ найдти въ немъ

и личное удовлетвореніе. Наконецъ, если это предписаніе безусловно, то все остальное должно непремѣнно съ нимъ сообразоваться. Нравственная жизнь не всегда даетъ счастіе, но мы не можемъ не признать, что она одна дѣлаетъ человѣка достойнымъ счастія. Въ этомъ состоитъ требованіе справедливости, составляющей существенную часть самаго нравственнаго закона. Изъ безусловнаго значенія этого закона вытекаетъ какъ необходимое послѣдствіе, что добродѣтель должна быть награждена, а порокъ долженъ быть наказанъ. Если же мы не всегда видимъ это въ настоящей жизни, то непремѣнно должно предположить, что это исполнится въ будущей. Иначе нравственный законъ теряетъ для насъ свой безусловный характеръ.

Противъ необходимости соотвѣтствія между добродѣтелью и счастіемъ возражаютъ, что добродѣтель сама по себѣ дѣлаетъ счастливымъ того, кто преуспѣваетъ въ ней. Если же добродѣтельный человѣкъ счастливъ одною своею добродѣтелью, въ которой имѣетъ заслуженную имъ награду, то и соотвѣтствіе между добродѣтелью и счастіемъ и требуемое этимъ соотвѣтствіемъ безсмертіе души человѣческой не составляетъ необходимаго требованія нравственнаго порядка. Послушаемъ напримѣръ, что говоритъ объ этомъ извѣстный *Штраусъ*. «Доказательство (безсмертія души), выводимое изъ идеи возмездія, можетъ быть формулировано такимъ образомъ. Такъ какъ люди добродѣтельные часто несчастливы въ этомъ мірѣ, а порочные часто остаются ненаказанными, то необходимо, чтобы существовалъ другой міръ, гдѣ бы по своимъ заслугамъ получили одни награду, а другіе—наказаніе. Если предположить даже, что этотъ аргументъ имѣетъ какую-либо силу, то и тогда онъ можетъ говорить лишь въ пользу большей или меньшей продолжаемости человѣческой жизни послѣ смерти. Ибо коль скоро души будутъ разъ соотвѣтственно награждены или нака-

заны, ничто уже не препятствуетъ имъ впасть въ ничтожество. Но если всмотрѣться въ дѣло ближе,—этотъ аргументъ окажется ничтожнымъ и не имѣющимъ никакого основанія. Въ самомъ дѣлѣ, добродѣтель не носитъ-ли въ себѣ самой своей награды, а порокъ—своего наказанія? Не было-ли бы достойно человѣка ставить честность, величіе души выше всего, даже если бы онъ былъ убѣжденъ, что душа не безсмертна? Не въ томъ-ли именно и состоитъ добродѣтель, чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ не руководствоваться—не скажу представленіемъ какого-нибудь блага,—это возможно, но представленіемъ другой какой-нибудь награды, кромѣ той, какую необходимо составляетъ самое совершеніе добродѣтели? Только невѣжественные и порочные люди думаютъ, будто истинная свобода состоитъ въ полной возможности безпрепятственно слѣдовать своимъ страстямъ; только они на жизнь и разумную и нравственную смотрятъ какъ на тягостное рабство, на повиновеніе божественнымъ законамъ—какъ на тяжелое ярмо, за всю тяготу котораго должно вознаградить будущее возмездіе. Въ глазахъ мудраго нѣтъ ни одного благороднаго и истинно великаго человѣка, который бы не былъ счастливѣе и достойнѣе подражанія, чѣмъ самый могущественный негодяй».

Это возраженіе, справедливо поражающее только грубое, эгоистически-утилитарное отношеніе къ добродѣтели, не касается и не можетъ поколебать самой основы, ядра нравственнаго доказательства безсмертія души человѣческой. Что недостойно человѣка дѣлать изъ добродѣтели—предметъ низкаго, житейскаго разсчета и интереса, это мы узнаемъ впервые не отъ Штрауса: то-же самое проповѣдуютъ и великіе мыслители христіанскіе, съ тѣмъ только различіемъ, что это не приводитъ ихъ къ тѣмъ конечнымъ выводамъ, къ какимъ приходитъ Штраусъ. Вотъ что говоритъ св. Григорій Богословъ: «Истинно любомудрые и боголюбивые любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ. Ибо это уже вторая ступень похвальной жизни—дѣлать что-либо изъ-за награды и воздаянія, а третья—избѣгать зла по страху наказанія» [1]). Точно такъ же учитъ пустынный философъ-христіанинъ Исаакъ Сиринъ: «На второй ступени человѣкъ побужденіемъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ и къ совершенію добрыхъ дѣлъ имѣетъ съ одной стороны собственное спасеніе, а съ другой—эти самыя заповѣди; на третьей же ступени любовь къ правдѣ снѣдаетъ его сердце, и единственно потому онъ творитъ правду» [2]).

Любовь къ правдѣ снѣдаетъ сердце правдолюбца и онъ не желаетъ и не требуетъ себѣ никакой другой награды, кромѣ созерцанія торжества закона правды, который мы призваны исполнять, и общенія съ тѣмъ безконечнымъ нравственнымъ міромъ, котораго этотъ законъ дѣлаетъ насъ членами, то есть созерцанія Вѣчной Истины и Вѣчнаго Добра.

Возраженіе, что добродѣтель сама себѣ служитъ наградою и что тотъ, кто ищетъ инаго удовлетворенія, тѣмъ самымъ является недостойнымъ награды,—это возраженіе имѣло-бы силу въ такомъ случаѣ, еслибы человѣкъ былъ чисто духовнымъ существомъ, а не духовно-чувственнымъ. Но природа его двойственная и эта двойственность составляетъ самое существо его личности и необходимое условіе ея существованія. Человѣкъ не можетъ не любить тотъ чувственный міръ, въ которомъ онъ живетъ, потому что онъ видитъ въ немъ поприще для осуществленія ввѣренныхъ ему духовныхъ началъ, и эта любовь одна даетъ ему

[1]) Творенія св. Григорія Богослова въ русскомъ переводѣ. Т. II, стр. 120.
[2]) Нравственное ученіе св. отца нашего Исаака Сирина. Изд. Кораблева. Спб. 1874 г., стр. 134.

силу осуществлять въ немъ эти начала. Иначе слѣдовало-бы не дѣйствовать, а удаляться отъ міра: земная жизнь не имѣла-бы смысла. Если-же дѣятельность человѣка приноситъ ему только страданія, можетъ-ли онъ удовлетвориться сознаніемъ, что онъ исполняетъ высшій законъ?— Можетъ, если онъ сознаетъ, что страданіе только временное, а удовлетвореніе будетъ вѣчное;—нѣтъ, если за предѣлами страданія онъ не видитъ ничего другаго. Ибо зачѣмъ онъ въ такомъ случаѣ обреченъ на страданіе? Зачѣмъ ему дана личная сторона, которая должна оставаться неудовлетворенною именно вслѣдствіе того, что онъ исполняетъ высшій законъ? Гдѣ тутъ справедливость Всемогущаго и Премудраго Существа, управляющаго вселенною? Противорѣчіе здѣсь тѣмъ болѣе явное, что страданія, которыя испытываетъ человѣкъ, не физическія только, а и нравственныя. Онъ видитъ бѣдствія ближнихъ, страданія и смерть любимыхъ существъ; онъ видитъ извращеніе нравственности, торжество порока, презрѣніе ко всему, что свято для человѣческаго сердца. И чѣмъ выше его нравственное сознаніе, тѣмъ глубже его страданія.

Каинъ убилъ брата своего Авеля. А за что убилъ его? За то, что дѣла его были злы, а дѣла брата его добры (1 Іоан. III, 12). И кровь Авеля—и всѣхъ Авелей на землѣ—вопіетъ на небо объ отмщеніи...

Всѣ лучшіе представители рода человѣческаго шли узкимъ путемъ креста и страданій; а тѣ, которые создавали имъ кресты и страданія, *роскошествовали на землѣ и наслаждались, напитывали сердца свои, какъ-бы на день закланія* Іаков. V, 5)...

Будемъ притѣснять бѣдняка праведника, не пощадимъ вдовы и не постыдимся сѣдинъ старца. Сила наша да будетъ закономъ правды, ибо безсиліе оказывается безполезнымъ (Премудр. Солом. II, 10, 11)... И вотъ—

слезы, стоны, страданія и вѣдомыя, и невѣдомыя міру...

А вотъ злодѣй—дерзкій, чудовищный—совершаетъ такое вопіющее злодѣяніе, что мы поражены ужасомъ и въ святомъ негодованіи готовы сказать:

Нѣтъ, если этотъ человѣкъ не будетъ
Наказанъ страшно, то примусь я смѣло
Грѣхи творить... [1])

Въ виду такихъ грустныхъ и безотрадныхъ явленій передъ человѣкомъ возникаетъ грозный вопросъ:

«Зачѣмъ окровавленный, несчастный, влачится праведникъ подъ крестною ношею, тогда какъ нечестивый, счастливый и побѣдоносный, ѣдетъ на гордомъ конѣ?

«Или Господь не Всемогущъ? Или Самъ Онъ—виновникъ зла?

«Такъ не перестаемъ мы спрашивать, пока намъ наконецъ не заткнутъ рта горстью земли. Но что-же это за отвѣтъ»? (Гейне).

И точно—отвѣта нѣтъ, если все ограничивается земнымъ существованіемъ, если мы устранимъ то, что невѣрующіе называютъ священными притчами и благочестивыми гипотезами, но что въ сущности составляетъ необходимый выводъ философіи, такъ-же, какъ необходимое данное всякой религіи. Для отдѣльнаго лица противорѣчіе между безконечнымъ и конечнымъ не разрѣшается земною жизнью, потому что земная жизнь—не иное что, какъ преходящее мгновеніе среди вѣчности, слѣдовательно никогда не можетъ соотвѣтствовать безусловнымъ требованіямъ разума. Между тѣмъ это противорѣчіе должно быть разрѣшено именно для отдѣльнаго лица, потому что оно является исполнителемъ

[1]) Слова слуги о Корнвалѣ, вырвавшемъ оба глаза у старика Глостера, въ трагедіи *Шекспира*: „Король Лиръ“. Переводъ Дружинина. Дѣйствіе III, сцена 7-я. Спб. 1858 г. стр. 182.

безусловнаго закона. Если все ограничивается для него земною жизнью, то самое сознаніе исполненнаго закона не можетъ дать удовлетворенія человѣку: удовлетвореніе дается единственно убѣжденіемъ, что присущій его разуму и сердцу нравственный законъ есть безусловный законъ Вселенной, связывающій его съ невидимымъ и вѣчнымъ міромъ, котораго онъ состоитъ членомъ. Только увѣренность, что міръ управляется Всемогущимъ Разумомъ и что въ немъ царствуетъ Правда, способна возвысить человѣка надъ всѣми превратностями жизни и дать ему несокрушимую силу для исполненія добра. Если-же нравственный законъ, вмѣсто того, чтобы связывать человѣка съ вѣчностью и съ безусловными началами мірозданія, ограничивается для него предѣлами земнаго бытія, то законъ теряетъ свое безусловное значеніе и становится относительнымъ. Тогда человѣку остается только взвѣсить, какого рода удовлетвореніе онъ предпочтетъ въ этотъ кратковременный періодъ, который данъ ему для жизни. Выборъ зависитъ отъ вкуса.

Отсюда ясно, что невозможно видѣть искаженіе нравственности въ признаніи будущихъ наградъ и наказаній. Это было-бы справедливо, еслибы эти награды представлялись въ видѣ земныхъ благъ, потому что это значило-бы превратить безусловный законъ въ средство для достиженія частныхъ цѣлей. Но когда удовлетвореніе должно состоять въ созерцаніи торжества того закона, который мы призваны исполнять и въ общеніи съ тѣмъ безконечнымъ нравственнымъ, міромъ, котораго этотъ законъ дѣлаетъ насъ членами, то есть въ созерцаніи Вѣчной Истины и Вѣчнаго Добра: то надежда на подобное удовлетвореніе составляетъ безусловное право всякаго разумно-свободнаго существа, призваннаго исполнять безусловный нравственный законъ. Безъ этого самое исполненіе закона становится вопіющимъ противорѣчіемъ.

Съ другой стороны тотъ-же нравственный законъ, который, предписывая безусловно, обѣщаетъ исполнителю справедливое воздаяніе, раскрываетъ намъ, почему въ настоящей жизни добродѣтель не только не можетъ, но и не должна получить ожидающей ее награды. Еслибы добродѣтель сама собою вела къ полному удовлетворенію человѣка, то не было-бы заслуги, не было-бы и вины. Для свободнаго существа награда составляетъ не естественное, а нравственное послѣдствіе его дѣйствій: она должна быть заслужена, а для этого требуется испытаніе. Послѣднее служитъ не только пробнымъ камнемъ добродѣтели, но и средствомъ возвести ее на высшую ступень. Нравственная сила свободнаго лица изощряется испытаніемъ, а нравственное его пониманіе становится глубже. Каково должно быть испытаніе и когда получится награда, это, разумѣется, остается неизвѣстнымъ человѣку, котораго знаніе частныхъ отношеній ограничивается мгновеніемъ, отведеннымъ ему для земнаго бытія. Это вѣдаетъ только Тотъ, Кому открыта глубина человѣческаго сердца и Кто окидываетъ взоромъ всю вѣчность, для которой предназначенъ человѣкъ.

«Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду, нечистый пусть еще сквернится; праведный да творитъ правду еще и святый да освящается еще. Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ Его» (Апокал. XXII, 11, 12).

д) Оптимизмъ и пессимизмъ.

Въ своемъ взглядѣ на міръ и жизнь люди искони проявляли рѣзкую противоположность. Между тѣмъ какъ одни— натуры благодушныя находятъ въ мірѣ все прекраснымъ и наслаждаются всѣми благами жизни съ восторгомъ и упоеніемъ, прославляя и благодаря Виновника міра,—другіе напротивъ того, постоянно мучатся и страдаютъ, рѣдко чѣмъ бываютъ довольны, находя міръ исполненнымъ всякихъ не-

совершенствъ, золъ и бѣдствій, отъ которыхъ люди никогда не освободятся.

Какой изъ этихъ двухъ взглядовъ правильнѣе и разумнѣе? Пусть сами представители того и другаго выступятъ на сцену и помогутъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ.

Оптимистъ—представитель свѣтлаго взгляда на міръ—упрекаетъ пессимиста въ томъ, что онъ унижаетъ Божественное міроправленіе, не имѣетъ вѣры въ благаго Творца и Промыслителя, не замѣчаетъ того обилія счастія, которое достается въ здѣшней жизни въ удѣлъ всѣмъ безъ различія; говоритъ далѣе, что въ самомъ несчастіи человѣкъ никогда не бываетъ лишенъ надежды на лучшее, что вообще нормальное и постоянное настроеніе человѣка—счастливое и довольное. Несчастія такъ-же рѣдки, какъ и грозы въ природѣ, представляя собою благодѣтельный процессъ очищенія и обновленія; притомъ-же они не необходимы и не всеобщи. Сохраненіе жизни сопряжено съ удовольствіями и размноженіе рода человѣческаго сопровождается величайшимъ благомъ—любовію. Даже въ смѣшанныхъ чувствованіяхъ—состраданіи, грусти, печали преобладаетъ элементъ удовольствія.

Пессимистъ—представитель мрачнаго взгляда на міръ,—становясь прямо на моральную точку зрѣнія, относится презрительно къ оптимистическому благодушію, которое довольно всѣмъ потому, что незнакомо съ высшими и истинными обязанностями и благами человѣческими. Такъ называемая добродѣтель людская—для него ни что иное, какъ жалкій эгоизмъ, блестящій порокъ, обращающійся въ ничто при строгомъ сознаніи долга, точно такъ-же, какъ таетъ снѣгъ при появленіи солнца. Сохраненіе жизни—непрерывное мученіе, потому что, гонимые постоянно отъ одной потребности къ другой, люди никогда не находятъ себѣ удовлетворенія. Любовь—мечта, благородная иллюзія, неизбѣжно влекущая за собою раскаяніе и разочарованіе; бракъ—гнетущія насъ оковы, дѣти—мученіе и тяжелая обуза для насъ и мы—виновники зла для нихъ, произведши ихъ на этотъ несчастный свѣтъ. Зло—вездѣ и во всемъ; нигдѣ мы не находимъ дѣйствительно прекраснаго, добраго, истиннаго. Міровая скорбь—вотъ истинное ощущеніе, необходимо сопровождающее насъ во всю жизнь и лишь изрѣдка прерываемое краткими иллюзіями счастія, послѣ которыхъ мы дѣлаемся тѣмъ болѣе несчастными. «Блаженны тѣ, которые не ждутъ ничего хорошаго отъ жизни, ибо они не будутъ обмануты»,—вотъ заповѣдь блаженства пессимизма!

На чьей-же сторонѣ справедливость? Обѣ стороны правы, каждая съ своей точки зрѣнія, но обѣ и неправы, потому что утверждаютъ противоположное другъ другу. Примиреніе между ними возможно съ устраненіемъ противоположныхъ точекъ зрѣнія и привнесеніемъ новой точки зрѣнія, разрѣшающей противорѣчія.

Если этотъ міръ представляетъ собою законченное существованіе, въ такомъ случаѣ право—на сторонѣ пессимиста, потому что наши нравственныя понятія и требованія простираются гораздо дальше и выше того, что представляетъ намъ наличная дѣйствительность и мы дѣлаемся необходимо добычею міровой скорби. Но если человѣческое существованіе здѣсь на землѣ есть только переходная, предварительная ступень высшаго развитія, то нельзя не признать, какъ много прекраснаго и утѣшительнаго представляетъ уже это преддверіе храма совершенства, такъ что съ этой точки зрѣнія даже зло становится удобопереносимымъ съ помощью вѣры и надежды. И тогда уже справедливая жалоба пессимиста на то, что въ человѣчествѣ не существуетъ истиннаго прогресса, теряетъ свою силу,

потому что это значило-бы все равно, что жаловаться на дрессировщика птицъ, который, не смотря на многолѣтнія усилія, не можетъ усвоить птицамъ человѣческой рѣчи. Для извѣстной ступени можетъ существовать всегда только извѣстный предѣлъ развитія и безразсудное желаніе срывать плоды высшихъ ступеней съ низшихъ.

Послѣ этого намъ уже не трудно произнести приговоръ. Пессимистъ правъ по отношенію къ оптимисту въ томъ, что, возбуждаемый и язвимый жаломъ идеала, не можетъ найдти на землѣ совершенства; неправъ-же онъ въ томъ, что не имѣетъ основанія и права искать совершенства на землѣ. Оптимистъ неправъ по отношенію къ пессимисту въ томъ, что недостаточно глубоко и серьезно проникнутъ сознаніемъ возвышенности идеала и удовлетворяется низшими требованіями и низшими благами, весьма далекими отъ совершенства, но онъ правъ въ томъ, что на предлежащей ступени вообще и невозможно высшее совершенство, и однако уже здѣсь мы видимъ нѣкоторые проблески будущаго свѣта и совершенства.

Такимъ образомъ неразрѣшимый споръ этихъ двухъ міросозерцаній представляетъ новое доказательство безсмертія души человѣческой и будущаго совершенства въ другой жизни, потому что въ противномъ случаѣ (то есть, ограничивая развитіе человѣка и человѣчества предѣлами земной жизни) мы должны признать неразрѣшимое противорѣчіе жизни, законодательство міра, идущее въ разрѣзъ съ самимъ собою. Допуская-же *жизнь будущаго вѣка* мы легко находимъ разрѣшеніе противорѣчій и можемъ примирить спорящія стороны на основаніи высшаго закона. Истина всегда—тамъ, гдѣ находится разрѣшеніе затрудненій и гдѣ данныя въ опытѣ явленія поддаются закономѣрному, гармоничному и цѣлесообразному пониманію и объясненію.

е) Завершительное доказательство.

Въ исторіи человѣчества есть одинъ выдающійся фактъ, на который можно смотрѣть какъ на вѣнецъ и завершеніе всѣхъ доказательствъ безсмертія души человѣческой, на наглядное доказательство этого безсмертія души человѣкакъ на наглядное доказательство этого безсмертія и будущей жизни. Этотъ величайшій изъ всеміpно-историческихъ фактовъ есть *воскресеніе изъ мертвыхъ Спасителя міра Іисуса Христа.* Это чудо изъ чудесъ составляетъ основу всего христіанства, стоящаго и падающаго вмѣстѣ съ нимъ; на немъ же основываются всѣ наши надежды на вѣчную жизнь послѣ всеобщаго воскресенія и истребленія послѣдняго врага нашего—смерти.

«Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. Притомъ мы оказались бы лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, котораго Онъ не воскрешалъ, если, то есть, мертвые не воскресаютъ. Ибо если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ. Поэтому и умершіе во Христѣ погибли. И если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ... Какъ мы носили

образъ перстнаго (Адама), такъ будемъ носить и образъ небеснаго (Христа)». (1 Кор. XV, 12—22. 49).

Но дѣйствительно ли Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ?

Воскресеніе Іисуса Христа есть не только предметъ нашей живѣйшей вѣры· оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣйшее, удовлетворительнѣйшимъ образомъ засвидѣтельствованное, историческое событіе. Немного существуетъ частныхъ фактовъ въ исторіи, въ пользу которыхъ можно было бы представить столько многостороннихъ, жизненно-истинныхъ фактовъ, какъ фактъ воскресенія Христова.

Между тѣмъ никакой другой фактъ не встрѣчалъ болѣе энергическаго противорѣчія со стороны невѣрія, какъ воскресеніе Христово: отрицаніе дѣйствительности воскресенія Христова со стороны невѣрующихъ началось съ самаго дня этого необычайнаго событія и продолжается до сихъ поръ.

Сказаніе евангелій о воскресеніи Господа заключается, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Когда, по распятіи Господа, прошелъ день покоя во гробѣ—суббота, наступило великое утро воскреснаго дня, въ которое Господь Богъ положилъ печать на дѣло искупленія и могущественно явилъ Іисуса Христа Своимъ Сыномъ и Спасителемъ міра чрезъ воскресеніе Его изъ мертвыхъ. Въ самое раннее утро воскреснаго дня, при землетрясеніи, явился ангелъ съ неба и отвалилъ камень отъ двери гроба. Стражи, отъ страха, побѣжали въ городъ и объявили о случившемся первосвященникамъ. Жены первыя услышали о воскресеніи и увидѣли Воскресшаго. Сначала Марія Магдалина пришла ко гробу и увидѣла камень отваленнымъ. Въ страхѣ и тревогѣ, она поспѣшила въ городъ къ Петру и Іоанну и извѣстила ихъ объ этомъ. Между тѣмъ другая Марія; Саломія и Іоанна, при восходѣ солнца, прибыли ко гробу. Тамъ онѣ увидѣли ангела, который возвѣстилъ имъ о воскресе-

ніи Іисуса и повелѣлъ имъ сказать ученикамъ, что Іисусъ явится имъ въ Галилеѣ. Жены удалились и не говорили ничего никому, кромѣ учениковъ, которые, въ унынии своемъ, приняли эту вѣсть за пустую молву. Впрочемъ Петръ и Іоаннъ поспѣшили ко гробу, а за ними пошла и Марія Магдалина. Изумившись при видѣ пустоты гроба и не бывъ въ состояніи объяснить себѣ этого, оба они возвратились назадъ. Марія же еще оставалась тамъ. Тогда она увидѣла во гробѣ двухъ ангеловъ, которые дружественно привѣтствовали ее, и когда она со слезамя обратилась отъ нихъ назадъ, то увидѣла и Самого Господа, котораго сначала приняла за садовника, но скоро признала по звуку Его голоса. Онъ повелѣлъ ей возвѣстить ученикамъ о предстоящемъ вознесеніи Его на небо и сказать имъ, чтобы они предварительно ожидали явленія Его въ Галилеѣ. Марія исполнила это повелѣніе; но ученики не повѣрили ей. Поэтому Господь призналъ за благо явить Себя, какъ воскресшаго, ученикамъ еще въ Іерусалимѣ, чтобы поднять и оживить упавшій духъ ихъ. Такъ въ теченіе того же воскреснаго дня Онъ являлся и Симону Петру, и двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ. Исполненные радости, они поспѣшили возвратиться въ городъ, гдѣ нашли десять апостоловъ и другихъ учениковъ собравшимися въ затворенной горницѣ. Внезапно явился Господь посреди ихъ, исполненныхъ испуга, и удостовѣрилъ ихъ въ Своемъ тѣлесномъ явленіи, вкусивъ нѣсколько пищи и позволивъ имъ прикоснуться къ Себѣ. Затѣмъ ученики еще оставались въ городѣ, надѣясь, что Господь удостовѣритъ въ Своемъ воскресеніи и невѣрнаго соапостола ихъ Ѳому, не присутствовавшаго при этомъ явленіи. И дѣйствительно Господь явился въ слѣдующій воскресный день одиннадцати апостоламъ вмѣстѣ, и убѣдившійся Ѳома призналъ Его своимъ Господомъ и Богомъ. Теперь наконецъ ученики, утвержденные въ своей вѣрѣ,

отправились изъ Іерусалима въ Галилею, гдѣ они должны были ожидать Господа. Тамъ Іисусъ Христосъ явился, при озерѣ Тиверіадскомъ, семерымъ изъ Своихъ учениковъ, возстановивъ, при этомъ случаѣ, Симона Петра, въ его апостольское званіе и вмѣстѣ предсказавъ ему объ имѣющей быть нѣкогда мученической кончинѣ его. Наконецъ Воскресшій явился на горѣ въ Галилеѣ одиннадцати апостоламъ и болѣе, чѣмъ 500 ученикамъ, какъ основателямъ и руководителямъ будущаго новозавѣтнаго общества. Послѣ этого важнѣйшаго явленія, апостолы опять возвратились въ Іерусалимъ и, согласно повелѣнію Господа, собрались въ четвертокъ на горѣ Елеонской, близъ Виѳаніи. Здѣсь Господь явился имъ въ послѣдній разъ. Онъ обратилъ взоръ ихъ отъ будущаго, когда Онъ имѣлъ устроить царство славы, къ настоящему, въ которомъ имъ предстояло еще выполнить великую задачу,—заповѣдалъ имъ оставаться въ Іерусалимѣ и ожидать сошествія Святаго Духа, исполнившись котораго они должны были быть свидѣтелями Его до концовъ земли. Потомъ, благословляя ихъ, Онъ вознесся и скрылся въ облакѣ, чтобы возвратиться на престолъ Божій и воспринять славу Свою. Между тѣмъ два явившіеся ангела утѣшили учениковъ, пристально смотрѣвшихъ на небо, обѣтованіемъ будущаго пришествія ихъ Господа и Учителя.

Фактъ воскресенія Христова, посрамившій и унизившій невѣріе и злобу враговъ Іисусовыхъ, не могъ не вызвать съ ихъ стороны отрицанія, которое было тѣмъ яростнѣе, чѣмъ недобросовѣстнѣе.

Враждебные Іисусу Христу первосвященники и старѣйшины іудейскіе распустили молву, что Онъ не воскресъ, но что ученики Его, украли мертвое тѣло Его, воспользовавшись сномъ стражи, приставленной къ Его гробу, и затѣмъ пронесли вѣсть о Его воскресеніи.—Но молва, пущенная іудеями, есть ни что иное, какъ клевета на истину воскресенія Христова, и притомъ клевета самая нелѣпая. Похищеніе тѣла Христова учениками во время сна стражей представляется и невозможнымъ, и безразсуднымъ, если вникнуть во всѣ обстоятельства дѣла. И прежде всего оно представляется совершенно невозможнымъ *со стороны апостоловъ*. Извѣстно, что они были дотолѣ люди робкіе и боязливые: откуда же взялась у нихъ теперь такая необыкновенная слѣпость? Имъ ли было похищать мертваго, когда они оставили живаго? Они разсѣялись въ паническомъ страхѣ при видѣ нѣсколькихъ рабовъ съ дреколіями, пришедшихъ взять Іисуса: какъ же отважились они теперь напасть на вооруженныхъ воиновъ? Да и что могло побудить ихъ на такой отчаянный поступокъ? Зачѣмъ имъ нужно было мертвое тѣло ихъ Учителя? Съ другой стороны, возможно ли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы апостолы приблизились къ пещерѣ гроба, разломали печать и отвалили огромный камень отъ дверей ея, пробыли въ ней немало времени и потомъ унесли изъ нея мертвое тѣло своего Учителя, не разбудивши всѣмъ этимъ ни одного изъ воиновъ, какъ бы глубоко всѣ они не спали? Нельзя при этомъ забывать и того, что стражи приставлены были ко гробу, съ дозволенія Пилата, самими іудеями, какъ сами же они запечатали и гробъ. Безъ сомнѣнія, они выбрали для стражи воиновъ наиболѣе преданныхъ имъ и извѣстныхъ по своей бдительности и благонадежности. Какъ же могли эти воины допустить такую оплошность? Они говорятъ: «Ученики Іисуса, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали» (Матѳ. XXVIII, 13). Но какъ воину ссылаться на сонъ во время стражи? Да и откуда узнали они объ этомъ воровствѣ, когда они спали такимъ крѣпкимъ сномъ, что ничего не видѣли и не слышали? Что за свидѣтельство спящихъ?.. Наконецъ похищеніе тѣла Іисусова учениками представляется несообразнымъ

и невѣроятнымъ, если разсмотрѣть обстоятельства, послѣдовавшія за этимъ мнимымъ похищеніемъ. Воины сознаются, что они спали, когда обязаны были бодрствовать, что они допустили похитить тѣло Іисусово, когда должны были устеречь его. Слѣдовательно они были виновны въ высшей степени, по ихъ собственному сознанію. И что же?—ихъ не только не наказываютъ, а напротивъ—еще даютъ имъ *довольно денегъ!* Отчего же имъ такая милость? Извѣстно, какъ строго взыскивалось тогда за подобныя преступленія. Иродъ велѣлъ казнить воиновъ, стерегшихъ апостола Петра въ темницѣ, за то, что они не устерегли узника, освободившагося изъ заключенія чудеснымъ образомъ (Дѣян. XII, 19); а воины, не устерегшіе тѣла Христова во гробѣ, не только оставлены безъ всякаго наказанія, а еще и награждены. Не менѣе виновны были бы и апостолы, еслибы они похитили тѣло своего Учителя, вопреки всѣмъ предосторожностямъ со стороны начальства; однако и ихъ оставляютъ безъ вниманія, не отыскиваютъ, не судятъ, не наказываютъ. Почему же первосвященники и старѣйшины іудейскіе, имѣя полную возможность и къ тому же величайшій для себя интересъ разслѣдовать это дѣло, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, вовсе и не думаютъ о разслѣдованіи его? Почему они открыто, судебнымъ порядкомъ, не обличаютъ обмана, чтобы этимъ разъ навсегда заградить уста апостоловъ? Далѣе—чрезъ нѣсколько недѣль, когда апостолы своею проповѣдью о воскресеніи Христа Спасителя стали обращать къ Нему цѣлыя тысячи іудеевъ, синедріонъ потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ; но и здѣсь, на судѣ, синедріонъ не обвиняетъ и не обличаетъ апостоловъ въ похищеніи тѣла Іисусова, а лишь строго запрещаетъ имъ проповѣдывать о имени Іисуса (Дѣян. IV, 1—21). То же самое повторилось потомъ и въ другой разъ, когда синедріонъ задумалъ было даже умертвить апостоловъ за ихъ

проповѣдь о Воскресшемъ, но, выслушавъ мнѣніе Гамаліила, ограничился только тѣлеснымъ наказаніемъ ихъ и подтвержденіемъ своего прежняго запрещенія—говорить о имени Іисуса (Дѣян. V, 27—40). Что же опять это значитъ? Почему синедріонъ, запрещая апостоламъ проповѣдывать воскресшаго Христа, не изобличаетъ ихъ въ похищеніи тѣла Христова и даже вовсе не упоминаетъ объ этомъ похищеніи? Причина очень понятна: іудеи сами выдумали сказку о похищеніи тѣла изъ гроба, а потому и знали очень хорошо, что надлежащее разслѣдованіе этого дѣла скорѣе всего могло обличить въ обманѣ ихъ же самихъ. Такимъ образомъ клевета, распространенная іудеями во вредѣ истинѣ воскресенія Христова, сама произноситъ рѣшительный приговоръ о своей лживости и несостоятельности. Если гдѣ, то здѣсь въ особенности, по замѣчанію Златоуста, *солга неправда себѣ* (Псал. XXVI, 12).

«Да рекутъ іудее, како воини погубиша стрегущіи Царя? Почто бо камень не сохрани Каменя жизни? Или погребеннаго да дадятъ или воскресшему да поклонятся, глаголюще съ нами: слава множеству щедротъ Твоихъ, Спасе нашъ, слава Тебѣ!» [1]).

Сколько нелѣпа разсмотрѣнная клевета на истину воскресенія Христова, столько же напротивъ несомнѣнно-достовѣрно свидѣтельство апостоловъ объ этой истинѣ. Апостолы, называющіе себя преимущественно свидѣтелями воскресенія Христова, не могли въ этомъ случаѣ сдѣлаться жертвами обмана. Они совершенно и безошибочно знали Іисуса Христа, потому что жили съ Нимъ около трехъ съ половиною лѣтъ и находились при Немъ почти неотлучно. Слѣдовательно они не могли смѣшать Его съ кѣмъ либо другимъ въ то время, какъ Онъ являлся имъ по воскресе-

[1]) На хвалитехъ стихиры воскресны 2-го гласа, стихира 2-я.

нiи, и принять вмѣсто Него другаго. Далѣе, еслибы они говорили, что только кто-нибудь одинъ изъ нихъ видѣлъ Господа послѣ Его смерти, то еще можно было-бы подумать, что этотъ единственный свидѣтель видѣлъ призракъ или принялъ одно лице вмѣсто другаго. Но апостолы утверждаютъ, что они *всѣ* видѣли воскресшаго Спасителя и что въ одно время Онъ явился даже болѣе, нежели *пяти стамъ* братiй (1 Кор. XV, 6), то есть послѣдователей Его. Какъ же допустить, чтобы такое множество людей, всѣ вмѣстѣ могли обмануться и притомъ (что еще страннѣе)—всѣ одинаковымъ образомъ? Еще еслибы апостолы говорили, что видѣли воскресшаго Господа только однажды, и то издали, на короткое время и какъ бы мелькомъ,—опять позволительно было бы подозрѣвать ошибку. Но Воскресшiй—свидѣтельствуютъ они, являлся имъ многократно въ продолженiи сорока дней—то порознь нѣкоторымъ, то всѣмъ вмѣстѣ, и предъ ихъ же глазами вознесся на небо. Наконецъ во время Своихъ явленiй Онъ имѣлъ съ ними продолжительныя бесѣды, изъяснялъ имъ Писанiя, открывалъ тайны Своего царства, которыя они должны были проповѣдывать, предсказывалъ имъ то, что съ ними случится, и начертывалъ планъ ихъ будущихъ дѣйствiй? Онъ даже, собственно для удостовѣренiя учениковъ, вкушалъ предъ ними пищу и питiе, показывалъ имъ Свои изъязвленныя руки и ноги, Свои ребра, пронзенныя копiемъ, и заставлялъ ихъ осязать Его. Ужели же и послѣ всего этого апостолы могли не узнать своего Учителя, могли какъ-нибудь обмануться? Замѣчательно еще то, что апостолы въ настоящемъ случаѣ показали себя особенно мнительными и недовѣрчивыми. Они чувствовали всю важность Воскресенiя Христова и потому всѣми мѣрами старались до очевидности убѣдиться въ немъ. Они не увлекаются первою вѣстью о воскресенiи Господа, не вѣрятъ другъ другу, не довѣряютъ даже съ

перваго раза собственнымъ глазамъ. Эта неторопливость въ вѣрованiи, эта осторожность, съ какою апостолы принимаютъ вѣсть о воскресенiи Христовомъ, эти доказательства, которыхъ они требуютъ для собственнаго убѣжденiя въ фактѣ воскресенiя, со всею непререкаемостью свидѣтельствуютъ, что если апостолы наконецъ повѣрили рѣшительно и окончательно, то значитъ они разузнали истину самымъ полнымъ и очевиднымъ образомъ. Съ другой стороны нельзя подозрѣвать апостоловъ въ томъ, чтобы они имѣли намѣренiе обмануть другихъ, говоря о воскресенiи своего Учителя. Этому противорѣчитъ прежде всего ихъ нравственный характеръ. Возможно-ли предположить умыселъ обмануть другихъ въ людяхъ, которые проповѣдуя нравственность самую чистую и святую, какую когда-либо слышалъ мiръ, сами первые оправдаютъ ее своею жизнiю? Этому противорѣчатъ далѣе самыя обстоятельства ихъ проповѣди. Они проповѣдуютъ о воскресенiи своего Учителя въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ распятъ, вслухъ всѣхъ тѣхъ людей, которые видѣли Его и были даже виновниками Его крестной смерти, проповѣдуютъ спустя не болѣе пятидесяти дней послѣ событiя, когда у всѣхъ еще живы были воспоминанiя о жизни и смерти Iисуса Христа, и когда поэтому всякому легко было обличить проповѣдниковъ во лжи. Они начинаютъ свою проповѣдь во время величайшаго праздника, на который стеклось въ Iерусалимъ безчисленное множество народа изъ всей Iудеи и даже изъ чужихъ странъ; они какъ бы ожидали подобнаго дня, чтобы вызвать на борьбу съ собою цѣлыя тысячи враговъ. И какъ же допустить, чтобы въ проповѣди ихъ скрывался умыселъ обмануть другихъ? Апостолы не могли имѣть никакихъ—ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ побужденiй рѣшиться на такой умыселъ, а напротивъ даже имѣли всѣ побужденiя и причины отказаться отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы

заставить ихъ проповѣдывать о воскресеніи Іисуса Христа, еслибы Онъ дѣйствительно не воскресъ? Прежняя любовь къ Нему? Но эта любовь въ такомъ случаѣ необходимо должна была охладѣть и даже превратиться въ ненависть. они видѣли бы теперь въ Немъ человѣка, который обольстивъ ихъ несбыточною мечтою, заставивъ ихъ покинуть дома, имущество, мирныя занятія, вооруживъ противъ нихъ весь народъ іудейскій, наконецъ оставилъ ихъ на произволъ судьбы. Или надежда благъ міра? Но проповѣдывать Іисуса Христа воскресшаго значило объявлять іудеямъ, что они—убійцы истиннаго Мессіи, т. е. открыто обвинять ихъ въ величайшемъ преступленіи, какое только можно вообразить, и слѣдовательно подвергать себя всей злобѣ и ненависти этихъ людей, которые въ мщеніи за себя были неукротимы, какъ извѣстно уже было апостоламъ изъ опыта надъ ихъ собственнымъ Учителемъ. Между тѣмъ, еслибы они согласились перейдти на сторону враговъ своего Учителя, еслибы объявили, что умерши Онъ не воскресъ, хотя неоднократно предрекалъ о Своемъ воскресеніи, и слѣдовательно былъ обманщикъ; въ такомъ случаѣ они не только избавились бы отъ всѣхъ угрожавшихъ имъ опасностей, но безъ сомнѣнія получили бы и немалыя выгоды. Первосвященники и старѣйшины не жалѣли же денегъ для стражей, чтобы только они разгласили нелѣпую молву о похищеніи тѣла Іисусова. И такъ апостолы были достовѣрными свидѣтелями воскресенія Іисуса Христа, такими свидѣтелями, которые по собственному признанію ихъ, *не могли не говорить того, что видѣли и слышали* (Дѣян. IV, 20).

Апостольская проповѣдь о воскресеніи Іисуса Христа встрѣчена была и со стороны древнихъ язычниковъ сомнѣніемъ и насмѣшками. (Дѣян, XVII, 31, 32). И для новѣйшихъ язычниковъ основа христіанства—воскресеніе Основателя его, продолжаетъ до сихъ поръ служить предметомъ

глумленія и пререканія. Разсмотримъ главнѣйшія возраженія новѣйшихъ противниковъ христіанства противъ дѣйствительности воскресенія Христа Спасителя.

Мысль, будто ученики, укравъ мертвое тѣло своего Учителя, распустили потомъ молву о Его воскресеніи, вообще такъ странна и нелѣпа, что новѣйшіе послѣдователи противохристіанскаго направленія почти не рѣшались уже повторять ее вслѣдъ за древними іудеями, [1]) а вмѣсто нея стали измышлять новыя клеветы на истину воскресенія Христова. Такъ раціоналисты прошлаго столѣтія (и между ними въ особенности *Паулюсъ, Бардтъ, Шлейермахеръ*) утверждали, что Іисусъ Христосъ не умеръ на крестѣ, а только приведенъ былъ въ состояніе летаргіи и потомъ въ прохладномъ каменномъ гробѣ снова приведенъ былъ въ чувство—попеченіемъ друзей и сильнымъ запахомъ ароматовъ. Послѣ этого Онъ показывался ученикамъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ, изнемогая въ томительныхъ страданіяхъ, умеръ гдѣ-то въ неизвѣстности. Новѣйшіе раціоналисты (*Вейсе, Эвальдъ, Штраусъ, Бауръ* и вообще такъ называемые *тюбингенцы*), признавая несостоятельность гипотезы о летаргическомъ снѣ Іисуса Христа, прибѣгли къ новой гипотезѣ—такъ называемаго *визіонерства*, или *мечтательности*. Они думаютъ, что Христосъ, дѣйствительно умерши на крестѣ, не воскресалъ изъ мертвыхъ; а тѣ явленія Его по воскресеніи, о которыхъ разсказывается въ евангеліяхъ, были *внутренними* явленіями, фактами слишкомъ *возбужденнаго воображенія* Его учениковъ, словомъ—субъективными *видѣніями*, не имѣвшими въ существѣ своемъ ничего дѣйствительнаго. Не опровергая подробно этихъ новыхъ клеветъ, тѣмъ болѣе, что онѣ отчасти опровергаются высказанными уже прежде

[1]) Сколько извѣстно, одинъ только *Реймаръ*, авторъ «Вольфенбиттельскихъ Фрагментовъ», раздѣлялъ съ іудеями эту нелѣпую мысль.

соображеніями о смерти и воскресеніи Іисуса Христа [1]), мы замѣтимъ здѣсь только, что дѣйствительность необычайнаго факта воскресенія Христова положительно доказывается всею послѣдующею судьбою вѣры и Церкви Христовой. Внезапная и рѣшительная перемѣна въ характерѣ учениковъ Христовыхъ, очевидныя чудеса въ исторіи ихъ жизни и проповѣди, чрезвычайно быстрое распространеніе христіанства,

[1]) Вотъ что замѣчаетъ Штраусъ противъ гипотезы о летаргическомъ снѣ Іисуса Христа: «Вышедшій изъ гроба полумертвымъ, показывающійся всегда въ болѣзненномъ видѣ, нуждающійся во врачебныхъ пособіяхъ, перевязкахъ и уходѣ за собою и наконецъ изнемогающій отъ томительныхъ страданій никакъ не могъ бы произвести на учениковъ то впечатлѣніе побѣдителя смерти и владыки жизни, которое послужило основаніемъ всей дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Такое возвращеніе къ жизни только ослабило бы то впечатлѣніе, какое Іисусъ производилъ на учениковъ своихъ при жизни и смерти, исторгло бы у нихъ самые плачевные вопли, но никакъ не могло бы превратить ихъ скорбь въ воодушевленіе и довести уваженіе ихъ къ нему до обожанія». Но ничуть не лучше и гипотеза визіонерства, которую принимаетъ самъ Штраусъ, разсуждающій, повидимому, такъ здраво и основательно. Мы не станемъ спрашивать его о томъ, какимъ образомъ призракъ, созданный болѣзненно-возбужденнымъ воображеніемъ учениковъ Христовыхъ, могъ вкушать пищу предъ ними, показывать имъ свои руки и ноги, давать осязать свои раны, бесѣдовать съ ними о царствіи Божіемъ въ продолженіе сорока дней: все это Штраусъ считаетъ легендами, сочиненными уже впослѣдствіи. Поэтому намъ остается спросить его: ужели и тѣ пятьсотъ братій, которымъ, по словамъ апостола Павла, явился воскресшій Іисусъ въ одно время (1 Кор. XV, 6), подверглись всѣ одновременно одной и той же галлюцинаціи? И если такъ, то по какимъ же физическимъ и психическимъ законамъ могло это случиться? Какимъ образомъ далѣе и самъ Павелъ, не бывшій ученикомъ Іисуса Христа и потому не заинтересованный лично Его смертію и воскресеніемъ, вдругъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, неожиданно подвергается той же самой галлюцинаціи, которой подвержены были первые проповѣдники воскресенія, и увлекается ею до того, что позволяетъ даже посвятить себя въ апостола мнимо воскресшаго (1 Кор. XV, 8; см. Дѣян. IX, 4 и дал.). Наконецъ почему всѣхъ этихъ визіонеровъ, разглашающихъ неслыханную дотолѣ вещь, ни разу не повели ко гробу Христову, чтобы, указавъ на лежавшій тамъ трупъ, сразу разсѣять ихъ иллюзію, что весьма легко и естественно было бы сдѣлать при самомъ первомъ появленіи ихъ видѣній? Зачѣмъ же дали этой иллюзіи возможность все болѣе распространяться и крѣпнуть—до того, что она наконецъ сдѣлалась непоколебимою, готовою идти на смерть вѣрою, произвела глубочайшій нравственный переворотъ въ человѣческой мысли и жизни, или, какъ выражается апостолъ: *побѣдила міръ* (1 Іоан. V, 4).

несмотря на всѣ, повидимому, непреодолимыя препятствія къ тому,—всѣ эти событія не могутъ быть поняты и объяснены безъ воскресенія Іисуса Христа, и притомъ воскресенія дѣйствительнаго, а не мнимаго или только воображаемаго. Словомъ, воскресеніе Іисуса Христа обосновано такъ же твердо, какъ и само христіанство: безъ перваго не существовало бы и послѣдняго.

Однимъ изъ сильныхъ возраженій противъ дѣйствительности воскресенія Іисуса Христа служилъ нѣкогда вопросъ: «Если Іисусъ Христосъ дѣйствительно воскресъ, то почему Онъ, вмѣсто того, чтобы явиться своимъ ученикамъ, не явился своимъ судьямъ и всему іерусалимскому народу, какъ воскресшій изъ мертвыхъ, какъ святой, оправданный Богомъ и прославленный Своимъ воскресеніемъ? Удивительная мудрость Спасителя и вѣрность взгляда, проявлявшаяся въ каждомъ Его словѣ, въ каждомъ Его поступкѣ, высказывается и въ той тайнѣ, которою Онъ окружилъ отъ невѣрующаго міра Свое величіе. Торжественное явленіе Іисуса Христа по воскресеніи іерусалимскому народу и судьямъ Его было бы не согласно ни съ смиреннымъ характеромъ Его, всегда чуждавшагося всякихъ шумныхъ свидѣтельствованій о Себѣ, ни съ желаніемъ Его, чтобы невѣрующій міръ былъ приведенъ къ Богу только религіознымъ и нравственнымъ могуществомъ слова и духа евангельскаго, ни съ свойствами спасительной вѣры и царствія Божія, которое приходитъ не съ шумомъ и блескомъ, но непримѣтнымъ, внутреннимъ образомъ (Лук. XVII, 20, 21). Вынужденная вѣра не есть вѣра. Притомъ же злоба враговъ Іисусовыхъ могла бы устоять въ своемъ невѣріи и при явленіи имъ Воскресшаго: могли бы сказать, что явившійся или не умиралъ или ожилъ не божественною силою. Кромѣ того явленіе Распятаго могло бы возстановить народъ противъ духовной власти, могло бы повлечь за собою вмѣшатель-

ство римскаго правительства,—и мирное основаніе христіанской Церкви сдѣлалось бы невозможнымъ.

Наконецъ дѣйствительность воскресенія Іисуса Христа заподозриваютъ на основаніи незначительныхъ разногласій въ евангельскихъ сказаніяхъ объ этомъ событіи. Но въ этихъ разногласіяхъ евангелистовъ видно только то, что встрѣчается всегда и вездѣ, если только свидѣтели передаютъ какое-нибудь важное происшествіе, сдѣлавшее глубокое впечатлѣніе на умы. Въ такомъ случаѣ они обыкновенно не передаютъ фактовъ ясно, дипломатически, съ объективной точки зрѣнія; но каждый разсказчикъ примѣшиваетъ всегда къ разсказу свои собственныя личныя впечатлѣнія. А какое впечатлѣніе можетъ сравниться по своей силѣ съ тѣмъ, которое испытали апостолы, узнавшіе о воскресеніи своего возлюбленнаго Господа и Учителя? Понятно, что свидѣтели воскресенія Господа, подъ вліяніемъ объявшаго все существо ихъ глубокаго чувства радости, были даже не въ состояніи усмотрѣть и запомнить въ точности, микроскопически всѣ побочныя обстоятельства этого радостнаго событія; а отсюда произошло естественно и то, что и въ передачѣ этихъ обстоятельствъ должны были оказаться нѣкоторыя разногласія. Частныя разногласія евангельскихъ повѣтствованій о воскресеніи Іисуса Христа, при единогласіи ихъ въ общемъ и существенномъ, служитъ лучшимъ и яснѣйшимъ признакомъ отсутствія всякаго предумышленнаго вымысла, нарочитаго взаимнаго соглашенія со стороны апостоловъ относительно воскресенія Іисуса Христа. Что сказала бы новѣйшая критика, еслибы въ историческихъ памятникахъ, которые мы имѣемъ, то есть въ четырехъ нашихъ евангеліяхъ, существовало полнѣйшее согласіе? Какое это было бы для нея торжество! Тогда сказали бы, что наши евангелія не отражаютъ личнаго характера ихъ писателей, съ увѣренностію стали бы утверждать, что

это согласіе--не иное что, какъ явное выраженіе миѳа, выдуманнаго первобытною Церковію. «Самое разнообразіе и какъ бы несходство повѣствованій евангельскихъ о воскресеніи поразительно свидѣтельствуетъ о его истинѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуя существу столь новаго событія, столь поразительнаго и потому приводящаго чувства самихъ учениковъ въ смущеніе, въ смущеніе радости, удивленія, въ святое смущеніе, которое Духу Божію угодно было сохранить и въ Писаніи—въ память и назиданіе Церкви [1])».

Чтобы показать слабость и несостоятельность возраженій отрицательной критики противъ мнимыхъ разногласій и противорѣчій между евангельскими повѣствованіями о воскресеніи Христовомъ, укажемъ для примѣра на одно возраженіе. Оно касается числа ангеловъ, являвшихся мvроносицамъ: по Матѳею и Марку имъ являлся *одинъ* ангелъ, а по Лукѣ и Іоанну—*два*. Это мнимое противорѣчіе вполнѣ объясняется изъ хода самаго событія: хотя евангелисты повѣствуютъ и объ одномъ и томъ-же событіи, тѣмъ не менѣе изображаютъ не однѣ и тѣ-же части, или моменты его. Противъ такого объясненія можно, пожалуй, возразить, что въ такомъ случаѣ и ангелы должны быть у евангелистовъ не одни и тѣ-же. Совершенно справедливо. Но не забудемъ при этомъ вспомнить слова *Лессинга*, относившагося къ толкованію Св. Писанія съ тою разумною свободою, которая чужда многимъ критикамъ новѣйшаго времени: «Холодные отыскиватели противорѣчій! неужели-же вы не видите, что евангелисты не считаютъ ангеловъ? Весь гробъ, все обширное пространство около гроба невидимо было наполнено ангелами. Здѣсь было не два только ангела, какъ какіе нибудь два гренадера, которые стоятъ у дверей квар-

[1]) *Протоіерея Н. А. Сергіевскаго.* Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры апологетическія публичныя чтенія. М. 1872 г., стр. 147—148.

тиры вышедшаго генерала: здѣсь были ихъ милліоны; не всегда являлся одинъ и тотъ-же, не всегда одни и тѣ-же два. То являлся одинъ, то другой; то въ этомъ мѣстѣ, то въ другомъ; то одинъ, то вмѣстѣ съ другими; то они говорили, то—другое». Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ лучшаго нѣмецкаго критика. Правда, противъ него могутъ сказать, что оно—болѣе поэтическій образъ, чѣмъ ученое разсужденіе. Но истина всегда и вездѣ одна и таже—и въ ученомъ трактатѣ, и въ поэтическомъ произведеніи.

Исторія первенствующей Церкви Христовой представляетъ намъ достовѣрнѣйшаго свидѣтеля воскресенія Христова уже послѣ вознесенія Господа на небо.

Общество вѣрующихъ во Христа, составлявшее въ первые дни своего существованія *малое стадо*, послѣ сошествія Св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы начало быстро увеличиваться въ своемъ объемѣ: только двумя проповѣдями апостола Петра пріобрѣтено было Церковію 8,000 членовъ и затѣмъ *Господь ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ Церкви* (Дѣян. II, 47). Центромъ новооcновавшейся Церкви былъ святой городъ Іерусалимъ, а главнѣйшими врагами ея—бывшіе враги Основателя ея—первосвященники, старѣйшины и фарисеи.

Спустя около двухъ лѣтъ послѣ вознесенія Господа, одинъ изъ такихъ враговъ Его, и Его Церкви, ярый фарисей, *неумѣренный ревнитель отеческихъ преданій* (Галат. I, 14), терзавшій Церковь, входившій въ дома, влачившій мужчинъ и женщинъ и отдававшій ихъ въ темницу, не довольствуясь такою безпощадно-разрушительною дѣятельностію въ Іерусалимѣ и дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа, пришелъ къ первосвященнику и выпросилъ у него письма въ Дамаскъ къ синагогамъ, чтобы, кого найдетъ послѣдующихъ сему ученію, и мужчинъ, и

женщинъ, связавъ, приводить въ Іерусалимъ. Но на пути въ Дамаскъ съ нимъ случилось нѣчто неожиданное и необычайное. Когда онъ приближался къ Дамаску, внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба, онъ упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорящій ему: «Савлъ, Савлъ! что ты гонишь Меня»? Онъ сказалъ: Кто Ты, Господи?—Голосъ-же сказалъ: «Я Іисусъ, котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна» (Дѣян. IX, 1—5). Этотъ-то Савлъ, послѣ бывшаго ему чудеснаго видѣнія, изъ жестокаго гонителя Церкви превратился въ ревностнѣйшаго апостола, болѣе всѣхъ потрудившагося въ дѣлѣ евангельскаго благовѣствованія.

Какого рода было это видѣніе Савлу или Павлу? За разрѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ его собственному свидѣтельству. Говоря въ первомъ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ [1]) о явленіяхъ Воскресшаго, апостолъ Павелъ заканчиваетъ собою рядъ тѣхъ лицъ, которымъ Господь явился послѣ Своего воскресенія: «*Послѣ всѣхъ* Онъ явился и мнѣ, какъ нѣкоему извергу» (1 Кор. XV, 8). Это пишетъ тотъ, кто, безспорно, есть одинъ изъ трезвѣйшихъ умомъ и преданнѣйшихъ истинѣ людей, какіе существовали когда либо. Но не могло-ли явленіе на пути въ Дамаскъ быть мечтательнымъ видѣніемъ, какъ утверждаетъ Штраусъ? Мы охотно соглашаемся съ Штраусомъ, что Павелъ былъ способенъ къ духовнымъ видѣніямъ. Онъ самъ повѣствуетъ намъ (2 Кор. XII, 1 и дал.) о различныхъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, случавшихся въ его апостольской жизни; и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ прямо говорится (Дѣян. XVIII, 9; XXII, 17); что между ними были и ви-

[1]) Даже отрицательная критика признаетъ подлинность этого Павлова посланія, а потому и она не можетъ не признать всей важности приводимаго изъ него свидѣтельства.

дѣнія Христа. И такъ, чѣмъ лучше были извѣстны Павлу свойства духовнаго видѣнія, тѣмъ яснѣе онъ долженъ былъ, въ данномъ случаѣ, сознавать, призрачное-ли *видѣніе* было ему или сверхъестественно-дѣйствительное *явленіе*. Теперь спрашивается: принималъ-ли самъ Павелъ явленіе Христа при Дамаскѣ за духовное видѣніе или за истинное событіе, за тѣлесную дѣйствительность? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ съ точностію на основаніи перваго посланія къ Коринѳянамъ. Здѣсь Павелъ указываетъ на бывшее ему явленіе Воскресшаго какъ на послѣднее изъ всѣхъ. Если-же Павелъ (какъ повѣствуется въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и какъ принимаетъ Штраусъ) послѣ явленія, за которымъ послѣдовало его обращеніе, имѣлъ неоднократныя видѣнія Христа, то изъ выраженія: «послѣ всѣхъ» слѣдуетъ, что это явленіе при Дамаскѣ не могло быть только духовнымъ видѣніемъ, слѣдуетъ напротивъ того, что это явленіе заключило собою рядъ тѣхъ событій, которыя должны были окончиться вскорѣ послѣ воскресенія Іисуса Христа, составляя переходъ отъ видимо-земнаго къ дальнѣйшему, чисто духовному общенію Господа съ Его учениками, такъ какъ они принадлежали единственно къ исторіи основанія Церкви; призваніе-же апостола язычниковъ было въ этой исторіи необходимымъ эпизодомъ, осуществимымъ только посредствомъ личнаго явленія Христа. То-же заключеніе вытекаетъ и изъ 9-й главы перваго посланія къ Коринѳянамъ. Здѣсь апостолъ говоритъ: «Не апостолъ-ли я? Не видѣлъ-ли я Іисуса Христа, Господа нашего» (ст. 1)? Напоминаніемъ о своемъ лицезрѣніи Господа, Павелъ хочетъ доказать свое апостольское достоинство, свою равноправность съ Петромъ и другими апостолами. Но все это доказательство могло имѣть силу только въ такомъ случаѣ, если событіе при Дамаскѣ было принимаемо среди вѣрующихъ за дѣйствительное событіе, которое было удостовѣрено и другими

свидѣтелями и о которомъ Павлу достаточно было только напомнить. И такъ мы спрашиваемъ: по воззрѣнію Павла, могло-ли одно духовное видѣніе Христа служить доказательствомъ апостольскаго званія въ Церкви? Получать духовныя видѣнія было, безспорно, признакомъ пророка, а не апостола; апостольское-же званіе, по воззрѣнію Павла, есть иное и высшее, чѣмъ пророческое. Слѣдовательно и это явленіе Господа, которымъ Павелъ доказываетъ свое апостольское званіе, должно быть не такимъ видѣніе, какое доступно одинаково каждому пророку и другимъ христіанамъ, а инымъ. Такъ какъ лицезрѣніе исторической жизни Іисуса и въ особенности Его воскресенія, и личное призваніе воскресшимъ Господомъ было исключительнымъ преимуществомъ апостола предъ пророкомъ, то оно (лицезрѣніе) могло быть ему только въ тѣлесномъ видѣ, какъ было столь часто Петру и другимъ апостоламъ, прежде и послѣ смерти Христовой. Къ этому надобно присовокупить, что Павелъ въ 15-й главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ, именно съ цѣлію уничтожить возникшее въ коринѳской церковной общинѣ сомнѣніе касательно воскресенія тѣла и доказать будущее тѣлесное воскресеніе всѣхъ, обращается къ воскресенію Христа, первенца изъ умершихъ. Возможно ли же, чтобы Павелъ, для доказательства воскресенія тѣла, ссылался на такое событіе, котораго нетѣлесность, какъ духовнаго видѣнія, была извѣстна ему? Возможно-ли, чтобы на тѣлесности этого явленія онъ основывалъ не только дѣйствительность своего апостольства, но и собственное свое спасеніе при жизни и по смерти, если событіе это было такого рода, что онъ не зналъ, былъ-ли онъ при этомъ въ тѣлѣ или внѣ тѣла? И такъ мы видимъ, что Павелъ, по собственному опыту знавшій духовныя видѣнія, съ яснымъ сознаніемъ, и полною увѣренностію принималъ явленіе Христа при Дамаскѣ не за духовное видѣніе, а за

дѣйствительное явленіе. Послѣ этого по какому-же праву можно было-бы извращать свидѣтельство этого мужа, высказываемое имъ съ такою выразительностію о самомъ важномъ для него и священнѣйшемъ событіи всей его жизни?

Для кого эти доказательства будутъ еще недостаточны, чтобы несомнѣнно убѣдиться въ немечтательномъ событіи явленія Іисуса Христа при Дамаскѣ, тому можно предложить вопросъ: мечтательное созерцаніе Христа въ небесной славѣ вообще мыслимо-ли возможно-ли психологически въ Павлѣ, еще не обратившемся, еще невѣрующемъ и гонителѣ? Возможно-ли, чтобы образъ прославленнаго Христа, торжествующаго въ величіи воскресенія, наполнялъ такъ душу Павла одновременно съ неукротимымъ стремленіемъ, съ пламеннымъ желаніемъ—истребить съ земли имя распятаго Назарея? Чтобы представить это возможнымъ, Штраусъ выдумываетъ, будто Павелъ на пути въ Дамаскъ былъ уже въ сильнѣйшемъ колебаніи, былъ уже на половину увѣрующимъ, будто онъ, пораженный мученическою кончиною Стефана и не удовлетворяемый своею фарисейскою ревностію о законѣ, былъ уже въ глубинѣ души занятъ вопросомъ: не правъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, гонимый имъ Іисусъ?—Но въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и въ собственныхъ посланіяхъ Павловыхъ видны слѣды совсѣмъ противнаго. Смерть Стефана не могла поразить зилота Савла, потому что именно по поводу ея въ немъ и воспламенилась ревность къ гоненію. Если-же она не поразила его, а скорѣе воспламенила, то можно спросить: какая-же мученическая смерть могла произвести на него впечатлѣніе? И еслибы дѣйствительно онъ, вслѣдствіе какого нибудь запавшаго въ его душу впечатлѣнія, былъ недоволенъ самимъ собою и чувствовалъ смущеніе, то, какъ человѣкъ прямодушный и богобоязненный, онъ, изъ опасенія возстать противъ Бога,

прежде всего удержался-бы отъ гоненія; на самомъ-же дѣлѣ, судя по всему, что мы знаемъ, онъ дышалъ угрозами и убійствомъ, дышалъ ими на самомъ пути въ Дамаскъ, пока Христосъ не воззвалъ къ нему: «Савлъ! что ты Меня гонишь»? Такимъ образомъ, по всѣмъ извѣстнымъ намъ даннымъ, внутреннее расположеніе Павла было таково, что только очевиднѣйшее доказательство того, что гонимый имъ Іисусъ есть истинный, царствующій въ величіи Мессія, могло исцѣлить его отъ фарисейскаго образа мыслей,—что только Самъ Христосъ, Своимъ тѣлеснымъ явленіемъ въ небесной славѣ, могъ превратить этого крѣпкаго мужа, сердце котораго было закрыто такою твердою бронею, изъ яростнѣйшаго гонителя въ преданнѣйшаго служителя. Надобно еще замѣтить при этомъ, что, со дня событія при Дамаскѣ, Павелъ сознавалъ себя въ дѣйствительномъ жизненномъ общеніи съ прославленнымъ Христомъ, когда говорилъ: «Уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гал. II, 20). Если-же-бы это явленіе было просто духовнымъ видѣніемъ, произведеніемъ его раздражительныхъ нервовъ, еслибы ему вовсе не являлся живой Христосъ во плоти, который могъ сообщить ему Свою дѣйствительную божественную жизнь: то вся вѣра, все возрожденіе, вся спасительная борьба и побѣда великаго апостола основывалась-бы на иллюзіи, на однихъ субъективныхъ ощущеніяхъ и собственныхъ естественныхъ силахъ, а не на «силѣ Божіей во Христѣ ко спасенію всякому вѣрующему». Но возможно-ли, чтобы все это было иллюзіей, чтобы иллюзія произвела такое нравственное чудо, какого не могли произвести ни мудрость грековъ, ни законъ Ветхаго Завѣта? Если мы рѣшимся уличать во лжи глубочайшее нравственное убѣжденіе святѣйшаго мужа, ничѣмъ не удовлетворявшуюся, но во Христѣ успокоившуюся совѣсть его,—то кому же послѣ этого мы будемъ вѣрить?

И такъ воскресеніе Іисуса Христа засвидѣтельствовано достовѣрными свидѣтелями и свидѣтельствами; оно свидѣтельствуется непрерывно всею исторіею христіанства. Какъ Христосъ *воистину воскресе*, такъ воистину воскреснемъ и мы. Какъ же невѣрующіе говорятъ, что не будетъ воскресенія мертвыхъ? Христіанство есть религія Воскресшаго, умертвившаго смерть. Настоящая смерть есть только неизбѣжный переходъ къ безсмертію: *то, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ* (1 Кор. XV, 36). Въ этихъ словахъ великаго апостола заключается прекрасная, полная глубокаго смысла аналогія безсмертія человѣка, взятая изъ естественной жизни. Посѣянныя зерна, сгнивая въ землѣ, сохраняютъ нетлѣннымъ свой ростокъ—зародышъ будущаго растенія, совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое произвело его. Здѣсь не простая передача жизни отъ одного растенія другому, но полное сохраненіе зародышемъ своей жизни и проявленіе ея въ новой формѣ. Зерно—это человѣкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, существо единичное, особое, отличающееся извѣстными качествами, имѣющее свою личную жизнь. Но вотъ это существо умираетъ, идетъ въ землю, сѣется, какъ зерно. Погибаетъ-ли оно безслѣдно, сгнивши, разложившись на составныя части? Нѣтъ! Какъ зерно явится прекраснымъ растеніемъ, которое не отлично отъ брошеннаго въ землю зерна, но есть то самое зерно, которое сгнило въ землѣ: такъ и человѣкъ, истлѣвшій въ землѣ, превратится въ прекрасное существо, съ новымъ духовнымъ тѣломъ, но не отличное отъ того человѣка, который умеръ,—оно будетъ тотъ же самый человѣкъ, только ставшій нетлѣннымъ.

Знаешь, что когда земной нашъ домъ, сія хижина (т. е. тѣло), *разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный* (2 Кор. V, 1).

д) Заключеніе..

Солнце скрылось за горизонтъ; погасла вечерняя заря. Но вотъ разсѣялся, исчезъ мракъ ночи и уже занимается утренняя заря...

Человѣкъ угасъ и сошелъ во мракъ могилы. Но только холодное и мрачное невѣріе видитъ одинъ разлагающійся трупъ и землю, тяжело падающую на гробовую крышку, подъ которою сокрыта добыча смерти: вѣра и надежда прозрѣваютъ свѣтлую зарю новой славной жизни послѣ мрака смерти... «Умирающій человѣкъ—заходящее свѣтило, заря котораго уже блещетъ надъ другимъ міромъ» (Гёте).

Невѣріе, вѣрящее только тому, что видитъ, издѣвается надъ нашею святою вѣрою и свѣтлою надеждою, какъ надъ *мечтами* и *призраками*. Такъ нѣкогда современники Колумба издѣвались надъ нимъ, какъ надъ пустымъ и сумасброднымъ мечтателемъ, забравшимъ себѣ въ голову какую-то неоткрытую, еще невѣдомую страну. И что-же?—несбыточныя, какъ казалось, мечты мечтателя, противъ ожиданія осуществились, и мнимо здравомыслящіе были посрамлены...

Да, мысли о безсмертіи, о будущей жизни дѣйствительно представляются какъ бы призраками и грезами соннаго для людей, всѣ помышленія и стремленія которыхъ всецѣло поглощены будничною жизнію съ ея опьяняющими впечатлѣніями, не дающими одуматься и образумиться. Подъ вліяніемъ этого неумолкающаго, развлекающаго шума жизни людей бродятъ точно во снѣ или въ чаду, принимая призраки за дѣйствительность и мечты за истину. Пробуждающій и отрезвляющій голосъ вѣры обращается къ нимъ съ

кроткимъ увѣщаніемъ: «любите настоящее, но ищите лучшаго»!

«О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей и чтобы забываемое тобою безсмертіе не убило тебя на-вѣки, если оно тебѣ, неожидающему его и неготовому, внезапно явится. Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни. Говори съ надеждою и страхомъ: «утрѣ умремъ на земли и родимся или на небесахъ или въ адѣ». И такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому рожденію» [1]).

Вопросъ о конечной цѣли нашей жизни—это первый и главный вопросъ всей нашей жизни. Если мы не въ состояніи отыскать для себя верховную цѣль нашего существованія, которая всегда и повсюду свѣтила бы намъ путеводною звѣздою и двигала бы насъ попутнымъ вѣтромъ къ пристани, въ такомъ случаѣ намъ остается одна участь—носиться на разбитомъ своемъ суднѣ, безъ руля и безъ паруса по бурному и безбрежному морю до тѣхъ поръ, пока всѣ мы одинъ за другимъ, погибнемъ въ волнахъ его.

Ужели все мечта? Напрасно-ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ, нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны:
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный...
Блаженство—наша цѣль.

В. А. Жуковскій.

---

1) *Филарета*, митрополита Московскаго. Слово въ день воскресный и Святителя Алексія.

13. Спиритизмъ.

Выше мы говорили, что спиритизмъ, получившій въ наши дни такое сильное распространеніе, вызывается быть защитникомъ и поборникомъ вѣры въ безсмертіе души. Но этотъ самозванный защитникъ одного изъ существеннѣйшихъ пунктовъ христіанскаго ученія отзывается самъ весьма сильно матеріализмомъ: онъ основываетъ свою защиту безсмертія души и будущей жизни не на какихъ-либо нравственно-разумныхъ, удобопріемлемыхъ, убѣдительныхъ доводахъ, не на *духѣ* и *силѣ*, но на внѣшнихъ *явленіяхъ* фантастически-загадочнаго, весьма страннаго и подозрительнаго свойства, лишенныхъ всякой разумности. Спиритизмъ невольно разоблачаетъ свой скрытый корень, изобличаетъ свою родственную связь съ господствующимъ направленіемъ нашего вѣка. Вотъ почему онъ, представляя собою, повидимому, влеченіе къ таинственному, мистическому, мирится и уживается въ то же время съ противоположнымъ стремленіемъ къ грубо-реальному, эмпирическому. Онъ есть чадо грубаго матеріализма, есть «матеріализмъ, лишенный логичности», и отнюдь не можетъ быть союзникомъ христіанства. *Рожденное отъ плоти есть плоть* (Іоан. III, 6) и не мирится съ духомъ и рожденнымъ отъ духа.

Мы не имѣемъ намѣренія разбирать ученіе спиритовъ или вступать съ ними въ полемику, а имѣемъ только въ виду высказать нѣсколько общихъ взглядовъ и соображеній въ отпоръ спиритизму, руководствуясь главнымъ образомъ притчею Христа Спасителя о богатомъ и Лазарѣ.

Вотъ эта притча:

«Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пиршествовалъ блиста-

тельно. Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищій и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ, и похоронили его. И въ адѣ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его, и возопивъ сказалъ: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой; ибо я мучусь въ пламени семъ. Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ. Тогда сказалъ онъ: такъ прошу тебя, отче,—пошли его въ домъ отца моего; ибо у меня пять братьевъ: пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобъ и они не пришли въ это мѣсто мученія. Авраамъ сказалъ ему: у нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче Аврааме! но если кто изъ мертвыхъ прійдетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то, еслибы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, но повѣрятъ». (Еванг. Луки гл. XVI, ст. 19—31).

Жилъ одинъ безжалостный, безсердечный богачъ, жилъ въ полное *свое* удовольствіе, нисколько не заботясь о *другихъ*: ѣлъ, пилъ и веселился, полагая въ этомъ весь смыслъ, всю суть жизни. Тутъ же на глазахъ его жилъ жалкій нищій, раздѣлявшій и пристанище, и пищу съ его собаками, которыя оказывались сострадательнѣе своего хозяина къ несчастному. Наконецъ благодѣтельница-смерть прекратила страданія бѣдняка. Но и безпечно-веселаго богача богатство его не спасло отъ смерти: онъ умеръ, и его похоронили, конечно, такъ же пышно, какъ онъ и жилъ. За гробомъ участь богача и нищаго мѣняется: нищій утѣшается, блаженствуетъ на лонѣ Авраамовомъ, а богачъ попадаетъ въ мѣсто мученія [1]). Богачъ, теперь тысячекратно болѣе несчастный, нежели сколько былъ счастливъ въ мезной жизни, видитъ вдали Лазаря, котораго когда-то не удостоивалъ и взглядомъ, и проситъ Авраама облегчить его (богача) страданія чрезъ посредство этого бывшаго нищаго, въ свое время безропотно переносившаго свои страданія. Но просьба несчастнаго богача оказывается неудобоисполнимою: онъ уже получилъ въ земной жизни *доброе свое* въ полной мѣрѣ и воспользовался этимъ добрымъ до сытости, до пресыщенія. Онъ алкалъ и жаждалъ на землѣ *только* земнаго—и теперь ему нечѣмъ насытить своей бѣдной безсмертной души, алчущей пищи духовной, негибнущей. Да и никто уже, еслибы даже и захотѣлъ, не можетъ перемѣнить его участи, которую онъ самъ себѣ приготовилъ: между Лазаремъ и имъ утверждена *великая пропасть*, не переходимая ни съ той, ни съ другой стороны.

---

1) Богачъ осужденъ на мученіе не за то, конечно, что былъ богатъ; равнымъ образомъ и нищій получилъ блаженство не за то, что былъ нищій. Богачъ осужденъ за то, что у него при жизни было все, кромѣ вѣры, благочестія и милосердія; а нищій удостоился блаженства потому, что у него при жизни не было ничего, кромѣ вѣры, благочестія и терпѣнія.

Въ «Стихѣ о Лазарѣ» поется:

Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Помнишь-ли ты, братецъ, помятуешь-ли,
Какъ мы жили-были на вольномъ свѣту:
Ты нищую братію на дворъ не впущалъ,
Ты босаго, нагаго не обулъ, не одѣлъ,
Отъ темной отъ ноченьки ты не укрывалъ,
Съ широка подворья ты не провожалъ
Пути и дороги ты не указалъ,
Вдовицъ и сиротъ ты не сберегалъ...

Это—пропасть между добромъ и зломъ, между свѣтомъ и тьмою, между которыми не можетъ быть общенія.

Потерпѣвъ неудачу въ своей просьбѣ относительно себя самого, бывшій богачъ обращается къ Аврааму съ просьбою относительно оставшихся у него на землѣ братьевъ, причемъ въ этой новой просьбѣ его слышится, хотя и невысказываемое прямо, сѣтованіе на то, что онъ, можетъ быть, не совсѣмъ справедливо подвергся своей жестокой участи, потому что не былъ въ свое время какъ должно предваренъ и достаточно предостереженъ, чтобы имѣть возможность избѣгнуть того, что его постигло теперь такъ неожиданно для него [1]). Онъ хочетъ предупредить и исправить эту несправедливость, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ живущимъ еще на землѣ, если его собственная участь уже непоправима. «У меня», говоритъ онъ Аврааму, «пять братьевъ; пошли къ нимъ Лазаря, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ имъ, какимъ мукамъ подвергаетъ человѣка такая жизнь, какую велъ на землѣ я и какую ведутъ и они. Внявъ свидѣтельству явившагося съ того свѣта они перемѣнятъ жизнь свою и не придутъ по смерти въ это мѣсто мученія».

Но Авраамъ отвергаетъ и эту просьбу богача, просьбу, повидимому, совершенно основательную, дышащую притомъ похвальнымъ состраданіемъ къ погибающимъ по темному невѣдѣнію. Онъ отвѣчаетъ: «У нихъ есть вѣрные, надежные руководители въ жизни и указатели пути на небо—Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ, и они навѣрное не прійдутъ въ это мѣсто мученія». Но богачъ находитъ недостаточнымъ для своихъ братьевъ этого руководства въ

1) Св. Златоустъ съ глубокою духовною проницательностію замѣчаетъ, что жестокосердная душа богача умоляла объ этомъ отчасти и по мрачному движенію зависти къ радостной судьбѣ Лазаря и безчеловѣчнаго желанія ему продолженія земныхъ его озлобленій.

жизни, вполнѣ достаточнаго для всѣхъ другихъ. Онъ лучше знаетъ своихъ братьемъ, чѣмъ Авраамъ, и увѣренъ, что они не слушаютъ ни Моисея, ни пророковъ, что они глухи къ Божественному откровенію и руководству, какъ глухъ былъ и онъ самъ при жизни. Вотъ еслибы случилось такое необыкновенное событіе, что къ нимъ явился бы житель другаго міра и разсказалъ бы имъ, что тамъ дѣлается,—тогда они повѣрили бы ему, покаялись бы, перемѣнили бы свою жизнь и уже навѣрное не пришли бы въ это мѣсто мученія, какъ пришелъ онъ, не имѣвшій, къ несчастію, такого чрезвычайнаго, спасительнаго откровенія. «Нѣтъ,—убѣждаетъ онъ Авраама,—Моисей и пророки не помогутъ имъ, не спасутъ ихъ; но если кто изъ мертвыхъ прійдетъ къ нимъ, покаются».

Однако отецъ вѣры не убѣждается доводами сына невѣрія и въ своемъ новомъ и послѣднемъ отвѣтѣ ему подтверждаетъ и усиливаетъ свою прежнюю мысль. «Ты утверждаешь,—говоритъ онъ ревностному не по разуму ходатаю за своихъ братьевъ,—ты утверждаешь, что они покаются, если къ нимъ прійдетъ кто-нибудь изъ умершихъ; а я говорю тебѣ, что если они не слушаютъ Моисея и пророковъ, возвѣщающихъ имъ пути жизни, то, еслибы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ, *не захотятъ* повѣрить».

Богачъ, вѣроятно, созналъ справедливость и основательность словъ Авраама и принужденъ былъ замолчать.

Такова глубоко-знаменательная притча о богатомъ и Лазарѣ, приподнимающая предъ нами таинственную завѣсу загробной жизни и дающая намъ ключъ, руководительную нить для должной оцѣнки ученія спиритизма.

Попытаемся стать на точку зрѣнія приточнаго богача и нашихъ неприточныхъ спиритовъ. Справедливо-ли въ самомъ дѣлѣ, что явленіе съ того свѣта нашихъ умершихъ

братьевъ намъ, живущимъ еще на землѣ, могло бы оставаться совершенно безслѣднымъ для насъ, не заставило бы насъ очнуться отъ нашихъ суетныхъ дѣлъ и помышленій, не произвело бы рѣшительнаго и притомъ весьма благотворнаго вліянія на всю нашу жизнь? А что сказать о *невѣрующихъ* въ загробную жизнь? Если вѣра въ существованіе будущей жизни имѣетъ дѣйствительную и существенную важность для человѣка (а въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія), то не долженъ ли Богъ, въ отечески-промыслительной заботливости о спасеніи людей, устроить именно такъ, чтобы умершіе возвращались иногда (и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше) на землю для положительнаго и, такъ сказать, безотпорнаго удостовѣренія людей въ существованіи жизни за гробомъ? Тогда уже никто не имѣлъ бы основанія и права сомнѣваться въ дѣйствительности будущей жизни; а еслибы кто дерзнулъ усумниться и послѣ этого, то былъ бы уже совершенно безотвѣтенъ. А такое наглядное и осязательное удостовѣреніе этой важной истины необходимо особенно въ наше время—время ослабленія и упадка вѣры. Для убѣжденія нашего недостаточно уже Моисея и пророковъ, мало Евангелія и апостоловъ, мало даже обычныхъ и доступныхъ намъ средствъ познанія; намъ нужны чрезвычайныя знаменія и откровенія. Если къ намъ придетъ кто-нибудь изъ умершихъ съ того свѣта, то мы повѣримъ, потому что *увидимъ*, *осязаемъ*.

Такъ думалъ евангельскій богачъ; то же самое проповѣдуютъ и современные спириты. Но то, чего такъ добивался, хотя и напрасно и безуспѣшно, первый, благополучно и безпрепятственно достигнуто послѣдними, къ нимъ, по ихъ желанію и даже вызову, являются обитатели загробнаго міра со своими свидѣтельствами и откровеніями.

Вотъ что говоритъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ поборниковъ спиритизма: «Существуетъ или нѣтъ другой

міръ или все ограничивается міромъ чувствъ; безсмертна ли душа или она только продуктъ матеріи и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ послѣ смерти? Медіумическія явленія [1]) заключаютъ въ себѣ разрѣшеніе этого вопроса. Они даютъ категорическій отвѣтъ на него [2])».

Нѣмецкій профессоръ Фихте младшій, глубже раскрывая и обосновывая эту же самую мысль, говоритъ слѣдующее: «Нынѣшній спиритуализмъ утверждаетъ главнымъ образомъ возможность того, что въ просторѣчіи весьма неопредѣленно и неудачно называется *явленіемъ духовъ*. Если допустить реальность этихъ явленій, то они будутъ неотразимымъ фактическимъ доказательствомъ продолженія нашего личнаго самосознательнаго существованія послѣ смерти. А такое фактическое вполнѣ осязательное доказательство не можетъ, конечно, не имѣть большой цѣны для того времени, которое именно впало въ отрицаніе безсмертія и въ гордой самоувѣренности сильнаго ума думаетъ, что уже счастливо оставило позади себя подобныя суевѣрія. Съ этой точки зрѣнія вопросъ получаетъ рѣшительный интересъ и даже культурно-историческое значеніе... Всѣ апріорные (теоретическіе) доводы въ пользу продолженія существованія нашей личности по смерти не могутъ идти въ сущности далѣе того, что показываютъ мыслимость, даже вѣроятность этого существованія и ослабляютъ сомнѣнія, противополагаемыя этимъ доводамъ. Само по себѣ это важно и имѣетъ значеніе, но недостаточно. Здѣсь, какъ и вообще во всякомъ фактическомъ вопросѣ, нужны доказательства, основанныя

[1]) Вызываніе духовъ или умершихъ людей при посредствѣ такъ называемыхъ *медіумовъ*, то есть субъектовъ, обладающихъ особеннымъ природнымъ предрасположеніемъ или способностію къ этой операціи.

[2]) Профессоръ *Вагнеръ* въ статьѣ „Медіумизмъ“. Русскій Вѣстникъ 1875 г., октябрь, стр. 868—870.

на фактахъ, на твердо установленной, неоспоримой реальности. Только такимъ образомъ упомянутая возможность восходитъ на степень несомнѣнной дѣйствительности. Еслибы такія фактическія доказательства были найдены и упомянутая дѣйствительность вполнѣ доказана сообразно съ логическими началами опытнаго естествознанія, то это было бы— утверждаю я—такимъ результатомъ, съ которымъ по внутренней силѣ и значенію не сравнился бы ни одинъ изъ результатовъ встрѣчающихся во всей исторіи цивилизаціи. Старинный вопросъ о назначеніи человѣка былъ бы такимъ образомъ положительно рѣшенъ, и все сознаніе человѣчества стало бы ступенью выше. Человѣкъ *зналъ бы* то, что открывалось ему до сихъ поръ лишь въ области вѣрованія, предчувствій и теплыхъ надеждъ; онъ зналъ бы, что онъ— членъ вѣчнаго духовнаго міра, въ которомъ будетъ продолжаться его жизнь, что временное существованіе его на землѣ составляетъ лишь дробную часть, отрывокъ будущей вѣчной жизни, что ему только тамъ сдѣлается доступно пониманіе его назначенія. Пріобрѣтя такое глубокое убѣжденіе человѣчество прониклось бы совершенно новымъ воодушевляющимъ пониманіемъ своей жизни, идеализмомъ сильнымъ фактами. Это равнялось бы полной переработкѣ человѣка по отношенію къ его сущности и дѣятельности, было бы, такъ сказать, *возрожденіемъ* [1])».

И такъ спириты, не довольствуясь *вѣрою* въ безсмертіе души и будущую жизнь, хотятъ добиться положительнаго *знанія* объ этомъ предметѣ, основаннаго на *видѣніи*, и обѣщаютъ отъ этого знанія самый благодѣтельный переворотъ въ человѣчествѣ. Допустимъ на минуту возможность непосредственнаго тѣлеснаго общенія умершихъ съ нами,

[1]) *Эммануилъ Германъ Фихте.* Новый спиритуализмъ, его важность и его ошибки. Лейпцигъ. 1885 г., 21, 31, 32.

то есть возможность пріобрѣтенія нами такимъ путемъ знанія о безсмертіи и будущей жизни. Но не обольщаютъ ли себя спириты относительно плодовъ этого знанія? не преувеличиваютъ ли черезчуръ значенія и важности его? Вопросъ: будетъ ли служить для насъ это знаніе лучшимъ, надежнѣйшимъ руководствомъ въ нашей нравственной жизни, нежели вѣра? Сомнительно. Знаніе само по себѣ не спасетъ насъ, не дастъ намъ ни силы, ни внутренняго расположенія къ усовершенствованію себя въ добрѣ. Чтобы вѣрно и успѣшно достигать нашего человѣческаго назначенія, для этого мы отнюдь не нуждаемся въ *знаніи* того, во что теперь *вѣруемъ* и что открыто нашей вѣрѣ настолько, сколько это необходимо для насъ въ виду достиженія нами главной цѣли нашей жизни. У насъ есть уже свѣтильникъ для нашей жизни, достаточно освѣщающій нашъ жизненный путь,— Божественное Откровеніе, заключающееся въ словѣ Божіемъ. Это—высшее и самое лучшее руководство для человѣка въ дѣлѣ его спасенія. Если же человѣкъ дошелъ до такой степени нравственнаго отупѣнія и паденія, что не вѣритъ и не слушается этого голоса Божія; если онъ утратилъ воспріемлемость къ божественной истинѣ, содержащейся въ словѣ Божіемъ; если наконецъ онъ не внемлетъ голосу своей совѣсти: то для него всякія другія увѣренія въ истинѣ будутъ напрасны: онъ не повѣритъ и самымъ очевиднымъ доказательствамъ. Самый глухой въ мірѣ человѣкъ—тотъ, который *не хочетъ* слушать. Если мы *не хотимъ* вѣрить, *не хотимъ* обратиться, то намъ не помогутъ и самыя очевидныя чудеса, самыя ясныя свидѣтельства—хотя бы и загробныхъ жителей. Это очевидно изъ примѣра іудеевъ, которые, не увѣровавъ въ Іисуса Христа въ силу Его возвышеннаго ученія, продолжали коснѣть въ невѣріи и ожесточеніи даже и тогда, когда видѣли воскресшими мертвыхъ

(Матѳ. XXVII, 52), и даже помышляли убить воскресшаго Лазаря (Іоан. XII, 10), вмѣсто того, чтобы измѣнить свое внутреннее расположеніе, оставить свою злобу и нераскаянность въ виду очевиднаго свидѣтельства въ лицѣ его о томъ, что ихъ ждетъ впереди вѣчность, ужасная для злыхъ и нераскаянныхъ. Вотъ почему и Самъ Іисусъ Христосъ послѣ воскресенія Своего явился только ученикамъ Своимъ и вѣровавшимъ въ Него братіямъ, но не счелъ нужнымъ явиться Своимъ невѣрующимъ врагамъ, находя это совершенно безполезнымъ для нихъ, потому что и это отнюдь не способствовало бы обращенію ихъ. Въ дѣлѣ спасенія, въ дѣлѣ обращенія главную роль играетъ сердечное *желаніе*, внутреннее *расположеніе* жить по заповѣдямъ Божіимъ, исполнять волю Божію, но отнюдь не теоретическое *знаніе* или головное *убѣжденіе* въ томъ, что хорошо и что дурно. Краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ этого служитъ ежедневный опытъ. Сердце представляетъ болѣе глубокій источникъ сомнѣній и предубѣжденій, нежели умъ; и убѣдить или переубѣдить сердце гораздо труднѣе, нежели умъ.

Въ настоящей жизни мы ходимъ *вѣрою, а не видѣніемъ* (2 Кор. V, 7); и *возрожденіе* человѣка и человѣчества зависитъ не отъ знанія, но отъ вѣры, съ которою и въ которой дается сила Божія въ возрожденіе и спасеніе.

Родъ лукавый и невѣрующій *ищетъ знаменій* уже не съ видимаго неба, но изъ невидимаго, таинственнаго міра, совершенно сокрытаго отъ чувственнаго глаза, но отчасти открытаго оку вѣры—не для любопытства, а для назиданія. Что же? думаете ли, что еслибы этому слишкомъ любопытательному роду даны были дѣйствительно знаменія изъ этой таинственной области, то это послужило бы ему во благо? Нѣтъ! онъ не пересталъ бы, въ дерзости и ненасытности невѣрія, требовать все новыхъ и новыхъ знаменій, будто

бы для убѣжденія въ истинѣ и излѣченія своего невѣрія. На самомъ же дѣлѣ эти знаменія, не столько удовлетворяя, сколько раздражая и разжигая его всепожирающее любопытство (или, если хотите, научную любознательность), не приносили бы никакихъ благотворныхъ нравственныхъ плодовъ. И не повторилось ли бы съ этимъ нашимъ чудолюбивымъ родомъ то же самое, что было нѣкогда съ іудейскимъ лукавымъ и развращеннымъ родомъ: «столько чудесъ (знаменій) сотворилъ Онъ (Христосъ Спаситель) предъ ними, и они не вѣровали въ Него» (Іоан. XII, 37).

«*Еслибы* кто изъ мертвыхъ воскресъ», говоритъ Авраамъ богачу. Слѣдовательно мертвые не воскресаютъ и не являются съ того свѣта живущимъ на землѣ? Допустимъ, что Богъ удовлетворилъ-бы неразумному и противоестественному желанію нѣкоторыхъ людей (въ родѣ приточнаго богача)—сдѣлалъ-бы возможнымъ явленіе умершихъ на землѣ. Къ чему-бы это повело? что достиглось-бы этимъ? Посмотримъ. Еслибы такія явленія умершихъ бывали только нѣкоторымъ, такъ сказать, привиллегированнымъ людямъ, избраннымъ натурамъ, то другіе могли-бы не довѣрять ихъ свидѣтельству, могли-бы считать эти чрезвычайныя событія плодомъ ихъ фантазіи и подвергать такимъ образомъ сомнѣнію дѣйствительность ихъ. Значитъ, эти явленія требовали-бы еще критической провѣрки и санкціи, вмѣсто того, чтобы служить окончательнымъ, непререкаемымъ доказательствомъ требуемой истины. Затѣмъ, еслибы явленіе умершаго намъ пришлось увидѣть только однажды во всю нашу жизнь, то впечатлѣніе отъ него мало-по-малу изгладилось-бы и мы пришли-бы пожалуй подъ конецъ къ убѣжденію, что это явленіе было не болѣе, какъ обманомъ чувствъ. Еслибы даже и не такъ, во всякомъ случаѣ мы не могли-бы нашего *личнаго* убѣжденія въ существованіи загробной жизни, добытаго путемъ явленія намъ умершаго,

сдѣлать *общимъ* убѣжденіемъ, такимъ-же твердымъ и несомнѣннымъ, какъ наше собственное: наше свидѣтельство, естественно, могло-бы быть встрѣчено сомнѣніемъ и недовѣріемъ. Наконецъ, еслибы явленія умершихъ повторялись часто и всѣмъ, то они перестали-бы быть явленіями сверхъестественными, и живущіе, вслѣдствіе привычки, стали-бы къ нимъ совершенно равнодушны: какъ явленія обыденныя, они перестали-бы производить на насъ особенное впечатлѣніе. *И сбылось-бы пророчество Исаіи*, *которое говоритъ: слухомъ услышите—и не уразумѣете, и глазами смотрѣть будете—и не увидите* (Матѳ. XIII, 14).

Необходимо еще замѣтить и то, что умершіе, отрѣшившіеся совершенно отъ условій здѣшней жизни, перешли въ новую область бытія и узнали въ загробной жизни такія тайны, *которыхъ нельзя пересказать человѣку* (2 Кор. XII, 4): узнавшій эти тайны не можетъ пересказать ихъ людямъ, продолжающимъ еще жить въ условіяхъ земной жизни. Между умершими и живыми образовалась въ этомъ отношеніи *великая пропасть*, перешагнуть чрезъ которую не дано никому [1]).

[1]) Къ такимъ явленіямъ умершихъ людей изъ загробнаго міра, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, отнюдь нельзя приравнивать факта явленія Христу Спасителю на горѣ Ѳаворѣ представителей ветхозавѣтнаго человѣчества— Моисея и Иліи. Это было явленіе сверхъестественное и притомъ совершенно исключительное, обусловленное особенно важными и высокими цѣлями Провидѣнія, и по внутреннему характеру своему не имѣетъ никакого сходства съ медіумическо-спиритическими явленіями. Равнымъ образомъ и явленіе многихъ воскресшихъ святыхъ многимъ въ Іерусалимѣ послѣ воскресенія Іисуса Христа, о которомъ мы упоминали выше, не можетъ служить подтвержденіемъ ученія спиритовъ. Мы не отрицаемъ того, что *Богъ* можетъ, когда находитъ это нужнымъ по Своимъ великимъ цѣлямъ, посылать на землю, вмѣсто служебныхъ духовъ—ангеловъ, нашихъ умершихъ братьевъ вѣстниками о Своихъ великихъ и спасительныхъ дѣлахъ. Но Откровеніе Божіе свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ рѣдко Богъ находилъ нужнымъ дѣлать это. Между тѣмъ спириты *сами* произвольно широко раскрываютъ врата вѣчности, устраиваютъ никогда не снимающуюся лѣствицу, постоянный мостъ въ загробный

Такимъ образомъ желаніе, чтобы умершіе являлись на землю для сообщенія намъ какихъ либо откровеній относительно загробной жизни, есть дѣтски-неразумное и даже преступное желаніе, равняющееся покушенію на ниспроверженіе естественно-необходимаго, неизмѣннаго, богоустановленнаго порядка природы и жизни человѣческой, есть насильственное, неразумно-дерзкое вторженіе въ ту таинственно-недоступную для насъ область бытія, изъ которой нѣтъ уже возврата.

Въ доказательство того, что явленія умершихъ живымъ могутъ быть не только *чудесныя*—по соизволенію и силѣ Божіей, но и *естественныя*—по желанію и вызову людей, спириты ссылаются на библейское повѣствованіе объ Аэндорской волшебницѣ, вызвавшей Самуила по просьбѣ Саула (1 Царствъ XXVIII, 7—25). Однако и въ этомъ явленіи пророка Самуила мы не можемъ видѣть естественнаго явленія, вызваннаго волшебницею, а должны видѣть въ немъ явленіе чудесное—дѣло Божіе. Постараемся доказать это.

Еслибы вызываніе умершихъ Аэндорскою волшебницею и въ особенности вызовъ умершаго пророка Самуила, равно какъ и другія волшебныя вызыванія умершихъ были дѣломъ естественнымъ, то Господь, Творецъ естества, не могъ-бы безусловно осудить всѣ волшебныя вызыванія умершихъ вообще, а запретилъ-бы и осудилъ только тѣ волшебныя вызыванія умершихъ, которыя совершаются для предосудительныхъ и неодобрительныхъ цѣлей, подобно тому, какъ Онъ осуждаетъ не всякую естественную жатву и не всякое естественное собираніе въ житницу, а лишь грѣховное собираніе сокровищъ для себя, для своихъ грѣ-

міръ для непрерывнаго—ежедневнаго и ежечаснаго сношенія съ нимъ. (двигая такъ тѣсно и почти сливая границы двухъ міровъ спириты тѣмъ самымъ переступаютъ границы естественно-возможнаго.

ховныхъ цѣлей, съ забвеніемъ Бога (Лук. XII, 21). Между тѣмъ слово Божіе безусловно запрещаетъ вызываніе умершихъ и всякаго рода гаданіе и волшебство. Законодатель еврейскій Моисей говоритъ народу своему отъ лица Божія: *Не долженъ находиться у тебя обаятель, вызывающій духовъ, волшебникъ и вопрошающій мертвыхъ. Ибо мерзокъ предъ Господомъ всякій, дѣлающій это.* (Второз. XVIII, 11, 12). *Когда скажутъ вамъ*, говоритъ Господь Богъ устами Своего пророка, *обратитесь къ вызывателямъ умершихъ и къ чародѣямъ, къ шептунамъ и чревовѣщателямъ, тогда отвѣчайте: не долженъ-ли народъ обращаться къ своему Богу? Спрашиваютъ ли мертвыхъ о живыхъ? Обращайтесь къ закону и откровенію* (Исаіи VIII, 19, 20). И такъ явленіе Самуила по вызову Аэндорской волшебницы не могло быть дѣломъ естественнымъ. Какъ же въ такомъ случаѣ понимать его? Не было-ли оно обманомъ или же слѣдствіемъ болѣзненнаго душевнаго состоянія, разстроеннаго воображенія, болѣзненнаго состоянія нервовъ, какъ объясняютъ нѣкоторые? Но этому противорѣчитъ весь ходъ и характеръ библейскаго повѣствованія о вызовѣ пророка Самуила. Библія повѣствуетъ: 1) что Саулъ явился къ волшебницѣ переодѣтымъ, и она не знала, кто пришелъ къ ней, а узнала въ пришедшемъ царя только уже послѣ явленія Самуила. Слѣдовательно нельзя предположить одинаковости душевнаго настроенія у волшебницы и у Саула и приспособленія первой къ послѣднему; 2) Самуила увидѣли какъ волшебница, которая испугалась, громко вскрикнула и, успокоенная Сауломъ, сказала: *вижу какъ бы Бога, выходящаго изъ земли*,—такъ и Саулъ, который узналъ Самуила и имѣлъ съ нимъ разговоръ; 3) Явившійся Самуилъ прежде всего грозно обличилъ Саула за то, что послѣдній прибѣгъ къ вызову и вопрошенію его, когда Господь отступилъ отъ него, затѣмъ предсказалъ, что

Господь исполнитъ то, что говорилъ чрезъ него Саулу—отниметъ у Саула царство и отдастъ Давиду и что Саулъ и его сыновья падутъ въ предстоящемъ сраженіи съ Филистимлянами; 4) Наконецъ Саулъ палъ на землю отъ сильнаго испуга лишь послѣ предсказанія Самуила. Слѣдовательно все явленіе совершалось при полномъ сознательномъ состояніи Саула.

Если такимъ образомъ явленіе Самуила не было съ одной стороны дѣломъ естественнаго человѣческаго вызова, а съ другой не было и обманомъ или слѣдствіемъ болѣзненнаго душевнаго состоянія самого Саула, а между тѣмъ имѣло мѣсто дѣйствительное явленіе Самуила: то кто же произвелъ это явленіе? Діаволъ? Такъ дѣйствительно и объясняютъ явленіе Самуила многіе толковники: говорилъ и прорицалъ чрезъ волшебницу вовсе не Самуилъ, а тотъ же духъ тьмы и лжи, который можетъ преобразиться и въ ангела свѣтла и который на сей разъ принялъ обликъ Самуила. Но противъ такого объясненія говоритъ вся рѣчь явившагося Самуила: его *грозное обличеніе* Саула за нечестивый вызовъ и вопрошеніе, когда Господь отступилъ отъ него, его *точное предсказаніе* исполненія грознаго суда Божія надъ Сауломъ и погибели послѣдняго съ своими сыновьями за неисполненіе воли Божіей. Такая рѣчь могла послужить къ вразумленію и спасенію Саула и, очевидно не свойственна злому духу, ищущему только погибели человѣка.

Остается признать явленіе Самуила сверхъестественнымъ, *чудеснымъ* дѣломъ Божіимъ. Противъ такого объясненія говорятъ: невѣроятно, чтобы Богъ сталъ открывать Свою волю чрезъ посредство языческой волшебницы, и такимъ образомъ утверждалъ суевѣрное заблужденіе Саула, вѣрившаго въ силу волшебства: 1) Явившійся Самуилъ и изрекъ прежде всего, какъ мы видѣли, грозное обличеніе Саулу за нече-

стивый вызовъ и предсказалъ гибель нечестивому вопрошателю; и 2) Господь могъ обратить суевѣрное ремесло волшебницы, въ средство для Своего грознаго пророчества, точно такъ же, какъ Онъ обратилъ въ пророчество *коварное мнѣніе*, данное архіереемъ Каіафою относительно Господа нашего: *Лучше, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей* (Іоан. XI, 50, 51). Промыслъ Божій, управляющій всѣми твореніями, самыя злыя дѣйствія людей обращаетъ къ спасенію людей и къ славѣ Своего имени. Поэтому нѣтъ ничего несообразнаго съ Божественнымъ міроправленіемъ признать явленіе Самуила Саулу у Аэндорской волшебницы сверхъестественнымъ, *чудеснымъ* дѣломъ Божіимъ. Аналогическій случай съ вызовомъ Самуила изъ другаго міра, представляетъ пророчество Валаама. «Самъ Богъ чрезъ Валаама—говоритъ блаженный Ѳеодоритъ, благословилъ народъ, чрезъ нечестиваго прорицателя предрекъ будущее и провозвѣстилъ спасеніе Вселенной; и при семъ и духъ нечестивый говорилъ, но дѣйствовалъ Божій и всесвятый Духъ» [1]).

Такимъ образомъ ссылка спиритовъ на авторитетъ Библіи служитъ не въ пользу, а скорѣе во вредъ имъ.

Является еще вопросъ (и вопросъ существенной важности): сношенія наши съ умершими (еслибы были возможны) сопровождались-ли бы такими благодѣтельными и вожделѣнными результатами, какихъ ожидаютъ и какіе обѣщаютъ намъ отъ нихъ наши спириты? Не открылось-ли бы напротивъ того съ перваго раза, что намъ гораздо лучше отказаться отъ сношеній съ загробными жителями, что мы должны благодарить всеблагаго Бога за то, что Онъ связалъ уста мертвыхъ непрерывнымъ молчаніемъ и закрылъ отъ насъ непроницаемою завѣсою врата вѣчности?

1) Толков. на 1 кн. Царствъ. Вопросъ 13.

Дадимъ здѣсь мѣсто слову одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ архипастырей, коснувшагося занимающаго насъ вопроса еще въ то время, когда о спиритизмѣ у насъ не было еще большихъ толковъ:

«Что мѣшаетъ усопшимъ братіямъ нашимъ явиться къ намъ и провести среди насъ ихъ и нашъ праздникъ? Изъ насъ, вѣроятно, многіе желали бы сего, особенно тѣ, кои еще не осушили слезъ послѣ потери присныхъ и любезныхъ сердцу своему; думаю, что и изъ усопшихъ немалое число такихъ, кои, чтобы доставить утѣшеніе оставшимся, весьма бы захотѣли опять придти въ нашъ міръ. И однако же никто, никто не приходитъ! Мы не ходимъ къ нимъ потому, что не можемъ; безъ сомнѣнія, и они не приходятъ потому же, что не могутъ...

«Но еслибы угодно было Господу,—скажете вы,—то премудрость Его нашла бы и дала бы умершимъ средства и способъ дѣлаться для насъ видимыми и приходить въ общеніе съ нами.—Безъ сомнѣнія, такъ; но потому самому, что сего способа не дано, явно, что это неугодно Богу; а поелику неугодно Богу, то должно полагать, что это было бы вредно для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, и не много думая видишь, что пользы изъ общенія живыхъ съ умершими было бы мало, а вредъ могъ бы выходить великій. Какая польза? Утѣшеніе въ разлукѣ, успокоеніе сѣтующихъ, нѣсколько менѣе слезъ на могилу, нѣсколько тише вздоховъ? Скажите сами, стоитъ ли изъ сего поднимать завѣсу вѣчности и нарушать безмолвіе гробовъ? И кто еще знаетъ—утѣшило ли бы насъ это свиданіе съ умершимъ? Не облились ли бы мы еще горчайшими слезами, узнавъ о его состояніи? Не отравило ли бы это всей жизни нашей? Но положимъ, что свиданія съ умершими всегда доставляли бы нѣкоторое утѣшеніе; думаете ли однакоже, чтобы они были безвредны? Я опасаюсь въ семъ случаѣ за многое,—опа-

саюсь за живыхъ и умершихъ. Всего вѣроятнѣе вопервыхъ, что сообщеніе наше съ міромъ духовъ не остановилось бы на должныхъ предѣлахъ: многіе простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданіямъ, суевѣрію, волшебствамъ, а потомъ и самымъ ужаснымъ порокамъ нравственнымъ. Такому злу именно подверглись нѣкоторые изъ древнихъ народовъ, у коихъ найдены были богопротивныя средства сообщаться съ міромъ духовъ; почему Моисей подъ опасеніемъ смерти запретилъ израильтянамъ искать сего сообщенія. Вовторыхъ, на что обратилось бы сношеніе живыхъ съ мертвыми? Думаете ли, что предметомъ его была бы вѣра святая, любовь христіанская, усовершеніе себя въ терпѣніи, въ смиреніи, въ кротости? Увы! и безъ сообщенія съ міромъ духовъ можно быть заранѣе увѣреннымъ, что все это сообщеніе обращалось бы большею частію около предметовъ недушеполезныхъ: и у однихъ оно истощилось бы въ суетномъ любопытствѣ о тайнахъ міра духовнаго, знаніе коихъ нисколько не назидаетъ душу; у другихъ излилось бы въ жалобахъ на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорченія, земныя неудачи; иные потребовали бы отъ умершихъ совѣта, какъ вести свои дѣла, выполнить то или другое предпріятіе. А какъ исправить свое сердце, какъ освободиться отъ страстей, какъ пріуготовиться къ вѣчной жизни на небѣ,—объ этомъ, вѣроятно, спросили бы немногіе, да и для чего спросили бы?—то же, можетъ быть, болѣе изъ любопытства, съ тѣмъ, чтобы завтра забыть то, о чемъ спрашивали нынѣ. Такимъ образомъ нравственной пользы отъ сообщенія съ міромъ духовъ мы пріобрѣли бы мало; а между тѣмъ возможность сообщенія съ другимъ міромъ непрестанно возмущала бы порядокъ нашего міра, нарушала бы правильное теченіе нашихъ дѣлъ и занятій, нашихъ мыслей и желаній. Задумали бы напр. какое-либо предпріятіе,—ждали

бы, пока можно получить о немъ мнѣніе изъ другаго міра. И кто знаетъ—какое мнѣніе? Мертвые не всевѣдущи; нерѣдко могъ бы быть поданъ совѣтъ не благой,—а мы увлеклись бы имъ. Наконецъ поелику здѣшняя жизнь наполнена разнаго рода неудовольствіями, то, видя часто разверзающимися предъ собою двери вѣчности, многіе по нетерпѣнію стремглавъ начали бы бросаться въ другую жизнь; между тѣмъ какъ теперь не только вѣра и совѣсть,—самый мракъ гроба своею непроницаемостію останавливаетъ самыхъ наглыхъ и недовольныхъ своею участію. И о мертвыхъ нельзя сказать, чтобы возможность сообщаться съ нашимъ міромъ, не была сопряжена для нихъ съ опасностію. Трудно и представить, чтобы они пріобрѣли отъ сего? Знать, что и какъ бываетъ у насъ въ здѣшней жизни, они знаютъ и безъ того. Видѣть ничтожность и суету земныхъ дѣлъ и помышленій—это имъ виднѣе, нежели намъ. Зачѣмъ же бы они приходили къ намъ? Доканчивать свои неоконченныя дѣла? Это не ихъ дѣло,—иначе что значила бы смерть? Между тѣмъ, не получая для себя пользы отъ нисхожденія въ нашъ міръ, усопшіе могли бы получать вредъ отъ того. Каждый возвратъ на землю болѣе или менѣе, а всегда земленилъ бы ихъ снова. Съ возвратомъ къ прежнимъ лицамъ и вещамъ у многихъ оживали бы нечистыя, земныя привязанности; между тѣмъ какъ теперь огнь плотскихъ страстей, какъ бы онѣ ни были сильны, не имѣя у мертвыхъ питанія отъ земли, обращенный на самаго себя, тускнѣетъ и угасаетъ. Такимъ образомъ благо и наше, и усопшихъ братій нашихъ требуетъ, чтобы завѣса, простертая между нашимъ и ихъ міромъ, никогда не подымалась, чтобы мертвые и живые были вовсе разобщены на время. И велико ли это время?—десять, двадцать, много тридцать лѣтъ. Не уѣзжаютъ ли нѣкоторые еще вживѣ на столько времени отъ родныхъ своихъ и друзей? Въ семъ

отношеніи мы всѣ, живые, похожи на людей, стоящихъ у великой и широкой рѣки въ ожиданіи переправы: ладья, не могши вмѣстить вдругъ всѣхъ, непрестанно возвращается и беретъ по нѣсколько. Но возвращаются ли тѣ, кои переправились чрезъ рѣку, за оставшимися? Никогда: они обыкновенно ожидаютъ ихъ къ себѣ на противоположномъ берегу. Такъ, конечно, ожидаютъ теперь и насъ сродники и знаемые насъ обонъ-полъ бытія. Мы молились о успокоеніи ихъ послѣ плаванія; а они, вѣроятно, приносили моленія о насъ, чтобы наше плаваніе къ нимъ было благотечно и безбѣдно» [1]). И въ другомъ мѣстѣ этотъ же архипастырь разсуждаетъ:

«Еслибы можно было умершимъ, по крайней мѣрѣ, передавать какимъ-либо образомъ въ нашъ міръ свои желанія! Многіе, если не всѣ, изъ сродниковъ и ближнихъ нашихъ почли бы за долгъ для себя привести ихъ въ исполненіе. Но сіе невозможно! Лишившись своего тѣла, человѣкъ вмѣстѣ съ нимъ теряетъ всѣ средства къ сообщенію съ симъ міромъ и съ оставшимися въ немъ, кои съ своей стороны, будучи облечены тѣлесностію, не въ состояніи проникать въ область духовъ, гдѣ находятся умершіе. Посему, какъ бы васъ не продолжали любить здѣсь, какъ бы ни желали вамъ всякаго блага за гробомъ, никто не въ состояніи знать и исполнить вашу волю, ни вы передать ее имъ. О васъ будутъ жалѣть и плакать, о васъ будутъ молиться и во имя ваше благотворить, къ чему такъ располагаетъ всѣхъ чадъ своихъ св. Церковь; но сообщенія съ вами ни у кого не будетъ. Всѣ намѣренія, желанія, нужды ваши погребены будутъ навсегда съ вами, и ихъ никто не узнаетъ на землѣ, развѣ самъ Господь благоволитъ открыть

1) *Слово* архіепископа Херсонскаго и Таврическаго *Иннокентія* въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, сказанное въ Кіевской, что на Щекавицѣ, кладбищенской церкви во имя Всѣхъ Святыхъ.

о томъ кому-либо особеннымъ образомъ, что, какъ видимъ изъ св. исторіи, бываетъ крайне рѣдко» [1]).

Такимъ образомъ явленія умершихъ съ того свѣта на землю отнюдь не могутъ быть допущены: они невозможны, они безцѣльны и наконецъ они, вопреки увѣренію спиритовъ, были бы скорѣе пагубными, нежели благотворными для насъ. Съ *кѣмъ* или съ *чѣмъ* имѣютъ дѣло спириты на своихъ духовызывательныхъ сеансахъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ этотъ вопросъ—вопросъ о причинѣ или источникѣ спиритическихъ явленій; но твердо и несомнѣнно знаемъ одно, что умершіе не принимаютъ никакого участія въ медіумическихъ опытахъ: они почиваютъ мирно тѣлами въ гробахъ, а души ихъ пребываютъ безъисходно въ предрѣшенномъ для каждаго изъ нихъ мѣстѣ. Только громогласная труба Архангела пробудитъ нѣкогда всѣхъ уснувшихъ сномъ смерти для того, чтобы всѣмъ явиться предъ судилище Христово, когда будетъ рѣшена вѣчная участь каждаго: до тѣхъ же поръ священный покой умершихъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ, и нарушеніе этого покоя со стороны живущихъ есть дерзкое святотатство.

А что умершіе дѣйствительно не принимаютъ участія въ медіумическо-спиритическихъ опытахъ, это ясно обнаруживается на самыхъ этихъ опытахъ. Дѣло въ томъ, что если у спиритовъ фигурируютъ иногда на ихъ сеансахъ имена извѣстныхъ умершихъ личностей (великихъ людей), то всегда въ ущербъ и подрывъ духовызывателямъ, потому что—и это весьма замѣчательно—загробныя сообщенія великихъ людей оказываются *всегда ниже* той разумности, которую они являли во время своей земной жизни, но *никогда не выше* ума и образованности тѣхъ медіумовъ,

1) Бесѣды на св. Четыредесятницу о смерти.

чрезъ посредство которыхъ они дѣлаютъ свои сообщенія и даютъ свои откровенія.

И самыя откровенія духовъ оказываются крайне мелочными, странными, не сообщающими рѣшительно ничего новаго и неизвѣстнаго намъ, ничего достойнаго вниманія, ничего серьезнаго, что могло бы давать имъ какую-нибудь цѣну и значеніе. *Такія* откровенія, какія получаютъ наши спириты, не могутъ произвести никакого переворота въ человѣчествѣ, не могутъ послужить къ возрожденію его; они заставляютъ только сожалѣть о тѣхъ легковѣрныхъ, которые ждутъ отъ нихъ какихъ-то серьезныхъ результатовъ...

Дѣйствительно же серьезную и вмѣстѣ съ тѣмъ печальную сторону въ этомъ дѣлѣ представляетъ одно суевѣрное убѣжденіе спиритовъ въ томъ, что они имѣютъ дѣло съ загробными жителями, являющимися къ нимъ по механическому вызову ихъ медіумовъ, то есть грубое и пагубное *заблужденіе*, въ которое впадали многіе языческіе народы древности и отъ котораго Богъ предостерегалъ Свой избранный народъ чрезъ Моисея и пророковъ (см. выше).

Вы хотите знать, что вамъ дѣлать и какъ жить, чтобы достигать своего человѣческаго назначенія?—*Обращайтесь къ закону Божію и откровенію*, обращайтесь къ Евангелію и ученію апостольскому—*и довлѣетъ вамъ*. Зачѣмъ спрашивать объ этомъ мертвыхъ? Они не скажутъ и не могутъ сказать вамъ ничего лучше и больше того, что содержится въ этомъ чистомъ и вѣрномъ зеркалѣ жизни, даннэмъ намъ Самимъ Богомъ. А если вы допытываетесь познанія недовѣдомыхъ для человѣка тайнъ, то *смотрите, чтобы кто не увлекъ васъ* или чтобы вамъ самимъ не увлечься *пустымъ обольщеніемъ* (Колос. II, 8)...

И такъ между умершими и живыми не существуетъ вовсе общенія? Нѣтъ! между умершими и живыми, между переселившимися уже въ вѣчность и еще ждущими этого переселенія существуетъ дѣйствительно общеніе, но только не видимое, тѣлесное и осязаемое, а невидимое, духовное, таинственное, проводникомъ котораго служатъ любовь и молитва,—*любовь никогда не отпадающая*, не перестающая, и молитва, разверзающая небо и нисходящая до ада.

Коснемся теперь въ короткихъ словахъ истинной причины, или источника спиритическихъ явленій.

Спиритизмъ давно извѣстенъ у насъ: давно уже многіе стали возсѣдать за столиками, шляпами и тому подобными предметами, ожидая вращенія... Хотя впрочемъ онъ и былъ явленіемъ обыкновеннымъ, однако не возбуждалъ общаго и серьезнаго вниманія. Но въ 1875 году проповѣдь спиритизма вдругъ получила необыкновенную силу, вдругъ стала вопросомъ литературы, предметомъ общихъ и живыхъ толковъ: спиритизмъ выступилъ изъ той полутьмы, въ которой онъ прозябалъ—по крайней мѣрѣ, въ Россіи.

Первоначальная родина современнаго спиритизма [1]) есть Сѣверная Америка. Путь ему подготовленъ былъ безотрадной пустотой усиливающагося тамъ матеріализма и безсиліемъ сектъ, все болѣе и болѣе развѣтвлявшихся. Время его происхожденія относятъ къ 1848 году: но первые его зародыши появились гораздо раньше. Американскій спиритизмъ составляетъ только новый видъ того ложно-мистическаго направленія, стремящагося къ разрушенію церковной жизни, которое обнаружилось еще прежде въ сведенборгіанизмѣ и квакерствѣ, особенно въ отрасли послѣдняго,

[1]) Спиритизмъ въ разныхъ видахъ существовалъ у всѣхъ народовъ, пребывавшихъ во мракѣ суевѣрія. Уже Тертулліану извѣстно было сологаданіе и кромѣ того еще предсказывающія козы.

извѣстной подъ названіемъ *трясущихся*, а отчасти и въ методизмѣ. Равнымъ образомъ и внѣшніе опыты спиритовъ имѣли предшественника въ месмеризмѣ (животномъ магнетизмѣ). Вотъ почему въ 1848 году извѣстіе о стучащихъ духахъ, появлявшееся очень часто и прежде, произвело такое сильное впечатлѣніе. Какъ грибы послѣ дождя сразу цѣлой массой стали появляться самыя разнообразныя формы суевѣрія—мантика, магія, астрологія и т. д. Устраивались засѣданія, чтобы зрители могли быть свидѣтелями необыкновенныхъ явленій, которыя были обусловлены присутствіемъ извѣстныхъ нервозныхъ личностей («медіумовъ») и на которыя смотрѣли какъ на явленія духовъ. Вскорѣ не только простое любопытство, но и на научное изслѣдованіе обратили вниманіе на новыя явленія: образовались многочисленныя общества, поставившія своей задачей изслѣдованіе спиритическихъ фактовъ, и люди съ извѣстными именами открыто объявили себя рѣшительными приверженцами и защитниками спиритизма или спиритуализма [1]).

Изъ Америки спиритизмъ перешелъ въ Европу и въ различныя европейскія колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Къ главнѣйшимъ распространителямъ спиритизма въ Европѣ, кромѣ шотландца Юма, надѣлавшаго столь шуму своими медіумическими способностями, принадлежатъ: физикъ Круксъ и зоологъ Уэллесъ въ Англіи, баронъ фонъ-Гильденштуббе и педагогъ Ипполитъ Ривэль (псевдонимъ Аллана Кардека) во Франціи, русскій статскій совѣтникъ Аксаковъ въ Германіи. Но въ Европѣ спиритическое движеніе встрѣтило вначалѣ мало сочувствія. Вниманіе къ нему возбудилось только тогда, когда въ 1878 году лейпцигскій австро-физикъ Целльнеръ съ американскимъ медіумомъ докторомъ Слэдомъ, въ присутствіи своихъ друзей, профессоровъ Фехнера, Вебера и Шейбнера, устроилъ 12 сеансовъ, результаты которыхъ обнародовалъ въ своихъ «Научныхъ Разсужденіяхъ».

[1]) Вмѣсто употребительнаго въ Америкѣ и Англіи названія *спиритуализмъ*, во Франціи и Германіи употребляется названіе *спиритизмъ*, чтобы обозначить специфическое отличіе новаго міросозерцанія отъ общаго ученія о духѣ (спиритуализмъ).

Какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ многія общества сдѣлали спиритическія явленія спеціальнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Спиритскія періодическія изданія выходятъ почти во всѣхъ странахъ Европы; самая плодовитая въ этомъ отношеніи страна—Англія.

Число послѣдователей спиритизма весьма значительно. Въ одной Сѣверной Америкѣ ихъ, говорятъ, 10 милліоновъ. Общее число ихъ нѣкоторые полагаютъ въ 20 милліоновъ.

Явленія, обыкновенно происходящія на спиритическихъ сеансахъ, относятся частію къ интеллектуальной, частію къ физической области.

Первыя *интеллектуальныя* явленія обнаружились при посредствѣ столовъ, которые стучали ножкой и, согласно предварительному условію, извѣстнымъ числомъ ударовъ отвѣчали на предложенные вопросы. Но очень скоро этотъ способъ корреспонденціи былъ замѣненъ гораздо болѣе простымъ и удобнымъ способомъ: къ корзинкѣ прикрѣпляли грифель или карандашъ, а также устраивали особый аппаратъ (такъ называемый *психографъ*)—дощечку съ находящимся на ней подвижнымъ показателемъ, который, какъ только медіумъ налагалъ свою руку на аппаратъ, двигался по буквамъ алфавита, расположеннымъ дугообразно. Впослѣдствіи открыли, что нѣкоторымъ медіумамъ достаточно было взять въ руку карандашъ или перо,—и они начинали писать съ лихорадочной поспѣшностію, какъ бы находясь подъ какимъ-то постороннимъ вліяніемъ, что даже безъ внѣшняго участія медіума, лишь въ его присутствіи, сами собой появлялись буквы на доскѣ или на листѣ бумаги (прямое,

непосредственное письмо духовъ). Спириты говорятъ, что кромѣ письменныхъ сообщенiй они получаютъ и устныя, именно: или медiумъ говоритъ въ состоянiи подобномъ магнетическому сну или вообще слышатся слова и фразы.

Содержанiе этихъ сообщенiй большею частiю довольно незначительно; нѣкоторыя фразы просто глупы. Конечно, встрѣчаются иногда глубокiя и прекрасныя мысли; но онѣ или не заключаютъ въ себѣ ничего новаго или же не имѣютъ никакого надежнаго ручательства за свою истинность. Естественно-научныхъ или историческихъ объясненiй совсѣмъ нѣтъ въ числѣ спиритическихъ сообщенiй. Предсказанiя, касающiяся обстоятельствъ жизни отдѣльныхъ личностей, сами спиритскiе авторитеты признаютъ подозрительными и недостовѣрными. Нужно однако сознаться, что нѣкоторыя спиритическiя явленiя напоминаютъ сродныя имъ состоянiя сомнамбулизма и ясновидѣнiя. Къ этой категорiи относятся особенно такъ называемые *врачующiе медiумы*, во время болѣзней совершенно вѣрно опредѣляющiе болѣзнь и указывающiе вѣрный способъ лѣченiя. Спиритическiя откровенiя, касающiяся загробной жизни, большею частiю примыкаютъ къ сферѣ идей различныхъ спиритическихъ группъ.

Физическiя явленiя, происходящiя обыкновенно на спиритическихъ сеансахъ, большею частiю довольно просты и однообразны. Они состоятъ въ движенiи столовъ и другихъ предметовъ, въ уменьшенiи вѣса разныхъ вещей, въ различныхъ прикосновенiяхъ къ присутствующимъ, въ музыкальныхъ аккордахъ и т. п. Болѣе удивительно внезапное исчезновенiе мебели, завязыванiе узловъ на бичевкѣ со связанными концами, сцѣпленiе колецъ и другiя дѣйствiя, повидимому, предполагающiя проникновенiе матерiи, а также появленiе частей человѣческаго тѣла и полныхъ человѣческихъ фигуръ, или такъ называемая матерiализацiя духовъ. Спириты говорятъ даже, что у нихъ есть фотографiи и гипсовые слѣпки съ матерiализованныхъ духовъ. Но разсказы о мнимой матерiализацiи духовъ возбуждаютъ мало довѣрiя, потому что во многихъ изъ нихъ упоминаются нѣсколько подозрительныя обстоятельства.

Почти всѣ вышеупомянутыя явленiя и кромѣ нихъ еще другiя были результатомъ опытовъ, произведенныхъ Целльнеромъ вмѣстѣ съ Слэдомъ и строго провѣренныхъ. Въ справедливости его сообщенiй не можетъ быть никакого сомнѣнiя, особенно потому, что за нее ручаются Фехнеръ, Веберъ и Шейбнеръ.

Едва ли мы имѣемъ право сомнѣваться въ томъ, что спиритическiя явленiя большею частiю слѣдуетъ объяснять естественными причинами. Но еслибы кто-либо захотѣлъ вывести изъ этого такое заключенiе, что ни въ одномъ явленiи не можетъ имѣть мѣста такъ или иначе сверхъестественный элементъ, то это заключенiе было бы ошибочно: духи не могутъ творить чудеса сами изъ себя,— они могутъ произвести въ природѣ какое-либо дѣйствiе лишь употребляя ея силы способомъ, соотвѣтствующимъ цѣли. И очень вѣроятно, что духи всего легче могутъ произвести необыкновенныя дѣйствiя въ видимой природѣ и овладѣть самимъ медiумомъ именно посредствомъ тѣхъ естественныхъ дѣятелей, которые находятся въ распоряженiи человѣческой души при ея органическихъ отправленiяхъ, или же посредствомъ электро-магнетическихъ силъ, которыя освобождаются и вступаютъ въ дѣйствiе подъ влiянiемъ медiума. И такъ мы не имѣемъ никакого основанiя, находя естественныя причины спиритическихъ явленiй, исключать потому самому всякое соучастiе въ нихъ духовъ, какъ будто явленiя въ своей цѣлости должны необходимо истекать изъ одного только источника. Съ другой стороны столь же неосновательно совершенно устранять естественныя причины

потому только, что не всѣ явленія можно объяснить изъ нихъ однихъ.

Но дѣйствительно-ли спиритическія явленія такого рода, что они вынуждаютъ признать происхожденіе ихъ отъ неизвѣстной разумной причины? Если знаменитые естествоиспытатели, несмотря на свое отвращеніе къ признанію сверхъестественныхъ причинъ и несмотря на противоположное міросозерцаніе, котораго они держались прежде, вынужденные силою фактовъ, считаютъ духовныя существа виновниками спиритическихъ явленій, то уже это одно служитъ сильнымъ доказательствомъ противъ возможности исключительно естественнаго объясненія. Оставимъ однако въ сторонѣ это соображеніе и предоставимъ говорить самимъ фактамъ. Хотя и трудно опредѣлить точнымъ образомъ, какъ далеко не можетъ простираться естественное объясненіе, но можно указать нѣкоторыя явленія, о которыя разбиваются всевозможныя попытки объясненія. Сюда относится прежде всего такъ называемое *прямое*, *непосредственное* письмо духовъ. Когда грифель, находящійся между двумя аспидными досками, приложенными одна къ другой, приходитъ въ движеніе извѣстнымъ способомъ и пишетъ одно или нѣсколько предложеній, заключающихъ въ себѣ отвѣтъ на предложенный прежде вопросъ,—то это явленіе должно исходить отъ какого-нибудь разумнаго существа: въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если предположить, что самъ медіумъ есть въ этомъ случаѣ дѣйствующій субъектъ, то должно признать, что онъ можетъ своей волей двигать отдаленный предметъ или начавшееся уже обыкновеннымъ способомъ движеніе направлять по своему произволу, и что онъ можетъ ими проникать взоромъ въ закрытыя темныя пространства или совершенно слѣпымъ образомъ давать движенію подлежащее направленіе, какъ того требуетъ письмо съ опредѣленными перерывами и

строчками. Но такое допущеніе несостоятельно. Мы можемъ оставить здѣсь совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько можетъ установиться сношеніе между одушевленными существами посредствомъ животнаго магнетизма, потому что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о дѣйствіи на предметъ неодушевленный. Чтобы привести такой предметъ въ опредѣленное движеніе, духъ или долженъ имѣть силу непосредственно дѣйствовать на разстояніи (т. е. на предметы удаленные отъ него) или же долженъ быть въ состояніи чрезъ извѣстное посредство вызвать цѣлый рядъ правильныхъ движеній.

Но *непосредственное* дѣйствіе на разстояніи уже само по себѣ невозможно. Всего менѣе духу можетъ принадлежать способность актомъ воли приводить въ движеніе матеріальный предметъ, отъ него удаленный, когда этотъ духъ не можетъ двигать даже собственное свое тѣло, коль скоро бываетъ парализованъ организмъ, чрезъ который проявляется двигательная сила, отличная отъ воли.

Посредственное дѣйствіе на разстояніи, хотя и находится во власти человѣка, но въ настоящемъ случаѣ для него недостаетъ необходимыхъ условій. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы какой-нибудь матеріальный дѣятель служилъ не для того только, чтобы переносить исходящее отъ субъекта физическое движеніе на двигательный аппаратъ, но чтобы онъ замѣнялъ самый этотъ аппаратъ и исполнялъ правильныя дѣйствія, которыя совершенно чужды его природѣ и не могутъ быть точно предначертаны субъектомъ во всѣхъ подробностяхъ уже вслѣдствіе недостающаго ему знанія. Но согласимся даже съ тѣмъ, что медіумъ былъ бы въ состояніи исполнить все это самъ собою: все-таки здѣсь являются особенныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ эту уступку совершенно безполезною. Хотя медіумы по большей части дѣлаютъ свои сообщенія—

письменныя и устныя, на своемъ родномъ языкѣ, но иногда сообщенія эти бываютъ заразъ на нѣсколькихъ языкахъ и даже на такихъ, которыхъ не знаетъ самъ медіумъ: есть говорятъ, медіумы, которые пользуются въ этомъ случаѣ самыми разнообразными чужими діалектами. При этомъ должно замѣтить, что мысль высказываемая въ спиритическихъ изреченіяхъ, часто бываетъ неизвѣстна медіумамъ; отвѣтъ на нѣкоторые вопросы бываетъ неожиданъ для нихъ самихъ и не всегда, повидимому, соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ. Наконецъ можно упомянуть еще о томъ, что на нѣкоторыхъ сеансахъ появляются рукописанія, признаваемыя тождественными съ почеркомъ извѣстныхъ личностей, жившихъ въ прежнее время и написавшихъ будто бы собственноручно то или другое на сеансѣ; при повторительныхъ опытахъ въ почеркѣ не обнаруживается никакой перемѣны. Это обстоятельство подтверждаетъ ту мысль, что медіумъ пользуется посторонней помощью.

Кромѣ письма грифелемъ есть еще другія спиритическія явленія, очевидно, предполагающія соучастіе нѣкотораго таинственно-разумнаго существа. Таковъ напр. опытъ съ узлами, игра на музыкальныхъ инструментахъ, особенно на скрипкѣ, исчезновеніе и появленіе различныхъ предметовъ, опыты «матеріализаціи» и вообще всѣ тѣ опыты, которые требуютъ опредѣленныхъ, хорошо разсчитанныхъ комбинацій и не могутъ быть исполнены непосредственно самимъ медіумомъ или по самому свойству не могутъ быть произведены рукою человѣка. Равнымъ образомъ доставка свѣжихъ фруктовъ изъ отдаленныхъ странъ немыслима безъ вмѣшательства посторонняго дѣйствующаго субъекта. Наконецъ должно еще упомянуть о бывающихъ иногда откровеніяхъ относительно неизвѣстныхъ обстоятельствъ, въ особенности давно бывшихъ или будущихъ событій.

Въ виду такихъ явленій нельзя не сомнѣваться, что здѣсь

имѣетъ мѣсто вмѣшательство какихъ-то таинственныхъ разумныхъ существъ. Свидѣтельство медіумовъ о томъ, что они не могутъ дѣйствовать по своей волѣ, но чувствуютъ подчиненіе какой-то посторонней силѣ, подтверждаетъ это предположеніе. Только этимъ объясняется тотъ фактъ, что медіумическія откровенія, при всемъ своемъ разнообразіи въ подробностяхъ, обнаруживаютъ общую основную тенденцію и замѣчательнымъ образомъ—частію прямымъ, частію окольнымъ путемъ, частію явно, частію скрытно, частію ближайшимъ, частію отдаленнымъ способомъ вліяютъ на опредѣленное культурное движеніе, которое должно имѣть своимъ послѣдствіемъ полный переворотъ, особенно въ религіозномъ отношеніи. Мы не будемъ разсуждать здѣсь о томъ обстоятельствѣ, что на спиритическихъ сеансахъ различные духи сами заявляютъ о себѣ и что, по словамъ медіумовъ, они (то есть медіумы) во время своихъ конвульсивныхъ состояній видятъ себя окруженными какими-то таинственными образами: сначала должно быть еще доказано, что вышеупомянутыя явленія исходятъ отъ посторонняго разумнаго существа и что видѣніе образовъ происходитъ не отъ галлюцинаціи.

Если, на основаніи этого результата, мы считаемъ себя въ правѣ приписывать спиритическія явленія дѣйствію, духовъ, то возникаетъ вопросъ: возможно-ли, чтобы духи дѣйствовали на матеріальный міръ и производили вышеупомянутыя необыкновенныя явленія? Нѣкоторые полагаютъ, что это невозможно, если не приписывать самому духу извѣстнаго рода матеріальность. Нѣтъ однако никакого основанія для такого ограниченія. Всѣ сотворенныя существа находятся въ извѣстной связи, въ извѣстномъ порядкѣ, который требуетъ возможности вліянія высшихъ существъ на низшія, не исключая при этомъ различія бытія и образа дѣйствія; ибо для того, чтобы сдѣлать вещь объектомъ

дѣйствія для дѣйствующаго существа, требуется не однородность ихъ природы, но лишь опредѣленный, установленный Самимъ Творцемъ порядокъ отношеній между ними. Проявленіе силъ духовнаго субъекта, высшаго по своей природѣ, совершенно иного рода, нежели проявленіе матеріальныхъ дѣятелей; тѣмъ не менѣе она можетъ быть равнозначительна дѣятельности этихъ послѣднихъ и производить то-же самое дѣйствіе на извѣстные предметы. Поэтому Ѳома Аквинскій не колеблется приписать чистымъ духамъ способность дѣйствовать на матеріальный міръ и притомъ посредствомъ мѣстнаго движенія, чрезъ которое и достигается проявленіе различныхъ естественныхъ силъ [1]). Если вѣрно то, что духовныя существа могутъ дѣйствовать на матеріальный міръ, то вопросъ о томъ, въ состояніи-ли они вызывать спеціально спиритическія явленія, теряетъ всякое значеніе. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что они, въ силу своей высшей прозорливости, гораздо лучше знаютъ различныя естественныя силы и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ гораздо лучше комбинировать ихъ и гораздо скорѣе примѣнять къ дѣлу, нежели человѣкъ, и во всякомъ случаѣ легче могутъ производить явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, чѣмъ медіумы и всѣ члены спиритическаго кружка, тѣмъ болѣе, что невидимость ихъ много помогаетъ имъ при совершеніи многихъ необыкновенныхъ дѣйствій.

Но есть другія соображенія, подвергающія, повидимому, сомнѣнію ту мысль, что спиритическія явленія происходятъ отъ духовъ: откуда такое множество непонятныхъ или нелѣпыхъ изреченій? откуда столько противорѣчій въ оракулахъ духовъ? Почему эти изреченія представляютъ собою по большей части только отраженіе воззрѣній, господствующихъ въ самихъ вопрошающихъ лицахъ и не содержатъ никакихъ объясненій относительно неизвѣстныхъ предметовъ?

[1]) Иначе рѣшаетъ Ѳома Аквинскій этотъ вопросъ относительно *души человѣческой*, которая по природѣ своей имѣетъ только способность двигать свое собственное тѣло и лишь чрезъ него приводить въ движеніе другія тѣла. Онъ утверждаетъ, что по разлученіи съ тѣломъ она не можетъ производить никакихъ движеній въ матеріальномъ мірѣ.

Спириты даютъ на всѣ эти вопросы отвѣтъ, на первый взглядъ довольно удовлетворительный. Они указываютъ на множество глупыхъ, безумныхъ, злыхъ, лживыхъ и насмѣшливыхъ людей, которые умираютъ ежедневно и уносятъ съ собой въ иной міръ всѣ свои особенности; въ виду множества такого рода душъ, оставившихъ тѣло, можетъ-ли возбуждать хотя малѣйшее удивленіе множество нелѣпостей и противорѣчій въ спиритическихъ изреченіяхъ? Если вмѣстѣ съ тѣмъ взять во вниманіе, что различные духи чувствуютъ тяготѣніе и влеченіе только къ кругу людей духовно-сродныхъ съ ними, то можно будетъ найдти нѣкоторое объясненіе и фамильному сходству между воззрѣніями, господствующими въ спиритическихъ кружкахъ, и обращенными къ нимъ изреченіями духовъ. Нѣсколько труднѣе рѣшается вопросъ о томъ, почему духи не сообщаютъ новыхъ открытій Целльнеръ, Ульрици и другіе выставляютъ основаніемъ этого недостатокъ разумѣнія съ нашей стороны. Такъ какъ духи «были людьми, то они должны знать, что мы, сообразно съ нашимъ человѣческимъ существомъ, можемъ доходить до познанія природы *только* путемъ опыта и что поэтому мы не поняли-бы ученія о природѣ въ формѣ понятій, идей». Подобнымъ образомъ объясняется также молчаніе духовъ относительно нравственно-религіозной истины: «внѣшнее сообщеніе такихъ познаній не можетъ быть полезно для насъ, ибо, чтобы обрѣсти нравственно-религіозную истину, мы должны искать ее свободно и самодѣятельно».

Всѣ эти отвѣты удовлетворительны только на видъ и

притомъ только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что таинственныя существа, производящія спиритическія явленія, суть *человѣческія души* и что мы должны видѣть въ спиритизмѣ дѣло Провидѣнія. Неудовлетворительность ихъ явствуетъ изъ слѣдующаго. Наша неспособность воспринимать объясненія относительно природы вещей не такъ велика, чтобы духи не могли сообщить намъ никакихъ новыхъ познаній. Разумному учителю въ короткое время удается сообщить талантливымъ ученикамъ такія естественно-научныя знанія, которыхъ даже и не предчувствовалъ Аристотель, и притомъ такимъ образомъ, что ученики сами легко могутъ убѣдиться въ справедливости сообщенныхъ истинъ. Почему-же духи не могли-бы оказать намъ подобную услугу. А какъ легко было-бы духамъ сообщить намъ драгоцѣнныя *историческія* свѣдѣнія! Какъ облегчилась-бы трудная работа историка, еслибы онъ могъ вызвать души великихъ людей прошлаго времени и спросить ихъ объ истинномъ положеніи вещей въ ихъ время или, по крайней мѣрѣ, получить отъ нихъ нѣкоторыя указанія для отысканія еще неизвѣстныхъ источниковъ! Между тѣмъ историческая наука доселѣ ни одной строчкой не обязана сообщеніямъ духовъ, тогда какъ насъ угощаютъ пустыми романами и пошлыми стихами изъ инаго міра, какъ будто у насъ самихъ еще мало этого вздора. Весьма разумно, повидимому, то соображеніе, что духи оказываются молчаливыми лишь по высшимъ побужденіямъ, именно потому, что они не хотятъ мѣшать естественному, свободному усвоенію истины. Бѣда только въ томъ, что на самомъ-то дѣлѣ они не очень молчаливы, а напротивъ часто слишкомъ болтливы, но при этомъ открываютъ только то, что мы или уже знаемъ сами, или-же должны возвратить имъ назадъ, за совершенною негодностію. Высшія побужденія вообще совершенно чужды большей части духовъ: это доказы-

вается содержаніемъ ихъ сообщеній. Слѣдовательно причины, почему спиритизмъ не предлагаетъ никакихъ новыхъ открытій, слѣдуетъ искать въ иныхъ соображеніяхъ. Можно было-бы, пожалуй, избѣжать этого вывода—различеніемъ высшихъ и низшихъ духовъ, еслибы нравственное совершенствованіе шло всегда рядомъ съ умственнымъ преуспѣяніемъ. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что именно самые развитые умственно люди въ нравственномъ отношеніи бываютъ нерѣдко настоящими чудовищами. Различеніемъ высшихъ и низшихъ духовъ нельзя также объяснить противорѣчія между сообщеніями различныхъ духовъ: эти противорѣчія существуютъ и въ откровеніяхъ такъ называемыхъ высшихъ духовъ и притомъ относительно такихъ предметовъ, которые они необходимо должны были-бы знать,—особенно въ подробныхъ свѣдѣніяхъ о загробной жизни. Точно также многое множество пошлостей и нелѣпостей въ изреченіяхъ духовъ не находитъ удовлетворительнаго для себя объясненія въ указаніи на множество глупцовъ и злодѣевъ въ числѣ умершихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если при вызываніи духовъ главное значеніе, по утвержденію спиритовъ, имѣетъ симпатія, то непонятно, почему галантнымъ салоннымъ кавалерамъ и дамамъ часто оказываются такіе непріятные сюрпризы ихъ умершими товарищами и единомышленниками? И гдѣ-же и причемъ тѣ друзья человѣчества, которые во всю свою жизнь самоотверженно старались сближаться именно съ нравственно-испорченными людьми, чтобы исправить и возвысить ихъ? Если Провидѣніе хочетъ пользоваться откровеніями духовъ какъ средствомъ для спасенія и облагороженія человѣчества, то почему Оно даетъ при этомъ первое мѣсто душамъ безполезныхъ и пустыхъ людей? Непонятно также то странное явленіе, почему духи могутъ находить такое удовольствіе въ шуткахъ и насмѣшкахъ и почему въ нравственномъ отношеніи они очень

часто стоятъ гораздо ниже живущихъ на землѣ людей, между тѣмъ какъ съ другой стороны намъ говорятъ, что вообще существуетъ непрерывный прогрессъ и что испорченное существо, переселившись въ другой міръ, находитъ во злѣ свое наказаніе, такъ что зло становится для него *совершенно невыносимымъ*.

Такимъ образомъ представленныя объясненія спиритическихъ явленій, взятыя всѣ вмѣстѣ и порознь, оказываются неудовлетворительными. Но изъ этого не слѣдуетъ, что спиритическія явленія не могутъ быть разсматриваемы все-таки какъ проявленія духовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если признать, что тутъ даютъ себя знать *демоническія* вліянія, то всѣ затрудненія устраняются. Противорѣчія, пошлыя шутки и насмѣшки вообще свойственны демоническому началу. Отсутствіе научныхъ открытій объясняется съ этой точки зрѣнія также очень легко: Провидѣніе не дозволяетъ демонамъ предупреждать естественное развитіе человѣчества, хотя они могутъ сообщать отдѣльнымъ лицамъ нѣкоторыя тайны, но не могутъ сообщить ничего такого, что помѣшало бы ходу общечеловѣческаго интеллектуальнаго развитія.

Однородность откровеній духовъ съ воззрѣніями и склонностями, преобладающими въ различныхъ спиритическихъ кружкахъ, однородность, замѣчаемая часто, хотя и не всегда, можетъ, правда, представлять въ этомъ случаѣ нѣкоторое затрудненіе. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на два обстоятельства: 1) мы не говоримъ, что *всѣ* спиритическія явленія должно приписывать духамъ,—дѣло идетъ только о возможности того, что сюда примѣшивается демоническое начало; 2) слѣдуетъ замѣтить, что демоны, насколько они участвуютъ въ спиритическихъ явленіяхъ, въ началѣ лучше всего достигаютъ своей цѣли именно хорошо разсчитаннымъ приспособленіемъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми они имѣютъ дѣло.

Высказывая это мы не хотимъ еще утверждать положительно, что въ основаніи спиритизма дѣйствительно лежитъ демоническое вліяніе: прежде чѣмъ произнести объ этомъ рѣшительное сужденіе, мы должны подвергнуть тщательному изслѣдованію всѣ притязанія спиритовъ. Мы хотимъ теперь сказать только-то, что ничто не мѣшаетъ привлеченію духовныхъ существъ для объясненія нѣкоторыхъ спиритическихъ фактовъ. И въ концѣ концовъ необходимо будетъ согласиться съ этимъ заключеніемъ. Упомянутыя выше необыкновенныя явленія не могутъ существовать безъ причины. Если для произведенія ихъ недостаточны человѣческія силы, то источникъ ихъ остается искать въ высшихъ духовныхъ, разумныхъ существахъ; ибо очевидно, что они не имѣютъ непосредственнаго происхожденія отъ Бога. А еслибы ихъ производили разумныя существа не совершенно безтѣлесныя, но лишь одаренныя болѣе тонкой организаціей, недоступной нашимъ чувствамъ, то эти существа дали бы намъ объясненіе относительно своей истинной природы, и имъ не удалось бы, да они и не пытались бы представляться намъ въ человѣческомъ образѣ. Если матеріалистъ находитъ нелѣпою мысль, что упомянутыя явленія производятся духами, то онъ забываетъ, что ему неизвѣстны очень многія причины, и потому, при разумномъ разсужденіи, онъ ничего не можетъ имѣть противъ той мысли, что, можетъ быть, и безъ его согласія существуютъ чисто-духовные дѣятели.

Какимъ образомъ дѣйствуютъ таинственныя существа, принимая участіе въ спиритическихъ явленіяхъ, этого мы не можемъ знать. Всякая попытка дать точное объясненіе на этотъ счетъ не можетъ имѣть значенія, коль скоро признано, что тутъ дѣйствуютъ сверхъестественные разумные дѣятели. Можно представить лишь нѣкоторыя предположенія.

Изъ физическихъ явленій спиритизма самую большую трудность для объясненія представляетъ внезапное исчезновеніе предметовъ изъ виду и удаленіе ихъ изъ закрытыхъ пространствъ. Пытались дать различныя объясненія этого явленія. Нѣкоторые утверждаютъ или, по крайней мѣрѣ, считаютъ мыслимымъ, что предметы разлагаются на свои атомы посредствомъ электромагнетическихъ силъ и потомъ чрезъ соединеніе ихъ (атомовъ) опять возстановляются въ своемъ прежнемъ видѣ. Этимъ можетъ быть объяснено какъ то, что предметы удаляются изъ закрытыхъ пространствъ, такъ и то, что они дѣлаются невидными, потому что разложившіяся составныя части не могутъ дѣйствовать на наши чувства. Само собою разумѣется, что и откровенія духовъ подтверждаютъ эту мысль [1]). Эту мысль нельзя считать совершенно невозможною, если имѣть въ виду предметы только неорганическіе.

Цельнеръ прибѣгаетъ къ гипотезѣ о четырехъ-мѣрномъ пространствѣ: по его мнѣнію, разумныя невидимыя существа перемѣщаютъ предметы въ четвертое измѣреніе пространства [2]). Но эта гипотеза совершенно несостоятельна. Пространство съ четырьмя измѣреніями заключаетъ въ себѣ внутренее противорѣчіе, и потому нельзя утверждать, что хотя мы и не можемъ составить себѣ представленія объ немъ, но можемъ составить объ немъ понятія. Есть, безъ сомнѣнія, очень много предметовъ, которыхъ мы не можемъ представить себѣ наглядным образомъ, не находя ихъ однако поэтому немыслимыми, то есть внутренно противорѣчащими, но когда заходитъ рѣчь о четырехъ-мѣрномъ пространствѣ,

1) Съ предметами безцвѣтными этотъ опытъ удается всего лучше, какъ сообщаютъ нѣкоторые духи, потому что духамъ бываетъ трудно при возстановленіи предмета возстановить его цвѣтъ.

2) И эта мысль также подтверждается духами; но они говорятъ, что только *низшіе* духи суть существа четырехмѣрныя: въ высшихъ сферахъ число измѣреній возрастаетъ.

то у всякаго непредубѣжденнаго человѣка сейчасъ же является убѣжденіе о чемъ-то невозможномъ: невозможность эта заключается въ самой сущности предмета, совершенно независимой отъ нашего представленія. Всякая попытка оправданія этого взгляда только еще яснѣе выставляетъ на видъ его полнѣйшую несостоятельность.

Всего неудачнѣе ссылка для экзегетическаго обоснованія гипотезы о четвертомъ измѣреніи на два мѣста Библіи, именно на посл. къ Ефес. III, 18 и кн. Іова XI, 7—9. Говоря о долготѣ, широтѣ; глубинѣ и высотѣ любви Христовой, апостолъ обозначаетъ въ этомъ случаѣ измѣреніе въ глубину двумя соотносительными понятіями, сообразно обычному словоупотребленію (высота и глубина составляютъ не два различныхъ измѣренія, и одно). То же можно сказать и объ указанномъ мѣстѣ книги Іова, гдѣ высота неба противополагается лишь глубинѣ преисподней, и потому не остается мѣста для неизвѣстнаго четвертаго измѣренія. И кто бы подумалъ, чтобы Божественное Откровеніе, вообще не предлагающее никакихъ объясненій естественно-научныхъ и математическихъ истинъ, при своемъ обыкновенномъ образномъ способѣ выраженія въ указанныхъ мѣстахъ, могло сокровенно намекать на такую глубокую тайну!

Непонятно также, какимъ образомъ эта гипотеза—предполагая даже ея справедливость—можетъ способствовать устраненію или уменьшенію затрудненій, представляемыхъ вышеупомянутыми явленіями. По аргументаціи Цельнера и другихъ мы можемъ наглядно уяснить себѣ дѣло, представивъ себѣ существо, имѣющее только два измѣренія—въ длину и ширину. Какъ мы (то есть существа трехмѣрныя) могли бы сдѣлать какой-нибудь предметъ невидимымъ для такого существа, перемѣстивъ его (предметъ) въ третье измѣреніе, то есть съ плоскости въ высоту или глубину: такъ и духи

(существа четырехмѣрныя) могутъ дѣлать для насъ, существъ трехмѣрныхъ, предметы невидимыми, удаливъ ихъ въ четвертое измѣреніе или же совсѣмъ устранивъ изъ замкнутыхъ пространствъ чрезъ отверстіе четвертаго измѣренія. Равнымъ образомъ разумныя четырехмѣрныя существа могутъ изъ четвертаго измѣренія вступить въ наше трехмѣрное пространство и явиться передъ нами. Такія соображенія страдаютъ значительною неясностію. Предполагается, что возможно существо, которое можетъ представить себѣ два измѣренія безъ третьяго. Но это предположеніе можно: мы можемъ мыслить плоскость только въ пространствѣ (трехмѣрномъ), такъ что въ то же время намъ представляется постоянно, хотя и неясно, третье измѣреніе. И это обстоятельство не случайно: оно истекаетъ изъ самой природы вещей, потому что плоскость есть только разрѣзъ, или ограниченіе пространства. Еще неправильнѣе мысль, будто возможно существо, фактически имѣющее только два измѣренія: чистыя линіи и чистыя плоскости— не болѣе, какъ отвлеченныя представленія, и никогда не могутъ существовать въ дѣйствительности.

Далѣе сторонники теоріи Целльнера, повидимому, предполагаютъ, что всегда должно существовать или существуетъ соотвѣтствіе или согласіе между числомъ измѣреній, принадлежащихъ извѣстному существу и представимыхъ для него. Но и это предположеніе совершенно произвольно. Если разсматривать міръ съ точки зрѣнія гипотезы Целльнера, то окажется, что онъ имѣетъ три измѣренія лишь случайно, если только вообще можно сказать, что онъ имѣетъ ихъ три, а не болѣе.

Затѣмъ предполагается, что предметъ можетъ быть перемѣщаемъ изъ одного измѣренія въ другое, изъ плоскости въ высоту (или глубину), изъ трехмѣрнаго пространства въ четвертое измѣреніе, и что четвертое измѣреніе само по

себѣ обитаемо, то есть можетъ имѣть свое особое содержаніе. Опять—противорѣчіе на противорѣчіи. Если существо не находится въ измѣреніи глубины (въ третьемъ измѣреніи), то оно и не можетъ быть въ него перемѣщено, и наоборотъ какъ бы высоко оно ни поднималось и какъ бы низко не опускалось по третьему измѣренію, никогда оно не можетъ уйдти изъ плоскостнаго измѣренія, оно можетъ только перемѣнять свое мѣсто въ пространствѣ, постоянно остающемся равнымъ себѣ, Измѣренія, свойственныя пространству по самой природѣ его, принадлежатъ ему необходимо всюду даже въ самой малѣйшей частичкѣ его, и ничто пространственное не можетъ существовать безъ всѣхъ трехъ измѣреній. Сообразно съ этимъ и тѣло можетъ быть только передвигаемо по направленію *четвертаго измѣренія* если оно уже находится въ четвертомъ измѣреніи, и сколько бы оно въ немъ ни двигалось, всѣ прочія измѣренія всюду сопровождаютъ его. Поэтому мы не понимаемъ, какимъ образомъ тѣло, вслѣдствіе какого бы то ни было передвиженія, можетъ вдругъ совершенно исчезнуть изъ виду, когда мы можемъ прослѣдить три измѣренія до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ,—развѣ только предположить, что около каждой малѣйшей части трехмѣрнаго пространства находится еще отдѣльное четырехмѣрное пространство, какъ тайное убѣжище для духовъ.

Что касается *интеллектуальныхъ* явленій на спиритическихъ сеансахъ, то знаніе мыслей медіума со стороны духовъ не представляетъ никакой трудности, такъ какъ медіумъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія извѣстныхъ сторонъ своей природы, доступныхъ духамъ, болѣе другихъ людей обнаруживаетъ свое внутренее содержаніе. Предсказаніе будущихъ событій по большей части бываетъ весьма загадочнымъ и основывается, какъ кажется, на догадкахъ.

И такъ многія спиритическія явленія, не поддающіяся никакому естественному объясненію, требуютъ для сколько-нибудь удовлетворительнаго толкованія ихъ—допустить дѣйствіе высшихъ разумныхъ существъ, и именно *злыхъ духовъ, демоновъ*. Остается одно изъ двухъ: или отвергнуть дѣйствительность необычайныхъ фактовъ и явленій, происходящихъ на спиритическихъ сеансахъ (но достовѣрность ихъ засвидѣтельствована самымъ несомнительнымъ образомъ) или же видѣть въ нихъ произведеніе лукавыхъ духовъ, ищущихъ прельстить и уловить въ погибель легковѣрныя, не твердыя въ вѣрѣ души...

Чтобы имѣть болѣе близкое понятіе о духѣ и существѣ спиритизма, познакомимся отчасти съ *откровеніемъ*, *взглядами* и *стремленіями* спиритовъ.

Подъ спиритическимъ откровеніемъ мы разумѣемъ содержаніе высказанныхъ спиритическими медіумами таинственныхъ изреченій или объясненій. Таинственныя существа, выдающія себя за геніевъ или за души умершихъ людей, даютъ часто весьма подробныя свѣдѣнія о загробной жизни, заключающія въ себѣ однако не иное что, какъ фантастическое изображеніе состояній здѣшней жизни. Они сообщаютъ намъ свѣдѣнія о послѣдовательныхъ фазахъ развитія духа, о существованіи множества міровъ и формъ бытія, о числѣ и свойствѣ сферъ, которыя духъ долженъ пройдти одну за другою, пока онъ достигнетъ вершины совершенства. Сферы эти суть отображенія или подобія земли: тамъ есть горы, равнины, рѣки, сады, виноградники, нивы, движимыя имущества, промышленныя предпріятія, пища, одежда, состоящая изъ «фосфорическихъ началъ», и т. д. Низшіе духи пользуются нашими путями сообщеній, если не предпочитаютъ ходить пѣшкомъ.

Нельзя искать согласія между этими фантастическими сообщеніями. Даже въ ученіи о Богѣ «духи» противорѣ-

чатъ другъ другу, нѣкоторые, повидимому, ничего о Немъ не знаютъ. Характеристично въ этихъ откровеніяхъ въ особенности отрицаніе вѣчныхъ адскихъ мукъ и существованія демоновъ, насколько они отличны отъ злыхъ человѣческихъ душъ. Спириты согласны между собою въ томъ, что приписываютъ необыкновенныя явленія, свидѣтелями которыхъ они бываютъ, *духамъ*—добрымъ или злымъ душамъ умершихъ людей или же высшимъ добрымъ душамъ. Сообразно съ этимъ они признаютъ общеніе міра духовнаго съ живыми людьми, которое можетъ быть переводимо въ область чувственныхъ явленій почти механическимъ способомъ. Они согласны между собою еще въ томъ, что указываютъ спиритизму высокую провиденціальную задачу для будущности рода человѣческаго и особенно ожидаютъ отъ него, что онъ ослабитъ развитіе матеріализма, поможетъ счастливому рѣшенію соціальнаго вопроса и произведетъ блестящую эпоху для развитія науки и религіи. Нѣкоторые спириты откровенно соглашаются, что новая магія и мантика (то есть спиритизмъ) имѣетъ несомнѣнное сродство съ прежде бывшими формами суевѣрія, но полагаютъ, что спиритизмъ относится къ нимъ точно такъ же, какъ химія къ алхиміи и астрономія къ астрологіи.

Какъ въ важнѣйшихъ метафизическихъ вопросахъ, такъ особенно въ ученіи объ отношеніи спиритическаго «откровенія» къ христіанству между спиритами существуютъ глубокія разногласія. Въ этомъ отношеніи можно различить два главныхъ направленія—пантеистическое и деистическое. Глава перваго направленія—знаменитый американскій духовидецъ и теософъ *Дэвисъ* (род. 1826 г.), бывшій ученикъ сапожнаго мастера: онъ долженъ считаться ближайшимъ предтечей и непосредственнымъ творцемъ спиритизма. Свое ученіе онъ продиктовалъ сначала въ безсознательномъ состояніи похожемъ на магнетическій сонъ, и изложилъ въ

книгѣ: «Принципы природы, ея божественныя откровенія и голосъ къ человѣчеству» [1]) потомъ развилъ въ различныхъ сочиненіяхъ, особенно въ 5-ти томномъ твореніи: «Великая Гармонія». Дэвисъ описываетъ подробно процессъ возникновенія міра, все развитіе природы, въ которой Великій Духъ организовалъ для себя тѣло; онъ разсказываетъ начало и ходъ исторіи человѣчества и даже будущую судьбу духа человѣческаго. Чрезъ смерть духъ вступаетъ на новый путь, на которомъ онъ, проходя 7 сферъ одну за другою, достигаетъ все большаго и большаго совершенства и блаженства.

Главный представитель *деистическаго* направленія—*Алланъ-Кардекъ*, на основаніи откровеній разныхъ медіумовъ развившій спиритическую систему и изложившій ее въ 5 книгахъ. Онъ учитъ, что Богъ создалъ міръ духовный и тѣлесный. Этотъ міръ есть первоначальный и нормальный. Духи раздѣляются на нѣсколько классовъ и весьма неравны между собою по совершенству. Духи 1-го класса—ангелы, или чистые духи, отличающіеся своею близостью къ Богу, знаніями, любовію къ добру и чистотой своихъ чувствъ. Другіе классы болѣе и болѣе удаляются отъ этого совершенства; духи низшихъ степеней склонны ко многимъ изъ человѣческихъ страстей и имѣютъ расположеніе къ злу. Есть также глупые и легкомысленные духи, нарушители мира и мучители, не очень добрые и не очень злые. Духи не остаются навсегда въ одномъ и томъ же классѣ: они совершенствуются, проходя различныя ступени духовнаго порядка. Это усовершенствованіе достигается чрезъ перевоплощеніе, для однихъ служащее—искупленіемъ, а для другихъ—миссіей. Матеріальная жизнь—это испытаніе, которому они должны подвергнуться нѣсколько разъ, пока не достигнутъ

[1]) Эта книга появилась въ 1847 году и выдержала множество изданій.

полнаго совершенства. Душа, оставляя тѣло, возвращается въ міръ духовъ, чтобы потомъ опять начать новое матеріальное существованіе—по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, въ теченіе котораго она находится въ состояніи странствующаго духа. Воплощеніе духовъ совершается всегда въ *человѣческой* душѣ: было бы заблужденіемъ думать, что душа или духъ можетъ воплотиться въ тѣло животнаго. Такъ учитъ Кардекъ, но сами «духи» относительно этого пункта высказываются не очень ясно. Каждое послѣдующее тѣлесное состояніе духа относится къ предшествующему какъ дальнѣйшее усовершенствованіе, движеніе впередъ, а не назадъ. Связь, соединяющая душу съ тѣломъ, представляетъ собою нѣкоторый полу-матеріальный покровъ, который послѣ смерти служитъ для духа эѳирнымъ тѣломъ. Когда душа возвращается въ міръ духовъ, то всѣ прежнія ея состоянія вновь оживаютъ въ ея воспоминаніи. Духи безпрерывно дѣйствуютъ на видимый міръ; они составляютъ силы природы, изъ дѣйствія которыхъ можно вывести множество непонятныхъ и ложно объясняемыхъ явленій. Можно вызывать всѣхъ духовъ безъ различія и получать отъ нихъ какія угодно сообщенія, въ какое бы время не жили люди, одушевленные ими.

Къ христіанству спиритизмъ, по воззрѣнію Кардека, относится не враждебно, но какъ его восполненіе: спиритизмъ сообщаетъ надлежащее пониманіе христіанства. Посланничество и дѣла Христовы объясняются изъ спиритическихъ принциповъ. Въ особенности выставляется на видъ согласіе нравственнаго ученія спиритизма съ таковымъ же ученіемъ Евангелія.

Каковы цѣли и стремленія спиритизма? Къ чему онъ идетъ и ведетъ? Неопредѣленная религія безъ церкви, безъ священства, безъ таинствъ—вотъ цѣль, къ которой онъ стремится. Безъ сомнѣнія, между спиритами есть немало

такихъ, которые уважаютъ христіанство; но большею частію Христосъ имѣетъ для нихъ лишь значеніе великаго «спирита», который воплотился однажды или же воплощался много разъ. Такихъ же спиритовъ, которые еще вѣруютъ въ Божество Іисуса Христа, очень мало: они стоятъ одинокими.

Стремленіе къ основанію новой религіи безъ священниковъ достигло осуществленія въ Сѣверной Америкѣ уже въ самомъ началѣ новаго движенія. Едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ у спиритовъ появились уже свои лицеи, свои катихизисы, свои газеты, свои пророки и пророчицы, медіумы и ясновидящіе, свое воскресное богослуженіе, свои праздники, свои мѣстныя общества, свои государственныя учрежденія. Особенно усердно посѣщаются такъ-называемые «полевые митинги», собирающіеся въ лѣсахъ, рощахъ и т. д. и привлекающіе многихъ ораторовъ и медіумовъ, а также тысячи любопытныхъ и путешественниковъ. При этомъ прилагается очень много стараній для изящнаго устройства палатокъ, оркестра и пѣвческихъ хоровъ; однимъ словомъ, употребляются всѣ мѣры для того, чтобы развеселить собирающихся духовъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Эти торжественныя празднества находятся, повидимому, во внутренней связи съ спиритическимъ ученіемъ. Въ Парижѣ ежегодно отправляется «праздникъ всѣхъ душъ» съ поминальными рѣчами.

Нѣкоторые спириты весьма усердно пропагандируютъ свою новую религію, и между мнимыми откровеніями духовъ совѣты заботиться о распространеніи спиритизма занимаютъ не послѣднее мѣсто.

И у насъ это новое ученіе начинаетъ пріобрѣтать приверженцевъ и послѣдователей... Да сохранитъ насъ отъ него Богъ!

По плодамъ ихъ узнаете ихъ (Матѳ. VII, 16).

Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это—духъ антихриста (1 Іоан. IV, 1—3).

Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, и отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ (2 Тим. IV, 3, 4).

Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ (1 Тим. IV, 1) [1].

14. Мнѣніе митрополита Московскаго Филарета о столо-гаданіи [2].

О стологаніи печально слышать, что многіе, какъ будто дѣти какою-нибудь новою игрою, съ жаромъ занялись онымъ, не подумавъ, чѣмъ играютъ и чѣмъ кончиться можетъ игра. Раздѣляю ваше мнѣніе, что занятіе сіе непозволительно.

Представимъ себѣ, что сынъ въ домѣ отца, имѣя свободу пользоваться всѣмъ, что ему нужно, и многимъ, что пріятно, не довольствуется симъ и, встрѣтивъ хранилище, отъ котораго ему не дано ключа, поддѣлываетъ ключъ и

[1] Въ подтвержденіе того, что въ спиритическихъ явленіяхъ дѣйствуетъ духъ тьмы; отсылаемъ читателей къ интересной и поучительной статьѣ: «Изъ области спиритическихъ тайнодѣйствій». Странникъ, 1885 г., декабрь.

[2] Относится къ началу 50-хъ годовъ.

отпираетъ оное, положимъ, не для того, чтобы украсть, а только, чтобы посмотрѣть, что тамъ скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совѣстно сыну? Не должно ли быть непріятно отцу? Вотъ судъ о всякомъ гаданіи или ворожбѣ, въ томъ числѣ и о стологаніи, по самому простому взгляду на сіе дѣло.

Но если внимательнѣе посмотримъ на опыты,—судъ долженъ сдѣлаться строже.

Я не любопытствую: но общее любопытство, а въ нѣкоторыхъ желаніе знать истину и остеречься отъ лжи и вреда приведены въ такое движеніе, что до меня сами собою доходятъ многія свѣдѣнія о столгадательныхъ опытахъ и притомъ такими путями, что нельзя сомнѣваться о истинѣ сихъ свѣдѣній.

Одному гадателю столъ далъ предсказаніе о нѣкоторомъ происшествіи, которое должно было возбудить ожиданіе и могло расположить къ нѣкоторымъ приготовленіямъ, и назначилъ время, въ которое сему происшествію надлежало послѣдовать. Назначенное время прошло, а предсказаннаго не случилось. Что, еслибы, при вѣрѣ въ стологаніе, сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія, соотвѣтственныя предсказанному происшествію? Это необходимо кончилось-бы стыдомъ, а могло кончиться и вредомъ.

Предъ однимъ страстнымъ столгадателемъ столъ оклеветалъ близкую къ нему особу. Теперь, говорятъ, борющійся съ подозрѣніемъ столгадатель и оскорбленная особа проводятъ безсонныя ночи.

Сихъ немногихъ опытовъ довольно, чтобы понять, какъ не мало виновны и какъ ведутъ себя къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ непокоряющіеся премудрому и благому Богу, заперешему отъ насъ сокровенное и будущее, и покушающіеся отпереть оное поддѣльными ключами.

Но это еще не все. Столгадатели поняли, что дерево

не можетъ понимать вопросовъ и давать сообразные съ вопросами отвѣты. Посему они спрашивали, кто имъ отвѣчаетъ, и многіе изъ нихъ получили въ отвѣтъ имена разныхъ умершихъ. Теперь спрашивается: дѣйствительно-ли столгадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи употребляются ложно и подъ ними скрываются нѣкіе неизвѣстные? Въ семъ послѣднемъ случаѣ сіи неизвѣстные суть лжецы, приписывающіе себѣ чужія имена. Но ложь не принадлежитъ чистымъ существамъ: отецъ лжи есть діаволъ. И такъ столгадатели осторожно должны размыслить, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и отъ кого хотятъ узнать сокровенное. Здѣсь можно вспомнить наставленіе преподобнаго Антонія Великаго относительно демоновъ: «если выдаютъ они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ».

Но если отвѣчающіе столгадателямъ суть дѣйствительно умершіе, то судъ о семъ дѣлѣ давно произнесенъ Самимъ Богомъ, чрезъ пророка Моисея, въ 18-й главѣ книги Второзаконія: *да не навыкнеши творити по мерзостемъ языковъ тѣхъ; да не обрящется въ тебѣ очищая сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуя волхвованіемъ и чаруяй, и птицеволшебствуяй, чародѣй обивая обиваніемъ, утробоволхвуяй, и знамено-смотритель, и вопрошаяй мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сіе; сихъ бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего* (ст. 9—12).

Знаютъ-ли сей судъ столоволхвователи, вопрошающіе мертвыхъ? Помышляютъ-ли, какому строгому осужденію подлежитъ дѣло ихъ? Оно причисляется къ мерзостямъ, за которыя хананейскіе народы Богъ осудилъ на истребленіе. Еслибы кто изъ столгадателей сказалъ, что онъ не домогается бесѣды съ мертвыми, а просто отъ стола получаетъ знаки въ разрѣшеніе вопросовъ любопытства или надобно-

сти,—справедливость требуетъ сказать и сему: не правъ и ты. Ты не знаешь, кто тебѣ отвѣчаетъ, но знаешь, что дерево отвѣчать не можетъ; слѣдовательно ты долженъ заключить, что неизвѣстный тебѣ отвѣчающій есть одинъ изъ тѣхъ, которые наименовали себя другимъ при подобныхъ опытахъ.

Въ четвертой главѣ пророчества Осіи читается слѣдующее изреченіе: *въ знаменіяхъ вопрошаху и въ жезлѣхъ своихъ повѣдаху тѣмъ* (ст. 12). Яснѣе съ еврейскаго: *народъ Мой дерево свое вопрошаетъ, и жезлъ его отвѣчаетъ ему*. Пророкъ показываетъ два вида гаданія: *древомъ* и *жезломъ*. Подъ именемъ древа, безъ сомнѣнія, разумѣются деревянные идолы, отъ которыхъ, неизвѣстными намъ пріемами, получаемы были отвѣты (Суд. XVIII, 5, 6). Очевидно, это дѣло богопротивное, какъ соединенное съ идолопоклонствомъ. Подъ именемъ *жезла отвѣчающаго* разумѣется гаданіе посредствомъ жезловъ, по примѣтамъ, на которую сторону они падаютъ, бывъ поставлены, или ложатся-ли замѣченною стороною вверхъ или внизъ и проч., что называлось жезлогаданіемъ или жезловолхвованіемъ.

Хотя въ семъ второмъ видѣ гаданія не видно отношенія къ идолопоклонству, однако и оно вмѣстѣ съ первымъ осуждено пророкомъ, какъ измѣна истинному Богу: *духомъ блуженія прельстишася и соблудиша отъ Бога своего* (Осіи IV, 12). Отъ сего обвиненія не можетъ увернуться столгаданіе, какъ-бы ни старалось оно изъяснить себя легкимъ и благовиднымъ образомъ.

Для тѣхъ, которые смотрятъ на столгаданіе какъ на новое открытіе неизвѣстной донынѣ силы въ природѣ и на семъ, можетъ быть, думаютъ основать для себя законное право продолжить надъ нею изслѣдованіе, не безполезно замѣтить, что ихъ дѣлу не принадлежитъ честь не только

разумнаго, но и случайнаго новаго открытія въ природѣ: они только какимъ-то образомъ пробрались въ область стараго языческаго суевѣрія. Тертулліанъ въ 23-й главѣ своей Апологіи христіанства, обличая мечты языческой магіи и приписывая ихъ дѣйствію демоновъ, говоритъ: «чрезъ нихъ и козы, и столы обыкновенно производятъ гаданія». Онъ только не объясняетъ, какіе пріемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданіямъ.

Скажетъ-ли кто, что его столъ говоритъ нѣчто достойное принятія. Не должно и симъ прельщаться. *духъ пытливый* въ отроковицѣ города Филипповъ говорилъ о Павлѣ и Силѣ, повидимому, достойное пріятія: *сіи человѣцы раби Бога Вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17). Но апостолъ не только не былъ симъ доволенъ, но и не могъ перенести сего съ терпѣніемъ: онъ изгналъ духа. Простите, что я разговорился. Для васъ сіе не нужно; но, можетъ быть, симъ возбудится ваше вниманіе, чтобы ближнему, могущему принять, подать совѣтъ Премудраго: *высшихъ себѣ не ищи и крѣпльшихъ себѣ не испытуй. Я-же ти повелѣнна, сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ. Во избыткѣхъ дѣлъ твоихъ не любопытствуй: вящшая бо разума человѣческаго показана ти суть. Многи бо прельсти мнѣніе ихъ, и мнѣніе лукаво погуби мысль ихъ* (Сирах. III, 21—24).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Частный судъ.

1. Дѣйствительность частнаго суда.

Человѣку положено однажды умереть, а потомъ судъ (Евр. IX, 27). Смерть и сама по себѣ есть судъ, приговоръ Божій надъ человѣкомъ за удаленіе отъ Бога—Источника жизни; но этотъ судъ, какъ приговоръ послѣ перваго грѣха, есть вмѣстѣ судъ и *милость*. Любовь Божія, провидя грѣхъ, создала человѣка въ такомъ составѣ, чтобы духу и тѣлу была возможность идти особыми, различными путями. Смерть, *оброкъ грѣха*, рѣшительно поражаетъ только тѣло, расторгая его связь съ духомъ; но такимъ образомъ поражается собственно лишь естественная основа грѣха: *умершій освободился отъ грѣха* (Римл. VI, 7). И вотъ духу есть возможность возрожденія и возрожденному возможность шествія новымъ особеннымъ путемъ.

«Судъ надъ человѣкомъ бываетъ по смерти, а не до смерти, и на небѣ, а не на землѣ. Если-же судъ произносится на землѣ и до смерти, то онъ всегда болѣе или менѣе невѣренъ,—невѣренъ, если произносится и по смерти человѣка, но на землѣ, а не на небѣ. Вообще земной судъ

никогда не можетъ быть безусловно вѣренъ... Не можетъ быть вѣренъ потому, что человѣческое вѣдѣніе судящихъ всегда безсильно обнять всѣ безусловно признаки обсуждаемаго частнаго дѣянія, какъ и вообще человѣческій разсудокъ безсиленъ обнять все безконечное множество признаковъ какого-бы то ни было частнаго явленія. Человѣческое вѣдѣніе безсильно тѣмъ болѣе, если приходится обнять и обсудить цѣлую жизнь того или другаго, живаго-ли, умершаго-ли человѣка; безсильно потому, что для правильной оцѣнки всѣхъ дѣяній цѣлой жизни человѣка нужно обнять и взвѣсить всѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ вращался, какъ и всѣ движенія его сердца, какія лежали въ основѣ его поступковъ. А это доступно только всевидящему Сердцевѣдцу: ограниченному-же вѣдѣнію человѣка безусловно недоступно» [1]).

И такъ, какъ скоро душа разлучается съ тѣломъ, она приводится къ Богу на судъ, который въ отличіе отъ всеобщаго и послѣдняго суда, имѣющаго быть при кончинѣ міра, называется *частнымъ*, потому что совершается не торжественно предъ лицемъ цѣлаго міра, какъ тотъ, и имѣетъ цѣлью опредѣлить участь души не на цѣлую вѣчность, какъ послѣдній судъ, а только на время—до всеобщаго воскресенія.

Что непосредственно по смерти каждаго человѣка совершается надъ нимъ судъ; а) объ этомъ учитъ слово Божіе; б) это проповѣдуютъ отцы и учители Церкви; в) этого требуетъ здравый разумъ.

а) Ученіе о дѣйствительности частнаго суда извѣстно было еще въ Церкви ветхозавѣтной. Премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: *Легко для Господа въ день смерти воз-*

---

[1]) Изъ поученія преосвященнаго *Никанора* объ историческомъ безсмертіи.

дать каждому человѣку по дѣламъ его. Минутное страданіе производитъ забвеніе утѣхъ, и при кончинѣ человѣка открываются дѣла его (Сирах. XI, 26, 27). Душа предъ Богомъ, своимъ Творцемъ, Искупителемъ и Судьею! Между душею и Богомъ уже нѣтъ никакихъ посредствъ. Душа предъ Богомъ такъ, какъ она есть, ни какою она казалась другимъ, ни какою она хотѣла казаться себѣ, но въ истинной своей дѣйствительности. Съ другой стороны, по совлеченіи тѣлеснаго облаченія, душа и себѣ самой является во всей своей наготѣ, въ яснѣйшемъ сознаніи своего нравственнаго состоянія. «Если же *легко для Господа* въ самый день смерти воздавать людямъ по заслугамъ; если по волѣ Его, дѣйствительно бываетъ открытіе человѣку дѣлъ его при самой кончинѣ, а не отлагается это до всеобщаго суда: то необходимо допустить, что бываетъ для человѣка вдругъ по смерти его и судъ частный. Иначе съ какою цѣлью въ это время открываются человѣку всѣ дѣла его? Что значитъ это самое открытіе? И для чего замѣчаетъ Премудрый, что въ самый день смерти легко для Господа воздать человѣку по дѣламъ его?» [1]).

Св. апостолъ Павелъ ясно и положительно учитъ о дѣйствительности частнаго суда, говоря: *Человѣку положено однажды умереть, а потомъ судъ* (Евр. IX, 27). Слова апостола очевидно не полагаютъ никакого промежутка между смертію и судомъ, и слѣдовательно имѣютъ въ виду и разумѣютъ не всеобщій судъ, а частный.

б) *Св. Григорій Богословъ*, упомянувъ о кончинѣ царя Констанція, замѣчаетъ, что онъ переселился изъ здѣшней жизни, «принесши, какъ сказываютъ, безполезное раскаяніе при послѣднемъ издыханіи, когда всякій бываетъ искреннимъ судьею самого себя, по причинѣ ожидающаго тамъ судилища» [1]).

[1]) Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*. Томъ II, § 249. Изд. 4-е, 1883 г., стр. 526.

Св. Іоаннъ Златоустъ внушалъ своимъ слушателямъ: «Никто изъ живущихъ на землѣ, не получивъ разрѣшенія во грѣхахъ, по переходѣ въ будущую жизнь, не можетъ избѣжать истязанія за оные. Но какъ здѣсь преступники изъ темницъ приводятся на судъ въ оковахъ, такъ и по отшествіи изъ сей жизни, всѣ души приведутся на страшный судъ, обремененныя различными узами грѣховъ» [2]). «По отшествіи изъ здѣшней жизни, мы предстанемъ на страшный судъ, отдадимъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и если пребывали во грѣхахъ, то подвергнемся истязанію и казни; а если рѣшимся хотя мало внимать себѣ, то удостоимся вѣнцевъ и благъ неизрѣченныхъ. Зная сіе заставимъ молчать противомыслящихъ, а сами вступимъ на путь добродѣтели, да съ упованіемъ, приличнымъ христіанину, предстанемъ на оный судъ и получимъ обѣтованнныя намъ блага» [3]). «*Уготовляй на исходъ тѣла твоя и уготовися на путь* (Притч. XXIV, 27). Если ты у кого похитилъ что-либо, возврати и скажи подобно Закхею: *возвращу четверицею* похищенное (Лук. XIX, 8). Если ты поносилъ кого, если сдѣлался врагомъ кому-либо, примирися до судилища. Все разрѣши здѣсь, чтобы тебѣ безъ скорби увидѣть оное судилище. Доколѣ мы здѣсь, дотолѣ имѣемъ добрыя надежды; а какъ отойдемъ туда, уже невластны будемъ покаяться и смыть съ себя грѣхи. Посему должно приготовляться непрестанно къ исходу отсюда. Ибо что, если Господу угодно будетъ позвать насъ вечеромъ? что, если завтра?« [4]).

[1]) Слово XXII похв. Аѳанасія Великаго въ Твор. Св. Отецъ II, 200.
[2]) На Еванг. Матѳея бесѣда XIV.
[3]) На Еванг. Матѳея бесѣда XIII.
[4]) Бесѣда о Лазарѣ.

Блаж. Августинъ называетъ «справедливѣйшимъ и весьма спасительнымъ вѣрованіе, что души бываютъ судимы, какъ только исходятъ изъ тѣлъ, прежде нежели явятся на тотъ судъ, гдѣ онѣ будутъ судимы уже въ тѣлахъ воскресшихъ» [1]).

Св. Димитрій Ростовскій поучаетъ: «Намъ, православнымъ христіанамъ, довлѣетъ комуждо на всякъ день и на всяку нощь чаяти неизвѣстнаго часа кончины жизни своея и ко исходу быти готову: то намъ страшный судъ комуждо свой, прежде общаго всѣмъ суда страшнаго [1])». Судъ есть двоякій: особенный и общій. Особенный судъ всякъ человѣкъ, умирая, имѣетъ; ибо тогда увидитъ вся дѣла своя [2])». «Мы чаемъ по вся дни и нощи и на всякъ часъ пришествія къ намъ Господня, но еще не того страшнаго пришествія, имже пріидетъ судити живыхъ и мертвыхъ и воздати комуждо по дѣламъ его; еще не того на всякъ часъ чаемъ времени, въ неже (по словеси Петра апостола) *небеса съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сожигаемы раззорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. III, 10), но чаемъ кождо своего смертнаго часа, въ онь же судъ Божій пріидетъ пояти душу отъ тѣла, въ кій часъ комуждо свое особое бываетъ о содѣянныхъ истязаніе; того часа на всякъ часъ ожидаемъ, якоже Самъ Господь, оберегая насъ, въ Евангеліи учитъ: *будите готови, яко, въ онь же часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ* (Лук. XII, 40) [3])».

в) Нельзя допустить того, чтобы состояніе душъ, отъ смерти человѣка до всеобщаго суда, оставалось безразличнымъ, неопредѣленнымъ [1]). Каково будетъ тогда это состояніе? Безсознательное? Но это противорѣчило бы природѣ души, коренную черту которой составляетъ самосознаніе. Да еслибы такое состояніе было и возможно, то съ какою цѣлію могло бы оно быть допущено премудрымъ Промысломъ? А если это состояніе будетъ сознательное, въ такомъ случаѣ оно уже не можетъ быть безразличнымъ и неопредѣленнымъ; потому что душа не можетъ сознавать себя, находясь въ неопредѣленномъ состояніи. И такъ необходимо допустить опредѣленную участь для каждой души непосредственно по смерти человѣка, то есть необходимо предположить частный судъ, которымъ должна опредѣляться эта участь.

[1]) О душѣ и о происхожденіи ея, II, 4.

[2]) Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, стр. 117.

[3]) Собраніе сочиненій т. V, стр. 8.

[4]) Розыскъ, стр. 285—286.

2. Образъ частнаго суда—мытарства.

а) Предварительныя замѣчанія.

«Частный судъ Божій надъ душами, по разлученіи ихъ съ тѣломъ, предваряется, по ученію православной Церкви, истязаніемъ ихъ на такъ-называемыхъ *мытарствахъ*, чрезъ которыя онѣ, восходя отъ земли въ сопровожденіи ангеловъ, проходятъ воздушное пространство и на которыхъ злые духи задерживаютъ ихъ и обличаютъ всѣ грѣхи, содѣланные ими въ жизни [2])».

[1]) Нѣкоторые еретики учили, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, чтобы потомъ вмѣстѣ съ нимъ воскреснуть въ день воскресенія. Несторіане утверждали, будто душа, хотя и не умираетъ но со смерти тѣла до его будущаго воскресенія остается въ безсознательномъ состояніи. Это последнее мнѣніе возобновили анабаптисты и нѣкоторые протестанты.

[2]) Догматическое Богословіе *Антонія*, § 341, изд. 8-е, 1862 г., стр. 244.

Правосудіе Божіе совершаетъ судъ надъ душами, исшедшими изъ тѣла, посредствомъ ангеловъ—какъ святыхъ, такъ и злобныхъ. Первые, въ теченіе земной жизни человѣка, замѣчаютъ всѣ его добрыя дѣла, а вторые замѣчаютъ всѣ грѣхи его. Когда душа начнетъ восходить къ небу, руководимая святыми ангелами, темные духи обличаютъ ее неизглаженными покаяніемъ грѣхами ея, какъ жертвами сатанѣ, какъ залогами общенія и одинаковой съ нимъ вѣчной участи.

Для истязанія душъ, проходящихъ воздушное пространство, установлены темными властями отдѣльныя судилища и стражи въ извѣстномъ порядкѣ. По слоямъ поднебесной, отъ земли до самаго неба, стоятъ сторожевые полки падшихъ духовъ. Каждое отдѣленіе завѣдываетъ особеннымъ видомъ грѣха и истязываетъ въ немъ душу, когда она достигнетъ этого отдѣленія. Воздушныя бѣсовскія стражи и судилища называются въ отеческихъ писаніяхъ *мытарствами*, а духи, служащіе въ нихъ—*мытарями*.

Матаремъ во времена Христовы и въ первые вѣка христіанской Церкви назывался сборщикъ государственныхъ повинностей. Такъ какъ эта обязанность, по простотѣ древнихъ обычаевъ, поручалась лицу безъ строгой отвѣтственности и отчетности, то мытари позволяли себѣ всѣ средства насилія, разнаго рода ухищренія, придирки, безчисленныя злоупотребленія и безчеловѣчное грабительство. Они обыкновенно становились при городскихъ публичныхъ мѣстахъ, чтобы никто не могъ избѣжать ихъ зоркаго наблюденія. Поведеніе мытарей сдѣлало ихъ ужасомъ для народа. По понятію, его, имя мытаря означало человѣка безъ чувствъ, безъ правилъ, способнаго на всякое злое дѣло, на всякій унизительный поступокъ, дышащаго и живущаго ими, однимъ словомъ—человѣка отверженнаго. Въ этомъ смыслѣ Господь сравниваетъ упорнаго и отчаяннаго преслушника Церкви

съ язычникомъ и мытаремъ (Матѳ. XVIII, 17). Для ветхозавѣтныхъ поклонниковъ истиннаго Бога ничего не было отвратительнѣе служителя идоловъ: столь же ненавистнымъ былъ для нихъ и мытарь. Названіе мытарей перенесли съ людей на бѣсовъ, стерегущихъ восходъ отъ земли къ небу, по сходству должности и исполненія ея. Какъ сыны и наперсники лжи, демоны уличаютъ души человѣческія не только въ дѣйствительно совершенныхъ ими грѣхахъ, но и въ такихъ, какимъ онѣ никогда не подвергались. Они прибѣгаютъ къ вымысламъ и обманамъ, соединяя клевету съ безстыдствомъ и наглостію, чтобы вызвать душу изъ рукъ ангельскихъ и увеличить ею безчисленное множество адскихъ узниковъ.

Господь Іисусъ Христосъ, совершающій невидимо Самъ частный судъ надъ душами человѣческими посредствомъ ангеловъ, допускаетъ къ нему и *клеветниковъ братіи нашея* (Апок. XII, 10)—злыхъ духовъ для того, чтобы предъ душею безпристрастно оцѣнивались всѣ дѣла ея. «И прилично,—говоритъ св. Василій Великій,—чтобы судъ Божій былъ не насильственный, а напротивъ того имѣлъ болѣе общаго съ тѣми судами, какіе бываютъ у людей, и подсудимымъ давалъ мѣсто къ оправданію, чтобы человѣкъ, видя дѣло свое приведеннымъ въ ясность, и при наказаніи подтвердилъ неопровержимые суды Божіи, согласившись, что наказаніе положено на него по всей справедливости, а также и при помилованіи усматривалъ что прощеніе дано ему по закону и въ порядкѣ [1])».

Не предаждь мене въ души стужающихъ ми: яко восташа на мя свидѣтеле неправедніи, и солга неправда себѣ (Псал. XXVI, 12)—такъ говоритъ Духъ Святой отъ

[1]) Толкованіе на 1-ю главу Исаіи, въ Твор. Св. Отецъ VI, 69—70.

лица души человѣческой, описывая невидимую борьбу ея съ невидимыми врагами.

б) Ученіе Церкви о мытарствахъ.

Ученіе о воздушныхъ мытарствахъ впервые встрѣчается въ знаменитомъ твореніи св. Аѳанасія Александрійскаго—въ его «Житіи св. Антонія Великаго», которое было написано около 365 года, тогда же переведено на латинскій языкъ (около 365—370 г.) и пользовалось всеобщимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Св. Златоустъ совѣтуетъ всѣмъ христіанамъ читать это Житіе; а блаж. Августинъ говоритъ о себѣ, что чтеніе жизни св. Антонія Великаго много содѣйствовало его обращенію.

Св. Аѳанасій Великій повѣствуетъ слѣдующее: «Однажды онъ (Антоній), при наступленіи девятаго часа, начавъ молиться предъ вкушеніемъ пищи, былъ внезапно восхищенъ Духомъ и вознесенъ ангелами на высоту. Воздушные демоны противились его шествію: ангелы, препираясь съ ними, требовали изложенія причинъ ихъ противодѣйствія, потому что Антоній не имѣлъ никакихъ грѣховъ. Демоны старались выставить грѣхи, содѣянные имъ отъ самаго рожденія; но ангелы заградили уста клеветниковъ, сказавъ имъ, что они не должны исчислять согрѣшеній его отъ рожденія, уже изглажденныхъ благодатію Христовою, но пусть представятъ, если имѣютъ, грѣхи, содѣланные имъ послѣ того времени, какъ онъ поступленіемъ въ монашество посвятилъ себя Богу. При обвиненіи демоны произносили много наглой лжи; но такъ какъ клеветы ихъ лишены были доказательствъ, то для Антонія открылся свободный путь. Тотчасъ онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ, что стоитъ на томъ са-

момъ мѣстѣ, на которомъ сталъ для молитвы. Забывъ о пищѣ онъ провелъ всю ночь въ слезахъ и стенаніяхъ, размышляя о множествѣ враговъ человѣческихъ, о борьбѣ съ такимъ воинствомъ, о трудности пути къ небу чрезъ воздухъ и словахъ Апостола, который сказалъ: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началамъ власти сего воздуха* [1]),—который (т. е. Апостолъ), зная, что воздушныя власти того только и доискиваются, о томъ заботятся со всѣмъ усиліемъ, къ тому напрягаются и стремятся, чтобъ лишить насъ свободнаго прохода къ небу, увѣщеваетъ: *пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ* (Ефес. VI, 13), *да противный посрамится, ничтоже имѣя глаголати о насъ укорно* (Тит. II, 8) [2])».

Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ: «Когда приближаются владычныя силы, когда приходятъ страшныя воинства, когда божественные изъятели повелѣваютъ душѣ переселиться изъ тѣла, когда, увлекая насъ силою, отводятъ въ неминуемое судилище: тогда, увидѣвъ ихъ, бѣдный человѣкъ... весь приходитъ въ колебаніе, какъ отъ землетрясенія, весь трепещетъ... Божественные изъятели, появъ душу, восходятъ по воздуху, гдѣ стоятъ начальства, власти и міродержители противныхъ силъ. Это—злые наши обвинители, странные мытники, описчики, деньщики; они встрѣчаютъ на пути, описываютъ, осматриваютъ и вычисляютъ грѣхи и рукописанія сего человѣка, грѣхи юности и старости, вольные и невольные, совершенные дѣломъ, словомъ, помышленіемъ. Великій тамъ страхъ, великій трепетъ бѣдной душѣ,

---

1) Въ такомъ сокращенномъ видѣ передается въ подлинномъ житіи этотъ текстъ въ посланіи къ Ефесянамъ VI, 12: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ.*

2) Жизнь Святаго Антонія, глава XXXVII.

неописуема нужда, какую потерпитъ тогда отъ неисчетнаго множества тьмами окружающихъ ее враговъ, клевещущихъ на нее, чтобы не дать ей взойдти на небо, поселиться во свѣтѣ живыхъ, вступить въ страну жизни. Но святые ангелы, взявъ душу, отводятъ ее [1])».

Св. Макарій Великій поучаетъ: «Когда человѣческая душа исходитъ изъ тѣла, совершается великое нѣкое таинство. Ибо, если она виновна во грѣхахъ, то приходятъ полчища демоновъ, злыя ангелы и темныя силы, берутъ сію душу и увлекаютъ ее на свою сторону. Сему никто не долженъ удивляться. Ибо, если человѣкъ, будучи еще живъ, находясь еще въ семъ мірѣ, покорился, предался и поработился имъ, то не болѣе ли они будутъ обладать имъ и порабощать его, когда онъ выйдетъ изъ сего міра? Что касается до другой, лучшей части людей, то съ ними происходитъ инакимъ образомъ. То есть, при святыхъ рабахъ Божіихъ и еще въ сей жизни находятся ангелы, духи святые окружаютъ ихъ и хранятъ. А когда души ихъ разлучатся съ тѣломъ, то лики ангеловъ принимаютъ ихъ въ свое общество, въ свѣтлую жизнь, и такимъ образомъ приводятъ ихъ къ Господу» [2]).

Св. Іоаннъ Златоустъ, сказавъ, что умирающій, хотя бы былъ великимъ властелиномъ на землѣ, объемлется смущеніемъ, страхомъ, недоумѣніемъ, когда *увидитъ страшныя власти ангельскія и противныя силы пришедшія*, чтобъ разлучить душу отъ тѣла,—присовокупляетъ: «Тогда

[1]) Слово на почившихъ о Христѣ, въ Твор. Св. Отц. XV, 269, 270, 271. То же ученіе выражаетъ св. Ефремъ и въ Словѣ „объ утверждающихъ, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ" (въ Твор. Св. Отц. XV, 115—116) и въ своемъ «Завѣщаніи» (Христ. чт. 1827, XXVII, 275, 285, 292).

[2]) Бесѣды о двоякомъ состояніи отшедшихъ изъ сей жизни, въ Христ. Чт. 1828, XXXI, 113—114.

нужны намъ многія молитвы, многіе помощники, многія добрыя дѣла, великое заступленіе отъ ангеловъ при шествіи чрезъ воздушное пространство. Если, путешествуя въ чужую страну или чужой городъ, мы нуждаемся въ путеводителѣ, то сколько нужнѣе намъ путеводители и помощники для руководства насъ мимо невидимыхъ старѣйшинствъ, и властей, и міродержителей этого воздуха, называемыхъ и гонителями, и мытарями, и сборщиками податей!»—Отъ лица почившихъ христіанскихъ младенцевъ св. Златоустъ такъ витійствуетъ и богословствуетъ: «Насъ святые ангелы мирно разлучили отъ тѣла, и мы свободно миновали старѣйшинства и властей воздушныхъ. Мы имѣли благонадежныхъ руководителей. Лукавые духи не нашли въ насъ того, чего искали; не увидѣли того, что желали бы увидѣть. Увидѣвъ тѣло неоскверненное они посрамились; увидѣвъ душу чистую, чуждую злобы, они устыдились; не нашли они въ насъ словъ порочныхъ и умолкли. Мы прошли и уничижили ихъ; мы прошли сквозь нихъ и попрали ихъ; *сѣть сокрушися, и мы избавлени быхомъ. Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ* (Псал. CXXIII, 7, 6). Когда это совершилось, руководившіе насъ ангелы возрадовались; они начали лобызать насъ, оправданныхъ, и говорятъ въ веселіи: агнцы Божіи! ублажаемъ ваше пришествіе сюда: отверзся вамъ прародительскій рай; предоставлено вамъ лоно Авраама. Пріяла васъ десная рука Владыки, призвалъ Его гласъ въ десную часть. Благосклонными очами воззрѣлъ Онъ на васъ, въ книгу жизни вписалъ Онъ васъ. И сказали мы: Господи, праведный судія! Ты лишилъ насъ благъ земныхъ,—не лиши небесныхъ. Ты отлучилъ насъ отъ отцовъ и матерей,—не отлучи отъ святыхъ Твоихъ. Знаменія крещенія сохранились цѣлыми на насъ; тѣло наше мы представляемъ Тебѣ чистымъ, по причинѣ младенчества на-

шего» [1]). И еще: «Или не знаете, какъ возмущаютъ душу грѣхи въ день кончины? Какъ волнуютъ сердце? Въ сіи-то минуты воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ, подобно ведру во время бури, успокоиваетъ смущенную душу. Ибо если будемъ бодрствовать, то сей страхъ неразлученъ будетъ съ нами еще и въ жизни; когда же останемся безчувственными, то онъ, безъ сомнѣнія, предстанетъ тогда, когда будемъ разлучаться съ сею жизнію. Ибо и узникъ тогда наипаче скорбитъ, когда выводятъ его на судъ; тогда наипаче трепещетъ, когда приближается къ судилищу, когда долженъ онъ дать отчетъ. Посему много услышишь разсказовъ объ ужасахъ при послѣднемъ концѣ и страшныхъ явленіяхъ, которыхъ самый видъ нестерпимъ для умирающихъ, такъ что лежащіе на одрѣ съ великою силою потрясаютъ оный и страшно взираютъ на предстоящихъ, тогда какъ душа силится удержаться въ тѣлѣ и не хочетъ разлучиться съ нимъ, ужасаяся видѣнія приближающихся ангеловъ. Ибо если мы, смотря на страшныхъ людей, трепещемъ, то какое будетъ наше мученіе, когда увидимъ приближающихся ангеловъ грозныхъ и неумолимыя силы, когда они душу нашу повлекутъ и будутъ отторгать отъ тѣла, когда много будетъ она рыдать, но вотще и безъ пользы!» [1]).

То же самое излагаютъ, болѣе или менѣе подробно, *св. Григорій Нисскій* (о крещеніи), *св. Епифаній* (о ересяхъ LXXV), *Евсевій Кесарійскій* (Demonstr. Evangel. III, 5; Praeparat. Evang. XI, 20), *Палладій Еленопольскій* (Лавсаикъ гл. 24, стр. 89—90. Спб. 1850 г.), *Макарій Александрійскій* (Слово о исходѣ души, въ Христ. Чт. 1831 г., XLIII, 126—131).

[1]) Маргаритъ, Слово о терпѣніи и благодареніи и о томъ, чтобъ мы не плакали неутѣшно о умершихъ. Слово это положено читать въ седьмую субботу по Пасхѣ и при погребеніи каждаго усопшаго.

[1]) На Евангелиста Матѳея бесѣды LIII, часть 2-я, стр. 414—415. Москва 1839 года.

Св. Василій Великій въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «*Никто же да не льститъ себе суетными словесы* (Ефес. V, 6). Ибо *внезапу нападетъ* на тебе *всегубительство* (1 Сол. V, 3) и постигнетъ переворотъ, подобно бурѣ. Пріидетъ угрюмый ангелъ, насильно поведетъ и повлечетъ душу твою, связанную грѣхами, часто обращающуюся къ тому, что оставляетъ здѣсь, и рыдающую безгласно, потому что уже сомкнулось орудіе плача» [1]). А въ другомъ мѣстѣ: «Займись же размышленіемъ о послѣднемъ днѣ) ибо безъ сомнѣнія, не будешь ты одна жить вѣчно); представь себѣ смятеніе, сокращеніе дыханія и часъ смертный, приближающійся Божій приговоръ, поспѣшающихъ ангеловъ, душу въ страшномъ при этомъ смущеніи, немилосердо мучимую грѣшною совѣстію, обращающую жалостные взоры на тамошнее, наконецъ—неотвратимую необходимость дальняго онаго преселенія» [2]).

Евсевій, епископъ галликанскій, поучаетъ: «Предъ разрѣшеніемъ отъ тѣла поздно будетъ душѣ раскаяваться въ своихъ беззаконіяхъ. Увы! что будетъ съ нею, когда виновники смерти (злые духи) начнутъ влачить ее по обширному воздушному пространству и водить темными путями?» [3]).

Преподобный *Симеонъ, Христа ради юродивый*, достигшій высоты христіанскаго совершенства, повѣдая сотаиннику своему, діакону Іоанну, о приближающейся своей кончинѣ и великомъ воздаяніи на небѣ, возвѣщенныхъ ему откровеніемъ свыше, говорилъ: «Ничего не знаю въ себѣ

[1]) Бесѣды побудительныя къ принятію крещенія, въ Твор. Св. Отц. VIII, 241.

[2]) Письмо 43-е къ падшей дѣвѣ, тамъ же X, 139.

[3]) Homil. 1 ad monach., in Biblioth. P.P. T. VII, p. 656.

такого, что было бы достойно небеснаго воздаянія, развѣ восхощетъ Господь помиловать меня туне Своею благодатію. Зная, что и ты скоро будешь взятъ отсюда; почему позаботься, сколько у тебя силы, о душѣ твоей, да возможешь безбѣдственно пройдти чрезъ область воздушныхъ духовъ и избѣгнуть лютой руки князя тьмы. Вѣдаетъ Господь мой, что и я одержимъ большою печалію и великимъ страхомъ, доколѣ не миную эти грозныя мѣста, на которыхъ истязуются всѣ дѣла и слова человѣческія»[1]).

Блаженный Іоаннъ Милостивый, патріархъ Александрійскій, постоянно бесѣдовалъ о смерти и объ исходѣ души отъ тѣла, какъ ему о томъ открыто было преподобнымъ Симеономъ Столпникомъ. «Когда душа выйдетъ изъ тѣла и начнетъ восходить къ небу, ее встрѣчаютъ лики бѣсовъ и подвергаютъ многимъ затрудненіямъ и истязаніямъ. Они истязуютъ ее во лжи, клеветѣ, ярости, зависти, гнѣвѣ, памятозлобіи, гордости, срамословіи, непокорствѣ, лихвѣ, сребролюбіи, пьянствѣ, объяденіи, злопомнѣніи, волхвованіи, братоненавидѣніи, убійствѣ, воровствѣ, немилосердіи, блудѣ, прелюбодѣяніи. Во время шествія души отъ земли къ небу самые святые ангелы не могутъ помочь ей: помогаютъ ей единственно ея покаяніе, ея добрыя дѣла, а болѣе всего милостыня. Если не покаемся въ какомъ грѣхѣ здѣсь по забвенію, то милостынею можемъ избавиться отъ насилія бѣсовскихъ мытарствъ. Братія! вѣдая это, убоимся горькаго часа встрѣчи съ суровыми и немилостивыми мытарями, часа, въ который придемъ въ недоумѣніе, что отвѣчать намъ истязателямъ нашимъ. Нынѣ покаемся во всѣхъ грѣхахъ нашихъ, дадимъ по силѣ нашей милостыню, могущую проводить насъ отъ земли на небо и избавить отъ задержанія бѣсами. Велика ихъ ненависть къ

[1]) См. Четьи-Минеи 21-го іюля.

намъ, великій страхъ ожидаетъ насъ на воздухѣ, великое бѣдствіе»[1]).

Преподобный Максимъ Исповѣдникъ говоритъ въ своемъ посланіи къ Кувикуларію: «Кто изъ подобныхъ мнѣ, оскверненный нечистотою грѣховъ, не убоится присутствія святыхъ ангеловъ, которые имѣющаго отъити изъ сей жизни, по повелѣнію Божію, силою, гнѣвно и противъ воли его, изгонятъ изъ тѣла? Кто, сознавая за собою злыя дѣла, не убоится встрѣчи жестокихъ и немилосердыхъ лукавыхъ бѣсовъ»[2])?

«Душа, возлетѣвши по смерти на воздухъ къ вратамъ небеснымъ,—говоритъ *святый Исихій*,—имѣя съ собою и въ себѣ Христа, и тамъ не устрашится враговъ своихъ, но мужественно, какъ и нынѣ, будетъ отвѣчать имъ во вратахъ. Только да не ослабѣетъ она до исхода своего вопить день и ночь къ Господу Іисусу Христу. Онъ отмститъ за нее вскорѣ, по неложному и божественному Его обѣщанію, выраженному въ притчѣ о судіѣ неправедномъ. Точно, говорю вамъ, отмститъ и въ настоящей жизни, и по исшествіи души изъ тѣла.—Найдетъ на насъ часъ смерти, придетъ онъ и избѣгнуть его будетъ невозможно. О, еслибы князь міра и воздуха, долженствующій тогда встрѣтить насъ, нашелъ наши беззаконія ничтожными и незначительными и не могъ обличить насъ правильно! Въ противномъ случаѣ, восплачемся безполезно. *Рабъ*, говоритъ Писаніе, *вѣдавшій волю господина своего и не исполнившій ея, біенъ будетъ много* (Лук. XII, 47, 48). Не видитъ свѣта родившійся слѣпымъ: такъ и не пребывающій въ трезвѣніи не видитъ богатаго сіянія высшей благодати и не освобо-

[1]) Слово о исходѣ души, въ Прологѣ подъ 29-мъ числомъ октября, листъ 211 на оборотѣ.

[2]) Epist. ad Cubicularium, in Biblioth. PP. T. XXVI, p. 581.

дится отъ лукавыхъ и богоненавистныхъ дѣлъ, словъ и помышленій. Таковый, при кончинѣ своей, не свободно минуетъ тартарскихъ князей» [1]).

Преподобный Исаія Отшельникъ въ завѣщаніи ученикамъ своимъ заповѣдалъ «ежедневно имѣть предъ очами смерть и заботиться о томъ, какъ совершить исходъ изъ тѣла и какъ пройдти мимо властей тьмы, имѣющихъ встрѣтить насъ на воздухѣ» (Слово I). Въ XVI Словѣ онъ говоритъ: «Помысли, какова радость души предавшаго себя въ служеніе Богу и совершившаго это служеніе! При исшествіи его изъ этого міра, дѣла его будутъ подвизаться за него: ангелы, увидѣвъ его избавившимся отъ властей тьмы, возрадуются о немъ. Когда душа выйдетъ изъ тѣла, ей сопутствуютъ ангелы; навстрѣчу ей выходятъ темныя силы, желая удержать ее, и истязуя, не найдутъ-ли въ ней чего своего. Тогда не ангелы противоборствуютъ врагамъ, но дѣла, совершенныя душою, ограждаютъ ее и сохраняютъ отъ враговъ, не допуская имъ прикоснуться къ ней. Если побѣдятъ дѣла ея, то ангелы воспѣваютъ ей пѣснь хвалы и ведутъ ее съ веселіемъ предъ лице Божіе. Въ тотъ часъ она забываетъ все, принадлежащее къ земной жизни, и всѣ понесенные ею труды. Со всѣмъ тщаніемъ и усиліемъ постараемся во время сего краткаго вѣка дѣлать добро и сохранять его неприкосновеннымъ для зла, чтобъ было намъ возможно спастись отъ рукъ князей, уже ожидающихъ насъ: они лукавы и немилостивы. Блаженъ тотъ, въ комъ не найдется чего-либо, принадлежащаго имъ: его радость, веселіе, покой и вѣнецъ превыше всякой мѣры» (Добротолюбіе, часть 1-я).

«Опомнись, душа моя,—умилительно обращается Скитскій инокъ Евагрій къ самому себѣ,—и помысли, какъ вынесешь внезапное разлученіе свое отъ тѣла, когда грозные ангелы придутъ за тобою и восхитятъ тебя въ часъ, въ который ты не ожидаешь, и во время, о которомъ ты не знаешь! Какія дѣла пошлешь ты предъ собою на воздухъ, когда начнутъ истязывать тебя о дѣлахъ твоихъ враги твои, находящіеся въ воздухѣ» (Прологъ, 27 октября).

[1]) Слово св. Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, о трезвѣніи, главы 149, 161 и 4. Добротолюбіе, ч. 2-я.

Ученіе о мытарствахъ находимъ также у *Іоанна Лѣствичника, преп. Ѳеодосія Печерскаго* [1]), *св. Кирилла Туровскаго* [2]), *Марка Ефесскаго, Гавріила Филадельфійскаго, св. Дмитрія Ростовскаго* [3]) и у другихъ.

Затѣмъ ученіе о мытарствахъ вошло въ жизнеописанія Святыхъ и въ священныя пѣсни и молитвы, употребляемыя православною Церковію.

Святый великомученикъ Евстратій, претерпѣвъ страшныя пытки и мученія и совершивъ дивныя чудеса, предъ принятіемъ смертной казни за непоколебимое исповѣданіе Христа, вознесъ къ Богу молитву, въ которой сперва возблагодарилъ Его за то, что Онъ призрѣлъ на него и даровалъ во время земныхъ страданій побѣдить невидимаго врага, діавола, потомъ, переходя къ предстоящему разлученію души его съ тѣломъ, говоритъ: «Смутилась и возболѣзновала душа моя, при исхожденіи своемъ изъ окаяннаго и сквернаго тѣла. Чтобъ не уловилъ ее въ чемъ лукавый супостатъ и не извергъ во тьму за невѣдомые и вѣдомые

[1]) На смертномъ одрѣ онъ такъ молился Господу Іисусу: „Владыко мой! Милостивъ буди души моей, да не срящетъ ю противныхъ духовъ лукавство, но да пріимутъ ангели Твои, проводящіи чрезъ темная мытарства, приводящіи-же къ свѣту Твоего милосердія" (Четьи-Минеи, 3-го мая).

[2]) Онъ раскрываетъ ученіе о мытарствахъ очень подробно (Памятн. Россійской словесности XII вѣка, стр. 92. Москва 1821 года.

[3]) „Егда пріидетъ страшный часъ разлученія души моея отъ тѣла, тогда, Искупителю мой, пріими ю въ руцѣ Твои и сохрани отъ всѣхъ бѣдствій ненавѣтну, и да не узритъ душа моя мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да спасена прейдетъ вся мытарства" (Собраніе сочиненій, ч. I, стр. 179).

грѣхи, содѣланные мною во время сей жизни, Владыко! будь милостивъ ко мнѣ, и да не узритъ душа моя мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да примутъ ее ангелы Твои свѣтлые и пресвѣтлые. Да будетъ слава святому имени Твоему, и Твоею силою возведи меня на божественное Твое судилище. Когда буду судиться, да не восхититъ меня рука князя міра сего для ввержения меня, грѣшнаго, въ глубину ада; но предстань мнѣ и будь Спасителемъ и Защитникомъ моимъ. Тѣлесныя-же эти мученія суть увеселенія для рабовъ Твоихъ» [1]).

Подобнымъ образомъ и святый великомученикъ Георгій, поправшій благодатію Христовою всѣ ужаснѣйшія мученія, изобрѣтенныя злобою мучителей, воскресившій предъ очами ихъ мертвеца, низвергшій идоловъ единымъ именемъ Господнимъ, когда пришелъ на мѣсто казни, излилъ такую предсмертную молитву: «Благословенъ Господь Богъ мой, не предавшій меня въ челюсти ловцевъ моихъ, не возвеселившій о мнѣ враговъ моихъ и избавившій душу мою, какъ птицу отъ сѣти ловцевъ! Владыко! и нынѣ услышь меня: предстань мнѣ въ сей часъ моей кончины и избавь душу мою отъ козней воздушнаго князя, этого ужаснаго противоборца и его нечистыхъ духовъ. Не поставь въ грѣхъ согрѣшившимъ противъ меня въ невѣдѣніи, но Твое прощеніе и любовь даруй имъ, да и они, познавъ Тебя, получатъ часть съ избранными Твоими во царствіи Твоемъ».

Великій угодникъ Божій, зритель тайнъ, св. Нифонтъ, епископъ Кипрскаго города Констанціи, стоя однажды на молитвѣ, увидѣлъ небеса отверстыми и множество ангеловъ, изъ которыхъ одни исходили на землю, а другіе восходили горѣ, вознося человѣческія души въ небесныя обители. Онъ

[1]) Св. великомученикъ Евстратій, память котораго празднуется 13-го декабря, пострадалъ при императорѣ Діоклетіанѣ. Молитва его внесена въ чинъ двонадесяти псалмовъ. См. Канонникъ Кіево-Печерскій.

началъ внимать этому зрѣлищу, и вотъ—два ангела стремились къ высотѣ, неся душу. Когда они приблизились къ блудному мытарству, вышли мытоимцы бѣсы и съ гнѣвомъ сказали: «Наша эта душа! Какъ смѣете нести ее мимо насъ, когда она наша»? Ангелы отвѣчали: «На какомъ основаніи вы называете ее вашею»?—Бѣсы сказали: «До самой смерти она грѣшила, оскверняясь не только естественными, но и чрезъ-естественными грѣхами; къ тому-же осуждала ближняго, а что всего хуже—умерла безъ покаянія. Что вы скажете на это»?—Ангелы отвѣчали: «Поистинѣ мы не повѣримъ ни вамъ, ни отцу вашему, сатанѣ, доколѣ не спросимъ ангела-хранителя этой души». Спрошенный ангелъ-хранитель сказалъ: «Точно, много согрѣшилъ этотъ человѣкъ; но только что сдѣлался боленъ, началъ плакать и исповѣдывать грѣхи свои Богу. Простилъ-ли его Богъ, о томъ Онъ вѣдаетъ. Его власть, Его праведному суду слава». Тогда ангелы, презрѣвъ обвиненіе бѣсовъ, вошли съ душою во врата небесныя.—Потомъ блаженный увидѣлъ и другую душу, возносимую ангелами. Бѣсы, выбѣжавъ къ нимъ, вопіяли: «Что носите души безъ нашего вѣдома, какъ и эту златолюбивую, блудную, сварливую, упражнявшуюся въ разбоѣ»? Ангелы отвѣчали: «Мы навѣрное знаемъ, что она, хотя и впала во все это, но плакала, воздыхала, исповѣдывалась и подавала милостыню, и потому Богъ даровалъ ей прощеніе». Бѣсы сказали: «Если эта душа достойна милости Божіей, то возьмите грѣшниковъ всего міра: намъ нечего здѣсь трудиться».—Ангелы отвѣчали имъ: «Всѣ грѣшники, исповѣдующіе со смиреніемъ и слезами грѣхи свои, примутъ прощеніе по милости Божіей, умирающихъ-же безъ покаянія судитъ Богъ». Такъ посрамивъ бѣсовъ они прошли. Опять видѣлъ Святый возносимую душу нѣкотораго боголюбиваго мужа,

чистаго, милостиваго, ко всѣмъ любовнаго. Бѣсы стояли вдали и скрежетали на эту душу зубами: ангелы-же Божіи выходили къ ней навстрѣчу изъ вратъ небесныхъ и, привѣтствуя ее, говорили: «Слава Тебѣ, Христе Боже, что Ты не предалъ ее въ руки враговъ и избавилъ ее отъ преисподняго ада»!—Также видѣлъ блаженный Нифонтъ, что бѣсы влекли нѣкоторую душу къ аду. Это была душа одного раба, котораго господинъ томилъ голодомъ и побоями и который, не стерпѣвъ томленія, удавился, будучи наученъ діаволомъ. Ангелъ-хранитель шелъ вдали и горько плакалъ, бѣсы-же радовались.—Опять видѣлъ Святый душу, несенную по воздуху ангелами и отнятую у нихъ бѣсами на четвертомъ мытарствѣ: душа эта была ввергнута въ бездну. То была душа человѣка, преданнаго блуду, волшебству и разбою и умершаго внезапно, безъ покаянія [1]).

Святая Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ возвѣщаетъ и напоминаетъ чадамъ своимъ ученіе о мытарствахъ, чтобы насѣять въ сердцахъ ихъ душеспасительный страхъ и приготовить ихъ къ безбѣдному переходу изъ временной жизни въ вѣчную.

Въ *канонѣ молебномъ ко Господу Іисусу Христу и Пресвятой Богородицѣ*, поемомъ при разлученіи души отъ тѣла всякаго православнаго, читается:

Воздушнаго князя, насильника, мучителя, страшныхъ путей стоятеля и напраснаго сихъ словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно, отходяща отъ земли» (пѣснь 4, тропарь 4).

«Убѣгнути ми варваръ безплотныхъ полки, и воздушныя бездны возникнути, и къ небеси взыти ми сподоби» (пѣснь 8, троп. 2).

[1]) См. Четьи-Минеи 23-го декабря.

«Горькаго мытарствъ начальника, міродержца, отжени далече отъ мене» (пѣснь 8, троп. 3).

На *келейномъ правилѣ*, въ молитвахъ послѣ каѳизмъ, Церковь влагаетъ въ уста молящагося слѣдующія прошенія:

«Господи мой Господи! даруй ми слезы умиленія, яко да ими Тя умолю очиститися прежде конца отъ всякаго грѣха; страшно бо и грозно мѣсто имамъ пройти, тѣла разлучився, и множество мя мрачное и безчеловѣчное демоновъ срящетъ» (по 4-й каѳизмѣ).

«Соверши мя Твоимъ совершенствомъ, и тако мя настоящаго житія изведи, да невозбранно прошедъ начала и власти тьмы, Твоею благодатію, узрю и азъ неприступныя Твоея славы доброту неизреченную» (по 17-й каѳизмѣ).

Въ молитвѣ предъ кондаками и икосами *акаѳиста Божіей матери* читается:

«О, Мати Царя небесе и земли! прощеніе всѣмъ согрѣшеніямъ моимъ испроси, житію моему подаждь исправленіе, и на кончинѣ отъ воздушныхъ враговъ немятежное прешествіе» (Акаѳисты и каноны, изданіе Кіево-Печерской Лавры).

«Мертвіи Тобою (Богоматерь) оживляются, Жизнь бо ѵпостасную родила еси: нѣміи прежде, благоглаголиви бываютъ, прокаженніи очищаются, недузи отгоняются, духовъ воздушныхъ множества побѣждаются» (4 тропарь 8 пѣсни въ акаѳистѣ Божіей Матери).

Въ *осьмогласникѣ* возсылаются слѣдующія моленія къ Божіей Матери).

«Въ часъ, Дѣво, конца моего руки бѣсовскія мя исхити, и суда, и пренія, и страшнаго истязанія, и мытарствъ горькихъ, и князя лютаго, и вѣчнаго осужденія» (пятокъ, гласъ 4, пѣснь канона 8).

«Истязанія мя, Пречистая, въ часъ смертный исхити отъ бѣсовъ» (четвертокъ, гласъ 4, пѣснь 6).

«Въ часъ, Дѣво, кончины моея руки бѣсовскія и осужденія, и отвѣта, и страшнаго испытанія, и мытарствъ горькихъ, и князя лютаго, и огня вѣчнаго исхити мя» (вторникъ, гласъ 4, пѣснь 8).

«Владычице и Мати Избавителя, Ты предстани мнѣ въ часъ исхода моего, истязуему мнѣ отъ воздушныхъ духовъ о яже несмысленною мыслію содѣяхъ» (пятокъ, гласъ 3, пѣснь 6).

«Егда плотскаго союза хощетъ душа моя разлучитися, тогда ми предстани, Владычице, и безплотныхъ враговъ совѣты раззори, и сихъ челюсти сокруши, ищущихъ пожрети мя нещадно: яко да невозбранно пройду на воздусѣ стоящія князи тьмы» (суббота, гласъ 2, пѣснь 9).

Въ «Чинѣ на разлученіе души отъ тѣла, внегда человѣкъ долго страждетъ», читается:

«Нынѣ убо время все живота моего яко дымъ претече, и предсташа прочее ангели, посланіи отъ Бога, окаянную мою душу ищуще немилостиво» (Требникъ).

«Се предсташа множество лукавыхъ духовъ, держаще моихъ грѣховъ написаніе, и зовутъ зѣло, ищуще безстудно смиренныя моея души» (тамъ же, пѣснь 1, тропари 2 и 3).

«Помилуйте мя, Ангели всесвятіи Бога и Вседержителя, и избавите мытарствъ всѣхъ лукавыхъ» (тамъ же, пѣснь 7, троп. 2).

Въ *Канонѣ Ангелу-Хранителю:*

«Да покрыетъ срамъ и студъ студная и смрадная и мрачная лица вражія, егда смиренная моя душа отъ тѣла распрягается» (Канонникъ, пѣснь 6).

«Да узрю тя одесную окаянныя души моея предстояща, внегда исчезати отъ мене нуждно духу моему, и ищуща мя пояти, горькіе враги отгоняюща» (тамъ же, пѣснь 9).

«Молю тя, хранителя моего, буди ми защититель и поборникъ непоборимъ, егда прехожду мытарства, лютаго міродержца» (пѣснь 9).

Во второй молитвѣ Святителю Николаю:

«Во исходѣ души моея помози ми, окаянному: умоли Господа, всея твари Содѣтеля, избавити мя воздушныхъ мытарствъ и вѣчнаго мученія» (Акаѳисты и каноны, изданіе Кіево-Печерской Лавры).

Прошеніе объ избавленіи воздушныхъ мытарствъ помѣщено также въ молитвѣ Преподобному Сергію Радонежскому и въ молитвахъ другимъ Святымъ.

в) Основанія для ученія о мытарствахъ въ Священномъ Писаніи.

«Такое непрерывное, всегдашнее и повсемѣстное употребленіе въ Церкви ученія о мытарствахъ, особенно же между учителями четвертаго вѣка, непререкаемо свидѣтельствуетъ, что оно передано имъ отъ учителей предшествовавшихъ вѣковъ и основывается на преданіи апостольскомъ» [1]), что оно, иначе говоря, основывается на Священномъ Писаніи и вполнѣ согласно съ нимъ.

Во-первыхъ, по изложенному нами ученію о мытарствахъ, къ людямъ умирающимъ, при разлученіи ихъ души отъ тѣла, являются ангелы Божіи и духи истязатели. И Самъ Спаситель въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ замѣчаетъ: *Умеръ нищій и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово* (1 Лук. XVI, 22). А въ притчѣ о человѣкѣ, у котораго былъ хорошій урожай, и который разсчитывалъ пожить

---

[1]) Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*. Томъ II, § 250, стр. 535. Изд. 4-е, 1883 г.

въ довольствѣ и веселіи, Богъ говоритъ этому человѣку: *Безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя* (Лук. XII, 20),—возьмутъ, *истяжутъ* (по славянскому тексту), какъ всего справедливѣе думать, духи недобрые. Св. Іоаннъ Златоустъ разсуждаетъ: «Лазаря отвели тогда ангелы. Напротивъ душу онаго (богача) взяли страшныя нѣкія силы, можетъ быть, посланныя для этого; ибо душа не сама собою отходитъ къ оной жизни, потому что это и невозможно. Если мы, переходя изъ города въ городъ, имѣемъ нужду въ руководителѣ, то кольми паче нуждаться будетъ въ путеводителяхъ душа, исторгнутая изъ тѣла и представляемая къ будущей жизни. Посему-то она, отлетая отъ тѣла, часто то возникаетъ, то ниспускается, и боится, и трепещетъ. Ибо сознаніе грѣховъ и всегда мучитъ насъ, но особенно въ тотъ часъ, когда предстоитъ намъ быть отведенными на тамошнія истязанія и страшное судилище» [1]).

Кромѣ того Свящ. Писаніе учитъ, что ангелы вообще *суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе* (Евр. I, 14), что они заботятся о насъ впродолженіе всей нашей жизни (Псал. XC, 10, 11), суть наши неотлучные пѣстуны, руководители, особенно ангелъ-хранитель, даваемый каждому при крещеніи (Мат. XVIII, 10. Псал. XXXIII, 8). Послѣ этого очень естественно, что эти добрые духи не оставляютъ насъ своею помощію и въ тяжкія минуты смерти, что они не отказываются сопутствовать нашей душѣ, руководить и поддерживать ее и въ продолженіе страшнаго, вовсе неизвѣстнаго ей, перехода изъ настоящей жизни въ предѣлы вѣчности. Съ другой стороны Свящ. Писаніе учитъ, что вся дѣятельность злыхъ духовъ направлена по-

[1]) Бесѣда къ Антіохійскому народу III, о Лазарѣ II.

стоянно къ нашей погибели (Ефес. VI, 12, 2 Тим. II, 26, 1 Сол. III, 5), что *противникъ* нашъ *діаволъ*, съ своими клевретами, *ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1 Петр. V, 8). Не слѣдуетъ ли ожидать, что онъ не упуститъ удобнаго случая сдѣлать, если возможно, что либо къ погибели нашей души и въ минуты разлученія ея съ тѣломъ?

Во-вторыхъ, въ ученіи о мытарствахъ говорится, что, по разлученіи отъ тѣла, душа человѣка, совершая свой путь въ высшій міръ чрезъ воздушныя пространства, постоянно встрѣчаетъ здѣсь падшихъ духовъ. И слово Божіе свидѣтельствуетъ, что воздухъ какъ бы наполненъ *духами злобы поднебесной* (Ефес. VI, 12),—наполненъ, разумѣется, не тѣлесно, или вещественно, а духовно [1]), что князь ихъ есть князь *власти воздушной* (Ефес. II, 2) и что слѣдовательно душа человѣческая, едва только исходитъ изъ тѣла, неизбѣжно вступаетъ въ ихъ область.

Въ-третьихъ, ученіе о мытарствахъ говоритъ, что эти темные духи, какъ мытари-истязатели, останавливаютъ душу во время пути ея къ небу на разныхъ мытарствахъ, припоминаютъ ей постепенно разные виды ея грѣховъ и всячески стараются осудить ее, между тѣмъ какъ добрые ангелы, сопутствующіе душѣ, въ то-же время припоминаютъ противоположныя грѣхамъ добрыя дѣла ея и заботятся объ оправданіи ея. Такая дѣятельность духовъ злобы очень

[1]) «Есть и мысленное мѣсто, въ которомъ бываетъ нами представляема и существуетъ природа мысленная и безтѣлесная. Въ немъ она находится, дѣйствуетъ и содержится не тѣлесно, а мысленно; ибо не имѣетъ очертанія, чтобы могла быть содержима тѣлесно... Ангелъ, хотя не заключается въ мѣстѣ тѣлеснымъ образомъ, такъ чтобы имѣлъ наружное очертаніе и видъ, однако и ему приписывается бытіе на мѣстѣ, потому что онъ тамъ присутствуетъ духовно и тамъ дѣйствуетъ по своей природѣ и не находится въ другомъ мѣстѣ, но тамъ и имѣетъ мысленное очертаніе, гдѣ дѣйствуетъ» (*Св. Іоанна Дамаскина*. Точное изложеніе православной вѣры, кн. I, гл. 13, стр. 42—43).

естественна: они не могутъ не знать и не помнить всѣхъ нашихъ грѣховъ, не могутъ не употреблять, при представляющемся случаѣ, всѣхъ усилій, чтобы осудить насъ, когда, по ученію Свящ. Писанія, они суть постоянные наши искусители и соучастники во всѣхъ нашихъ беззаконіяхъ (1 Сол. III, 5, 1 Іоан. III, 8) и стремятся къ одной цѣли—лишить насъ вѣчнаго спасенія (Лук. VIII, 12, 1 Петр. V, 8). Столько же естественна и благотворная для насъ дѣятельность добрыхъ ангеловъ, которые, будучи нашими наставниками во всякомъ добрѣ и руководителями къ вѣчному спасенію (Евр. I, 14), безъ сомнѣнія, и знаютъ наши добрыя дѣла, и, по любви своей, не могутъ не содѣйствовать нашему оправданію.

Наконецъ, *въ четвертыхъ*, въ ученіи о мытарствахъ представляется, что Богъ не Самъ непосредственно творитъ судъ частный надъ душею человѣка, по разлученіи ея съ тѣломъ, а попускаетъ истязать ее духамъ злобы, какъ бы орудіямъ Своего грознаго правосудія, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребляетъ въ орудія Своей благости ангеловъ добрыхъ. Но если и при кончинѣ міра, когда Господь явится во всей славѣ Своей, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ, Онъ не Самъ непосредственно будетъ совершать все, относящееся къ суду, а *пошлетъ ангеловъ Своихъ,* которые *соберутъ изъ царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе, и ввергнутъ ихъ въ печь огненную* (Матѳ. XIII, 41, 42; см. XXIV, 31),—что удивительнаго, если и судъ частный Онъ совершаетъ не непосредственно, а чрезъ духовъ Ему служебныхъ, разумѣется, присутствуя при этомъ невидимо и Самъ, какъ вездѣсущій. Равнымъ образомъ, если извѣстно, что до всеобщаго суда, когда и падшіе духи получатъ окончательно мзду свою (Іуд. 6), Богъ попускаетъ имъ вообще дѣйствовать противъ человѣка (Іов. I, 12, 1 Петр. V, 9) и иногда употребляетъ ихъ еще на землѣ

въ орудія Своего праведнаго гнѣва противъ грѣшниковъ, какъ *ангеловъ лютыхъ* (Псал. LXXVII, 49, 1 Кор. V, 5),—что удивительнаго, если Онъ попускаетъ имъ быть такими же орудіями правды Его и во время частнаго суда надъ душами человѣческими, употребляя въ то-же время орудіями благости Своей ангеловъ добрыхъ [1]).

г) Святаго Отца нашего Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, Слово о исходѣ души и страшномъ судѣ [2]).

Боюсь смерти, потому что она горька. Трепещу геенны безконечной. Ужасаюсь тартара. не имѣющаго въ себѣ теплоты. Боюсь тьмы, лишенной и слабаго мерцанія свѣта. Трепещу червя, который будетъ нестерпимо угрызать и угрызеніямъ котораго не будетъ конца. Трепещу немилостивыхъ ангеловъ, которые будутъ присутствовать на судѣ. Ужасъ объемлетъ меня, когда размышляю о днѣ страшнаго и нелицепріятнаго суда, о престолѣ грозномъ, о Судіѣ праведномъ. Страшусь рѣки огненной, которая течетъ предъ престоломъ и кипитъ ужасающимъ пламенемъ острыхъ мечей. Боюсь мученій непрерывныхъ. Трепещу казней, не имѣющихъ конца. Боюсь мрака. Боюсь тьмы кромѣшной. Боюсь узъ, которыя никогда не разрѣшатся,—скрежета зубовъ, плача безутѣшнаго, неминуемыхъ обличеній.

Судія праведный не потребуетъ ни доносителей, ни свидѣтелей, не будетъ нуждаться въ постороннихъ показаніяхъ или уликахъ; но все, что мы ни сдѣлали, о чемъ ни говорили, о чемъ ни думали, все обнаружитъ предъ очами насъ грѣшныхъ. Тогда никто не будетъ ходатайствовать за насъ, никто не освободитъ отъ мученія—ни отецъ, ни мать, ни

[1]) Заимствовано изъ Православно-Догматическаго Богословія *Макарія.* Томъ II, § 250.

[2]) Это Слово, излагающее сущность ученія о мытарствахъ, печатается обыкновенно при *Слѣдованной Псалтири.* Приводимъ его все сполна, ради его глубоко-назидательнаго характера.

дочь, ни другой кто-либо изъ родственниковъ, ни сосѣдъ, ни другъ, ни благодѣтель, и ничто не избавитъ—ни раздача имѣній, ни множество богатства, ни гордость могущества: все это какъ прахъ—въ прахъ обратится. И подсудимый одинъ будетъ ожидать приговора, который или освободитъ его отъ мученій или осудитъ на вѣчныя мученія, смотря по дѣламъ.

О горе мнѣ, горе мнѣ! Совѣсть будетъ обличать меня. Писанія будутъ свидѣтельствовать противъ меня и уличать меня. О душа, дышавшая сквернами, съ гнусными дѣлами твоими! Увы мнѣ! Я растлилъ тѣлесный храмъ и опечалилъ Духа Святаго. О Боже! истинны дѣла Твои и неизслѣдованны судьбы Твои! Ради временнаго грѣховнаго наслажденія—вѣчно мучусь, ради плотской сладости—предаюсь огню. Праведенъ судъ Божій: потому что когда меня призывали, я не слушался; учили,—не обращалъ вниманія; доказывали мнѣ,—я пренебрегалъ. Читанному и узнанному я не давалъ вѣры, но находилъ для себя лучшимъ оставаться въ небреженіи, лѣности и унынiи, препровождая время въ пустыхъ шатаньяхъ и бесѣдахъ, и наслаждался и насыщался суетою и бурями мірскими; въ радостяхъ и веселіи мірскомъ провелъ всѣ годы; мѣсяцы и дни моей жизни, трудился, подвизался, страдалъ въ пустыхъ заботахъ о временномъ, тлѣнномъ и земномъ.

Но какому страху и трепету подвергнется душа, какая предлежитъ ей борьба и чѣмъ она должна запастись на неминуемое время разлученія ея отъ тѣла,—на это я не обращалъ и вниманія и не подумалъ во время. Ибо при исходѣ души окружаютъ насъ съ одной стороны воинства и силы небесныя, съ другой—начальники тьмы, силы вражескія, содержащія въ своей власти міръ лукавый, начальники мытарствъ, воздушные истязатели и надзиратели за нашими дѣлами, съ ними и исконный человѣкоубійца діаволъ,

сильный въ злобѣ своей, котораго языкъ, по слову пророка, какъ острая бритва (Псал. LI, 4), стрѣлы сильнаго изощрены съ горящими углями (Псал. CXIX, 4), и который сидитъ въ засадѣ и подстерегаетъ въ потаенномъ мѣстѣ, какъ левъ въ логовищѣ (Псал. IX, 29—30), великій змѣй, отступникъ, адъ, разверзающій уста свои, князь власти тьмы, имѣющій державу смерти, который особымъ нѣкіимъ образомъ судитъ душу, представляя и исчисляя всѣ грѣхи и беззаконія, сдѣланные нами дѣломъ, словомъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, отъ юности до дня кончины, когда душа вземлется на истязанія.

Воображаешь ли, душа моя, какой страхъ и ужасъ объиметъ тебя въ тотъ день, когда увидишь страшныхъ, дикихъ, жестокихъ, немилостивыхъ и безстыдныхъ демоновъ, которые будутъ стоять предъ тобою, какъ мрачные мурины! Одно видѣніе ихъ ужаснѣе всякихъ мукъ. Смотря на нихъ душа смущается, приходитъ въ волненіе, метается, старается укрыться чтобы не видѣть ихъ, прибѣгая къ ангеламъ Божіимъ.

Душа, поддерживаемая и возвышаемая ангелами, проходя воздушныя пространства, на пути своемъ встрѣчаетъ мытарства—какъ бы отдѣльныя группы духовъ, которые наблюдаютъ надъ восхожденіемъ душъ, удерживаютъ и препятствуютъ восходящимъ. Каждое мытарство, какъ особое отдѣленіе духовъ, представляетъ душѣ свои особенные грѣхи. Первое мытарство духовъ—оглаголанія и чревнаго неистовства. На немъ представляются духами грѣхи, въ которыхъ душа согрѣшила словомъ, каковы: ложь, клевета, заклятія, клятвопреступленія, празднословіе, злословіе, пустословіе, кощунства, ругательства. Также и грѣхи чревобѣсія: блудодѣянія, пьянство, безмѣрные смѣхи, нечистыя и непристойныя цѣлованія, блудныя пѣсни. Святые ангелы, которые наставляли и руководили душу въ добрѣ, напротивъ обна-

руживают то, что она говорила добраго устами и языком: указывают на молитвы, благодаренія, пѣніе псалмов и духовных пѣсней, чтеніе Писаній,—словом, выставляют все то, что мы устами и языком принесли в благоугожденіе Богу. Второе мытарство—духов лести и прелести к видѣнію очей. Они износят то, чѣм страстно поражалось наше зрѣніе, что приглядно было для глаз, и привлекают к себѣ пристрастных к непристойному взиранію, к непотребному любопытству и к необузданному воззрѣнію. Третье мытарство—духов нашептывателей к чувству слуха, или просто наушников. Все, что лестно раздражает наш слух и страстно услаждает нас, в их вѣдѣніи, и они все то пріемлют от любителей слушать и хранят. Четвертое мытарство—стражников над прелестью обонянія: все, что страстно обращается к услажденію чувства обонянія, как-то—благовонные экстракты из растеній и цвѣтов, так называемые «духи», масти, обыкновенно употребляемыя на прельщеніе блудными женщинами,—все это содержится стражниками этого мытарства. Пятое мытарство сторожит то, что сдѣлано лукаваго и непотребнаго осязаніем рук. Прочія мытарства—мытарство злобы, зависти и ревности, тщеславія и гордости, раздражительности и гнѣва, острожелчія и ярости, блуда и прелюбодѣйства, также убійства и чародѣянія и прочих дѣяній богомерзких и скверных, о которых на сей раз не говорим подробно, потому что разскажем в другое время в правильном порядкѣ, так как всякая душевная страсть и всякій грѣх имѣет своих представителей и истязателей.

Видя все это и еще большее и гораздо худшее, душа ужасается, трепещет и метается, доколѣ не принесен будет приговор освобожденія. Как тягостен, болѣзнен, плачевен и безутѣшен этот час ожиданія—что будет?

Божественныя силы стоят против нечистых духов и приносят добрыя дѣянія души—дѣлами, словами, помышленіями, намѣреніями и мыслями. Между добрыми и злыми ангелами стоит душа в страхѣ и трепетѣ, пока от дѣяній—слов и дѣл своих, или подвергшись осужденію, будет связана или оправданная, освободится; ибо всякій свяжется узами собственных своих грѣхов. И если душа окажется достойною, по благочестивой и богоугодной жизни в сем вѣкѣ, то принимают ее ангелы Божіи, и уже без печали совершает она свое шествіе, имѣя спутниками святыя силы, как говорит Писаніе: *яко веселящихся всѣх жилище в Тебѣ* (Псал. LXXXVI, 7). И исполняется написанное: *отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе* (Исаіи XXXV, 10). Душа, освободившись от лукавых, злых и страшных духов, наслѣдует эту неизглаголанную радость. Если же какая душа окажется жившею в небреженіи и блудѣ, то услышит ужасный оный глас: *да возмется нечестивый, да не узрит славы Господни* (Исаіи XXVI, 10). И наступят для нея дни гнѣва, скорби, нужды и тѣсноты, дни тьмы и мрака. Святые ангелы оставляют ее, и она подвергается власти мрачных демонов, которые, муча ее немилосердно, низводят в землю и разсѣкши ее ввергают связанною неразрѣшимыми узами в землю темную и мрачную, в низменныя ея части, в преисподнія узилища, в темницы ада, гдѣ заключены души от вѣка умерших грѣшников, *в землю темну и мрачну, в землю тьмы вѣчныя, идеже нѣсть свѣта, ниже видѣти живота человѣческаго* (Іов. X, 21, 22), как говорит Іов,—но гдѣ пребывает вѣчная болѣзнь, безконечная печаль, непрестанный плач, неумолкающій скрежет зубов и непрерываемыя воздыханія. Там горе, горе всегдашнее. Увы мнѣ, увы мнѣ! восклицают—и нѣт помощника, вопіют—и никто

не избавляетъ. Невозможно пересказать той крайней нужды жалостнаго состоянія, языкъ отказывается выразить болѣзни и страданія тамъ находящихся и заключенныхъ душъ. Никто изъ людей не можетъ раскрыть страха и ужаса, никакія уста человѣческія не въ состояніи высказать бѣду и тѣсноту заключенныхъ. Стенаютъ они всегда и непрестанно и нѣтъ милующаго; зовутъ,—и никто не слышитъ; рыдаютъ,— и никто не утѣшаетъ, никто нейдетъ на помощь; взываютъ и крушатся,—но никто не оказываетъ милости и состраданія.

Тогда—гдѣ слава міра сего? Гдѣ тщеславіе? Гдѣ пища? Гдѣ наслажденіе? Гдѣ довольство и пресыщеніе? Гдѣ мечтательные планы? Гдѣ покой? Гдѣ миръ? Гдѣ имѣнія? Гдѣ благородіе? Гдѣ красота? Гдѣ мужество плоти? Гдѣ ложная, льстивая женская красота? Гдѣ безстыдная и дерзкая смѣлость? Гдѣ красивыя одежды? Гдѣ нечистая и гнусная сладость грѣха? Гдѣ мажущіеся благовонными мазями и окуривающіе себя благовоніями? Гдѣ пьющіе вино съ игрою на музыкальныхъ инструментахъ, при звукахъ тимпановъ и гуслей? Куда скрылось высокомѣріе жившихъ безъ всякой боязни? Гдѣ сребролюбіе и славолюбіе и происходящее отъ нихъ немилосердіе? Гдѣ безчеловѣчная гордость, которая пренебрегаетъ всѣмъ и гнушается всѣми, думая о себѣ, что она есть что-то великое? Гдѣ пустая и суетная человѣческая слава? Гдѣ нечистота и ненасытимое вожделѣніе? Гдѣ величіе и господство? Гдѣ царь? Гдѣ князь? Гдѣ настоятель? Гдѣ начальники? Гдѣ гордящіеся множествомъ богатства своего, несострадательные къ нищимъ и презирающіе Бога? Гдѣ театры, зрѣлища и увеселенія? Гдѣ кощунники, смѣходѣи, насмѣшники и безпечально живущіе? Гдѣ мягкія одѣянія и постели? Гдѣ высокія зданія и широкія ворота? Гдѣ пожившіе въ безстрашіи? Тогда увидѣвши себя безъ всего ужаснутся, ужаснувшись воскликнутъ, смутившись подвигнутся: трепетъ обниметъ ихъ и болѣзни, какъ рождающую; уносимые бурнымъ вихремъ сокрушатся. Гдѣ тогда мудрость мудрецовъ? Гдѣ краснорѣчіе ораторовъ и напыщенныя ихъ рѣчи? Увы! *смятошася, подвигошася яко піяный, и вся мудрость ихъ поглощена бысть* (Псал. CVI, 27). *Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего* (1 Кор. I, 20)?

О братья! подумайте, какими намъ быть должно, когда мы должны отдать отчетъ подробно во всемъ, что мы ни дѣлали, было-ли то важное или незначительное! мы дадимъ отвѣтъ Праведному Судіѣ даже во всякомъ праздномъ словѣ (Матѳ. XII, 36). Съ другой стороны каковыми намъ должно быть на тотъ часъ для полученія у Бога той милости, чтобы при разлученіи насъ другъ отъ друга стать одесную Царя Небеснаго! Въ какой степени намъ нужно приготовиться къ той неизглаголанной радости, чтобы услышать сладчайшій гласъ Царя царствующихъ къ тѣмъ, которые будутъ по правую у Него сторону: *Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34)! Тогда наслѣдуемъ блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9). И тогда-то уже не будетъ тревожить насъ никакая печаль, никакая болѣзнь и опасеніе. Будемъ чаще помышлять объ этомъ.

Будемъ представлять себѣ и безконечную муку грѣшниковъ, и то, какой они будутъ испытывать стыдъ предъ Праведнымъ Судіею, когда приведенные на страшное судилище, не будутъ въ состояніи сказать ни одного слова въ свое оправданіе. Какому подвергнутся сраму, когда будутъ отдѣлены на лѣвую сторону Царя! Какой мракъ покроетъ ихъ, когда Господь возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ и яростію Своею смятетъ ихъ (Псал. II, 5), когда скажетъ

къ нимъ: *Идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его* (Матѳ. XXV, 41)! Увы мнѣ, увы мнѣ! Какая скорбь и болѣзнь, какая тѣснота, какой страхъ и трепетъ обниметъ духъ ихъ, когда услышатъ грозный гласъ всѣхъ силъ небесныхъ: *Да возвратятся грѣшницы во адъ* (Псал. IX, 18)! О горе, горе! Какой поднимутъ плачъ, вопль и рыданіе ведомые на горькія вѣчныя муки! какъ будутъ стенать, биться и терзаться! Увы мнѣ, увы мнѣ! Каково-то мѣсто, гдѣ плачевопліе, скрежетъ зубовъ,—такъ называемый тартаръ, котораго и самъ діаволъ трепещетъ! О горе, горе! Какова та геенна съ неугасимымъ огнемъ, который горитъ и не освѣщаетъ! Увы мнѣ, увы мнѣ! Каковъ тотъ неусыпающій и ядовитый червь! Увы увы! Какова тамошняя тьма внѣшняя, никогда ничѣмъ не освѣщаемая! Увы мнѣ, увы мнѣ! Каковы тѣ немилостивые и жестокосердые ангелы, которые приставлены находиться при мукахъ! Ибо они глубоко посрамляютъ и люто бьютъ. Мучимые усильно взываютъ тамъ,—и нѣтъ никого, кто-бы спасъ ихъ; воззовутъ ко Господу, и не услышитъ ихъ. Тогда уразумѣютъ, что все земное—житейская пустота, и что они считали благомъ здѣсь, опротивѣетъ; чѣмъ они услаждались, то окажется горче желчи и всякаго яда.

Увы грѣшникамъ! Вотъ праведники стоятъ одесную Царя, а они скорбятъ. Теперь, когда грѣшники плачутъ, праведники радуются; когда праведники ликовствуютъ, грѣшники рыдаютъ; когда праведники въ прохладѣ, грѣшники въ томленіи и бѣдствіи. Увы грѣшникамъ! Они осуждаются, а праведники прославляются. Увы грѣшникамъ! Когда праведники наслаждаются всякими благами, они во всякомъ лишеніи бѣдствуютъ. Увы грѣшникамъ! Когда праведники ублажаются, они унижаются. Праведники во святынѣ, грѣшники-же въ огнепаленіи. Праведники восхваляются, а

грѣшники въ поруганіи. Праведники во святыхъ обителяхъ, грѣшники въ вѣчномъ изгнаніи. Праведники услышатъ: «Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра». Грѣшники-же: «Идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его». Праведники въ раю, грѣшники въ неугасимомъ огнѣ. Праведники наслаждаются, грѣшники злостраждутъ. Праведники ликуютъ, грѣшники мучатся связанные. Праведники поютъ, грѣшники плачутъ. Праведники возглашаютъ трисвятую пѣснь, грѣшники оплакиваютъ свое треокаянство. Праведники вкушаютъ сладость пѣнія, грѣшники терпятъ бѣдственную погибель. Праведники въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, грѣшники въ кипучихъ волнахъ веліара. Праведники въ спокойствіи, грѣшники въ смущеніи. Праведники орошаются, грѣшники опаляются пламенемъ. Праведники веселятся, грѣшники изсыхаютъ въ горькой печали. Праведники въ величіи, грѣшники въ тлѣніи. Праведники возвышаются, грѣшники глубже и глубже низлагаются. Праведники окружаются свѣтомъ, грѣшники омрачаются. Праведники блаженствуютъ, грѣшники мятутся. Праведники наслаждаются созерцаніемъ Бога, грѣшниковъ сокрушаетъ пламень огненный. Праведники—сосуды избранія, грѣшники — сосуды геенны. Праведники — очищенное золото, испробованное серебро, драгоцѣнные камни; грѣшники—дрова, стебли, сѣно, подгнета для огня. Праведники—царская пшеница, грѣшники—погибельные плевелы. Праведники—избранное сѣмя, грѣшники—плевелы, пища огня. Праведники—божественная соль, грѣшники—смрадъ и зловоніе. Праведники—чистые Божіи храмы, грѣшники—скверныя жилища демоновъ. Праведники въ свѣтломъ чертогѣ, грѣшники въ бездонной пропасти. Праведники въ свѣтосіяніяхъ, въ лучезарномъ свѣтѣ, грѣшники въ бурномъ мракѣ. Праведники съ ангелами, грѣшники съ демонами.

Праведники ликуютъ съ ангелами, грѣшники рыдаютъ съ демонами. Праведники среди свѣта, грѣшники среди тьмы. Праведники утѣшаются Святымъ Духомъ (Параклитомъ), грѣшники раздираются въ мукахъ съ демонами. Праведники предстоятъ престолу Владыки, грѣшники стоятъ предъ непроходимымъ мракомъ. Праведники всегда открыто взираютъ на лице Христово, грѣшники безсмѣнно стоятъ предъ лицемъ діавола. Праведники поучаются тайнамъ Божіимъ отъ ангеловъ, грѣшниковъ научаютъ своимъ тайнамъ демоны. Праведники возносятъ молитвы, грѣшники издаютъ непрестанный плачъ. Праведники находятся въ горнихъ селеніяхъ, грѣшники пресмыкаются долу. Праведники на небеси, грѣшники въ безднѣ. Праведники въ вѣчной жизни, грѣшники въ погибели смертной. Праведники въ руцѣ Божіей, грѣшники тамъ, гдѣ діаволы. Праведники въ общеніи съ Богомъ, грѣшники съ сатаною.

Увы грѣшникамъ, когда они будутъ разлучены съ праведниками! Увы грѣшникамъ, потому что дѣла ихъ обнаруживаются и помышленія сердецъ объявляются! Увы грѣшникамъ, потому что хитрыя намѣренія ихъ обличаются, и сплетенія лукавыхъ помысловъ распутываются и истязуются, и мысль взвѣшивается! Увы грѣшникамъ, потому что они ненавистны для святыхъ ангеловъ и гнусны для святыхъ мучениковъ! Увы грѣшникамъ, потому что они изгоняются изъ чертога! Увы, какое тогда раскаяніе! Увы, какая тогдашняя скорбь, какая тогдашняя нужда! Увы, какая тогдашняя буря! Ужасно разлучаться отъ святыхъ, еще ужаснѣе разлучаться отъ Бога. Безчестно быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ и быть вверженнымъ въ огонь. Болѣзненно и горестно быть отосланнымъ во внѣшнюю мрачную тьму, чтобы скрежетать зубами и истаевать; тяжко—непрестанно мучиться. Ужасно, когда запекается языкъ отъ пламени; безотрадно просить капли воды и не получать.

Горько быть въ огнѣ, вопить и не получать помощи. Непроходима дебрь и неизмѣрима пропасть. Заключенникъ не убѣжитъ оттуда; не будетъ выхода содержимому, непроходима темничная стѣна; жестоки стражи; темница мрачна; узы неразрѣшимы; оковы неснимаемы. Слуги того адскаго пламени дики и свирѣпы. Ужасны и мучительны орудія. Ногти тверды и несокрушимы. Жилы воловьи жестоки. Смолы мутны и кипучи. Гнойна площадь зрѣлища. Одры раскалены до красноты угля. Жаръ невыносимый. Червь смраденъ и зловоненъ. Судилище закрыто для прощенія и милости. Судія нелицепріятенъ. На приговоръ нѣтъ извѣта къ оправданію. Лица сильныхъ посрамлены. Властители стали убоги, цари—нищи. Мудрецы стали невѣждами, сладкорѣчивые ораторы глупыми и непріятными, богатые бѣдными.

Не слышно притворныхъ рѣчей льстецовъ. Кривизны лукавства объявлены, неправда лихоимцевъ обнаружена. Смрадъ душитъ обоняніе сребролюбцевъ. Разоблачена скрытная гнилость лицемѣровъ. Соразмѣряютъ съ виною налагающія язвы: предъ ними все обнаружено и объявлено. Увы грѣшникамъ: они нечисты, скверны и мерзки предъ Богомъ. Какъ окалились и осквернились ихъ души! Какъ они осквернили тѣло и душу, не соблюдши одежды святаго крещенія! Какъ въ ослѣпленіи измѣнили они свое сердце, не принявъ въ умъ того, что сочетались со Христомъ и отреклись діавола! Какъ отдалились отъ прямаго пути, ходивши во тьмѣ невѣдѣнія, предавшись сну лѣности и погрузившись на дно геенны! Какъ отчуждились свѣта добродѣтелей, возлюбивъ грѣховную тьму, чтобы ходить широкимъ и пространнымъ путемъ злобы! Какъ они забыли путешествіе Господа, Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и Его безчисленныя и неизслѣдимыя благодѣянія! И

очистившись водою божественнаго крещенія, освятившись Духомъ Святымъ и украсившись муромъ духовнаго радованія, ради ничтожной, гнусной и ненавистной сладости пренебрегли столь великими дарами и поработили себя духу прелюбодѣйства! Увы оставившимъ усыновленіе Богу и предавшимся сладостямъ міра! Увы слѣдующимъ мірскимъ мудрованіямъ! Увы любящимъ тьму грѣховную! Горе удаляющимся отъ свѣта истины! Увы ходящимъ въ ночи грѣха! Увы оставляющимъ свѣтлый день боговѣдѣнія! Увы предающимся злому обычаю смѣха! Увы клевещущимъ другъ на друга! Горе наушникамъ и производящимъ раздоры и мятежи! Увы клятвопреступникамъ! Увы чревоугодникамъ, имже богъ—чрево (Филип. III, 19)! Увы пьяницамъ?

Блаженъ, кто въ здѣшней жизни охуждаетъ и смиряетъ себя ради Бога: онъ возвеличенъ будетъ Всевышнимъ Богомъ, прославится ангелами и не станетъ на судѣ ошуюю. Блаженъ человѣкъ, который пребываетъ въ молитвахъ, терпѣливъ въ постахъ, съ радостію присутствуетъ на бдѣніяхъ, борется и прогоняетъ сонъ, преклоняетъ колѣна на Божіе славословіе, ударяетъ въ перси, возноситъ руки горѣ, возводитъ очи на небо къ Господу, размышляетъ о Сѣдящемъ на престолѣ славы, объ Испытующемъ сердца и утробы. Ибо такой насладится вѣчными благами и содѣлается другомъ, братомъ, сыномъ и наслѣдникомъ Божіимъ, лице его возсіетъ какъ солнце въ день судный въ царствіи небесномъ. Кто любитъ истину, тотъ становится другомъ Божіимъ; а кто постоянно лжетъ, тотъ другъ демоновъ. Ненавидящій лесть избавляется проклятія. Кто терпитъ искушенія, тотъ вѣнчается какъ исповѣдникъ предъ престоломъ Христовымъ. Кто въ напастяхъ ропщетъ и негодуетъ, въ приключившейся скорби унываетъ и хулитъ, тотъ впалъ въ прелесть и страдаетъ умственной глухотой. Кроткій, тихій, смиренномудрый Богомъ похваляется, ангелами ублажается и людьми почитается. Человѣка же гнѣвливаго, яраго и желчнаго Богъ ненавидитъ; таковый питается плодами горечи бѣсовской, пьетъ вино змѣиной ярости и неизлѣчимый ядъ аспида. Чистые сердцемъ созерцаютъ славу Божію, осквернившіе же умъ свой видятъ діавола. Дѣлающіе зло, помышляющіе о непотребномъ, злоумышляющіе противъ ближняго устраняютъ себя отъ общенія съ Богомъ. Кто страстно взираетъ на чужую доброту и красоту, тотъ лишается райской красоты. Радующіеся грѣхопаденію другихъ сами впадаютъ въ грѣхъ. Желающіе чужаго лишаются своего и погибаютъ. Гордые, тщеславные, человѣкоугодники осуждаются съ діаволомъ. Лицемѣры мучатся съ сатаною. Питающіе тѣло свыше мѣры и потребы творятъ душу голодною. Кто грѣшитъ въ разумѣ и безъ принужденія и не кается, тотъ мучится съ невѣрными. Тѣ, которые говорятъ: «въ молодости погрѣшимъ, въ старости покаемся», находятся въ поруганіи и прельщеніи у демоновъ; потому что сознательно и свободно согрѣшаютъ или соизволяютъ на грѣхъ, и покаянія не сподобляются, но въ молодыхъ лѣтахъ серпомъ смерти пожинаются, какъ Аммонъ, царь іудейскій, который прогнѣвилъ Бога своими нечестивыми намѣреніями и скверными мыслями (4 Цар. XXI, 19—24. 2 Парал. XXXIII, 21—25). Осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное сердце у тѣхъ, которые говорятъ: «завтра покаемся, а сегодня погрѣшимъ»; таковые погубляютъ и настоящій день, растлѣваютъ и оскверняютъ тѣло, грязнятъ свою душу, омрачаютъ умъ, затмѣваютъ мысль и заглушаютъ совѣсть,—а и не подумаютъ, что завтра они, можетъ быть, будутъ похищены смертію.

Тѣ, которые не ищутъ того, что потеряли, не пріобрѣли и того, что относится ко спасенію; тѣ, которые не разсчитываютъ, какъ прибавляютъ убытокъ къ убытку, не только не получаютъ прибыли, но и головы теряютъ; тѣ, которые

не трудятся разумно и не бодрствуютъ въ молитвахъ, попадаютъ въ плѣнъ своихъ суетныхъ и скудныхъ помысловъ, а плѣненные, не хотя и не по волѣ, работаютъ злому обычаю. Кто невнимательно участвуетъ въ богослуженіи, тотъ весьма многаго лишается. Кто не слушаетъ съ охотою и вниманіемъ Божественныхъ Писаній, но предается сну лѣности, тотъ вмѣстѣ съ пятью юродивыми дѣвами заключится внѣ чертога небеснаго Жениха. Пренебрегающіе постомъ, какъ средствомъ ко спасенію, погружаются въ чревоугожденіе и одолѣваются грѣхомъ, борющимъ похотію блудною. Несоблюдающіе заповѣдей Божіихъ уязвляются отъ демоновъ и осуждаются въ гееннѣ огненной. Удаляющіеся отъ святой Церкви и причастія Святыхъ Таинъ бываютъ врагами Божіими и друзьями демоновъ. Ереси безбожныхъ еретиковъ будутъ посрамлены, родъ невѣрныхъ погибнетъ. Когда возсядетъ судить Испытующій сердца и утробы, острѣйшій паче всякаго меча обоюдуостра, доходящій даже до раздѣленія плоти и духа, членовъ и мозговъ, и судящій помышленія и мысли сердечныя,—тогда увидишь не часть какуюнибудь изъ многаго, но все открытымъ, все обнаруженнымъ. Тогда волка не укроетъ овечья шкура и внѣшнее показываніе дѣлъ не прикроетъ внутреннихъ помышленій. Нѣтъ созданія, которое бы не было извѣстно Создавшему, но вся нага и объявлена предъ очами Его.

Ополчимся же Божіими заповѣдями противъ страстей плоти, смиримъ гордые помыслы, подвигнемся на брань съ діаволомъ, озаримъ мысль духовною бодростію (трезвеніемъ), подавимъ грѣховные помыслы, позаботимся пріобрѣсть готовность и любовь къ молитвѣ, трезвенный умъ, бодренную мысль, чистую совѣсть, всегдашнее воздержаніе, усердный постъ, нелицемѣрную любовь, истинную чистоту нескверное цѣломудріе, нельстивое смиреніе. Постараемся пріобрѣсть непрестанное псалмопѣніе, чтеніе безъ тщеславія, колѣнопреклоненія безъ гордости, моленіе нескудное, житіе чистое, правдолюбіе, усердное страннопріимство, милостыню безъ размышленій, благоугодное терпѣніе. Остановимъ потоки желчи, истребимъ гнѣвъ, удалимъ отъ себя уныніе, пресѣчемъ ярость, изсушимъ сребролюбіе, чтобы не убояться намъ общей смерти—жнеца рода человѣческаго, не убоимся губителя человѣковъ. Истинная смерть—не та, которая разлучаетъ душу отъ тѣла, но та, которая удаляетъ душу отъ Бога. Богъ есть жизнь: кто отлучаетъ себя отъ Него, тотъ умираетъ и не имѣетъ дерзновенія къ Богу, потому что удалился отъ жизни. Истинная смерть есть діаволъ. Отецъ смерти—діаволъ стоитъ какъ крѣпко вооруженный ратоборецъ, чтобы напасть на насъ и повергнуть въ свою власть. Не дадимъ нечистымъ демонамъ посмѣяться надъ нами. Мы имѣемъ Бога, который есть нашъ Спаситель, а демоновъ погубитель. Имѣя на себѣ это мертвенное тѣло мы не избѣжимъ смерти: да подвигнемся не мужественно на побѣду надъ нечистыми демонами. Если мы будемъ имѣть въ сердцѣ страхъ Божій и въ душѣ будемъ носить память о смерти, то пусть вооружатся на насъ всѣ демоны: они не причинятъ намъ никакого вреда, а окажутся овнами, безъ успѣха бьющими стѣну, потому что стѣну нашу найдутъ несокрушимою, ибо съ нами будетъ Господь Богъ нашъ, которому принадлежитъ слава, честь и власть во вѣки вѣковъ. Аминь.

д) Порядокъ и число мытарствъ.

«Чадо Григоріе! видѣла я лица, какихъ никогда не видала, и слышала слова, какихъ никогда не слыхала; только молитвами преподобнаго отца нашего Василія могла я перенесть все лютое и тяжкое, что встрѣтила я тогда дѣлъ

моихъ ради. Какъ, чадо, изображу тебѣ болѣзнь тѣлесную и лютое горе и бѣду умирающихъ? съ чѣмъ сравню этотъ часъ? Представь, что кто-нибудь нагой брошенъ въ огонь, и сгарая въ немъ обращается постепенно въ пепелъ: такъ точно болѣзнь смертная и горькій часъ разлученія души съ тѣломъ разрушаютъ человѣка. Воистину люта смерть подобныхъ мнѣ грѣшниковъ!»

Такъ повѣствуетъ преподобная Θеодора, ученица преподобнаго Василія Новаго [1]), ученику его Григорію въ сонномъ видѣніи.

«Когда душа моя разлучилась съ тѣломъ,—продолжаетъ она свое повѣствованіе,—тогда ангелы Господни взяли ее на руки свои. Бѣсы, окружившіе мой одръ, показывали написанными всѣ мои грѣхи, а святые ангелы—всѣ добрыя дѣла мои. Въ это время внезапно явился преподобный Василій и сказалъ святымъ ангеламъ: «Душа сія много послужила старости моей; я молился о ней Богу, и Богъ даровалъ мнѣ ее». Съ этими словами онъ подалъ святымъ ангеламъ полный червленый мѣшокъ и сказалъ: «Когда будете проходить воздушныя мытарства, выкупайте ее этимъ отъ долговъ ея и наконецъ введите въ уготованную мнѣ отъ Господа обитель, да пребываетъ тамъ. «Сказавъ это преподобный сталъ невидимъ; а святые ангелы взяли меня, и мы пошли по воздуху на востокъ».

Руководимая двумя святыми ангелами, преподобная Θеодора начала подыматься къ небу и была встрѣчена темными духами *перваго мытарства*, на которомъ истязуются грѣхи человѣческіе *словомъ*, какъ-то: празднословіе, сквернословіе, насмѣшки, кощунство, пѣніе непристойныхъ пѣсенъ, безчинныя восклицанія, хохоты и тому подобное. По большей части человѣкъ вмѣняетъ эти согрѣшенія въ ничто, не

[1]) Память его празднуется 26-го марта.

кается въ нихъ предъ Богомъ и не исповѣдуетъ ихъ отцу духовному. Но Господь явственно сказалъ: *за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься* (Матѳ. XII, 36, 37). И Апостолъ завѣщеваетъ: *никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ. Также сквернословіе и пустословіе и смѣхотворство не приличны вамъ* (Ефес. IV, 29; V, 4). Демоны съ жестокостію и упорствомъ обвиняли душу, представляя всѣ согрѣшенія ея словомъ, содѣянныя отъ самой юности. «Я молчала,—говоритъ преподобная Θеодора,—чувствуя невыносимый стыдъ и трепеща отъ страха». Но святые ангелы оспаривали демоновъ—обвинителей и противопоставляли грѣхамъ добрыя дѣла, совершонныя душею. Такимъ образомъ, искупленная на этомъ мытарствѣ Θеодора начала подыматься выше и приблизилась ко *второму мытарству*—мытарству *лжи,* на которомъ истязывается всякая ложь, клятвопреступленія, призываніе имени Божія всуе, неисполненіе обѣтовъ, данныхъ Богу, утаеніе грѣховъ предъ духовникомъ на исповѣди. «Остановивъ насъ, духи этого мытарства начали испытывать меня подробно, и я обличена была въ двухъ грѣхахъ, именно: случалось мнѣ не разъ лгать, впрочемъ, въ вещахъ маловажныхъ, чего я не вмѣняла себѣ и въ грѣхъ, и еще много разъ, по ложной стыдливости, я неискренно исповѣдала грѣхи свои предъ отцемъ моимъ духовнымъ. Радуюсь тому, въ чемъ меня обличили, бѣсы хотѣли исхитить меня изъ рукъ несущихъ ангеловъ; но святые ангелы, какъ и прежде, противоположили нѣчто изъ добрыхъ дѣлъ моихъ и такимъ образомъ, искупивъ меня, повели выше». Послѣ этого они достигли *третьяго мытарства*—мытарства *осужденія и клеветы*, гдѣ истязуются оклеветаніе ближняго, осужденіе, уничиженіе, обезславленіе его, ругательство и насмѣшки надъ нимъ, съ забвеніемъ

собственныхъ согрѣшеній и недостатковъ. Подвергшихся грѣхамъ этого рода лютые истязатели истязываютъ съ особенною жестокостію какъ антихристовъ, предвосхищающихъ санъ Христовъ, и самозванныхъ судей, судящихъ ближняго, хотя сами достойны тысячекратно большаго наказанія. «Но во мнѣ, по благодати Божіей, немногое что нашлось изъ этихъ грѣховъ, и мы пошли выше». На *четвертомъ мытарствѣ*—мытарствѣ *чревоугодія* истязуются объяденіе, пьянство, ядeніе безъ молитвы, нарушеніе постовъ, сластолюбіе пресыщеніе, пированіе, словомъ—всѣ роды угожденія чреву. По избавленіи отъ этого мытарства, Ѳеодора, нѣсколько ободрившись, вступила въ бесѣду со святыми ангелами и сказала имъ: «Кажется мнѣ, никто изъ живущихъ на землѣ не знаетъ совершающагося здѣсь и того, что ожидаетъ грѣшную душу по смерти?» Святые ангелы отвѣчали ей: «Развѣ не объясняетъ этого Божественное слово, ежедневно читаемое въ церквахъ и проповѣдуемое служителями Божіими? Но пристрастившіеся къ земнымъ суетамъ не обращаютъ вниманія на слово Божіе, считаютъ наслажденіемъ ежедневное насыщеніе и пьянство, пресыщаются и упиваются безъ страха Божія, имѣя себѣ богомъ чрево, не помышляя о будущей жизни и не внимая Писанію, которое говоритъ: *горе вамъ, насыщенныe нынѣ! ибо взалчете* (Лук. VI, 25). Баснею считаютъ они Святое Писаніе, живутъ въ небреженіи и довольствѣ, ежедневно веселятся свѣтло и пируютъ при звукѣ музыки и при пѣніи хоровъ, подобно богачу, упоминаемому въ Евангеліи. Впрочемъ тѣ изъ нихъ, которые милостивы, благодѣтельствуютъ нищимъ и помогаютъ нуждающимся, удобно получаютъ отъ Бога прощеніе своихъ грѣховъ и ради милостыни своей проходятъ мытарства безбѣдственно. *Милостыня отъ смерти избавляетъ и можетъ очищать всякій грѣхъ* (Товит. XVI, 9). Тѣмъ, которые не стараются милостынями очистить грѣхи свои, невозможно избѣгнуть

бѣдствія на мытарствахъ: ихъ похищаютъ мытари и низводятъ, люто муча, въ преисподнія темницы ада, гдѣ держатъ въ узахъ до страшнаго Христова суда». Такъ бесѣдуя они достигли *пятаго мытарства*—мытарства *лѣности*. Тамъ сочтены всѣ дни и часы, проведенные въ лѣности, въ нерадѣніи о служеніи Богу; тамъ истязуется уныніе, оставленіе церковныхъ молитвословій, по лѣности, небреженію и хладности къ Богу; тамъ истязуются тунеядцы, снѣдающіе чужіе труды и не хотящіе сами трудиться, также наемники, получающіе плату, но исполняющіе свою обязанность съ небреженіемъ. За этимъ мытарствомъ слѣдовало *шестое мытарство*—мытарство *воровства*, или *татьбы*, на которомъ разсматриваются всякаго рода хищенія, грубыя и благовидныя, явныя и тайныя; потомъ—*седьмое мытарство*—мытарство *сребролюбія* и *скупости*. «Не были мы также задержаны и на этомъ мытарствѣ, потому что въ жизни своей не заботилась я о множествѣ имѣній и не была сребролюбива, но довольствовалась тѣмъ, что Господь посылалъ мнѣ; а что имѣла у себя, изъ того усердно удѣляла требующимъ». Затѣмъ ангелы съ Ѳеодорою достигли *восьмаго мытарства*—мытарства *лихвы*, на которомъ истязуются отдающіе деньги свои въ ростъ, старающіеся о незаконномъ прибыткѣ, дѣлающіе все изъ корысти и присвояющіе себѣ чужую собственность. Здѣсь также они не были задержаны, пошли далѣе, благодаря Бога, и пришли къ *девятому мытарству*—мытарству *неправды*, на которомъ уличаются неправедные судьи, увлекающіеся на судахъ пристрастіемъ или мздою и оправдывающіе виновныхъ, а невинныхъ осуждающіе; здѣсь разсматриваются ложные вѣсы и мѣры купцовъ и прочія неправды. «Но мы, по благодати Божіей, безбѣдно прошли и это мытарство, равно какъ и слѣдующее за нимъ»—*десятое мытарство*—мытарство *зависти*. На немъ истязуютъ завидующихъ благу

ближняго, людей злорадныхъ, не имѣющихъ любви, братоненавистниковъ, недружелюбныхъ и подобныхъ имъ.

Выше помѣщается *одиннадцатое мытарство*—мытарство *гордости*, гдѣ надменные духи съ презрѣніемъ истязуютъ гордость, тщеславіе, самомнѣніе, презорство, величаніе, невоздаяніе должной чести родителямъ, духовнымъ и гражданскимъ властямъ, неповиновеніе имъ и ослушаніе ихъ. «Не смотря на гнѣвъ истязующихъ духовъ, мы свободно прошли и *двѣнадцатое мытарство*—мытарство *гнѣва и ярости*, благодаря Господа, покрывающаго грѣшную мою душу, по молитвамъ отца моего, преподобнаго Василія». Затѣмъ слѣдовало *тринадцатое мытарство*—мытарство *памятозлобія*, на которомъ немилосердо истязуются держащіе въ сердцѣ злобу на ближняго и воздающіе зломъ за зло. «Но милосердіе Божіе и тамъ меня покрыло, потому что я отъ юности, по мѣрѣ силъ моихъ, блюлась отъ этого грѣха и хотя гнѣвалась иногда, однако всемѣрно удерживалась питать въ душѣ зло на брата, зная, что *безъ любви и незлобія невозможно спасеніе*, какія-бы жертвы я ни приносила Богу». По исшествіи изъ этого мытарства, Өеодора спросила ангеловъ: «Прошу васъ, скажите мнѣ, откуда эти страшныя воздушныя власти знаютъ всѣ злыя дѣла всѣхъ людей, живущихъ во всемъ мірѣ, не только явныя, но и тайныя»? Святые ангелы отвѣчали: «Каждый христіанинъ получаетъ отъ Бога при святомъ крещеніи ангела-хранителя, который, невидимо храня человѣка, наставляетъ его денно-нощно на всякое благое дѣло въ теченіе всей жизни его до самаго смертнаго часа. Онъ записываетъ всѣ добрыя дѣла этого человѣка, за которыя послѣдній могъ-бы получить милость и вѣчное воздаяніе отъ Господа въ небесномъ царствѣ. Также и князь тьмы, желающій вовлечь весь родъ человѣческій въ свою погибель, приставляетъ къ человѣку одного изъ лукавыхъ духовъ,

который всюду слѣдуетъ за человѣкомъ, замѣчаетъ всѣ его злыя дѣла, поощряетъ къ нимъ кознями своими и, посѣщая мытарства, записываетъ тамъ всѣ грѣхи человѣка, внося каждый грѣхъ въ соотвѣтственное мытарство. Вотъ почему воздушнымъ властямъ извѣстны грѣхи всѣхъ людей во всемъ мірѣ. Когда-жъ душа, разлучившись съ тѣломъ, стремится взойти на небо, къ Создателю своему, тогда лукавые духи препятствуютъ ей въ томъ, обличая ее грѣхами ея, записанными у нихъ. Если душа имѣетъ больше добрыхъ дѣлъ, нежели грѣховъ, то они не могутъ удержать ее. Если-же найдется въ ней болѣе грѣховъ, то они удерживаютъ ее на время и заключаютъ въ темницѣ невидѣнія Бога: тамъ они мучатъ ее, доколѣ сила Божія попуститъ имъ мучить и доколѣ эта душа не будетъ искуплена церковными молитвами и милостынями ближнихъ. Если-же душа окажется столько грѣшною и мерзостною предъ Богомъ, что ей не остается никакой надежды спасенія, но ожидаетъ ее вѣчная погибель, то они тотчасъ-же низводятъ ее въ бездну, гдѣ имѣютъ и для себя уготованное мѣсто вѣчнаго мученія: они держатъ ее тамъ до втораго пришествія Христова, послѣ котораго душа соединится съ тѣломъ и уже вмѣстѣ съ нимъ будетъ мучиться въ гееннѣ огненной». Послѣ этой бесѣды Өеодора достигла *четырнадцатаго мытарства*—мытарства *убійства*, на которомъ истязуются не только разбой и убійство, но и всякое удареніе, заушеніе, нанесеніе раны, причиненное въ гнѣвѣ. «Но мытарство это мы миновали безбѣдно, равно какъ и»—*пятнадцатое мытарство*—мытарство *волхвованія*, гдѣ истязуются чародѣйство, обаяніе, составленіе отравъ, наговоры, шопоты и чародѣйное призываніе бѣсовъ. На этомъ мытарствѣ темные духи не нашли ничего, чѣмъ бы уличить блаженную Өеодору, и въ ярости кричали ей: «Придешь на блудныя мытарства—увидимъ, избѣжишь ли ихъ»?

Подымаясь еще выше, она спросила святыхъ ангеловъ: «Неужели всѣ христiане проходятъ этими мѣстами и никому изъ нихъ невозможно пройти, не подвергаясь истязанiямъ и страху»? Святые ангелы отвѣчали: «Нѣтъ другаго пути для христiанскихъ душъ, выходящихъ къ небу: всѣ проходятъ здѣсь, но не всѣ бываютъ такъ истязуемы, какъ истязуются подвергшiеся грѣхопаденiямъ и не вполнѣ исповѣдывавшiеся въ нихъ, стыдившiеся отца духовнаго и утаившiе предъ нимъ свои постыдныя дѣла. Если же кто по истинѣ исповѣдуетъ грѣхопаденiя, жалѣетъ о нихъ и раскаявается въ содѣянномъ злѣ, того грѣхи невидимо заглаждаются милосердiемъ Божiимъ, и когда душа придетъ сюда, воздушные истязатели, разогнувъ свои книги, ничего не находятъ въ нихъ, почему не могутъ ни оскорбить ее, ни устрашить, и душа съ радостью восходитъ къ Престолу Благодати». Во время этой бесѣды они достигли *шестнадцатаго мытарства*—мытарства *блуда*, на которомъ истязуется всякаго рода любодѣянiе, т. е. блудный грѣхъ лицъ, не обязанныхъ супружествомъ, а также помыслъ блудный, коснѣнiе въ этомъ помыслѣ, соизволенiе на него, услажденiе имъ, сладострастныя воззрѣнiя, скверныя осязанiя и прикосновенiя. Когда Θеодора достигла этого мытарства, темные духи, принадлежащiе къ нему, очень удивились, что она дошла до нихъ, и съ жестокостью обвиняли ее, особенно по причинѣ ея неоткровенности предъ духовнымъ отцемъ. «И обличили меня нечистые духи въ семъ грѣхѣ, показывая мнѣ даже самыя лица, съ которыми я грѣшила въ юности моей, и время и мѣсто, когда и гдѣ я согрѣшила. И не было у меня, что сказать имъ въ свою защиту,—только трепетала я отъ страха и исполнялась стыда. Видя мое смущенiе святые ангелы сказали за меня: «Давно оставила она блудную жизнь и много лѣтъ пожила въ чистотѣ и воздержанiи»—«Знаемъ, отвѣчали бѣсы, что давно

оставила она блудную жизнь,—но гдѣ ея добрыя дѣла»? Тогда святые ангелы представили имъ какъ мои добрыя дѣла, такъ и многое изъ дарованнаго святымъ Василiемъ, и я избавившись отъ бѣды, могла идти съ ангелами далѣе». Потомъ они пришли на *семнадцатое мытарство*—мытарство *прелюбодѣйное*, на которомъ истязуются блудные грѣхи лицъ, живущихъ въ супружествѣ, не сохранившихъ супружеской вѣрности и брачнаго ложа неоскверненнымъ; здѣсь грозно истязуются похищенiя и насилiя блудныя, также блудныя паденiя лицъ, посвященныхъ Богу, обѣщавшихъ чистоту свою Христу, но нарушившихъ обѣтъ. *Восемнадцатое мытарство*—мытарство *содомское*, гдѣ истязуются всѣ противоестественные блудные грѣхи и кровосмѣшенiя, вообще всѣ huskнѣйшiя, тайно совершаемыя дѣла, *о нихъ же*, по словамъ апостола, *срамно есть и глаголати*. Когда они миновали это мытарство, святые ангелы сказали Θеодорѣ: «Ты видѣла страшныя и отвратительныя блудныя мытарства! Знай, что рѣдкая душа минуетъ ихъ свободно: весь мiръ погруженъ во злѣ соблазновъ и сквернъ, всѣ люди сластолюбивы. *Помышленiе сердца человѣческаго—зло отъ юности его* (Быт. VIII, 21). Мало умерщвляющихъ плотскiя похоти, и мало такихъ, которые бы свободно прошли мимо этихъ мытарствъ. Большая часть дошедши сюда, погибаетъ. Власти блудныхъ мытарствъ хвалятся, что онѣ однѣ болѣе всѣхъ прочихъ мытарствъ наполняютъ огненное родство въ адѣ. Благодари Бога, Θеодора, что ты миновала этихъ блудныхъ истязателей, молитвами отца твоего, преподобнаго Василiя? Уже болѣе не увидишь страха». Послѣ этого они пришли на *девятнадцатое мытарство*—мытарство *ересей*, гдѣ истязуются неправильное мудрованiе о вѣрѣ, сомнѣнiя о вѣрѣ, отступничество отъ православной вѣры, богохульства и тому подобныя согрѣшенiя противъ единаго истиннаго исповѣда-

нія вѣры. «Это мытарство я перешла безъ испытанія, и мы были уже недалеко отъ вратъ небесныхъ». Но и еще встрѣтили ихъ злобные духи послѣдняго—*двадцатаго мытарства*—мытарства *немилосердія*, на которомъ истязуются немилосердіе и жестокость. Нѣтъ словъ изобразить лютость истязателей и князей этого мытарства. Вотъ гдѣ *судъ безъ милости не сотворившему милости!* Хотя бы кто совершилъ многіе подвиги, посты, бдѣнія, колѣнопреклоненія, молитвословія; хотя бы кто соблюлъ чистоту дѣвства неоскверненною и изнурилъ воздержаніемъ тѣло, но былъ немилосердъ и затворялъ сердце свое отъ ближняго,—тотъ съ этого мытарства низвергается въ адскую бездну, и нѣтъ ему милости во вѣки.

Наконецъ Ѳеодора, вмѣстѣ съ своими святыми спутниками и руководителями, приблизилась съ неизреченною радостію къ вратамъ небеснымъ. Врата небесныя свѣтились, какъ кристаллъ; изъ нихъ разливалось неизреченное сіяніе, и стояли въ нихъ солнцеобразные юноши. Увидѣвъ преподобную, руководимую ангелами, они исполнились веселія о ней, что она, покрываемая Божіимъ милосердіемъ, избѣжала воздушныхъ мытарствъ, и съ великою любовію ввели ее во врата.

«Потомъ ангелы привели меня—повѣствуетъ блаженная Ѳеодора—въ обитель отца моего, блаженнаго Василія, и сказали мнѣ: «Нынѣ преподобный Василій память о тебѣ творитъ». Изъ этого я уразумѣла, что исполнился сороковой день по разлученіи моемъ съ тѣломъ».

Когда это видѣніе кончилось, и Григорій, пробудившись отъ сна и удивляясь тому, что видѣлъ и слышалъ, всталъ и пришелъ къ преподобному Василію принять обычное благословеніе,—преподобный спрашиваетъ его: «Гдѣ ты былъ въ ночь сію, чадо Григоріе?»—Спалъ, отче, на одрѣ моемъ», отвѣчалъ Григорій. Старецъ продолжалъ: «Знаю,—

тѣломъ ты почивалъ на одрѣ, но духомъ былъ индѣ. Развѣ ты забылъ, что Богъ открылъ тебѣ въ эту ночь въ сонномъ видѣніи? Вотъ ты получилъ желаемое: видѣлъ Ѳеодору и многое слышалъ отъ нея самой, и въ моей обители былъ и видѣлъ, что благодатію Христовою уготовано мнѣ, ради малаго труда моего».

Григорій же, слыша это, увѣрился еще болѣе, что сонъ его былъ не мечта, но Божіе откровеніе.

е) Сороковой день и его значеніе.

Спрашивалъ святый Макарій Александрійскій ангела, сопровождавшаго его по пустынѣ: «Прошу тебя изъяснить сіе: когда святыми Отцами предано совершать въ церкви приношеніе Богу за усопшаго въ 3-й, 9-й и 40-й день, то какая изъ того происходитъ польза душѣ преставившагося?»

Ангелъ отвѣтствовалъ: «Богъ не попустилъ ничему быть въ Церкви Своей неблагопотребному и безполезному, но установилъ въ Церкви таинства и повелѣлъ совершать оныя. Ибо когда въ 3-й день бываетъ въ церкви приношеніе, то душа умершаго получаетъ отъ стрегущаго ее ангела облегченіе въ скорби, которую она чувствуетъ отъ разлученія съ тѣломъ, получаетъ потому, что за нее совершено славословіе и приношеніе въ церкви Божіей, отъ чего въ ней рождается благая надежда. Въ продолженіе же двухъ дней душѣ позволяется вмѣстѣ съ находящимися при ней ангелами ходить по землѣ, гдѣ хочетъ. Поэтому душа, любящая тѣло, скитается иногда около дома, въ которомъ разлучилась съ тѣломъ, иногда около гроба, въ которомъ положено тѣло, и такимъ образомъ проводитъ два дня, какъ

птица ища себѣ гнѣзда. А добродѣтельная душа ходитъ по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ имѣла обыкновеніе творитъ правду. Въ третій же день Тотъ, Который воскресъ въ третій день изъ мертвыхъ, повелѣваетъ, въ подражаніе Его воскресенію, вознестись всякой христіанской душѣ на небеса для поклоненія Богу всяческихъ. И такъ Церковь имѣетъ благое обыкновеніе совершать въ третій день приношеніе и молитву за душу.

«Послѣ поклоненія Богу повелѣвается отъ Него показать душѣ различныя пріятныя обители Святыхъ и красоту рая. Все это разсматриваетъ душа шесть дней, удивляясь и прославляя Содѣтеля всего, Бога. Созерцая же все это она измѣняется и забываетъ скорбь, которую имѣла, будучи въ тѣлѣ. Но если она виновна во грѣхахъ, то, при видѣ наслажденій Святыхъ, начинаетъ скорбѣть и укорять себя, говоря: Увы мнѣ! Какъ я осуетилась въ томъ мірѣ! увлеклась удовлетвореніемъ плоти и провела большую часть жизни въ безпечности, и не послужила Богу какъ должно, дабы и мнѣ удостоиться этой благодати и славы. Увы мнѣ бѣдной!

«По разсмотрѣніи же, въ продолженіе шести дней, всей радости праведныхъ, душа опять возносится ангелами на поклоненіе Богу. И такъ хорошо дѣлаетъ Церковь, совершая въ 9-й день службы и приношеніе за усопшаго.

«Послѣ вторичнаго поклоненія, Владыка всѣхъ повелѣваетъ провести душу по аду и показать ей находящіяся тамъ мѣста мученія, разныя отдѣленія ада и разнообразныя мученія нечестивыхъ, находясь въ которыхъ души грѣшниковъ непрестанно рыдаютъ и скрежещутъ зубами. По этимъ различнымъ мѣстамъ мукъ душа носится 30 дней, трепеща, чтобы и самой не быть осужденною на заключеніе въ нихъ. Въ 40-й день она опять возносится на поклоненіе Богу, и теперь уже Судія опредѣляетъ приличное ей по дѣламъ ея

мѣстопребываніе. И такъ правильно поступаетъ Церковь, совершая поминовеніе въ сороковой день объ усопшихъ, принявшихъ крещеніе».

Таково ангельское откровеніе святому Макарію Александрійскому о состояніи душъ усопшихъ!

И такъ сороковой день отъ разлученія души съ тѣломъ
есть день опредѣленія участи или жребія души въ загроб-
ной жизни всеобщаго воскресенія на частномъ судѣ Хри-
стовомъ.

При этомъ нельзя не отмѣтить знаменательнаго соот-
вѣтствія между состояніями Господа Іисуса Христа и судь-
бою усопшихъ.

«Какъ въ сороковой день не отъ смерти Господа, такъ
какъ она разрѣшилась Его воскресеніемъ, но именно отъ
Его воскресенія. Господь превознесъ воспріятое Имъ въ
Свою личность человѣческое естество въ рѣшительное со-
стояніе Своей славы—возсѣданіе на престолѣ Его Божества,
одесную Отца: такъ, по этому первообразу, усопшіе въ
сороковой день по смерти своей входятъ своими душами
въ опредѣленное, соотвѣтственное своему нравственному
достоинству состояніе.

«Какъ Господь, совершивъ дѣло нашего спасенія въ
Своей жизни и смерти и запечатлѣвъ его Своимъ воскре-
сеніемъ, увѣнчалъ все это дѣло Своимъ вознесеніемъ въ
сороковой день Своей прославленной жизни: такъ души
усопшихъ, совершивъ свое жизненное поприще на землѣ,
въ сороковой день своей загробной жизни, въ области ду-
ховной получаютъ, по Христову суду (частному еще, ко-
нечно), свой заслуженный жребій».

«Какъ Господь нашъ, вознесшись въ сороковой день
Своей жизни, открывшейся въ Немъ по смерти Его воскре-
сеніемъ, *всегда сѣдитъ одесную Бога* Отца, *прочее ожи-*

дая, дондеже положатся врази Его подножіе ногъ Его (Евр. X, 12, 13): такъ и усопшіе въ своемъ состояніи и жребіи, присужденіе котораго имъ отъ Господа Церковь полагаетъ въ сороковой день по ихъ смерти, остаются (хотя и не безъ возможности перемѣны) до всеобщаго воскресенія и страшнаго суда Христова».

Это соотвѣтствіе признается и утверждается въ самомъ словѣ Божіемъ. Апостолъ говоритъ: *какъ человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ, такъ и Христосъ, единожды принесши Себя въ жертву, чтобы подъять грѣхи многихъ, во второй разъ явится не для очищенія грѣха, а для ожидающихъ Его во спасеніе* (Евр. IX, 27, 28).

ж) Два необходимыхъ замѣчанія о мытарствахъ.

1) «Что дѣлается съ душею въ продолженіе первыхъ сорока дней по ея разрѣшеніи отъ тѣла? Почему въ сороковой день, а не вслѣдъ или непосредственно за смертію оказывается судьба покойнаго опредѣленною (хотя и не рѣшительно, не безъ возможности измѣненія по благодати Божіей, испрашиваемой вѣрою и Церковію) Христовымъ частнымъ судомъ до всеобщаго воскресенія и суда? Развѣ нравственное состояніе и достоинство совершившаго подвигъ жизни не опредѣлимо безъ предварительныхъ изслѣдованій и даже истязаній»?

«Само собою разумѣется, что нравственное состояніе и достоинство человѣка не только всегда открыто для нашего Судіи Господа, но опредѣляется для самой души человѣка

[1]) *А. Бухаревъ*, Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ. М. 1866 г., стр. 37—38.

чрезъ самыя его нравственныя расположенія и дѣла, какъ только они появляются или совершаются. Но дѣло въ томъ, что это нравстванное состояніе и достоинство духа человѣческаго открыться вполнѣ для собственнаго сознанія и ощущенія можетъ (до раскрытія характера и порядка вѣчной жизни послѣ всеобщаго воскресенія) не иначе, какъ съ нѣкоторою послѣдовательностію и постепенностію, при послѣдовательномъ выступленіи для его сознанія и ощущенія внутренняго порядка и процесса образованія въ немъ извѣстныхъ расположеній, совершенія имъ извѣстныхъ дѣлъ. Этотъ нравственный порядокъ и процессъ обосновывается всегда на свободномъ произволеніи или самоопредѣленіи человѣка, но не иначе, какъ подъ вліяніемъ живыхъ духовныхъ силъ свѣта и тьмы. Это теперь совершается сокровенно. Но безъ опредѣленнаго разграниченія того, что принадлежитъ свободному самоопредѣленію человѣка, отъ того, что относится къ вліяніямъ на него духовнаго міра, не можетъ вполнѣ выясниться и опредѣлиться для человѣка нравственное его состояніе и достоинство. И вотъ передъ вами открывается глубокій, соотвѣтственный самому существу дѣла смыслъ такъ-называемыхъ *мытарствъ*, или нѣкоторыхъ духовныхъ испытаній, которыя проходитъ душа въ первое время по разрѣшеніи отъ тѣла,—испытаній, при ясности для души вліявшихъ на нее силъ свѣта и тьмы. Само собою разумѣется, что образъ этихъ испытаній для насъ вполнѣ невыяснимъ теперь, соотвѣтствуя уже новому, для насъ невѣдомому еще, порядку бытія загробнаго, и потому даже и неизобразимъ иначе, какъ только согласно съ чувственно-образнымъ порядкомъ нынѣшней жизни. Такъ именно, а не иначе, Церковь, со свидѣтельства святыхъ, и возвѣщаетъ намъ объ этихъ мытарствахъ... Чрезъ эти мытарства или испытанія выясняются для души нравственное ея состояніе и достоинство: послѣднія, и дѣйствительно,

должны выясниться не иначе, какъ по отношенію и къ земному поприщу человѣка, и къ свѣтлому назначенію его отъ Бога, и къ ниспаденію его въ адскіе мраки. Извѣстно, что нравственныя дѣйствія и движенія вѣрующаго бываютъ такія или другія, добрыя или худыя, судя по тому, насколько онъ бываетъ внимателенъ, бодрственъ или небреженъ по отношенію къ долгу и свойству земнаго своего поприща, къ памяти объ ожидающемъ человѣка раѣ и адѣ. Это все, съ свойственною душевной жизни послѣдовательностію, и должно выступать со всею силою для созерцательнаго сознанія отшедшей изъ нашего міра души, при испытательномъ выясненіи нравственнаго ея состоянія и достоинства, пока наконецъ судъ Христовъ (частный), съ открытою уже для самой души правдою, назначитъ жребій ей до всеобщаго, уже рѣшительнаго суда. Послѣдовательный порядокъ всего этого, безъ сомнѣнія, вполнѣ согласно съ самымъ существомъ и началами нашего спасенія, соображается съ порядкомъ состояній Христовыхъ, раскрывшихся отъ Его смерти до запечатлѣвшаго и увѣнчавшаго все Его дѣло, превознесенія Его, и съ человѣчествомъ Его, до престола Его Божества, такъ какъ и самый порядокъ этихъ Христовыхъ состояній, кромѣ обоснованія его въ Божественныхъ соображеніяхъ и планахъ Христова домостроительства, былъ согласенъ несомнѣнно и съ воспріимчивостію человѣческаго Его естества, намъ сроднаго» [1]).

2) «Должно замѣтить, что какъ вообще въ изображеніи предметовъ міра духовнаго для насъ, облеченныхъ плотію, неизбѣжны черты, болѣе или менѣе чувственныя, человѣкообразныя, такъ въ частности неизбѣжно допущены онѣ и въ подробномъ ученіи о мытарствахъ, которыя проходитъ человѣческая душа по разлученіи съ тѣломъ. А потому надобно твердо помнить наставленіе, какое сдѣлалъ ангелъ преподобному Макарію Александрійскому, едва только начиналъ рѣчь о мытарствахъ: «земныя вещи принимай здѣсь за самое слабое изображеніе небесныхъ» [1]). Надобно представлять мытарства не въ смыслѣ грубомъ, чувственномъ, а сколько для насъ возможно, въ смыслѣ духовномъ, и не привязываться къ частностямъ, которыя у разныхъ писателей и въ разныхъ сказаніяхъ самой Церкви, при единствѣ основной мысли о мытарствахъ, представляются различными (сравн. напр. подробное изображеніе мытарствъ въ Словѣ св. Кирилла Александрійскаго и въ житіи преподобнаго Василія Новаго» [2]).

[1]) *А. Бухаревъ*, тамъ же, стр. 41—44.

з) Дѣйствительное бытіе діавола.

Не только ученіе о мытарствахъ, но и все вообще ученіе христіанское необходимо предполагаетъ не прозрачное, а дѣйствительное бытіе діавола, личнаго противника Бога и людей; и отрицаніе существованія и дѣятельности діавола именно какъ существа личнаго и разумнаго, потрясаетъ и ниспровергаетъ все гармоническое зданіе ученія о домостроительствѣ Божіемъ. Между тѣмъ признаніе существованія злаго духа какъ личности, какъ хорошо извѣстно, служитъ для многихъ камнемъ притыканія. Очень многіе готовы признать бытіе Божіе, не прочь даже допустить существованіе добрыхъ духовъ, но находятъ неудобнымъ и невозможнымъ признаніе существованія злаго духа, отъ котораго всячески стараются отдѣлаться. Вотъ почему мы находимъ нужнымъ разсмотрѣть именно здѣсь этотъ существенно важный вопросъ.

[1]) Слово о исходѣ душъ, въ „Христ. Чтеніи" 1831 г. XLIII, 126.
[2]) Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*. Т. II, § 250.

И прежде всего обратимся къ Божественному Откровенію, выраженному въ словѣ Божіемъ.

То-же слово Божіе, которое говоритъ о духахъ добрыхъ, говоритъ также и о *духахъ злыхъ* (Лук. VII, 21), называя ихъ еще *духами нечистыми* (Матѳ. X, 1), *духами злобы* (Ефес. VI, 12), *бѣсами* или демонами (Лук. VIII, 30, 33, 35). Въ частности оно различаетъ между ними одного главнаго, котораго именуетъ всего чаще *діаволомъ* (1 Петр. V, 8), *искусителемъ* (Матѳ. IV, 3), *сатаною* (Апок. XX, 2, 7), иногда *веельзевуломъ* (Лук. XI, 15), *веліаромъ* (2 Кор. VI, 15), *княземъ міра сего* (Іоан. XII, 31), *княземъ власти воздушныя* (Ефес. II, 2), *княземъ бѣсовскимъ* (Матѳ. IX, 34) и под.; а прочихъ злыхъ духовъ, по отношенію къ нему, называетъ *аггелами* діавола (Матѳ. XXV, 41), ангелами сатаны (Апок. XII, 7, 9).

Что этотъ діаволъ и ангелы его принимаются въ Свящ. Писаніи за существа личныя и дѣйствительныя, а не воображаемыя только, это видно — *во-первыхъ* изъ книгъ вѣтхозавѣтныхъ, въ которыхъ повѣствуется, что не разъ когда предъ лице Божіе являлись ангелы Божіи, вмѣстѣ съ ними являлся и діаволъ, и потомъ подробно описываются тѣ многоразличныя бѣдствія, какими діаволъ искушалъ праведнаго Іова, по допущенію Вседержителя (Іов. I, 6; II, 2 и слѣд.). Повѣствуется также, что *духъ лукавый давляше* Саула, когда *отступилъ* отъ него *Духъ Господень* (1 Цар. XIV), что *воста діаволъ на Израиля и подусти Давида, да счислитъ Израиля* (1 Парал. XXI, 1). Въ пророчественномъ видѣніи Захаріи изображается первосвященникъ Іисусъ, стоящимъ предъ лицемъ ангела Господня, а одесную Іисуса—діаволъ, какъ его обвинитель (Захар. III, 1). Наконецъ Премудрый свидѣтельствуетъ: *завистію діаволею смерть вниде въ міръ* (Прем. Солом. II, 24). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, особенно же въ первомъ и въ двухъ последнихъ, не представлять діавола существомъ личнымъ и дѣйствительнымъ значило бы совершенно извращать смыслъ рѣчи.

Во-вторыхъ, изъ новозавѣтныхъ книгъ еще яснѣе видно признаніе діавола существомъ личнымъ и дѣйствительнымъ. Для доказательства этого достаточно привести нѣсколько примѣровъ:

Объясняя притчу о сѣмени и плевелахъ, Спаситель говоритъ: *Сѣющій доброе сѣмя есть Сынъ человѣческій; поле есть міръ; доброе сѣмя—это сыны царствія, а плевелы—сыны лукаваго; врагъ, посѣявшій ихъ, есть діаволъ; жатва есть кончина вѣка, а жнецы суть ангелы* (Матѳ. XIII, 37—39). Здѣсь діаволъ представляется такимъ-же существомъ дѣйствительнымъ и личнымъ, какъ Сынъ человѣческій, какъ ангелы, какъ сыны царствія и сыны лукаваго.

Когда фарисеи обвиняли Спасителя, будто *Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго* (Матѳ. 12, 24), то Спаситель не только не сказалъ, что веельзевулъ и его бѣсы не суть существа дѣйствительныя, чѣмъ прямо была-бы опровергнута нелѣпая мысль фарисеевъ,—напротивъ, отвѣчалъ такими словами, которыми ясно засвидѣтельствовалъ подлинность бытія сатаны и его царства: *Если сатана сатану изгоняетъ, то онъ раздѣлился самъ съ собою: какъ-же устоитъ царство его? И если Я силою веельзевула изгоняю бѣсовъ, то сыновья ваши чьею силою изгоняютъ? Посему они будутъ вамъ судьями. Если-же Я Духомъ Божіимъ изгоняю бѣсовъ, то конечно достигло до васъ царствіе Божіе. Или какъ можетъ кто войти въ домъ сильнаго и расхитить вещи его, если прежде не свяжетъ сильнаго и тогда расхититъ домъ его* (—26—29).

Когда апостолы спросили однажды Спасителя наединѣ,

отчего они не могли изгнать духа нечистаго изъ человѣка, Господь также не только не сказалъ имъ, что это вовсе не былъ духъ нечистый и что вообще нечистые духи не существуютъ на самомъ дѣлѣ, напротивъ преподалъ правило, какъ изгонять злыхъ духовъ: *сей родъ не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста* (Марк. IX, 29).

Въ томъ страшномъ приговорѣ, который произнесетъ праведный Судія грѣшникамъ: *Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его* (Матѳ. XXV, 41), діаволъ и его ангелы ясно отличаются отъ злыхъ людей и представляются существами дѣйствительными, которымъ опредѣлено вѣчное наказаніе.

Апостолъ Іаковъ говоритъ: *И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II, 19). Значитъ, они суть существа разумныя, мыслящія.

Апостолъ Іоаннъ свидѣтельствуетъ: *Кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что сначала діаволъ согрѣшилъ. Для сего-то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола* (1 Іоан. III, 8). Можно-ли согласиться, чтобы здѣсь подъ именемъ діавола разумѣлось существо не дѣйствительное, а только воображаемое?

Апостолъ Павелъ пишетъ: *Чтобы не сдѣлалъ намъ ущерба сатана, ибо намъ не безъизвѣстны его умыслы* (2 Кор. II, 11),—и слѣдовательно изображаетъ діавола существомъ мыслящимъ; а въ другомъ мѣстѣ выражаетъ желаніе, чтобы противящіеся истинѣ *освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю* (2 Тим. II, 26),—и такимъ образомъ учитъ, что діаволъ есть существо личное, имѣющее собственную волю.

Противъ библейскаго ученія о діаволѣ возражаютъ, что представленіе о діаволѣ возникло не на почвѣ народа Израильскаго, но имѣетъ персидское происхожденіе, и что

іудеи усвоили себѣ это представленіе уже въ плѣну вавилонскомъ: библейское ученіе о діаволѣ имѣетъ, говорятъ, несомнѣнное сходство съ персидскимъ ученіемъ объ Аримамѣ, зломъ началѣ. Съ другой стороны утверждаютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ евангелій, гдѣ идетъ рѣчь о діаволѣ, Іисусъ Христосъ только приспособляется къ іудейской народной вѣрѣ или суевѣрію.

На это мы должны сказать слѣдующее:

а) Ученіе о діаволѣ существовало у народа Израильскаго несомнѣнно гораздо раньше плѣна вавилонскаго, какъ видно изъ приведенныхъ выше мѣстъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

б) Ветхозавѣтное ученіе о діаволѣ представляетъ діаметральную противоположность съ персидскимъ ученіемъ объ Ариманѣ:

Ариманъ считается по дуалистическому ученію персовъ самостоятельнымъ *богомъ*, а падшій сатана есть *твореніе*, происшедшее отъ Бога и обусловливаемое Богомъ.

Ариманъ съ значительнымъ успѣхомъ воюетъ съ Ормуздомъ (добрымъ началомъ), а діаволъ—только безсильное, хотя и сопротивляющееся орудіе Божественнаго Промысла.

Ариманъ творитъ вредныхъ животныхъ,—діаволъ не творитъ, а старается только разрушать.

Наконецъ Ариманъ произошелъ изъ вѣчнаго первосущества (Zeruane akerene) прямо въ качествѣ *злаго начала*, тогда какъ діаволъ, по ученію Писанія (Іоан. 8, 44, 2 Петр. 2, 4; Іуд. 6), первоначально былъ *добрымъ* и сдѣлался злымъ только вслѣдствіе злоупотребленія своею свободою.

в) Мудрое приспособленіе Іисуса Христа къ предразсудкамъ толпы, хотя Онъ Самъ и не раздѣлялъ ихъ, составляло, говорятъ, характеристическую особенность Его уче-

нія. И въ ученіи о зломъ духѣ Онъ, по утвержденію нѣкоторыхъ, только приспособлялся къ іудейскимъ понятіямъ о діаволѣ и объ ангелахъ вообще. Однако этому утвержденію противорѣчитъ то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ Іисусъ Христосъ допускалъ такое приспособленіе не только къ народу, но и къ ученикамъ Своимъ, о которыхъ однако прямо говоритъ, что имъ дано знать тайны царствія Божія (Лук. VIII, 10): и имъ также Онъ неоднократно и недвусмысленно говоритъ о діаволѣ (Матѳ. XIII, 25... 39; XVI, 17; Лук. VIII, 5, 12; X, 17—20; XXII, 31 и друг. мѣста). Вполнѣ несомнѣнно,—и этого отнюдь нельзя опровергнуть,—что Іисусъ Христосъ положительно представлялъ какъ народу, такъ и ученикамъ Своимъ, діавола источникомъ грѣха. Вообще всѣ попытки устранить ученіе о діаволѣ изъ Священнаго Писанія оказывались всегда тщетными, несостоятельными: если ужъ какое другое понятіе можно назвать вполнѣ *библейскимъ*, то въ особенности понятіе о діаволѣ.

Сынъ Божій явился въ міръ для того, чтобы разрушить дѣла діавола (1 Іоан. III, 8). Поэтому Ему нельзя было избѣжать борьбы съ княземъ тьмы. Второму Адаму предстояло возвратить все то, что потерялъ первый Адамъ. И такъ какъ первый Адамъ не устоялъ въ искушеніи, то ему (искушенію) долженъ былъ подвергнуться снова второй Адамъ. Къ Нему приступилъ въ пустынѣ древній змій-искуситель, но былъ Имъ отраженъ и посрамленъ. Отвергающіе бытіе діавола и считающіе его пустою фантасмагоріей тѣмъ самымъ допускаютъ, будто Христосъ явился въ міръ для того, чтобы разрушить дѣла пустой мечты. И если діаволъ есть не болѣе, какъ только олицетвореніе злаго начала, то значитъ и Христосъ былъ только безличною идеею. А допускать,—какъ хотятъ нѣкоторые,—что искушеніе Іисуса Христа въ пустынѣ было не дѣйствительнымъ,

историческимъ событіемъ, а только внутреннимъ процессомъ, совершавшимся въ душѣ Искупителя міра, значитъ покушаться на Его безгрѣшность: если Онъ былъ искушаемъ своими собственными внутренними мыслями и пожеланіями, то, стало быть, Онъ носилъ въ Себѣ *злыя* мысли и влеченія и потому Самъ былъ грѣшникомъ. А этимъ разрушался-бы весь образъ Іисуса, начертанный намъ евангелистами. Искушеніе *должно было* и *могло* придти къ Нему только *извнѣ*, но отнюдь не *извнутри*, какъ оно пришло и къ первому человѣку.

Да, и къ первому человѣку искушеніе пришло извнѣ: человѣкъ не былъ отцомъ лжи, не былъ самостоятельнымъ виновникомъ, творцомъ грѣха. Онъ имѣлъ роковое несчастіе сдѣлаться только сыномъ лжи и грѣха. Одинъ есть отецъ лжи, виновникъ грѣха и всякаго зла—діаволъ.

Что грѣхъ дѣйствительно существуетъ, это—фактъ несомнѣнный, удостовѣряемый жизнію и исторіей. Но грѣхъ не есть нѣчто изначала и необходимо данное въ самой природѣ человѣческой. Не составляетъ ли онъ слѣдствія ограниченности природы человѣческой или низшей степени добра, переходной только ступени къ совершенству: нѣтъ, онъ есть положительное отрицаніе добра, положительное зло.

Откуда же грѣхъ въ человѣкѣ? Нельзя возводить его къ Богу, въ которомъ нѣтъ никакой тьмы (1 Іоан. I, 5) и который не искушаетъ никого къ злу (Iак. I, 13, 17). Было бы ужасно и противно всякой психологіи производить грѣхъ изъ самой природы человѣческой. Его можно возводить только къ духовному злому существу, стремящемуся отторгнуть волю человѣка отъ святой воли Божіей. Если мы ведемъ борьбу съ существующимъ въ насъ самихъ зломъ, если въ самыя святыя минуты душу нашу часто обуреваютъ тяжкія искушенія, то кто не скажетъ, что эта борьба происходитъ не отъ плоти и крови, какъ перваго

своего источника, но отъ невидимыхъ силъ, враждующихъ съ Богомъ изъ-за обладанія нашимъ сердцемъ. Объяснить вполнѣ существованіе зла, его страшную глубину и могущество можно не иначе, какъ только при допущеніи духовнаго міра, закоренѣлаго въ злѣ и находящагося въ таинственныхъ отношеніяхъ къ человѣку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе о зломъ духѣ искушающемъ, обольщающемъ, подстрекающемъ на зло полно для человѣка великаго утѣшенія и пролизаетъ свѣтъ надежды въ такія области жизни, которыя—не будь этого ученія—были бы покрыты непроглядным, безотраднымъ мракомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глубоко палъ человѣкъ, однако онъ какъ относительно перваго грѣха, такъ и относительно каждаго изъ послѣдующихъ грѣховъ есть только существо, подвергшееся и подвергающееся соблазну и обману, а не дьявольски-злое. У него всегда остается надежда на исправленіе и искупленіе. Но поистинѣ нельзя было-бы не придти въ отчаяніе, еслибы пришлось вѣрить, что всѣ тѣ разнообразныя внушенія зла, которыя подымались въ сердцѣ человѣка, въ немъ самомъ и зарождались. Поистинѣ нельзя было бы безъ мрачнаго отчаянія глядѣть на судьбу всего рода человѣческаго, еслибы необходимо было вѣрить, что всѣ гнусныя грѣхопаденія и страшныя преступленія, совершенныя человѣчествомъ, были имъ самимъ задуманы, взлелѣяны въ его собственной груди, а не внушены постороннимъ вліяніемъ. Но если это сдѣлано было *врагомъ* (Матѳ. XIII, 28), тогда не слѣдуетъ еще терять надежды: хотя сердце человѣческое и есть та почва, на которой прозябли всѣ злые помыслы и злые дѣла, однако самое сѣмя, изъ котораго они прозябли, всѣяно въ него чужою рукою.

«И кто станетъ отрицать существованіе въ человѣкѣ этихъ діавольскихъ внушеній, совершенно отличныхъ отъ его животныхъ стремленій? Конечно, никто, испытавшій въ своей груди страшную возможность подстрекательства ко грѣху, никто, изучавшій надлежащимъ образомъ нравственныя лѣтописи міра. Чѣмъ, какъ не этимъ, объяснить то, что люди не только отступаютъ отъ Бога, но и возстаютъ противъ Него? что беззаконники, вмѣсто того, чтобы просто забыть Бога, не касаясь уже Его вовсе, произносятъ Его имя своими устами такъ же часто, если еще не чаще тѣхъ, кто любитъ Его и служитъ Ему? Какъ иначе объяснить изрыгаемыя на Него дерзкія хулы, ту дѣятельную ненависть къ Нему, которой нельзя не признать въ иныхъ злыхъ людяхъ? Они—не атеисты,—это слово выразило бы слабо и невѣрно, кто они: нѣтъ, они скорѣе антитеисты. Чѣмъ инымъ можетъ быть изъяснено услажденіе при видѣ страданій или при причиненіи мученій, многія странныя изобрѣтенія злобы, а главное—свирѣпость и, такъ сказать, сладострастіе въ ненависти? Чѣмъ инымъ изъяснить предпочтеніе зла ради самаго зла и ту неистовую радость, которую люди часто находятъ въ нарушеніи закона, услаждаясь самымъ этимъ нарушеніемъ, и всѣ иныя «mala gaudia mentis» (злыя утѣхи ума), такъ хорошо охарактеризованныя поэтомъ одною фразой?

«Тайна эта столько же необъяснима, сколько и страшна до тѣхъ поръ, пока человѣкъ и слышать не хочетъ ни о подземномъ духовномъ мірѣ, ни о небесномъ; но она становится весьма понятной, какъ скоро мы признаемъ зло, гнѣздящееся въ человѣкѣ, не вполнѣ его собственнымъ, какъ скоро мы открываемъ грѣхопаденіе, предшествовавшее его паденію, и законопреступника, согрѣшившаго прежде него,—того, который палъ не такъ, какъ палъ человѣкъ, потому что паденіе человѣка милосердо пріостановлено тою же плотію, при посредствѣ которой оно и содѣлано; а этотъ первопадшій палъ такъ, какъ могутъ пасть только духи—съ высоты неба въ бездну ада. Этимъ же объяс-

няется и то, что разъ *онъ* палъ, возстать онъ уже не можетъ никогда, такъ какъ онъ никѣмъ не былъ обольщенъ, не былъ искушенъ другимъ, какъ обольщенъ и искушенъ былъ Адамъ: онъ самъ предпочелъ зло, вполнѣ сознавая, что оно зло; самъ отступился отъ добра, вполнѣ сознавая, что оно добро; и такимъ образомъ его грѣхъ является по существу своему грѣхомъ противъ Духа Святаго и какъ таковой не можетъ быть прощенъ ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Все объясняется, какъ скоро мы признаемъ существованіе такого духа, который, погибнувъ самъ безъ надежды искупленія, старается погубить такимъ образомъ другія созданія Божіи: считая для себя еще малой побѣдой то, что довелъ человѣка до животнаго состоянія, онъ хотѣлъ бы сдѣлать и его діаволомъ. Безчисленныя нравственныя и духовныя явленія этого падшаго міра свидѣтельствуютъ и увѣряютъ въ личномъ существованіи такого искусителя» [1]).

Что касается числа падшихъ или злыхъ духовъ, то Священное Писаніе не опредѣляетъ его, но даетъ разумѣть, что число это велико, когда говоритъ о бѣсахъ и духахъ нечистыхъ въ числѣ множественномъ (Лук. X, 17, 20; Ефес. VI, 12 и друг.), свидѣтельствуютъ, что въ странѣ Гадаринской Спаситель изъ одного человѣка изгналъ бѣсовъ многихъ—*легіонъ* (Лук. VIII, 30) и представляетъ изреченіе Спасителя: *если сатана раздѣлился самъ въ себѣ, то какъ устоитъ царство его*? (Лук. XI, 18). Значитъ, нечистые духи составляютъ цѣлое царство. Нѣкоторые изъ учителей Церкви, на основаніи словъ Апокалипсиса (XII, 4): *хоботъ его* (змія) *отторгъ третью часть звѣздъ небесныхъ*; гадали, что діаволъ увлекъ за собою третью часть

¹) Искушеніе Господа въ пустынѣ, *Тренча*, архіепископа Дублинскаго. Правосл. Обозр. 1887 г., мартъ, стр. 576—577.

міра ангельскаго [1]). Но другіе—наибольшая часть—держались той мысли, что «имъ отторгнуто, ему послѣдовало и съ нимъ ниспало безчисленное множество подчиненныхъ ему духовъ» [2]), не опредѣляя, сколько именно.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Погребеніе и поминовеніе православнаго христіанина.

1. Погребеніе православнаго христіанина.

То, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ. (1 Кор. XV, 36).

а) Отходная.

При концѣ жизни человѣка, при отходѣ его изъ этого міра, надъ нимъ читается особый *канонъ*, который въ Требникѣ Маломъ озаглавливается такъ: «Канонъ молебный ко Господу нашему Іисусу Христу и пречистѣй Богородицѣ Матери Господни, при разлученіи души отъ тѣла всякаго правовѣрнаго». При концѣ канона полагается особая молитва. Этотъ канонъ, читаемый «отъ лица человѣка, съ душею разлучающагося и не могущаго глаголати», обыкновенно называется *отходною*.

¹) См. у св. *Димитрія Ростовскаго*. Лѣтоп. I, 12.
²) *Іоаннъ Дамаскинъ*, Точное излож. прав. вѣры. Кн. II. гл. 4.

Вотъ нѣсколько тропарей изъ этого умилительно-трогательнаго канона:

«Се мя, Владычице, страхъ усрѣте, его же и бояхся, се подвигъ великъ объятъ мя, въ немже буди ми помощница, надежде спасенія моего».

«Устнѣ мои молчатъ и языкъ не глаголетъ, но сердце вѣщаетъ: огнь бо сокрушенія сіе снѣдая внутрь возгарается и гласы неизглаголанными Тебе, Дѣво, призываетъ».

«Нощь смертная мя постиже неготова, мрачна же и безлунна, препущающи неприготовлена къ долгому оному пути страшному, да спутешествуетъ ми твоя милость, Владычице».

«Великой послѣдней гласящей трубѣ въ страшное и грозное воскрешеніе суда, воскресающимъ всѣмъ, помяни мя тогда, Святая Богородице».

«Зря конецъ близу житія моего и помышляя безмѣстныхъ мыслей, дѣяній же, Всечистая, душу мою дѣлательницу, лютѣ уязвляюся стрѣлами совѣсти: но преклоншися милостивно буди мнѣ предстательница».

Въ заключеніе всего отъ іерея глаголется слѣдующая *молитва на исходъ души*:

«Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Іисуса Христа, Иже всѣмъ человѣкомъ хотяй спастися и въ разумъ истины пріити, не хотяй смерти грѣшному, но обращенія и живота! Молимся и милися Ти дѣемъ: душу раба Твоего (имя рекъ) отъ всякія узы разрѣши, и отъ всякія клятвы свободи, остави прегрѣшенія ему, яже отъ юности, вѣдомая и невѣдомая, въ дѣлѣ и словѣ, и чисто исповѣданная, или забвеніемъ или студомъ утаенная. Ты бо единъ еси разрѣшаяй связанныя и исправляяй сокрушенныя, надежды неначаемымъ, могій оставляти грѣхи всякому человѣку, на Тя упованіе имущему. Ей, человѣколюбивый Господи, повели, да отпустится отъ узъ плотскихъ и грѣ-

ховныхъ, и пріими въ мірѣ душу раба Твоего сего (имя рекъ), и покой ю въ вѣчныхъ обителехъ со Святыми Твоими, благодатію единороднаго Сына Твоего, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, съ Нимже благословенъ еси, съ пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Въ Большомъ Требникѣ (глава 75) есть особый «Чинъ, бываемый на разлученіе души отъ тѣла, внегда человѣкъ долго страждетъ». Этотъ Чинъ состоитъ изъ канона и двухъ молитвъ, изъ коихъ первая («Молитва о души судимѣй») по содержанію вполнѣ сходна съ молитвою въ Отходной, а вторая «о долгостраждущемъ умрети» читается такъ:

«Господи Боже нашъ, иже неизреченною Твоею мудростію создавый человѣка и отъ персти сего вообразивый, въ видъ и доброту украсивый, яко честное и небесное стяжаніе, въ славословіе и благолѣпіе Твоея славы и царства, за еже по образу и по подобію сего привести, но понеже заповѣдь преступи Твоего повелѣнія, пріемъ образъ и не сохранивъ, и сего ради да не зло безсмертное будетъ, человѣлюбно повелѣвый разрѣшенію сему и нерушимѣй сей узѣ, яко Богъ отцевъ, Твоимъ Божественнымъ хотѣніемъ отсѣщися и разытися, и тѣлу убо отъ нихже сложися разытися, души же тамо преселитися, идѣже и еже быти пріяла есть, даже до общаго воскресенія: сего ради молимся Тебѣ безначальному и безсмертному Отцу, и единородному Твоему Сыну, и пресвятому Твоему Духу, да отъ тѣла разрѣшеніе (имя рекъ), во упокоеніе сотвориши, и аще что въ вѣдѣніи или въ невѣдѣніи приразися Твоей благости, или подъ клятвою священническою бысть, или своя родители преогорчи, или клятву преступи, или въ мечтанія демонская и волхванія студная впаде, завистію лукаваго демона, прощенія отъ Твоея неизреченныя благости моля: ей, Владыко Господи

Боже, услыши мене грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего въ часъ сей и разрѣши раба Твоего (имя рекъ) нестерпимыя сея болѣзни и содержащія его горькія немощи и упокой его, идѣже праведныхъ дуси, яко Ты еси упокоеніе душъ и тѣлесъ нашихъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

б) Омовеніе и облаченіе умершаго.

Ни одинъ народъ не оставлялъ безъ попеченія тѣлъ своихъ умершихъ: для всѣхъ былъ священъ тотъ законъ, чтобы погребеніе сопровождалось приличными обрядами. Въ своихъ погребальныхъ обычаяхъ каждый народъ, сообразно съ своимъ духомъ и характеромъ, выражалъ свою заботливость о скончавшихся. Суевѣрные египтяне бальзамировали тѣла своихъ умершихъ, обвязывали ихъ тонкими повязками и хранили ихъ или въ пирамидахъ или въ другихъ мѣстахъ. Воинственные и жестокіе римляне омывали тѣло умершаго холодною водою, намащали его и сожигали на устроенномъ для этого кострѣ. Когда пламя совершенно погасало, собирали пепелъ тѣла, кропили его виномъ и молокомъ и заключали со слезами и духами въ урну. У народа Божія—іудеевъ мы встрѣчаемъ также погребальные обряды, но болѣе кроткіе, сообразные съ природою, чуждые суевѣрія и безчеловѣчія язычниковъ. Іудеи не бальзимировали и не сожигали тѣлъ умершихъ, но намащали ихъ благовоніями, обвивали тонкимъ полотномъ и погребали въ пещерѣ, или гротѣ (Іоан. XIX, 39—41). Въ память умершаго преломляли надъ нимъ хлѣбъ (Второз. XXVI, 14. Іерем. XVI, 7); а для выраженія своей скорби о скончавшемся посыпали голову пепломъ, а иногда налагали на себя постъ (1 Цар. XXXI, 13; 2 Цар. I, 12; III, 35). Св. вѣра Христова, сообщившая, между прочимъ, и высокое понятіе о человѣкѣ-христіанинѣ, заставляетъ съ почтеніемъ смотрѣть на него и тогда, когда онъ лежитъ бездыханенъ и мертвъ. Этотъ умершій христіанинъ теперь—добыча смерти, жертва тлѣнія, но онъ—членъ Іисуса Христа (1 Кор. XII, 27); въ развалинахъ этого, нѣкогда величественнаго храма, носился, жилъ и дѣйствовалъ животворящій Духъ Божій (1 Кор. VI, 15—19); тѣло христіанина освящено пріобщеніемъ божественнаго тѣла и крови Христа Спасителя.

«Можно ли же не воздавать почтенія Іисусу Христу, котораго умершій есть членъ? Можно-ли презирать Духа Святаго, котораго умершій былъ храмомъ?» [1]). Наконецъ это мертвое и тлѣнное тѣло христіанина снова оживетъ и облечется нетлѣніемъ и безсмертіемъ (1 Кор. XV, 53). Поэтому-то наша православная Церковь, освящая своими священнодѣйствіями всѣ важнѣйшіе случаи въ жизни христіанина, не оставляетъ сына своего безъ материнскихъ попеченій и тогда, когда онъ перешелъ изъ этого міра въ далекую и невѣдомую страну вѣчности. Трогательные обряды, совершаемые св. Церковію надъ гробомъ христіанина, не пустыя и пышныя церемоніи, которыя часто изобрѣтаются тщеславіемъ и суетностью человѣческою и которыя не трогаютъ сердца и ничего не говорятъ уму, напротивъ того имѣютъ глубокій смыслъ и значеніе и, будучи основаны на внушеніяхъ св. вѣры, ведутъ свое начало отъ богопросвѣщенныхъ мужей древности.

Когда тѣло христіанина лежитъ бездыханно, тогда съ материнскими попеченіями Церкви о умершемъ начинаются и заботливыя попеченія о немъ дружбы, родства и знакомства. *Тѣло*, или по выраженію Требника [2]), *мощи* усоп-

[1]) Слово 165 блаж. Августина.

[2]) Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ.

шаго тотчасъ по смерти *омывается*—въ знаменіе духовной чистоты и непорочности жизни умершаго и изъ желанія, чтобы онъ въ чистотѣ предсталъ предъ лице Бога по воскресеніи. Основаніемъ этого благочестиваго обычая служитъ для христіанъ примѣръ Божественнаго нашего Искупителя, пречистое тѣло Котораго, по свидѣтельству св. Іоанна Златоуста [1]), по снятіи съ креста было омыто, а также примѣръ христіанъ временъ апостольскихъ, имѣвшихъ обыкновеніе омывать тѣла своихъ усопшихъ (Дѣян. IX, 37). У писателей послѣ-апостольскихъ вѣковъ мы находимъ не только свидѣтельства объ обыкновеніи омывать тѣла усопшихъ, но и подробныя описанія самаго образа совершенія этого обряда въ древней христіанской Церкви. Такъ изъ жезнеописанія св. Макрины, сестры св. Василія Великаго, мы узнаемъ, что омовеніе тѣла умершаго простиралось на всѣ части тѣла и что при совершеніи этого обряда пѣты были псалмы богодухновеннаго Давида. Сочинитель II-го слова на Іова, приписываемаго обыкновенно св. Златоусту, представляя трогательную картину нѣжной родительской заботливости объ умирающемъ сынѣ, упоминаетъ между прочимъ и объ омовеніи. «Когда сынъ испуститъ духъ, то родители по повелѣнію Того, Кто даровалъ имъ сына, заботятся о немъ, распростираютъ его руки, закрываютъ глаза и омываютъ».

Но монаховъ и священниковъ не омываютъ послѣ смерти. «Егда кто отъ монаховъ ко Господу отыдетъ, понеже не подобаетъ омыватися тѣлу его, ниже видѣтися отнюдь нагу, на сіе учиненный монахъ отираетъ мощи его теплою водою, творя прежде губою крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на рукахъ, на ногахъ и на колѣнахъ, вящше же ничтоже» [2]).

[1]) Бесѣда LXXXIV на Еванг. Іоанна.

[2]) Большой Требникъ, Послѣдованіе исходное монаховъ.

«Егда кто отъ мірскихъ священниковъ отыдетъ ко Господу, приходятъ три священницы и снемлютъ его со одра, и полагаютъ на земли на рогозиницѣ. И понеже не подобаетъ измовенну быти, обнажену отъ священниковъ, отираютъ его со елеемъ чистымъ» [1]).

Послѣ омовенія тѣла христіанина, его *одѣваютъ въ новыя одежды*. Этимъ заранѣе указывается на новое одѣяніе нашего нетлѣнія и безсмертія (1 Кор. XV, 53) [2]). Одежды одѣваются сообразныя званію или служенію умершаго. Онѣ изображаютъ, что по воскресеніи человѣкъ долженъ будетъ дать отчетъ Богу, какъ онъ исполнялъ свой долгъ въ томъ званіи, въ которое былъ призванъ; ибо «вси оживутъ, кійждо въ своемъ чину» (1 Кор. XV, 22, 23). И такъ монаха одѣваютъ въ монашеское одѣяніе и обвиваютъ его мантіею, для чего она разрѣзывается нѣсколько и усопшій обвертывается укроемъ, или пеленою (Іоан. XI, 44), крестообразно [3]). Лицо его закрывается въ знакъ того, что умершій во время земной жизни удаленъ былъ отъ міра. Умершаго священника одѣваютъ сперва въ обычныя его одежды, потомъ и во всю священническую одежду и покрываютъ лицо его воздухомъ, въ знакъ того, что онъ былъ совершитель таинъ Божіихъ и особенно святыхъ таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Этотъ воздухъ потомъ уже не бываетъ въ употребленіи, но опускается съ умершимъ въ землю. «Діакона же и прочихъ клириковъ такожде по обла-

[1]) Требникъ, Послѣдованіе мертвенное надъ скончавшимся священникомъ.

[2]) Св. Іоанна Златоуста бесѣда 116-я, т. VI.

[3]) «Простирается мантія его косвеннѣ, и поднесше мощи съ рогозины, простираютъ ю подъ мощи отъ ногъ даже до главы: и тако надъ погребаніемъ вчиненый монахъ ножемъ обрѣзавъ край мантіи, иже по обоихъ краехъ, свивъ же мощи мантіею, укроемъ вкупѣ связаннымъ обвиваетъ мощи: наченъ же отъ главы совершаетъ кресты три—единъ у главы, вторый у персій, третій у колѣнъ, оставшею же частію двоихъ укроевъ связуетъ нозѣ его» (Послѣдованіе исходное монаховъ въ Большомъ Требникѣ).

ченіи въ обычныхъ одеждахъ, въ ихъ чинови належная одѣянія облачени да будутъ» [1]). Усопшаго архіерея облекаютъ въ архіерейскую одежду. Епископъ, постригшійся предъ смертію въ схиму, въ схимѣ и погребается, а обыкновенный—въ ризахъ [2]).

На умершаго мірянина, одѣтаго въ новыя и чистыя одежды, полагаютъ *саванъ* (linteum, пелены)—бѣлый покровъ, указывающій на тѣ бѣлыя одежды, въ которыя облачаютъ по крещеніи, и потому знаменующій, что умершій сохранилъ до конца жизни обѣтъ, данный имъ при крещеніи [3]).

Бѣлый покровъ, полагаемый нынѣ на умершаго, замѣнилъ собою бѣлыя одежды; въ которыя имѣли обыкновеніе облекать умершихъ въ древней христіанской Церкви. Обычай этотъ восходитъ ко временамъ самого Іисуса Христа, котораго тѣло обвито было чистымъ полотномъ (Лук. XXIII, 53). Тѣла святыхъ мучениковъ были облекаемы въ чистыя льняныя одежды. О всеобщности этого обычая въ древней христіанской Церкви можно заключать изъ словъ блаженнаго Іеронима (въ жизни Павлы), который убѣждаетъ богачей своего времени не тратить богатства на погребальныя одежды и не оставлять древняго и священнаго обычая облекать умершихъ въ простыя бѣлыя одежды. Св. Златоустъ, объясняя значеніе бѣлыхъ погребальныхъ одеждъ, называлъ ихъ одеждами нетлѣнія и безсмертія. Мы имѣемъ самое осязательное свидѣтельство о всеобщности этого обычая въ древней Церкви: въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ находили тѣла древнихъ христіанъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Эти бѣлыя

---

[1]) Требникъ митрополита Петра Могилы, 1646 г., стр. 441.

[2]) Опредѣленіе Константинопольскаго Патріаршаго собора по вопросамъ Ѳеогноста, епископа Сарайскаго, 1301 года. Православный Собесѣдникъ 1863 года, Февраль, стр. 167.

[3]) Въ Послѣдованіи Крещенія, въ „Чинѣ, како во осьмый день приносятъ младенца въ церковь, во еже омыти его“, пелены, которыя разрѣшаетъ при этомъ священникъ, названы по гречески *саваномъ*.

одежды состоятъ изъ рубашки, которую древніе называли *плащаницею* (сикдоній). Рубашка завязывалась подвязками, какъ обыкновенно пеленаютъ младенцевъ. Затѣмъ головная повязка, называемая убрусомъ (сударемъ), покрывала нетолько лице, но и всю верхнюю часть тѣла до ногъ.

Въ руки какъ архіерею, такъ и священнику дается *Евангеліе*, въ знакъ того, что они возвѣщали людямъ ученіе Евангелія. Кромѣ Евангелія, въ руки архіерея и священника обыкновенно полагается еще *крестъ*—символъ спасенія живыхъ и мертвыхъ; въ руки монаху и мірянину полагаютъ *икону* Спасителя, въ знакъ того, что они вѣровали во Христа и предали Ему душу, что они въ жизни предзрѣли Господа предъ собою и теперь переходятъ къ блаженному лицезрѣнію Его со Святыми.

Когда наступитъ время полагать усопшаго во гробъ, тогда священникъ *кропитъ святою водою тѣло* умершаго и *ковчегъ* его извнѣ и извнутрь и абіе влагаетъ е въ немъ [1]).

На челѣ умершаго полагается *вѣнчикъ*. Умершій христіанинъ украшается вѣнцемъ, какъ борецъ, съ честію оставившій поле подвига [2]), какъ воинъ, одержавшій побѣду. На вѣнчикѣ находится изображеніе Господа Іисуса Христа, Пречистой Богоматери и св. Іоанна Предтечи, съ надписью «Трисвятаго». Этимъ показывается, что окончившій свое земное теченіе надѣется за свои подвиги получить вѣнецъ (2 Тим. IV, 7, 8) только по милосердію Тріединаго Бога и ходатайству Божіей Матери и Предтечи.

Когда явились вѣнчики, полагаемые на чело умершаго, въ такомъ видѣ, то-есть съ изображеніемъ Іисуса Христа, Божіей Матери и св. Предтечи и съ надписаніемъ Трисвя-

---

[1]) Требникъ, Указъ о провожденіи усопшихъ на святую Пасху и во всю свѣтлую недѣлю бываемый.

[2]) Св. Іоанна Златоуста бесѣда IV на посланіе къ Евреямъ.

таго, исторически опредѣлить нельзя, по недостатку свидѣтельствъ. Въ Требникѣ, употребляемомъ въ настоящее время, и въ Требникѣ Петра Могилы нѣтъ ни одного намека на обрядъ увѣнчивать умершаго. Вѣроятно, обычай этотъ соблюдался всѣми православными христіанами, передавался изъ рода въ родъ и былъ такъ всеобщъ въ Церкви, что не требовалъ положительныхъ узаконеній и правилъ, оставшись такимъ образомъ незамѣченнымъ въ исторіи, по самой своей всеобщности и обычности.

Тѣло умершаго покрывается священнымъ *покровомъ*, въ знакъ того, что умершій, какъ вѣрующій и освященный таинствами, находится подъ покровомъ Христовымъ.

Надъ умершимъ архіереемъ и священникомъ читается *Евангеліе*, по словамъ Симеона Солунскаго, въ умилостивленіе Бога. Ибо говоритъ онъ, какая другая можетъ быть жертва Богу въ умилостивленіе о предлежащемъ, какъ не сія, то есть благовѣтствованіе о воплощеніи Бога, Его ученіи, таинствахъ, дарованіи оставленія согрѣшеній, спасительныхъ страданіяхъ за насъ, животворной Его смерти и воскресеніи [1]). Евангельское слово выше всякаго «послѣдованія», и его прилично читать надъ освященными [2]).

Надъ умершимъ міряниномъ и монахомъ читается *Псалтирь*. Это чтеніе утѣшаетъ сѣтующихъ объ усопшемъ и располагаетъ ихъ къ молитвѣ о немъ Богу. Такъ какъ чтеніе Псалтири по умершимъ назначается преимущественно для молитвы за него, то оно прерывается поминовеніемъ усопшаго, съ особеннымъ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, съ произношеніемъ самаго имени покойнаго. Обычаемъ принято повторять такое молитвенное обращеніе къ Богу по окончаніи нѣсколькихъ псалмовъ, отдѣляемыхъ въ книгѣ

¹) Новая Скрижаль, часть IV, гл. 22, § 2.

²) Симеона Солунскаго, Разгов. о священнод. § 326.

Псалтирь словомъ: «Слава». Эта молитва, начинающаяся словами: «Помяни Господи Боже нашъ», печатается не между псалмами, а въ Послѣдованіи «на исходъ души», которое находится какъ въ Псалтири Малой, такъ и въ Псалтири съ послѣдованіемъ.

Въ древней христіанской Церкви надъ гробомъ христіанина пѣлись псалмы во все то время, доколѣ умершій оставался непогребеннымъ. Трогательное зрѣлище представляетъ намъ св. Григорій Нисскій, описывая, какъ при гробѣ сестры его цѣлую ночь пѣты были псалмы и какъ эта торжественность напоминала собою тѣ катакомбы, куда собирались первые христіане для совершенія молитвъ надъ гробами мучениковъ [1]). Иногда впрочемъ и въ древности, какъ и въ наше время, чтецы читали Псалтирь надъ умершимъ, какъ можно заключить изъ словъ св. Златоуста: «Для чего, — спрашиваю я тебя, — призываешь ты пресвитеровъ и поющихъ псалмы? Не для того ли, чтобы и они тебѣ доставили утѣшеніе и почтили мертваго [2])?»

Не безъ причины и не безъ цѣли Церковь, съ древнихъ временъ, положила читать надъ гробомъ умершаго книгу Псалмовъ, а не другую книгу Священнаго Писанія. Христіанинъ долженъ съ радостію провождать брата своего изъ земли странствія, кровавыхъ подвиговъ и трудовъ въ блаженную страну вѣчности и пѣть торжественный псаломъ и гимнъ Богу, освободившему усопшаго отъ узъ міра. Съ другой стороны смерть ближнихъ нашихъ возбуждаетъ въ насъ столько разнообразныхъ чувствованій и мыслей. Что же лучше пѣть намъ надъ гробомъ нашего ближняго, какъ не Псалтирь, которая воспроизводитъ всѣ многообразныя движенія души нашей, такъ живо сочувствуетъ и нашей

¹) Св. Григорія Нисскаго. Жизнь Макрины, томъ II, стр. 200.

²) Св. Іоанна Златоуста бесѣда XXIX объ усопшихъ.

радости, и нашей скорби, такъ много проливаетъ утѣшенія и ободренія въ скорбящее сердце [1])? Наконецъ книга Псалмовъ такова, что всякій молящійся и читающій ее можетъ произносить слова ея какъ свои собственныя, чего нельзя сказать ни о какой другой книгѣ [2]). Поэтому, слыша надъ гробомъ христіанина уныло—томный голосъ чтеца, воображаешь, что молитва богодухновеннаго царя-пророка Давида какъ бы произносится запечатлѣнными устами самого умершаго: онъ какъ бы самъ изъ гроба умоляетъ милосердіе Божіе о своемъ помилованіи.

в) Паннихида.

Такъ какъ, по ученію Церкви, душа человѣка проходитъ страшныя мытарства въ то время, когда тѣло его лежитъ бездыханно и мертво, то, безъ сомнѣнія, въ это время она (душа усопшаго) имѣетъ великую нужду въ помощи Церкви. Чтобы облегчить душѣ переходъ въ другую жизнь, надъ гробомъ православнаго христіанина, тотчасъ по смерти его, начинаются молитвы объ упокоеніи души его, или поются *паннихиды*.

Начало паннихидъ, или всенощныхъ бдѣній, восходитъ къ самымъ первымъ временамъ христіанства. Гонимые іудеями и язычниками, христіане могли молиться и совершать безкровную жертву, безъ помѣхи и тревогъ, только въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ и ночью. Ночью же только могли они убирать и провожать на вѣчный покой тѣла святыхъ мучениковъ. Это дѣлалось такъ, истерзанное, обезображенное тѣло какого-либо страдальца за Христа они тайно, съ большими предосторожностями и иногда съ величайшими опасностями для самихъ себя, уносили куда-нибудь въ далекую нещеру или въ самый уединенный, безопасный домъ; здѣсь въ продолженіе всей ночи они пѣли надъ нимъ псалмы, потомъ отдавали ему благоговѣйное цѣлованіе и къ утру предавали землѣ. Впослѣдствіи точно такъ же провожали на вѣчный покой и тѣхъ, которые хотя и не страдали за Христа, но всю жизнь посвящали на служеніе Ему, какъ напр., проводилъ на вѣчный покой св. Григорій Нисскій сестру свою Макрину (память ея 19-го іюня). Такое всенощное псалмопѣніе надъ почившимъ называлось *паннихидою*, то-есть всенощнымъ бдѣніемъ. Отсюда молитвы и псалмопѣнія надъ почившимъ или въ память его и получили названіе паннихиды.

---

1) См. *св. Григорія Нисскаго* Слово на день Вознесенія Господня и *блаж. Августина* предисловіе къ толкованію на Псалмы.

2) *Св. Аѳанасія Великаго* посланіе къ Маркеллину о толкованіи Псалмовъ.

Паннихида начинается псалмомъ девятидесятымъ: «Живый въ помощи Вышняго» и т. д. Въ этомъ псалмѣ выражается мирная и безтревожная жизнь человѣка, живущаго подъ покровомъ Всевышняго,—до того мирная и безтревожная, что его не могутъ возмутить не только никакія страшныя для другихъ явленія здѣшней жизни, но даже и переходъ изъ этой жизни въ другую, столь ужасный для всѣхъ. Ничего не убоится онъ,—не только жизненныхъ стрѣлъ, но и ужасовъ смертной ночи. Откуда же такая небоязненность? Отъ несокрушимой ничѣмъ вѣры въ слова Господа: «За то, что онъ возлюбилъ Меня, избавлю его; защищу его, потому что онъ позналъ имя Мое. Воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его; съ нимъ Я въ скорби; избавлю его и прославлю его». Можно ли съ такимъ Заступникомъ и Покровителемъ бояться чего бы то ни было, хоть бы то было страшнѣе самой смерти?

Послѣ псалма слѣдуетъ великая ектенія, въ которой, послѣ каждаго прошенія, молящіеся возглашаютъ: «Господи помилуй».

Миромъ Господу помолимся.

О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся.

Помолимся Господу объ оставленіи согрѣшеній скончавшагося, да незабвенна будетъ память объ немъ.

Помолимся Господу объ упокоеніи, мирѣ и доброй памяти всегда незабвеннаго раба Божія (такого-то).

Помолимся Господу, чтобы Онъ простилъ ему всякое согрѣшеніе, намѣренное и не намѣренное.

Помолимся Господу, чтобы онъ (скончавшійся) могъ безъ осужденія предстать предъ страшнымъ престоломъ Господа славы.

Помолимся Господу о тѣхъ, которые плачутъ, скорбятъ, ждутъ утѣшенія отъ Христа.

Помолимся Господу, чтобы скончавшійся былъ избавленъ отъ всякаго мученія, скорби и душевныхъ страданій, и былъ вселенъ тамъ, гдѣ все полно свѣтомъ лица Божія.

Помолимся, чтобы Господь Богъ нашъ упокоилъ душу его въ мѣстѣ свѣтломъ, радостномъ, мирномъ, тамъ, гдѣ праведники пребываютъ.

Помолимся Господу, чтобы онъ (скончавшійся) вступилъ въ среду Авраама, Исаака и Іакова.

О избавитися намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, Господу помолимся.

Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію.

Испросивъ милость Божію, царство небесное и оставленіе грѣховъ тому (скончавшемуся) и себѣ самимъ, поручимъ Христу Богу другъ друга и всю нашу жизнь. (Тебѣ Господи).

Чтомымъ же ектеніямъ іереи вси преклонше главы чтутъ молитву сію тайно:

«Боже духовъ и всякой плоти, побѣдившій смерть, уничтожившій власть діавола и даровавшій жизнь Твоему міру! Самъ, Господи, упокой душу скончавшагося раба Твоего (такого-то) въ мѣстѣ свѣта, блаженства, міра, гдѣ нѣтъ никакихъ мукъ, скорбей и душевныхъ страданій. Какъ благій и человѣколюбивый Богъ, прости ему всякое согрѣшеніе, совершонное имъ или словомъ или дѣломъ или мыслію; потому что нѣтъ человѣка, который провелъ бы земную жизнь безъ грѣха: единъ Ты безъ грѣха; правосудіе Твое—правосудіе вѣчное и слово Твое—истина».

Первостоятель же возглашаетъ:

«Потому что Ты, Христе Боже нашъ, воскресеніе, жизнь и упокоеніе усопшаго раба Твоего (такого-то), и Тебя прославляемъ съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, теперь и всегда и въ вѣчные вѣки, аминь».

Затѣмъ *Аллилуіа* трижды и тропарь:

Глубиною мудрости человѣколюбно вся строяй и полезное всѣмъ подаваяй, едине Содѣтелю, упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего: на Тя бо упованіе возложи, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Слава:

На Тя бо упованіе возложиша, Творца и Зиждителя и и Бога нашего.

И нынѣ:

Тебе и стѣну и пристанище имамы и молитвенницу благопріятную къ Богу, Его же родила еси, Богородице безневѣстная, вѣрныхъ спасеніе.

Послѣ этого поется 118-й псаломъ, или 17-я каѳизма, обозначаемая въ богослужебныхъ книгахъ словомъ: *Непорочны* (словомъ, находящимся въ первомъ стихѣ ея: «Блажени непорочніи въ путь, ходящіи въ законѣ Господни»). Въ этой каѳизмѣ изображается блаженство ходившихъ въ законѣ Господнемъ. Особенность пѣнія ея состоитъ здѣсь

въ томъ, что она раздѣляется не на три *Славы*, какъ прочія каѳизмы, а на двѣ половины, или *статіи*. Въ первой половинѣ къ каждому стиху прибавляется припѣвъ: «Помяни, Господи, душу раба Твоего». Окончательные стихи (92-й и 93-й) первой половины: «Еслибъ не законъ Твой утѣшеніемъ моимъ былъ, погибъ бы я въ бѣдствіи моемъ. Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо ими Ты оживляешь меня»—поются трижды.

Потомъ ектенія малая, собственно *заупокойная*:

Паки и паки миромъ Господу помолимся.

Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія (имя рекъ) и о еже проститися ему всякому прегрѣшенію, вольному же и невольному.

Яко да Господь Богъ учинитъ душу его, идѣ же праведніи упокояются.

Милости Божія, царства небеснаго и оставленія грѣховъ его у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего просимъ. (Подай, Господи).

Господу помолимся.

Іерей произноситъ втай (Типикъ, глава 14) молитву: «Боже духовъ». Ликъ же поетъ тихогласно (Тип. гл. 14 и Послѣдованіе субботы мясопустныя) «Господи помилуй» 40 разъ, дондеже скончаетъ священникъ молитву: «Боже духовъ» (Тип. гл. 13).

Затѣмъ возгласъ: «Яко Ты еси воскресеніе и животъ»...

Послѣ этого поется вторая статья каѳизмы, начинающаяся словами (ст. 94): «Твой есмь азъ, спаси мя; яко оправданій Твоихъ взыскахъ», съ припѣвомъ къ каждому стиху: «Упокой, Господи, душу раба Твоего». Въ заключеніе поются трижды конечные стихи псалма: «Жива будетъ душа моя и восхвалитъ Тя, и судьбы Твоя помогутъ мнѣ. Заблудихъ яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповѣдей Твоихъ не забыхъ».

Вслѣдъ за этимъ поются *тропари непорочны*, или тропари за упокой (числомъ 8), съ припѣвомъ къ каждому стиха изъ 118-го псалма. «Благословенъ Ты, Господи! научи меня уставамъ Твоимъ».

«Ликъ Святыхъ обрѣлъ источникъ жизни и дверь въ рай: да найду и я путь туда чрезъ раскаяніе, я, потерянная овца. Спаситель! воззови (подай мнѣ голосъ, найди) и спаси меня».

«Святые мученики, проповѣдавшіе Агнца Божія и сами закланные, какъ агнцы, и переселившіеся туда, гдѣ жизнь не старѣетъ и вѣчно не измѣняется! молите Его усердно, чтобы Онъ даровалъ намъ прощеніе грѣховъ».

«Вы всѣ, которые шли тѣснымъ и горькимъ путемъ, которые во время земной жизни наложили на себя крестъ, какъ ярмо, и вѣрою послѣдовали за Мной! пріидите насладитесь тѣми наградами, которыя Я приготовилъ вамъ, и вѣнчайтесь вѣнцами небесными».

«Хоть и ношу я на себѣ язвы грѣховъ, но все же я— отраженіе Твоей невыразимой языкомъ человѣческимъ славы. Владыка! окажи милосердіе Твоему созданію, очисти по Своему человѣколюбію и даруй мнѣ желанную отчизну, дѣлая меня снова жителемъ рая».

«Ты, вначалѣ изъ ничтожества создавшій меня и украсившій Своимъ Божественнымъ образомъ, но за нарушеніе заповѣди опять возвратившій меня въ землю, изъ которой я взятъ! возставь меня, чтобы во мнѣ отразилось прежнее совершенство».

«Боже! упокой раба Твоего и всели его въ раю, гдѣ лики Святыхъ и праведники сіяютъ, какъ свѣтила (небесныя). Господи! упокой скончавшагося раба, оставляя (ставя ни во что) всѣ грѣхи его».

(Слава): «Благоговѣйно воспѣваемъ трисіятельное единаго

Божества, взывая: Святъ Ты, Отецъ безначальный и собезначальный Сынъ и Божественный Духъ! Просвѣти насъ, служащихъ Тебѣ вѣрою, и избавь вѣчнаго огня».

(И нынѣ): «Радуйся, чистая, родившая Бога плотію для спасенія всѣхъ, Ты, чрезъ которую спасся родъ человѣческій! Богородица чистая, благословенная! да найдемъ и мы чрезъ Тебя рай».

«Аллилуія, аллилуія, аллилуія, Слава Тебѣ, Боже!» (трижды)».

Затѣмъ заупокойная ектенія, сѣдальны, псаломъ 50-й и *канонъ усопшихъ*, съ припѣвомъ къ тропарямъ: «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего».

По третьей пѣсни ектенія и *сѣдаленъ*:

«О, поистинѣ все—суета, вся жизнь—тѣнь и сновидѣніе. Такъ напрасно жъ суетится всякій житель земли (всякій земнородный), какъ говоритъ Писаніе: хотя бы мы пріобрѣли и цѣлый міръ, все таки переселимся въ могилу, куда переселяются одинаково и цари, и нищіе. Но, Христе Боже, упокой представившагося, какъ человѣколюбивый».

По шестой пѣсни ектенія и *кондакъ:*

«Со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, гдѣ нѣтъ болѣзней, скорбей и страданій, но жизнь вѣчно блаженная».

Икосъ: «Самъ Ты, Творецъ и Создатель человѣка, единъ безсмертенъ; а мы—всѣ земные, изъ земли созданы и въ ту же землю возвратимся, какъ повелѣлъ Ты, Создатель: ты—земля и въ землю возвратишься. Туда-то всѣ мы, земнородные, и пойдемъ, съ надгробными рыданіями возглашая пѣснь: аллилуія, аллилуія, аллилуія».

По девятой пѣсни—Трисвятое, Отче нашъ и заупокойная литія:

«Спаситель! упокой съ праведными духами душу раба

Твоего скончавшагося, сохраняя ее въ блаженной жизни, которая у Тебя, человѣколюбивый».

«Господи! упокой и душу раба Твоего въ мѣстѣ покоя, гдѣ покоятся всѣ Святые Твои, ибо Ты единъ человѣколюбивый».

(Слава): «Ты—Богъ, сошедшій во адъ и освободившій содержавшихся тамъ: Самъ упокой и душу раба Твоего».

(И нынѣ): «Дѣва, единая чистая и непорочная, родившая Бога безъ сѣмени! моли, чтобы спаслась душа его».

Ектенія и отпускъ, въ заключеніе котораго возглашается: «Господи! въ блаженномъ успеніи подай вѣчный покой скончавшемуся рабу Твоему (такому-то) и сотвори, чтобы незабвенна была память его».

«Вѣчная память!» отвѣчаютъ на это возглашеніе трижды молящіеся.

г) Выносъ тѣла.

Не долго мертвое тѣло православнаго христіанина остается въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ преставился, но скоро выносится въ храмъ для отпѣванія. Предъ выносомъ тѣла изъ дома совершается надъ нимъ литія, сопровождаемая кажденіемъ вокругъ него. Это кажденіе или означаетъ то, что душа умершаго христіанина, подобно кадильному ѳиміаму, возносящемуся вверхъ, восходитъ на небо, къ престолу Вышняго, или же знаменуетъ пріятность въ очахъ Божіихъ молитвъ Церкви объ умершемъ [1]). Начало и основаніе священнаго обычая православной Церкви кадить тѣло умершаго можно находить въ примѣрѣ Іисуса Христа, котораго тѣло при погребеніи, намащено было благовонными мастями

[1]) Новая Скрижаль гл. XX, § 4.

(Іоан. XIX, 39, 40). Подтвержденіемъ этой мысли служитъ то, что въ священныхъ обрядахъ, изображающихъ погребеніе Іисуса Христа, всегда употребляется кажденіе ѳиміамомъ, знаменующимъ тѣ ароматы, которыми намащено было тѣло Спасителя [1]).

Погребальная процессія христіанская, несмотря на свой печальный характеръ, отличается священною торжественностью.

Въ воздухѣ раздается архангельская пѣснь въ честь Святой Троицы: *Святый Боже*, въ ознаменованіе того, что умершій при жизни исповѣдывалъ Живоначальную Троицу и теперь переходитъ въ царство безплотныхъ духовъ, окружающихъ престолъ Вседержителя и немолчно воспѣвающихъ Ему трисвятую пѣснь. При выносѣ изъ дома въ церковь усопшихъ священниковъ и монаховъ обыкновенно поются пѣснопѣнія, положенныя въ Требникѣ при выносѣ ихъ изъ церкви къ могилѣ и имѣющія отношеніе къ ихъ званію,—именно при выносѣ *священника* ирмосы великаго канона: *Помощникъ и Покровитель,* а при выносѣ *монаха*—стихиры: *Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна...*

«И вземше мощи усопшаго отходимъ въ храмъ, предыдущимъ священникомъ со свѣщами, діакону съ кадильницею» [2]). И всѣ окружающіе гробъ и провожающіе покойника имѣютъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, какъ бы торжествуя побѣду и выражая духовную радость о возвращеніи своего брата къ вѣчному и неприступному Свѣту [3]). Этотъ святой обычай восходитъ своимъ началомъ къ глубочайшей христіанской древности. Когда тѣло св. Іоанна Златоуста было перенесено изъ Команъ въ Константинополь, то у сопровождавшаго это шествіе многочисленнаго народа были въ рукахъ свѣчи, такъ что Босфоръ (проливъ Константинопольскій) казался огненнымъ отъ отраженія въ волнахъ его свѣта лампъ [1]). Св. Григорій Нисскій повѣствуетъ, что діаконы и пресвитеры провожали гробъ блаж. Макрины съ зажженными свѣчами. Когда св. Цезарій, братъ св. Григорія Богослова, торжественно несенъ былъ ко храму Мучениковъ, то мать его умѣряла скорбь свою о сынѣ несеніемъ свѣчъ предъ гробомъ его.

[1]) Св. Германа патріарха. Тайнозрѣніе вещей церковныхъ.

[2]) Требникъ, Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ

[3]) Св. Іоанна Златоуста бесѣда IV на посланіе къ Евреямъ.

При провожденіи умершаго, священно и церковнослужителямъ повелѣно идти *предъ гробомъ*, младшимъ впереди, а старшимъ близь гроба, по два въ рядъ, и предъ умершимъ нести крестъ [2]). Иногда вмѣсто креста несутъ икону.

При погребеніи священниковъ и архіереевъ, обыкновенно впереди гроба несутъ хоругви, крестъ и Евангеліе. И несеніе тѣла священника сопровождается звономъ.

Есть мѣстности (въ южныхъ губерніяхъ Россіи), въ которыхъ отъ глубокой старины, сохраняется обыкновеніе при выносѣ всякаго умершаго медленно ударять въ колоколъ. Этотъ погребальный звонъ напоминаетъ живымъ, погрязшимъ въ суетѣ земной страшную трубу Архангела, зовущую на судъ. Прислушиваясь къ нему невольно припомнишь свой конецъ; невольно помолишься за почившаго, хотя бы онъ былъ совсѣмъ для насъ чужой. Нельзя не пожалѣть о томъ, что этотъ прекрасный, умилительный обычай не вездѣ соблюдается.

Погребальная процессія древнихъ христіанъ, при торжественности своей, представляла вмѣстѣ и трогательное зрѣлище любви, дружбы и признательности живыхъ къ умершему. Тѣло усопшаго было несено ко храму, а не

[1]) Ѳеодорита Церк. Исторія, книга V, глава 36.

[2]) Дѣянія Московскаго собора, бывшаго въ 1667 году, гл. 2, пунктъ 33.

перевозимо. Друзья, родственники и облагодѣтельствованные несли тѣло своихъ умершихъ друзей, родственниковъ и благодѣтелей. Такъ, св. Григорій Нисскій самъ несъ тѣло сестры своей Макрины. Иногда сами первосвященники оказывали свое уваженіе къ благочестивымъ умершимъ, подставляя свои святительскія плеча подъ гробовыя носилки. Впослѣдствіи впрочемъ въ большихъ городахъ учрежденъ былъ особенный классъ людей для выноса тѣла умершихъ христіанъ. Въ Африкѣ эта обязанность лежала на *кающихся*. 81-е правило IV-го Карѳагенскаго собора повелѣваетъ кающимся выносить мертвыхъ и погребать ихъ.

Благочестивый обычай—останавливаться съ погребальною процессіею предъ храмами, встрѣчающимися на пути, и молиться здѣсь о упокоеніи усопшаго, имѣетъ древнее основаніе. Историкъ Созоменъ повѣствуетъ [1]), что когда тѣло Мелетія, епископа Антіохійскаго, несено было изъ Константинополя въ Антіохію, то въ городахъ при каждомъ мѣстѣ, достойномъ уваженія, процессія останавливалась и пѣлись псалмы.

Въ Большомъ Требникѣ, въ Послѣдованіи исходномъ монаховъ, сказано: «Announcement Вземше братія мощи умершаго, относятъ въ церковь, и аще убо Священникъ есть отшедый братъ, полагаются мощи его посредѣ храма, аще же простецъ (то есть простой монахъ), въ притворѣ». То же говоритъ и Симеонъ Солунскій: «Усопшихъ настоятельствовавшихъ и освященныхъ отпѣваютъ внутри храма, а монаховъ простыхъ и мірянъ въ притворѣ, что мы еще видимъ въ нѣкоторыхъ святыхъ обителяхъ». Но онъ прибавляетъ, что нынѣ этотъ чинъ оставленъ [2]). Поэтому въ Требникѣ, въ послѣдованіи погребенія мірскихъ человѣкъ, и читаемъ: «Егда же пріидутъ во храмъ, мощи убо полагаются въ паперти (*или въ храмѣ*, яко же здѣ въ Велицѣй Россіи обыче»). По принесеніи въ церковь, тѣло умершаго поставляется посреди храма съ лицемъ открытымъ и обращеннымъ къ востоку (головою къ западу, а ногами къ востоку), а около гроба становятся свѣтильники. Такимъ положеніемъ тѣла умершаго Церковь хочетъ выразить свое материнское желаніе, чтобы не только живые, но и умершіе участвовали духовно въ приношеніи таинственной жертвы и чтобы усопшіи, не имѣя возможности молиться Богу своими мертвыми и запечатлѣнными устами, молилъ благаго Бога о помилованіи самымъ своимъ положеніемъ.

---

[1]) Исторія Церкви, книга Ш, глава 10.

[2]) Разговоръ о священнодѣйствіяхъ, § 329.

д) Отпѣваніе.

По совершеніи божественной литургіи, начинается послѣднее молитвословіе объ умершемъ христіанинѣ, или совершается чинъ погребенія.

Чинъ отпѣванія и погребенія мірянъ, по своему составу, подобенъ панихидѣ или утрени и состоитъ изъ трехъ частей, во 1-хъ изъ чтенія псалмовъ 90-го: «Живый въ помощи Вышняго» и 118-го: «Блажени непорочніи»; во 2-хъ, изъ пѣнія канона, стихиръ, блаженъ, чтенія Апостола и Евангелія и ектеніи; въ 3-хъ, изъ стихиръ при послѣднемъ цѣлованіи, отпуста, пѣнія при несеніи тѣла умершаго къ могилѣ и литіи на ней.

При отпѣваніи мірянъ 17-я каѳизма, или псаломъ 118-й, раздѣляется на *три* статьи, или части. Въ первой и послѣдней статьяхъ каждый стихъ псалма сопровождается пѣніемъ «Аллилуія», а каждый стихъ второй статіи—пѣніемъ: «Помилуй раба Твоего». Статьи же, или части каѳизмы обозначаются въ богослужебныхъ книгахъ такъ: 1-я статья словами. «Непорочніи въ путь», 2-я статья словами:

«Заповѣди Твоя (т. е. словами изъ перваго стиха второй статьи «Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя, вразуми мя и научуся заповѣдемъ Твоимъ», стихъ 73); 3-я статья обозначается словами: «Имя Твое», (которыми оканчивается 1-й стихъ 3-й статьи: «Призри на мя и помилуй мя, по суду любящихъ имя Твое», стихъ 132). Когда мы читаемъ въ Требникѣ, въ послѣдованіяхъ погребенія мірянъ и священниковъ, что поютъ «Непорочніи въ путь», «Аллилуія», то должны знать, что эти слова, принадлежащія первой статьѣ, поетъ сначала одинъ пѣвецъ на клиросѣ, и притомъ особымъ напѣвомъ (каждую статью на особый гласъ), и что затѣмъ всю ту статью должны пѣть и прочіе пѣвцы тѣмъ же напѣвомъ, съ присоединеніемъ, послѣ каждаго стиха статьи, слова: «Аллилуія». Точно также и предъ второю статьею печатаются слова: «Заповѣди Твои», «Помилуй раба Твоего», а предъ третьею статьею: «Имя Твое», «Аллилуія». Все это означаетъ, что во 2-й статьѣ, послѣ каждаго стиха, равно какъ и послѣ словъ: «Заповѣди Твоя», должно присоединять: «Помилуй раба Твоего», а на 3-й статьѣ, послѣ каждаго стиха и послѣ словъ: «Имя Твое», должно прилагать: «Аллилуія»; и такимъ образомъ пѣвцы должны пѣть всѣ стихи тѣмъ же напѣвомъ, какимъ предначалъ ихъ пѣть одинъ [1]).

Послѣ 1-й и послѣ 2-й статьи произносится заупокойная (малая) ектенія. Послѣ 3-й статьи поются тропари непорочны: «Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни», съ припѣвомъ: «Благословенъ еси, Господи». Затѣмъ слѣдуетъ заупокойная ектенія и тропарь (называемый въ 14-й главѣ Типикона: «сѣдаленъ покоинъ»):

Покой, Спасе нашъ, съ праведными раба Твоего и сего всели во дворы Твоя, якоже ихъ писано, презирая, яко

[1]) Новая Скрижаль, ч. IV, гл. 20, § 9.

благъ, прегрѣшенія его, вольная и невольная, и вся, яже въ вѣдѣніи и въ не вѣдѣніи, Человѣколюбце.

(Слава, конецъ): И вся, яже въ вѣдѣніи и въ не вѣдѣніи, Человѣколюбце.

(И нынѣ, Богородиченъ): Отъ Дѣвы возсіявый міру, Христе Боже, сыны Свѣта тою показавый, помилуй насъ.

Затѣмъ начинается вторая часть отпѣванія. Читается 50-й псаломъ. *Помилуй мя Боже* и поется *канонъ*, твореніе Ѳеофаново [1]), его же краестрочіе (акростихъ): «Шестую припѣваю отшедшему пѣснь». При канонѣ обыкновенно поется припѣвъ: «Упокой, Господи душу раба Твоего».

Содержаніе канона: моленіе о почившемъ; объясненіе, какимъ путемъ вошла смерть въ среду людей, созданныхъ для безсмертія; указаніе средствъ восторжествовать надъ нею и получить безсмертіе, какъ восторжествовали мученики и всѣ угодившіе Господу Богу.

По 3-й пѣсни канона и малой ектеніи объ упокоеніи, поется сѣдаленъ: «Воистину суета всяческая...», а по 6-й пѣсни и послѣ малой ектеніи, поется кондакъ: «Со Святыми упокой» и икосъ: «Самъ единъ еси безсмертный».

По 9-й пѣсни канона и малой ектеніи, поются на 8 гласовъ *восемь самогласныхъ стихиръ* [2]), въ которыхъ изо-

[1]) Этотъ погребальный канонъ есть плачь Ѳеофана Начертаннаго о любезномъ братѣ своемъ Ѳеодорѣ. Ѳеофанъ жилъ при иконоборствующихъ государяхъ, отъ которыхъ онъ потерпѣлъ много бѣдствій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ѳеодоромъ. Одинъ изъ иконоборствующихъ царей приказалъ начертать на челѣ двухъ святыхъ братьевъ, ревностныхъ иконопочитателей, позорные стихи, отъ чего Ѳеофанъ и Ѳеодоръ получили названіе *Начертанныхъ*. Ѳеодоръ прежде Ѳеофана оставилъ землю и переселился на небо. Растроганное сердце оставшагося брата излило свою скорбь въ трогательномъ канонѣ, которымъ св. Церковь напутствуетъ и нынѣ всякаго православнаго христіанина въ страну вѣчности.

[2]) Стихирами *самогласными* называются такія стихиры, которыя въ отношеніи размѣра и тона пѣнія написаны не по подобію другихъ пѣсней; а гласъ назначенъ для пѣнія самогласновъ сообразно съ содержаніемъ ихъ и независимо ни отъ какихъ другихъ пѣсней, которыя были бы образцомъ для нихъ по содержанію или по размѣру.

бражается скоротечность жизни и тлѣнность земныхъ благъ [1]).

Стихиры самогласны—это вопль человѣка надъ развалинами жизни человѣческой, вопль о суетѣ, ничтожности, всѣхъ бѣдствіяхъ и скорбяхъ, вопль—слѣдствіе горькаго опыта и плодъ внимательныхъ наблюденій надъ всѣми сторонами жизни человѣческой. Это—не ощущеніе только, но какъ бы осязаніе во всемъ земномъ тлѣнія, разрушенія и

[1]) Не можемъ удержаться, чтобы не разсказать здѣсь вкратцѣ исторію происхожденія этихъ чудныхъ стихиръ, принадлежащихъ перу знаменитѣйшаго церковнаго пѣснописца, преп. Іоанна Дамаскина. Іоаннъ Дамаскинъ родился въ VII в. по Р. Хр. въ городѣ Дамаскѣ,—отсюда и его прозваніе. Воспитанъ онъ былъ ученымъ инокомъ, Косьмою Святоградцемъ. Еще въ первой молодости Іоаннъ, по смерти отца, сдѣланъ былъ правителемъ города Дамаска, но, возставъ на защиту святыхъ иконъ, тогда гонимыхъ, онъ былъ оклеветанъ передъ княземъ Сарацинскимъ, которому принадлежала вся эта область, лишенъ должности и наказанъ жестоко: ему была отрублена правая рука. Пресвятая Богородица, въ сонномъ видѣніи, приказала ему приставить отрубленную руку. Онъ исполнилъ это,—и рука сдѣлалась попрежнему. Вскорѣ и клевета обнаружилась, вслѣдствіе чего князь хотѣлъ возвратить Іоанна на прежнее мѣсто. Но Іоаннъ отъ всего отказался, раздалъ все, что имѣлъ, нищимъ и удалился въ лавру преп. Саввы Освященнаго, чтобы сдѣлаться подвижникомъ. Здѣсь имя его, какъ ученѣйшаго и замѣчательнѣйшаго мужа того времени, было хорошо извѣстно; и потому сначала никто не рѣшался принять его къ себѣ на послушаніе. Наконецъ одинъ старецъ принялъ Іоанна, но съ условіемъ, чтобы онъ оставилъ самое любимое занятіе, которому былъ страстно преданъ—сочинять священныя пѣсни. Іоаннъ долго безпрекословно исполнялъ это условіе. Но вотъ случилось, что у одного подвижника умеръ братъ, и онъ приходилъ въ отчаяніе отъ этой утраты. Іоаннъ утѣшалъ его; но тотъ сказалъ, что одно средство—утѣшить его, если Іоаннъ напишетъ надгробный плачь по умершемъ. Послѣ долгихъ колебаній, Іоаннъ написалъ эти чудно-трогательныя пѣсни, которыя и доселѣ поются надъ умершими: „Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна?" и т. д. За нарушеніе обѣта старецъ прогналъ отъ себя Іоанна. Долго Іоаннъ умолялъ старца простить его и принять опять къ себѣ. Наконецъ старецъ назначилъ для этого самое унизительное условіе: вычистить всѣ нечистоты въ обители, думая, что Іоаннъ никакъ не рѣшится на это и оставитъ его. Но Іоаннъ безпрекословно и безропотно выполнилъ возложенное на него. Изумленный и пораженный старецъ принялъ его къ себѣ со всею любовію и уже самъ назначилъ ему дѣло на всю жизнь—сочинять священныя пѣсни. Іоаннъ и посвятилъ этому всю послѣдующую свою жизнь.

смерти; это—картина жизни человѣческой, не радующая и не плѣняющая взора нашего, но возбуждающая болѣзненное сотрясеніе во всемъ нашемъ существѣ,—картина, при взглядѣ на которую разсѣеваются всѣ наши надежды на земное, разбиваются о камень всѣ наши помыслы и мечты, ноетъ сердце и болитъ душа...

«Къ какой жизненной радости не примѣшивается скорбь? Какая слава держится непоколебимо? Все ничтожнѣе тѣни, все обманчивѣе ночныхъ грезъ! Одно мгновеніе—и все уничтожается смертью! Но, Христе человѣколюбивый, упокой того, кого Ты воззвалъ отъ насъ, во свѣтѣ лица Твоего и въ наслажденіи, уготованномъ Тобою избраннымъ».

«О, какъ тяжко разлученіе души съ тѣломъ! О, какъ невыносима тогда ея скорбь!—и нѣтъ никого, кто бы раздѣлилъ съ нею эту скорбь. Обращается она къ ангеламъ,—и напрасно молится имъ; призываетъ на помощь людей,—и никто не является. Но, братья мои возлюбленные, вспомнивши свою мимолетную жизнь, будемъ просить у Христа упокоенія усопшему и своимъ душамъ великой милости».

«Все человѣческое—суета, что нейдетъ дальше смерти: богатство—ни къ чему; слава—только до могилы. Предстанетъ смерть—все пропало. Но будемъ молить безсмертнаго Христа: Господи! взятаго отъ насъ упокой тамъ, гдѣ наслаждаются блаженствомъ всѣ, угодившіе Тебѣ».

«Гдѣ есть мірское пристрастіе? гдѣ есть привременныхъ мечтаніе? гдѣ есть злато и сребро? гдѣ есть рабовъ множество и молва? Вся—персть, вся—пепелъ, вся—сѣнь. Но пріидите, возопіимъ безсмертному Царю: Господи, вѣчныхъ Твоихъ благъ сподоби преставльшагося отъ насъ, упокоя его въ нестарѣющемся блаженствѣ Твоемъ».

«Вспомнилъ я слова пророка: я—земля и пепелъ. Потомъ всмотрѣлся въ могилы и увидѣлъ обнаженныя кости, и сказалъ себѣ: да кто жъ тутъ царь, кто воинъ? который

богатый или нищій? который праведникъ или грѣшникъ? Но, Господи, упокой съ праведными раба Твоего!»

«Начатокъ мнѣ и составъ зиждительное Твое бысть повелѣніе: восхотѣвъ бо отъ невидимаго же и видимаго жива мя составити естества, отъ земли тѣло мое создалъ еси, далъ же ми еси душу Божественнымъ Твоимъ и животворящимъ вдохновеніемъ. Тѣмже, Христе, раба Твоего во странѣ живущихъ и въ селеніихъ праведныхъ упокой».

«По образу Твоему и по подобію создавый въ началѣ человѣка, въ раи поставилъ еси владѣти Твоими тварьми. Завистію же діаволею прельстився, снѣди причастися, заповѣдей Твоихъ преступникъ бывъ. Тѣмже паки въ землю, отъ нея же взятъ бысть, осудилъ еси возвратитися, Господи, и испросити упокоеніе».

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту—безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! что сіе еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?—воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, подающаго преставльшемуся упокоеніе».

Какая сладость въ жизни сей
Земной печали непричастна?
Чьи ожиданья не напрасны?
И гдѣ счастливый межъ людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы съ трудомъ пріобрѣли.
Какая слава на земли
Стоитъ тверда и непреложна?
Все—пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ;
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный;
И передъ смертью мы стоимъ
И безоружны, и безсильны:
Рука могучаго слаба,
Ничтожны царскія велѣнья...

Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!

* * *

Какъ грозный витязь, смерть нашла,
Меня, какъ хищникъ, низложила,
Свой зѣвъ разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада!—
Изъ гроба къ вамъ взываю я,—
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаемъ, какъ цвѣты.
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши—разрушенье...
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!

* * *

Средь груды тлѣющихъ костей
Кто царь? кто рабъ? судья иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ?
И кто—отверженный злодѣй?
О братья! гдѣ сребро и злато?
Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Все—пепелъ, дымъ, и пыль, и прахъ,
Все—призракъ, тѣнь и привидѣнье.
Лишь у Тебя на небесахъ,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье...
Пріими усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженныя селенья!

* * *

И Ты, Предстательница всѣмъ!
И Ты, Заступница скорбящимъ!
Къ Тебѣ о братѣ здѣсь лежащемъ,
Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ:
Моли Божественнаго Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы усопшій на земли
Оставилъ здѣсь свои кручины!
Все—пепелъ, прахъ, и дымъ, и тѣнь!
О други, призраку не вѣрьте!
Когда дохнетъ въ нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы всѣ поляжемъ, какъ хлѣба,
Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ...
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

* * *

Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды.
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды.
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу братскаго рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струитъ благоуханье.
Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,—
И ею, братья, васъ молю,
Да каждый къ Господу взываетъ:
Господь! въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье,—
Пріими усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья [1])!

После горькаго плача новозавѣтнаго Іереміи (св. Іоанна Дамаскина) о разрушеніи величественнаго Іерусалима—человѣка, слышится сладчайшій голосъ Іисуса Христа о разныхъ

[1]) Изъ поэмы графа А. Толстаго. «Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ».

видахъ блаженства, уготованныхъ христіанину въ будущей жизни. Послѣ мрачной картины земной жизни человѣческой, въ рѣзкой противоположности съ нею представляется свѣтлая и величественная картина будущей блаженной жизни,—и смерть, этотъ ужасъ земнородныхъ, перестаетъ быть страшною въ глазахъ христіанина.

Слѣдующее затѣмъ чтеніе *Апостола* и *Евангелія* возвѣщаетъ намъ о будущемъ воскресеніи мертвыхъ.

Чтобы не оставить въ страждущемъ сердцѣ мѣста для печали и ни одного облака сомнѣнія, могущаго родиться въ душѣ при видѣ разрушенія прекраснѣйшаго изъ твореній Божіихъ, св. Апостолъ Павелъ возвышаетъ свой утѣшительный гласъ, переноситъ мысль нашу за предѣлы гроба и раскрываетъ предъ нами дивныя тайны будущаго славнаго преображенія тѣла человѣческаго.

Заупокойный Апостолъ—зачало 270, 1-го посланія къ Солунянамъ глава IV, стихи 13—17.

«Братіе, не хочу оставить васъ въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы вы не печалились, какъ и прочіе, не имѣющіе надежды. Ибо если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ. Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ; потому что самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде; потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ на воздухъ, въ срѣтеніе Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ».

Наконецъ Самъ Іисусъ Христосъ, устами священника, утѣшаетъ и обнадеживаетъ насъ, какъ вѣрный другъ, какъ милосердый и сострадательный благодѣтель, осушающій

наши слезы и проливающій отраду и радость въ сердце, растерзанное горемъ и печалію.

Заупокойное Евангеліе—отъ Іоанна зачало 16-е, глава V, стихи 25—30:

«Сказалъ Господь пришедшимъ къ Нему (увѣровавшимъ въ Него) іудеямъ: Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ. Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ и далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ человѣческій. Не дивитесь сему; ибо наступаетъ время, въ которое всѣ находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія. Я ничего не могу творить Самъ отъ Себя. Какъ слышу, такъ и сужу, и судъ Мой праведенъ: ибо не ищу Моей воли, но воли пославшаго Меня Отца».

Послѣ чтенія Евангелія произносится ектенія объ упокоеніи: *Помилуй насъ Боже.* Послѣ этой ектеніи священникъ произноситъ вслухъ не только возгласъ: *Яко Ты еси воскресеніе и животъ*, но и всю молитву: *Боже духовъ*, предшествующую этому возгласу. Въ Требникѣ сказано: «И по исполненіи сего (ектеніи) глаголетъ первый отъ Священниковъ, или Архіерей прилучився, молитву: *Боже духовъ* велегласно, пришедъ близь умершаго. Такожде и настоящіи Священницы вси. Вѣдомо-же буди, яко глаголему коемуждо прошенію отъ Діакона, во елико глаголется прошеніе отъ него, глаголетъ вышереченную молитву кійждо Священникъ, по чину своему, *тайно*, близь умершаго, и возглашаетъ: *Яко Ты еси воскресеніе и животъ.* Нынѣ-же отъ перваго Священника или Архіерея глаголется *велегласно* молитва: *Боже духовъ*, якоже выше речеся. По возгласѣ-

же бываетъ цѣлованіе» (Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ).

Послѣднее цѣлованіе, или прощаніе съ умершимъ совершается при пѣніи трогательныхъ стихиръ, которыя въ состояніи потрясти самую нечувствительную душу. Но Церковь прощальными пѣснями хочетъ только сильнѣе и живѣе напечатлѣть въ сердцѣ живущихъ памятованіе о страшномъ днѣ смерти, а не возбудить въ насъ безотрадную скорбь. Съ другой стороны, снисходя къ немощи нашей природы, она дозволяетъ страждущему сердцу излить скорбь свою и заплатить дань природѣ.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ прощальныхъ стихиръ.

«Братья! Придите—отдадимъ послѣдній поцѣлуй умершему, благодаря Бога. Вотъ онъ оставилъ родныхъ своихъ и спѣшитъ въ могилу. Теперь у него уже нѣтъ заботъ о суетѣ земной и о требованіяхъ плоти многострастной. Гдѣ теперь родные и друзья? Вотъ—разлучаемся... О, помолимся Господу, чтобы Онъ упокоилъ его».

«О, какая разлука, братья! какая невыносимая скорбь, какая горечь слезъ въ настоящія минуты! Вотъ, придите—еще разъ поцѣлуйте того, который мелькнулъ среди насъ. Затѣмъ засыплетъ его могильный песокъ, закроетъ надгробный камень, и онъ, разлучившись со всѣми родными и друзьями, въ гробовой тьмѣ соединится со всѣми другими мертвецами. О, помолимся Господу, чтобы Онъ упокоилъ его».

«Теперь-то обличается обольстительное торжество суеты жизненной. Вотъ, духъ оставилъ свою тѣлесную храмину, и что-жъ изъ нея стало?—почернѣвшее бреніе, пустой сосудъ, безгласный, неподвижный, безчувственный, мертвый. Провожая ее въ могилу будемъ молиться Господу, чтобы Онъ далъ почившему вѣчное упокоеніе».

«Какова наша жизнь? По истинѣ—(скороувядающій) цвѣтъ, дымъ, утренняя роса. Подойдемъ ко гробу и всмотримся пристально: гдѣ-жъ стройность тѣла? гдѣ жизненныя силы? гдѣ красота глазъ и лица? Все завяло, какъ трава, все пропало... Пойдемъ ко Христу и припадемъ къ Нему съ рыданіями».

«Видя передъ собой трупъ умершаго представимъ себѣ всѣ, что будетъ съ нами въ послѣднія минуты жизни. Вотъ, онъ исчезъ съ земли, какъ дымъ; отцвѣлъ, какъ полевой цвѣтокъ; посѣченъ, какъ трава; затѣмъ, покрытый гробной пеленой, засыплется землей. Оставляя его навсегда скрывшимся отъ насъ будемъ молиться Христу, чтобы Онъ далъ ему вѣчное упокоеніе».

«О, по истинѣ все—суета и пустота; все, что обольщало въ жизни, обращается въ ничтожество. Всѣ мы исчезнемъ, всѣ умремъ: цари и сильные земли, судьи и притѣснители, богатые и нищіе, все, что только называется человѣкомъ. И вотъ они, красовавшіеся жизнью, одинаково всѣ повергаются въ могилу. Будемъ молиться, чтобы Господь упокоилъ всѣхъ».

«Всѣ тѣлесные органы теперь ни къ чему; такъ легко прежде приводимые въ движеніе, они сдѣлались теперь неподвижными, ничего не чувствующими, мертвыми: очи закрылись, ноги и руки какъ скованныя, слухъ закрылся, на языкъ наложена печать молчанія, и все уже—достояніе могильнаго тлѣнія. О, поистинѣ все—суета у людей».

А вотъ и самъ умершій, голосомъ церковной пѣсни, взываетъ къ оставшимся живымъ:

«Братья, друзья и знакомые! видя, какъ я лежу безмолвный и бездыханный, плачьте обо мнѣ. Давно-ли я бесѣдовалъ съ вами? И вотъ какъ скоро застигъ меня смертный часъ. О, всѣ вы, которые любили меня! подойдите, отдайте мнѣ послѣдній поцѣлуй; больше мнѣ уже не быть

и не бесѣдовать съ вами, потому что я отхожу къ Судіи, у котораго нѣтъ лицепріятія, предъ которымъ предстоятъ наравнѣ рабъ и господинъ, царь и воинъ, богатый и нищій,—всѣ равны и каждый за свои дѣла будетъ или прославленъ, или посрамленъ. Но прошу всѣхъ и умоляю: непрестанно молитесь обо мнѣ Христу, чтобы я не былъ, за свои грѣхи, вверженъ въ мѣсто мученія, но чтобы Онъ вселилъ меня туда, гдѣ свѣтъ жизни».

За пѣніемъ стихиръ слѣдуютъ молитвословія, составляющія литію за усопшихъ, послѣ которой бываетъ отпустъ:

Воскресый изъ мертвыхъ, Христосъ истинный Богъ нашъ, молитвами пречистыя Своея Матере, святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ и всѣхъ Святыхъ, душу отъ насъ преставившагося раба Своего (имя рекъ) въ селеніихъ праведныхъ учинитъ, въ нѣдрѣхъ Авраама упокоитъ, и съ праведными сопричтетъ, и насъ помилуетъ, яко благъ и человѣколюбецъ, аминь.

Діаконъ молитъ Господа, чтобы Онъ во блаженномъ успеніи подалъ вѣчный покой усопшему рабу и чтобы сотворилъ ему вѣчную память.

Архіерей или іерей самъ произноситъ трижды:

«Вѣчная твоя память, достоблаженне и приснопамятне брате нашъ».

Затѣмъ пѣвцы поютъ трижды: «Вѣчная память».

Симеонъ Солунскій говоритъ, что возглашеніе это означаетъ то, что отшедшіе сочетались со Святыми и удостоены наслѣдія ихъ [1]).

1) Разговоръ о Священнодѣйствіяхъ, § 533.

е) Разрѣшительная молитва.

Послѣ провозглашенія усопшему вѣчной памяти, «Архіерей, аще приключится тамо быти, или іерей чтетъ *молитву прощальную* велегласно» [1]):

Господь Іисусъ Христосъ Богъ нашъ, иже божественныя заповѣди святымъ Своимъ ученикомъ и апостоломъ давый, во еже вязати и рѣшити падшихъ грѣхи, и отъ оныхъ паки мы пріемше вины тожде творити: да проститъ тебѣ, чадо духовное, аще что содѣлалъ еси въ нынѣшнемъ вѣцѣ, вольное или невольное, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Нынѣ, вмѣсто краткой прощальной молитвы, обыкновенно читается другая, пространная, печатаемая особо (на отдѣльномъ листѣ): она называется *разрѣшительною молитвою*. Вотъ эта молитва:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ Божественною Своею благодатію, даромъ-же и властію, данною святымъ Его ученикомъ и апостоломъ, во еже вязати и рѣшити грѣхи человѣковъ, рекъ имъ: пріимите Духа Святаго; ихже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; ихже удержите, удержатся; и елика аще свяжете и разрѣшите на земли, будутъ связана и разрѣшена и на небеси. Отъ онѣхъ-же и на ны другъ-другопріимательно прешедшею (благодатію) да сотворитъ чрезъ мене смиреннаго прощенно и сіе по духу чадо отъ всѣхъ, елика яко человѣкъ согрѣши Богу словомъ или дѣломъ или мыслію и всѣми своими чувствами, волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ; аще подъ клятвою или отлученіемъ архіерейскимъ или іерейскимъ бысть, или аще

[1]) Требникъ, Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ.

клятву отца своего или матере своея наведе на ся, или своему проклятію подпаде, или клятву преступи, или иными нѣкіими грѣхи яко человѣкъ связася, но о всѣхъ сихъ сердцемъ сокрушеннымъ покаяся, и отъ тѣхъ всѣхъ вины юзы и да разрѣшитъ его; елика-же за немощь естества забвенію предаде, и та вся да проститъ ему, человѣколюбія ради Своего, молитвами Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ и всѣхъ Святыхъ. Аминь».

Въ настоящее время разрѣшительная молитва обыкновенно читается и дается въ правую руку усопшему не послѣ отпуста отпѣванія, но во время отпѣванія, по чтеніи Евангелія и самой молитвы. Чтеніе ея сопровождается (по крайней мѣрѣ, должно сопровождаться) тремя земными поклонами всѣхъ молящихся.

Если нынѣ разрѣшительная молитва читается надъ всѣми умирающими въ покаяніи, то это съ одной стороны потому, что всякій православный христіанинъ имѣетъ въ ней нужду, а съ другой стороны, дабы этого благодѣянія (какъ замѣчаетъ блаж. Августинъ о молитвѣ за умершихъ) не былъ лишенъ никто изъ тѣхъ, къ кому оно можетъ относиться. Ибо лучше преподать его и тѣмъ, которымъ оно ни пользуетъ, ни вредитъ, нежели отнять у тѣхъ, коимъ оно полезно.

Обычай нашей православной Церкви давать разрѣшительную молитву въ руки умершему, получилъ свое начало при св. Ѳеодосіи Печерскомъ. Въ княженіе Ярослава I пришелъ въ Русскую землю изъ земли Варяжской нѣкто Симонъ. Впослѣдствіи онъ принялъ православную вѣру и отличался благочестіемъ и особенною любовію къ св. Ѳеодосію. Однажды Симонъ просилъ св. Ѳеодосія молиться о немъ и о сынѣ его Георгіѣ. Преподобный отвѣчалъ благочести-

вому Симону, что молится не только о немъ, но и о всѣхъ любящихъ обитель Печерскую. Но Симонъ не переставалъ просить св. Өеодосія о томъ, чтобы онъ молился о немъ и о сынѣ его Георгіѣ, говоря св. Өеодосію: «Отче! не изыду тощь отъ тебе, аще написаніемъ не извѣстиши ми». Тогда преподобный Өеодосій написалъ Симону разрѣшительную молитву такого содержанія: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и святыхъ силъ безплотныхъ... да будеши прощенъ въ семъ вѣцѣ и будущемъ, егда пріидетъ праведный Судія судити живымъ и мертвымъ»— «Юже молитву—замѣчается въ Патерикѣ Печерскомъ—оттолѣ начаша влагати умершимъ въ руцѣ, яко-же первый Симонъ вложити себѣ повелѣ» [1]).—Изъ лавры Печерской обычай давать разрѣшительную молитву умершимъ, легко могъ распространиться по всей землѣ Русской, если вспомнимъ, что монастырь Печерскій пользовался большимъ авторитетомъ въ Русской землѣ и Церкви. Изъ смиренныхъ келій Кіевопечерской обители выходили святители Русской Церкви, переносившіе въ свои епархіи священные обычаи своей духовной воспитательницы.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ чрезвычайномъ случаѣ, очень много содѣйствовавшемъ распространенію и утвержденію обычая давать разрѣшительную молитву въ руки умершему. Случай этотъ былъ слѣдующій: когда отпѣвали св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, и уже приблизилось время полагать въ его руки разрѣшительную молитву, тогда умершій, какъ говоритъ лѣтопись, самъ простеръ свою руку для принятія ея [2]). Такое необыкновенное событіе не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на

[1]) Патерикъ Печерскій, стр. 68—78.

[2]) Софійскій Временникъ. Т. I, стр. 273.

всѣхъ, кто или самъ былъ очевидцемъ чуда или слышалъ объ немъ отъ другихъ.

Примѣчаніе. Надъ костьми, вырытыми изъ могилы и потомъ снова погребенными, не повторяется чинъ отпѣванія. Чинъ отпѣванія умершихъ приспособленъ ко времени недавней смерти усопшаго. Въ молитвословіяхъ чина погребенія приглашаются родственники и знаемые для отданія послѣдняго цѣлованія тому, который *вчерашній день* бесѣдовалъ съ нами и который, находясь еще въ средѣ живыхъ, потому и проситъ молитвъ родныхъ своихъ и знаемыхъ. При погребеніи вырытаго изъ могилы тѣла обыкновенно совершается лишь панихида. Если же бывалъ иногда совершаемъ дважды чинъ погребенія надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, то это бывало надъ умершимъ, но еще не преданнымъ землѣ, и притомъ въ особыхъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ святитель Димитрій Ростовскій скончался въ Ростовѣ 28 октября 1709 года и отпѣтъ на третій день, но тѣло его оставалось погребеннымъ до прибытія друга его, Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго, который вторично отпѣлъ его 25 ноября и предалъ его землѣ. Два друга заключили между собою условіе, по которому, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ былъ похоронить усопшаго (Древнія святыни Ростова Великаго. Сочиненіе графа М. Толстаго. М. 1860 г., стр. 53).

ж) Погребеніе.

По окончаніи отпѣванія, «вземше мощи отходимъ ко гробу (т. е. къ могилѣ), послѣдующимъ всѣмъ людемъ, предъидущимъ же священникомъ и поющимъ: «Святый Боже», Пресвятая Троице», «Отче нашъ и прочая» [1]). Въ могилѣ

[1]) Требникъ. Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ.

усопшій обыкновенно полагается *лицемъ къ востоку*, съ
тою же мыслію, съ какою мы и молимся на востокъ,—въ
ожиданіи наступленія утра вѣчности, или втораго прише-
ствія Христова, и въ знакъ того, что умершій идетъ отъ
запада жизни къ востоку вѣчности. При опущеніи тѣла
умершаго въ могилу, совершается литія за усопшаго. По
окончаніи ея, архіерей или іерей, вземъ *персть* (землю)
лопатою, крестовидно *мещетъ вверху мощей*, говоря: «Гос-
подня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіе на
ней». Такимъ образомъ мещутъ персть, предаютъ землѣ
усопшаго, въ знакъ покорности Божественному опредѣле-
нію: «Земля еси—и въ землю отыдеши» (Быт. III, 9).

Кромѣ земли, метаемой на гробъ, «Священникъкакъ ска-
зано въ Требникѣ—наливаетъ верху мощей елей отъ кандила,
или сыплетъ пепелъ отъ кадильницы». То есть, если надъ
усопшимъ, при жизни его было совершено таинство еле-
освященія, то по кончинѣ возливаютъ на тѣло его кресто-
образно оставшійся отъ помазанія освященный елей съ ви-
номъ [1]). Это помазаніе есть знаменіе Христово и печать
того, что отшедшіе во Христѣ подвизались за Христа во
освященіе тѣлесъ своихъ, и благочестиво жительствовали
здѣсь; равно какъ это есть и знакъ чести для самихъ под-
вижниковъ, поживших по образу Христа [2]). При возлива-

[1]) Объ употребленіи освященнаго елея, которымъ помазывался больной,
въ древнихъ Требникахъ, въ чинѣ «освященія маслу», говорится слѣдующее:
„Аще ли случится болящаго ради святити масло, то святити новое масло не
освященное, и освятивъ, аще умретъ боляй, то оставшимъ масломъ полити
умершаго. Аще ли оздравіетъ боляй, то священное масло сжесши на паника-
дилѣ или въ кадилѣ. Буди же вѣдомо, яко и всякаго усопшаго, иноки же и
міряны, въ погребеніи поливати крестообразно святымъ симъ масломъ, по пи-
санію св. Діонисія Ареопагита» (Требникъ, изданный въ Москвѣ въ 7133—
1625 году, с. 4, л. 394. Въ стар. иноч. Требн. Патріарха Филарета, л. 125.
См. Истина св. Соловецкой обители, Преосв. архіерея Игнатія, Спб. 1844 г.,
стр. 47).

[2]) Діонисія Ареопагита, Церк. Іерархія, гл. 7, Симеона Солунскаго о
Свящ., 333. Новая Скрижаль, ч. IV, гл. 20, § 17.

ніи елея на усопшаго монаха произносится тропарь: «Об-
разомъ креста Твоего, Человѣколюбче, смерть умертвися».
Иногда, вмѣсто елея, посыпается пепелъ изъ кадильницы.
Пепелъ знаменуетъ то-же, что невожженный елей—угасшую
жизнь на землѣ, но жизнь благоугодную Богу, какъ ѳи-
міамъ кадильный.

Въ первые три вѣка христіанства не было какихъ-либо
опредѣленныхъ мѣстъ для погребенія умершихъ. Такъ св.
апостолъ Петръ былъ погребенъ при Тріумфальной дорогѣ
около Тибра, а св. апостолъ Павелъ—при дорогѣ Остіен-
ской. Обычай погребать умершихъ внѣ города, былъ все-
общимъ въ первые три вѣка христіанства не только у хри-
стіанъ, но и у іудеевъ и язычниковъ. Уже съ IV вѣка на-
чали погребать нѣкоторыхъ христіанъ не только при хра-
махъ, но и въ самыхъ храмахъ. Такъ св. Константинъ
Равноапостольный и дѣти его были погребены въ храмѣ
святыхъ Апостоловъ. Церковный историкъ Евсевій повѣ-
ствуетъ о Константинѣ Великомъ, что онъ повелѣлъ ус-
троить въ храмѣ Мучениковъ 12 мѣстъ для погребенія
умершихъ. Впрочемъ честь быть погребеннымъ при храмѣ,
а тѣмъ болѣе въ храмѣ, и съ IV вѣка предоставлена была
не всѣмъ, а только нѣкоторымъ изъ христіанъ, какъ-то:
государямъ, епископамъ, клиру и мірянамъ примѣрной хри-
стіанской жизни; прочіе же даже и въ VI вѣкѣ были пог-
ребены въ открытомъ полѣ, внѣ города. Съ VI вѣка поз-
волено было и міряпъ погребать въ городахъ при храмахъ,
но не въ самыхъ храмахъ. Съ IX вѣка мы уже не встрѣ-
чаемъ запрещеній ни со стороны свѣтской, ни со стороны
духовной власти погребать мірянъ въ самыхъ храмахъ.

У насъ главными мѣстами погребенія умершихъ слу-
жатъ въ настоящее время отдѣльно устрояемыя кладбища—
эти *нивы Божіи*, на которыхъ сѣется въ тлѣніи то, что
имѣетъ возстать въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи то,

что имѣетъ возстать въ славѣ: сѣется въ немощи то, что имѣетъ возстать въ силѣ; сѣется тѣло душевное, а возстанетъ тѣло духовное (1 Кор. XV, 42—44).

Крестъ—символъ спасенія возвышается надъ могилою всякаго христіанина, умершаго съ вѣрою и покаяніемъ. Умершій вѣровалъ въ Распятаго на крестѣ, былъ крестоносцемъ во время своей земной жизни и покоится сномъ смерти подъ сѣнію креста.

«Не знаемъ, братіе, куда ваши мысли склоняются отъ сей плащаницы, а наши—къ нашему собственному гробу. И наша жизнь, думается намъ, такъ пройдетъ, какъ прошла теперь Четыредесятница; и для каждаго изъ насъ наступитъ потомъ великій пятокъ смерти, а за симъ великая суббота успокоенія въ нѣдрахъ земли,—великая по самому продолженію ея для насъ. Господь нисшелъ во гробъ токмо на три дня; а намъ долго, долго надобно будетъ оставаться подъ землею» [1]).

Тихъ сонъ вашъ и миренъ, усопшіе братья!
Ничто не смущаетъ вашъ вѣчный покой...
Земля приняла васъ въ родныя объятья
И скрыла на-вѣки отъ злобы людской!

* * *

Не страшны вамъ больше тревоги, волненья!
Вы прахъ отряхнули—и къ жизни иной,
На крыльяхъ надежды, въ обитель спасенья,
Къ Творцу воспарили безсмертной душой.

* * *

Тамъ ждетъ васъ награда. Слеза покаянья
Вамъ вновь возвратила утраченный рай.
Мы вѣримъ: не вѣчны земныя страданья,
И новаго съ вами достигнемъ свиданья,
И дольному скажемъ: «на-вѣки прощай»!

[1]) Изъ Слова въ Великую Субботу *Иннокентія*, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

з) Катакомбы—мѣсто погребенія древнихъ христіанъ.

«Я—гражданинъ двухъ городовъ; имя мое—Леонидъ. Вотъ что я говорю своимъ друзьямъ: будьте веселы, пируйте, живите, потому что нѣкогда вамъ придется всетаки умереть». Такова надпись на одномъ языческомъ надгробномъ камнѣ въ Малой Азіи.

«Здѣсь покоится въ мірѣ Валерія, чтобы нѣкогда воскреснуть во Христѣ»? Вотъ эпитафія одной галльской христіанки IV вѣка.

Таковъ языкъ двухъ рѣзко противоположныхъ воззрѣній—языческаго и христіанскаго. Между тѣмъ какъ для перваго порогъ смерти представляетъ завершительный предѣлъ существованія человѣка, послѣдователи втораго исповѣдуютъ: «Знаемъ, что когда земной нашъ домъ, сія хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный» (2 Кор. V, 1).

По надгробнымъ языческимъ надписямъ смерть—конецъ всего, или послѣдній день существованія; мѣсто погребенія—домъ смерти, или вѣчный домъ; надгробный памятникъ—напоминаніе объ исчезнувшемъ существованіи, не говорящій ничего другаго.

«Для христіанина смерть—первый день жизни, или день рожденія [1]), а гробница—мѣсто временнаго упокоенія его земнаго праха до дня всеобщаго воскресенія и суда; почему древне-христіанскія кладбища и назывались *усыпальни-*

[1]) Вотъ почему въ христіанскихъ надписяхъ и мученическихъ актахъ иногда вмѣсто словъ „умеръ тогда-то“ говорилось „родился“, а диптихи, въ которые заносились имена умершихъ для поминовенія, назывались не „книгою мертвыхъ или усопшихъ“, а «книгою живыхъ».

цами, мѣстомъ упокоенія, а погребеніе—*полаганіемъ*, то есть только на время и какъ бы на сбереженіе.

Чтобы имѣть болѣе наглядное понятіе о рѣзкой противоположности языческаго и христіанскаго воззрѣнія на жизнь и смерть, приведемъ нѣсколько надгробныхъ надписей языческихъ и христіанскихъ.

Языческія надгробныя надписи:

«Хотя я нахожусь, здѣсь, во гробѣ, но уже не существую болѣе».

«Я не существовалъ до своего рожденія,—не существую и теперь».

«Человѣкъ, еще недавно жившій вмѣстѣ съ нами, теперь пересталъ быть человѣкомъ, такъ что никакихъ слѣдовъ не остается отъ него,—стоитъ только камень съ его именемъ».

«Изъ ничего человѣкъ снова возвращается въ ничто (de nil in nil), мрачный день смерти вдругъ уничтожаетъ цвѣтущую жизнь, и отъ человѣка остается лишь одно пустое имя».

«Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ не можетъ быть и страданія»,—такъ утѣшаетъ себя одинъ овдовѣвшій супругъ.

«Она была дочерью смертнаго и потому должна была умереть»,—съ такими словами обращается къ себѣ другой мужъ, лишившійся жены.

Холодное и безсильное утѣшеніе, за которымъ скрывается мрачное и безотрадное отчаяніе!

Свѣтлою надеждою и утѣшеніемъ вѣетъ напротивъ того отъ христіанскихъ надгробныхъ надписей:

«Душа возвращена Христу».

«Ты будешь жить въ Богѣ».

«Миръ духу твоему».

«Почивай въ мирѣ».

«Ты живъ. Врата небесныя отверзлись для тебя. Ты живешь въ мирѣ».

Перенесемся или, лучше сказать, спустимся въ одно изъ знаменитѣйшихъ древне-христіанскихъ кладбищъ.

Опоясывая городъ Римъ полукругомъ, будто подкопами, на огромномъ разстояніи простираются подземные ходы, галлереи и комнаты, извѣстныя подъ названіемъ *катакомбъ*, или *подземнаго Рима*.

Около всего Рима, въ первое время его существованія, были вырыты большія ямы, которыя вскорѣ, по мѣрѣ того какъ обстроивался городъ, превращались въ большіе рвы. Изъ нихъ добывали глину и особаго рода землю, употреблявшуюся вмѣсто цемента при постройкѣ безпрерывно сооружаемыхъ зданій. По мѣрѣ того какъ вырывали землю, мало-по-малу образовались подъ землею гроты и переходы отъ одного грота къ другому. Первые христіане римскіе воспользовались ими и начали хоронить своихъ покойниковъ въ этихъ заброшенныхъ подземныхъ ходахъ и гротахъ. Рядомъ съ своими подземными кладбищами они устроили небольшую церковь для совершенія богослуженій.

Эти катакомбы занимаютъ въ Римѣ, или вѣрнѣе подъ Римомъ, такое огромное пространство, что еслибы вытянуть ихъ въ прямую линію, то эта линія равнялась бы 1360-ти верстамъ. Въ нихъ похоронены 74,000 мучениковъ.

Римскія катакомбы производятъ самое разнообразное впечатлѣніе на посѣщающихъ ихъ. Для человѣка холоднаго, ищущаго одного только пріятнаго, катакомбы—не болѣе, какъ темные, сырые, однообразные корридоры, въ которые спускаются со свѣчами. Эти длинные корридоры безчисленное множество разъ пересѣчены другими подземными корридорами, и небольшими подземными четвероугольными и круглыми комнатками,—если словомъ *комната* можно назвать небольшое, вырытое подъ землею, не имѣющее ни

оконъ, ни дверей, пространство, къ которому примыкаетъ нѣсколько корридоровъ. Въ этихъ корридорахъ легко запутаться и очень опасно хотя на шагъ отойти отъ проводника: одинъ корридоръ похожъ на другой, одна комната на другую. Въ стѣнахъ корридоровъ христіане зарывали своихъ покойниковъ, въ комнатахъ устраивали алтари и служили литургіи, паннихиды и всѣ церковныя службы. Позднѣе, когда начались гоненія, они спасались въ катакомбахъ отъ жестокихъ преслѣдованій и хоронили тамъ своихъ мучениковъ, умерщвленныхъ за вѣру по повелѣнію римскихъ императоровъ или растерзанныхъ въ циркахъ хищными звѣрями.

«Человѣкъ холодный, сойдя подъ эти сырые и душные своды, увидитъ въ нихъ только сырые и душные своды. Человѣкъ мыслящій, чувствующій и понимающій увидитъ и испытаетъ нѣчто другое. Эти темные корридоры, эти узкія комнаты разскажутъ ему великую и чудную повѣсть о горсти людей, которые любили и вѣрили, которые умирали за то, во что вѣрили, и за то, что любили, которые отдавали состояніе, привязанности, семейство, жизнь свою и жизнь своихъ близкихъ за свою вѣру—и умирали геройски, умирали благословляя Бога, молясь за враговъ. Эта горсть людей, скрывавшаяся въ катакомбахъ, предназначена была произвести въ мірѣ великій переворотъ, уничтожить язычество, совершенно измѣнить всѣ понятія и даже пересоздать основанія общества. Сила первыхъ христіанъ заключалась въ ихъ крѣпкой вѣрѣ и пламенной любви; а съ любовію и вѣрою человѣку все возможно» [1]).

Вотъ одинъ трогательный эпизодъ изъ временъ гоненій. Однажды, по дорогѣ Авреліевой, стража вела на казнь Ар-

[1]) Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Соч. *Евгеніи Туръ*. Спб. 1878 г., стр. 111.

темія, Кандиду, жену его, и молодую дочь ихъ Павлину. На дорогѣ вдругъ показалась толпа христіанъ, во главѣ которой шелъ священникъ Маркеллъ. Стража испугалась и убѣжала. Молодые христіане бросились за воинами и стали ихъ уговаривать и увѣщевать. Между тѣмъ, пока они толковали съ воинами, священникъ увелъ приговоренныхъ къ смерти въ подземную церковь, отслужилъ литургію и причастилъ ихъ. Вышедши оттуда онъ подошелъ къ воинамъ и сказалъ имъ: «Мы могли бы убить васъ, но не желаемъ сдѣлать вамъ ни малѣйшаго зла. Мы могли избавить нашихъ братьевъ, осужденныхъ на смерть, но не сдѣлаемъ этого. Исполняйте, если смѣете, приговоръ нечистивый!» Воины смутились, однако не рѣшились ослушаться даннаго имъ приказанія и поспѣшили убить несчастныхъ христіанъ. Тѣла ихъ были взяты и похоронены въ катакомбахъ.

Часто христіане съ опасностію жизни уносили тѣла своихъ мучениковъ. Обыкновенно они дѣлали это ночью и вывозили въ крытыхъ повозкахъ изъ воротъ Рима, потомъ спускали въ свои подземныя кладбища и хоронили ихъ съ большими почестями. Въ годовщину ихъ кончины христіане собирались и праздновали память ихъ торжественнымъ богослуженіемъ. Все это дѣлалось тайно; втайнѣ хранили имена священниковъ и клириковъ; втайнѣ хранили входы въ катакомбы и расположеніе ихъ.

Случалось, что убѣжище христіанъ бывало открываемо во дни гоненій. Тогда гибель ихъ становилась неизбѣжною. Такъ напримѣръ императоръ Нумеріанъ, узнавъ, что множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей ищутъ убѣжища въ катакомбахъ около дороги Саллара, велѣлъ задѣлать камнями и засыпать пескомъ входъ въ подземелья,—и всѣ христіане, скрывшіеся тамъ, погибли. Иногда римскіе солдаты, отыскавъ входъ, сходили въ катакомбы и убивали всѣхъ, кого тамъ находили. Оттуда же—изъ катакомбъ

шли на смерть мученики, часто добровольно отдававшіеся въ руки своихъ гонителей.

Таковы катакомбы, служившія и мѣстомъ погребенія, и мѣстомъ убѣжища, и мѣстомъ общественной молитвы для древнихъ христіанъ.

Здѣсь встрѣчаются возвышенно-краснорѣчивыя надгробныя надписи. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Діогенъ, могильщикъ, въ мирѣ положенъ въ восьмой день октябрьскихъ календъ.

Могильщики, или гробокопатели, хоронившіе мертвыхъ, рывшіе могилы и ставившіе памятники съ надписями, были членами церковнаго клира. Многіе изъ нихъ были знакомы съ архитектурою и владѣли рѣзцомъ и кистью. Образцы произведеній ихъ уцѣлѣли до сихъ поръ. На многихъ могильныхъ камняхъ были найдены портреты самихъ могильщиковъ, высѣченные на камнѣ. Одинъ изъ такихъ портретовъ открытъ на кладбищѣ св. Каллекста. Онъ представляетъ могильщика во весь ростъ. На немъ надѣто платье, спускающееся до колѣнъ, а на ногахъ сандаліи. Съ лѣваго плеча ниспадаетъ кусокъ лохматой ткани; на правомъ плечѣ и около колѣнъ видно изображеніе креста. Въ правой рукѣ—заступъ, въ лѣвой—зажженный фонарь, висящій на небольшой цѣпочкѣ. У ногъ его лежатъ инструменты его ремесла. Надъ головою его находится надпись, приведенная нами выше. Въ языческомъ Римѣ не было въ обычаѣ упоминать на могильномъ камнѣ о простомъ ремеслѣ; но христіане не дѣлали въ этомъ отношеніи никакихъ различій: они всѣ считали себя равными, братьями, и всякое ремесло почтеннымъ, лишь бы оно было честно. На надгробныхъ памятникахъ они обозначали имя и ремесло каждаго почившаго: консулъ и простой работникъ были равно почтенны въ ихъ глазахъ.

Въ пятую календу ноября здѣсь былъ положенъ въ мирѣ Горгоній, другъ всѣмъ и никому не врагъ.

Здѣсь Гордіанъ изъ Галліи, зарѣзанный за вѣру со всѣмъ своимъ семействомъ, почиваетъ въ мирѣ. Θеофила, служанка, поставила памятникъ.

И такъ изъ всего семейства осталась въ живыхъ одна служанка, похоронившая господъ своихъ и поспѣшившая поставить надъ ними камень съ надписью, уцѣлѣвшею до насъ и увѣковѣчившею какъ любовь ея къ господамъ, такъ и мученическую кончину ихъ.

Клавдію достойному, ревностному и меня любившему.

Какое глубокое сердечное краснорѣчіе въ немногихъ словахъ!

Діонисію, невинному младенцу. Онъ почиваетъ здѣсь между святыми. Вспомните и помолитесь объ авторѣ и граверѣ.

Кукумій и Викторія заживо сдѣлали себѣ сей камень.

Живи въ Богѣ и во Христѣ!

Какая святая и возвышенная простота въ надгробныхъ надписяхъ древнихъ христіанъ! И какъ далеки отъ этой простоты наши многорѣчивыя и широковѣщательныя эпитафіи, изобрѣтаемыя недостойною христіанина и въ особенности неумѣстною въ данномъ случаѣ суетностію и тщеславіемъ!

и) Отпѣваніе и погребеніе младенцевъ.

Надъ младенцами, умершими по св. крещеніи, совершается особое отпѣваніе, какъ надъ непорочными, безгрѣш

ными: святая Церковь не молится объ оставленіи грѣховъ умершихъ, а только проситъ сподобить ихъ царствія небеснаго, по неложному обѣщанію Христову. Хотя младенцы послѣ св. крещенія сами не сдѣлали ничего, чѣмъ могли бы заслужить себѣ наслѣдіе небеснаго царствія, но они во св. крещеніи очистились отъ прародительскаго грѣха, содѣлались непорочными и участниками заслугъ Христовыхъ, наслѣдниками царствія Божія.

Отпѣваніе младенцевъ совершается надъ умершими дѣтьми до *семилѣтняго* возраста, съ каковаго возраста они уже исповѣдуются какъ взрослые.

Отпѣваніе младенцевъ короче отпѣванія возрастныхъ *мірскихъ человѣкъ* и отличается слѣдующимъ:

1) Въ немъ не поется 17-я каѳизма.

2) Не поются «тропари непорочны».

3) Поется канонъ съ припѣвомъ: «Господи, упокой младенца». Для ознакомленія съ духомъ и сущностью этого канона, приведемъ изъ него три тропаря:

«Не о младенцахъ будемъ плакать,—будемъ лучше рыдать о самихъ себѣ, мы постоянно грѣшащіе, чтобы избавиться намъ геенны».

«Владыка! Ты лишилъ младенца земныхъ наслажденій: удостой-же его, какъ Правосудный, небесныхъ благъ» [1]).

«Не рыдайте обо мнѣ сродники и друзья! ибо я не сдѣлалъ ничего, достойнаго плача; плачьте лучше о самихъ себѣ, потому что вы постоянно грѣшите, чтобы вамъ не подвергнуться мукамъ: такъ взываетъ умершій младенецъ» [2]).

4) Ектенія объ упокоеніи младенца отличается отъ произносимой объ умершихъ въ возрастѣ: въ ней усопшій младенецъ называется блаженнымъ и нѣтъ моленія о прощеніи согрѣшеній. И молитва, тайно читаемая священникомъ послѣ ектеніи, иная, нежели при ектеніи объ усопшихъ возрастныхъ.

[1]) Пѣснь 4-я, тропари 1-й и 2-й.

[2]) Пѣснь 5-я, тропарь 3-й.

Паки и паки миромъ Господу помолимся.

Еще молимся о упокоеніи блаженнаго младенца (имя рекъ) и о еже по неложному Своему обѣщанію, небесному Своему царствію того сподобити.

Яко да Господь Богъ нашъ учинитъ духъ его, идѣже вси праведнiи почиваютъ.

Милости Божія, царства небеснаго и со Святыми упокоенія у Христа безсмертнаго Царя и Бога нашего тому и сами себѣ просимъ.

Господу помолимся.

Священникъ (тайно):

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, породившимся отъ воды и Духа и въ непорочномъ житіи къ Тебѣ преставляющимся царство небесное дати обѣщавый и рекій: оставите дѣти приходити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное! смиренно молимся, нынѣ отъ насъ преставленному рабу Твоему, непорочному младенцу (имя рекъ), по Твоему неложному обѣщанію, царствія Твоего наслѣдіе даруй, насъ-же безпорочное сподоби прейти и христіанское скончати житіе, со всѣми Святыми Твоими въ небесныхъ чертозѣхъ водворитися.

Возглашаетъ:

Яко Ты еси воскресеніе, животъ и упокоеніе всѣхъ рабовъ Твоихъ и нынѣ преставленному рабу Твоему младенцу (имя рекъ), Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ...

5) По 6-й пѣсни канона и кондакѣ: «Со Святыми упокой» съ икосомъ:

«Самъ единъ еси безсмертный», поются еще *три* икоса, изображающіе скорбь родителей по умершимъ младенцамъ.

6) По 9-й пѣсни малая ектенія и *ексапостиларій* [1]):

Нынѣ упокоихся и обрѣтохъ ослабу многу, яко преставихся отъ истлѣнія и преложихся къ животу: Господи, слава Тебѣ (Трижды).

(Слава и нынѣ): Нынѣ избрахъ Богоматерь Отроковицу, яко родися изъ Нея Христосъ, всѣхъ Избавитель: Господи, слава Тебѣ.

7) Послѣ канона читаются Апостолъ и Евангеліе иные, нежели при отпѣваніи мірскихъ человѣкъ:

Апостолъ— зачало 162-е (1 Кор. XV, 39—46)—о состояніи человѣка по воскресеніи.

Евангеліе—зачало 21-е (Іоан. VI, 35—39)— о воскресеніи мертвыхъ силою воскресшаго Господа.

8) Послѣ Евангелія «бываетъ послѣднее цѣлованіе», при пѣніи прощальныхъ стихиръ (числомъ 5-ти): въ этихъ стихирахъ выражается скорбь родителей объ усопшемъ младенцѣ и утѣшеніе имъ, что онъ вселился къ ликамъ Святыхъ, какъ «непричастный житейскихъ золъ» и «чистый отъ тлѣнія грѣхолюбнаго».

9) Послѣ прощальныхъ стихиръ литія и отпустъ:

Воскресый изъ мертвыхъ, и живыми и мертвыми обладаяй, Христе истинный Боже нашъ, молитвами Пресвятыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ Твоихъ, душу отъ насъ преставленнаго младенца (имя рекъ) въ скиніяхъ Святыхъ всели и съ праведными причти, яко благъ и человѣколюбецъ.

---

[1]) Ексапостиларій—*предпосылаемый*: такъ называются пѣснопѣнія, поемыя на утрени послѣ канона, потому что въ древности для пѣнія ихъ пѣвецъ былъ высылаемъ на средину храма.

По отпустѣ-же глаголетъ іерей:

Вѣчная твоя память, достоблаженне и приснопоминаемый младенче (имя рекъ).

Ликъ—же поетъ трижды: Вѣчная память.

10) Вмѣсто разрѣшительной молитвы, положенной при отпѣваніи возрастныхъ, священникъ читаетъ слѣдующую молитву:

Храняй младенцы, Господи, въ нынѣшнемъ житіи, въ будущемъ-же вѣцѣ уготовавый имъ пространство, Авраамово лоно и по чистотѣ ангельская свѣтообразная мѣста, въ нихже водворяются праведныхъ дуси! Ты Самъ, Владыко Христе, душу раба Твоего младенца (имя рекъ) пріими съ миромъ. Ты бо реклъ еси: оставите дѣти пріити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное. Тебѣ бо подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

«И веемше тѣло идутъ ко гробу (могилѣ), предъидущимъ іереемъ и діакономъ и всему клиру, поющимъ: «Святый Боже». Вложивше-же мощи во гробъ, іерей начальствуяй, веемъ лопату, сыплетъ землю во гробъ, глаголя: «Господня есть земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней». И отходятъ благодаряще Бога» [1]).

Примѣчаніе. Надъ умершими младенцами, которые не сподобились св. крещенія, не совершается отпѣванія так как они не очищены отъ прародительскаго грѣха.

Что-же касается до судьбы младенцевъ, умирающихъ безъ крещенія, то объ этомъ извѣстны два главныхъ *мнѣнія* древнихъ учителей Церкви. Одни (Августинъ и Фульгенцій) полагали, что такіе младенцы терпятъ муку, хотя, сколько возможно, легкую. Другіе помѣщали ихъ въ какомъ-то среднемъ состояніи между блаженствомъ и осужденіемъ.

---

[1]) Требникъ. Чинъ погребенія младенческаго.

Эту послѣднюю мысль высказываютъ: а) *св. Григорій Нисскій:* «Преждевременная смерть младенцевъ не даетъ еще мысли, чтобы такъ оканчивающій жизнь былъ въ числѣ несчастливыхъ; равно какъ и чтобы наслѣдовалъ одинаковую участь съ тѣми, кои въ сей жизни очистили себя всякою добродѣтелію» (къ Гіарію о младенцахъ, похищаемыхъ преждевременною смертію, въ Христ. Чтеніи 1838 г. IV); б) *св. Григорій Богословъ.* «Послѣдніе (не сподобившіеся крещенія по малолѣтству) не будутъ у праведнаго Судіи ни прославлены, ни наказаны, потому что, хотя не запечатлѣны, однако-же и не худы, и больше сами потерпѣли, нежели сдѣлали вреда. Ибо не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія» (Слов. на св. Крещеніе въ Твор. Св. Отецъ III, 294).

і) Общій взглядъ на духъ погребальныхъ обрядовъ.

Разсмотрѣвъ выше обряды, совершаемые православною Церковію надъ умершимъ христіаниномъ, считаемъ неизлишнимъ сказать нѣчто о томъ общемъ духѣ, который выражается въ этихъ священныхъ обрядахъ.

Язычникъ почти ничего не зналъ о загробной жизни или представлялъ себѣ ее неясно и темно. Немногіе изъ язычниковъ только напряженнѣйшими изслѣдованіями доходили до мысли о безсмертіи души, но и эта высокая мысль, будучи шаткою и нетвердою въ умѣ слѣпотствующаго язычника, не могла проливать полной отрады въ его скорбную душу надъ гробомъ собрата, не могла разсѣевать всѣхъ его сомнѣній касательно загробной жизни. Неудивительно поэтому, что скорбь и сѣтованія язычниковъ при погребеніи умершаго были такъ безотрадны и выражались такими неистовыми дѣйствіями: рваніемъ на себѣ волосъ, терзаніемъ лица, біеніемъ себя въ грудь, бичеваніемъ и т. п. Неудивительно, что и погребальные обряды языческіе не выражали ни одной свѣтлой мысли, напротивъ, носили на себѣ отпечатокъ суевѣрія, нелѣпостей и безчеловѣчія. Мрачный взглядъ язычника на смерть и будущую жизнь выражался и въ символическомъ изображеніи смерти, употреблявшемся у язычниковъ. Этотъ прекрасный юноша съ блѣднымъ лицемъ, съ потухшимъ взоромъ, съ погасшимъ факеломъ въ рукахъ, этотъ геній смерти выражалъ не отрадную мысль о воскресеніи, какъ можно было-бы подумать съ перваго взгляда, не ту христіанскую истину, что въ этомъ потухшемъ взорѣ нѣкогда засвѣтится жизнь и этотъ мертвый трупъ снова воспрянетъ къ дѣятельности нескончаемой и безконечной, — нѣтъ, здѣсь выражалась страшная мысль объ уничтоженіи: *вѣчная ночь* (perpetua nox)—вотъ что начертано было на блѣдномъ челѣ уснувшаго юноши. Мысль, возбуждающая въ душѣ болѣзненную скорбь, убивающая всѣ наши святыя надежды [1])...

Но свѣтло и ясно христіанская вѣра представляетъ христіанину его будущее состояніе и успокоительно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, возникающіе иногда въ умѣ человѣка и волнующіе его сердце при мысли о могилѣ. Божественная вѣра приподнимаетъ предъ взоромъ христіанина край завѣсы, скрывающей отъ насъ будущее, указываетъ ему на чудесное и величественное преображеніе тѣла человѣческаго, представляетъ намъ новое небо и новую землю, гдѣ вѣрующіе будутъ жить въ союзѣ съ Богомъ и съ безчисленнымъ сонмомъ Ангеловъ и Святыхъ. Владыка жизни,

[1]) Къ крайнему прискорбію, и на нашихъ христіанскихъ кладбищахъ очень часто приходится встрѣчать этотъ безотрадный языческій символъ смерти, приличный только язычникамъ, *не имущимъ упованія*...

благоволившій умереть за насъ, побѣдоносно разрушилъ державу смерти и избавилъ насъ отъ страха истлѣнія (Евр. II, 14, 15); а потому смерть въ глазахъ христіанина есть сонъ утомленнаго и усталаго путника, послѣ котораго (сна) онъ опять пробудится для новой и лучшей жизни (1 Кор. XV, 42). При такомъ взглядѣ вѣрующаго на смерть и будущую жизнь, ему неприлично скорбѣть и печалиться о разлукѣ съ любезными его сердцу; напротивъ, онъ долженъ радоваться и, провожая умершаго брата въ страну вѣчности, пѣть хвалебный торжественный гимнъ Побѣдителю смерти. «Намъ не должно—говоритъ *Кипріанъ*—оплакивать нашихъ братьевъ, оставившихъ міръ по призыву Господа, такъ какъ мы знаемъ, что они не потеряны для насъ, «только предупредили насъ» [1]). Потому-то погребальные обряды нашей Церкви проникнуты утѣшеніемъ, служатъ символами, въ которыхъ выражается мысль о воскресеніи и будущей безсмертной жизни. Когда увлажненный слезами взоръ православнаго христіанина видитъ во гробѣ добычу тлѣнія и разрушенія, и сердце уже готово бываетъ предаться безутѣшной скорби,—тогда св. Церковь своими трогательными погребальными обрядами утѣшаетъ, ободряетъ живущихъ, разсѣеваетъ всѣ ихъ сомнѣнія, обращается въ пламенныхъ молитвахъ къ Богу о помилованіи умершаго и прощеніи ему всѣхъ согрѣшеній и наконецъ всѣ свои молитвы завершаетъ и запечатлѣваетъ разрѣшительною молитвою: умершій братъ нашъ идетъ въ другой міръ въ мирѣ съ Богомъ, Отцемъ своимъ, и съ Церковію, матерію своею.

Предъ взоромъ вѣрующаго, понимающаго смыслъ погребальныхъ обрядовъ нашей православной Церкви, какъ-бы повторяется чудесное видѣніе Іезекіиля, какъ изсохшія кости

[1]) Кипріанъ, о смертности, глава XX.

оживаютъ, облекаются плотію, связываются жилами и, по гласу Всемогущаго, начинаетъ вѣять въ нихъ духъ жизни (Іезек. XXXVII, 1—10). Самыя погребальныя пѣсни, которыя поются надъ гробомъ нашего собрата во Христѣ, заключаютъ въ себѣ полное догматическое ученіе о воскресеніи и будущей жизни, выраженное только трогательнымъ, сильнымъ и пламеннымъ языкомъ сердца и прерываемое пламенною молитвою къ Богу о помилованіи умершаго. Уже св. Іоаннъ Златоустъ выразилъ общій духъ погребальныхъ обрядовъ нашей православной Церкви. «Скажи мнѣ,—спрашиваетъ онъ своихъ слушателей,—что означаютъ сіи свѣтлыя лампады? Не то-ли, что мы провождаемъ умершихъ, какъ борцовъ? Что выражаютъ сіи гимны? Не Бога ли мы прославляемъ и благодаримъ Его за то, что Онъ увѣнчалъ усопшаго» [1])?—«Размысли,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что выражаютъ псалмы? Если ты вѣришь тому, что произносишь, то напрасно плачешь и скорбишь» [2]).

Но не должно думать, что Церковь запрещаетъ намъ всякое проявленіе нѣжной дружбы, сердечной привязанности къ нашимъ усопшимъ братіямъ. Христіанская вѣра не запрещаетъ естественныхъ и невинныхъ движеній и чувствованій сердца, но только умѣряетъ ихъ, облагороживаетъ и возвышаетъ. Св. Церковь не запрещаетъ умѣреннаго плача по умершимъ: она «знаетъ могущество нашей природы, знаетъ, что мы не можемъ не плакать о тѣхъ, къ которымъ при жизни ихъ питали любовь и дружбу [3])», знаетъ, что запрещать умѣренный плачъ по умершемъ есть то же, что запрещать дружескіе разговоры и разрывать всѣ человѣческія связи. Она не допускаетъ только безграничныхъ и непри-

[1]) Св. Іоанна Златоуста бесѣда IV, на посланіе къ Евреямъ.
[2]) Его-же Слово XXXIX объ усопшихъ.
[3]) Августинъ. О градѣ Божіемъ, книга XIX.

стойныхъ проявленій скорби, свойственныхъ язычникамъ. «И я также плакалъ»,—признается св. Амвросій Медіоланскій,—«но плакалъ также и Господь—Онъ о постороннемъ (Лазарѣ), а я—о своемъ братѣ [1])». Поэтому-то св. Церковь и поетъ трогательныя прощальныя пѣсни надъ гробами нашихъ собратій. Но, по намѣренію ея, наше сѣтованіе и плачъ должны растворяться радостію и упованіемъ: пусть взоръ христіанина, орошенный слезами, будетъ возведенъ на небо и послѣднее прощальное цѣлованіе умершаго и молитва о немъ къ Богу пусть будутъ заключены словами скорбящей сестры Лазаря: «Знаю, что воскреснетъ братъ мой въ послѣдній день» (Іоан. XI, 24).

Такимъ образомъ православная Церковь въ совершеніи погребальныхъ обрядовъ является сердобольною матерію, которая то утѣшаетъ и ободряетъ живыхъ и сочувствуетъ ихъ горести, то въ пламенныхъ молитвахъ обращается къ Богу о прощеніи согрѣшеній усопшему, забывая все содѣянное имъ злое, чтобы исходатайствовать ему у Бога царство небесное. Радуется сердце, когда представишь себѣ, что въ то время какъ мы оставляемъ все земное и все земное оставляетъ насъ, у насъ остается на землѣ нѣжная мать, которая любитъ насъ, ходатайствуетъ объ насъ и молится за насъ Богу. А съ другой стороны сердце наше не можетъ не скорбѣть объ участи тѣхъ, которые до того разорвали союзъ съ этою св. матерію, что она не дерзаетъ уже молить объ нихъ Бога и заключаетъ для нихъ свое любвеобильное сердце.

[1]) Св. Амвросій. Слово на смерть брата.

2) Поминовеніе православнаго христіанина.

Прошу всѣхъ и молю: непрестанно о мнѣ молитеся Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный.

Стихира при отпѣваніи.

а) Связь и общеніе живыхъ съ умершими.

За смертію кого бы ни было изъ нашихъ присныхъ, какъ бы ни былъ онъ близокъ къ намъ въ здѣшней жизни, для насъ уже рѣшительно порваны всякія нити или узы нынѣшнихъ чувственныхъ связей съ нимъ. Смерть полагаетъ и утверждаетъ между живыми и умершими *великую пропасть*, разобщаетъ между собою тѣхъ и другихъ. Но она разобщаетъ ихъ только чувственно, а не духовно: духовная связь и общеніе не прекращаются и не прерываются между продолжающими жить въ этомъ мірѣ и переселившимися въ міръ загробный.

Живемъ-ли, —говоритъ Апостолъ, — *живемъ для Господа; умираемъ-ли для Господа. И потому живемъ ли мы или умираемъ, мы Господни* (Римл. XIV, 8). *Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ. Ибо у него всѣ живы* (Луки XX, 38). Всѣ вѣрующіе составляютъ одно духовно-нравственное царство Божіе, одно духовное тѣло Христово, Церковь Христову (Ефес. I, 23, Колос. I, 18). И такъ основаніе связи и общенія живыхъ съ умершими есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его вседѣйственная благодать. Единый Богъ, предъ лицемъ котораго всѣ живы, есть Творецъ, Царь, Отецъ и Спаситель душъ, какъ пребывающихъ еще на землѣ въ своихъ

тѣлахъ, такъ и разрѣшившихся отъ узъ и плоти и находящихся въ загробномъ мірѣ.

Вѣра и любовь—вотъ тѣ духовныя узы, которыя соединяютъ живыхъ съ умершими. Вѣра соединяетъ настоящее съ будущимъ, видимое съ невидимымъ. Вѣра соединяетъ человѣка съ невидимымъ Богомъ, съ невидимымъ ангельскимъ міромъ и съ переселившимися въ невидимый міръ братіями его. Любовь, соединяющая насъ здѣсь на землѣ часто до готовности жертвовать жизнію за любимое лице, переходитъ и за гробъ. Любовь безсмертна, никогда не отпадаетъ, не умираетъ (1 Кор. XIII, 8). А проявленіемъ или плодомъ любви является живое сочувствіе, принятіе къ сердцу состоянія ближняго. Если только душа не потеряла божественной любви, то, гдѣ бы она ни была—за гробомъ или еще въ тѣлѣ на землѣ, она не можетъ не принимать живаго, дѣятельнаго участія въ состояніи душъ, ей близкихъ, гдѣ бы онѣ ни находились. При этомъ условіи умершіе сочувствуютъ живымъ и живые должны сочувствовать умершимъ. Живые и умершіе, какъ члены одного духовнаго тѣла Христова, находятся во взаимномъ между собою сочувствіи: *страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ вси члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются вси члены* (1 Кор. XII, 26).

«Умершіе всегда пребываютъ съ нами своимъ духомъ, и мы, живые, вѣрою всегда можемъ видѣть нашихъ усопшихъ и слышать ихъ голосъ [1])».

«Можно быть далеко и близко къ умершему. Чѣмъ сильнѣе любовь къ умершему, чѣмъ сильнѣе и наша молитва о немъ, тѣмъ ближе и умершій къ намъ. Молитва вѣры до такой степени можетъ приблизить къ намъ умершаго, что мы сами почувствуемъ его приближеніе, почувствуемъ дыханіе души его около насъ. Во время молитвы преимущественно сердце сердцу подаетъ вѣсть [1])».

[1]) Надгробное Слово Архіепископа Рижскаго *Платона*. Странникъ 1864 г., февраль, стр. 139.

Въ притчѣ о погибшей (пропавшей) овцѣ Господь поучаетъ, что св. Ангелы радуются на небѣ о каждомъ кающемся грѣшникѣ (Лук. XV, 10).

Евангеліе повѣствуетъ, что въ минуту смерти Христовой «многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли и вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Его, вошли во святый градъ и явились многимъ» (Матѳ. XXVII, 52, 53). «Спрашивается: что привлекло этихъ воскресшихъ святыхъ (говорю о собственномъ ихъ движеніи духовномъ) во святый градъ и побудило явиться въ немъ многимъ? Не глубокое ли участіе къ бѣдному городу, не узнавшему своего и всемірнаго Избавителя Христа? Не стремленіе ли вошедшихъ въ радость Христова воскресенія отцевъ подѣлиться этою радостію по возможности, и съ своими живыми дѣтьми? Такъ можетъ быть сочувственно состояніе отшедшихъ въ другую жизнь состоянія еще живущихъ. И такимъ образомъ какъ мы, живущіе, можемъ самою своею судьбою и дѣятельностію способствовать или препятствовать успокоенію усопшихъ, такъ и они съ своей стороны своимъ состояніемъ и движеніями, во свѣтѣ лица Божія, заботливо соучаствуютъ въ нашей судьбѣ. И вотъ оба міра, загробный и нашъ земной, находятся во взаимной связи и живомъ соотношеніи между собою [2])».

Но не одни только умершіе совершенные или святые сочувствуютъ остающимся на землѣ грѣшнымъ собратіямъ. «По Евангелію Христову, даже духъ богача немилосердаго, *сый въ мукахъ*, и притомъ такихъ, что для него желанною и однако недоступною отрадой было бы хоть одно чувственное прикосновеніе къ нему омоченнымъ пальцемъ или

[1]) Протоіерея Путятина поученіе 263.

[2]) *А. Бухаревъ*. Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ стр. 62.

что-нибудь подобное тому въ порядкѣ и образѣ загробной жизни, озабочивается судьбою своихъ еще живущихъ братьевъ,—жалобно умоляетъ Авраама послать къ нимъ Лазаря съ предостереженіемъ, чтобы и они (путемъ своей жизни и мысли, конечно) не пришли на то же мѣсто мученія (Лук. XVI, 27—30). Положимъ, что жестокосердая душа богача умоляла объ этомъ отчасти и по мрачному движенію зависти къ радостной судьбѣ Лазаря и безчеловѣчнаго желанія ему продолженія земныхъ его озлобленій,—какъ съ глубокою духовною проницательностію замѣчаетъ св. Златоустъ (въ толкованіи этого мѣста). Но, судя по отвѣту Авраамову прямо на его мольбу, никакъ нельзя вовсе отрицать въ богачѣ немилосердомъ и дѣйствительнаго безпокойства его за своихъ братьевъ. Что же сказать теперь о душахъ добрыхъ, любящихъ, всегда и на землѣ бывшихъ въ озабоченности судьбою своихъ возлюбленныхъ [2])?!

Вѣра спасаетъ и живыхъ и умершихъ. Совершенные умершіе ходатайствуютъ за насъ, живыхъ, а мы, живые, молимъ Бога за умершихъ несовершенныхъ, содержимыхъ во адѣ. Такъ благоустроительно совершается наше спасеніе во Христѣ Господѣ нашемъ, взявшемъ на Себя грѣхи всѣхъ вѣрующихъ въ Него, находящихся какъ въ этой, такъ и въ загробной жизни. Онъ—Богъ и Спаситель всѣхъ вѣрныхъ Ему.

б) Основанія ученія Церкви о ходатайствѣ живыхъ за умершихъ въ Священномъ Писаніи.

Какъ праведники, вдругъ по смерти тѣла и частномъ судѣ надъ ними, восходятъ душами своими на небо и удостоиваются блаженства, точно такъ же грѣшники отходятъ

[2]) Тамъ же, стр. 60—61.

душами своими во адъ—мѣсто печали и скорби, хотя какъ первые не чувствуютъ еще совершеннаго блаженства, такъ и послѣдніе до всеобщаго суда не терпятъ совершеннаго мученія. Впрочемъ, преподавая ученіе, что всѣ грѣшники, послѣ смерти своей и частнаго суда надъ ними, равно отходятъ во адъ, православная Церковь въ то-же время исповѣдуетъ, что для тѣхъ изъ нихъ, которые до разлученія съ настоящею жизнію покаялись, только не успѣли принести плодовъ, достойныхъ покаянія (каковы: молитва, сокрушеніе, утѣшеніе бѣдныхъ и выраженіе въ поступкахъ любви къ Богу и ближнимъ), остается еще возможность получить облегченіе въ страданіяхъ и даже вовсе освободиться отъ узъ ада. Такое облегченіе и освобожденіе грѣшники могутъ получать не по собственнымъ какимъ-либо заслугамъ или чрезъ раскаяніе (ибо послѣ смерти и частнаго суда нѣтъ мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ), но только по безконечной благости Божіей; чрезъ молитвы Церкви и благотворенія, совершаемыя живыми за умершихъ, а особенно силою безкровной жертвы, которую въ частности приноситъ священнослужитель для каждаго христіанина о его присныхъ, вообще же за всѣхъ повседневно приноситъ каѳолическая и апостольская Церковь [1]).

Утѣшительное ученіе православной Церкви о возможности для грѣшниковъ, умершихъ съ покаяніемъ, получать облегченіе и даже совершенное освобожденіе отъ мученій ада, по молитвамъ еще живущихъ братій и ихъ благотвореніямъ (цѣль этихъ благотвореній есть также возбужденіе въ другихъ молитвы о преставившихся) или, что то-же по молитвамъ Церкви, силою безкровной жертвы,—это ученіе имѣетъ основаніе въ Священномъ Писаніи.

[1]) Православное Исповѣданіе, ч. I, отв. на вопросы 64, 65. Посланіе восточн. патріарховъ о прав. вѣрѣ, членъ 18. Православно-Догматическое Богословіе Макарія, т. II, § 258.

Св. Апостолъ Іаковъ заповѣдуетъ намъ *молиться другъ за друга* (Іак. V, 16); и св. Апостолъ Павелъ проситъ *совершать молитвы за всѣхъ человѣковъ* (1 Тим. II, 1; сн. Ефес. VI, 18, 19). И тотъ и другой Апостолъ заповѣдуютъ молиться другъ за друга и за всѣхъ безъ ограничительнаго обозначенія мѣста, времени и другихъ обстоятельствъ. Мы должны слѣдовательно молиться за ближнихъ нашихъ и тогда, когда они находятся вмѣстѣ съ нами, и тогда, когда они бываютъ въ отсутствіи; и тогда, когда они живутъ еще на землѣ, и тогда, когда они чрезъ смерть переселяются въ другой міръ, потому что *живемъ ли мы или умираемъ, мы всегда Господни* (Римл. XIV, 8), и умершіе, какъ и живые, для Бога всѣ равно живы (Лук. XX, 38).

Предостерегая насъ отъ молитвы за ближнихъ, неугодной Богу и безплодной для нихъ, св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ даетъ намъ другую заповѣдь: *Если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился* (1 Іоан. V, 16). Но всѣ умершіе съ истиннымъ раскаяніемъ свободны отъ смертнаго грѣха уже потому одному, что они раскаялись: «ибо грѣхъ къ смерти есть (говорятъ отцы 7-го Вселенскаго Собора), когда нѣкіе согрѣшая, въ неисправленіи пребываютъ и жестоковыйно (упорно) возстаютъ на благочестіе и истину... Въ таковыхъ нѣсть Господа Бога, аще не смирятся и не истрезвятся отъ своего грѣхопаденія» (правило 5-е). Слѣдовательно всѣ умершіе съ истиннымъ покаяніемъ, хотя бы прежде и находились въ смертныхъ грѣхахъ, а тѣмъ болѣе, если не находились,—принадлежатъ къ числу тѣхъ ближнихъ нашихъ, за которыхъ намъ заповѣдано молиться безъ всякаго сомнѣнія и колебанія. По этой заповѣди апостольской, одни умершіе въ смертныхъ грѣхахъ, въ нераскаянности и внѣ общенія съ Церковію, не удостоиваются ея молитвъ.

По ученію апостольскому, молитвы наши за ближнихъ могутъ быть для нихъ вообще благотворны даже въ нравственномъ отношеніи (2 Сол. I, 11, 12; Ефес. VI, 18, 19), въ особенности *много можетъ усиленная молитва праведнаго* (Іак. V, 16), и въ частности наши молитвы за братіи, не находящихся въ смертномъ грѣхѣ, могутъ подавать имъ *жизнь* (1 Іоан. V, 16). Слѣдовательно, хотя мы не понимаемъ, какимъ образомъ дѣйствуютъ наши молитвы на ближнихъ нашихъ, пока они находятся еще въ настоящей жизни, тѣмъ не менѣе молитвы наши дѣйственны и спасительны для нихъ. Точно такъ же не постигая и того, какъ могутъ дѣйствовать наши молитвы на братій нашихъ скончавшихся, съ истиннымъ покаяніемъ, мы не вправѣ сомнѣваться въ дѣйствительности и спасительности для нихъ этихъ молитвъ.

Если чего попросите во имя Мое, говоритъ Христосъ Спаситель, *то Я сдѣлаю* (Іоан. XIV, 14). И такъ всякая наша молитва къ Богу, а слѣдовательно и молитва за ближнихъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, можетъ быть сильна и дѣйственна только тогда, когда возносится во имя Господа Іисуса, Который есть единый Посредникъ между Богомъ и человѣками (1 Тим. II, 5). Іисусъ Христосъ примирилъ насъ съ Богомъ и искупилъ отъ всякаго грѣха, когда принесъ Ему на крестѣ въ умилостивительную жертву Самого Себя—собственное тѣло и собственную кровь (Евр. IX, 14, 26; X, 10); и въ таинствѣ Евхаристіи доселѣ приносится Богу та же самая умилостивительная жертва, преломляется то же самое честное тѣло нашего Искупителя *за жизнь міра* (Іоан. VI, 51) и проливается та же

самая честная кровь Его *во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. XXVI, 26—28; Лук. XXII, 19, 20). Слѣдовательно, если когда наша молитва какъ за живыхъ, такъ равно и за умершихъ братій нашихъ, можетъ быть угодна Богу и благотворна для нихъ, то преимущественно въ то время, когда она бываетъ соединена съ приношеніемъ за нихъ безкровной умилостивительной жертвы.

Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: *Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ* (Матѳ. XII, 32). Отсюда прямой выводъ, что отпущеніе грѣховъ грѣшникамъ возможно и по смерти ихъ.

Въ Апокалипсисѣ говорится, что Господь Іисусъ Христосъ *имѣетъ ключи ада и смерти* (Апок. I, 18); слѣдовательно Онъ можетъ отверзать ими затворы адовы и освобождать оттуда грѣшниковъ.

Но такъ какъ, по смерти, для самихъ грѣшниковъ не остается мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ, то объяснить возможность отпущенія грѣховъ грѣшникамъ и освобожденія ихъ отъ узъ ада нѣтъ другаго способа, кромѣ того, что Господь совершаетъ это по молитвамъ Церкви и въ силу безкровной умилостивительной жертвы, приносимой за умершихъ. О скончавшихся съ хулою на Духа Святаго, или—что то же—въ смертномъ грѣхѣ, и не раскаявшихся Церковь не молится,—и вотъ потому-то, какъ сказалъ Спаситель, хула на Духа Святаго не отпустится человѣку ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.

Во второй книгѣ Маккавейской повѣствуется о доблестномъ и благочестивомъ вождѣ іудейскомъ Іудѣ Маккавеѣ слѣдующее: «Выступилъ же Іуда съ тремя тысячами пѣшихъ и четырьмя стами конныхъ. Когда они вступили въ сраженіе, случилось пасть немногимъ изъ іудеевъ... Такъ

какъ наступалъ седьмой день, то они очистились по обычаю и праздновали субботу. На другой день бывшіе съ Іудою пошли, какъ требовалъ долгъ, перенести тѣла падшихъ и положить ихъ вмѣстѣ съ сродниками въ отеческихъ гробницахъ. И нашли они у каждаго изъ умершихъ подъ хитонами посвященныя Іамнійскимъ идоламъ вещи, что законъ запрещалъ іудеямъ: и сдѣлалось всѣмъ явно, по какой причинѣ они пали. И такъ всѣ прославили праведнаго Судію, Господа, открывающаго сокровенное, и обратились къ молитвѣ, прося, да будетъ совершенно изглаженъ содѣланный грѣхъ; а доблестный Іуда увѣщавалъ народъ хранить себя отъ грѣховъ, видя своими глазами, что случилось по винѣ падшихъ. Сдѣлавъ же сборъ по числу мужей до двухъ тысячъ драхмъ серебра, онъ послалъ въ Іерусалимъ, чтобы принесть жертву за грѣхъ, и поступилъ весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресеніи. Ибо еслибы онъ не надѣялся, что падшіе въ сраженіи воскреснутъ, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвыхъ. Но онъ помышлялъ, что скончавшимся въ благочестіи уготована превосходная награда,—какая святая и благочестивая мысль!— Посему принесъ за умершихъ умилостивительную жертву, да разрѣшатся отъ грѣха» (2 Макк. XII, 33—34, 38—45).

У евреевъ было въ общемъ обычаѣ—*преломлять хлѣбъ надъ умершими* (Второз. XXVI, 14; Іерем. XVI, 7; Товит. IV, 14; Сирах. VII, 36). Существовалъ еще частный обычай—налагать на себя добровольно постъ по случаю неблаговременной кончины кого-либо изъ близкихъ (1 Цар. XXXI, 13; 2 Цар. I, 12; III; 35). Нѣтъ сомнѣнія, что благочестивые изъ евреевъ соединяли съ этими обычаями и молитвенные обряды.

в) Поминовеніе усопшихъ существуетъ въ Церкви христіанской со временъ Апостоловъ.

Поминовеніе усопшихъ, какъ преданіе апостольское, существуетъ въ Церкви христіанской съ самаго ея начала. Доказательство этого мы находимъ въ древнихъ литургіяхъ и въ свидѣтельствахъ святыхъ Отцевъ и учителей Церкви.

Всѣ древнія литургіи, какъ тѣ, которыя употребляются или употреблялись въ Церкви восточной, православной, извѣстныя подъ именами: св. Апостола Іакова, брата Господня [1]), св. Василія Великаго, св. Іоанна Златоустаго, св. Григорія Двоеслова,—такъ и литургіи Церкви западной: римская, испанская или мозарабская, галликанская и др., наконецъ литургіи различныхъ неправославныхъ сектъ, издревле существующихъ на востокѣ: яковитовъ, коптовъ, армянъ, ѳіоповъ, сирійцевъ, несторіанъ и прочихъ, какъ онѣ ни многочисленны и ни разнообразны, содержатъ въ себѣ молитвы за умершихъ. А это непререкаемо свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что отъ дней самихъ Апостоловъ, предавшихъ Церкви чинъ Божественной литургіи, не было времени, когда бы христіане не молились за своихъ усопшихъ братій и притомъ при совершеніи важнѣйшаго изъ своихъ божественныхъ богослуженій.

Св. Діонисій Ареопагитъ говоритъ: «Священнослужитель творитъ молитву надъ усопшимъ и, по молитвѣ, цѣлуетъ его, а затѣмъ всѣ предстоящіе; въ молитвѣ же просятъ безконечную благость Божію, да проститъ усопшему всѣ грѣхи, по немощи человѣческой содѣланные, и упокоитъ его въ свѣтѣ и странѣ живыхъ, въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова, въ мѣстѣ, откуда удалены всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе...» И спустя нѣсколько: «Объ упомянутой молитвѣ, которую произноситъ священнослужитель надъ покойникомъ, пришедшее къ намъ отъ нашихъ Богодухновенныхъ наставниковъ преданіе изложить необходимо» [1]).

[1]) Въ литургіи св. Апостола Іакова находится слѣдующая молитва за умершихъ: „Господи, Боже духовъ и всякія плоти! помяни православныхъ, которыхъ мы помянули и которыхъ не помянули, отъ Авеля праведнаго до сего дня: Самъ упокой ихъ въ селеніи живыхъ, въ царствіи Твоемъ, въ сладостяхъ рая, въ нѣдрахъ Авраама и Исаака и Іакова, св. отецъ нашихъ, откуда отбѣгла болѣзнь, печаль и воздыханіе, гдѣ присѣщаетъ свѣтъ лица Твоего и освѣщаетъ всегда“.

Св. Аѳанасій Великій пишетъ: «Богоглаголивые Апостолы, освященные учители и духовные отцы, по достоинству ихъ, будучи исполнены Божественнаго Духа и по мѣрѣ вмѣстимости пріявшіе исполнившую ихъ восторга силу Его, Богодухновенными устами Богоугодно учредили литургіи, молитвы и псалмопѣнія и годичныя воспоминанія объ усопшихъ, каковое обыкновеніе благодатію человѣколюбиваго Бога даже донынѣ усиливается и распространяется отъ востокъ солнца до западъ, на сѣверѣ и югѣ, въ честь и славу Господа господствующихъ и Царя царствующихъ» [2]).

Св. Григорій Нисскій: «Ничего безъ разсужденія, ничего безполезнаго не предано отъ Христовыхъ проповѣдниковъ и учениковъ и не принято повсемѣстною Церковію Божіею, но это есть дѣло весьма богоугодное и полезное— при Божественномъ и преславномъ таинствѣ совершать поминовеніе объ усопшихъ въ правой вѣрѣ» [3]).

Св. Іоаннъ Златоустъ: «Не напрасно узаконено Апостолами творить предъ страшными тайнами поминовеніе

[1]) О Церковной Іерархіи, глава VIII.

[2]) Привод. у *св. Іоанна Дамаскина* въ Словѣ объ усопшихъ въ вѣрѣ.

[3]) Тамъ же, у *Дамаскина*.

объ усопшихъ: они знали, что великая бываетъ отъ сего польза для усопшихъ, великое благодѣяніе» [1]).—«Не напрасно бываютъ приношенія за усопшихъ, не напрасно моленія, не напрасно милостыни: все это установилъ Духъ Святый, желая, чтобы мы получили пользу другъ чрезъ друга» [2]).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ: «Таинники и самовидцы Слова, покорившіе кругъ земной, ученики и божественные Апостолы Спасителя не безъ причины, не напрасно и не безъ пользы установили при страшныхъ, пречистыхъ и животворящихъ тайнахъ совершать поминовеніе о вѣрныхъ усопшихъ, что отъ конецъ до конецъ земли владычествующая апостольская и соборная Церковь Христа и Бога и содержитъ твердо и безпрекословно съ того времени даже донынѣ и до кончины міра содержать будетъ. Ибо вѣра христіанская, чуждая заблужденій, ничего безполезнаго не приняла и не стала бы ненарушимо содержать во вѣки, но все полезное, богоугодное и весьма спасительное» [3]).

Тертулліанъ: «Приношенія за умершихъ мы творимъ ежегодно въ день ихъ кончины» [4]).

Кипріанъ: «Епископы, наши предшественники, благочестиво разсуждая и заботясь о спасеніи, опредѣлили, чтобы ни одинъ умирающій братъ не возлагалъ послѣ себя попечительства и покровительства на священнослужителя; и еслибы кто сіе сдѣлалъ, то не творили бы за того приношенія, и жертва о успеніи его не совершалась бы: ибо не заслуживаетъ именоваться въ молитвѣ священниковъ предъ алтаремъ Божіимъ, тотъ, кто хотѣлъ отвлечь отъ него священниковъ и слугъ алтаря» [5]).

[1]) Бесѣда III на посланіе къ Филиппійцамъ.
[2]) Бесѣда XXI на Дѣянія Апостольскія.
[3]) Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ. Христ. Чтеніе 1827 г., XXVI, 309.
[4]) О единобрачіи, глава 9.
[5]) Посланіе LXVI, къ клиру и народу.

Евсевій: «Весь народъ, вмѣстѣ съ священнослужителями, не безъ слезъ и глубокихъ воздыханій, возносилъ къ Богу молитвы о душѣ Царя и этимъ исполнялъ желаніе боголюбезнаго» [1]).

Св. Кириллъ Іерусалимскій: «Поминаемъ и прежде почившихъ, во-первыхъ, Патріарховъ, Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и предстательствомъ принялъ Богъ моленіе наше; потомъ молилъ о преставившихся святыхъ отцахъ и епископахъ и вообще о всѣхъ изъ насъ прежде почившихъ, вѣруя, что превеликая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, какъ святая предлежитъ и страшная жертва» [2]).

Св. Амвросій: «Даруй, Господи покой рабу Твоему Өеодосію (императору), тотъ покой, который предуготовалъ Ты рабамъ Твоимъ» [3]).

Св. Ефремъ Сиринъ: «Если подзаконные священники служебными приношеніями очищали грѣхи убіенныхъ на брани, какъ оскверненныхъ беззаконіями, о коихъ упоминается въ Писаніи (2 Макк. гл. XII), то кольми паче священники новаго завѣта Христова могутъ дѣйствительно очищать долги отшедшихъ отъ земли грѣшниковъ святыми приношеніями и молитвами устъ своихъ» [4]).—И въ другомъ мѣстѣ: «Не отступно будемъ умолять Его (Бога), чтобы изгладилъ вины паствы Своей—чадъ избранной и святой Церкви Его и чтобы очистилъ грѣхи умершихъ, почившихъ въ упованіи на Него» [5]).

Не упоминаемъ объ Арнобіи [6]), Епифаніи [7]), Григоріи

[1]) О жизни блаж. царя Константина, кн. IV, гл. 71, стр. 272 по русск. перев.
[2]) Поуч. тайноводств. V.
[3]) Слово на представленіе Өеодосія.
[4]) Завѣщаніе въ Христ. Чтеніи 1827 г., XXVII, 294.
[5]) О покаяніи XXXVIII въ Твор. Св. Отецъ XVI, 343.
[6]) Противъ язычниковъ IV, 36.
[7]) Ереси LXXV.

Богословѣ [1]), Августинѣ [2]) и многихъ другихъ Отцахъ и учителяхъ Церкви,—тѣмъ болѣе, что, по сознанію даже иномыслящихъ (Кальвина, Бингама и другихъ), всѣ святые Отцы и учители Церкви, впродолженіе первыхъ тринадцати вѣковъ, единогласно учили молиться за умершихъ.

г) Святоотеческія объясненія, почему и какъ наши молитвы могутъ быть благотворны для умершихъ.

Въ писаніяхъ древнихъ Отцевъ и учителей Церкви мы находимъ сообразныя съ Словомъ Божіимъ объясненія того, почему и какъ наши молитвы могутъ быть благотворны и преспасительны для скончавшихся въ вѣрѣ и покаяніи.

Св. Кириллъ Іерусалимскій въ 5-мъ тайноводственномъ поученіи говоритъ: «Хочу я васъ и примѣромъ увѣрить,—ибо, я знаю, многіе говорятъ: какая польза душѣ, съ грѣхами или безъ грѣховъ отходящей отъ міра сего, если она поминается въ молитвѣ?—А что, если бы какой царь послалъ досадившихъ ему въ ссылку, а ихъ ближніе потомъ, сплетши вѣнецъ, принесли бы ему оный за терпящихъ наказаніе,—то не сдѣлалъ ли бы онъ имъ облегченіе наказанія? Такимъ образомъ и мы за усопшихъ, если они и грѣшники, принося Богу молитвы, не вѣнецъ сплетаемъ, но Христа, закланнаго за наши согрѣшенія, приносимъ, умилостивляя за нихъ и за насъ человѣколюбца Бога».

Св. Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ III на посланіе къ Филиппійцамъ пишетъ: «Когда весь народъ и священный соборъ стоятъ съ простертыми къ небу руками и когда предлежитъ страшная жертва,—какъ не умилостивимъ мы Бога, молясь за нихъ (умершихъ)? Но это о тѣхъ только,

[1]) Слово надгробное Кесарію въ Твор. Св. Отецъ 1, 258, 267.

[2]) Исповѣдь IX, 13. О градѣ Божіемъ XX, 9.

которые въ вѣрѣ умерли». И въ другомъ мѣстѣ (въ бесѣдѣ XXI на Дѣянія Апостольскія): «Есть еще, поистинѣ есть возможность, если хотимъ облегчить наказаніе скончавшагося грѣшника. Если будемъ творить о немъ частыя молитвы и раздавать милостыни, то хотя бы онъ былъ и недостоинъ самъ по себѣ, Богъ услышитъ насъ. Если Онъ ради Апостола Павла спасъ другихъ и ради однихъ щадилъ другихъ, то какъ не сдѣлаетъ того же самаго и для насъ?»

Блаженный Августинъ учитъ (Слово CLXXII): «Не должно сомнѣваться, что молитвы св. Церкви, спасительная жертва и милостыни, совершаемыя за души умершихъ, вспомоществуютъ имъ къ тому, чтобы Господь былъ къ нимъ милостивѣе, нежели сколько заслужили они по грѣхамъ своимъ. Ибо вся Церковь соблюдаетъ это, какъ преданное отъ Отцевъ, чтобы за скончавшихся въ общеніи тѣла и крови Христовой молиться, когда воспоминаются они въ свое время при самомъ жертвоприношеніи, и выражать, что жертва приносится и за нихъ. Кто также усомнится, что и дѣла милосердія, совершаемыя для умилостивленія за нихъ, приносятъ пользу тѣмъ, за которыхъ не всуе возсылаются Богу молитвы?».

Во всѣхъ приведенныхъ отеческихъ изреченіяхъ раскрывается та мысль, что если Богъ многократно благоволилъ являть милость Свою однимъ по вѣрѣ и предстательству другихъ (Матѳ. VIII, 13; IX, 2; XV, 28), то нѣтъ основанія сомнѣваться и въ томъ, что Онъ не отвергнетъ нашихъ молитвъ за нашихъ умершихъ братій, нуждающихся въ милосердіи Божіемъ. Другіе Отцы указывали на то, что наши молитвы могутъ помогать и умершимъ точно такъ же, какъ онѣ помогаютъ живущимъ еще на землѣ, но разлученнымъ съ нами по тѣлу братіямъ нашимъ, находящимся въ путешествіи, въ плѣну, въ заточеніи, въ темницѣ, и какъ помогаютъ молитвы родителей ихъ немощнымъ дѣтямъ

(Филип. I, 4, 19; Колос. I, 9; 2 Тим. I, 3; 2 Кор. I, 11; Дѣян. XII, 5, 12).

Св. Епифаній пишетъ (Ереси, LXX, Аэріане): «Живые и оставшіеся (на землѣ) вѣруютъ, что отшедшіе и умершіе не лишены бытія, но живы предъ Богомъ. Какъ св. Церковь научаетъ насъ о путешествующихъ братіяхъ молиться съ вѣрою и упованіемъ, что совершаемыя о нихъ молитвы полезны имъ: такъ надобно разумѣть и о молитвахъ, совершаемыхъ объ отшедшихъ отъ міра сего».

Св. Афанасій Великій говоритъ (у Іоанна Дамаскина въ Словѣ объ усопшихъ): «Приносящій жертву за усопшаго долженъ то же имѣть въ мысляхъ, что имѣющій малолѣтняго сына, слабаго и немощнаго, который, когда сынъ его занеможетъ, съ вѣрою приноситъ за него въ храмъ Божій свѣщи и ѳиміамъ съ елеемъ и все сіе сожигаетъ за отрока, но не самъ отрокъ все сіе держитъ и приноситъ, какъ бываетъ съ отрицаніями и обѣтами при общественномъ возрожденіи. Такъ должно себѣ представлять, что и усопшій самъ держитъ и приноситъ свѣщи и елей и всѣ дары, приносимые для спасенія его: и такимъ образомъ благодатію Божіею не суетны будутъ усилія къ достиженію того, къ чему онъ стремится съ вѣрою [1])».

[1]) «Вѣдь и умершій не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ немощный младенецъ, имѣетъ нужду въ духовной помощи другихъ. Тѣломъ онъ совсѣмъ бездѣйственъ, а душею онъ—истинно какъ новорожденный въ другую жизнь младенецъ. Какъ же намъ не оказать ему настоятельно нужной помощи? Какъ воспріемникъ изъявляетъ вѣру во Христа за младенца и тѣмъ открываетъ послѣднему безпрепятственный, со стороны его безсознательности, путь для благодати крещенія: такъ и мы за умершаго подвигаемъ собственную нашу вѣру въ ту любовь къ нему Господа, что за него пожертвовалъ Господь Самимъ Собою и уже присвоилъ Себѣ его смерть, умерши за него. И такая вѣра наша будетъ привлекать къ умершему благодать Христовой смерти, заглаждающей его грѣхи и открывающей блага жизни вѣчной» (*А. Бухаревъ*, объ упокоеніи усопшихъ, стр. 29).

Наши молитвы могутъ дѣйствовать на души скончавшихся непосредственно, если только они скончались въ правой вѣрѣ и съ истиннымъ раскаяніемъ, то есть въ общеніи съ Церковію и съ Господомъ Іисусомъ,—такъ какъ въ этомъ случаѣ, несмотря на видимое удаленіе отъ насъ, они продолжаютъ вмѣстѣ съ нами принадлежать къ одному и тому же тѣлу Христову (Ефес. I, 23; Колос. I, 18), въ которомъ точно такъ же не можетъ не сохраняться сочувствія и взаимнаго вліянія между членами, какъ естественно существуетъ оно между всѣми членами нашего тѣла (1 Кор. XII, 26) и какъ обнаруживается оно и во внѣшней природѣ между существами одного рода, живущими хотя отдѣльно, но одною жизнію.

«Для умершихъ—говоритъ св. Ефремъ Сиринъ—благодѣтельны поминовенія, совершаемыя святыми во время ихъ жизни. Смотрите, вотъ и примѣръ сему представляютъ нѣкоторыя творенія Божіи, какъ-то виноградъ—его зрѣющіе грозды въ полѣ и выдавленное вино въ сосудахъ: когда созрѣютъ ягоды на виноградной лозѣ, тогда вино, стоящее въ домѣ неподвижно, начинаетъ пѣниться и волноваться, какъ бы желая убѣжать. То же бываетъ, кажется, и съ растеніемъ—лукомъ: ибо какъ скоро начнетъ созрѣвать лукъ, посаженный въ полѣ, въ то же время даетъ отпрыски и лукъ, въ домѣ находящійся. И такъ если и растенія имѣютъ между собою такое соощущеніе, то не болѣе ли для умершихъ ощутительны молитвенныя приношенія? Когда же благоразумно согласишься на то, что сіе происходитъ сообразно съ природою тварей, то представляй себѣ, что ты—начатокъ тварей Божіихъ» [1]).

Равнымъ образомъ и другой св. Отецъ замѣчаетъ: «Какъ бываетъ съ заключеннымъ въ сосудѣ виномъ, которое, когда цвѣтетъ виноградъ въ полѣ, слышитъ запахъ и цвѣтетъ

[1]) Завѣщаніе, въ Христ. Чтеніи 1827 г., XXVII 293.

вмѣстѣ съ нимъ,—такъ думай и о душахъ грѣшниковъ: онѣ получаютъ нѣкоторое благодѣяніе отъ приносимой за нихъ безкровной жертвы и благотворенія, какъ знаетъ и повелѣваетъ единый Владыка живыхъ и мертвыхъ, Богъ нашъ [1])».

«Какъ вещественная частица, усвоенная организмомъ, получаетъ отъ него новыя свойства и новую жизнь, такъ и вѣрующій въ живомъ союзѣ съ тѣломъ Христовымъ способенъ получить отъ него новыя свойства и новую жизнь, лишь бы онъ не отторгался отъ Церкви своимъ личнымъ невѣріемъ и нечестіемъ. Поэтому молитвы въ Церкви однихъ за другихъ возвышаютъ несовершенныхъ между ними и помогаютъ имъ духовно возрастать до блаженнаго состоянія въ царствѣ Христовомъ. Это—не внѣшняя помощь богатыхъ бѣднымъ, не внѣшнее заступничество сильныхъ за слабыхъ, не судебное зачисленіе заслугъ одного лица другому, но внутреннее сообщеніе жизни и силы отъ цѣлаго къ частямъ. Какъ на землѣ, такъ и за гробомъ каждый вѣрующій объемлется любовію Церкви, проникается ея духомъ и постепенно возрастаетъ въ любви Христовой, которая есть начало и верхъ совершенства христіанскаго» (*Протоіерей Ѳаворовъ*, Очерки Правосл. Догмат. Богословія).

Наконецъ наши молитвы могутъ быть благотворны для скончавшихся въ правой вѣрѣ и съ истиннымъ раскаяніемъ потому, что, отшедши въ другой міръ въ общеніи съ Церковію, они притомъ въ самихъ себѣ перенесли туда начатокъ добра, или сѣмя новой жизни, котораго только не успѣли сами раскрыть здѣсь и которое, подъ вліяніемъ нашихъ теплыхъ молитвъ, при благословеніи Божіемъ, можетъ мало-по-малу развиться и принести плодъ, какъ развивается

[1]) *Аѳанасія Вел.* Посл. къ антіох., отв. на вопр. 34, въ Хр. Чт. 1842 г. II 28.

доброе сѣмя въ землѣ подъ живительнымъ вліяніемъ солнца, при благорастворенiи воздуха,—между тѣмъ какъ для скончавшихся въ нечестіи и нераскаянности и совершенно погасившихъ въ себѣ духъ Христовъ (1 Сол. V, 19) ничего не помогутъ никакія молитвы живущихъ еще братій, подобно тому, какъ ничего не могутъ сдѣлать для оживленія гнилыхъ сѣмянъ, потерявшихъ начало растительной жизни, ни вліяніе солнца, ни благорастворенный воздухъ, ни питательная влага.

Такого рода разсужденія мы встрѣчаемъ у блаж. Августина и у св. Іоанна Дамаскина.

Блаженный Августинъ говоритъ: «Ни мало не должно сомнѣваться, что (молитвы св. Церкви, спасительное жертвоприношеніе и милостыни) приносятъ пользу умершимъ,—но лишь тѣмъ, которые прежде смерти жили такъ, чтобы по смерти все это могло быть для нихъ полезнымъ. Ибо для отшедшихъ безъ вѣры, споспѣшествуемой любовію, и безъ общенія въ таинствахъ напрасно совершаются ближними дѣла того благочестія, коего залога они не имѣли въ себѣ, когда находились здѣсь, не пріемля или всуе пріемля благодать Божію, и сокровиществуя себѣ не милосердіе, а гнѣвъ. И такъ не новыя заслуги пріобрѣтаются для умершихъ, когда совершаютъ за нихъ что либо доброе знаемые, а только извлекаются послѣдствія изъ прежде положенныхъ ими началъ» [1]).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ: «Каждый человѣкъ, имѣвшій въ себѣ малую закваску добродѣтелей, но не успѣвшій превратить оную въ хлѣбъ,—поелику, не смотря на свое желаніе, не могъ сего сдѣлать или по лѣности, или по безпечности, или по тому, что отлагалъ со дня на день, и сверхъ чаянія постигнутъ и пожатъ кончиною,—

[1]) Слово CLXXII.

не будетъ забытъ праведнымъ Судіею и Владыкою, но Господь по смерти его возбудитъ его родныхъ, ближнихъ и друзей, направитъ мысли ихъ, привлечетъ сердца и преклонитъ души къ оказанію ему пособія и помощи. И когда Богъ подвигнетъ ихъ, а Владыка коснется сердецъ ихъ, они поспѣшатъ вознаградить опущеніе умершаго. А тотъ, кто велъ жизнь порочную, которая была вся усѣяна терніемъ и исполнена сквернъ и нечистотъ, который никогда не внималъ совѣсти, но съ безпечностію и ослѣпленіемъ погружался въ мерзость похотей, удовлетворяя всѣмъ пожеланіямъ плоти и ни мало не заботясь о душѣ,—котораго всѣ мысли заняты были плотоугодіемъ и который въ таковомъ состояніи постигнутъ кончиною,—сему никто не прострѣтъ руки, но такъ будетъ съ нимъ поступлено, что ему не подадутъ помощи ни супруга, ни дѣти, ни братія, ни родственники, ни друзья: поелику Богъ не призритъ на него» [2]).

д) Ходатайство Церкви за умершихъ.

Святая Церковь, какъ попечительная и любвеобильная мать, ежедневно молится не только за продолжающихъ еще воинствовать на землѣ, но и за отшедшихъ въ страну вѣчности чадъ своихъ: моленія за умершихъ совершаются на *повечеріи*, *полунощницѣ* и *литургіи*. Затѣмъ для молитвъ за умершихъ назначенъ еще одинъ день въ седмицѣ—*суббота*, день покоя. Кромѣ того св. Церковь установила еще особенные дни для торжественнаго, всеобщаго, *вселенскаго* поминовенія всѣхъ умершихъ—*родительскія субботы*. Въ Россіи сверхъ того установлено еще поминать «православныхъ воиновъ за вѣру и отечество на брани убіенныхъ»

[2]) Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ.

29-го августа и въ субботу предъ днемъ памяти Святаго Великомученика Димитрія Солунскаго (предъ 26-мъ октября). Независимо отъ этихъ общихъ поминовеній св. Церковь разрѣшила поминать каждому православному кого угодно и когда угодно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Литургія.

Доколѣ будетъ существовать на землѣ Церковь Христова,—и она будетъ существовать до самаго втораго пришествія Христова,—до тѣхъ поръ будетъ совершаться непрестанная молитва за всѣхъ умершихъ въ вѣрѣ и покаяніи. Литургія, ежедневно совершаемая Церковію, есть непрерывное поминовеніе нашихъ усопшихъ братій. Въ литургіи не воспоминается только хладнымъ воспоминаніемъ, но именно священнодѣйствуется тайна нашего искупленія, приносится умилостивительная жертва Богу, воспроизводящая ту великую жертву, которую принесъ на Голгоѳѣ за весь міръ Искупитель міра. «Жрется Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, за мірскій животъ и спасеніе», говоритъ священникъ при самомъ началѣ божественнаго служенія. «Отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ кровію Твоею честною», молится онъ, оканчивая принесеніе безкровной жертвы.

И жертва, совершаемая руками священника, есть жертва вполнѣ божественная. Когда священникъ совершаетъ это чудное служеніе, тогда онъ не одинъ стоитъ предъ престоломъ: по свидѣтельству св. Златоуста, престолъ окруженъ въ это время ангелами, которые не съ дерзновеніемъ смотрятъ на эту жертву, но со страхомъ и трепетомъ закрываютъ свои лица, по причинѣ сіянія, отъ нея исходящаго. Отчего-же такъ высока эта жертва? Оттого, что она есть,

по словамъ св. Златоуста, «та самая, которую Христосъ предложилъ на Голгоѳѣ, и ничѣмъ не менѣе той. Нельзя сказать, чтобы ту устроилъ Христосъ, а эту человѣкъ: нѣтъ, ту и другую—Самъ Христосъ».—«Священникъ приноситъ эту высокую жертву», говоритъ другой великій Отецъ (св. Василій Великій),—«и ангелы съ трепетомъ предстоящіе служатъ ему. Все небо въ удивленіи, видя Божественнаго Агнца въ рукахъ священника; самый адъ трепещетъ; діаволы трясутся отъ страха во время совершенія этой жертвы; всѣ силы небесныя смотрятъ на это дивное чудо съ глубочайшимъ благоговѣніемъ».

Въ литургіи, этомъ величайшемъ священнодѣйствіи, Самъ Іисусъ Христосъ есть *Священникъ* и *Жертва* (Евр. VII, 17, 27), или, по выраженію Василія Великаго и Іоанна Златоуста (въ чинѣ ихъ литургіи), *Приносяй* и *Приносимый*, или, по ученію св. Апостола Іоанна Богослова, «Ходатай предъ Отцемъ и умилостивленіе за грѣхи всего міра» (1 Іоан. II, 1, 2), ибо «кровь Его очищаетъ отъ всякаго грѣха» (—I, 7).

Св. Кириллъ Іерусалимскій, называя Евхаристію «умилостивительною жертвою», говоритъ: «Мы приносимъ (въ ней) Христа, закланнаго за наши прегрѣшенія, умилостивляя за нихъ (умершихъ) и за насъ Человѣколюбца Бога» [1]).

Св. Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ XLI на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ говоритъ: «Не напрасно дѣлаемъ мы поминовенія объ отшедшихъ предъ Божественными Тайнами и, приступая, умоляемъ за нихъ предлежащаго Агнца, вземшаго грѣхъ міра, но чтобы отселѣ было имъ какое-либо утѣшеніе; не напрасно предстоящій предъ жертвенникомъ, на которомъ совершаются страшныя Тайны, взываетъ о

[1]) Поученіе огласительное V-е.

всѣхъ, во Христѣ почившихъ и о совершающихъ поминовеніе объ нихъ. Еслибы не было за нихъ помилованій издревле, отъ временъ апостольскихъ, то и сего не говорили бы. Наше служеніе—не забава,—да не будетъ!—но совершается по устроенію Духа... Да не облѣнимся помогать отшедшимъ и приносить за нихъ молитвы, ибо предлежитъ общая для всего міра очистительная жертва. Посему съ дерзновеніемъ молимъ мы тогда о вселенной и произносимъ имена почившихъ на ряду съ мучениками, исповѣдниками и священниками».

Примѣчаніе. Если православная Церковь, принося безкровную жертву, воспоминаетъ—и притомъ прежде всего—и о Святыхъ Божіихъ прославленныхъ, о праотцахъ, пророкахъ, апостолахъ, мученикахъ, исповѣдникахъ и даже о самой преблагословенной Богородицѣ, то воспоминаетъ не съ тою цѣлію, чтобы умилостивлять къ нимъ Бога, а съ тою, чтобы ихъ молитвами и предстательствомъ усилить свои моленія предъ Нимъ о живыхъ и умершихъ. Потому священнодѣйствующій, оканчивая воспоминаніе Святыхъ, присовокупляетъ: «ихже молитвами посѣти насъ, Боже, и помяни всѣхъ усопшихъ о надежди воскресенія живота вѣчнаго» [1]). И св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: «Поминаемъ и прежде почившихъ, сперва патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, чтобы по ихъ молитвамъ и предстательствамъ Богъ принялъ наше моленіе» [2]).

Св. Димитрій Ростовскій говоритъ: «О упокоеніи душъ блаженной памяти преставльшихся рабовъ Божіихъ молитвы наши совершая, имѣемъ надежду несомнѣнну, яко принесенная за души ихъ жертва, изліянная кровь и вода отъ ребръ Христовыхъ, во святомъ потирѣ совершаемая, окро-

[1]) См. въ литургіи св. Іоанна Златоуста и св. Василія Великаго.

[2]) Поученіе тайноводственное V-е.

пляетъ и очищаетъ ихъ, о нихже приносится и о нихже изливается. И аще кровь Христова, единою древле на крестѣ излиянная, всего міра грѣхи омыла есть,—нынѣ таяжде, а не иная, не имать-ли наши грѣхи очистить? Аще тогда кровь Христова многія безчисленныя души искупила есть отъ работы вражія,—нынѣ таяжде, а не иная, не имать ли отъ насъ поминаемыхъ душъ искупить? Аще тогда страданіе Христово столь многіе оправда,—тожде нынѣ Христово страданіе, божественныя жертвы совершеніемъ воспоминаемое, не имать-ли и нами поминаемыя оправдати? Вѣруемъ несомнѣнно силѣ крови Христовой съ водою отъ ребръ Его истекшей, яко очищаетъ, искупаетъ и оправдаетъ рабовъ Своихъ» [1].

Родительскія вселенскія субботы.

Въ нашемъ народѣ извѣстно и обычно названіе покойниковъ, своихъ и чужихъ, старыхъ и малыхъ, *родителями*. Такъ напр., когда принесутъ въ храмъ тѣло покойника, народъ нашъ обыкновенно выражается объ этомъ такъ: «въ церкви родителей», хотя-бы рѣчь была о младенцѣ или отрокѣ умершемъ. А выраженіе: «идти на родителей» значитъ—идти на могилы умершихъ, родныхъ и даже чужихъ. Представленіе покойниковъ «родителями», то есть принадлежащими уже къ ряду отцовъ, къ которымъ они отошли, возбуждаетъ въ насъ благоговѣніе къ ихъ памяти. Отсюда дни или собственно субботы, въ которыя совершается вселенское или всецерковное поминовеніе умершихъ, получили названіе *родительскихъ* субботъ. Въ субботы-же, а не въ другіе дни, полагается моленіе объ умер-

[1]) Слово въ субботу 4-й недѣли Великаго поста.

шихъ потому, что во всѣ седмицы года поминовеніе усопшихъ бываетъ преимущественно по субботамъ. День субботы, какъ день покоя, по самому своему значенію, есть наиприличнѣйшій для моленія объ упокоеніи умершихъ со Святыми.

Вселенскихъ родительскихъ субботъ пять: мясопустная, троицкая и субботы 2-й, 3-й и 4-й недѣль Великаго поста.

Мясопустная родительская вселенская суббота.

Заупокойная служба въ субботу мясопустную озаглавливается такъ: «Память совершаемъ всѣхъ отъ вѣка усопшихъ православныхъ христіанъ, отецъ и братій нашихъ».

Сдѣлаемъ небольшую выписку изъ *синаксаря* на этотъ день: [1]).

«Святые отцы узаконили совершать поминовеніе по всѣхъ умершихъ по слѣдующей причинѣ. Многіе весьма не рѣдко умираютъ неестественною смертію, напр. во время странствованія въ моряхъ, въ непроходимыхъ горахъ, въ ущельяхъ и пропастяхъ; случается, гибнутъ отъ голода, въ пожарахъ, на войнахъ, замерзаютъ. И кто перечтетъ всѣ роды и виды нечаянной и никѣмъ не ожидаемой смерти? И всѣ таковые лишаются узаконеннаго псалмопѣнія и заупокойныхъ молитвъ. Вотъ почему святые отцы, движимые

[1]) *Синаксарь* (отъ греческаго слова *синаксисъ*—собраніе, соединеніе) значитъ *чтеніе* выбранное, собранное изъ писаній святыхъ отцевъ и церковныхъ преданій. Въ синаксаряхъ, которые положено читать на утрени по 6-й пѣсни канона, или содержится объясненіе празднуемаго событія (синаксари на всѣ праздники), или указывается значеніе и причина того или другаго учрежденія Церкви, (поминовенія умершихъ и т. п.), или заключается толкованіе, почему съ извѣстнымъ днемъ соединяется такое-то воспоминаніе (синаксари въ недѣли мясопустную, сыропустную, въ три первые дня страстной недѣли и друг.). Въ настоящее время они совсѣмъ не читаются.

человѣколюбіемъ и установили, основываясь на ученіи апостольскомъ, совершать это общее, вселенское поминовеніе, чтобы никто, когда бы, гдѣ бы и какъ бы ни кончилъ земную жизнь, не лишился молитвъ Церкви».

И такъ установленіе вселенской родительской субботы предъ недѣлею мясопустною восходитъ къ преданію апостольскому, что подтверждается уставомъ св. Церкви, изложеннымъ въ V вѣкѣ Преподобнымъ Саввою Освященнымъ на основаніи древнѣйшаго преданія, и обыкновеніемъ древнихъ христіанъ стекаться въ опредѣленные дни на кладбище для поминовенія умершихъ, о чемъ сохранилось письменное свидѣтельство изъ IV вѣка (св. Златоустъ въ словѣ LXII и XVIII).

Основаніемъ къ установленію этого поминовенія послужило то, что въ воскресный день седьмицы мясопустной св. Церковь совершаетъ воспоминаніе втораго пришествія Христова, и потому наканунѣ этого дня, какъ бы въ день предшествующій страшному суду Христову, и притомъ приближая насъ къ духовнымъ подвигамъ св. Четыредесятницы, когда намъ должно войдти въ тѣснѣйшій союзъ любви со всѣми членами царства Христова—и Святыми, и живущими, и умершими, она (Церковь) предстательствуетъ о всѣхъ отъ Адама доднесь усопшихъ во благочестіи и правой вѣрѣ праотцахъ, отцахъ и братіяхъ нашихъ отъ всякаго рода: отъ рода царей, князей, монашествующихъ, мірянъ, юношей и старцевъ, и всѣхъ, яже вода покры, брань пожатъ, трусъ объятъ, убійцы убиша, огнь попали, бывшія снѣдь звѣрямъ, птицамъ и гадамъ, погибшія отъ молніи и измерзшія мразомъ; яже уби мечъ, конь совосхити, яже удави плинѳа или персть посыпа, яже убиша чаровная напоенія, отравы, костная удавленія,—внезапно умершихъ и оставшихся безъ узаконеннаго погребенія,—пред-

стательствуетъ, умоляя Праведнаго Судію явить имъ Свою милость въ день нелицепріятнаго всѣмъ воздаянія.

Въ заупокойной ектеніи въ субботу мясопустную взывается: «Еще молимся о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ, праотецъ, отецъ и братій здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ». При этомъ поимянно воспоминаются, по особой книжкѣ («Реестръ, како по всѣхъ Высочайшихъ персонахъ поминовеніе чинить на вселенскихъ паннихидахъ»), усопшіе православные благочестивые Императоры, Цари, Великіе князья, и благочестивыя Императрицы, Царицы, Княгини. Въ иныхъ храмахъ при этомъ ставится предъ царскими дверями столъ, на столѣ распятіе и предъ нимъ свѣча, а иногда и кутія [1]). Въ другихъ же храмахъ ставится предъ царскими дверями только свѣча въ большомъ подсвѣчникѣ.

Изъ службы въ субботу мясопустную.

Стихиры на «Господи воззвахъ»:

«Вѣрные! вспоминая всѣхъ усопшихъ отъ начала міра, которые провели жизнь благочестиво, будемъ воспѣвать Спасителя и Господа, усердно прося, чтобы они могли дать отвѣтъ въ часъ суда Ему, Самому Богу нашему, Судіи всѣхъ живущихъ на землѣ, чтобы они радостные удостоились стать одесную Его, на сторонѣ угодившихъ Ему, получили участіе со Святыми, въ свѣтломъ и вѣчно блаженномъ Его царствѣ небесномъ».

«Спаситель! Ты, искупившій людей Своею кровію, избавившій насъ Своею смертію отъ горькой смерти и вос-

¹) *Кутія*, иначе *коливо* (т. е. вареная пшеница, смѣшанная съ медомъ), поставляемая какъ при заупокойной литіи, такъ и при паннихидѣ, служитъ къ напоминанію о воскресеніи умершаго. Какъ зерно, чтобы образовать колосъ и дать плодъ, должно быть положено въ землю и тамъ истлѣть, такъ и тѣло умершаго должно быть предано землѣ и испытать истлѣніе, чтобы потомъ возстать для будущей жизни (1 Кор. XV, 36—38; Іоан. XII, 24). Медъ знаменуетъ сладость благъ будущей жизни.

кресеніемъ Своимъ дарующій намъ жизнь вѣчную,—упокой, Господи, всѣхъ усопшихъ въ благочестіи, гдѣ бы кто ни окончилъ жизнь: въ пустыняхъ или городахъ, въ морѣ или на сушѣ, всѣхъ—царей, священниковъ, архіереевъ, монаховъ и мірскихъ, всякаго возраста, и удостой ихъ небеснаго Твоего царства».

Христе! чрезъ Твое воскресеніе смерть уже не владѣетъ скончавшимися въ благочестіи. Поэтому-то и молимся Тебѣ прилежно: упокой рабовъ Твоихъ въ Твоемъ блаженномъ обиталищѣ, тамъ, гдѣ пребываетъ Авраамъ,—всѣхъ, отъ Адама и до сего дня послужившихъ Тебѣ вѣрно, отцевъ и братьевъ нашихъ и друзей, и родныхъ, переселившихся къ Тебѣ разными образами. Боже! удостой ихъ всѣхъ небеснаго Твоего царства».

«Плачу и рыдаю, когда размышляю о смерти и вижу, какъ въ гробахъ лежитъ созданная по образу Божію наша красота—безобразная, безславная, не имѣющая уже вида. О чудо! Что это за таинство совершается надъ нами? Какъ это мы предаемся тлѣнію? Какъ подчинились смерти? Истинно повелѣніемъ Бога, какъ писано, дарующаго успокоеніе скончавшимся».

Тропарь. «Единый Создатель, глубиною мудрости человѣколюбиво все устрояющій и всѣмъ дарующій полезное, Господи, упокой души рабовъ Твоихъ, потому что они возложили свои надежды на Тебя, Творца, Промыслителя и Бога нашего».

Изъ *канона*, пѣваемаго въ субботу мясопустную:

«Яже покры вода, и брань пожатъ, трусъ же яже объятъ, и убійцы убиша, и огнь яже попали вѣрныя, Милостиве, въ части учини праведныхъ» (пѣснь 1, троп. 4).

«Яже уби мечъ, и конь восхити, градъ, снѣгъ и туча умноженная, яже удави плинѳа или персть посыпа, Христе Спасе нашъ, упокой» (пѣснь 4, троп. 4).

«Умершимъ напрасно (внезапно) отъ случаевъ, отъ клича же зѣльнаго, скораго теченія, и заушенія, удавленія же отъ искренняго, и ляганія, Господи славы, вѣрою усопшимъ ослаби во вѣки» (пѣснь 8, троп. 4).

«Умершія Божіимъ прещеніемъ, смертныхъ громовъ всякихъ съ небесе изнесенныхъ, земли разсѣдшейся, морю восшумѣвшуся, вся вѣрныя, Христе упокой» (пѣснь 9, тропарь 3).

Троицкая вселенская родительская суббота.

Какъ предъ воспоминаніемъ о страшномъ судѣ въ недѣлю мясопустную св. Церковь обращаетъ мысли христіанъ къ будущей участи умершихъ и назначаетъ моленіе объ нихъ въ недѣлю мясопустную, такъ послѣ воспоминанія объ искупленіи всѣхъ людей св. Церковь воспоминаетъ объ умершихъ и назначаетъ особый день для молитвы за нихъ, именно—*субботу предъ Пятидесятницею*. Въ этотъ день совершается память всѣхъ усопшихъ благочестивыхъ христіанъ, отецъ и братій нашихъ.

Начало Троицкой родительской субботы восходитъ также ко временамъ апостольскимъ. Указаніе на это находимъ въ словахъ св. Апостола Петра, произнесенныхъ имъ въ день первой христіанской Пятидесятницы, въ которыхъ онъ говоритъ о воскресшемъ Спасителѣ: «Его же Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя» (Дѣян. II, 24), и въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, гдѣ говорится, что Апостолы, исполнясь Святаго Духа въ день Пятидесятницы, проповѣдали іудеямъ и язычникамъ объ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, Судіи живыхъ и мертвыхъ (книга V, глава 19). Въ день Пятидесятницы искупленіе міра было запечатлѣно освятительно-совершительною силою Животворящаго Пресвя-

таго Духа, благодатно и спасительно простирающеюся на живущихъ и умершихъ. Потому и св. Церковь какъ въ мясопустную субботу, представляющую какъ бы послѣднiй день мiра, такъ и въ Троицкую, представляющую послѣднiй день Церкви ветхозавѣтной предъ открытiемъ во всей силѣ Церкви Христовой въ день Пятидесятницы, молится за всѣхъ усопшихъ отцевъ и братiй, а въ самый день Пятидесятницы возноситъ за нихъ слѣдующую молитву къ Господу:

«Приснотекущiй, животный (животворный), просвѣтительный Источниче, соприсносущная Отцу содѣтельная Сила, все смотрѣнiе за спасенiе человѣческое прекраснѣ исполнивый, Христе Боже нашъ, смерти узы неразрѣшимыя и заклепы адовы расторгнувый, лукавыхъ же духовъ множество поправый, приведый Себе о насъ непорочное заколенiе и тѣло давый пречистое въ жертву, всякаго грѣха неприкосновенное же и непроходное, и страшнымъ симъ и неисповѣдимымъ священнодѣйствiемъ животъ намъ вѣчный даровавый, во адъ сшедый и вереи вѣчныя сокрушивый, и во тьмѣ сидящимъ восходъ показавый, началозлобнаго же и глубиннаго (въ глубинѣ крыющагося) змiя богомудростнымъ льщенiемъ уловивый и веригами мрака связавый въ тартарѣ и огни негасимомъ, и во тьмѣ кромѣшней неисчетносильною Твоею затвердивый крѣпостiю, Великоименитая Премудросте Отчая, напаствуемымъ великiй Помощникъ явивыйся и просвѣтивый сѣдящiя во тьмѣ и сѣни смертнѣй, Ты, славы присносущныя Господи и Отца вышняго Сыне возлюбленный, присносущный Свѣте отъ присносущнаго Свѣта, Солнце правды! услыши насъ молящихся Тебѣ и упокой души рабовъ Твоихъ, прежде усопшихъ отецъ и братiй нашихъ, и прочiихъ сродниковъ по плоти, и всѣхъ своихъ въ вѣрѣ, о нихже и память творимъ нынѣ, яко въ Тебѣ всѣхъ держава и въ руцѣ Твоей содержиши вся концы

земли. Владыко Вседержителю, Боже отецъ и Господи милости, рода смертнаго же и безсмертнаго и всякаго естества человѣческаго Соцѣтелю, составляемаго же и паки разрѣшаемаго, живота же и скончанiя, еже здѣ пребыванiя и еже тамо преложенiя, лѣта измѣряяй живымъ и времена уставляяй смерти, низводяй во адъ и возводяй, связуяй въ немощи и отпущаяй въ силѣ, настоящая потребнѣ строяй и будущая полезно управляяй, смертнымъ жаломъ уязвенныхъ воскресенiя надеждами веселяяй! Самъ убо, Владыко всѣхъ, Боже Спасителю нашъ, Надежде всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ морѣ далече, Иже въ сей послѣднiй и великiй спасительный день Пятидесятницы праздника тайну святыя и единосущныя, и соприсносущныя, и нераздѣлимыя, и неслiянныя Троицы показавый намъ, и наитiе и пришествiе Святаго и Животворящаго Твоего Духа, въ видѣ огненныхъ языковъ, на святыя Твоя Апостолы излiявый и благовѣстника тѣхъ поставивый благочестивыя нашея вѣры и исповѣдники и проповѣдники истиннаго богословiя показавый. Иже и въ сей всесовершенный и спасительный праздникъ очищенiя убо молитвенная о иже во адѣ держимыхъ сподобивый прiимати, великiя же подаваяй намъ надежды ослабленiя отъ обдержащихъ сквернъ и утѣшенiю Тобою ниспослатися обдержимымъ ими: услыши насъ смиренныхъ и Твоихъ рабъ молящихся Ти и упокой души рабовъ Твоихъ прежде усопшихъ на мѣстѣ свѣтлѣ, на мѣстѣ злачнѣ, на мѣстѣ прохлажденiя, отъонудуже отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханiе, и учини духи ихъ въ селенiяхъ праведныхъ, и мира и ослабленiя сподоби ихъ, яко не мертвiи восхвалятъ Тя, Господи, ниже сущiи во адѣ исповѣданiе дерзнутъ принести Тебѣ, но мы живiи благословимъ Тя и молимъ и очистительныя молитвы и жертвы приносимъ Тебѣ о душахъ ихъ». «Боже великiй и вѣчный, святый, человѣколюбивый, сподобивый насъ въ

сей часъ стати предъ неприступною Твоею славою на пѣніе и хвалу чудесъ Твоихъ! очисти ны недостойныя рабы Твоя и подаждь благодать, еже сокрушеннымъ сердцемъ невозноситеьно (неуклонно) приносити Тебѣ трисвятое славословіе и благодареніе о великихъ Твоихъ дарѣхъ, яже сотворилъ еси къ намъ и твориши всегда въ насъ. Помяни, Господи, немощь нашу, и да не погубиши насъ со беззаконіи нашими, но сотвори великую милость со смиреніемъ нашимъ, да, грѣховныя тьмы избѣжавше, во дни правды ходити будемъ, и одѣявшеся оружіемъ свѣта, ненавѣтно пребудемъ отъ всякія козни лукаваго и со дерзновеніемъ прославимъ о всѣхъ Тебе, единаго истиннаго и человѣколюбца Бога. Твое бо есть истинное и великое воистину таинство, Владыко всѣхъ и Творче, временное рѣшеніе Твоихъ тварей и еже по сихъ совокупленіе и упокоеніе во вѣки. Тебѣ благодареніе о всѣхъ исповѣдуемъ, о входѣхъ нашихъ яже въ міръ сей, и исходѣхъ, иже надежды воскресенія и жизни нетлѣнныя по Твоему неложному обѣщанію предобручаютъ (предначинаютъ) намъ, яже и пріимемъ въ будущемъ второмъ пришествіи Твоемъ: Ты бо еси воскресенія нашего Начальникъ, и поживших неумытный и человѣколюбивый Судія, и мздовоздаянія Владыка и Господь, Иже и пріобщивыйся намъ преискренно плоти и крове снисхожденія ради крайняго, и за милосердіе щедротъ пріемый наша страсти кромѣ грѣха, да волею испытаеши я, и въ немже пострадалъ еси Самъ искусився, искушаемымъ намъ бывъ самообѣщанный помощникъ, тѣмже и совозвелъ еси насъ въ Твое безстрастіе. Пріими убо, Владыко, мольбы и моленія наша, и упокой вся отцы коегождо и матери, и чада, и братію, и сестры, единородныя и сродныя, и вся прежде почившія души въ надеждѣ воскресенія жизни вѣчныя, учини духи ихъ и имена въ книзѣ животнѣй, въ нѣдрѣхъ Авраама, Исаака и Іакова, въ странѣ живыхъ, въ царствіи

небеснѣмъ, въ раи сладости, свѣтлыми Ангелы Твоими вводя вся во святыя Твоя обители, совоздвизаяй и тѣлеса наша въ день, въ оньже опредѣлилъ еси по святымъ Твоимъ и неложнымъ обѣтованіемъ. Нѣсть убо, Господи, рабомъ Твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла и къ Тебѣ Богу нашему приходящимъ, но преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая и сладостнѣйшая и на упокоеніе и радость. Аще же и что согрѣшихомъ къ Тебѣ, милостивъ буди намъ же и тѣмъ, зане ни единъ есть чистъ предъ Тобою отъ скверны, ниже аще единъ день живота его есть, развѣ Ты точію единъ на земли явивыйся безгрѣшный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Имже вси уповаемъ милость получити и оставленіе грѣховъ. Сего ради намъ же и онѣмъ, яко благъ и человѣколюбецъ Богъ, ослаби, остави, прости грѣхопаденія наша, вольная и невольная, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, предъявленая и забываемая, яже въ дѣяніи, яже въ помышленіи, яже въ словеси, яже во всѣхъ нашихъ житіяхъ и движеніяхъ. И отшедшимъ убо свободу и ослабу даруй, насъ же сущихъ здѣ благослови, конецъ благій и мирный даруя намъ же и всѣмъ людемъ Твоимъ, и милости и человѣколюбія утробу отверзаяй намъ на страшномъ и ужасномъ Твоемъ пришествіи, и царствія Твоего достойныхъ насъ сотвори» [1]).

Субботы Мясопустная и Троицкая по преимуществу называются *вселенскими*.

Родительскія субботы 2-й, 3-й и 4-й седмицъ св. Четыредесятницы.

Вводя насъ при наступленіи Великаго поста въ тѣснѣйшій союзъ христіанской любви со всѣми членами своими—

[1]) Молитвы третьяго колѣнопреклоненія на вечернѣ.

со Святыми, съ живущими и умершими, св. Церковь особенно утверждаетъ для насъ этотъ союзъ среди самыхъ подвиговъ благодатнаго освѣщенія: непрестанно ободряя и утѣшая вѣрующихъ призываніемъ, предстательствомъ и примѣромъ Святыхъ, возбуждая къ дѣламъ благотворенія ближнимъ живущимъ—дать алчущимъ хлѣбъ и разрѣшить всякій соузъ неправды, она въ субботные дни 2-й, 3-й и 4-й седмицъ Великаго поста благовременно руководствуетъ насъ также къ прилежнѣйшему молитвенному ходатайству и объ оставленіи «вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній вѣрою преставльшихся человѣкъ и вѣчномъ ихъ упокоеніи со святыми».

Кромѣ того, такъ какъ въ обыкновенное время поминовенія усопшихъ совершаются ежедневно (такъ называемые сорокоусты и другія добровольныя поминовенія), а въ Великій постъ непрерывныя поминовенія при общественномъ церковномъ богослуженіи не совершаются, потому что они всегда бываютъ соединены съ совершеніемъ полной литургіи, которой въ св. Четыредесятницу не бываетъ ежедневно: то св. Церковь, чтобы не лишить умершихъ спасительнаго предстательства своего, установила, вмѣсто ежедневныхъ поминовеній, совершать трижды вселенскія поминовенія въ субботы 2-й, 3-й и 4-й недѣль Великаго поста. Прочія же субботы Великаго поста посвящены особеннымъ празднованіямъ: *первая*—Св. Великомученику Ѳеодору Тирону, *пятая*,—Похвалѣ Богоматери, а *шестая*—воскресенію праведнаго Лазаря.

~~~~~~~~~~

Частные родительскіе дни.

Частныхъ родительскихъ дней три: вторникъ Ѳоминой недѣли, 29-е августа и Димитріевская суббота.

Вторникъ Ѳоминой недѣли.

Во вторникъ (а въ иныхъ мѣстахъ въ понедѣльникъ) на Ѳоминой недѣлѣ православные христіане обыкновенно поминаютъ усопшихъ. Въ службѣ этихъ дней въ уставѣ не положено особыхъ молитвословій объ умершихъ. Обыкновеніе же поминать въ эти дни умершихъ имѣетъ основаніе въ томъ, что въ недѣлю (то есть въ воскресенье) Апостола Ѳомы воспоминается, между прочимъ, сошествіе Іисуса Христа во адъ, и съ понедѣльника Ѳоминой седмицы уставъ позволяетъ начинать сорокоусты объ умершихъ [1]).

Древность поминовенія умершихъ въ этотъ день подтверждается свидѣтельствомъ св. Амвросія Медіоланскаго и св. Іоанна Златоуста. Первый говоритъ: «Достойно и праведно есть, братіе, послѣ торжества Пасхи, которое мы праздновали, раздѣлить радость нашу со святыми мучениками и имъ, какъ участникамъ страданій Господа, возвѣстить славу Воскресенія Господня [2])». Хотя святитель и говоритъ здѣсь о св. мученикахъ, но такъ какъ поминовеніе усопшихъ въ вѣрѣ положено въ Церкви новозавѣтной благочестивымъ обыкновеніемъ творить въ память мучениковъ, среди которыхъ погребали древле и прочихъ умершихъ [3]), то слова его могутъ также свидѣтельствовать и о древности нашего обыкновенія совершать память умершихъ послѣ Пасхи въ понедѣльникъ [4]) или во вторникъ

---

[1]) Типик. Послѣдованіе сырной недѣли вечера—„зри“ и Послѣдованіе недѣли Антипасхи—утро.

[2]) Слово LXXIV.

[3]) Его же Слово LXXVII.

[4]) Воскресное Чтеніе 1839 г., № 2: „Ѳоминъ понедѣльникъ“. Въ Кіевѣ ежегодно въ Ѳоминъ понедѣльникъ, по случаю церковнаго поминовенія умершихъ, бываетъ на Щекавицѣ городское полурелигіозное гулянье, и въ это время на горѣ этой собирается почти весь Подолъ.
~~~~~~~~~~

Ѳоминой недѣли. Святый же Іоаннъ Златоустъ о поминовеніи усопшихъ послѣ Пасхи говоритъ такъ: «Почему отцы наши установили, оставивъ молитвенные домы въ городахъ собираться намъ сегодня внѣ города и на семъ именно мѣстѣ (то есть на могилахъ мучениковъ и другихъ христіанъ)? Потому,—отвѣчаетъ св. отецъ,—что сегодня Господь Іисусъ Христосъ сошелъ къ мертвымъ: потому здѣсь и собираемся мы [1])».

День поминовенія усопшихъ во вторникъ Ѳоминой недѣли называется *радоницею* или *радоницами*, потому что въ этотъ день привѣтствуютъ умершихъ радостною вѣстію о воскресеніи Господа: живые христосуются съ умершими, принося съ собою на могилы и окрашенныя яйца, которыя иные, уходя домой, оставляютъ на могилахъ.

29-е августа.

29-го августа, въ день Усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи, совершается поминовеніе православныхъ воиновъ, за вѣру и отечество на брани убіенныхъ. Въ «Чинѣ поминовенія» на этотъ день сказано: «Сей день, въ разсужденіи пострадавшаго за истину Предтечи Господня, есть приличный, дабы въ оный всеобщую Богу молитву принести и о подобнострадающихъ и положившихъ животъ свой за вѣру и отечество».

Поминовеніе православныхъ воиновъ 29-го августа установлено въ Церкви русской при императрицѣ Екатеринѣ II (по указу 1769 года августа 17-го), во время войны съ турками и поляками.

Чинъ поминовенія о православныхъ воинахъ, совершаемый 29-го августа, печатается особою книжкою.

---

[1]) Слово LXII.

Димитріевская суббота.

Димитріевская суббота, бывшая первоначально днемъ поминовенія православныхъ воиновъ, установлена великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ. Одержавъ знаменитую побѣду на Куликовѣ полѣ надъ Мамаемъ 8-го сентября 1380 года, Димитрій Іоанновичъ, по возвращеніи съ поля брани, путешествовалъ въ Троице-Сергіеву обитель, игуменъ которой, преподобный Сергій Радонежскій, благословилъ его на брань съ невѣрными и далъ ему изъ числа братіи своей обители двухъ иноковъ—Александра Пересвѣта и Андрея Ослябю (оба они пали въ битвѣ съ невѣрными и погребены на Старомъ Симоновѣ, близъ Симонова монастыря). Совершивъ въ Троицкой обители поминовеніе православныхъ воиновъ, павшихъ въ Куликовской битвѣ, великій князь предложилъ Церкви творить это поминовеніе ежегодно въ Димитріевскую субботу (предъ 26-мъ числомъ октября—днемъ тезоименитства побѣдителя Мамая).

Впослѣдствіи православные христіане стали въ этотъ день творить память не только православныхъ воиновъ, за вѣру и отечество животъ свой на брани положившихъ, но купно съ ними и всѣхъ вообще усопшихъ братій своихъ.

Поминовеніе усопшихъ особъ царскаго дома (царскія панихиды).

Въ 1548 году, 21-го іюня, великій князь и царь Іоаннъ Васильевичъ, по благословенію митрополита Макарія, установилъ общую память усопшимъ благовѣрнымъ Княземъ и Боляромъ и Христолюбивому воинству и Священническому

и Иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіаномъ, и оттолѣ повелѣ написати ту память въ Соборныя книги [1]), для чего въ древности существовалъ въ Россіи особый *панникидный приказъ*. Поэтому и списокъ ежегодно въ извѣстные дни поминаемыхъ преставльшихся Великихъ Россійскихъ Императоровъ, Императрицъ, Царей и Царицъ и прочихъ особъ Высокой ихъ фамиліи начинается съ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, скончавшагося въ 1584 году.

Святѣйшимъ Синодомъ предписано, какъ отправлять царскія панникиды во дни, назначенные для этого въ *Реестрѣ* поминовенія царственныхъ особъ. Поминовеніе чинить архіереямъ и монастырскимъ властямъ и прочимъ священнослужителямъ такъ: 1) По великихъ Государяхъ Императорахъ и Императрицахъ и по Государынѣ Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ панникиды служить архіереямъ, въ монастыряхъ монастырскимъ настоятелямъ въ числа, показанныя въ Реестрѣ, равно и въ прочихъ каѳедральныхъ архіерейскихъ и градскихъ соборахъ протопопамъ соборне, и въ ружныхъ, приходскихъ и городскихъ церквахъ—священнослужителямъ. 2) По великихъ Государяхъ Царяхъ и Царицахъ и по прочихъ высокихъ персонахъ отправленіе панникиды оставляется на произволеніе архіерея; только она неопустительно должна совершаться если не архіереемъ, то прочими духовными лицами. Въ монастыряхъ же настоятелямъ и во всѣхъ прочихъ соборахъ и церквахъ священнослужителямъ служить панникиды самимъ по всѣхъ членахъ царствующаго дома.

Только уважительныя причины (благословныя вины) освобождаютъ архіереевъ и настоятелей отъ совершенія царскихъ панникидъ: это—болѣзнь, отсутствіе по дѣламъ не терпящимъ отлагательства и другія, тому подобныя обстоятельства. Городскихъ соборовъ, ружныхъ и приходскихъ церквей

[1]) Акты Археографической Экспедиціи. Томъ I, 1836 г. № 219.

священнослужителямъ оное поминовеніе отправлять помѣсячно, то есть сколько въ коемъ мѣсяцѣ тѣхъ персонъ по именамъ показано, но всѣхъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца за одною панникидою. Если бы по какой благословной винѣ въ тѣ числа исполнить онаго не случилось, то въ иной день исполнить неотмѣнно.

Когда же кому-либо изъ членовъ царствующаго дома поминовеніе случится во дни Великаго поста или въ воскресные и праздничные дни, тогда поминовеніе отправлять по субботамъ тѣхъ седмицъ.

Если же поминовеніе по комъ-либо изъ членовъ царствующаго дома случится во дни между Лазаревою субботою и Ѳоминымъ понедѣльникомъ, вообще въ недѣлю Вайй, на Страстной и Свѣтлой седмицахъ, то поминовеніе отправлять въ Ѳоминъ вторникъ.

e) Частное поминовеніе умершихъ.

Св. Церковь молится постоянно о *всѣхъ* преждепочившихъ отцѣхъ и братіяхъ нашихъ; но она совершаетъ также особое молитвенное поминовеніе о *каждомъ* усопшемъ отцѣ и братѣ нашемъ, по нашему благочестивому желанію и вызову.

Къ частному поминовенію умершихъ относятся: *третины*, *девятины*, *сорочины* и *годовщина*.

а) Третій день [1]).

Поминовеніе усопшихъ въ третій день послѣ смерти есть преданіе апостольское. Оно совершается *во-первыхъ* потому,

[1]) Обычай творить поминовенія объ умершихъ преимущественно въ третій, девятый и сороковой день послѣ ихъ кончины существуетъ въ Церкви издревле. Объ немъ ясно говорится еще въ книгѣ Постановленій Апостольскихъ; потомъ болѣе или менѣе ясно—у св. Ефрема Сирина (въ его завѣща-

что скончавшійся крещенъ былъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога единаго въ Троицѣ, хранилъ невридимою вѣру, принятую во св. крещеніи, и такъ какъ онъ въ теченіе жизни молился объ отпущеніи грѣховъ единому въ Троицѣ Богу, то и преставленіи его св. Церковь творитъ о немъ поминовеніе въ третій день; *во-вторыхъ* потому, что онъ сохранилъ три богословскія добродѣтели, служащія основаніемъ нашего спасенія, именно: вѣру, надежду и любовь; *въ третьихъ* потому, что существо его имѣло тройственный составъ—духъ, душу и тѣло, которыя согрѣшаютъ вмѣстѣ и потому, по переходѣ человѣка въ загробный міръ, требуютъ очищенія отъ грѣховъ.

Кромѣ такого богословскаго значенія поминовенія усопшихъ въ третій день, оно имѣетъ еще значеніе таинственное, касающееся загробнаго состоянія души. Когда св. Макарій Александрійскій просилъ Ангела, сопровождавшаго его въ пустынѣ, объяснить ему значеніе церковнаго поминовенія въ третій день, то Ангелъ отвѣчалъ ему: «Когда въ третій день бываетъ въ церкви приношеніе; тогда душа умершаго получаетъ отъ стрегущаго и Ангела облегченіе въ скорби, которую чувствуетъ отъ разлученія съ тѣломъ,—получаетъ потому, что славословіе и приношеніе въ Церкви Божіей за нее совершено, отъ чего въ ней рождается благая надежда, ибо въ продолженіе двухъ дней позволяется душѣ, вмѣстѣ съ находящимися при ней Ангелами, ходить на землѣ, гдѣ хочетъ. Посему душа, любящая тѣло, скитается иногда около дома, въ которомъ положено тѣло, и такимъ образомъ проводитъ два дня, какъ птица, ища себѣ гнѣзда. Добродѣтельная же душа ходитъ по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ имѣла обыкновеніе творить правду. Въ третій же день Тотъ, Кто Самъ воскресъ въ третій день изъ мертвыхъ, повелѣваетъ, въ подражаніе Его воскресенію, вознестись христіанской душѣ на небеса, для поклоненія Богу всяческихъ».

щаніи), Макарія Александрійскаго (въ словѣ объ исходѣ души), св. Амвросія Медіоланскаго (въ Словѣ на смерть Θеодосія), Палладія (въ Лавсаикѣ, гл. 26), Исидора Пелусіота (Посланія, кн. I, посланіе 114)—учителей четвертаго или начала пятаго вѣка; далѣе со всею ясностію—въ новеллахъ императора Іустиніана (новелла 133), у Евстратія, Константинопольскаго пресвитера (560), у св. Іоанна Дамаскина (въ Словѣ объ усопшихъ въ вѣрѣ), Филиппа пустынника (1095) и другихъ. Объясненіе этого обычая какъ у приведенныхъ, такъ и у позднѣйшихъ писателей, хотя неодинаковое, впрочемъ вообще согласное съ духомъ благочестія.

б) Девятый день.

Въ девятый день св. Церковь совершаетъ молитвы и безкровную жертву объ усопшемъ также по преданію апостольскому. Она молитъ Господа, чтобы душа усопшаго удостоилась быть причтенною къ лику Святыхъ молитвами и предстательствомъ девяти Ангельскихъ чиновъ. Св. Макарій Александрійскій, по откровенію Ангельскому говоритъ, что послѣ поклоненія Богу въ третій день, повелѣвается показать душѣ различныя пріятныя обители Святыхъ и красоту рая. Все это разсматриваетъ душа шесть дней, удивляясь и прославляя Творца всяческихъ, Бога. Созерцая все это она измѣняется и забываетъ скорбь, которую чувствовала, находясь въ тѣлѣ. Но если она виновна въ грѣхахъ, то при видѣ наслажденій Святыхъ, она начинаетъ скорбѣть и укорять себя, говоря: «Увы мнѣ! Сколько я осуетилась въ томъ мірѣ! Увлекшись удовлетвореніемъ похотей, я провела большую часть жизни въ безпечности и не послужила Богу какъ должно, дабы и мнѣ удостоиться сей благодати и славы. Увы мнѣ, бѣдной»! По разсмотрѣніи же, въ теченіе шести дней всей радости праведныхъ, она опять возносится Ангелами на поклоненіе Богу.

в) Сороковой день.

Дни плача по умершимъ въ самой глубокой древности продолжались сорокъ дней. Такъ Израильтяне оплакивали Моисея сорокъ дней.

Вообще число сорокъ есть число знаменательное, часто встрѣчающееся въ Священномъ Писаніи. Евреи питались въ пустынѣ манною сорокъ лѣтъ; Моисей постился сорокъ дней и сорокъ ночей, пріемля законъ отъ Бога; Илія провелъ сорокъ дней и сорокъ ночей въ путешествіи къ горѣ Хориву; Господь Іисусъ Христосъ послѣ Своего крещенія провелъ въ пустынѣ сорокъ дней и сорокъ ночей, а послѣ Своего воскресенія также впродолженіе сорока дней училъ Апостоловъ тайнамъ царствія Божія.

Основываясь на преданіи Апостоловъ, узаконившихъ въ Церкви Христовой древній обычай іудеевъ—оплакивать умершихъ сорокъ дней, св. Церковь справедливо и благочестно съ древнѣйшихъ временъ постановила правиломъ творить поминовеніе по усопшимъ впродолженіе сорока дней (сорокоустъ) и особенно въ сороковой день (сорочины). Какъ Христосъ побѣдилъ діавола, пробывъ сорокъ дней въ постѣ и молитвѣ, такъ точно и св. Церковь, принося въ продолженіе сорока дней молитвы, милостыни и безкровныя жертвы объ усопшемъ, испрашиваетъ ему у Господа благодать побѣдить врага, воздушнаго князя тьмы, и получить въ наслѣдіе царство небесное.

Святый Макарій Александрійскій, разсуждая о состояніи души человѣческой по смерти тѣла, продолжаетъ: «Послѣ вторичнаго поклоненія, Владыка всѣхъ повелѣваетъ отвести душу въ адъ и показать ей находящіяся тамъ мѣста мученій, разныя отдѣленія ада и разнообразныя нечестивыхъ

мученія, въ которыхъ души грѣшниковъ непрестанно рыдаютъ и скрежещутъ зубами. По этимъ разнымъ мѣстамъ мукъ душа носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой ей не быть заключенной въ оныхъ. Въ сороковой день она опять возносится на поклоненіе Господу Богу, и теперь уже Судія опредѣляетъ приличное ей по дѣламъ мѣсто заключенія».

Симеонъ Солунскій пишетъ (глава 372): «Сорокоусты совершаются въ воспоминаніе вознесенія Господня, случившагося въ сороковой день послѣ воскресенія, и съ тою цѣлію, чтобы и умершій возставъ изъ гроба, вознесся въ срѣтеніе Господу, бывъ восхищенъ на облацѣхъ, и тако былъ всегда съ Господомъ» [1]).

«Въ сороковой день твоего дорогаго покойника, сѣтующая по немъ съ вѣрою душа, возведи взоры своей мысли и сердечнаго чувства къ Господу и Спасителю нашему, въ сороковой день Своей прославленной жизни восшедшему Своимъ, пострадавшимъ за насъ до смерти человѣчествомъ *въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію за насъ* (Евр. IX, 24), живыхъ и усопшихъ. Открой свое сердце для такого Его человѣколюбія, что онъ возсѣдаетъ одесную Отца, въ открытой Его любви, самымъ человѣчествомъ Своимъ, ходатайственно представляющимъ насъ, человѣковъ. Откажетъ-ли ему въ этомъ ходатайствѣ всещедрый Отецъ, имѣя предъ Собою Его—Своего возлюбленнаго Сына въ крестныхъ за насъ язвахъ? Держись же вѣрою крѣпко такой любви Господа, и въ славѣ Своей занятаго вѣчною судьбою нашею, судьбою твоею и твоего покойника, и умоляй Его за усопшаго, да благодатію Своею немощное въ отшедшей душѣ уврачуетъ, оскудѣвающее восполнитъ, всѣ согрѣшенія проститъ и очиститъ, и *тако вчинитъ* ее въ

[1]) Новая Скрижаль, часть IV, § 2.

жребіи помилованныхъ, оправданныхъ, въ предначатіи вѣчнаго блаженства. Твоя вѣра и молитва, споспѣшествуемая св. Церковію, много поможетъ представившемуся на опредѣляющемъ жребій его до всеобщаго воскресенія, такъ называемомъ частномъ судѣ Христовомъ» [2]).

г) Годины и годовщины.

День смерти христіанина есть день рожденія его для новой, лучшей жизни. Вотъ почему мы празднуемъ память нашихъ братій, по истеченіи года со дня ихъ кончины. Празднуя второе рожденіе ихъ для неба, мы умоляемъ благоутробіе Божіе, да милостивъ будетъ Господь душамъ ихъ, да подастъ имъ вожделѣнное отечество въ вѣчное наслѣдіе и сотворитъ ихъ паки жителями рая.

Такъ какъ *любовь*, по слову Апостола, *никогда не прекращается* (1 Кор. XIII, 8), то смерть не расторгаетъ нашего союза любви съ усопшими нашими братіями: они живутъ духомъ съ нами, пребывающими на землѣ, и мы сохраняемъ въ сердцахъ своихъ живую память объ нихъ. Съ особенною живостью возобновляется въ насъ память ихъ во дни кончины ихъ—годовщины, и мы прибѣгаемъ въ эти дни къ молитвѣ, вѣры и любви, какъ къ дѣйствительнѣйшему средству съ одной стороны удовлетворить требованію своего горящаго любовію сердца, а съ другой—доставить отраду и облегченіе душамъ переселившихся отъ насъ въ горній міръ.

«*Годины*, или поминовеніе покойника въ день его смерти, спустя годъ послѣ нея, и *годовщины*, повторяющія поминовеніе съ возвращеніемъ этого дня и въ послѣдующіе годы,

[2]) *А. Бухаревъ*. Объ упокоеніи усопшихъ, стр. 38—39.

надо совершать непремѣнно подъ управленіемъ той мысли живой вѣры, что ради совершившагося подчиненія самого Господа, по Его вочеловѣченію, человѣческимъ условіямъ времени для насъ, годовыя и многогодовыя возвращенія или какъ бы повторенія дня отшествія покойнаго въ другую жизнь, имѣютъ живой смыслъ и соотношеніе къ его душѣ и судьбѣ. Надо вѣрѣ и человѣколюбію нашему пользоваться этимъ для споспѣшествованія успокоенію усопшихъ» [1]).

ж) Нѣсколько примѣровъ спасительности молитвъ за умершихъ.

Святый Григорій Двоесловъ, папа Римскій, представляетъ замѣчательный примѣръ дѣйствія молитвы и жертвоприношеній за умершаго, случившійся въ его монастырѣ. «Одинъ братъ, говоритъ онъ, за нарушеніе обѣта нестяжанія, лишенъ былъ по смерти, въ страхъ другимъ, церковнаго погребенія и молитвы въ теченіе 30-ти дней; а потомъ изъ состраданія къ его душѣ, въ продолженіе слѣдующихъ 30-ти дней за него была приносима безкровная жертва съ молитвою. Въ послѣдній изъ этихъ дней, усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему и сказалъ: «Доселѣ худо было мнѣ, а теперь уже я благополученъ, ибо сегодня получилъ пріобщеніе» (Бесѣды, книга IV, глава 55).

Тотъ же св. Отецъ, въ разговорахъ своихъ съ діакономъ Петромъ, повѣствуетъ о явленіи одного умершаго пресвитеру, котораго онъ просилъ помочь ему молитвою о немъ къ Богу, и въ заключеніе говорится: «Изъ сего видно, какъ полезно душамъ приношеніе священной жертвы, когда и сами

[1]) *А. Бухаревъ*, тамъ же, стр. 40.

духи (умершихъ) просятъ о томъ живущихъ и указываютъ на знаки, чрезъ кои они очищаются отъ грѣховъ» (тамъ же).

Блаженный Киръ Лука разсказываетъ о самомъ себѣ, что когда умеръ родной его братъ въ крайнемъ небреженіи, онъ просилъ Бога открыть ему участь умершаго. Стоя однажды на молитвѣ, старецъ увидѣлъ душу брата своего въ рукахъ бѣсовскихъ. Тогда онъ послалъ нѣкоторыхъ изъ братій осмотрѣть келлію умершаго. Посланные нашли золото и дорогія вещи, которыя старецъ приказалъ отнести въ ближайшій городъ и раздать бѣднымъ и нищимъ. Сдѣлавъ это, старецъ опять сталъ молиться и увидѣлъ судилище Божіе и Ангеловъ свѣта, спорящихъ съ бѣсами за душу его брата. Бѣсы вопіяли: «Ты праведенъ, такъ суди же: душа наша, ибо она творила дѣла наши». Ангелы говорили, что она избавлена милостынею, розданною за нее. Бѣсы противились и восклицали: «Да развѣ онъ роздалъ милостыню? Не сей-ли старецъ»? Устрашенный подвижникъ отвѣчалъ: «Да, я сотворилъ милостыню, но не за себя, а за сію душу». Тогда бѣсы исчезли, и видѣніе кончилось (Прологъ, августа 24-го дня).

Преподобный Макарій, сдѣлавъ вопросъ сухому черепу, узналъ важныя истины касательно состоянія умершихъ. Онъ, между прочимъ, спросилъ: «Ужели вы никогда не чувствуете никакого утѣшенія». (Преподобный обыкновенно совершалъ молитвы за усопшихъ и желалъ знать, служатъ ли онѣ въ пользу). Милосердующій о душахъ Господь восхотѣлъ открыть объ этомъ Своему угоднику и, чтобы увѣрить раба Своего, вдохнулъ изсохшему черепу слова истины: «Когда—отвѣтствовалъ черепъ—ты приносишь молитвы за мертвыхъ, то мы чувствуемъ нѣкое утѣшеніе» (Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ).

Святая Игуменія Аѳанасія завѣщала сестрамъ своего монастыря, незадолго до своей кончины, творить нищимъ

трапезу въ теченіе сорока дней послѣ ея смерти, въ память ея. Но сестры исполняли это завѣщаніе только въ теченіе десяти дней, и такое забвеніе ея воли вызвало святую изъ другаго міра. Явившись въ сопровожденіи двухъ Ангеловъ нѣкоторымъ изъ сестеръ она сказала: «Для чего преступили вы заповѣдь мою? Да будетъ вамъ извѣстно, что творимая до сорока дней за душу милостыня, питаніе алчущихъ и молитвы священниковъ умилостивляютъ Бога: если души усопшихъ грѣшны, то чрезъ это онѣ получаютъ отъ Господа отпущеніе грѣховъ; а если безгрѣшны, то благотворительность за нихъ служитъ ко спасенію благотворителямъ» (Четіи-Минеи и Прологъ, 12-го апрѣля).

Св. Мученица Перпетуя, во время общей молитвы въ темницѣ, нечаянно произнесла имя своего умершаго брата Динократа. Вразумленная этою нечаянностію, она стала молиться о немъ Богу и въ слѣдующую ночь удостоилась видѣнія. Она видѣла брата выходящимъ изъ темнаго мѣста, въ сильномъ пламени, мучимаго жестокою жаждой, нечистаго видомъ и съ раною на лицѣ, съ которою онъ умеръ. Между нимъ и св. Мученицей была глубокая пропасть, такъ что они не могли приблизиться другъ къ другу; а подлѣ того мѣста, гдѣ стоялъ Динократъ, былъ полный водоемъ (колодезь), край котораго былъ гораздо выше его роста, такъ что братъ ея никакъ не могъ достать напиться изъ него. Изъ этого св. Мученица уразумѣла, что братъ ея находится въ мукахъ, и съ сильнымъ воплемъ и слезами стала ежедневно молиться о спасеніи его. Вскорѣ она удостоилась втораго видѣнія: темное мѣсто, въ которомъ находился ея братъ, сдѣлалось свѣтлымъ, и братъ ея, чистый лицомъ и въ прекрасной одеждѣ, наслаждался прохладою; гдѣ у него была рана, тамъ остался только слѣдъ ея; край водоема былъ только по поясъ ему, и на краю водоема стояла полная золотая чаша, изъ которой онъ пилъ, и по-

томъ сталъ веселиться. Этимъ и кончилось видѣніе, изъ чего св. Перпетуя поняла, что онъ освобожденъ отъ мукъ (Дѣянія Мучениковъ *Рюикара*. Изд. 1802 г. III, гл. 7 и 8: Страданія Святой Перпетуи).

Св. Іоаннъ Милостивый, Патріархъ Александрійскій, часто совершалъ божественную литургію объ усопшихъ и говорилъ, что она весьма много помогаетъ душамъ ихъ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слѣдующее обстоятельство: «Одинъ узникъ, за котораго родители, почитавшіе его умершимъ, трижды въ годъ совершали божественную литургію—въ день Богоявленія, Св. Пасхи и Пятидесятницы, по освобожденіи изъ плѣна, явившись неожиданно къ своимъ родителямъ, вспомнилъ, что въ эти самые дни приходилъ къ нему въ темницу со свѣтильникомъ нѣкій славный мужъ: оковы спадали съ ногъ его, и онъ дѣлался свободнымъ; въ прочіе-же дни онъ опять содержимъ былъ въ оковахъ, какъ узникъ» (Четіи-Минеи, ноября 12-го дня).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ повѣствуетъ, что «у одного изъ святыхъ мужей былъ ученикъ, жившій безпечно. Что-же? Смерть застигла его въ таковой безпечности. Милосердый Отецъ Небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открылъ ему того юношу горящимъ въ пламени даже до выи, подобно немилосердому богачу, упоминаемому въ притчѣ о Лазарѣ. Когда-же святый подвергъ себя строгимъ подвигамъ поста и молитвы, съ крѣпкимъ воплемъ умоляя Бога, то увидѣлъ его, объятаго пламенемъ до пояса; наконецъ, когда св. мужъ присоединилъ болѣзни къ болѣзнямъ (то есть еще болѣе усилилъ свою молитву), то Богъ въ видѣніи явилъ его (юношу) старцу изъятымъ изъ пламени и совершенно свободнымъ» (въ Словѣ объ усопшихъ въ вѣрѣ).

Св. Григорій Двоесловъ повѣствуетъ, что во время жизни

св. Венедикта были двѣ постницы, имѣвшія несчастную привычку говорить много не въ пользу ни себѣ, ни другимъ. Св. старецъ увѣщевалъ ихъ оставить эту привычку и грозилъ за непослушаніе отлученіемъ. Не исправившись онѣ умерли, подлежа отлученію вслѣдствіе угрозы праведника; и хотя, какъ постницы, были похоронены въ церкви, но, какъ отлученныя, не могли остаться въ ней. Когда діаконъ возглашалъ: «Оглашенніи, изыдите»!—онѣ выходили изъ церкви, что было открыто многимъ изъ христіанъ. Узнавъ объ этомъ преподобный Венедиктъ послалъ въ церковь, въ которой онѣ были погребены, просфору и повелѣлъ вынуть изъ нея часть за упокой души ихъ и поминать ихъ при совершеніи Христовыхъ Таинъ. Такъ какъ послѣ этого никто изъ вѣрныхъ уже не видалъ ихъ выходящими изъ церкви, то изъ этого уразумѣли, что, вслѣдствіе заупокойныхъ молитвъ св. Церкви и жертвоприношеній, преставльшіяся постницы получили отъ Бога прощеніе (Бесѣды Св. Григорія Двоеслова, книга II, гл. 23).

А вотъ еще два примѣра изъ весьма близкаго къ намъ времени.

Одинъ изъ аѳонскихъ схимниковъ открылъ Святогорцу, извѣстному отцу Серафиму, слѣдующее: «Причиною моего поступленія въ монашество было—видѣніе во снѣ загробной участи грѣшниковъ. Послѣ двухмѣсячной болѣзни, я пришелъ въ сильное изнеможеніе. Въ этомъ состояніи я вижу двухъ юношей, вошедшихъ ко мнѣ. Они взяли меня за руки и сказали: слѣдуй за нами! Я, не чувствуя болѣзни, всталъ, оглянулся на свою постель и увидѣлъ, что тѣло мое лежало спокойно на постелѣ. Тогда-то я понялъ, что оставилъ земную жизнь и долженъ явиться въ загробный міръ. Въ лицѣ юношей я узналъ Ангеловъ, съ которыми и отправился. Мнѣ показаны были огненныя мѣста мученій, я слышалъ тамъ вопли страдальцевъ. Ангелы, показывая

мнѣ, за какой грѣхъ какое огненное мѣсто, прибавили: ежели и ты не бросишь своихъ привычекъ къ грѣховной жизни, то вотъ и твое мѣсто наказанія! Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ Ангеловъ восхитилъ изъ пламени одного человѣка, который былъ черенъ, какъ уголь, весь обгорѣлъ и съ ногъ до головы окованъ. Тогда оба Ангела приступили къ страдальцу, сняли съ него оковы,—и вмѣстѣ съ ними мгновенно исчезла вся его чернота, онъ сталъ чистъ и свѣтелъ, какъ Ангелъ; потомъ Ангелы облекли его въ блестящее одѣяніе, подобное свѣту.—«Что значитъ это измѣненіе человѣка»? рѣшился я спросить Ангеловъ.—Эта грѣшная душа,—отвѣчали Ангелы,—бывъ отлучена отъ Бога за свои грѣхи, должна была вѣчно горѣть въ этомъ пламени; между тѣмъ родители сей души много подавали милостыни, много дѣлали поминовеній при литургіяхъ, отправляли панихиды,—и вотъ, ради родительскаго ходатайства и молитвъ Церкви, Богъ умилостивился, и грѣшной душѣ даровано совершенное прощеніе. Она избавлена вѣчнаго мученія и теперь предстанетъ предъ лице своего Господа и будетъ радоваться со всѣми Его Святыми.—Когда видѣніе кончилось, я пришелъ въ себя и что-же увидѣлъ?—вокругъ меня стояли и плакали и готовили тѣло мое къ погребенію» (Странникъ, 1862 г., май).

Въ одномъ селѣ скоропостижно умеръ дьячекъ-старикъ. У него былъ сынъ—чиновникъ. Нечаянная смерть отца поразила сына. Загробная участь умершаго не давала покоя доброму сыну почти въ теченіе года. Зная, что въ литургіи самое важное время для поминовенія умершихъ есть время пѣнія: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ»... печальный сынъ, находясь въ это самое время въ церкви (это было въ Духовъ День), съ особеннымъ усердіемъ сталъ молиться Богу объ упокоеніи своего отца. И что-же? Въ ночь на вторникъ онъ видитъ во снѣ своего отца, который три раза поклонился ему до земли и при послѣднемъ поклонѣ сказалъ: «Благодарю тебя, сынъ мой» (Странникъ, 1864 г., декабрь).

3) Рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и недоумѣній [1]).

Нельзя оставить безъ разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ и недоумѣній, которыя или сами собою возникаютъ въ умѣ при разсматриваніи церковнаго ученія о молитвахъ за умершихъ или предлагаются и высказываются неправомыслящими.

1) «О всѣхъ-ли умирающихъ безъ покаянія и пріобщенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ не должно молиться»? Нѣтъ, св. Церковь строго различаетъ тѣхъ, которые умираютъ въ нераскаянности и безъ пріобщенія Христовыхъ Таинъ по собственной винѣ и упорству, и тѣхъ, которые только не успѣваютъ предъ своею кончиною сподобиться таинства покаянія и евхаристіи потому, что подвергаются, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, внезапной или насильственной смерти. Вслѣдствіе этого—тогда какъ напр. о вольныхъ самоубійцахъ или нераскаявшихся еретикахъ Церковь не молится,—о всѣхъ чадахъ своихъ, скончавшихся напрасною смертію, она, съ сокрушеніемъ истинной матери, умоляетъ Господа помиловать ихъ (см. выше: «Мясопустная родительская вселенская суббота»).

2) «Для чего молиться за тѣхъ умершихъ, которые покаялись предъ смертію и слѣдовательно получили уже отъ Господа чрезъ таинство покаянія прощеніе и разрѣшеніе грѣховъ своихъ»? Но, вопервыхъ, всѣ-ли кающіеся предъ смертію приносятъ надлежащее покаяніе, искреннее, глубо-

[1]) Заимствовано изъ Православно-Догматическаго Богословія *Макарія*. Томъ II, § 258.

кое, живое, вполнѣ достаточное для того, чтобы удостоиться отъ праведнаго Судіи совершеннаго разрѣшенія отъ грѣховъ? Всѣ-ли даже бываютъ способны къ такому покаянію въ тяжкія и страшныя минуты смерти? Для всѣхъ этихъ покаявшихся, очевидно, необходимо предстательство Церкви, которое-бы могло восполнить то, чего у нихъ недоставало. Вовторыхъ, отъ приступающихъ къ таинству покаянія требуется, чтобы они не только исповѣдывали предъ Богомъ свои грѣхи, но потомъ дѣйствительно обратились отъ нихъ и принесли плоды, достойные покаянія (Iезек. XVIII, 21, 22; Матѳ. III, 8; Дѣян. III, 19; Апок. II, 5). А всѣ, умирающіе вскорѣ послѣ принесеннаго ими покаянія, не успѣваютъ самымъ дѣломъ оправдать и докончить то, чему въ покаяніи полагаютъ только начало. Вотъ это-то недостающее у всѣхъ, умирающихъ вскорѣ послѣ покаянія, и восполняетъ мало-по-малу Церковь своими молитвами (Посл. восточныхъ Патріарховъ о прав. вѣрѣ, членъ 18). Въ третьихъ, для того, чтобы удостоиться по смерти небеснаго блаженства, недостаточно только получить отъ Бога прощеніе грѣховъ, а необходимо дѣйствительно очиститься отъ грѣховъ и исцѣлиться; ибо грѣшникъ, и прощенный, но остающійся со грѣхами своими, чувствовалъ-бы себя не на мѣстѣ посреди праведныхъ небожителей предъ лицемъ Святѣйшаго Святыхъ и былъ-бы даже неспособенъ, по духовной разстроенности своей, ко вкушенію райскаго блаженства. Но молитвы Церкви, благотворенія, совершаемыя живыми за умершихъ и особенно приношеніе безкровной жертвы, могутъ способствовать всѣмъ, скончавшимся съ сѣменемъ новой жизни, чтобы это доброе сѣмя мало-по-малу раскрылось въ нихъ, возрасло въ древо, принесло плодъ, и чтобы такимъ образомъ они всецѣло обновились и совлеклись ветхаго человѣка.

3) «Какъ согласить предстательство Церкви и молитвы живыхъ за умершихъ съ ученіемъ Слова Божія, что Христосъ есть *единый Посредникъ между Богомъ и человѣками* (1 Тим. II, 5) и принесъ совершенное удовлетвореніе за всѣхъ грѣшниковъ (Галат. III, 13; Евр. VII, 28)».— Точно такъ-же, какъ соглашаются предстательство Церкви и молитва живыхъ за живыхъ, которыя заповѣдуетъ само же Слово Божіе (Iак. V, 17). Церковь предстательствуетъ предъ Богомъ за умершихъ, какъ и за живыхъ, не собственнымъ именемъ, а именемъ Господа Iисуса (Iоан. XIV, 13, 14) и силою Его-же безкровной жертвы, которую не перестаетъ приносить о спасеніи всѣхъ живущихъ и умершихъ. Церковь заботится своими молитвами и ходатайствомъ только усвоить чадомъ своимъ безконечныя заслуги *единаго Посредника между Богомъ и человѣками, предавшаго Себя для искупленія всѣхъ* (1 Тим. II, 5, 6).

4) «Какъ согласить ученіе о благотворномъ вліяніи молитвъ церковныхъ на умершихъ съ ученіемъ Слова Божія, что *человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ* (Евр. IX, 27), и что на судѣ Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его» (Римл. II, 6). По смерти, дѣйствительно, бываетъ для каждаго судъ Божій и мздовоздаяніе еще нерѣшительное. И въ этомъ-то снова обнаруживается безконечная благость и милосердіе къ намъ Господа, что даже по смерти, послѣ частнаго суда, Онъ не окончательно наказываетъ грѣшниковъ, а только предначинательно, и оставляетъ еще длинный періодъ времени, въ продолженіе котораго сѣмя добра, съ какимъ переходятъ покаявшіеся грѣшники въ вѣчность, могло-бы развиться въ нихъ и очистить ихъ отъ всякой скверны, подъ благотворнымъ вліяніемъ молитвъ Церкви. По истеченіи уже этого періода, когда безконечная благость Господа успѣетъ, такъ сказать, совершить все, что можно совершить для блага искупленныхъ Его честною кровію, безконечная правда Его произведетъ

всеобщій и послѣдній судъ, на которомъ окончательно воздастъ каждому по заслугамъ [1]).

5) «Если и по смерти отпущаются нѣкоторымъ христіанамъ грѣхи, вслѣдствіе молитвъ Церкви, то какъ же исполнится слово Апостола, что въ день послѣдняго суда *каждый получитъ соотвѣтственно тому, что къ дѣламъ, живя въ тѣлѣ* (2 Кор. V, 10)». Слово Апостола непреложно, и оно исполнится какъ на всѣхъ людяхъ, такъ точно и на христіанахъ, которые, по смерти, силою молитвъ церковныхъ удостоятся получить отпущеніе грѣховъ. Ибо эти христіане сами, находясь еще въ тѣлѣ, положили начало къ тому собственнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ предъ своею кончиною и такимъ образомъ еще въ тѣлѣ сдѣлались достойными молитвъ церковныхъ и способными воспользоваться ими за гробомъ.

6) «Если и умершіе съ покаяніемъ грѣшника находятся во адѣ, то какъ же вспомоществуютъ освобожденію ихъ молитвы Церкви, когда изъ ада нѣтъ избавленія и на небо оттуда *не преходятъ* (Лук. XVI, 27)». Правда, въ одномъ мѣстѣ Свящ. Писанія говорится, что изъ ада нѣтъ избавленія и перехода на лоно Авраамово; но въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что Христосъ Спаситель нисходилъ, по смерти, душею Своею въ адъ, яко Богъ, чтобы *проповѣдать* тамъ избавленіе, и, какъ вѣруетъ Церковь, извелъ оттуда всѣхъ

---

[1]) «Изреченія: *яко Ты воздаси комуждо по дѣломъ его*, и: *всякъ пожнетъ, что посѣялъ*, и симъ подобныя, безъ сомнѣнія, относятся къ пришествію Творца, къ имѣющему быть тогда страшному суду и скончанію міра сего; ибо тогда не будетъ мѣста никакой помощи, и всякое моленіе будетъ недѣйствительно. Ибо когда кончится торгъ, тогда уже поздно заниматься торговлею. Ибо тогда гдѣ будутъ бѣдные? Гдѣ священнослужители? Гдѣ псалмопѣнія? Гдѣ милостыни? Гдѣ благотворенія? И такъ прежде наступленія онаго часа будемъ помогать другъ другу и любящему братство, человѣколюбивому и милосердующему о душахъ Богу приносить жертвы братолюбія» (*Іоан. Дамаск*. Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ).

ветхозавѣтныхъ праведниковъ, или всѣхъ увѣровавшихъ въ Него (1 Петр. III, 19, Правосл. Испов. Ч. I, отв. на вопр. 49). Что же отсюда слѣдуетъ? То, что, если для одних, каковъ былъ евангельскій богачъ (Лук. XVI, 25), нѣтъ избавленія изъ ада, то для другихъ, именно вѣрующихъ въ Господа Іисуса, оно сдѣлалось возможнымъ послѣ того, какъ Онъ уже разрушилъ адъ и извелъ оттуда многихъ. Какъ на небѣ, соотвѣтственно нравственному состоянію праведниковъ, есть *обители многи* и различныя мздовоздаянія (Іоан. XIV, 2), такъ, безъ сомнѣнія, и во адѣ, соотвѣтственно неодинаковому нравственному состоянію грѣшниковъ, есть свои разныя обители, затворы и хранилища душъ (3 Ездры IV, 32, 35, 41); и тогда какъ въ одной изъ этихъ страшныхъ обителей, подобно евангельскому богачу, страждутъ во пламени умершіе въ нераскаянности и невѣрующіе (Лук. XVI, 23), въ другихъ могли обитать,—конечно, безъ подобныхъ страданій,—даже ветхозавѣтные праведники до самаго пришествія къ нимъ Христова и могутъ обитать умершіе съ истиннымъ покаяніемъ и вѣрою въ Господа Іисуса грѣшники. Какъ изъ первыхъ обителей или затворовъ адскихъ нѣтъ избавленія для узниковъ по самому ихъ нравственному состоянію; такъ изъ обителей послѣдняго рода такое избавленіе уже было для праведниковъ ветхозавѣтныхъ и можетъ быть для скончавшихся въ вѣрѣ и покаяніи грѣшниковъ. И въ темницахъ обыкновенныхъ бываютъ преступники такіе, для которыхъ, по законамъ, невозможно избавленіе и уже опредѣлена смертная казнь, и преступники менѣе виновные, которые, при помощи ближнихъ, могутъ получать и часто получаютъ свободу: то же самое должно представлять и о *темницѣ духовъ*—адѣ (1 Петр. III, 19). Посему-то православная Церковь молитъ Господа объ избавленіи именно изъ ада, а не

изъ какого-либо другаго мѣста [1]) душъ, отшедшихъ изъ міра съ покаяніемъ, какъ это особенно видно изъ молитвы ея на вечернѣ дня св. Пятидесятницы [2]).

7) «Не суетны ли наши молитвы за умершихъ, когда мы съ достовѣрностію, не знаемъ, какая ихъ постигаетъ участь, и, можетъ быть, многіе, за которыхъ мы молимся, находятся уже въ царствіи небесномъ, а другіе, по частному суду Божію, принадлежатъ къ числу отверженныхъ». Не смотря на все это, наши молитвы объ умершихъ не суетны. Церковь научаетъ насъ молиться за всѣхъ, скончавшихся въ православной вѣрѣ и съ покаяніемъ, исключая явныхъ нечестивцевъ и нераскаянныхъ; но о комъ принять, о комъ отвергнуть наши молитвы—это уже принадлежитъ Господу, который знаетъ *сущія Своя* и достойныя Его милости (2 Тим. II, 19). Наши молитвы о тѣхъ, которые, быть можетъ, находятся уже на небеси или въ числѣ отверженныхъ, если не полезны имъ, за то и не вредны. Но наши молитвы о всѣхъ, благочестиво скончавшихся, только не успѣвшихъ принести плодовъ достойныхъ покаянія и потому не удостоившихся еще царствія небеснаго, безъ всякаго сомнѣнія, имъ полезны. А кромѣ того молитвы

[1]) Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64—66. Посланіе восточн. Патріарховъ о прав. вѣрѣ, чл. 18. Такъ же учили Маркъ Ефесскій, Гавріилъ Филадельфійскій и другіе православные учители востока. Поэтому нельзя согласиться ни съ тѣми, которые говорятъ, будто души, по молитвамъ Церкви, освобождаются не изъ ада, а отъ мытарствъ, составляющихъ такимъ образомъ какъ бы особое, среднее или третье мѣсто между небомъ и адомъ (см. Камень Вѣры, кн. II, стр. 440—о благотвор. престав., ч. II, гл. 3); ни съ тѣми, которые хотя допускаютъ, что души освобождаются изъ ада, но признаютъ адъ за одно съ мытарствами, какъ особое, среднее мѣсто между небомъ и геенною. Нельзя, говоримъ, согласиться ни съ тѣми, ни съ другими потому, что средняго состоянія душъ по смерти, третьяго мѣста между небомъ и адомъ, или геенною, православная Церковь не допускаетъ (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64, 67, 68).

[2]) Выше мы привели эту молитву, принадлежащую св. Василію Великому. См.: „Троицкая родительская вселенская суббота“.

за умершихъ во всякомъ случаѣ полезны самимъ молящимся, по слову Псалмопѣвца: *молитва моя въ нѣдро мое возвратится* (Псал. XXXIV, 13) и Спасителя: *миръ вашъ къ вамъ возвратится* (Матѳ. X, 13). «Если кто-нибудь—замѣчаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ—хочетъ помазать больнаго муромъ или инымъ священнымъ елеемъ, то сперва дѣлается причастнымъ помазанія самъ, то есть помазующій, а потомъ помазуетъ больнаго: такъ всякій подвизающійся о спасеніи ближняго, сперва получаетъ пользу самъ, потомъ приноситъ оную ближнему; ибо не неправосуденъ Богъ, чтобы забыть дѣла, по слову божественнаго Апостола [1])».

8) «Если Церковь молится за всѣхъ, съ покаяніемъ скончавшихся, и ея молитвы сильны предъ Богомъ и благотворны для нихъ, то всѣ, за кого она молится, спасутся и никто не лишится блаженства». На это скажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ же св. Іоанномъ Дамаскинымъ: «Пусть такъ, и—о, еслибы сіе исполнилось! Ибо сего-то и жаждетъ и хощетъ, и желаетъ, о семъ радуется и веселится преблагій Господь, да никто не лишится божественныхъ даровъ Его. Ибо неужели ангеламъ Онъ уготовалъ награды и вѣнцы? Неужели для спасенія духовъ Онъ пришелъ на землю, небесплотился отъ Дѣвы, содѣлался человѣкомъ, вкусилъ страданія и смерть? Неужели ангеламъ Онъ скажетъ: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе*? Ты не можешь сего сказать, противникъ; но все Онъ уготовалъ для человѣка, за котораго и пострадалъ. Ибо кто, составивъ пиръ и созвавъ друзей, не пожелаетъ, чтобы они всѣ пришли и насытились благъ его? Иначе для чего ему и пиршество готовить, какъ не для того, чтобы угостить друзей своихъ? И если мы о семъ только заботимся, то что сказать должно о Велико-

[1]) Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ, Христ. Чтеніе 1827 г., XXVI, 324.

даровитомъ, Единомъ по естеству, преблагомъ и человѣколюбивомъ Богѣ, который, раздавая и подавая, болѣе радуется и веселится, нежели тотъ, кто пріемлетъ и пріобрѣтаетъ себѣ величайшее спасеніе [2])». Надобно также не забывать, что *обители* у Отца Небеснаго *многи* и степени блаженства вѣчнаго будутъ весьма различны, соотвѣтственно самому достоинству тѣхъ, которые удостоятся этого блаженства.

9) Древніе еретики Аэріане выставляли противъ пользы молитвъ за умершихъ слѣдующее возраженіе: «Если молитвы, приносимыя за усопшихъ, для нихъ полезны, то пусть никто не живетъ благочестиво и не творитъ добра, а снискиваетъ себѣ друзей какимъ угодно образомъ—щедрымъ ли раздаяніемъ денегъ или просьбою предъ концемъ жизни—молиться за него Богу, чтобы ему не страдать въ другой жизни и не подвергнуться казни за великіе грѣхи».

Когда въ землю брошено зерно, потерявшее начало растительной жизни еще въ житницѣ и внутренно повредившееся до того, что неспособно изникнуть изъ земли, тогда сколько бы ни орошали это гнилое зерно, сколько бы ни старались подвергать его вліянію животворнаго солнца и благорастворенію воздуха, оно не разовьется и не сдѣлается прекраснымъ растеніемъ. Такъ и молитвы друзей и сродниковъ не могутъ помочь душѣ того умершаго, который во время земной жизни пороками и нечестіемъ *погасилъ въ себѣ духъ Христовъ* (1 Сол. V, 19), который, называясь христіаниномъ, былъ по душѣ язычникъ, а по жизни и дѣламъ фарисей; не могутъ молитвы ихъ помочь душѣ его выйдти изъ вѣчной тьмы въ царство Святыхъ, гдѣ присѣщаетъ свѣтъ лица Божія, ибо отверженному *нѣтъ части со святыми* (2 Кор. VI, 15).

[2]) Тамъ же, стр. 326.

и) Изъ Слова Филарета митрополита Московскаго, о молитвѣ за умершихъ.

Что есть душамъ усопшихъ польза отъ совершаемыхъ за нихъ молитвъ и жертвоприношеній, о томъ не будетъ неумѣстно сказать нѣсколько словъ, ради общаго нашего утѣшенія и назиданія.

Есть въ христіанствѣ люди, которые сами себя лишаютъ утѣшенія молиться за усопшихъ. Какіе это люди?—Безъ сомнѣнія тѣ, которые примѣтнымъ и непримѣтнымъ для себя образомъ, больше любятъ умствовать, нежели вѣровать. Почему не пріемлютъ они молитвъ за усопшихъ? Не видно другой тому причины, кромѣ той, что непонятно, какъ дѣйствіе молитвы простираться можетъ такъ далеко, даже изъ одного міра въ другой, изъ видимаго въ невидимый.

Человѣка, разсуждающаго такимъ образомъ, спросилъ бы я: понятно-ли обыкновенному разуму дѣйствіе молитвы человѣка, живущаго за другаго живущаго, особенно если молитва приносится за отсутствующаго или же и за присутствующаго, но приносится для испрошенія чего-либо нравственнаго и духовнаго, какъ-то: прощенія грѣховъ, исправленія отъ пороковъ, укрощенія страстей, просвѣщенія, утвержденія въ добродѣтеляхъ? Двѣ души, каждая съ своимъ собственнымъ умомъ, волею, склонностями, свободою, не суть-ли одна для другой два отдѣльные міра, отдѣльные тѣмъ болѣе, что преграждены тѣлами? Какъ же молитва одной простираетъ свое дѣйствіе на другую.

Пусть отвѣчаютъ на сіи вопросы, какъ хотятъ. Если возьмутся изъяснить, какъ отдѣльность существа и свободы не мѣшаетъ дѣйствовать молитвѣ за живыхъ, симъ самымъ

изъяснится, какъ та же отдѣльность не мѣшаетъ молитвѣ за усопшихъ. Если скажутъ, что дѣйствіе молитвы за живыхъ возможно, хотя необъяснимо разумомъ, то я скажу: не отвергайте же и дѣйствія молитвы за усопшихъ потому только, что оно неизъяснимо или таковымъ кажется.

А по моему мнѣнію, въ предметахъ вѣры безопаснѣе то, чтобы меньше умствовать, а болѣе вѣрить и утверждаться не на мудрованіи собственномъ, а на Словѣ Божіемъ. Слово же Божіе говоритъ: *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Римл. VIII, 26). Слѣдственно по разуму, безъ благодати, не знаемъ, можно ли молиться за кого-нибудь. *Но самъ Духъ*—продолжаетъ Апостольское слово—*ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными*, въ молитвѣ каждаго, по его состоянію особенной; и тотъ же Духъ, для общаго руководства въ молитвахъ наипаче общественныхъ, явственно изрекаетъ, о чесомъ подобаетъ молиться. Напримѣръ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки* (1 Тим. II, 1). Еще: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ, и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ глаголю, да молится* (1 Іоан. V, 16). И еще: *молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* (Іоан. V, 16). Послушаемъ еще, какъ святый Апостолъ Павелъ и молится за другихъ, и требуетъ молитвы другихъ. Молимся всегда о васъ, пишетъ онъ къ Солунянамъ, *да вы сподобитъ званію Богъ нашъ и исполнитъ всяко благоволеніе благости, и дѣло вѣры въ силѣ, яко да прославится имя Господа нашего Іисуса Христа въ васъ и вы въ Немъ, по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа* (2 Сол. I, 11, 12). А далѣе въ томъ же посланіи: *прочее, молитеся о насъ, да слово*

Господне течетъ и славится, якоже и въ васъ (III, 1). И въ другомъ посланіи: *всякою молитвою и моленіемъ молящеся во всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще въ всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узахъ* (Ефес. VI, 18, 19).

Не собирая болѣе свидѣтельствъ Священнаго Писанія о молитвѣ вообще, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, приложимъ къ особенному предмету настоящаго размышленія тѣ свидѣтельства, которыя доселѣ приведены.

Если мы не знаемъ, о чемъ молиться, а для вразумленія нашего незнанія дано намъ Священное Писаніе, *могущее умудрити во спасеніе*, даже до того, что *совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III, 15, 17), то отъ премудрости и благости Духа Божія, изглаголавшаго сіе Писаніе, надлежитъ ожидать, что оно не только удовлетворительно наставитъ насъ, о чемъ молиться, но и предохранитъ запрещеніями, чтобы намъ не молиться о томъ, о чемъ молитва была бы неугодна Богу. Чаяніе сіе оправдывается самымъ дѣломъ. Теперь же видѣли мы, какъ Священное Писаніе, заповѣдуя молитву *за вся человѣки*, отъ молитвы, Богу неугодной и человѣкамъ неполезной, предохраняетъ вѣрующаго запрещеніемъ: *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ глаголю, да молится*. Изъ сего слѣдуетъ, что если о моленіи за усопшихъ и нѣтъ въ Священномъ Писаніи особенной, опредѣлительной заповѣди, а выводится оное только изъ понятій и заповѣдей о молитвѣ, болѣе общихъ; но если притомъ нѣтъ противъ сего моленія въ Священномъ Писаніи никакого запрещенія: то самое сіе незапрещеніе, самое молчаніе Священнаго Писанія есть уже доказательство того, что моленіе за усопшихъ Богу не противно и человѣкамъ не безполезно.

Охотникъ до сомнѣній спроситъ: не излишне ли молиться о тѣхъ, которые умерли съ вѣрою и упованіемъ?— Отвѣтствую: не излишне ли, повидимому, молиться о Святыхъ? Однако св. Павелъ велитъ молиться *о всѣхъ святыхъ*. Не излишне ли молиться о Апостолахъ, которые суть распространители благодати на всѣхъ прочихъ и первые изъ святыхъ въ Церкви: *положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ* (1 Кор. XII, 28). Однако Апостолъ Павелъ требуетъ, чтобы молились о немъ и не Апостолы, и притомъ тогда, какъ онъ уже приближался къ вѣнцу за подвиги апостольства. Есть молитва въ пользу самого Евангелія: *да слово Господне течетъ и славится,* хотя Евангеліе само есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Римл. I, 16):—можно ли бояться излишества въ молитвѣ за вѣрующихъ?

Или спросятъ,—не тщетна ли молитва за умершихъ во грѣхѣ? — Отвѣтствую: тщетна — за умершихъ во грѣхѣ смертномъ, смертію духовною, и въ семъ состояніи постигнутыхъ смертію тѣлесною,—за тѣхъ, которые внутренно отпали отъ духовнаго тѣла Церкви Христовой и отъ жизни по вѣрѣ, своимъ невѣріемъ, нераскаянностію, рѣшительнымъ и конечнымъ противленіемъ благодати Божіей. Гдѣ просвѣщенному и безпристрастному оку явны признаки сей горькой смерти, тамъ нѣтъ мѣста утѣшенію молитвы: *есть грѣхъ къ смерти: не о томъ глаголю, да молится.*—Но что можетъ сдѣлать молитва о *братѣ, согрѣшающемъ грѣхъ не къ смерти?* Можетъ *дать ему животъ*. Неужели и умершему тѣлесно? Св. Іоаннъ, котораго словами теперь мы руководствуемся, не говоритъ *да;* но не говоритъ и—*нѣтъ*. Онъ не запрещаетъ молиться о умершемъ, тогда какъ запрещаетъ молиться о грѣшникѣ отчаянномъ и безнадежномъ.

Всепрощательная премудрость Божія, въ Божественномъ

Писаніи, не провозглашаетъ довольно громко заповѣди молиться за усопшихъ, можетъ быть, для того, чтобы, въ надеждѣ на сіе подобіе, не облѣнились живущіе ранѣе тѣлесной смерти со страхомъ свое спасеніе содѣловать. Но когда и не возбраняетъ сего рода молитвъ, не то ли сіе значитъ, что еще позволяетъ бросать, хотя не всегда рѣшительно надежную, но иногда—и, можетъ быть, часто—благопомощную вервь, отторгшимся отъ брега жизни временной, но не достигшимъ вѣчнаго пристанища душамъ, которыя между смертію тѣлесною и послѣднимъ всемірнымъ судомъ Христовымъ зыблются надъ бездною, то возвышаясь благодатію, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь божественнымъ желаніемъ, то запутываясь въ грубой, еще не совсѣмъ совлеченной, одеждѣ земныхъ помышленій?

И вотъ, можетъ быть, почему моленіе за усопшихъ издревле существовало и существуетъ въ Церкви не какъ торжественно возвѣщенный, существенный членъ вѣры и строгая заповѣдь, но какъ благочестивое преданіе и обычай, всегда поддерживаемый свободнымъ послушаніемъ вѣры и частными духовными опытами. Приведемъ на сіе нѣкоторыя свидѣтельства.

Благодать даянія, пишетъ сынъ Сираховъ, *предъ всякимъ живымъ да будетъ, и надъ мертвецемъ не возбрани благодати* (Сирах. VII, 36). Что значитъ здѣсь *благодать даянія?* Если это даръ алтарю, то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, очевидно, значатъ: принеси жертву по усопшемъ или, что то же, молись за усопшаго. Если же кто хочетъ признать болѣе вѣроятнымъ, что *благодать даянія* значитъ благотвореніе бѣдному, то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати* будутъ значитъ: подай милостыню въ память усопшаго. Ту ли, другую ли мысль имѣлъ сынъ Сираховъ,—онѣ обѣ предпо-

лагаютъ одно, имъ общее основаніе,—то, что живущій можетъ и долженъ дѣлать добрыя и душеполезныя дѣла ради усопшаго.

Въ исторіи Маккавеевъ находимъ именно жертву и молитву за усопшихъ. Іуда принесъ оную за воиновъ, умершихъ во грѣхѣ взятія военной добычи *отъ даровъ идольскихъ*, которыми благочестивый не долженъ былъ осквернять рукъ своихъ (2 Макк. XII, 39—46).

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общественное богослуженіе христіанское, моленіе за усопшихъ вошло въ оное, какъ часть, постоянно къ составу онаго принадлежащая. Свидѣтельствуютъ о семъ всѣ древнія чиноположенія Божественной литургіи, начиная отъ литургіи св. Іакова, брата Господня. Посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что моленіе за усопшихъ есть преданіе апостольское.

«Аще и грѣшенъ отыде», говоритъ св. Златоустъ, «елико возможно есть, помогати достоитъ: обаче не слезами, но молитвами и мольбами, и милостынями и приношеніями. Не просто бо сія умышлена быша, ниже всуе творимъ память о отшедшихъ въ божественныхъ тайнахъ, и о нихъ приступаемъ, молящеся Агнцу лежащему, вземшему грѣхъ міра, но да отсюду будетъ имъ нѣкая утѣха. Ниже всуе предстояй жертвеннику, страшнымъ тайнымъ совершаемымъ, вопіетъ: о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и памяти о нихъ совершающихъ» (на 1 посл. къ Коринѳ. бесѣда 41). И далѣе говоритъ: «Не лѣнимся убо отшедшимъ помогающе и приносяще о нихъ молитвы. Ибо общее лежитъ вселенныя очищеніе. Сего ради благонадежно о вселеннѣй молимся тогда, и съ мучениками, со исповѣдниками, со священниками именуемъ ихъ. Ибо едино тѣло есмы вси, аще и свѣтлѣйшія суть уды удовъ. И возможно есть отвсюду прощеніе имъ собрати, яко то отъ молитвъ, отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, отъ святыхъ съ ними именуемыхъ».

«Благочестивѣйшій Государь», пишетъ Евсевій о Константинѣ Великомъ, «избралъ мѣстомъ своего погребенія Церковь Апостоловъ, созданную имъ въ Константинополѣ въ надеждѣ участія въ молитвахъ, совершаемыхъ тамъ въ честь сихъ Святыхъ, и для того, чтобы, соединяясь въ церкви съ народомъ Божіимъ, сподобиться имѣть участіе въ Божественной службѣ, въ таинственной жертвѣ, въ молитвахъ вѣрующихъ, даже и послѣ смерти своей» (О жизни Константина кн. IV, гл. 71).

«Не должно отрицать», говоритъ блаженный Августинъ, «что души усопшихъ отъ благочестія ближнихъ живущихъ получаютъ отраду, когда за оныхъ приносится жертва Ходатая или творима бываетъ милостыня въ Церкви: но сіе полезно только тѣмъ, которые въ жизни заслужили то, чтобы имъ сіе послѣ было полезно» (О вѣрѣ, надеждѣ и любви гл. 110).

Святый Григорій Двоесловъ представляетъ примѣчательный опытъ дѣйствія молитвы и жертвоприношеній за усопшаго, случившійся въ его монастырѣ. Одинъ братъ за нарушеніе обѣта нестяжанія въ страхъ другимъ, лишенъ былъ по смерти церковнаго погребенія и молитвы въ продолженіе тридцати дней; а потомъ, изъ состраданія къ его душѣ, тридцать дней приносима была безкровная жертва съ молитвою за него. Въ послѣдній изъ сихъ дней усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему и сказалъ: *Доселѣ худо было мнѣ, а теперь уже я благополученъ; ибо сегодня получилъ пріобщеніе* (Бесѣды, кн. IV, гл. 55).

Но остережемся, чтобъ, послѣ некраткаго священнослуженія, не продлить слова до утомленія. Для внимательныхъ довольно сказаннаго, чтобы каждый подтвердилъ себѣ слѣ-

дующія, не незнакомыя, но нерѣдко забываемыя правила.

Первое: молись за усопшихъ съ вѣрою и надеждою милосердія Божія.

Второе: не живи самъ небрежно, а старайся чистою вѣрою и неотлагательнымъ исправленіемъ отъ грѣховъ упрочить себѣ надежду, что и за тебя по твоей кончинѣ молитвы принесутъ душѣ твоей отраду и помогутъ ей въ достиженіи вѣчнаго покоя и блаженства въ Богѣ, присноблаженномъ и препрославленномъ во вѣки [1]).

і) Взглядъ на ученіе римской Церкви о чистилищѣ.

Въ заключеніе этого отдѣла считаемъ не лишнимъ сдѣлать сравненіе между ученіемъ православной Церкви о возможности для нѣкоторыхъ грѣшниковъ освободиться изъ узъ ада, по молитвамъ живущихъ, и ученіемъ римской Церкви о *чистилищѣ*. Послѣднее имѣетъ съ первымъ нѣкоторое сходство, хотя имѣетъ и свое отличіе.

Сходство между ученіемъ православной и ученіемъ римской Церкви мы находимъ въ основной мысли, или идеѣ. Какъ римская, такъ и православная Церковь учатъ: *вопервыхъ*, что души нѣкоторыхъ умершихъ, именно умершихъ въ вѣрѣ и съ покаяніемъ, но не успѣвшихъ при жизни принести плодовъ достойныхъ покаянія, и слѣдовательно не успѣвшихъ заслужить отъ Бога полнаго прощенія своихъ грѣховъ и самымъ дѣломъ очиститься отъ нихъ, терпятъ мученія, пока не удостоятся дѣйствительно прощенія и не очистятся; *вовторыхъ*, что для полученія прощенія и очищенія помогаютъ душамъ умершихъ молитвы

[1]) Слово по освященіи храма Святаго Духа на Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ, говоренное сентября 25 дня 1832 года.

объ нихъ живущихъ еще братій о Христѣ, милостыни и особенно приношеніе безкровной жертвы.

Несходство же мы видимъ въ частностяхъ этого ученія:

Вопервыхъ, по ученію православной Церкви, души означеннаго разряда умершихъ терпятъ мученія потому, что они, хотя и покаялись предъ кончиною, но не успѣли принести плодовъ, достойныхъ покаянія и заслужить отъ Бога полнаго прощенія грѣховъ, дѣйствительно очиститься отъ нихъ и чрезъ то освободиться отъ естественныхъ слѣдствій грѣха—наказаній; а по ученію римской Церкви, души этихъ умершихъ терпятъ въ *чистилищѣ* муки собственно потому, что не терпѣли на землѣ временнаго наказанія за грѣхи для удовлетворенія правдѣ Божіей и терпятъ именно для того, чтобы удовлетворить ей.

Вовторыхъ, по ученію православному, души очищаются отъ грѣховъ и заслуживаютъ отъ Бога помилованіе не сами собою и не чрезъ свои мученія, но по молитвамъ Церкви, силою безкровной жертвы, и эти-то молитвы не только помогаютъ страждущимъ, облегчаютъ ихъ участи, но и освобождаютъ ихъ отъ мученій (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64); а по ученію римской Церкви, души очищаются въ чистилищѣ и удовлетворяютъ правдѣ Божіей чрезъ самыя свои страданія, въ чемъ-бы они ни состояли, а молитвы церковныя только способствуютъ облегченію этихъ страданій.

«Обѣ указанныя разности въ римскомъ ученіи о чистилищѣ съ ученіемъ православнымъ о молитвахъ за умершихъ, хотя касаются частностей, тѣмъ не менѣе важны и не могутъ быть приняты, потому что обѣ несправедливы и низвращаютъ самую основную мысль догмата.

а) «Несправедлива та мысль, будто грѣшники покаявшіеся должны еще принести нѣкоторое удовлетвореніе правдѣ

Божіей за свои грѣхи, потерпѣвъ для сего какое либо временное наказаніе, и будто не претерпѣвшіе такого наказанія здѣсь должны потерпѣть его въ чистилищѣ для той же самой цѣли: полное и даже преизбыточествующее удовлетвореніе правдѣ Божіей за всѣхъ грѣшниковъ принесъ однажды навсегда Христосъ Спаситель, подъявшій на Себя и всѣ грѣхи міра, и всѣ казни за грѣхи. А грѣшники, чтобы получить отъ Бога совершенное прощеніе грѣховъ и избавиться отъ всякихъ наказаній за грѣхи, должны только усвоить себѣ заслуги Искупителя, то есть увѣровать въ Него, истинно раскаяться во грѣхахъ и принести плоды, достойные покаянія—добрыя дѣла. Слѣдовательно, если нѣкоторые грѣшники, покаявшіеся предъ своею кончиною, подвергаются по смерти мученіямъ, то потому единственно, что не успѣли еще вполнѣ усвоить себѣ заслуги Искупителя, по слабости-ли вѣры въ Него или по недостаточности покаянія, а главное—потому, что не принесли плодовъ, достойныхъ покаянія, и самымъ дѣломъ не очистились отъ грѣховъ, какъ и учитъ православная Церковь.

б) «Несправедлива и другая мысль, будто грѣшники очищаются въ чистилищѣ и удовлетворяютъ правдѣ Божіей чрезъ самыя свои мученія. Какъ-бы ни понимали огнь чистилищныхъ мученій—въ смыслѣ-ли буквальномъ или метафорическомъ,—ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя приписывать ему такихъ дѣйствій. Если это огнь вещественный, то онъ, по самой природѣ своей, не способенъ очищать душу, существо простое, отъ скверхъ духовныхъ. Если—огнь метафорическій, то есть внутренняя терзанія самой души, при постоянномъ сознаніи своихъ прежнихъ грѣховъ и глубокое сокрушеніе объ нихъ,—и это все не можетъ очищать душу въ жизни загробной, потому что тамъ нѣтъ уже мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ, ни для какого либо личнаго самоисправленія, какъ

вѣруютъ и римскіе католики. А пока человѣкъ остается во грѣхахъ, не очищеннымъ и не обновленнымъ, до тѣхъ поръ, сколько-бы ни терпѣлъ мученій, онъ не можетъ удовлетворить правдѣ Божіей одними страданіями своими и избавиться отъ этихъ неизбѣжныхъ слѣдствій грѣха (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 66).

в) «Если души нѣкоторыхъ умершихъ терпятъ въ чистилищѣ мученія потому собственно, что необходимо самимъ грѣшникамъ покаявшимся понести нѣкоторое временное наказаніе за грѣхи для удовлетворенія правдѣ Божіей, и если эти души чрезъ самыя свои мученія въ чистилищѣ дѣйствительно очищаются и удовлетворяютъ за себя Богу: то спрашивается, къ чему служатъ имъ молитвы и вообще всякое предстательство Церкви? Находящіеся въ чистилищѣ, очевидно, должны мучиться дотолѣ, пока сами собою не принесутъ требуемаго отъ нихъ удовлетворенія и не очистятся чрезъ свои мученія; если-же молитвы Церкви только ослабляютъ и облегчаютъ эти мученія, то онѣ (молитвы) не только не сокращаютъ, напротивъ еще продолжаютъ періодъ пребыванія душъ въ чистилищѣ и слѣдовательно не столько полезны, сколько вредны. Не явно ли ниспровергается этимъ основная мысль догмата о молитвѣ за умершихъ» [1]).

Указавъ на самыя *существенныя* разницы ученія римской Церкви о чистилищѣ съ православнымъ ученіемъ о молитвѣ за умершихъ, обратимъ теперь вниманіе на разницы *менѣе существенныя*, составляющія предметъ богословскихъ мнѣній. Изъ многихъ разностей послѣдняго рода приведемъ двѣ, болѣе замѣчательныя.

Вопервыхъ, по ученію православной Церкви, по смерти нѣтъ средняго разряда людей: есть только или *спасаемые*,

---

[1]) Православно-Догматическое Богословіе Макарія. Томъ II, § 259.

отходящіе на небо, или *погибающіе*, отходящіе во адъ; нѣтъ особаго средняго мѣста, гдѣ находились-бы души людей, покаявшихся предъ кончиною, за которыхъ молится Церковь: всѣ онѣ также отходятъ во адъ, откуда могутъ освобождаться только по молитвамъ Церкви (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64. Посл. вост. Патріарховъ о прав. вѣрѣ, чл. 18). Между тѣмъ большинство римскихъ богослововъ принимаютъ чистилище за особое—среднее мѣсто, которое помѣщаютъ то въ сосѣдствѣ ада—во внутренности земли, то въ сосѣдствѣ неба, то на воздухѣ,—хотя другіе признаютъ чистилище только за особое состояніе душъ, а не за особое мѣсто. Въ послѣднемъ случаѣ души могутъ нести свое временное наказаніе и очищаться въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ находятся и осужденные на вѣчныя муки (то есть во адѣ). Это можно уподобить тому, какъ въ одной и той-же темницѣ могутъ быть заключены люди двоякаго рода—и осужденные на заключеніе только до извѣстнаго времени, и осужденные навсегда.

Вовторыхъ, ученіе православной Церкви рѣшительно отвергаетъ чистилищный огонь, огонь въ собственномъ смыслѣ, будто-бы очищающій души (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 66). Между тѣмъ очень многіе римскіе богословы принимаютъ этотъ огонь за дѣйствительный и вещественный (въ самой массѣ народа римскаго исповѣданія это вѣрованіе можно считать общепринятымъ) и въ доказательство своего ученія стараются собирать изъ Св. Писанія и изъ писаній древнихъ учителей Церкви мѣста, въ которыхъ, повидимому, упоминается о такомъ огнѣ. Другіе же римскіе богословы напротивъ того понимаютъ чистилищный огонь въ смыслѣ не собственномъ, принимая его за духовныя мученія и присовокупляя, что сами древніе учители имѣли объ этомъ огнѣ только *мнѣнія* и притомъ мнѣнія *различныя*. Наконецъ третьи богословы римскіе

вообще замѣчаютъ, что Церковь ихъ же опредѣлила, въ чемъ состоитъ чистилищный огонь—вещественный-ли онъ или не вещественный, и потому понимать его такъ или иначе—не относится къ вѣрѣ.

Допущеніе чистилища вызываетъ еще много другихъ вопросовъ, каковы напр.: долго-ли находятся въ немъ души и всѣ-ли одинаковое время; наказанія, испытываемыя ими тамъ, сильнѣе-ли наказаній настоящей жизни и слабѣе-ли адскихъ; молятся-ли тамъ души за самихъ себя и за насъ, еще живущихъ; упражняются-ли онѣ тамъ въ добрыхъ дѣлахъ и т. п. Мнѣнія по этимъ вопросамъ весьма различны, и сами римскіе богословы не придаютъ имъ почти никакой цѣны.

Примѣчаніе. Римско-католики основываютъ свое ученіе о чистилищѣ на слѣдующихъ мѣстахъ Писанія.

а) Іуда Маккавей принесъ очистительныя жертвы за своихъ соотечественниковъ, павшихъ въ битвѣ за свой грѣхъ. Но здѣсь идетъ дѣло о принесеніи жертвъ *живыми* за умершихъ, а не о перемѣнѣ умершими своего состоянія при помощи наказаній въ загробной жизни.

б) Св. Апостолъ Петръ говоритъ о преисподней, или о *темницѣ духовъ* (1 Петр. III, 19). Но это мѣсто относится исключительно къ положенію ветхозавѣтныхъ праведниковъ, находившихся во адѣ, какъ бывшемъ единственномъ мѣстѣ обитанія ихъ, ничего не говоря объ удовлетвореніи правдѣ Божіей.

в) *Каждаго дѣло обнаружится, ибо день покажетъ; потому что въ огнѣ открывается, и огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть. А у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ, впрочемъ самъ спасется, но такъ какъ-бы изъ огня* (1 Кор. III, 13, 15). Здѣсь св.

Апостолъ Павелъ говоритъ объ участи ученія и дѣлъ служителей проповѣди, имѣющихъ получить мзду по своему труду (—ст. 18). Если ученіе и дѣла каждаго назидающаго на основаніи, которое есть Христосъ, будутъ плодотворны, то они будутъ чисты, какъ золото или серебро отъ огня; а если не хороши, то сгорятъ, какъ дрова, сѣно, хворостъ, т. е. уничтожатся. Подъ днемъ (ст. 13) разумѣется день обыкновенной жизни, въ который обнаружится состоятельность или несостоятельность ученія и дѣлъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Первый періодъ загробной жизни.

Загробная жизнь есть продолженіе настоящей земной жизни, только въ новой сферѣ, при совершенно иныхъ, новыхъ условіяхъ. Она есть дальнѣйшее продолженіе въ вѣчность нравственнаго развитія добра—истины или зла—лжи. Переходя за гробъ душа уноситъ съ собою все, что принадлежитъ ей: всѣ наклонности, привычки добрыя и худыя, всѣ страсти, съ которыми она сроднилась и сжилась, сопровождаютъ ее и за гробъ. И какъ на землѣ жизнь или приближаетъ человѣка къ Богу или отдаляетъ его отъ Бога, такъ и за гробомъ однѣ души пребываютъ съ Богомъ и въ Богѣ, а другія—въ удаленіи отъ Него, однѣ переходятъ въ мѣсто блаженства, а другія—въ мѣсто мученія.

Первый періодъ загробной жизни человѣка начинается тотчасъ по разлученіи души его съ тѣломъ на землѣ и будетъ продолжаться до возсоединенія ея съ воскресшимъ тѣломъ, для полученія воздаянія за земную жизнь. Въ этотъ періодъ загробнаго бытія для нѣкоторыхъ душъ есть еще

возможность избавленія отъ адскихъ мукъ до наступленія страшнаго суда, какъ это раскрыто нами въ предыдущемъ отдѣлѣ.

1. Состояніе умершихъ вообще.

Каково будетъ состояніе душъ въ загробной жизни до всеобщаго воскресенія? Состояніе это не будетъ во-первыхъ, *безсознательное* или *сонное*, какъ утверждали и утверждаютъ не признающіе личнаго безсмертія души. Такое утвержденіе съ одной стороны противорѣчитъ понятію о душѣ, которая хотя и находится въ тѣсной связи съ тѣломъ, однако отнюдь не находится въ такой зависимости отъ него, чтобы безъ него не могла сознавать себя; изъ опыта извѣстно напротивъ, что душа сознаетъ себя тѣмъ глубже и яснѣе, чѣмъ тонѣе и слабѣе союзъ ея съ тѣломъ. А съ другой стороны это утвержденіе противно и Священному Писанію, которое учитъ, что сейчасъ же по смерти человѣка ожидаетъ частный судъ, а послѣ него слѣдуетъ ощущеніе, или блаженства, или мученія. Это ясно видно изъ притчи Христа Спасителя о богатомъ и Лазарѣ: «Лазарь—говоритъ Авраамъ богачу—здѣсь *утѣшается*, а ты *страдаешь*» (Лук. XVI, 25). Утѣшеніе же и страданіе въ состояніи безсознательномъ невозможно.

Но во-вторыхъ, несомнѣнно и то, что продолжая жить сознательною жизнію, душа не будетъ уже имѣть въ загробной жизни полной самостоятельности, не въ состояніи будетъ начать тамъ свободно новаго ряда дѣйствій, принять и усвоить новый образъ мыслей и чувствованій, вообще измѣнить себя радикально, явиться совсѣмъ другою, нежели каковою она была въ настоящей жизни: въ ней будетъ только раскрываться начатое здѣсь. Загробная жизнь

будетъ только продолженіемъ жизни, а не началомъ ея. Тамъ будутъ для человѣка только новыя, не здѣшнія условія существованія, но не дано будетъ ему новаго существа для того, чтобы начать совершенно новую жизнь, независимую отъ земной жизни. Вотъ почему послѣ смерти нѣтъ ни покаянія, ни исправленія. Да иначе это и быть не можетъ. Вѣдь полная самостоятельность души обусловливается тѣломъ, какъ составною частію человѣка въ качествѣ самосознающей личности; а затѣмъ если бы послѣ смерти была возможность исправленія, въ такомъ случаѣ настоящая жизнь не имѣла бы никакой цѣли и цѣны по отношенію къ жизни будущей. Настоящая жизнь есть время сѣянія, а будущая—только жатва, какъ объ этомъ учитъ и Священное Писаніе: *что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную* (Галат. VI, 7, 8). Каковъ посѣвъ, такова и жатва,—законъ общій и неизмѣнный какъ для естественной, такъ и для духовно-нравственной жизни. *Собираютъ-ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы* (Матѳ. VII, 16). Въ притчѣ Господа Іисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ, загробная жизнь поставляется въ неразрывную связь съ земною жизнію: «чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь злое: нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь» (Лук. XVI, 25),—еслибы, то есть ты жилъ иначе тамъ, то иная была бы твоя участь здѣсь. Съ другой стороны эта же притча говоритъ намъ и о безплодности поздняго раскаянія за гробомъ: богачъ не можетъ ничего сдѣлать самъ для облегченія своихъ страданій и обращается для этого къ чужому посредству, хотя тоже тщетно.

Въ третьихъ, состояніе душъ въ загробной жизни не будетъ состояніе *безразличное* и *неопредѣленное*, состоя-

ніе одного празднаго ожиданія и мертвой бездѣйственности. Такое состояніе немыслимо уже само по себѣ въ живой и самосознающей душѣ; затѣмъ въ такомъ случаѣ оказывался бы ненужнымъ частный судъ, предрѣшающій участь каждой души. Напротивъ того изъ притчи Іисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ мы видимъ, что богачъ терпѣлъ мученіе въ адѣ, а Лазарь утѣшался на лонѣ Авраамовомъ.

Однако въ четвертыхъ, состояніе по смерти не будетъ также и *рѣшительное* и *совершенное*. Рѣшительное и окончательное опредѣленіе на цѣлую вѣчность будетъ произнесено на послѣднемъ судѣ, и полнота какъ блаженства, такъ и мученія, настанетъ уже тогда, когда души вновь соединятся съ тѣлами, потому что безъ тѣла человѣкъ не есть полный человѣкъ: тогда каждый получитъ соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое (2 Кор. V, 10). Поэтому въ Апокалипсисѣ говорится, что души святыхъ, хотя и теперь уже вкушаютъ блаженство предъ престоломъ Агнца, однако не чужды еще и скорби о братіяхъ своихъ, подвизающихся подъ крестомъ въ Церкви воинствующей, слѣдовательно не наслаждаются еще полнымъ блаженствомъ (Апок. XI, 18). «Вѣруемъ, что души умершихъ блаженствуютъ или мучатся смотря по дѣламъ своимъ. Разлучившись съ тѣлами, онѣ тотчасъ переходятъ или къ радости или къ печали и скорби, впрочемъ не чувствуютъ ни совершеннаго блаженства, ни совершеннаго мученія. Ибо совершенное блаженство или совершенное мученіе каждый получитъ по общемъ воскресеніи, когда душа соединится съ тѣломъ, въ которомъ жила добродѣтельно или порочно» (Посл. восточн. патріарховъ о прав. вѣрѣ, чл. 18).

Св. Іоаннъ Златоустъ, изобразившій блаженное состояніе на небеси души св. Филогона, посреди ангеловъ и святыхъ, предъ лицемъ самого Бога, въ другихъ мѣстахъ ясно учитъ: «Богъ уготовалъ любящимъ Его то, чего око

не видѣло, ухо не слышало и что на сердце человѣку не восходило; но они еще не получили, а ожидаютъ, почивши въ толикой скорби. Сколько протекло лѣтъ, какъ они побѣдили, а еще не получили уготованнаго: и вамъ-ли печалиться, когда вы еще сражаетесь? Помыслите, что вы, и сколько сидѣть Аврааму и Апостолу Павлу ожидающимъ, когда ты достигнешь совершенства, чтобы имъ тогда можно было получить мзду? Что сотворилъ Авель, который прежде всѣхъ побѣдилъ и сидитъ неувѣнчаннымъ? Что—Ной?.. Видишь-ли провидѣніе Божіе? Не сказалъ Апостолъ, да не безъ насъ увѣнчаются, но—*да не безъ насъ совершенство пріимутъ*» (Евр. XI, 40) [1]). И еще: «Хотя душа по смерти пребываетъ, и пусть будетъ она безконечно безсмертна, каковою подлинно и есть, но безъ плоти она не получитъ тѣхъ неизглаголанныхъ благъ, равно какъ и не будетъ наказана. Ибо все откроется предъ судомъ Христовымъ, *да воспріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла*» (2 Кор. V, 10) [2]).

2. Состояніе умершихъ въ частности.

Изъ временной жизни въ вѣчную переселяются души двоякаго рода—души людей добродѣтельныхъ и души людей порочныхъ. Вслѣдствіе этого въ будущей жизни возможны только *два* состоянія—состояніе блаженное и состояніе мучительное. Это видно изъ Свящ. Писанія, которое нигдѣ не указываетъ намъ какого-либо средняго мѣста между раемъ и адомъ и ясно учитъ, что тамъ возможна только двоякая жертва: *отъ плоти тлѣніе—и отъ духа—жизнь*

[1]) Бесѣда XXVIII на посланіе къ Евреямъ.
[2]) Бесѣда XXXIX на 1-е посл. къ Коринѳянамъ.

вѣчная (Галат. VI, 8). Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что, по различію и многообразію степеней нравственнаго совершенства и порочности людей, и степени блаженства и мученія различны и многообразны, находясь въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ первыми. Это необходимо требуется понятіемъ о совершеннѣйшемъ правосудіи Бога Мздовоздаятеля.

а) Состояніе святыхъ.

Состояніе душъ праведныхъ на небѣ и ихъ блаженство, хотя, безъ сомнѣнія, неодинаковое, соотвѣтственно заслугамъ каждаго, состоитъ:

въ покоѣ или успокоеніи отъ трудовъ (Евр. IV, 3 11; Апок. XIV, 13);

въ непричастности никакимъ печалямъ и страданіямъ (Апок. VII, 16, 17);

въ возлежаніи и слѣдовательно въ ближайшемъ общеніи съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ и прочими святыми (Матѳ. VIII, 11; Лук. VIII, 28, 29);

во взаимномъ общеніи съ тьмами ангеловъ (Евр. XII, 22, 23; Лук. XVI, 22);

въ стояніи предъ престоломъ Агнца, въ прославленіи Его и служеніи Ему (Апок. VII, 9—17);

въ сожитіи (Іоан. XIV, 3, Филип. I, 26) и соцарствованіи со Христомъ (2 Тим. 11, 12);

въ лицезрѣніи Бога (1 Кор. XIII, 12; 2 Кор. V, 8; Евр. XII, 14).

«Ты, божественная и священная глава,—взываетъ св. Григорій Богословъ въ надгробномъ словѣ брату своему Кесарію,—вниди въ небеса, успокойся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ (что ни знаменовали-бы оныя), узри ликъ ангеловъ, славу и великолѣпіе блаженныхъ, или лучше, составь съ ними одинъ ликъ и возвеселись... И да предстоишь великому Царю, исполняясь горняго свѣта, отъ котораго и мы, пріявъ малую струю, сколько можетъ изобразиться въ зерцалѣ и гаданіяхъ, да взойдемъ наконецъ къ Источнику блага, чистымъ умомъ созерцать чистую истину и за здѣшнее ревнованіе о добрѣ, обрѣсти ту награду, чтобы насладиться совершеннѣйшемъ обладаніемъ и созерцаніемъ добра въ будущемъ»!—И вскорѣ затѣмъ, въ другомъ надгробномъ словѣ—сестрѣ своей Горгоніи, говорилъ къ ней: «Я увѣренъ, что гораздо лучше и превосходнѣе видимаго твое настоящее состояніе—гласъ празднующихъ, веселіе ангеловъ, небесный чинъ, видѣніе славы, а паче всего чистѣйшее и совершеннѣйшее осіяніе всевышней Троицы, уже не сокрывающейся отъ ума, какъ связаннаго и разсѣеваемаго чувствами, но всецѣло цѣлымъ умомъ созерцаемой и пріемлемой, и озаряющей наши души полнымъ свѣтомъ Божества. Ты наслаждаешься всѣми тѣми благами, которыхъ потоки достигали до тебя еще и на землѣ, за искреннее твое къ нимъ стремленіе» [1]).

Впрочемъ, хотя души праведныхъ, послѣ частнаго суда, отходятъ на небо, и удостоиваются блаженства, но это блаженство ихъ не есть еще полное и совершенное, а только предначатіе вѣчнаго блаженства.

Св. Григорій Богословъ, вслѣдъ затѣмъ, какъ выразилъ такое сильное благожеланіе скончавшемуся брату своему Кесарію—внити въ небеса, упокоиться въ нѣдрахъ Авраама, возвеселиться въ ликѣ ангеловъ и блаженныхъ душъ и предстоять предъ Царемъ небеснымъ,—продолжаетъ: «Для меня убѣдительны слова мудрыхъ, что всякая добрая и боголюбивая душа, какъ скоро, по разрѣшеніи отъ сопря-

---

[1]) Твор. св. Отецъ I, 258, 288.

женнаго съ нею тѣла, освободится отселѣ, приходитъ въ состояніе чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищеніи, или по отложеніи (или еще, не знаю, какъ выразить) того, что ее омрачало, услаждается чуднымъ какимъ-то услажденіемъ, веселится и радостно шествуетъ къ своему Владыкѣ; потому что избѣгла здѣшней жизни, какъ несноснаго узилища, и свергла съ себя лежащія на ней оковы, которыми крыла ума влеклись долу. Тогда она въ видѣніи какъ-бы уже пожинаетъ уготованное ей блаженство. А потомъ и соприрожденную себѣ плоть, съ которою упражнялась здѣсь въ любомудріи, отъ земли, ее давшей и потомъ сохранившей, воспріявъ непонятнымъ для насъ образомъ и извѣстнымъ только Богу, ихъ соединившему и разлучившему,—вмѣстѣ съ нею вступаетъ въ наслѣдіе грядущей славы» [1]).

«Награда на судѣ (послѣднемъ), безъ сомнѣнія, получитъ приращеніе. Ибо праведники нынѣ только по душѣ наслаждаются; а тогда и по тѣлу будутъ наслаждаться блаженствомъ, будутъ радоваться и въ томъ тѣлѣ, въ которомъ они переносили болѣзни и мученія за Господа. Объ этой сугубой славѣ писано: *на земли своей сугубая стяжутъ* (Исаіи LXI, 7). О душахъ же святыхъ, пребывающихъ на небѣ до дня воскресенія, написано: *даны быша коемуждо ихъ ризы бѣлы, и речено бысть имъ, да почіютъ еще время мало, дондеже скончаются и клеврети ихъ, и братія ихъ* (Апок. VI, 11)... Праведники нынѣ сіяютъ только славою душъ, а тогда возрадуются славою души и тѣла [2])».

[1]) Тамъ-же, стр. 262—263.

[2]) Св. Григорій Двоесловъ, Бесѣда IV, гл. 25.

б) Состояніе грѣшниковъ.

Какъ праведники, вдругъ по смерти тѣла и частномъ судѣ надъ ними, восходятъ душами своими на небо и удостоиваются блаженства, точно такъ же грѣшники отходятъ душами своими во адъ—мѣсто печали и скорби.

Мученія грѣшниковъ во адѣ состоятъ въ томъ, что они—удалены отъ *свѣта* лица Божія (Матѳ. VII, 23) и заключены въ *темницу духовъ* (1 Петр. III, 18),—а одно это отверженіе отъ Бога есть уже величайшее наказаніе; лишены участія въ царствіи небесномъ, въ блаженствѣ праведниковъ, и ввержены во *тьму кромѣшную* (Матѳ. XXII, 13); чувствуютъ угрызенія совѣсти за свои грѣхи, которая терзаетъ ихъ непрестанно, какъ *червь неумирающій* (Марк. IX, 44); находятся въ сообществѣ злыхъ, отверженныхъ духовъ; наконецъ терпятъ разныя положительныя муки (Лук. XVI, 23; Матѳ. XXII, 13 и друг.).

Должно впрочемъ помнить, что, во-первыхъ, мученія грѣшниковъ во адѣ неодинаковы, а соразмѣрны преступленіямъ каждаго, и что, во-вторыхъ, эти неодинаковыя мученія ихъ послѣ частнаго суда не суть мученія полныя и совершенныя, а только предначинательныя.

Св. Аѳанасій Великій говоритъ: «Самая радость, которую ощущаютъ теперь души Святыхъ, есть наслажденіе частное, какъ и печаль грѣшниковъ есть наказаніе частное. И какъ, когда царь призываетъ друзей своихъ, чтобы раздѣлить съ ними трапезу, равно и осужденныхъ, чтобы наказать ихъ, то званные на вечерю даже до часа вечери пребываютъ въ радости предъ домомъ царя, и осужденные, бывъ заключены въ темницѣ, доколѣ не придетъ царь, предаются печали: такъ должно думать и о душахъ правед-

никовъ и грѣшниковъ, нынѣ переселившихся туда отъ насъ [1])».

Св. Амвросій: «Пока ожидается исполненіе времени, души (умершихъ) ожидаютъ себѣ должнаго воздаянія. Однихъ ждетъ наказаніе, другихъ награда,—и однакожъ ни тѣ не остаются безъ страданія, ни эти безъ наслажденія [2])».

3) Мѣстопребываніе праведниковъ и грѣшниковъ.

Мѣсто, куда, отходятъ души праведниковъ послѣ частнаго суда, какъ въ Священномъ Писаніи, такъ и въ писаніяхъ святыхъ Отцевъ называется: *раемъ* (Лук. XXIII, 43), *лономъ Авраама* (Лук. XVI, 32), *царствіемъ небеснымъ* (Матѳ. V, 3, 10; VIII, 11), *царствіемъ Божіимъ* (Лук. XIII, 28, 29; Матѳ. VI, 33; 1 Кор. XV, 50), *домомъ Отца* небеснаго (Іоан. XIV, 2), *градомъ Бога живаго, Іерусалимомъ небеснымъ* (Евр. XII, 22; Галат. IV, 26).

Какимъ бы кто именемъ изъ числа упомянутыхъ ни назвалъ это мѣсто, по ученію православной Церкви, онъ не погрѣшитъ,—только бы зналъ, что души скончавшихся праведниковъ пребываютъ въ благодати Божіей и, какъ гласятъ церковныя пѣсни *на небеси* (Прав. Испов. ч. I, отвѣтъ на вопр. 67).

Мнѣніе о нѣкоторомъ различии между раемъ, лономъ Авраама и самымъ небомъ было мнѣніемъ немногихъ.

Мѣсто, куда отходятъ души грѣшниковъ послѣ частнаго суда, въ Свящ. Писаніи и въ писаніяхъ древнихъ учителей Церкви называется: *адомъ* (Лук. XVI, 23; Дѣян. II, 51),

[1]) Посланіе къ Антіоху. Отвѣтъ на вопр. 20, въ Христ. Чтеніи 1842 г., II, 224.

[2]) О благѣ смерти, глава 10.

тьмою кромѣшною (Матѳ. XXII, 13; XXV, 30, 46), *темницею духовъ* (1 Петр. III, 18), *бездною* (Лук. VIII, 31), *преисподнею* (Филип. II, 11), *геенною* (Матѳ. V, 22; X, 28), *пещію огненною* (Матѳ. XIII, 50; Лук, XII, 2) и другими именами, которыя впрочемъ всѣ выражаютъ одну мысль, что мѣсто для отшедшихъ отсюда во грѣхахъ, есть мѣсто осужденія и гнѣва Божія (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 68).

Гдѣ именно находится мѣсто мученія грѣшниковъ—адъ, объ этомъ были только мнѣнія. Само слово Божіе оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Этотъ вопросъ, наравнѣ съ другими вопросами: гдѣ престолъ Божій? когда и какъ совершится кончина міра? и проч.—принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣковѣчныхъ вопросовъ, которые искони занимали и занимаютъ пытливый умъ человѣческій и для рѣшенія которыхъ онъ употребляетъ всѣ свои усилія... Но теперь, когда мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, и когда знаемъ все только отчасти (1 Кор. XIII, 12), многое и на небѣ, и на землѣ, должно навсегда оставаться для насъ неразгаданнымъ и неразрѣшимымъ.

Одни, на основаніи словъ Писанія (Числ. XVI, 30—34; Іезск. XXVI, 20; XXXI, 18 и др.), представляли себѣ адъ во внутренности или чрезвычайной глубинѣ земли, въ преисподней (самое слово *адъ*—греческое—означаетъ низменное, весьма глубокое мѣсто). Другіе, какъ напр. св. Іоаннъ Златоустъ, полагали, что геенна находится внѣ міра. «Ты спрашиваешь: въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? По моему мнѣнію, гдѣ-нибудь внѣ всего этого міра. Какъ царскія темницы и рудокопни бываютъ вдали, такъ и геенна будетъ гдѣ-нибудь внѣ этой вселенной [1])».—Но всего лучше помнить здѣсь слова того же Златоуста: «Спрашиваешь,

[1]) На посланіе къ Римлянамъ бесѣда XXXI, стр. 703 по русскому переводу.

гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до этого за дѣло? Нужно знать, что она *есть*, а не то, *гдѣ* и въ какомъ мѣстѣ скрывается... И такъ будемъ доискиваться не о томъ, гдѣ она, но какъ избѣжать ея [2])».

Впрочемъ, св. Златоустъ, не одобряя одно *любопытство* при опредѣленіи мѣста аду, не только не воспрещаетъ тѣхъ размышленій и изысканій объ адѣ, которыя приводятъ къ страху Божію и уклоненію отъ зла, но и завѣщаваетъ непрестанно погружаться въ нихъ, непрестанно имѣть предъ очами геенну огненную, ожидающую беззаконниковъ (Слово 1-е о покаяніи къ Димитрію). Во времена послѣ св Златоуста Церковь выразила свое мнѣніе о мѣстонахожденіи ада во внутренности земли со всею опредѣленностію, каковое мнѣніе и огласила и оглашаетъ священными пѣснопѣніями и чтеніями во всеуслышаніе и наученіе вѣрующихъ. Да это мнѣніе не противорѣчитъ притомъ и мнѣнію самого св. Златоуста о мѣстонахожденіи ада внѣ вселенной, напротивъ того подтверждаетъ его: какой можетъ быть болѣе удобный способъ скрыть адъ отъ взоровъ вселенной, какъ не помѣщеніе его въ нѣдрахъ земли?

И такъ адъ помѣщается во внутренности земли. Богъ, произнося опредѣленіе Адаму при изгнаніи его изъ рая, сперва исчислилъ земныя казни преступнику райской заповѣди, потомъ возвѣстилъ, что этимъ казнямъ Адамъ будетъ подвергаться дотолѣ, пока не возвратится въ землю, изъ которой онъ взятъ. *Земля еси*, сказалъ ему Господь, *и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Здѣсь не сказано, что онъ пойдетъ въ землю однимъ тѣломъ: приговоръ изреченный, дерзнувшему возстать противъ Бога, страшнѣе, нежели какимъ онъ представляется для легкаго, поверхностнаго взгляда [1]).

---

²) Тамъ же, стр. 702, 703. Сл. *Августина*. О градѣ Божіемъ XX, 16.

¹) *Земля еси, и въ землю отъидеши*. Святая Церковь относитъ этотъ приговоръ Божій преимущественно къ душѣ человѣка, который за преступленіе

Праведники ветхаго завѣта постоянно признавали земныя нѣдра мѣстомъ ада. *Съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю* (шеолъ—адъ), говорилъ св. патріархъ Іаковъ, когда ему принесли ложную вѣсть о кончинѣ любимаго сына его, Іосифа (Быт. XXXVII, 35). *Оставь, отступи отъ меня, чтобы я немного ободрился*,—умоляетъ Бога праведный многострадальный Іовъ, —*прежде нежели отойду,—и уже не возвращуся, въ страну тьмы и сѣни и смертной, въ страну мрака, каковъ есть мракъ тѣни смертной, гдѣ нѣтъ устройства, гдѣ темно, какъ самая тьма* (Іов. X, 20—22). Св. пророкъ Моисей, объявляя народу гнѣвъ Божій на Корея и его сообщниковъ, сказалъ: *Если они умрутъ, какъ умираютъ всѣ люди, и постигнетъ ихъ такое наказаніе, какое постигаетъ всѣхъ людей, то не Господь послалъ меня. А если Господь сотворитъ необычайное, и земля разверзетъ уста свои и поглотитъ ихъ (и домы ихъ и шатры ихъ) и все, что у нихъ, и они живые сойдутъ въ преисподнюю: то знайте что люди сіи презрѣли Господа. Лишь только онъ сказалъ слова сіи*,—продолжаетъ повѣтствовать Писаніе,—*разсѣлась земля подъ ними, и разверзла земля уста свои, и поглотила ихъ... и сошли они со всѣмъ, что принадлежало имъ, живые въ преисподнюю* (Числ.

заповѣди Божіей обреченъ на погребеніе въ землѣ и тѣломъ, и душею. Приговоръ падаетъ всею тяжестію на душу, которая, и по разлученіи съ тѣломъ, сохраняетъ при себѣ способности мышленія и ощущенія, которая одна чувствуетъ на себѣ дѣйствіе приговора: тѣло, по разлученіи его отъ души, покоится въ рѣшительномъ нечувствіи. (Тропарь 2-й, пѣсни 5-ой канона на утрени въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ). Св. Аѳанасій Великій, въ Словѣ на Пасху, говоритъ: „Человѣческое естество, соединенное съ Божескимъ (въ лицѣ Спасителя), привело въ трепетъ преисподнюю. Воскликнулъ адъ въ срѣтеніе Похитителю умершихъ: Зачѣмъ Ты извращаешь опредѣленіе, сдѣланное Тобою же въ раю? Зачѣмъ расторгаешь рукописаніе, написанное и скрѣпленное противъ естества человѣческаго? Я знаю опредѣленіе, справедливо произнесенное на человѣковъ: *Земля еси, и въ землю отъидеши*".

XVI, 29—33). Пророкъ Давидъ воспѣваетъ Господу: *Велика милость Твоя ко мнѣ; Ты избавилъ душу мою отъ ада преисподняго* (Псал. LXXXV, 13). Когда душа св. пророка Самуила была вызвана волшебницею, по просьбѣ царя израильскаго Саула, для совѣщанія о предстоявшей битвѣ съ врагами, то волшебница, увидѣвъ эту душу сказала: *Выходитъ изъ земли мужъ престарѣлый, одѣтый въ длинную одежду. Тогда узналъ Саулъ, что это Самуилъ* (1 Цар. XXVIII, 14). Пророкъ Исаія говоритъ о царѣ Вавилонскомъ: *Ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней* (Исаіи XIV, 15). Подобно этому выражается о царѣ Вавилонскомъ, отъ лица Божія, пророкъ Іезекіиль. *Шумомъ паденія его Я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю, къ отшедшимъ въ могилу, и обрадовались въ преисподней странѣ всѣ дерева Едема... Теперь наравнѣ съ деревами Едемскими ты будешь низведенъ въ преисподнюю* (Іезек. XXXI, 16, 18). Возвѣщая о Своемъ нисшествіи во адъ душею Своею и неразлучнымъ съ нею Божествомъ, Богочеловѣкъ сказалъ: *Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи* (Матѳ. XII, 40). Объясняя слова Спасителя, блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій говоритъ, что Господь исполнилъ это предсказаніе Свое, «сошедъ въ преисподнюю земли до ада». Господь, по словамъ св. Апостола Павла, *нисходилъ въ преисподнія мѣста земли* (Ефес. IV, 9), а по словамъ св. Апостола Петра *находящимся въ темницѣ духамъ сошедши проповѣдалъ* (1 Петр. III, 19). «Обоженная душа Христова—говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ—нисходитъ во адъ для того, чтобы какъ живущимъ на землѣ возсіяло Солнце правды, такъ и для сидящихъ *подъ землею* во тьмѣ и сѣни смертной возсіялъ свѣтъ» (Точное изложеніе прав. вѣры, кн. III, гл. 29). Въ XIV огласительномъ поученіи св. Кирилла Іерусалимскаго читаемъ: «Господь нашъ Іисусъ

Христосъ во Евангеліи сказалъ: *Какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три ночи, такъ и Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи* (Матѳ. XII, 40). Разсматривая повѣсть объ Іонѣ, мы находимъ въ ней дѣйствіе очень подобное дѣйствію Іисуса. Іисусъ былъ посланъ проповѣдывать покаяніе: и Іона *послася* (Іон. I, 2; III, 2). Но онъ бѣжалъ, не вѣдая будущаго: Іисусъ же добровольно пришелъ на покаяніе спасительное... Іона былъ ввергнутъ во чрево китово: Іисусъ же сошелъ волею туда, гдѣ былъ мысленный китъ, чтобъ смерть извергла пожранныхъ ею, по сказанному въ Писаніи: *Отъ власти ада Я искуплю ихъ, отъ смерти избавлю ихъ* (Осіи XIII, 14). Іона изъ чрева китова молился, говоря: *Къ Господу воззвалъ я въ скорби моей, изъ чрева преисподней я возопилъ* (Іон. II, 3). Это говорилъ онъ, еще находясь въ китѣ. Но, находясь въ китѣ, онъ говорилъ о себѣ, что находится *въ преисподней (во адѣ)*; потому что онъ былъ предъ изображеніемъ Христа, долженствовавшаго низойти во адъ. Нѣсколько далѣе, очень явственно, пророчествуя, онъ сказалъ отъ лица Христова: *Попре глава моя въ разсѣлины горъ* (Іон. II, 6). Если онъ былъ во чревѣ китовѣ, то какія тамъ горы? Знаю это, отвѣчаетъ онъ; но я служу образомъ Того, Кто будетъ положенъ въ изсѣченномъ каменномъ гробѣ. Находясь въ морѣ, Іона говоритъ: *До основанія горъ я нисшелъ, земля своими запорами на вѣкъ заградила меня* (Іон. II, 7); потому что онъ носилъ образъ Христа, *нисшедшаго въ землю*».—Подобнымъ образомъ св. Епифаній Кипрскій указываетъ со всею ясностію и опредѣленностію мѣстонахожденіе ада во внутренности земли, описывая въ Словѣ своемъ на Великую Субботу спасеніе людей Богочеловѣкомъ. Вотъ выдержки изъ этого Слова:

«Отчего толикое безмолвіе на землѣ? Что значитъ это безмолвіе и молчаніе великое? Безмолвіе великое: Царь погрузился въ сонъ. Земля убоялась и замолкла, потому что Богъ во плоти уснулъ. Богъ во плоти уснулъ, и *адъ* ужаснулся. Богъ уснулъ на краткое время—и спящихъ издревле, отъ Адама, воскресилъ. Нынѣ спасеніе сущимъ на землѣ и отъ вѣка сущимъ *подъ землею*; нынѣ спасеніе всему міру—и видимому, и невидимому. Нынѣ сугубое пришествіе Христово, сугубое промышленіе, сугубое человѣкамъ посѣщеніе: Богъ приходитъ съ небеси на землю, съ земли *подъ землю*. Врата *ада* отворяются, и вы, спящіе отъ вѣка, возрадуйтеся. Сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной, свѣтъ великій пріимите: съ рабами Господь, съ мертвыми Богъ, съ умершими Жизнь, съ находящимися во тьмѣ свѣтъ невечерній, съ плѣненными Свободитель, съ *преисподними* Сый превыше небесъ. Христосъ между мертвыми: снидемъ туда съ Нимъ, да познаемъ тайны этой страны, да познаемъ тайну Божію *подъ землею* и разумѣемъ чудеса Господни; да научимся, какую благовѣствуетъ Господь проповѣдь сущимъ *во адѣ* и что со властію повелѣваетъ связаннымъ. Изыдите, вѣщаетъ, сущіи во тьмѣ, и просвѣтитеся; изыдите и возстаните, лежащіи. И тебѣ повелѣваю, Адаме: возстани, спяй. Я не для того сотворилъ тебя, чтобъ ты остался связаннымъ *во адѣ*: воскресни отъ мертвыхъ. Я—животъ человѣковъ и воскресеніе. Для тебя Богъ твой былъ сынъ твой. Для тебя Я, Господь твой, принялъ образъ раба. Для тебя Сущій превыше небесъ, Я пришелъ на землю и *подъ землю*. Возстань и изыди отсюду. Возстаньте, идите отсюда: изъ тьмы въ вѣчный свѣтъ, отъ страданій къ веселію. Возстаньте, идите отсюда: изъ рабства въ свободу, изъ *темницы* въ горній Іерусалимъ, изъ узъ къ Богу, *изъ-подъ земли* на небо».

Въ торжественныя службы Великой Субботы и Святой

Пасхи Церковь, празднуя и воспѣвая спасеніе людей пострадавшимъ за насъ Богочеловѣкомъ, поправшимъ смертію смерть, сокрушившимъ врата и заклепы адовы, воскресившимъ человѣчество въ Себѣ и съ Собою, съ особенною ясностію выражаетъ свое мнѣніе о мѣстонахожденіи какъ ада, такъ и рая. Церковь не занимается собственно изысканіемъ, гдѣ адъ и гдѣ рай; но, славословя Господа и говоря объ адѣ и раѣ, по необходимости, хотя и мимоходно, высказываетъ свое мнѣніе о мѣстѣ ихъ, говоритъ объ этомъ какъ о предметѣ общеизвѣстномъ. Величественное пѣснопѣніе на утрени Великой Субботы, послѣ прочтенія шестопсалмія и великой ектеніи, начинается съ двухъ глубокоумилительныхъ и вмѣстѣ изящно-поэтическихъ тропарей, изъ которыхъ въ первомъ воспѣвается погребеніе Господа, а во второмъ нисшествіе Его во адъ.

«Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ и вонями, во гробѣ новѣ покрывъ положи».

«Егда *снисшелъ еси* къ смерти, Животе безсмертный, тогда *адъ* умертвилъ еси блистаніемъ Божества, егда же и умершія отъ *преисподнихъ* воскресилъ еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче Христе, Боже нашъ, слава Тебѣ!»

Послѣ этого всѣ священнослужащіе выходятъ съ возжженными свѣчами на средину храма, становятся предъ плащаницею и начинаютъ возглашать такъ называемыя *похвалы* Господу, соединяя ихъ со стихами 118-го псалма. Выписываемъ изъ этихъ похвалъ тѣ, въ которыхъ съ наибольшею ясностію упоминается о томъ, что адъ находится внутри земли.

«Зашелъ еси *подъ землю* Свѣтоносецъ правды и мертвыя якоже отъ сна воздвиглъ еси, отгнавъ всякую тьму,

сущую *во адѣ*» (похвала къ 56-му стиху 118-го псалма).

«Землю содержай дланію, умерщвленъ плотію, *подъ землею* нынѣ *содержится*, мертвыя избавляя *адова* содержанія» (къ стиху 17-му).

«На землю сшелъ еси, да спасеши Адама, и на земли не обрѣтъ его, Владыко, даже *до ада* снисшелъ еси ищай» (къ стиху 25-му).

«О радосте оныя! о многія радости! ихъ же *во адѣ* наполнилъ еси, во *днахъ мрачныхъ* свѣтъ возсіявъ» (къ стиху 48-му).

«Волею снисшелъ еси, Спасе, *подъ землю*, умерщвленныя человѣки оживилъ еси и возвелъ еси во славѣ Отчей» (къ стиху 53-му).

«Послушавъ Слове, Отца Твоего, даже до *ада* лютаго *сошелъ* еси и воскресилъ еси родъ человѣческій» (къ стиху 59-му).

«Зашелъ еси *подъ землю*, рукою Твоею создавый человѣка, да воздвигнеши отъ паденія соборы человѣческія всесильною державою» (къ стиху 80-му).

«Убояся Адамъ, Богу ходящу въ раи: радуется же, *ко аду* сошедшу, падый прежде и нынѣ воздвизаемъ» (къ стиху 58-му).

«Нѣдръ Отеческихъ неисходенъ пребывъ, Щедре, и человѣкъ быти благоволилъ еси, и *во адъ снисшелъ еси*, Христе» (къ стиху 117-му).

«Возстани, Щедре, отъ *пропастей адскихъ* возставляяй насъ» (къ стиху 166-му).

Подъ землю хотѣніемъ *нисшедъ* яко мертвъ, возводиши *отъ земли къ небеснымъ оттуду* падшія, Іисусе» (къ стиху 46-му).

«Аще и мертвъ видѣнъ былъ еси, но живый, яко Богъ, возводиши *отъ земли къ небеснымъ оттуду* падшія, Іисусе» (къ стиху 47-му).

Въ послѣднихъ двухъ *похвалахъ* Церковь во всеуслышаніе объявляетъ не только о мѣстонахожденіи *ада*, но и о мѣстонахожденіи *рая*. Церковь опредѣляетъ мѣсто *рая*, говоря, что люди ниспали *съ неба*.

Въ канонѣ утрени Великой Субботы воспѣвается: «Да Твоея славы вся исполниши; сшелъ еси въ *нижняя* земли» (пѣснь 1, троп. 3).

Далѣе говорится, что Господь явилъ Себя сущимъ *во адѣ*, что Онъ пріобщился сущимъ *во адѣ*, что *адъ*, Слове, срѣтъ Тя, огорчися, что душа Твоя *во адѣ*, не оставлена, что *адъ* низу стенетъ, что уязвися *адъ*, въ *сердце* пріемъ Уязвленнаго копіемъ въ ребра, что Господь *сниде* даже до *адовыхъ* сокровищъ».

Въ синаксарѣ Великой Субботы читается, что въ этотъ день мы празднуемъ *погребеніе* Господа и Его *сошествіе во адъ*, что Онъ *сошелъ во адъ* нетлѣнною и Божественною Своею душею, раздѣлившеюся отъ тѣла смертію. Употреблены выраженія объ *адѣ* какъ о глубокой пропасти, которая, какъ очевидно изъ всей службы, признается подземною и находящеюся внутри земли (Тріодіонъ).

То же мнѣніе о мѣстонахожденіи ада и рая видимъ и въ службѣ на Святую Пасху. Съ наибольшею опредѣлительностію выражено мнѣніе о мѣстѣ ада въ ирмосѣ 6-й пѣсни канона: «*Снисшелъ еси въ преисподняя земли* и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащія связанныя, Христе».

Въ синаксарѣ по 6-й пѣсни говорится: «Господь нынѣ изъ *адовыхъ сокровищъ* человѣческое естество исхитивъ, *на небеса* возведе и къ *древнему достоянію* приведе нетлѣнія. Обаче, *сошедъ во адъ*, не всѣхъ воскреси, но елицы вѣровати ему изволиша. Души же отъ вѣка святыхъ, нуждею держимыя, отъ *ада* свободи и всѣмъ даде на *небеса* взыти. Здѣсь опять *древнее достояніе* то есть рай, ука-

зывается на небѣ: «Воскресеніемъ Твоимъ, Господи, *рай паки отверзеся* (1-я стихира въ понедѣльникъ Свѣтлыя Седмицы вечера) и иже *на небеса* восходъ *обновилъ* еси намъ» (1-я стихира во вторникъ Свѣтлыя Седмицы вечера).

Мнѣніе о мѣстонахожденіи ада внутри земли усматривается на всемъ пространствѣ богослуженія православной Церкви. Она повсюду говоритъ объ этомъ предметѣ какъ объ общепринятомъ и общеизвѣстномъ: по этой причинѣ выраженіе опредѣленное встрѣчается изрѣдка,—но оно встрѣчается, и именно по той причинѣ, что встрѣчается какъ общепринятое и общеизвѣстное, служитъ яснѣйшимъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ.

«Завѣса раздрася, распеншуся Тебѣ, Спасе нашъ, и отдаваше мертвыя, яже пожре, смерть, и *адъ* обнажися, Тебе зря въ *преисподнихъ земли* бывша» (тропарь 1, пѣснь 8 канона утрени въ 4-ю недѣлю по Пасхѣ).

«Съ *душею* пришедшу Тебѣ во *утробу земли*, души, яже стяжа, *адъ* издаваше со тщаніемъ, вопіющія державѣ Твоей пѣснь благодарную» (тропарь 2, пѣснь 3 канона на утрени въ 4-ю недѣлю по Пасхѣ).

«Съ *душею* сшедъ въ *страны преисподнія ада*, возвелъ еси мужествомъ связанныя вся, яже отъ вѣка смерть пріятъ, горькій мучитель» (тропарь 2, пѣснь 7-я канона на утрени въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ).

«Тебе, *сошедшаго до послѣднихъ земли*, и человѣки спасшаго, и восхожденіемъ Твоимъ сего возвысившаго, величаемъ» (припѣвъ на 9 пѣсни въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ).

«Не ктому боюся еже *въ землю*, Владыко, возвращенія: Ты бо *отъ земли* возвелъ мя еси, забвенна» (тропарь 2, пѣснь 5 канона на утрени въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ).

«Адамъ низведенъ бысть, лестію запенся, ко *адовѣ пропасти*: но естествомъ Богъ же и милостивъ, сошелъ еси ко исканію, и на раму понесъ, совоскресилъ еси» (тропарь 2, пѣснь 6 канона на утрени въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ).

«Изъ *преисподняго ада* вознесша мя падшаго благословите вся дѣла Господа и превозносите Его во вѣки» (тропарь 2, пѣснь 8 канона на утрени въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ).

«Дошедшу Ти во *врата адова*, Господи, и сія сокрушившу, плѣнникъ сице вопіяше: кто сей есть, яко не осуждается въ *преисподнихъ земли*, но яко сѣнъ разруши смертное узилище.» (воскресная стихира на хвалитѣхъ 8-го гласа).

«Вострепеташа *долѣ преисподняя* днесь, *адъ* и смерть, Единаго отъ Троицы: *земля* поколебася, *вратницы* же *адовы*, видѣвше Тя, ужасошася» (воскресный икосъ 7-го гласа).

«Во глубины достигша морскія и тридневствовавша въ китовыхъ персѣхъ морскаго звѣря, древле Іону подражаяй, зову Ти: Спасе мой, возведи мя изъ *ада преисподняго*» (ирмосъ 6-й пѣсни 2-го гласа).

«Да не пріиду въ *землю плача*, да не вижу *мѣсто тьмы*, Христе мой, Слове» (служба по вся дни, канона пѣснь 4).

«Нѣсть во *адѣ* покаянія, нѣсть тамо прочее ослабы: тамо червь неусыпаемый, тамо *земля темна*, и помрачена вся» (чинъ погребенія священниковъ).

Также мимоходно, какъ о предметѣ общеизвѣстномъ, упоминаетъ о мѣстонахожденіи ада во внутренности земли св. Іоаннъ Лѣствичникъ. Онъ совѣтуетъ подвижнику благоговѣйнѣйшему непрестанно вспоминать о безконечной пропасти пречестія непрестанно вспоминать о безконечной пропасти преисподняго пламени, о *подземныхъ* страшныхъ мѣстахъ и пропастяхъ, о тѣсныхъ сходахъ, чтобы такимъ размышленіемъ и воспоминаніемъ отторгнуть душу отъ усвоившагося

ей сладострастія (Лѣствицы степень 7-я о радостотворномъ плачѣ).

Ученіе, что адъ находится внутри земли, есть ученіе православной Церкви. Оно встрѣчается во многихъ сочиненіяхъ святыхъ Отцевъ. Ни одинъ изъ нихъ не отвергаетъ его.

Св. Димитрій Ростовскій во второмъ поученіи на Входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ говоритъ: «На страшномъ судищи Христосъ Богъ нашъ егда речетъ на грѣшники: идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный—и въ той часъ подъ грѣшники земля разступится, якоже разступилася подъ Converted Кореемъ, Доѳаномъ и Авирономъ при Моисеѣ, и тогда впадутъ вси грѣшніи во адъ, потомъ паки земля въ мѣсто сомкнется. Грѣшницы-же будутъ во адѣ подъ землею, яко въ сосудѣ желѣзнѣ, тѣснѣ заперты и во вѣки неисходны».

Адъ есть общее названіе состоянія грѣшниковъ по смерти или мѣстопребыванія ихъ. Такъ какъ мученія грѣшниковъ не одинаковы, а соразмѣрны преступленіямъ каждаго, то можно думать, что адъ имѣетъ свои частныя обители, затворы и хранилища душъ (3 Ездры IV, 32, 35, 41), свои особыя отдѣленія, изъ которыхъ одно называется собственно *адомъ*, другое *геенною*, третье *тартаромъ*, четвертое *озеромъ огненнымъ* и т. д. По крайней мѣрѣ, въ Апокалипсисѣ есть мѣсто, гдѣ *адъ* и *озеро огненное* различаются [1]).

Адъ втораго періода загробной жизни—уже не то, что адъ перваго періода: что составляло наказаніе для *душъ* въ адѣ въ первый періодъ, то уже не можетъ служить наказаніемъ для совершенно *полнаго человѣка* во второй періодъ.

[1]) «Смерть и адъ повержены въ озеро огненное» (Апок. XX, 14).

4. Почитаніе Святыхъ.

Удостоивая праведниковъ, по кончинѣ ихъ, прославленія на небеси—въ Церкви торжествующей, хотя прославленія еще предначинательнаго, Богъ удостоиваетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ прославленія и на землѣ—въ Церкви воинствующей. Это прославленіе выражается тѣмъ, что Церковь земная *почитаетъ* скончавшихся праведниковъ, какъ угодниковъ и друзей Божіихъ, *призываетъ* ихъ въ молитвахъ, какъ предстателей предъ Богомъ, и *чтитъ мощи* ихъ и священныя изображенія ихъ, или *иконы*.

Почитаніе Святыхъ, въ смыслѣ благоговѣйнаго уваженія памяти ихъ и прославленія ихъ подвиговъ и добродѣтелей, есть догматъ нашей вѣры, имѣющій самое твердое основаніе какъ въ Священномъ Писаніи, такъ и въ священномъ преданіи.

Священное Писаніе, рѣшительно запрещая воздавать кому либо божеское поклоненіе и служеніе, кромѣ единаго истиннаго Бога (Второз. VI, 13; Исаіи XLII, 8; Матѳ. IV, 10; 1 Тим. I, 17), вовсе не запрещаетъ этимъ воздавать низшее почтеніе и вѣрнымъ слугамъ, угодникамъ и друзьямъ Божіимъ, и притомъ такъ, чтобы вся честь относилась при этомъ къ Нему-же единому, какъ *дивному во Святыхъ Своихъ* (Псал. LXVII, 36). Кромѣ того писаніе съ одной стороны указываетъ примѣры почитанія Святыхъ: такъ въ книгѣ Царствъ говорится, что царедворецъ Авдій поклонился пророку Иліи (3 Цар. XVIII, 7), сыны пророческіе торжественно поклонились Елисею, какъ вѣрному рабу и другу Божію (4 Цар. II, 15); Апостолъ Павелъ одобряетъ Галатянъ за то, что они приняли его какъ Ангела Божія

или Самого Христа Іисуса (Галат. IV, 14). Съ другой стороны оно даетъ наставленія касательно почитанія Святыхъ. Господь Іисусъ Христосъ говоритъ Своимъ Апостоламъ: *Кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня. Кто принимаетъ пророка, во имя пророка, получитъ награду пророка; и кто принимаетъ праведника, во имя праведника, получитъ награду праведника* (Матѳ. X, 40, 41). Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ: *Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе, и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7).

Отцы и учители Церкви такъ учатъ о почитаніи Святыхъ, раскрывая и основанія, и образъ, и цѣль этого почитанія.

Св. Василій Великій: «Любителю мучениковъ наскучитъ-ли когда творить память мучениковъ? Честь, воздаваемая добрымъ изъ нашихъ сослужебниковъ, есть доказательство нашего благорасположенія къ общему Владыкѣ» ¹).

«Когда пересказываемъ житія прославившихся благочестіемъ, прежде всего Владыку прославляемъ въ рабахъ Его; восхваляемъ-же праведниковъ засвидѣтельствованіемъ о томъ, что знаемъ, и людей увеселяемъ слышаніемъ прекраснаго. Такъ жизнь Іосифа есть увѣщаніе къ цѣломудрію, а повѣствованіе о Сампсонѣ—побужденіе къ мужеству» ²).

«Памятію мученика (Маманта) вся страна подвигнута; весь городъ принимаетъ участіе въ праздникѣ; не сродники стекаются на гробы отцевъ, но всѣ притекаютъ на мѣсто благочестія... Видишь, какъ чествуется добродѣтель, а не богатство. Такъ Церковь чѣмъ чтитъ предварившихъ, тѣмъ

¹) Бесѣда на св. четыред. мучен., въ Твор. Св. Отецъ VIII, 295.
²) Бесѣда на св. мученика Гордія, тамъ-же 281—282.

самымъ возбуждаетъ живущихъ еще. Не домогайся, говоритъ она, ни богатства, ни мудрости міра *престающей* (1 Кор. II, 6), ни славы увядающей,—все это исчезаетъ вмѣстѣ съ жизнію: но будь дѣлателемъ благочестія,—оно и на небо вознесетъ тебя, оно пріуготовитъ тебѣ и безсмертную жизнь, и продолжительную славу у людей» ¹).

Св. Іоаннъ Златоустъ: «Скажи мнѣ, гдѣ гробъ Александровъ? Укажи и скажи, въ который день онъ умеръ? А гробы рабовъ Христовыхъ славны и находятся въ царственномъ городѣ; дни кончины ихъ извѣстны, ибо составляютъ торжество для цѣлой вселенной. Александрова гроба не знаютъ и свои,—а гробъ Христовъ знаютъ и варвары. И гробы рабовъ Распятаго блистательнѣе царскихъ дворцовъ, не только по величинѣ и красотѣ строеній,—ибо и въ семъ они превосходнѣе,—но, что гораздо важнѣе, по ревности стекающихся къ нимъ. Ибо и тотъ, кто носитъ багряницу, приходитъ лобызать гробы сіи и стоитъ предъ ними, и молитъ Святыхъ, чтобъ предстательствовали за него предъ Богомъ. Въ предстательствѣ уже умершаго, скинотворца и рыбаря, имѣетъ нужду облеченный въ діадиму» ²).

Блаженный Августинъ: «Христіанскій народъ чествуетъ память мучениковъ торжествомъ вѣры, но такъ, что мы не приносимъ жертвы никому изъ мучениковъ, а только Богу мучениковъ, хотя и устрояемъ алтари въ память мучениковъ... То, что приносится, приносится Богу, увѣнчавшему мучениковъ, въ память тѣхъ, которыхъ Онъ увѣнчалъ... Мы чтимъ мучениковъ тою честію любви и общенія, которою и въ этой жизни чествуются святые Божіи человѣки... Но тѣмъ чествованіемъ, которое по гречески называется служеніемъ и есть собственно Божеству

¹) Бесѣда на св. мученика Маманта, тамъ-же 266.
²) На 2-е посланіе къ Коринѳянамъ бесѣда XXVI.

подобающее служеніе, мы и не чтимъ, и не учимъ чтить никого, кромѣ одного Бога» [1]).

Отцы втораго Никейскаго собора, VII-го вселенскаго: «Хранимъ слова Господни, апостольскія и пророческія, чрезъ которыя мы научились чтить и величать—во-первыхъ, собственно и истинно Богородицу и св. ангельскія силы, Апостоловъ, Пророковъ и славныхъ Мучениковъ, святыхъ и богоносныхъ учителей и всѣхъ святыхъ мужей и просить ихъ предстательства, потому что они могутъ содѣлать насъ угодными Царю всѣхъ—Богу» (дѣяніе IV-е).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ: «Должно почитать Святыхъ, какъ друзей Христовыхъ, какъ чадъ и наслѣдниковъ Божіихъ... Они царствовали и господствовали надъ страстями и сохранили невредимымъ подобіе образа Божія, по которому сотворены; они добровольно соединились съ Богомъ, приняли Его въ жилище своего сердца и, пріобщившись Его, сдѣлались по благодати тѣмъ, чѣмъ Онъ есть по естеству. Какъ-же не почитать тѣхъ, которые суть и слуги, и друзья, и сыны Божіи? Честь, воздаваемая усерднѣйшимъ сослужителямъ, доказываетъ любовь къ общему Владыкѣ. Святые сдѣлались сокровищницами и чистыми жилищами Бога: *вселюся въ нихъ* говоритъ Богъ, *и похожду, и буду имъ Богъ* (2 Кор. VI, 16)... Какъ-же не почитать одушевленные храмы, одушевленныя жилища Божіи? Истинно, должно почитать, воздвигать во имя ихъ храмы Богу, приносить дары, чтить дни памяти ихъ и въ оные веселиться духовно... Будемъ почитать Богородицу, какъ истинную Матерь Божію, пророка Іоанна—какъ предтечу и крестителя, апостола и мученика: ибо, какъ сказалъ Господь, *не возста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Матѳ. XI, 11). И онъ былъ первый пропо-

[1]) Противъ Фавста XX, гл. 21.

вѣдникъ царствія Божія. Будемъ почитать Апостоловъ, какъ братій Господа, какъ самовидцевъ и служителей Его страданія, *ихже* Богъ и Отецъ *предувѣдѣ и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего* (Римл. VIII, 29; 1 Кор. XII, 28); во-первыхъ—Апостоловъ, во-вторыхъ—Пророковъ, въ третьихъ—пастырей и учителей (Ефес. IV, 11). Будемъ почитать Мучениковъ Господнихъ, избранныхъ изъ всякаго званія, какъ воиновъ Христовыхъ, крестившихся крещеніемъ смерти Его, какъ участниковъ въ страданіяхъ и славѣ Его, и ихъ чиноначальника, архидіакона Христова, апостола и первомученика Стефана. Будемъ почитать преподобныхъ Отецъ нашихъ и Богоносныхъ подвижниковъ, претерпѣвавшихъ болѣе продолжительное и трудное мученичество совѣсти, *иже проидоша въ милотехъ, въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ, и въ вертепахъ и пропастехъ земныхъ, ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. XI, 37, 38). Будемъ почитать жившихъ до благодати пророковъ, патріарховъ, праведниковъ, предвозвѣстившихъ пришествіе Господа. Взирая на образъ жизни всѣхъ сихъ Святыхъ, поревнуемъ ихъ вѣрѣ, любви, надеждѣ, ревности, житію, твердости въ страданіяхъ, терпѣнію даже до крови, дабы и намъ съ ними сподобиться вѣнцевъ славы» [1]).

«Покланяемся мы тѣмъ, въ которыхъ почиваетъ Богъ, единъ Святый и во святыхъ почивающій, какъ-то: Святой Богородицѣ и всѣмъ Святымъ. Ибо они всевозможно уподобились Богу—и по дѣйствію собственной своей воли, и по обитанію въ нихъ Бога, и по Его содѣйствію... Достопокланяемы они не по естеству своему, но потому, что имѣютъ въ себѣ Того, Который по естеству Своему достопокланяемъ: такъ какъ раскаленное желѣзо не по природѣ своей непри-

[1]) Точное излож. прав. вѣры, кн. IV. гл. 15.

косновенно и жжетъ, потому, что приняло въ себя огнь, коего естественное свойство есть жечь. И такъ мы покланяемся имъ потому, что Богъ ихъ прославилъ и содѣлалъ страшными для враговъ и благодѣтелями для приходящихъ къ нимъ съ вѣрою; покланяемся имъ не какъ богамъ и благодѣтелямъ по естеству своему, но какъ рабамъ и служителямъ Божіимъ, имѣющимъ дерзновеніе къ Богу, по любви къ Нему; покланяемся имъ потому, что Самъ Царь относитъ къ себѣ почтеніе, когда видитъ, что почитаютъ любимаго имъ человѣка, не какъ царя, но какъ послушнаго слугу и благорасположеннаго къ нему друга» [1].

5. Призываніе святыхъ.

«Почитая святыхъ угодниковъ Божіихъ, св. Церковь учитъ еще призывать ихъ, то есть обращаться къ нимъ съ благопотребными приношеніями, не такъ, конечно, какъ бы они были самостоятельными подателями благъ, но какъ къ такимъ лицамъ, которыя, имѣя ближайшій доступъ и дерзновеніе къ Іисусу Христу и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи Его слугами въ исполненіи благихъ Его намѣреній касательно насъ, суть такимъ образомъ ближайшіе посредники между Нимъ и нами и могутъ споспѣшествовать нашимъ недостойнымъ молитвамъ къ Нему и напередъ преклонять Его къ милости своимъ предстательствомъ [2])».

Догматъ о призываніи святыхъ основывается на Священномъ Писаніи, священномъ преданіи и безчисленныхъ опытахъ предстательства и помощи, каковую во всѣ времена Церкви оказывали вѣрующимъ святые, преимущественно же Пресвятая Матерь Божія, милосердая Заступница рода христіанскаго.

[1]) Слово III, объ иконахъ.
[2]) Догматическое Богословіе Архим. *Антонія*, § 352.

Священное Писаніе внушаетъ намъ обязанность молиться другъ за друга и придаетъ молитвамъ святыхъ великую силу предъ Богомъ. Такъ напр. св. Апостолъ Іаковъ говоритъ: *Молитесь другъ за друга: много можетъ усиленная молитва праведнаго* (Іак. V, 16). Самъ Богъ повелѣлъ Авимелеху просить молитвъ за себя Авраама, говоря: *Онъ пророкъ, помолится о тебѣ, и ты будешь жить* (Быт. XX, 7), а также согрѣшившимъ друзьямъ Іова просить молитвъ этого праведника: *Возьмите себѣ семь тельцовъ и семь овновъ и пойдите къ рабу Моему Іову, и принесите за себя жертву: и рабъ Мой Іовъ помолится за васъ, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть васъ за то, что вы говорили о Мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ Мой Іовъ* (Іов. XLII, 8). Израильтяне просили молитвъ за себя у Самуила: *И воззвалъ Самуилъ къ Господу, и услышалъ его Господь* (1 Цар. VII, 8—9). Апостолъ Павелъ неоднократно просилъ молитвъ за себя у своихъ учениковъ (Римл. XV, 30, 31; Ефес. VI, 18, 19. Кол. IV, 3; 2 Кор. I, 10, 11; 1 Сол. V, 25).

Далѣе Священное Писаніе представляетъ многоразительныхъ примѣровъ того, что святые могутъ слышать наши молитвы и знать наши нужды и по отшествіи своемъ на небо, несмотря на отдѣляющее ихъ отъ насъ разстояніе. «Такъ же свидѣтельствуетъ, что угодники Божіи, которыхъ мы призываемъ въ молитвахъ, находясь еще въ тѣлѣ, нерѣдко имѣли даръ прозирать во глубину сердца человѣческаго, какъ св. Петръ прозрѣлъ въ сердце Ананіи (Дѣян. V, 3), и знать событія, совершавшіяся въ отдаленности, какъ Елиссей узналъ о поступкѣ Гіезія (4 Цар. IV, 19, 25, 26), и, что еще удивительнѣе, открывалъ царю израильскому всѣ тайныя намѣренія двора сирійскаго (4 Цар.

VI, 12). Свидѣтельствуетъ, что святые, находясь еще на землѣ, проникали духомъ въ міръ горній, и одни видѣли сонмы Ангеловъ, какъ Іаковъ (Быт. XXII, 1) и Елиссей (4 Цар. VI, 17), другіе удостоивались созерцать самого Бога, какъ Исаія (VI, 1—5) Іезекіиль (II, 1—8), третьи восхищались до третьяго небесе и слышали тамъ неизреченные глаголы, какъ св. Павелъ (2 Кор. XII, 2—6). Свидѣтельствуетъ наконецъ, что святые на небеси *равни суть ангеломъ* (Лук. XX, 36), которые дѣйствительно знаютъ ввутреннее состояніе и обращеніе грѣшниковъ къ Богу: ибо *радость бываетъ предъ ангелы Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. XV, 10),—что Араамъ, находясь на небеси, могъ слышать вопль богача, страждущаго во адѣ, несмотря на *великую*, отдѣляющую ихъ *пропасть*, и что этотъ праотецъ сказалъ богачу между прочимъ: братія твои *имутъ Моисея и пророкъ, да послушаютъ ихъ*,—чѣмъ ясно выразилъ, что находясь на небеси, праведники имѣютъ возможность, знать совершающееся на землѣ, послѣ ихъ кончины: ибо Моисей и пророки жили послѣ Авраама Лук. гл. XVI). Безъ всякаго сомнѣнія, все это—примѣры не какого-нибудь естественнаго вѣдѣнія человѣческаго, а вѣдѣнія благодатнаго, вслѣдствіе чрезвычайныхъ дарованій отъ Бога; но почему же не допустить, что души праведниковъ на небеси удостоиваются всѣ такого же высочайшаго просвѣщенія отъ Бога,—что, предстоя непосредственно Его престолу, они созерцаютъ происходящее на землѣ въ свѣтѣ лица Божія? *Нынѣ видимъ*, пишетъ св. Апостолъ, *якоже зерцаломъ въ гаданіи,—тогда же лицемъ къ лицу; нынѣ разумѣю отчасти,—тогда же познаю, якоже и познанъ бызъ* (1 Кор. XIII, 12) [1])».

Наконецъ Свящ. Писаніе удостовѣряетъ насъ въ томъ,

[1]) Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*. Томъ II, § 254.

что святые дѣйствительно молятся за насъ престоломъ Божіимъ. Іуда Маккавей видѣлъ въ видѣніи Онію, умершаго первосвященника, который и самъ *молился за весь народъ іудейскій*, и указывая на другаго мужа, бывшаго съ нимъ, сказалъ Іудѣ: *это братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ городѣ, Іеремія, пророкъ Божій* 2 Макк. XV, 12, 14). Св. Апостолъ Петръ довольно ясно обѣщаетъ своимъ ученикамъ не прекращать своего попеченія объ нихъ предъ Богомъ и послѣ своей смерти: *Потщуся же и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ память о сихъ творити* (2 Петр. I, 15). А св. Іоаннъ Богословъ удостоился видѣть въ откровеніи на небеси, какъ *двадцать четыре старца пали предъ Агнцемъ, имѣя каждый гусли и золотыя чаши, полныя ѳиміама, которыя суть молитвы святыхъ* (Апок. V, 8), потомъ какъ *дано было Ангелу множество ѳиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ святыхъ возложилъ его на золотый жертвенникъ, который предъ престоломъ*, и какъ *вознесся дымъ ѳиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога* (VIII, 3, 4).

Ученіе Церкви о призываніи святыхъ и вѣрованіе въ ихъ предстательства за насъ предъ Богомъ находимъ во всѣхъ древнихъ литургіяхъ, въ сказаніяхъ о святыхъ мученикахъ и въ писаніяхъ Отцевъ и учителей Церкви.

Св. Діонисій Ареопагитъ говоритъ: «Что молитва святыхъ еще при жизни ихъ, а тѣмъ болѣе по смерти, приноситъ пользу только достойнымъ святыхъ молитвъ, этому научаютъ насъ истинныя преданія мудрыхъ... Такъ неисполнимою и суетною надеждою обольщается тотъ, кто проситъ молитвъ святыхъ и отвергаетъ свойственныя имъ святыя дѣла, не радитъ о божескихъ дарованіяхъ и отступаетъ отъ яснѣйшихъ и спасительныхъ заповѣдей [1])».

[1]) О Церковной Іерархіи гл. VII, ч. 3, § 6.

Св. Іоаннъ Златоустъ поучаетъ: «Будемъ прибѣгать къ предстательству святыхъ и призывать ихъ, чтобы они за насъ молились; но не будемъ только полагаться на ихъ молитвы, а и сами станемъ дѣйствовать по примѣру ихъ, какъ должно [1])».

Св. Ефремъ Сиринъ обращается съ слѣдующею молитвою къ святымъ мученикамъ: «Побѣдоносные мученики, добровольно претерпѣвшіе скорби изъ любви къ Богу и Спасителю и имѣющіе дерзновеніе предъ самимъ Владыкою! ходатайствуйте, о святые, за насъ разслабленныхъ и грѣшныхъ и исполненныхъ лѣности, да пріидетъ на насъ благодать Христова и просвѣтитъ сердца всѣхъ лѣнивыхъ, чтобы возлюбить намъ Господа [2])».

Св. Григорій Нисскій обращается къ св. мученику Ѳеодору: «Ходатайствуй за отечество у общаго Царя и Господа. Намъ угрожаютъ величайшія опасности... Воинъ, сражайся за насъ; мученикъ, предстательствуй съ дерзновеніемъ за своихъ соотечественниковъ. Хотя ты въ другомъ мірѣ, но всегда знаешь о напастяхъ и нуждахъ человѣческихъ. Испроси намъ миръ, чтобы наши св. собранія не прекращались... Молимъ тебя, не лиши насъ и впредь твоего покровительства. Если нужно ходатайство еще болѣе сильное,—собери лики мучениковъ, твоихъ братій, и помолись со всѣми вмѣстѣ. Молитвы многихъ праведниковъ покроютъ грѣхи народовъ».

На VII-мъ вселенскомъ Соборѣ Отцы, разсуждая о почитаніи и призываніи святыхъ, между прочимъ, положили: «Если кто не исповѣдуетъ, что всѣ святые, сущіе отъ вѣка и угодившіе Богу, какъ до закона, такъ подъ закономъ и подъ благодатію, досточестны предъ Нимъ по душѣ и по тѣлу, или не просятъ молитвъ святыхъ, какъ имѣющихъ

[1]) На Бытіе бесѣда XLIV.

[2]) Похвальное слово мученикамъ, въ Твор. св. Отецъ XV, 250.

позволеніе предстательствовать за міръ, по церковному преданію: анаѳема».

Примѣчаніе. Призываніе святыхъ не оскорбляетъ ли благости Отца небеснаго и не уничижаетъ ли достоинства нашего Спасителя, *единаго* ходатая Бога и человѣковъ (1 Тим. II, 5).

На это, столь обычное возраженіе протестантовъ, будто «отъ призыванія иныхъ ходатаевъ обида и презрѣніе бываетъ Христу», Ѳеофилактъ Лопатинскій въ своемъ *Камнѣ Вѣры* отвѣчаетъ слѣдующее:

1) «Единъ ходатай Бога и человѣковъ—Христосъ Іисусъ. Убо всуе Павелъ призываетъ живущихъ на земли, просящь о молитвѣ. Всуе и апостолъ Іаковъ глаголетъ: *молитеся другъ за друга* (Іак. V, 16). Всуе же и вы, противницы, другъ друга призываете, и о молитвѣ другъ друга просите, и просити научаете. Понеже единъ ходатай Христосъ, убо и Павелъ, и Іаковъ, и вы обиду и презрѣніе Христу творите...»

2) Христосъ въ Евангеліи глаголетъ: *не нарицайтеся учители; единъ бо есть вашъ учитель, Христосъ, вси же вы братія есте. И отца не зовите себѣ на земли; единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесахъ Ниже нарицайтеся наставницы; единъ бо есть наставникъ вашъ, Христосъ* (Матѳ. XXIII, 8). Понеже убо единъ есть учитель Христосъ, единъ наставникъ Христосъ, единъ Отецъ, иже на небесѣхъ,—убо согрѣшилъ ли есть Павелъ, нарицая себе учителемъ языковъ? Почто же и вы, противницы, на земли нарицаете себе отца, учителя, наставника? Иначе бо родившаго вы нарещи не можете, точію отцемъ, и учащихъ вы иначе не зовете, точію учителями и наставниками. Чего ради убо преступаете заповѣдь Господню? рцыте намъ. Инако отвѣщати не можете, точію съ нами согласующе и

глаголюще, яко единъ есть Отецъ на небеси превосходствомъ, единъ учитель и наставникъ Христосъ превосходствомъ. Отъ того бо единаго Отца вси отцы на земли происходятъ, отъ единаго учителя и наставника Христа вси учители и наставницы ученіе правое и наставленіе восприемлютъ. Земніи же отцы суть поистинѣ отцы, но въ чинѣ нижайшемъ, суть отцы отечествомъ, отъ единаго Отца небеснаго происходящимъ. Такожде учителіе и наставницы земніи суть поистинѣ учителіе и наставницы, но въ чинѣ нижайшемъ: сирѣчь, учительствомъ правымъ и наставленіемъ, отъ единаго учителя Христа начало пріемлющимъ.—Тожде разумѣтися имать, егда слышимъ или чтемъ: единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ. Но како единъ святъ Христосъ, како единъ Господь Христосъ, аще и иныхъ Святыхъ Писаніе святыми нарицаетъ и иныхъ господей господами? На сіе отвѣтъ тойже, что и выше. Единъ святъ Христосъ, единъ Господь Христосъ, святостію и господствомъ превосходительнымъ, никому же подлежащимъ, ни отъ кого же происходящимъ и никому же сравнительнымъ. Прочіи же святіи и господіи суть въ чинѣ нижайшемъ, отъ Христа далече разстоящемъ, суть святыми, суть господами, святостію и господствомъ свыше происходящимъ. И якоже разжженное желѣзо жжетъ и палитъ не отъ себе, ибо желѣзо само собою есть хладно, но жжетъ и палитъ причастіемъ огня, силу пламенную желѣзу дающаго: тако и о святости и о господствѣ иныхъ Святыхъ и господей рещи подобаетъ.

Весьма раздѣльно изложена въ *Камнѣ Вѣры* мысль о томъ, что Святые суть предстатели и ходатаи наши, имѣющіе силу ходатайства отъ Христа:

«*Единъ есть ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, давый Себѣ избавленіе за всѣхъ.* Якоже убо единство Отца небеснаго не отметаетъ отцевъ земныхъ, ниже единство наставника и учителя Христа наставниковъ и учителей земныхъ, ниже единство святости и господства Христова отъемлетъ святости отъ прочихъ Святыхъ и господства отъ господій земныхъ: тако ниже единство ходатая Христа отметаетъ прочихъ ходатаевъ различіе, точію ходатайства и разстояніе несравненное посредствуетъ. Христосъ бо ходатай есть по превосходительству, якоже речеся: Святіи же суть ходатаи нисшаго и отъ Христа далечайшаго степене. Христосъ есть ходатай искупленія и моленія ко Отцу сыновняго: Святіи же суть ходатаи единаго моленія дружескаго, по глаголу псаломску: *мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже* (Псал. CXXXVIII, 17). Христосъ есть ходатай, иныхъ за Себе ходатаевъ не требующь: Святіе же, здѣ живуще, требоваху ходатая Христа, и нынѣ требуютъ, не себѣ ради, но насъ ради. Христосъ есть ходатай, силу ходатайства отъ Себе имущь: Святіи же суть ходатаи, силу ходатайства имуще отъ Христа и отъ заслугъ Его крестныхъ, по подобію желѣза, еже не отъ себе имать силу паленія, но отъ причастія огня. Христосъ есть ходатай естествомъ: Святіи же суть ходатаи благодатію»...

И далѣе: «Егда Апостолъ глаголетъ: яко единъ есть ходатай и посредственникъ между Богомъ и человѣкомъ, Христосъ, сіе того ради глаголетъ, яко Христосъ не точію есть посредственникъ по своему званію, яко умилостивляющь Бога къ человѣку, но и по Своему естеству, посредствуя между Богомъ и человѣкомъ: понеже Онъ есть Богъ и человѣкъ, еже къ примиренію человѣка съ Богомъ весьма нужно бяше. Сея ради вины единъ таковъ есть ходатай и посредственникъ Христосъ. Святіи же не суть, ниже могутъ быть таковы ходатаи. Тако богомудрствуютъ и научаютъ Отцы святіи: Златоустъ, Амвросій, Ѳеофилактъ, Епифаній, Кириллъ и прочіи» (Догматъ о призываніи святыхъ, ч. II, гл. 1).

6. Почитаніе святыхъ мощей.

Воздавая должное почитаніе угодникамъ Божіимъ, св. Церковь вмѣстѣ съ тѣмъ чевствуетъ и остающіяся на землѣ мощи или тѣлеса ихъ, также удостоившіяся быть храмами Св. Духа (1 Кор. VI, 19); снеси III, 16, 17), равно и другіе останки Святыхъ, получившіе отъ нихъ или чрезъ нихъ освященіе, каковы: риза и поясъ Богоматери, вериги св. Апостола Петра и проч. (Пространный Христіанскій Катихизисъ о IX членѣ сvмвола вѣры).

Почитаніе святыхъ мощей основывается на Священномъ Писаніи, на священномъ преданіи и постоянномъ примѣрѣ вселенской Церкви и на безчисленныхъ чудесахъ, какъ прежде во всѣ времена бывшихъ, такъ и до сихъ поръ продолжающихся.

Священное Писаніе *во-первыхъ* представляетъ намъ примѣры храненія и особеннаго уваженія къ останкамъ Святыхъ. Такъ израильтяне, по завѣщанію Іосифа, хранили кости его въ Египтѣ и, выходя оттуда, взяли ихъ съ собою въ землю обѣтованную (Быт. L, 25). Тѣло Боговидца Моисея Самъ Богъ почтилъ особеннымъ попеченіемъ, повелѣвъ погребсти его Ангеламъ (Второз. (XXXIV, 6; сн. Іуд. 9). Гробъ и кости пророка іудейскаго, предрекшаго царю израильскому Іеровоаму разрушеніе идольскихъ жертвенниковъ, построенныхъ имъ, были въ извѣстности и почитаніи у іудеевъ (4 Цар. XXIII, 18). И вообще іудеи хранили въ извѣстности и окружали особеннымъ уваженіемъ гробы праотцевъ и пророковъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ и самъ Іисусъ Христосъ въ своей обличительной рѣчи противъ фарисеевъ (Матѳ. XXIII, 29—31). *Во-вторыхъ*, Священное

Писаніе представляетъ примѣры чудотвореній отъ мощей и другихъ останковъ Святыхъ. Такъ а), тѣло одного мертвеца, едва только коснулось костей св. пророка Елиссея во гробѣ его, тотчасъ ожило, и мертвый возсталъ (4 Цар. XIII, 21; снеси Сирах. XLVIII, 14, 15 [1]). б) Самая милоть пророка Иліи, оставленная имъ Елиссею при вознесеніи его на небо, раздѣлила прикосновеніемъ своимъ воды Іордана, чтобы Елиссею можно было перейдти чрезъ него (4 Цар. II, 14). в) Даже платки и полотенца св. Апостола Павла, возлагавшіеся на недужныхъ и одержимыхъ бѣсами въ отсутствіе его, исцѣляли болѣзни и прогоняли нечистыхъ духовъ (Дѣян. XIX, 12).

Съ самыхъ первыхъ временъ Церкви христіанской, вѣрующіе тщательно хранили останки св. Іоанна Предтечи и Апостоловъ, а во времена гоненій уносили съ мѣста казни тѣла и растерзанные члены святыхъ мучениковъ, скрывали ихъ въ потаенныхъ мѣстахъ и собирались на гробы ихъ совершать богослуженіе, преимущественно литургію. «Отсюда всеобщій и самый древній обычай—полагать въ основаніе святыхъ алтарей мощи мучениковъ, что и доселѣ соблюдается; и догматъ о почитаніи святыхъ мощей неразрывно соединенъ у насъ съ таинствомъ евхаристіи, которое не иначе можетъ быть совершаемо, какъ на антиминсѣ,

---

[1]) „Онъ (Елиссей), будучи въ живыхъ, совершилъ чудо воскресенія своею душею. Впрочемъ, чтобъ не только были почитаемы души праведныхъ, а вѣрили бы, что и тѣла праведныхъ имѣютъ таковую силу, то мертвый, упавшій въ гробъ Елиссеевъ, коснувшись мертваго тѣла пророка, ожилъ. Мертвое тѣло пророка совершило дѣло вмѣсто души. Тогда какъ оно было мертво и лежало во гробѣ, даровало жизнь мертвому; и даровавши жизнь, само попрежнему осталось мертвымъ. Для чего? Для того, чтобъ не приписано было дѣло сіе одной душѣ, когда бы воскресъ Елиссей; а чтобъ показать, что и тогда, какъ не находится въ тѣлѣ душа, заключается въ тѣлѣ Святыхъ нѣкоторая чудодѣйственная сила, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ обитала въ ономъ праведная душа, которой око было покорно“ (*Св. Кирилла Іерусалимскаго.* Поученіе огласительное XVIII).

имѣющемъ въ себѣ частицу мощей» [1]). Въ IV вѣкѣ, по прекращеніи гоненій, гробы и останки Святыхъ дѣлаются общеизвѣстными. Надъ ними созидаются храмы или же самые останки переносятся съ торжествомъ въ города и полагаются въ храмахъ. Поэтому у Отцовъ этого вѣка—св. Златоуста, Василія Великаго и у другихъ находимъ много бесѣдъ, по случаю перенесенія святыхъ мощей. Равно и другіе Отцы—Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Кириллъ Іерусалимскій, Амвросій, Ефремъ Сиринъ, весьма часто указываютъ на общій обычай Церкви почитать святыя мощи.

Св. Григорій Богословъ въ Словѣ Св. мученику Кипріану говоритъ: «Вы сами должны вспомнить все прочее, какъ-то: изгнаніе бѣсовъ, исцѣленіе болѣзней, предвѣдѣніе будущаго. Все сіе, при помощи вѣры, можетъ подавать даже прахъ Кипріановъ, какъ знаютъ извѣдавшіе сіе опытомъ, отъ которыхъ и намъ передана память о чудѣ и будетъ передаваться будущимъ временамъ» [2]). И въ другомъ Словѣ: «Они (св. мученики) прославляются великими почестями и праздниками, они прогоняютъ демоновъ, врачуютъ болѣзни, являются, прорекаютъ; самыя тѣла ихъ, когда къ нимъ прикасаются и чтутъ ихъ, столько же дѣйствуютъ, какъ святыя души ихъ; даже капли крови и все, что носитъ на себѣ слѣды ихъ страданія, такъ же дѣйствительны, какъ ихъ тѣла» [3]).

Св. Ефремъ Сиринъ въ Похвальномъ Словѣ св. мученикамъ говоритъ: «И по смерти дѣйствуютъ они (мученики), какъ живые, исцѣляютъ больныхъ, изгоняютъ бѣсовъ и силою Господа отражаютъ всякое лукавое вліяніе ихъ мучительскаго владычества. Ибо святымъ мощамъ всегда присуща чудодѣйствующая благодать Святаго Духа» [1]).

1) Догматическое Богословіе *Архим. Антонія*, § 351.
2) Твор. Св. Отецъ II, 262.
3) Слово первое обличительное на Юліана, тамъ же, I, 125.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ Похвальномъ Словѣ св. Игнатію Богоносцу говоритъ: «Не только тѣла, но и самыя гробницы Святыхъ исполнены благодати. Ибо если во время Елиссея совершилось нѣчто подобное, и мертвый чрезъ прикосновеніе ко гробу его разрѣшился отъ узъ смерти и возвратился къ жизни, тѣмъ болѣе нынѣ, когда благодать обильнѣе и дѣйствія Духа благотворнѣе, естественно прикасающемуся съ вѣрою къ самой гробницѣ (Святыхъ) извлекать изъ нея великую пользу. Посему Богъ и оставилъ намъ мощи Святыхъ, желая какъ бы рукою привести насъ къ той ревности, какая была въ нихъ, и даровать намъ нѣкоторую пристань и надежное врачевство противъ золъ, отвсюду насъ окружающихъ» [2]). «Кости Святыхъ... покаряютъ и подвергаютъ истязаніямъ демоновъ, разрѣшаютъ связанныхъ жестокими ихъ узами... Прахъ, кости и пепелъ мучатъ существа невидимыя» [3]). «Не на то смотри, что лежитъ предъ тобою нагое и лишенное душевной дѣятельности тѣло мученика, но на то, что въ немъ присутствуетъ иная, большая самой души сила—благодать Святаго Духа, которая своими чудодѣйствіями удостовѣряетъ насъ въ истинѣ воскресенія. Ибо если Богъ сообщилъ мертвымъ и превратившимся въ прахъ тѣламъ такую силу, какою не обладаетъ никто изъ живыхъ, то кольми паче дастъ Онъ имъ, въ день воздаянія, жизнь лучшую блаженнѣйшую прежней [4]).

Блаженный Іеронимъ писалъ къ пресвитеру Руперію: «Не говорю—мы чтимъ останки мучениковъ, да не послу-

1) Тамъ же, XIV, 128.
2) Въ Христ. чтеніи 1835 г., III, 255—256.
3) На 2-е посланіе къ Коринѳянамъ бесѣда XXVI.
4) Бесѣда на память св. мученика Вавилы, въ Христ. чтеніи 1842 г., III, 309.

жимъ твари болѣе, нежели Творцу. Но мы чествуемъ останки мучениковъ, чтобы божески чтить Того, Коего они суть мученики. Чествуемъ слугъ, чтобы чествованіе ихъ восходило ко Владыкѣ, который сказалъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Матѳ. X, 40)» [1].

Отцы VII-го вселенскаго Собора постановили (дѣяніе VI): «Господь нашъ Іисусъ Христосъ даровалъ намъ мощи Святыхъ, какъ спасительные источники, многообразно изливающіе благодѣянія на немощныхъ. И такъ дерзнувшіе отвергать... мощи мучениковъ, о которыхъ знали, что онѣ подлинныя и истинныя,—если это епископы или клирики, да низложатся; а если иноки и міряне,—да лишатся пріобщенія».

«Особенно разительнѣйшее чудо, которымъ Господь прославляетъ тѣла многихъ угодниковъ Своихъ, есть ихъ *нетлѣніе*, когда осуществляются на дѣлѣ—и предсказаніе царя-пророка: *не даси* (Господи) *преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Псал. XV, 10), и исполнившееся прежде всего на Первенцѣ изъ мертвыхъ, Іисусѣ Христѣ (Дѣян. II, 27), и благожеланіе древняго мудреца израильскаго праведникамъ: *кости ихъ процвѣтутъ отъ мѣста ихъ* (Сирах. XLVI, 14; сп. XLIX, 12; Исаіи LVIII. 11). Это нетлѣніе св. мощей, это изъятіе ихъ чудодѣйственною силою Божіею изъ всеобщаго закона тлѣнія, какъ бы въ живой урокъ намъ о будущемъ воскресеніи тѣлъ и въ сильнѣйшее побужденіе для насъ —почитать самыя тѣлеса прославляемыхъ Богомъ праведниковъ и подражать вѣрѣ ихъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ Кіевѣ и Новгородѣ, Москвѣ и Вологдѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего богохранимаго отечества открыто почиваютъ многіе нетлѣнные останки св. угодниковъ и непрестающими чуде-

[1]) Посланіе XXXVII.

сами для притекающихъ къ нимъ съ вѣрою громогласно свидѣтельствуютъ объ истинѣ своего нетлѣнія» [1].

Приснопамятный митрополитъ Московскій *Филаретъ* въ своемъ Словѣ о нетлѣніи мощей поучаетъ: «Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проницается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику *сила Христова* нетлѣнна, то естественно, что она, *вселяясь* (2 Кор. XII, 9), въ человѣковъ, *иже Христовы суть* (Галат. V, 24), и тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда то благоугодно Господу, подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала чрезъ *главотяжи и убрусцы*, которые были на *тѣлѣ* св. Апостола Павла и приняли въ себя *потъ* его (Дѣян. IX, 12), и чрезъ одно *осѣненіе тѣнію* св. Апостола Петра (Дѣян. V, 15)»...

«Донынѣ тѣлеса усопшихъ Святыхъ являются въ нетлѣніи, съ силою чудодѣйственною и живописною для насъ живущихъ, для удостовѣренія,—если, къ стыду времени, есть и такіе между нами невѣрующіе,—для удостовѣренія въ воскресеніи Христовомъ и въ нашемъ будущемъ воскресеніи, для укрѣпленія немощныхъ въ подвигахъ противу грѣха и смерти, для возбужденія невнимательныхъ и нерадивыхъ къ подвигамъ благочестія» [2].

[1]) Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*, томъ II, § 265.

[2]) Слова и Рѣчи. М. 1884 г. Ч. II, стр. 174 и 184.

7. Почитаніе святыхъ иконъ.

Почитая святыхъ угодниковъ Божіихъ, призывая ихъ въ молитвахъ и чествуя ихъ священные останки, православная Церковь благоговѣйно употребляетъ и почитаетъ и священныя изображенія ихъ, вмѣстѣ съ изображеніями Самого Господа Бога и Святыхъ Ангеловъ.

Седьмой вселенскій соборъ такъ излагаетъ догматъ о почитаніи святыхъ иконъ:

«Послѣдующе богоглаголивому ученію святыхъ Отецъ нашихъ и преданію каѳолическія Церкви (вѣмы бо, яко сія есть отъ Духа Святаго, въ ней живущаго), со всякою достовѣрностію и тщательнымъ разсмотрѣніемъ опредѣляемъ: подобно изображенію честнаго и животворящаго креста полагати во святыхъ Божіихъ церквахъ, на освященныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на доскахъ, въ домахъ и на путяхъ, честныя и святыя иконы, написанныя красками и изъ дробныхъ каменій, и изъ другаго способнаго къ тому вещества устрояемыя, якоже иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и непорочныя Владычицы нашея святыя Богородицы, такожде и честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и преподобныхъ мужей. Елико бо часто чрезъ изображеніе на иконахъ видимы бываютъ, потолику взирающіи на оныя подвизаемы бываютъ воспоминати и любити первообразныхъ имъ и чествовати ихъ лобызаніемъ и почтительнымъ поклоненіемъ, не истиннымъ, по вѣрѣ нашей, Богопоклоненіемъ, еже подобаетъ единому Божескому естеству, но почитаніемъ по тому образу, якоже изображенію честнаго и животворящаго Креста и святому Евангелію и прочимъ святынямъ, ѳиміамомъ и поставле-

ніемъ свѣщей честь воздается, яковый и у древнихъ благочестный обычай былъ. Ибо честь, воздаваемая образу, преходитъ къ первообразному, и покланяющійся иконѣ покланяется существу изображеннаго на ней. Тако бо утверждается ученіе святыхъ Отецъ нашихъ, сіе есть, преданіе каѳолическія Церкви, отъ конецъ до конецъ земли пріявшія Евангеліе»[1].

Ученіе православной Церкви о почитаніи иконъ имѣетъ твердыя основанія въ Священномъ Писаніи и священномъ преданіи.

По свидѣтельству Писанія, Самъ Богъ повелѣлъ Моисею устроить *ковчегъ завѣта* и поставить его въ важнѣйшей части перваго ветхозавѣтнаго храма—во святомъ святыхъ, (Исход. XXV, 10 и дал.; XXVI, 33; Второз. X, 1—5). А ковчегъ завѣта былъ не иное что, какъ видимый образъ присутствія невидимаго Бога,—образъ, всегда напоминавшій ветхозавѣтнымъ вѣрующимъ Господа и возводившій мысль ихъ къ Первообразу.

Самъ Богъ повелѣлъ Моисею сдѣлать два извянныхъ изображенія херувимовъ и поставить ихъ во святомъ святыхъ, по двумъ сторонамъ очистилища, которое покрывало ковчегъ и служило какъ бы престоломъ Господа (Исход. XXV, 19—22); повелѣлъ также сдѣлать истканныя изображенія херувимовъ на церковной завѣсѣ, отдѣлявшей святое святыхъ отъ святилища (Исход. XXVI, 31—33), подобно тому, какъ нынѣ въ христіанскихъ храмахъ иконостасъ отдѣляетъ алтарь отъ самаго храма.

Наконецъ Самъ Богъ повелѣлъ Моисею воздвигнуть мѣднаго змія въ пустынѣ (Числ. XXI, 3); а этотъ змій былъ собственно образомъ Спасителя, вознесшагося на крестѣ (Іоан. III, 14, 15).

[1]) Книга правилъ, стр. 5, 6.

Еще болѣе ясныя и ближайшія основанія догматъ о святыхъ иконахъ имѣетъ въ священномъ преданіи новаго завѣта. Св. Василій Великій такъ говоритъ въ своемъ исповѣданіи: «Пріемлю и святыхъ Апостоловъ, Пророковъ и Мучениковъ и призываю ихъ къ ходатайству предъ Богомъ, да чрезъ нихъ, то есть, по ихъ предстательству, милостивъ будетъ мнѣ человѣколюбецъ Богъ и да подастъ мнѣ оставленіе прегрѣшеній. Почему чту и начертаніе ихъ иконъ и покланяюсь предъ ними, *особенно же потому, что онѣ преданы отъ святыхъ Апостоловъ* и не запрещены, но изображаются во всѣхъ нашихъ церквахъ» [1]).

Что догматъ объ иконопочитаніи есть апостольское преданіе, доказательствомъ этого служатъ два древнѣйшихъ сказанія:

Первое—о томъ, что Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ благоволилъ изобразить чудеснымъ образомъ Свой ликъ на платѣ и послать этотъ нерукотворенный образъ къ Авгарю, одесскому владѣльцу,—сказаніе, которое и Отцы VII-го вселенскаго собора не усумнились признать истиннымъ (дѣяніе VI).

Другое—о томъ, что одинъ изъ четырехъ евангелистовъ, св. Лука, знавшій живописное искусство, писалъ и оставилъ послѣ себя иконы Божіей Матери, которыя съ благоговѣніемъ передавались и передаются изъ рода въ родъ въ Церкви православной. (Нѣкоторыя изъ этихъ иконъ находятся нынѣ въ нашемъ отечествѣ, каковы по преданію: Владимірская, Смоленская и Ефесская иконы Божіей Матери) (См. *Сахарова*. Изслѣдов. о русскомъ иконописаніи. Спб. 1849 г. Кн. II, стр. 20—23).

Въ первые три вѣка христіанства, по тѣснымъ обстоятельствамъ Церкви Христовой, отвсюду окруженной и гонимой врагами, употребленіе святыхъ иконъ не могло быть ни столь открытымъ, ни столь повсемѣстнымъ, какъ въ послѣдующія времена. Христіане принуждены были въ это тяжкое время скрывать и часто перемѣнять мѣста своего богослуженія и постоянно должны были опасаться, какъ бы не подверглись поруганію отъ гонителей предметы ихъ благоговѣйнаго чествованія. Вотъ почему и нужда, и благоразуміе, и самое почтеніе къ св. иконамъ требовали употреблять ихъ не всюду и скрывать ихъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже и совсѣмъ не употреблять ихъ. Въ IV вѣкѣ, съ торжествомъ Церкви, повсюду являются, вмѣстѣ съ иконами Христа Спасителя, и иконы Святыхъ Божіихъ, какъ благолѣпнѣйшее украшеніе храмовъ и какъ предметъ благоговѣйнаго почитанія.

[1]) Посланіе CCCLV—къ Юліану Отступнику.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій къ чествованію св. иконъ служатъ тѣ безчисленныя знаменія и чудеса, какія Господь благоволилъ совершать чрезъ иконы для вѣрующихъ. Сказаніями объ этихъ чудесахъ наполнены лѣтописи какъ Церкви вообще, такъ въ особенности нашей Русской Церкви. Нѣкоторыя иконы Христа Спасителя, Его пречистой Матери, святителя Николая и другихъ угодниковъ Божіихъ, по обилію совершавшихся отъ нихъ чудесъ, издревле извѣстны подъ именемъ *чудотворныхъ*. Находясь въ разныхъ мѣстахъ православной Церкви онѣ доселѣ не перестаютъ быть какъ бы протоками или проводниками спасительной для насъ чудодѣйственной силы Божіей.

8. Отвѣты на возраженія противъ почитанія св. иконъ [1]).

Вооружающіеся противъ почитанія св. иконъ выставляютъ преимущественно слѣдующія возраженія:

[1]) Заимствовано изъ Православно-Догматическаго Богословія *Макарія*, томъ II, § 256.

1) «Самъ Богъ запретилъ почитаніе всякихъ кумировъ и изображеній, когда далъ заповѣдь: *Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею: да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ* (Исход. XX, 4)».

Но чтобы правильно понимать эти слова, надобно брать ихъ въ полномъ составѣ рѣчи, которая читается такъ: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя отъ земли Египетскія, отъ дому работы. Да не будутъ тебѣ иніи, развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія...; да не поклонишися имъ, не послужиши имъ: Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель* (ст. 2—5). Очевидно, что Богъ запрещаетъ здѣсь, во-первыхъ, творить кумиры и всякія подобія собственно боговъ иныхъ, ложныхъ, и, во-вторыхъ, запрещаетъ поклоненіе и служеніе этимъ подобіямъ именно Божеское, какое подобаетъ Ему одному. Но мы творимъ и употребляемъ свящ. изображенія не ложныхъ боговъ, а Бога истиннаго и Святыхъ Его, въ которыхъ Онъ почиваетъ; мы покланяемся и воздаемъ чествованіе св. иконамъ не какъ богамъ какимъ или идоламъ, а только относительно, то есть, относя наше чествованіе къ первообразамъ, на иконахъ изображеннымъ. Въ этомъ смыслѣ Богъ не только не запрещаетъ употребленіе и почитаніе свящ. изображеній, напротивъ, какъ мы видѣли, даже заповѣдалъ его, повелѣвъ Моисею устроить ковчегъ завѣта, бывшій для іудеевъ видимымъ образомъ присутствія Іеговы, поставить во святомъ святыхъ изображенія двухъ херувимовъ, украсить такими же изображеніями завѣсу и самыя стѣны скиніи, воскурять предъ ковчегомъ и завѣсою ѳиміамъ, возжигать свѣтильники и проч.

2) «Древніе язычники укоряли христіанъ за то, что они не имѣли у себя свящ. изображеній,—и защитники христіанства не отвергали этого укора, замѣчая, что образъ Божій начертанъ въ душѣ самого человѣка».

Но—а) язычники укоряли христіанъ собственно за то, что они не имѣли у себя *кумировъ*, изваяній, какія были у язычниковъ,—а христіанскія иконы не то, что кумиры; б) укоряли за то, почему христіане не имѣли у себя *извѣстныхъ* или открытыхъ изваяній, напротивъ старались постоянно скрывать предметы своего почтенія,—а это отнюдь не значитъ, будто христіане вовсе не имѣли у себя изображеній; в) язычники вмѣстѣ съ тѣмъ укоряли христіанъ и за то, будто они не имѣли храмовъ и жертвенниковъ; но такъ какъ это послѣднее совершенно ложно, то можно судить, что несправедливъ и первый укоръ; г) защитники христіанства, отвѣчая на эти укоры язычниковъ, если умалчивали о христіанскихъ иконахъ, то точно также умалчивали и о христіанскихъ храмахъ и жертвенникахъ, хотя послѣдніе несомнѣнно существовали,—умалчивали, конечно, потому, что не хотѣли выдавать врагамъ своего дѣла и обнаруживать предъ ними святыни, которую Церковь дѣйствительно тогда скрывала.

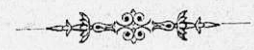
3) «Древніе учители Церкви ставили почитаніе иконъ въ преступленіе еретикамъ-гностикамъ и послѣдователямъ Карпократа» [1]).

Но не почитаніе иконъ вмѣняли въ преступленіе древніе учители означеннымъ еретикамъ, а то, что эти еретики—а) наравнѣ съ изображеніями Христа Спасителя и Апостола Павла чтили изображенія Гомера, Пиѳагора, Платона, Аристотеля, и притомъ—б) воздавали всѣмъ этимъ изображеніямъ чествованіе Божеское, по обрядамъ языческимъ, и слѣдовательно впадали въ идолопоклонство.

[1]) *Ириней.* Противъ ересей, I, 25; *Епифаній.* Ереси, XXVII; *Августинъ.* О ересяхъ, глава 7-я:

4) «Одинъ изъ соборовъ Испаніи, ельвирскій, бывшій въ 305-мъ году, 36-мъ правиломъ своимъ прямо запретилъ употребленіе иконъ во храмахъ».

Но—а) прежде всего этимъ правиломъ несомнѣнно предполагается, что иконы употреблялись тогда во храмахъ; б) есть основаніе думать, что правило это постановлено по обстоятельствамъ мѣста и времени; въ Испаніи свирѣпствовало тогда гоненіе Діоклитіаново, и язычники, часто вторгаясь въ христіанскіе храмы, подвергали поруганію священныя изображенія Господа и угодниковъ Его,—въ предотвращеніе сего и принято было въ то время означенное правило.



ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Кончина вѣка.

1. Бесѣда Господа на горѣ Елеонской.

Во вторникъ предъ Своими страданіями Господь Іисусъ Христосъ вышелъ съ Своими учениками изъ храма, гдѣ поучалъ народъ и обличалъ слѣпыхъ и невѣрующихъ руководителей его. «И приступили ученики Его, чтобы показать Ему зданія храма. Іисусъ-же сказалъ имъ: видите-ли все это? Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ,—все будетъ разрушено». Затѣмъ Господь пошелъ съ учениками изъ Іерусалима въ Виѳанію. Дорога туда лежала Елеонскою, или Масличною горою. Съ горы открывался величественный видъ на городъ. Божественный Учитель, окруженный Своими вѣрными друзьями—учениками, сѣлъ на горѣ и обратилъ еще разъ взоръ Свой на городъ и храмъ. «Когда-же сидѣлъ Онъ на горѣ Елеонской, то приступили къ Нему ученики (въ особенности Петръ, Іаковъ, Іоаннъ и Андрей) наединѣ и спросили: скажи намъ, когда это будетъ и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка (вопросъ ихъ истекалъ изъ того предположенія, что

разрушеніе Іерусалима совпадетъ съ концемъ міра)»? И вотъ Господь въ величественной пророческой картинѣ раскрываетъ предъ ними развитіе царства Божія. Пророчество Его относилось въ особенности къ двумъ главнымъ фактамъ—разрушенію Іерусалима и концу міра. Разрушеніе Іерусалима служитъ предъизображеніемъ кончины міра.

«Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ. Ибо многіе прійдутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ,—и многихъ прельстятъ. Также услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежитъ всему тому быть; но это еще не конецъ. Ибо возстанетъ народъ на народъ и царство на царство; и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ. Все-же это— начало болѣзней. Тогда будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многіе; и другъ друга будутъ предавать и возненавидятъ другъ друга. И многіе лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ. И, по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь. Претерпѣвшій-же до конца спасется. И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ; и тогда прійдетъ конецъ. И такъ, когда увидите мерзость запустѣнія, реченную чрез пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ (читающій да разумѣетъ), тогда находящіеся въ Іудеѣ да бѣгутъ въ горы; и кто на кровлѣ, тотъ да не сходитъ взять что нибудь изъ дома своего; и кто на полѣ, тотъ да не обращается назадъ взять одежды свои. Горе-же беременнымъ и питающимъ сосцами въ тѣ дни. Молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою или въ субботу. Ибо тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ и не будетъ. И еслибы не сократились тѣ дни, то не спаслась-бы никакая плоть; но ради избранныхъ

сократятся тѣ дни. Тогда, если кто скажетъ вамъ: вотъ, здѣсь Христосъ или тамъ,—не вѣрьте. Ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ, Я напередъ сказалъ вамъ. И такъ, если скажутъ вамъ: вотъ, Онъ въ пустынѣ,—не выходите; вотъ, Онъ въ потаенныхъ комнатахъ,—не вѣрьте. Ибо какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына человѣческаго. Ибо гдѣ будетъ трупъ, тамъ соберутся орлы. И вдругъ, послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются. Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ; «тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою. И пошлетъ Ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною; и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края небесъ до края ихъ. Отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто. Такъ, когда вы увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ. Истинно говорю вамъ: не прейдетъ родъ сей, какъ все сіе будетъ. Небо и земля прейдутъ; но слова Мои не прейдутъ. О днѣ-же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ. Но какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго. Ибо какъ во дни передъ потопомъ ѣли, пили, женились и выходили замужъ до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ: такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Тогда будутъ двое на полѣ: одинъ берется, а другой оставляется. Двѣ мелющія въ жерновахъ: одна берется, а другая оставляется. И такъ бодрствуйте, потому

что не знаете, въ который часъ Господь вашъ прійдетъ. Но это вы знаете, что еслибы вѣдалъ хозяинъ дома, въ какую стражу прійдетъ воръ, то бодрствовалъ-бы и не далъ-бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы; ибо въ который часъ не думаете, прійдетъ Сынъ человѣческій».

Внушивъ ученикамъ Своимъ, что нужно постоянно бодрствовать въ ожиданіи будущаго суда, Господь сказалъ имъ *притчу о десяти дѣвахъ*, имѣющую тотъ-же смыслъ. Притча эта примыкаетъ къ восточному обычаю: въ вечеръ брака женихъ приходитъ за своею невѣстою, ожидающею его въ домѣ своихъ родителей. Подруги ея, дѣвицы, выходятъ навстрѣчу жениху съ горящими свѣтильниками и вводятъ его къ невѣстѣ.

Вотъ эта притча:

«Тогда подобно будетъ царство небесное десяти дѣвамъ, которыя, взявъ свѣтильники свои, вышли навстрѣчу жениху. Изъ нихъ пять было мудрыхъ и пять неразумныхъ. Неразумныя, взявъ свѣтильники свои, не взяли съ собою масла. Мудрыя-же, вмѣстѣ съ свѣтильниками своими, взяли масла въ сосудахъ своихъ. И какъ женихъ замедлилъ, то задремали всѣ и уснули. Но въ полночь раздался крикъ: вотъ, женихъ идетъ, выходите навстрѣчу ему. Тогда встали всѣ дѣвы тѣ и поправили свѣтильники свои. Неразумныя-же сказали мудрымъ: дайте намъ вашего масла, потому что свѣтильники наши гаснутъ. А мудрыя отвѣчали: чтобы не случилось недостатка и у насъ, и у васъ, пойдите лучше къ продающимъ и купите себѣ. Когда-же пошли онѣ покупать, пришелъ женихъ, и готовыя вошли съ нимъ на брачный пиръ, и двери затворились. Послѣ приходятъ и прочія дѣвы и говорятъ: Господи, Господи! отвори намъ. Онъ-же сказалъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: не знаю васъ. И такъ бодрствуйте, потому что не знаете ни

дня, ни часа, въ который прійдетъ Сынъ человѣческій» (Матѳ. XXIV, 1—44; XXV, 1—13; сн. Марк. XIII, 1—37; Лук. XXI, 5—36).

Первая половина пророчества, произнесеннаго Господомъ на горѣ Елеонской, исполнилась спустя 36 лѣтъ послѣ произнесенія его. Въ 70 году по Р. Хр. Іерусалимъ былъ взятъ римлянами, при чемъ храмъ былъ разрушенъ и обращенъ въ развалины. Римскій полководецъ Титъ, при взятіи города, хотѣлъ было сохранить храмъ,—но ничто не могло отклонить суда и опредѣленія Божія. Іудеи сами зажгли притворы храма, а одинъ изъ римскихъ воиновъ, вопреки приказанію военачальника, бросилъ огонь чрезъ окно въ самый храмъ, и онъ тотчасъ-же былъ охваченъ пламенемъ. Напрасно Титъ далъ приказаніе потушить огонь: оно не было исполнено. Солдаты бросились грабить горящее святилище,—и ни приказанія, ни угрозы не могли остановить ихъ: храмъ былъ сожженъ и разграбленъ.

Осада и взятіе Іерусалима сопровождались такою *великою скорбію, какой не было отъ начала міра до нынѣ* (Матѳ. XXIV, 21). «Да не подумаетъ кто либо,—говоритъ св. Златоустъ,—что это сказано преувеличенно, но пусть прочитаетъ сочиненія Іосифа [1]) и узнаетъ истину словъ сихъ. Никто не можетъ сказать того, что Іосифъ, какъ вѣрующій, увеличилъ изображеніе оныхъ бѣдствій для того, чтобы подтвердить сказанное; ибо онъ былъ іудей и іудей весьма строгій, ревнитель, и изъ числа тѣхъ, кои были по пришествіи Христовомъ. Что-же онъ говоритъ? То, что оныя бѣдствія превзошли всякое описаніе бѣдствій, и подобной войны никогда не случалось съ какимъ нибудь народомъ».

[1]) *Іосифъ Флавій*, іудейскій историкъ, оставилъ описаніе событій этого времени.

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненія Флавія: «О войнѣ Іудейской», показывающихъ всю жестокость тогдашняго бѣдствія.

Всѣ несчастія, какія постигали народы отъ начала міра, были ничто сравнительно съ тѣми, какія обрушились на іудеевъ. По взятіи города, римскіе солдаты умерщвляли безъ различія всѣхъ, кого только встрѣчали, и жгли дома съ ихъ жителями. Врываясь въ дома для грабежа, они находили ихъ полными—чѣмъ-же?—трупами умершихъ отъ голода. И если они чувствовали нѣкоторую жалость при видѣ мертвыхъ, за то были безпощадны къ живымъ, безъ милосердія убивая все, что только имъ встрѣчалось. Городъ до такой степени былъ наполненъ кровью, что во многихъ мѣстахъ пламя пожара потухало отъ нея. Въ продолженіе осады Іерусалима погибло не менѣе 800,000 человѣкъ и въ окрестностяхъ города около 240,000 человѣкъ, слѣдовательно всего *болѣе милліона*. Изъ нихъ великое множество были распяты на крестахъ. Многіе были сперва сѣчены, потомъ истязуемы всякими способами и наконецъ повѣшены на крестахъ, причемъ римскіе солдаты, изъ ненависти или мщенія, находили удовольствіе пригвождать одного къ другому и одну къ другой. Распятыхъ было такое множество, что недоставало мѣста для поставленія крестовъ для распятія. Невѣроятное на первый взглядъ число погибшихъ объясняется тѣмъ, что осада Іерусалима началась во время праздника Пасхи, когда въ Іерусалимъ собиралось до 2,000,000 іудеевъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Тотъ-же Флавій описываетъ страшныя подробности голода, свирѣпствовавшаго во время осады Іерусалима. Осажденные употребляли въ пищу то, къ чему отказывались прикасаться животныя, самыя неразборчивыя на пищу... Ограбленная солдатами, одна женщина изъ высокаго рода, доведенная голодомъ до отчаянія и изступленія, убила и ѣла собственное дитя и съѣла уже половину, когда открыто было это ужасающее преступленіе...

Исполнилась половина пророчества, произнесеннаго Господомъ на горѣ Елеонской,—остается намъ ожидать исполненія и другой половины его. А что она несомнѣнно исполнится въ свое время, за это намъ ручаются слова Господа: «Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ» (Матѳ. XXIV, 35).

2. Ожиданіе конца міра.

Не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти.
(Дѣян. I, 7).

Предсказаніе Господа о кончинѣ міра глубоко запало въ сердца Апостоловъ. Впечатлѣніе его усилилось для нихъ еще болѣе, когда они услышали на той же горѣ Елеонской отъ Ангеловъ, явившихся имъ во время вознесенія Господня, что вознесшійся теперь Господь, опять придетъ на землю. Съ паденіемъ Іерусалима въ мысли ихъ соединялись—второе пришествіе Христово, воскресеніе мертвыхъ, окончательный судъ и конецъ міра. Поэтому въ ученіи ихъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и ученіе о близкомъ концѣ міра. Св. Апостолъ Петръ пишетъ, что Господь не замедлитъ исполнить Свое обѣщаніе скораго пришествія: «Не медлитъ Господь исполненіемъ обѣтованія, какъ нѣкоторые почитаютъ то медленіемъ; но долго терпитъ насъ, не желая чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію. Прійдетъ же день Господень, какъ тать ночью, и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ» (2 Петр. III,

9, 10). Св. Апостолъ Павелъ пишетъ: «Еще немного, очень немного, и Грядущій прійдетъ и не умедлитъ» (Евр. X, 37). Св. Евангелистъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ пишетъ: «Се гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣломъ его» (Апок. XXII, 12). Онъ же въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «Блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества сего и соблюдающіе написанное въ немъ; ибо время близко» (—I, 3). Далѣе, развивая мысль о близости кончины міра, а слѣдовательно и о воскресеніи мертвыхъ, и о второмъ пришествіи Христовомъ на землю для суда, Апостолъ любви пишетъ: «Дѣти! послѣднее время. И какъ вы слышали, что прійдетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ, то мы и познаемъ изъ того, что послѣднее время (1 Іоан. II, 18). Во дни святыхъ Апостоловъ ожиданіе Мессіи, или Христа, а слѣдовательно и конца міра, было сильно возбуждено, и дѣйствительно около этого времени появлялось много лже-мессій—обольстителей. По свидѣтельству Іосифа Флавія, страна наполнена была обольстителями и чародѣями, которые водили народъ въ пустыню, чтобы тамъ показывать чудеса, производимыя будто бы силою Божіею. Изъ такихъ лже-мессій въ особенности извѣстны: *Домѳей* самарянинъ, называвшій себя Христомъ, *Симонъ*-волхвъ, самарянинъ же называвшій себя сыномъ Божіимъ, *Ѳевда* (Дѣян. V, 36) и *Бар-Кохба* («сынъ звѣзды».

Въ первые вѣка христіанства, вѣра въ близкій конецъ міра была повсемѣстно распространена между христіанами и заставляла ихъ во всемъ выдающемся изъ ряда обыкновеннаго видѣть признакъ пришествія антихриста и кончину міра. Затѣмъ не проходило почти ни одного столѣтія, которое не появлялось бы предсказанія о концѣ міра. Ожиданіе конца міра усиливалось всегда еще болѣе, подъ вліяніемъ разныхъ общественныхъ бѣдствій: голода, моровой

язвы, войнъ и т. п. Но особенно сильно и всеобще было ожиданіе конца міра на западѣ, съ исходомъ перваго тысячелѣтія христіанской эры.

Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненія *Фламаріона*: «Исторія Неба», имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету.

Съ приближеніемъ этого времени (1000 года отъ Р. Хр.) мы встрѣчаемъ самыя частыя и самыя убѣдительныя увѣщанія проповѣдниковъ. Такъ напримѣръ Бернардъ тюрингенскій началъ публично проповѣдывать около 960 года, что міръ не замедлитъ разрушиться, причемъ увѣрялъ, что Самъ Господь открылъ ему это. Онъ принялъ за тему своихъ проповѣдей слѣдующія слова Апокалипсиса: чрезъ тысячу лѣтъ діаволъ выйдетъ изъ своей темницы и соблазнитъ народы, находящіеся въ четырехъ странахъ земли. Книга жизни будетъ открыта; море извергнетъ своихъ мертвыхъ; каждый будетъ судимъ сообразно съ своими дѣлами Тѣмъ, который возсѣдаетъ на великомъ сіяющемъ престолѣ. И будетъ новое небо и новая земля.

«Бернардъ тюрингенскій назначилъ день конца міра: міръ, по его мнѣнію, долженъ былъ разрушиться, когда Благовѣщенье совпадетъ со Страстною пятницей. Это совпаденіе случилось въ 992 году,—и ничего необычайнаго изъ этого не воспослѣдовало.

«Въ теченіе X столѣтія королевскія хартіи начинались слѣдующими характеристическими словами: «Такъ какъ приближается конецъ міра».

«Въ 1186 году астрологи напугали Европу, объявивъ, что произойдетъ соединеніе всѣхъ планетъ. Ригоръ, тогдашній писатель, говоритъ въ «Жизни Филиппа-Августа»: Астрологи востока, евреи, сарацины и даже христіане разослали во всѣ концы вселенной письма, въ которыхъ съ увѣренностію предсказывали, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ раз-

разятся великія бури, произойдетъ землетрясеніе, появится смертность между людьми, возмущенія и распри, революціи во всѣхъ государствахъ, уничтоженіе и погибель всего живущаго. Но, прибавляетъ этотъ писатель,—ничто не оправдало ихъ предсказаній.

«Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1198 году, разнесся слухъ о концѣ міра. Но на этотъ разъ міру предстояло разрушиться безъ посредства небесныхъ явленій: предсказывали, что въ Вавилонѣ народится антихристъ, и черезъ него погибнетъ родъ человѣческій.

«Въ концѣ XIII столѣтія алхимикъ Арно де-Вильневъ объявилъ, что антихристъ народится въ 1335 году.

«Винцентъ Ферье, знаменитый испанскій проповѣдникъ увѣрялъ, что міръ просуществуетъ еще столько лѣтъ, сколько стиховъ въ Псалтири, то есть около 2537 лѣтъ.

«XVI вѣкъ представляетъ, быть можетъ, такую эпоху, когда всего чаще занимались предсказаніями о погибели рода человѣческаго. Вотъ, напримѣръ, объявленіе, внесенное Симономъ Гуляромъ въ его «Сокровищницу удивительныхъ исторій»: Великій командоръ Мальты приказалъ опубликовать въ 1532 году по всей Европѣ о чудесномъ явленіи, случившемся въ Ассиріи. Около 7-го марта женщина, по имени Рашіэнъ, произвела на свѣтъ прекраснаго мальчика со сверкающими глазами и блестящими зубами. Въ самую минуту его рожденія небо и земля поколебались, солнце взошло въ полночь и было столь же ярко, какъ въ полдень, а среди дня сдѣлалось до того темно, что съ утра до вечера въ этомъ краю не было видно ни зги. Затѣмъ солнце снова показалось, но совершенно въ новомъ видѣ, въ сопровожденіи новыхъ звѣздъ, которыя блуждали тамъ и сямъ по небу; и показалось оно надъ домомъ, гдѣ родился этотъ ребенокъ, и кромѣ нѣкоторыхъ другихъ чудесъ—съ неба упалъ огонь, убившій многихъ людей. Послѣ

затмѣнія солнца разразилась страшная буря въ воздухѣ; затѣмъ съ неба начали падать жемчужины. На слѣдующій день видѣли, какъ по всей странѣ леталъ огненный драконъ. Появилась вдругъ новая гора, выше всѣхъ прежнихъ высокихъ горъ, треснула на двѣ части; и посрединѣ была найдена колонна, на которой была греческая надпись, гласящая, что приближается конецъ міра, и въ воздухѣ былъ слышенъ гласъ, увѣщевавшій всѣхъ приготовиться къ этому.

«Такъ какъ предсказаніе не сбылось и въ этотъ годъ, то оно было перенесено Леовиціусомъ, знаменитымъ астрологомъ на 1584 годъ. Луи Гюйонъ разсказываетъ, что страхъ былъ великъ, что церкви не могли вмѣщать всѣхъ, искавшихъ въ нихъ убѣжища, что многіе писали духовныя завѣщанія, не разсуждая о томъ, что это совершенно излишне, если долженъ погибнуть весь міръ.

«Одинъ изъ знаменитѣйшихъ математиковъ Европы, по имени Стофлеръ, процвѣтавшій въ XVI вѣкѣ и долго работавшій надъ реформою календаря, предложенною на Констанцскомъ соборѣ, предсказалъ, что въ 1524 году будетъ всемірный потопъ. Этотъ потопъ долженъ былъ случиться въ февралѣ мѣсяцѣ, потому что тогда сатурнъ, юпитеръ и марсъ должны были соединиться въ знакѣ рыбъ. Всѣ народы Европы, Азіи и Африки, прослышавшіе объ этомъ предсказаніи, были поражены уныніемъ и страхомъ. Не взирая на радугу, всѣ ожидали потопа. Многіе писатели того времени передаютъ, что жители приморскихъ провинцій Германіи спѣшили продавать по самой низкой цѣнѣ свои земли и что люди, имѣвшіе деньги и не очень довѣрявшіе предсказаніямъ, скупали эти земли. Каждый запасался лодкою на манеръ ковчега. Докторъ Тулузы, по имени Оріолъ, заказалъ для себя, своего семейства и своихъ пріятелей ковчегъ, отличавшійся особенно большими размѣрами. Подобныя же предосторожности принимались въ большей

части Италіи. Наконецъ наступилъ февраль мѣсяцъ—и не выпало ни единой капли дождя. Никогда, ни въ одномъ мѣсяцѣ не было такой засухи, и никогда астрологи не чувствовали такого смущенія. Однако эти достойные люди не упали духомъ, и имъ не перестали вѣрить. Тотъ же Стофлеръ, сообща съ знаменитымъ Регіомонтаномъ, снова предсказалъ, что въ 1588 году будетъ конецъ міру или, по крайней мѣрѣ, послѣдуютъ какія-нибудь ужасныя происшествія, долженствующія привести въ безпорядокъ и всколебать землю.

«Новое предсказаніе—и новое разочарованіе! 1588 годъ не ознаменовался никакимъ необычайнымъ происшествіемъ. Въ 1572 году было, правда, явленіе весьма странное, которое могло оправдать всѣ опасенія: неизвѣстная звѣзда внезапно зажглась въ созвѣздіи Кассіопеи; эта звѣзда отличалась ослѣпительнымъ свѣтомъ и была видна даже днемъ. Астрологи объявили, что это была *Звѣзда Волхвовъ*, которая возвратилась и возвѣщала послѣднее пришествіе Іисуса Христа.

«XVII и XVIII столѣтія переполнены новыми предсказаніями, и предсказаніями крайне противорѣчивыми, относительно конца міра...

«Въ небольшомъ сочиненіи о религіяхъ, напечатанномъ въ 1826 году, графъ де-Сальмаръ Монфоръ искренно доказывалъ, что міру остается существовать всего только десять лѣтъ: міръ, говоритъ онъ, старѣется, и скоро придетъ его конецъ. Я полагаю, что это ужасное событіе не замедлитъ случиться. Іаковъ, родоначальникъ двѣнадцати колѣнъ Израиля и слѣдовательно первосвященникъ древней Церкви, родился въ 2168 году отъ сотворенія міра, то есть за 1836 лѣтъ до Іисуса Христа. Древняя Церковь, первообразъ новой, существовала слѣдовательно 1836 лѣтъ. Теперь, когда я пишу эти строки, у насъ еще 1826 годъ;

а такъ какъ, по слову Господню, новая Церковь должна существовать до скончанія вѣковъ, то, если древняя точно была (что несомнѣнно) первообразомъ новой, изъ этого ясно видно, что міру остается существовать всего около 10-ти лѣтъ.

«Госпожа Крюднеръ, другъ императора Александра, тоже пророчила разрушеніе нашей планеты. Она назначала это событіе на 13 января 1819 года.

«Погибель міра назначалась также на 1832 и на 1840 годы. Предсказаніе на 1840 годъ долго служило предметомъ всеобщихъ ожиданій и страховъ. 1840 годъ былъ отмѣченъ роковымъ. Предсказанія самыя грозныя и ужасныя сыпались со всѣхъ сторонъ. На 6 января назначена была послѣдняя великая развязка человѣческой драмы. Весьма многіе приготовились къ роковому событію, покончили со всѣми своими дѣлами и съ твердостію ожидали конечной погибели.

«Сочиненіе, написанное въ 1840 году священникомъ Пьеромъ-Луи въ Парижѣ и посвященное папѣ Григорію XVI, заключаетъ толкованіе Апокалипсиса, назначающее конецъ міра на 1900 годъ. Вотъ на какихъ основаніяхъ Пьеръ-Луи назначилъ этотъ годъ:

«Апокалипсисъ говоритъ, что язычники занимали святой городъ въ продолженіе 42-хъ мѣсяцевъ.

«Святой городъ—это Іерусалимъ, взятый Омаромъ въ . . . . 636 году.

«Сорокъ два мѣсяца=1260 дней, или символическихъ . . . . 1260 лѣтъ.

Всего . . . . . 1896 лѣтъ.

«Даніилъ предвѣщаетъ пришествіе антихриста чрезъ 2300 дней послѣ восшествія Артаксерса на персидскій пре-

столъ—въ 400 году до Рождества Христова; а 2300—400=1900.

«Предзнаменованія уже появились:

«Появляется бѣлая лошадь (у пророка Захаріи лошади служатъ эмблемою имперій). Сидѣвшій на этой лошади держалъ лукъ: это—корсиканецъ Наполеонъ. Вы услышите о войнахъ и услышите звукъ оружій. Ему дана была корона.

«Енохъ и Илія должны явиться въ 1892 году. Въ 1896 году израильтяне снова войдутъ въ Іерусалимъ. Наконецъ, по новому пророчеству, Іисусъ Христосъ долженъ былъ появиться на облакахъ 11 апрѣля 1900 года». (Исторія Неба, стр. 513—518).

Въ нашемъ отечествѣ ожиданіе кончины міра было особенно сильно и всеобще въ концѣ XV вѣка. Какъ на западѣ этой кончины ожидали съ исполніемъ 1000 лѣтъ отъ Рождества Христова, такъ у народовъ восточнаго вѣроисповѣданія подобное ожиданіе перенесено было на 7000 годъ отъ сотворенія міра. Истеченіе семи тысячъ лѣтъ падало на 1492 годъ отъ Рождества Христова (5508+1492=7000). Сообразно съ этимъ вѣрованіемъ и пасхальное расчисленіе, то есть празднованіе Пасхи, заранѣе было сдѣлано не на весь пасхальный кругъ, а доведено только до этого года. Съ приближеніемъ этого послѣдняго умы многихъ вѣрующихъ приходили въ тревожное состояніе. Оно выражалось и въ разныхъ замѣткахъ, которыми переписчики пасхаліи сопровождали роковой 7000 годъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна русская лѣтопись въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Писано въ пасхаліи: братія! здѣсь страхъ, здѣсь бѣда великая, здѣсь скорбь немалая; какъ и въ распятіе Христово, сей кругъ солнца будетъ 23, луны 13, и сіе лѣто будетъ послѣднее, въ оное чаемъ всеміранаго пришествія Христова».

И въ наши дни не прекращаются слухи о кончинѣ міра, основывающіеся на такихъ или иныхъ признакахъ...

Если предсказанія и ожиданія конца міра въ разныя времена не сбывались въ назначаемый для него срокъ, то изъ этого нельзя еще умозаключать, что пророчество о кончинѣ міра, быть можетъ, и не оправдается. Изъ этого можно умозаключать только объ ограниченности ума человѣческаго, которому не дано знать временъ и сроковъ, положенныхъ Отцемъ Небеснымъ въ Своей власти. Даже Ангелы небесные, которымъ доступны многія недовѣдомыя намъ тайны, не знаютъ о днѣ и часѣ кончины міра и втораго пришествія Христова. А что отъ насъ сокрытъ этотъ великій и страшный день, это сдѣлано для нашего же блага: милосердый Господь хочетъ, чтобы мы всегда бодрствовали и были постоянно готовы, чтобы никто изъ насъ не погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію. «Для того,—разсуждаетъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—чтобы не заботились объ одномъ только днѣ смерти, Іисусъ Христосъ не означаетъ ни дня общей кончины, ни дня смерти каждаго: Онъ желаетъ, чтобы всегда ожидали онаго, чтобы оный день былъ предметомъ непрестанной заботы... Я предсказалъ всѣ будущія событія, довелъ тебя до самаго предуверія (такую рѣчь влагаетъ святитель въ уста Господа). Если-жъ Я не отворилъ тебѣ дверей, то для твоей же пользы [1])».

3. Признаки приближенія конца міра.

Хотя отъ насъ сокрыты самый день и часъ кончины міра, но за то намъ открыты нѣкоторые признаки, по ко-

[1]) На Евангелиста Матѳея бесѣда LXXVII.

торымъ мы можемъ судить о приближеніи этого дня и часа, какъ по распускающимся листьямъ смоковницы узнаемъ о приближеніи лѣта. «Если ты спрашиваешь о днѣ и часѣ, не услышишь отъ Меня ничего, говоритъ Господь; если же вообще о времени и предварительныхъ признакахъ, то не скрывая ничего, объясню тебѣ все подробно [1])». Для ободренія праведниковъ и вразумленія грѣшниковъ Христосъ Спаситель какъ Самъ непосредственно, такъ и чрезъ Апостоловъ благоволилъ предуказать нѣкоторыя знаменія Своего втораго пришествія и кончины вѣка, нѣкоторые признаки приближенія великаго дня суднаго.

«Два предшествующія событія ясно изображаются въ Писаніи: одно, что *Евангеліе будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ* и въ Церковь войдетъ полнота язычниковъ, а затѣмъ и народъ израильскій; другое есть—имѣющее открыться великое *отпаденіе*, изъ котораго разовьется послѣдній, все бывшее зло превосходящій видъ грѣха [2])».

И такъ *первый* признакъ, указываемый Самимъ Господомъ въ Его бесѣдѣ на горѣ Елеонской, есть слѣдующій: *И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ, и тогда пріидетъ конецъ* (Матѳ. XXIV, 14).

Проповѣдь христіанская, начавшись съ Іерусалима, мало-по-малу обнимаетъ всѣ народы и страны земли. Уже въ вѣкъ апостольскій, во исполненіе словъ Самого Господа: *надлежало проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная съ Іерусалима* (Лук. XXIV, 47), *и даже до края земли* (Дѣян. I, 8), вѣра во Христа проповѣдана была въ Іерусалимѣ, потомъ въ Іудеѣ, Самаріи и далѣе. Предѣлъ Евангельской

[1]) *Св. Іоаннъ Златоустъ*, тамъ же.

[2]) Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры апологетическія публичныя чтенія *Протоіерея Н. А. Сергіевскаго*. М. 1872 г., стр. 173—174.

проповѣди: *край земли*—это не границы только земли обѣтованной, или Палестины, ясныя уже изъ обозначенія странъ: Іудеи, Самаріи, а—границы всей земли, всего земнаго шара. Въ такихъ-то широкихъ предѣлахъ проповѣдь о Христѣ, начатая святыми Апостолами, неустанно продолжается преемниками ихъ и будетъ продолжаться, пока при концѣ временъ не дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ вселенной.

При обширномъ кругѣ распространенія проповѣди Евангельской нельзя дѣло представлять такъ, чтобы одинъ народъ за другимъ въ преемственномъ порядкѣ приходилъ въ общеніе жизни со Христомъ; но распространеніе вѣры совершается то здѣсь, то тамъ, то въ странахъ ближнихъ, то въ дальнихъ. Какого-нибудь средоточнаго пункта постепенно расширяющихся круговъ миссіонерства вѣры Христовой указать нельзя, ибо проповѣданіе и принятіе вѣры совершается по волѣ Бога призывающаго; а не по напередъ разсчитаннымъ человѣческимъ произволеніемъ путямъ. Какъ бы то ни было, ко второму пришествію Господа не останется ни одного уголка земли, куда бы не проникла проповѣдь Евангельская; не будетъ ни одного народа и племени, которые не услышали бы слова спасенія.

Что же касается іудеевъ, то объ нихъ засвидѣтельствовалъ св. Апостолъ Павелъ, когда писалъ къ христіанамъ изъ язычниковъ: *Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о тайнѣ сей* (*чтобы вы не мечтали о себѣ*), *что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти, до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ; и такъ весь Израиль спасется* (Римл. XI, 25, 26). Какъ ни казалось нѣкоторымъ изъ современниковъ Апостола обстоятельство обращенія Израиля ко Христу мало понятнымъ или даже невозможнымъ, самъ св. Апостолъ признаетъ, что по идеѣ Израиль имѣетъ преимущественное право на принятіе хри-

стіанства, ибо онъ издревле приготовлялся ко Христу: ему принадлежатъ и усыновленіе, и слава, и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе и обѣтованія, его отцы и отъ него Христосъ по плоти. Перемѣна теперешняго политическаго положенія Израиля сравнительно съ ветхозавѣтною его эпохою приготовленія къ Мессіи-Христу, фактическое положеніе Израиля—разсѣяніе его между всѣми народами, по всему земному шару, способствующее Израилю быть впослѣдствіи проводникомъ религіозныхъ христіанскихъ идей, еще болѣе убѣждаетъ Апостола въ мысли о весьма важномъ значеніи Израиля въ дѣлѣ миссіи христіанской. Вотъ почему онъ тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые высказывали рѣшительное сомнѣніе въ будущемъ обращеніи Израиля ко Христу, называетъ людьми, считающими себя не въ примѣръ умными, слишкомъ довѣрчивыми къ своимъ собственнымъ умственнымъ силамъ и понятіямъ, а слѣдовательно и мало основательными. Съ Израилемъ,—говоритъ Апостолъ,—случилось ослѣпленіе только временное, котораго нельзя считать неизмѣннымъ и имѣющимъ продолжаться до конца исторіи Израиля. Если теперь Израиль не вѣруетъ во Христа, то въ будущемъ онъ обратится ко Христу. Въ основѣ этой увѣренности Апостола лежитъ глубокое убѣжденіе: «дары и призваніе Божіе непреложны». (Римл. XI, 29). Частные, нерѣдко случающіеся и въ наше время примѣры обращенія евреевъ ко Христу служатъ уже оправданіемъ пророчества Апостола языковъ о судьбѣ Израиля. Но, говоря о происшедшемъ ожесточеніи Израиля какъ о временномъ явленіи, Апостолъ опредѣляетъ далѣе, до какого момента времени оно продлится: оно продлится до того времени, «пока войдетъ полное число язычниковъ». Какъ скоро взойдетъ въ Церковь Христову полнота язычниковъ какъ народовъ, то къ Церкви же Христовой обратится и весь Израиль: фактомъ обращенія всѣхъ языческихъ народовъ ко Христу воз-

будится и въ народѣ израильскомъ ревность обращенія ко Христу.

Мысли Апостола объ историческомъ моментѣ обращенія іудеевъ нисколько не противорѣчитъ свидѣтельство того-же Апостола въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ: «приближается на нихъ гнѣвъ до конца» (1 Ѳессал. II, 16) [1]. Это свидѣтельство Апостола языковъ не означаетъ того, что гнѣвъ Божій сотретъ съ лица земли невѣрный Богу народъ іудейскій еще во время и въ состояніи его ослѣпленія. Смыслъ свидѣтельства скорѣе противоположный: тяготѣющій теперь на іудеяхъ гнѣвъ Божій получитъ конецъ, достигнетъ своего предѣла, сдѣлаетъ вполнѣ свое дѣло. Все выраженіе этой мысли приравнивается такимъ образомъ къ выраженію пророка Даніила: «кончится разсѣяніе горсти народа святаго» (XII, 7).

Ученіе Апостола Павла объ обращеніи израильскаго и языческихъ народовъ ко Христу въ ихъ взаимномъ отношеніи имѣетъ для себя твердое основаніе въ ученіи Христа Спасителя о томъ-же предметѣ. Въ бесѣдѣ Своей на горѣ Елеонской (по изложенію Евангелиста Луки) Господь говоритъ: «Іерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, доколѣ не окончатся времена язычниковъ» (Лук. XXI, 24). «Судьба Іерусалима тѣсно связана съ нравственнымъ и религіознымъ состояніемъ народа, коего онъ былъ богослужебнымъ центромъ и священною столицею. По одному пророчеству, сказанному Христомъ незадолго до эсхатологической рѣчи (бесѣды на горѣ Елеонской), Іерусалимъ подвергнется опусто-

[1]) Вотъ полный составъ рѣчи Апостола: «Вы, братія, сдѣлались подражателями церквамъ Божіимъ во Христѣ Іисусѣ, находящимся въ Іудеѣ, потому что и вы тоже претерпѣли отъ своихъ единоплеменниковъ, что и тѣ отъ іудеевъ, которые убили и Господа Іисуса и Его пророковъ, и насъ изгнали, и Богу не угождаютъ, и всѣмъ человѣкамъ противятся, которые препятствуютъ намъ говорить язычникамъ, чтобы спаслись, и чрезъ это всегда наполняютъ мѣру грѣховъ своихъ: но приближается» и т. д.

шенію (Матѳ. XXIII, 37, 38) и осадѣ со стороны язычниковъ, такъ какъ не хотѣлъ собрать чадъ своихъ ко Христу. Теперь, по другому пророчеству Божественнаго Учителя, печальной судьбѣ Іерусалима предсказывается счастливая перемѣна; тяжелому его современному состоянію предвидится въ будущемъ предѣлъ. Само собою понятно, что это обстоятельство опять должно стоять въ тѣсной связи съ перемѣною нравственно-религіознаго состоянія чадъ Іерусалима. Такъ какъ Іерусалимъ считается представителемъ и мѣстомъ національнаго единства всего Израильскаго народа какъ народа божественнаго обѣтованія и благодатнаго избранія, то благопріятный поворотъ въ судьбѣ Іерусалима предполагаетъ дѣйствительный и рѣшительный переворотъ въ религіозно-нравственномъ сознаніи современнаго Израиля, переходъ его отъ теперешняго невѣрія въ вѣру, и именно Израиля какъ народнаго цѣлаго, народной единицы. Благопріятная судьба столицы необходимо отразится на доброй судьбѣ цѣлаго народа. Правда, при первомъ взглядѣ на современное положеніе Израиля, находящагося въ разсѣяніи, по истинѣ отведеннаго во вся языки и раздѣленнаго, повидимому, на атомы, трудно предположить возможность обращенія его, какъ народнаго цѣлаго, ко Христу. Но и въ современномъ печальномъ и разстроенномъ состояніи связь между разбросанными членами еврейской націи не порвана: она постоянно даетъ себя такъ или иначе чувствовать и будетъ сохраняться до времени исполненія пророчества о послѣдней судьбѣ Іерусалима и міра... Не смотря на свое теперешнее разсѣяніе между всѣми языками, народъ іудейскій сохранитъ свое національное единство, народную цѣлость, и не исчезнетъ со сцены жизни и исторіи; подобно тому, какъ Іерусалимъ, столица іудеевъ, будетъ только попираемъ, а не попранъ, то есть, будетъ въ попраніи продолжительное время, пока исполнятся времена языкъ... Не наступленіе

карательнаго и испытующаго суда надъ языками должно видѣть въ выраженіи: «исполненіе языческихъ временъ», а завершеніе періода исторической жизни язычниковъ, предназначеннаго имъ для исполненія карательнаго суда надъ Іерусалимомъ. Такъ какъ не одинъ языческій народъ (римскій) враждебно относился къ Іерусалиму, а нѣсколько, каждый въ свое время, то и не замѣчается: «времена языкъ», а не «время»; и такъ какъ съ другой стороны историческая жизнь языческихъ народовъ находила и находитъ для себя завершеніе или окончаніе въ христіанствѣ, то и въ выраженіи: «исполненіе временъ язычниковъ» можно видѣть указаніе на время призванія и обращенія языческихъ народовъ въ христіанскую вѣру. Съ наступленіемъ этого отраднаго для истинно-христіанской души времени согласуется какъ нельзя лучше и окончаніе долгаго срока попранія Іерусалима со стороны язычниковъ. Лишь только язычники дѣлаются христіанами, они перестаютъ быть орудіями карательнаго суда надъ Іерусалимомъ: Іерусалимъ становится для нихъ не мѣстомъ богомерзкаго попранія, а мѣстомъ благоговѣйнаго почитанія и священной памяти. Такимъ образомъ въ теченіе долгаго періода времени многіе языческіе народы, съ разныхъ странъ свѣта (Матѳ. VIII, 11; Лук. XIII, 29), дѣйствительно-ли подходившіе съ боевою силою къ Іерусалиму или знавшіе о немъ только по наслышкѣ, обратятся, согласно предсказанію Самого Христа Господа объ исполненіи временъ языковъ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ къ Іерусалиму, какъ мѣсту страданій, смерти и воскресенія Христа Спасителя. Народъ Іерусалимскій не исчезнетъ съ лица земли за все время, пока все это произойдетъ, пока совершится распространеніе и дѣйствіе Евангелія по всему земному шару. А когда все это произойдетъ въ виду и на глазахъ, такъ сказать, на-

рода Іудейскаго, то и у него пробудится способность вѣры и слышанія слова Божія [1]).

Предвѣщая будущую печальную судьбу Іерусалима, Христосъ сказалъ сынамъ Израиля: «Глаголю вамъ, яко не имате Мене видѣти отселѣ, дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне» (Матѳ. XXIII, 39). Смыслъ заключительныхъ словъ этого пророческаго изреченія показываетъ, что евреи нѣкогда признаютъ божественное достоинство грядущаго Спасителя, выражая это признаніе въ обычномъ привѣтствіи восточныхъ пилигримовъ къ Нему, грядущему во славѣ. Расположившее къ этому привѣтствію признаніе іудеями Божественнаго Учителя за Мессію; очевидно, должно предшествовать событію втораго пришествія Христова, а не вызваться имъ.

Второй признакъ приближенія конца міра—великій нравственный и религіозный упадокъ.

«Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры» (Тим. IV, 1). Отпаденіе отъ вѣры Христовой въ послѣднія времена будетъ имѣть нѣкоторое отношеніе ко времени первоначальныхъ гоненій на Церковь Христову. Самъ Божественный Основатель нашей религіи сказалъ: «Тогда будутъ гнать васъ (то есть, учениковъ Христа, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ вѣрныхъ послѣдователей Христа), и нѣкоторыхъ изъ васъ умертвятъ, и будете ненавидимы всѣми за имя Мое» (Лук. XXI, 12, 16, 17). Подобно тому, какъ было въ первое время христіанства,—и въ послѣднее время, когда вѣра христіанская распространится между всѣми народами, обнаружится слѣпая ненависть по отношенію къ христіанамъ, прямое предательство ихъ въ скорбь и смерть, и это нерѣдко за одно имя христіанъ, за то, что они исповѣдуютъ имя Христа,

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. Критико-экзегетическое и догматическое изслѣдованіе *Н. Виноградова*. М. 1887 г., стр. 51, 52, 53, 54.

готовы быть его вѣрными учениками и послѣдователями. Но какъ-же это будетъ возможно при всеобщемъ распространеніи вѣры христіанской? Распространеніе проповѣди Евангельской; слышаніе ея не предполагаютъ необходимо сердечнаго усвоенія ея слушателями. Проповѣдь Евангельская на извѣстнаго рода слушателей можетъ подѣйствовать обличающимъ и ожесточающимъ образомъ. Изъ этихъ-то обличенныхъ и ожесточенныхъ и составляется первое общество противниковъ Евангелія и христіанства. Число ихъ увеличится еще слабыми въ вѣрѣ христіанами; этимъ усилится сомнѣніе относительно вѣры Христовой въ лицахъ, находящихся внѣ Церкви Христовой; и такимъ образомъ произойдетъ то, что «соблазнятся многіе» (Матѳ. XXIV, 10). Затѣмъ, не смотря на сходство ложнаго направленія, слабовѣрующіе и совсѣмъ невѣрующіе будутъ предавать другъ друга и ненавидѣть, и это даже въ ближайшихъ земныхъ отношеніяхъ родства и дружбы (Лук. XXI, 16; Марк. XIII, 12).

«На почвѣ нравственнаго разлада и нестроенія людей разовьется въ будущемъ, по словамъ Божественнаго Учителя, ложное пророчество или учительство: явятся выразители мрачнаго настроенія общества—ложные пророки, выдающіе себя за истинныхъ пророковъ Христа. Выступивъ въ одеждѣ овецъ эти волки хищные призрачнымъ и примрачнымъ своимъ ученіемъ прельстятъ многихъ, иначе сказать—увлекутъ многихъ силою своего ложнаго краснорѣчія на лживый путь грубаго невѣрія и гибельнаго отпаденія отъ вѣры Христовой. Въ тѣсной связи съ этимъ начнется развитіе беззаконія, котораго главное мѣсто дѣйствія внѣ Церкви, но которое, усилившись, окажетъ вліяніе и на членовъ самой Церкви: во многихъ изъ нихъ охладѣетъ огнь (Лук. XII, 49) христіанской любви: «за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ» (Лук. XXIV, 12).

Мысль объ изсякновеніи любви, этого истиннаго христіанскаго начала, есть заключительная мысль въ предсказаніи Христа Спасителя объ отрицательномъ направленіи, имѣющемъ развиться по отношенію къ христіанству какъ внѣ Церкви, такъ и среди самой Церкви. По связи этой заключительной мысли съ рядомъ мыслей, ей непосредственно предшествующихъ, видно, что предсказаніе объ этомъ отрицательномъ направленіи въ обществѣ человѣческомъ не можетъ относиться только къ печальнымъ обстоятельствамъ Іудеи предъ разрушеніемъ Іерусалима или вообще ко времени первохристіанскому. Если подобное тому, что изображаютъ эти мысли, и случилось предъ разрушеніемъ Іерусалима, о чемъ и повѣствуетъ намъ Іосифъ Флавій (въ своемъ сочиненіи о войнѣ Іудейской), то это былъ только слабый отобразъ предсказаннаго Спасителемъ сильнаго и безпримѣрнаго упадка въ Церкви къ концу временъ, упадка, который св. Апостоломъ Павломъ обозначенъ даже особымъ именемъ апостасіи—*отпаденія* и на которомъ собственно и осуществится предсказаніе Господа о будущемъ изсякновеніи любви между людьми» [1]).

Въ высшей степени прискорбный фактъ изсякновенія чувства любви среди людей приметъ въ будущемъ самые широкіе размѣры. Имѣя въ виду будущія тяжелыя времена въ жизни и исторіи человѣчества, великій Апостолъ языковъ во второмъ своемъ пастырскомъ посланіи къ ученику своему, епископу Ефесскому Тимоѳею, прямо и рѣшительно говоритъ: «Знай-же, что въ послѣдніе дни наступятъ времена тяжкія. Ибо люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящіе добра, предатели, наглы, напыщенны, болѣе сластолюбивы, нежели боголюбивы, имѣющіе видъ благочестія, силы-же его отрекшіеся» (III, 1—5).

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. *Н. Виноградова*, стр. 73—74.

Послѣдовательнѣе людей, которые только внѣшнимъ образомъ будутъ христіанами, въ послѣдніе дни окажутся тѣ «нѣкоторые», о которыхъ св. Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что они рѣшительно отступятъ отъ вѣры (1 Тим. IV, 1). Къ послѣднимъ днямъ міра чувство невѣрія у людей антихристіанскаго направленія усилится и разовьется въ положительное отступленіе отъ вѣры. Указывая именно на этотъ печальный фактъ будущаго въ родѣ человѣческомъ, Божественный Учитель нашъ кратко, но сильно сказалъ: «Сынъ человѣческій, пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ» (Лук. XVIII, 8).

Ближайшими виновниками или производителями этого отпаденія явятся лжеучители-лжехристы и лжепророки. Вѣрѣ христіанъ будетъ грозить великая опасность отъ этихъ лжеучителей, и притомъ сильнѣе отъ лжепророковъ, чѣмъ отъ лжехристовъ. «Послѣдніе, какъ самообольщающіеся фанатики, станутъ выдавать себя за посланниковъ Божіихъ, какъ нѣкогда въ эпоху до 70 или 80 г. по Р. Хр. гоеты Ѳевда и какой-то Египтянинъ, упоминаемый и въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (XXI. 38). Появленіе ихъ то здѣсь, то тамъ одновременно, сопровождаемое быстролетною вѣстію: «здѣсь Христосъ» или «тамъ» (Матѳ. XXIV, 23), будетъ рѣзкимъ изобличеніемъ ихъ лжи, ибо Христосъ одинъ и когда явится вторично, то явится какъ молнія, исходящая отъ востока и сіяющая до запада. Что касается лжепророковъ или лжеучителей, то они какъ по характеру своей личности, такъ и по смыслу и силѣ своей дѣятельности, будутъ служить къ большему соблазну и прельщенію вѣрующихъ. Повидимому ревностные поклонники христіанства, выразители его духа въ духовной, удаляющейся отъ всего

чувственнаго, жизни и мысли, лжеучители на самомъ дѣлѣ будутъ имѣть только образъ благочестія, силы же его отвергнутся... Отвергшись силы истиннаго благочестія, они станутъ дѣйствовать подъ вліяніемъ силы выше земной, но темной. Какъ сами лжесловесники, по внутреннему своему состоянію будутъ находиться подъ сильнымъ, неотразимымъ вліяніемъ отца лжи, такъ и ученіе ихъ будетъ, по Апостолу, ученіемъ бѣсовскимъ (1 Тим. IV, 1). Оно будетъ происходить отъ демоновъ, начнетъ проповѣдываться не безъ ихъ лукаваго внушенія, отъ чего и зависитъ и тайна вліянія этого ученія... На кого будущіе лжепророки окажутся не въ состояніи подѣйствовать демонскою прелестію своего ученія, для тѣхъ они сотворятъ знаменія и чудеса: «дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ» (Матѳ. XXIV, 14). Въ чудесной дѣятельности лжеучителей еще болѣе обнаружится дѣйствительная связь ихъ съ злою сатанинскою силою, такъ какъ не иначе, какъ этою силою, они будутъ имѣть возможность производить знаменія и чудеса, съ ложною цѣлію и значеніемъ. Таковыя чудеса суть очевидныя проявленія злаго духа, надъ вещественною, видимою природою. Насколько видимая, бьющая въ глаза дѣйствительность производитъ болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе, чѣмъ отвлеченное ученіе, настолько и чудесная дѣятельность лжеучителей предъ концомъ міра можетъ произвести болѣе чарующее дѣйствіе сравнительно съ ихъ ученіемъ, хотя бы то и на избранныхъ. Кто эти избранные, въ возможности соблазна которыхъ указывается мѣрило опасности отъ будущихъ лжеучителей? Избранные—это истинные и вѣрные послѣдователи Христа, члены непреодолимой Церкви Христовой, главный составъ Царства Божія на землѣ... Въ отношеніи къ таковымъ-то избраннымъ Господь, вслѣдъ за упоминаніемъ о соблазнѣ отъ лжеучителей, предостережительно за-

мѣчаетъ: «Вотъ Я напередъ сказалъ вамъ все». Господь Іисусъ Христосъ Самъ не разъ замѣчалъ, во время Своей общественной проповѣди, относительно избранныхъ: «Много званныхъ, мало же избранныхъ» (Матѳ. XX, 16; ср. XXII, 14). Многимъ, очень многимъ или даже всѣмъ (по употребленію слова «многіе» въ Свящ. Писаніи) возвѣщено будетъ слово Евангельское, но, по своему обличающему и ожесточающему образу дѣйствія на закоренѣлыя сердца, далеко не всѣми оно будетъ принято, далеко не всѣ окажутся въ числѣ истинныхъ и твердыхъ послѣдователей Христа. Скользкій путь нравственнаго упадка и растлѣнія, безграничнаго довѣрія къ лжеучителямъ доведетъ несчастную часть человѣчества до совершеннаго отпаденія отъ истинной вѣры Христовой. Апостолъ языковъ—св. Павелъ разумѣетъ эту часть человѣчества подъ неопредѣленнымъ мѣстоименіемъ «нѣкоторые»; Апостолъ же и Тайнозритель св. Іоаннъ Богословъ говоритъ въ своемъ Апокалипсисѣ о части человѣчества, отдѣлившейся отъ религіознаго союза съ Богомъ, такой части, которая обнимаетъ собою множество людей, народовъ, племенъ и языковъ (Апок. XVII, 15). Этой части человѣчества, въ параллель наименованію другой части—«избранные», усвояется также образное ветхозавѣтное наименованіе *великой любодѣйцы* (тамъ же, ст. 1). Церковь невѣрная, или та часть человѣчества, которая не обнаружитъ, на закатѣ дней теперешняго хода жизни и исторіи, истинной вѣры въ Бога и должнаго исполненія Его святаго закона, дѣйствительно вступитъ въ тѣсное сношеніе съ міромъ духовнымъ, ему будетъ служить и опираться на его грубую силу (1 Іоан, II, 16)... При упадкѣ истинной вѣры, при упадкѣ характера совершенной нравственности, однимъ словомъ, при пустотѣ своего внутренняго душевнаго состоянія, несчастная часть человѣчества предъ концомъ міра не останется однакожъ безъ всякой

вѣры: потерявши силу благочестія, она сохранитъ нѣкоторый его видъ. Непреложный законъ психической жизни, что у всякаго человѣка, переставшаго вѣрить совершенной истинѣ, всегда на мѣсто ея въ умѣ и сердцѣ выступала ложь въ формѣ суевѣрія съ дикими и вредными ея послѣдствіями,—еще разъ и во всей силѣ оправдается на этой несчастной части человѣчества. Люди послѣднихъ временъ, отказавшись вѣрить абсолютной истинѣ христіанской, повѣрятъ абсолютной лжи въ лицѣ антихриста» [1]).

Таковы два существеннѣйшихъ признака приближенія конца міра, открытые намъ въ словѣ Божіемъ, для того, безъ сомнѣнія, чтобы мы не были невнимательны къ *знаменіямъ времени* и не оказались спящими въ то время, когда потребно сугубое бодрствованіе...

«Внимательно различая знаменія предуказанныя, кажется, мы должны сказать: и то, и другое находится на пути къ исполненію.

«Ибо прежде всего *близъ есть*, что христіанство сдѣлается вѣрою всего міра. Знающіе говорятъ, что чрезъ всѣ языческія религіи уже проходитъ предчувствіе, что дни ихъ сочтены. Исламъ—полуживой; да и вообще онъ есть іудейство, остановившееся на полдорогѣ къ христіанству. Миссіонерство—во всемъ мірѣ. Само внѣшнее господство христіанскихъ народовъ, какъ бы оно не удалялось отъ цѣлей Церкви, есть орудіе въ рукахъ Божіихъ къ собранію всѣхъ народовъ въ лоно Церкви, чтобъ концы земли стали наконецъ и предѣлами Церкви. Что касается Израиля,—уже существованіе этого чудеснаго народа показываетъ, что Богъ бережетъ его для будущаго времени. По пророчеству, не отдѣльныя только личности, но весь народъ обратится. И

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка, *Н. Виноградова.* Стр. 79, 80, 81, 82, 83, 84.

связь, въ которой еще находится между собою этотъ народъ, повидимому разбитый на атомы, должна дать понять, что лишь только въ немъ возникаетъ религіозное движеніе, оно легко сдѣлается всеобщимъ. Теперь у нихъ очи закрыты. Когда же войдетъ въ Церковь полнота язычниковъ, тогда ослѣпленіе Израиля пройдетъ: такъ открываетъ Апостолъ. И чѣмъ больше этотъ народъ изначальнаго Божія избранія пренебрегалъ тѣмъ, Который однако былъ и есть исполненіемъ его надеждъ, тѣмъ благоговѣйнѣе будетъ его поклоненіе въ вѣрѣ и любви.

«Но съ будущностію обращенія Израиля къ Церкви совпадаетъ по слову пророчества, время страшнаго *отпаденія* въ Церкви. Исторія въ концѣ концовъ идетъ навстрѣчу времени, когда христіанскій міръ рѣшительно раздѣлится на два стана—христіанскій и нехристіанскій. Когда это совершится, извѣстно одному только Богу. Но процессъ раздѣленія уже не начался-ли? Имѣющій очи видѣти да видитъ! Когда отпаденіе достигнетъ послѣдней степени, тогда оно воплотится въ человѣкѣ отпаденія, котораго пророчество называетъ антихристомъ. Церковь будетъ въ гоненіи, какъ бы на крестѣ. Ея конецъ совпадаетъ съ ея началомъ [1]).

4. Антихристъ.

Всѣ великіе двигатели человѣчества въ томъ или другомъ духѣ и направленіи являются въ свое время: они бываютъ живымъ плодомъ своего времени, необходимымъ произведеніемъ той среды, въ которой являются. Точно также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію связь анти-

[1]) Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры. *Прот. Н. Сергіевскаго.* Стр. 174—175.

христа со своимъ временемъ, съ своею средою. Изъ антихристіанства, или великаго отступленія послѣднихъ людей выродится антихристъ, или великій отступникъ. Выродившись самъ изъ великаго отступленія, антихристъ съ другой стороны доведетъ великое отступленіе до конца, организуетъ его, даетъ ему на короткое время прочный и устойчивый укладъ.

Въ Свящ. Писаніи имя *антихриста* употребляется въ двоякомъ смыслѣ—въ смыслѣ *общемъ*, означая всякаго противника Христу, противоборствующаго успѣхамъ Евангелія и низвращающаго или отвергающаго его догматы (1 Іоан. II, 22; IV, 3; 2 Іоан. 7),—и въ смыслѣ *особенномъ*, означая собственно противника Христу, имѣющаго явиться предъ кончиною міра для противодѣйствія христіанству (2 Сол. II, 3—12; 1 Іоан. II, 18).

О лицѣ этого антихриста, его свойствахъ и дѣйствіяхъ нужно различать въ словѣ Божіемъ съ одной стороны ученіе прямое и довольно ясное, а съ другой—только намеки и таинственныя предсказанія, смыслъ которыхъ для насъ недоступенъ и на основаніи которыхъ издревле существовали между учителями Церкви одни частныя мнѣнія.

а) Ясное ученіе объ антихристѣ изложено преимущественно во второмъ посланіи къ Солунянамъ (Ѳессалоникійцамъ), которое и открываетъ намъ слѣдующее;

Антихристъ будетъ *опредѣленное лице* и именно человѣкъ, но только человѣкъ беззаконный, находящійся подъ особеннымъ дѣйствомъ сатаны. *Откроется*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *человѣкъ грѣха*, *сынъ погибели, беззаконникъ, котораго пришествіе—по дѣйствію сатаны* (2 Сол. II, 2, 3, 8, 9). И святые Отцы и учители Церкви—Ириней, Ипполитъ, Тертулліанъ, Евсевій, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Іеронимъ, Ѳеодоритъ и другіе единогласно признавали антихриста за опредѣленное лице и за человѣка.

Если же иногда учители Церкви и называли антихриста *отступленіемъ*, то это отнюдь не въ смыслѣ отождествленія самого антихриста съ антихристіанскимъ духомъ и направленіемъ въ послѣднія времена, какъ думаютъ нѣкоторые изъ протестантскихъ богослововъ и большая часть русскихъ раскольниковъ, признающихъ не *чувственнаго*, а *духовнаго* антихриста: у святыхъ Отцевъ и учителей Церкви антихристъ называется отступленіемъ только въ томъ смыслѣ, что какъ самъ онъ будетъ *отступникомъ*, такъ и другихъ будетъ стараться принудить къ *отступленію* отъ Христа. И св. Апостолъ Павелъ ясно различаетъ отступленіе, антихристіанство отъ антихриста, предполагая наступленіе перваго прежде явленія послѣдняго: «да не обольститъ васъ никто никакъ; ибо день тотъ—день Христовъ—не пріидетъ, доколѣ не пріидетъ *прежде* отступленіе и не откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели» (2 Сол. II, 3 [1]). Антихристъ будетъ такое лице, которое всѣми силами и способами будетъ стремиться уничтожить самую идею о Христѣ: въ этомъ—рѣзкое и существенное отличіе антихриста отъ лжепророковъ и лжемессій, которые признаютъ идею о Христѣ: но ложно ее истолковываютъ. Антихристъ—это выразитель, или воплотитель антихристіанства, или отступленія послѣднихъ дней. «Всякая господствующая идея—говоритъ одинъ нѣмецкій богословъ—настолько воплощается наконецъ въ одной или въ нѣсколькихъ личностяхъ, что онѣ становятся представителями ея. Поэтому, если бы даже Библія ничего не говорила объ антихристѣ какъ о лицѣ, то самый духъ послѣднихъ временъ потребовалъ бы, чтобы явился наконецъ нѣкто антихристъ, который двинетъ воз-

[1]) Названіе—„сынъ погибели" прилагается какъ къ антихристу въ этомъ мѣстѣ, такъ и къ Іудѣ Искаріотскому въ Евангеліи Іоанна (XVII, 12),—чѣмъ еще разъ указывается на антихриста какъ на опредѣленную личность.

станіе на Бога къ послѣднимъ предѣламъ его [1])». Антихристъ явится въ сопровожденіи своего ложнаго пророка. Этотъ ложный пророкъ послѣдняго противника Христа и Церкви какъ его пособникъ будетъ дѣйствовать въ духѣ и направленіи антихриста. Лжепророкъ антихриста составитъ прямую противоположность двумъ пророкамъ древности—Иліи и Еноху, имѣющимъ явиться въ послѣднія времена для утѣшенія и ободренія истинно вѣрующихъ. По общему смыслу и значенію своего лица и дѣла ложный пророкъ будетъ относиться къ антихристу такъ же, какъ истинный пророкъ и креститель Іоаннъ относится ко Христу. Ложный пророкъ своимъ появленіемъ и дѣятельностію опредѣлитъ грядущаго противника Христа, какъ антихриста.—Касательно отношенія къ антихристу діавола одни (Лактанцій, Гезихій Іерусалимскій, Іеронимъ) полагали, что онъ будетъ какъ бы сыномъ или исчадіемъ сатаны; другіе (Кириллъ Іерусалимскій, Іоаннъ Дамаскинъ),—что сатана какъ бы поселится въ немъ и будетъ употреблять его орудіемъ, дѣйствуя въ немъ самъ собою. *А. Θеодоритъ* принимаетъ, что въ лицѣ антихриста воплотится непосредственно самъ діаволъ: «До пришествія Христова явится въ міръ, облеченный въ человѣческое естество, врагъ людей и противникъ Божій, демонъ, похититель Божія имени [2])».

По характеру своему, антихристъ будетъ отличаться необычайною гордостію и выдавать себя за Бога: *Противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога* (2 Сол. II, 4). Антихристъ есть богохульная сила, притязающая самолично на божеское почитаніе и поклоненіе. Мысль объ антихристѣ,

[1]) Энциклопедія Герцога, 1, 374.

[2]) Краткое излож. бож. догм., гл. 23, въ Христ. Чтеніи 1844 г., IV, 355.

какъ о силѣ, имѣющей выдавать себя за Бога и потому отрицать все то, что относится къ истинному богопочтенію и богопоклоненію, находимъ въ бесѣдѣ Господа на горѣ Елеонской. «Увидите мерзость запустѣнія, реченную чрезъ пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ (читающій да разумѣетъ [1])». Что это за *мерзость запустѣнія*, неоднократно упоминаемая у пророка Даніила (IX, 27; XI, 31; XII, 11). *Мерзость*—это въ общемъ смыслѣ «все содержаніе и весь объемъ идолопоклоненія», въ такъ называемой «мерзости» культъ идолопоклоненія находитъ полное свое выраженіе, заслуживающее поистинѣ полнаго отвращенія. Св. Іоаннъ Златоустъ въ объясненіи пророчества Исаіи: «отринетъ человѣкъ мерзости своя златыя и сребряныя» (II, 20) замѣчаетъ: «мерзостію называется въ Писаніи ненавистное и достойное отвращенія». *Мерзость запустѣнія* есть нѣчто такое, что навлекаетъ опустошеніе, что производитъ опустошеніе въ области богопочтенія и богопоклоненія. «По силѣ такого дѣйствія, вторгающагося въ сферу самыхъ высокихъ и дорогихъ проявленій жизни человѣка, само это *нѣчто* не можетъ быть только отвлеченнымъ понятіемъ или ученіемъ: нѣтъ, оно должно имѣть наглядное значеніе и живой смыслъ, указывать на живую, для всѣхъ понятную и очевидную дѣйствительность. Не безъ особеннаго же значенія эта мерзость запустѣнія представляется на взглядъ священныхъ писателей стоящею въ святомъ мѣстѣ, или тамъ, «гдѣ не должно» (Марк. XIII, 14). Углублявшіеся въ изученіе пророчествъ Даніила видятъ мерзость, навлекающую опустошеніе или запустѣніе, въ грубой и богохульной силѣ міра, вторгшейся въ святилище Іеговы и соединившейся съ безбожниками, нарушителями святаго завѣта съ Богомъ. Такое дикое вторженіе необузданной силы

[1]) Матθ. XXIV, 15.

міра въ святилище Іеговы—Іерусалимъ лѣтъ почти черезъ 500 послѣ Даніила было совершено сирійскимъ царемъ Антіохомъ Епифаномъ. Онъ, какъ извѣстно изъ книгъ Маккавейскихъ (1 Макк. 1 и 2 гл.), совершилъ безпримѣрное дотолѣ оскорбленіе святыни Іерусалимской. Возмечтавши ввести во всѣхъ своихъ областяхъ культъ Юпитера Олимпійскаго, онъ мысленно самого себя объединилъ съ этимъ богомъ и пожелалъ, чтобы ему въ Іерусалимскомъ храмѣ воздавалась божеская почесть. Имѣя въ виду это ближайшее ко времени пророка опустошеніе Іерусалима, пророческій взоръ Даніила видѣлъ мерзость запустѣнія Іерусалима представлялась пророку въ перспективѣ; лучъ его пророческаго зрѣнія при мысли о мерзости запустѣнія преломлялся и доходилъ до времени конца дней этого міра (см. Даніила XI и XII гл.). Нашъ Божественный Учитель при словахъ о мерзости и запустѣнія ссылается на Даніила пророка и поэтому говоритъ относительно этой мерзости такъ кратко, предполагая ее уже понятною слушателямъ изъ пророчества Даніила и извѣстною по первому ея обнаруженію и дѣйствію, описанному въ 1-й книгѣ Маккавейской. При этомъ умственный взоръ Божественнаго Учителя, устремляясь въ сторону прошедшаго, вызывая въ сознаніи учениковъ представленіе о мерзости запустѣнія, произведенной въ Іерусалимѣ Антіохомъ Епифаномъ, въ то же время направлялся и въ сторону будущаго: въ далекой исторической перспективѣ онъ прозрѣвалъ ту мерзость запустѣнія, которая еще обнаружится въ Іерусалимѣ со стороны антихриста, коему Антіохъ, по свидѣтельству всѣхъ учителей Церкви, былъ прообразомъ [1])». Св. Григорій Богословъ (въ словѣ XLVII) говоритъ по поводу словъ Господа о мерзости запустѣнія: «Говорятъ, что храмъ въ Іерусалимѣ

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка *Н. Виноградова*, стр. 103—104.

будетъ выстроенъ впослѣдствіи, когда іудеи повѣрятъ антихристу какъ Христу, и онъ возсядетъ въ немъ и видимо будетъ царемъ всей вселенной. Придетъ же онъ для опустошенія міра, ибо мерзости принадлежитъ признакъ опустошенія». Блаженный Θеодоритъ Кипрскій подобнымъ же образомъ замѣчаетъ относительно мерзости запустѣнія: «Дѣйствительно, истинная мерзость запустѣнія міра—человѣкъ беззаконія, сынъ погибели,—разумѣю именно антихриста, который возсядетъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, богохульствуя и показывая себя за бога». А Оригенъ въ объясненіе свидѣтельства Даніила: «скончаніе дается на опустѣніе» (IX, 27) говоритъ: «Если и выстроенъ будетъ храмъ, то выстроится для того, кто воспротивится и превознесется выше всего, что называется или почитается Богомъ, такъ что сядетъ въ храмѣ Его, показывая себя какъ бы за Бога,—для того, котораго Господь Іисусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ и умертвитъ явленіемъ пришествія Своего. Слѣдовательно, какъ бы ни было пріятно кому, что воздвигнутъ будетъ этотъ Іерусалимъ на землѣ, всетаки не ложно будетъ сказанное: «свершеніе будетъ дано на разореніе его».

Господь Іисусъ Христосъ сказалъ невѣрующимъ іудеямъ: «Я пришелъ во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной прійдетъ во имя свое, его примете» (Іоан. V, 43). Всякій безъ малѣйшаго затрудненія замѣтитъ, что въ этихъ словахъ рѣчь идетъ о какой-то темной личности, какъ противоположности Господа, о комъ-то *иномъ*, рѣшительно противоположномъ лицу Христа,—противоположномъ какъ со стороны свойствъ и дѣйствій, такъ и со стороны отношенія къ нему іудеевъ. Если, по общему нашему вѣрованію, Христосъ Спаситель есть истинный Богъ,—то и тотъ иной, который, по словамъ Христа, будетъ прямою и рѣшительною противоположностію Его, долженъ непремѣнно выдать себя за Бога. Если далѣе

Іисусу Христу, пришедшему во имя Отца Своего Бога, подобаетъ истинная честь и поклоненіе,—то и пришедшій во имя свое, какъ очевидная противоположность Христу, будетъ притязать на неподобающую ему честь и поклоненіе. Въ силу такой противоположности понятно также что этотъ *иной* будетъ представленъ *единичною*, при концѣ дней міра особенно ярко выступающею *личностію*, а не многими личностями, какъ думаютъ нѣкоторые, насчитывающіе до 64 лже-мессій, находившихъ вѣру у іудеевъ послѣ Христа.

Однако то, что иной, имѣющій прійти во имя свое, принятъ будетъ іудеями, не увѣровавшими въ истиннаго Мессію-Христа, не противорѣчитъ ли собственному предсказанію Господа обращенію іудеевъ ко Христу (Матѳ. XVII, 11; XXIII, 39) и ученію Апостола Павла о томъ же предметѣ (Римл. гл. XI). Нѣтъ, не противорѣчитъ. «Господь сказалъ о принятіи *иного*, то есть, антихриста, іудеями къ лицамъ, обнаруживающимъ крайнюю закоснѣлость и ожесточеніи своего сердца, къ лицамъ изъ іудейской среды, которыя, несмотря на великое чудо исцѣленія Іисусомъ разслабеннаго при овчей купели, лежавшаго въ разслабленіи 38 лѣтъ, не хотѣли признать въ Чудотворцѣ Мессію Сына Божія. Такое ожесточеніе сердца іудеевъ стояло въ связи съ предвзятымъ ихъ взглядомъ на Іисуса. Въ Немъ они не встрѣтили лица, которое осуществляло бы всѣ ихъ земныя надежды и ожиданія, не видѣли въ Немъ земнаго царя, который доставилъ бы имъ всесвѣтное обладаніе, сдѣлалъ бы ихъ первыми гражданами всего міра. Антихристъ, который будетъ силою политическою, который поставитъ «царственная своя» въ Іерусалимѣ, сдѣлаетъ Іерусалимъ столицею своего царства, будетъ какъ-разъ по-сердцу закоснѣлымъ іудеямъ. Онъ найдетъ среди нихъ первый себѣ пріемъ, какъ нѣкогда находили его себѣ 64 лже-мессіи. Но не забудемъ, что антихристъ явится силою богохульною: онъ придетъ во имя

свое, самолюбіе будетъ основнымъ началомъ его жизни и дѣятельности. Сатаническое обѣщаніе, нѣкогда объявленное прародителямъ въ награду за возстаніе ихъ противъ владычества Божія: «будете яко бози»,—найдетъ прямое свое исполненіе въ антихристѣ. Атеизмъ самый полный, атеизмъ доросшій до антитеизма и до обоготворенія самого себя, автотеизмъ,—вотъ что осуществится въ антихристѣ, на что прямо указалъ Божественный Учитель словами: «иной прійдетъ во имя свое», и о чемъ не преминулъ упомянуть Его возлюбленный ученикъ, при объясненіи самаго этого имени. Какъ такой, антихристъ, явившись, отмѣнитъ богоустановленный законъ и праздники іудеевъ. И вотъ іудеи, только-что, быть можетъ, обратившіеся къ антихристу какъ къ Мессіи и принявшіе его, въ надеждѣ на осуществленіе своихъ мечтаній, должны будутъ—крайности сходятся!—отвергнуться его. Начавшаяся тогда у іудеевъ новая жизнь,—жизнь подъ гнѣвомъ антихриста,—будетъ залогомъ непремѣннаго исполненія пророчествъ объ нихъ. Надо думать, что время этой новой для іудеевъ жизни и есть время явленія и дѣйствія среди нихъ двухъ ветхозавѣтныхъ пророковъ—Иліи и Еноха, которые, явившись на землѣ, снова будутъ, какъ нѣкогда въ ветхозавѣтное время Зоровавель и Іисусъ, «двумя маслинами и двумя свѣтильниками, стоящими предъ Богомъ земли» (Апок. XI, 4; см. Захар. IV, 3; XI, 14),—образныя выраженія, указывающія на нравственно плодотворную дѣятельность двухъ будущихъ пророковъ. Въ виду ихъ личности и чудесной ихъ дѣятельности, о которой также можно читать въ Апокалипсисѣ (XI, 6), многіе изъ іудеевъ и совсѣмъ не послѣдуютъ антихристу. Эта часть іудеевъ, конечно, будетъ счастливѣе той, которая, по крайнему ожесточенію своего сердца и религіозному ослѣпленію, повѣритъ сначала антихристу, пришед-

шему во имя свое, хотя потомъ вскорѣ и отвергнется его [1])».

И такъ мы показали, что антихристъ будетъ опредѣленное лице и что онъ будетъ выдавать себя за Бога. Далѣе св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Солунянамъ говоритъ, что антихристъ будетъ проповѣдывать ложное ученіе, противное спасительной вѣрѣ Христовой, ученіе обольстительное, которымъ и увлечетъ многихъ, слабыхъ и недостойныхъ: *пришествіе его будетъ... со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ, за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія. И за сіе пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи, да будутъ осуждены всѣ, невѣровавшіе истинѣ, но возлюбившіе неправду* (II, 10—12). Блаж. Ѳеодоритъ въ толкованіи на эти слова Апостола говоритъ: «Не всѣми возобладаетъ антихристъ, но достойными погибели, тѣми, которые и безъ его пришествія сами себя лишили бы спасенія».

Въ подтвержденіе своего ученія и для большаго обольщенія людей, антихристъ будетъ совершать ложныя знаменія и чудеса: *его пришествіе будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными* (II, 9). Чудеса антихриста, подобно чудесамъ египетскихъ волхвовъ, суть чудеса ложныя, потому что они, будучи въ сущности своей не истинными, не дѣйствительными, способны будутъ производить такое чарующее впечатлѣніе и дѣйствіе на людей, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ—произведеніе силы самостоятельной и истинной. Чудеса антихриста—это не пустыя скоморошества, но чародѣйства, которыя будутъ имѣть при случаѣ неотразимую силу дѣйствія на людей. Въ Апокалипсисѣ разсказывается одно изъ такихъ чудесъ, именно: внезапное исцѣ-

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. *Н. Виноградова* стр. 109—111.

леніе смертельно раненной головы антихриста, или звѣря, какъ онъ тамъ называется, и передается вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе, произведенное этимъ чудомъ: «и дивилась вся земля, слѣдя за звѣремъ, и поклонились дракону, который далъ власть звѣрю» (Апок. XIII, 3). *Св. Кириллъ Іерусалимскій*, говоря объ антихристѣ, замѣчаетъ: «Зная, что не будетъ уже ему прощенія на судѣ, откроетъ явную брань не чрезъ служителей своихъ, какъ обыкновенно, но самъ собою, *во всѣхъ знаменіяхъ и чудесѣхъ ложныхъ*. Будучи отецъ лжи, онъ посредствомъ ложныхъ дѣйствій будетъ обольщать воображеніе, такъ что народу представится, будто видитъ воскрешеннаго мертвеца, между тѣмъ какъ онъ не воскрешенъ; будто видитъ хромыхъ ходящихъ и слѣпыхъ прозирающихъ, тогда какъ не было исцѣленія [1])». *Св. Ефремъ Сиринъ* въ Словѣ на пришествіе Господне и антихристово говоритъ: «Въ присутствіи многолюдной толпы изъ многихъ народовъ и сословій, восхваляющихъ его (антихриста) на мечтательныя чудеса, подастъ онъ краткій гласъ, отъ котораго поколеблется мѣсто, гдѣ собраны предстоящія ему толпы, и скажетъ: «познайте, всѣ народы, великую силу моей власти. Вотъ предъ всѣми вами повелѣваю этой великой горѣ, стоящей напротивъ, чтобы она, по слову моему, изъ-за-моря перешла сюда черезъ море». И въ глазахъ зрителей гора пойдетъ, ни мало не подвигшись въ своемъ основаніи». То же случится и съ островомъ и т. д. [2]). То же самое о ложныхъ чудесахъ антихриста говорятъ и *блаж. Ѳеодоритъ* и *св. Іоаннъ Златоустъ* въ толкованіи на вышеприведенныя слова Апостола Павла.

Наконецъ антихристъ погибнетъ отъ дѣйствія Христа Спасителя, когда Онъ прійдетъ судить живыхъ и мертвыхъ: *откроется беззаконникъ, котораго Господь Іисусъ убьетъ*

[1]) Огласительное поученіе XV.
[2]) Твор. Св. Отецъ, XIV, 31.

духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего (II, 8).

«Много дней тяжелыхъ и черныхъ было и будетъ въ жизни какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ до времени явленія антихриста. Но въ его время и при его дѣятельности наступятъ такіе дни, которые по степени и силѣ своей мрачности и горечи превзойдутъ всѣ дни подобнаго же рода: сравнительно съ этими послѣдними днями, дни антихриста будутъ самыми скорбными для человѣчества; ихъ содержаніемъ и ихъ характеромъ будетъ *скорбь безутѣшная*, какой уже болѣе не повторится. Соотвѣтственно напряженности борьбы и силѣ скорби и несчастій дней антихриста, погибель его будетъ быстрая и мгновенная. Явится Господь Іисусъ и убіетъ беззаконника духомъ устъ Своихъ и упраздвитъ явленіемъ пришествія Своего. «Дуновеніе устъ»—такое легкое средство употреблено будетъ Христомъ Спасителемъ для истребленія антихриста—личной силы, которой ничто и никто безъ этого прямаго средства всемогущества Божія не будетъ имѣть возможности отстранить или уничтожить въ мірѣ. Другое средство, указываемое Апостоломъ для погубленія антихриста, нераздѣльное отъ перваго средства, это—явленіе пришествія Христова... Хотя антихристъ изъ міра удалится отъ одного дыханія устъ Господнихъ, однако совершенное упраздненіе антихриста въ мірѣ, прекращеніе антихристова вліянія и дѣйствія на міръ, исчезновеніе всякой памяти о немъ совершится не отъ одного только этого дѣйствія устъ Господнихъ. Если въ началѣ мірозданія мановеніе устъ Господнихъ изошло для утвержденія порядка въ высшихъ сферахъ бытія, именно небѣ (Псал. XXXII, 6); то теперь для истребленія антихриста въ мірѣ дуновеніе устъ Господнихъ должно будетъ изойдти отъ Господа, видимо явившагося на землѣ. Это дуновеніе устъ Господа будетъ съ отрицательнымъ дѣйствіемъ, какъ было положительное на учениковъ Господа вскорѣ послѣ Его воскресенія (Іоан. XX, 22). Господь нашъ Іисусъ Христосъ снова явится во славѣ, и тогда отъ духа устъ Его исчезнетъ антихристъ и изгладится въ мірѣ всякое, хотя малѣйшее, представленіе и памятованіе о немъ. Антихристъ вмѣстѣ со своимъ великимъ лжепророкомъ брошенъ будетъ въ озеро огненное, горящее сѣрою, по словамъ Тайнозрителя (Апок. XIX, 20) [1])».

б) На основаніи нѣкоторыхъ намековъ въ словѣ Божіемъ и таинственныхъ предсказаній объ антихристѣ, издревле существовали объ немъ слѣдующія мысли:

Антихристъ произойдетъ отъ колѣна Данова. Это выводили изъ словъ патріарха Іакова: *Данъ будетъ змѣемъ на дорогѣ, аспидомъ на пути* (Быт. XLIX, 17); затѣмъ изъ словъ пророка Іереміи: *Отъ Дана слышенъ храпъ коней его* (VIII, 16) и особенно изъ того, что въ Апокалипсисѣ (гл. VII), при перечисленіи всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ, изъ которыхъ въ каждомъ запечатлѣно Ангеломъ по двѣнадцати тысячъ рабовъ Божіихъ, вовсе не поименовано одно колѣно Даново. Это колѣно, въ удѣлѣ котораго былъ поставленъ Іеровоамомъ золотой телецъ, считалось представителемъ всякаго безбожія. Таково мнѣніе Иринея, Ипполита, Иларія, Амвросія, Іеронима, Августина. Іудейское происхожденіе признавалось за антихристомъ вслѣдствіе его противоположности Христу, а также и вслѣдствіе того, что антихристъ усвоитъ себѣ мессіанское достоинство.

Другіе приписываютъ антихристу *языческое* происхожденіе, руководствуясь слѣдующими основаніями. «Въ каждомъ человѣкѣ замѣчаются болѣе или менѣе слѣды наслѣдственнаго первороднаго грѣха; каждый человѣкъ является въ той или другой степени грѣховнымъ. Антихристъ бу-

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. *Н. Виноградова*, стр. 129—131.

детъ, такъ сказать, олицетворенiемъ грѣха: грѣхъ, этотъ принципъ зла, найдетъ въ антихристѣ своего человѣка, въ которомъ вполнѣ осуществится и обнаружится всѣмъ своимъ темнымъ и пагубнымъ содержанiемъ. Такъ какъ затѣмъ грѣхъ царствуетъ преимущественно въ мрачномъ язычествѣ и такъ какъ современное антихристу общество отступниковъ отъ христа образуетъ новое язычество, то антихристъ произойдетъ изъ язычества и именно этого новаго язычества. Предполагать, что антихристъ произойдетъ изъ обыкновеннаго, невѣжественнаго и грубаго язычества, какъ оно Священнымъ Писанiемъ противополагается iудейству и христiанству, совершенно произвольно: въ одномъ названiи «человѣкъ грѣха» нельзя видѣть основанiя для такого предположенiя, потому что на крайней вершинѣ антихристiанскаго направленiя общества, при полномъ развитiи антихристiанскихъ, анархическихъ взглядовъ, убѣжденiй и дѣйствiй, въ обществѣ исчезаетъ всякое различiе между iудеемъ и язычникомъ, подобно тому какъ и при добромъ, свѣтломъ направленiи общества въ христiанствѣ [1])». Защитники языческаго происхожденiя антихриста полагаютъ, что онъ явится въ Сирiи или въ Вавилонѣ, здѣсь обоснуетъ свое господство и двинется отсюда въ Iерусалимъ, возстановитъ въ немъ разрушенный храмъ и сядетъ въ храмѣ для принятiя божескаго поклоненiя.

Затѣмъ антихристъ будетъ могущественный властелинъ, который похититъ себѣ власть насильно и распространитъ свое влiянiе на всѣ народы. У пророка Даниила говорится: *и будетъ поступать царь тотъ по своему произволу и вознесется и возвеличится выше всякаго божества* (XI, 36; сн. VII, 24), и въ Апокалипсисѣ: *и далъ ему* (звѣрю) *драконъ* (змiй) *силу свою и престолъ свой и великую*

[1]) О конечныхъ судьбахъ мiра и человѣка. *Н. Виноградова*, стр. 114.

власть (XIII, 2); *и дана была ему власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ, и языкомъ и племенемъ* (—7).

Св. Ириней Лiонскiй, сближая символическое значенiе головъ и роговъ апокалипсическаго звѣря изъ моря, говоритъ: «Очевидно, что оный имѣющiй придти (при кончинѣ мiра) трехъ изъ нихъ (десяти царей) умертвитъ, остальные же покорятся ему, и самъ онъ сдѣлается осьмымъ: вмѣстѣ нападутъ они на Церковь... [1])». Человѣкъ-богохульникъ и законопреступникъ, который получитъ царство не отъ предковъ, но похититъ власть посредствомъ волхвованiя [2])».

Далѣе антихристъ воздвигнетъ сильное гоненiе на христiанъ, будетъ требовать себѣ отъ всѣхъ поклоненiя Божескаго, многихъ увлечетъ, а тѣхъ, которые не послѣдуютъ ему, будетъ предавать смерти [3]). Господство его будетъ господствомъ грубой силы и принужденiя, будетъ сопровождаться дикимъ попранiемъ всякаго человѣческаго достоинства и авторитета. *И дано было ему вести войну со святыми и побѣдить ихъ* (Апок. XIII, 7; сн. Дан. VII, 21). *И поклонятся ему всѣ живущiе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца, закланнаго отъ созданiя мiра* (—8). *И дано ему было вложить духъ въ образъ звѣря, чтобы образъ звѣря и говорилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы убиваемъ былъ всякiй, кто не будетъ покланяться образу звѣря* (—15).

Для противодѣйствiя антихристу, Богъ пошлетъ съ неба *двухъ свидѣтелей*, которые, какъ говорится въ Апокалипсисѣ, будутъ *прорицати* истину, сотворятъ чудеса и, *егда скончаютъ свидѣтельство свое*, будутъ умерщвлены

[1]) Противъ ересей V, 26.

[2]) *Св. Кириллъ Iерусалимскiй*, огласит. поученiе XV. Снес. *св. Iоанна Дамаскина*, Точное излож. прав. вѣры, кн. IV, гл. 26.

[3]) Ириней и Кириллъ Iерусалимскiй.

зміемъ, потомъ чрезъ три съ половиною дня воскреснутъ и вознесутся на небо.

«И дамъ двумъ свидѣтелямъ Моимъ, и они будутъ пророчествовать тысячу двѣсти шестьдесятъ дней, будучи облечены во вретище. Это суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящіе предъ Богомъ земли. И если кто захочетъ ихъ обидѣть, то огонь выйдетъ изъ устъ ихъ и пожретъ враговъ ихъ; если кто захочетъ ихъ обидѣть, тому надлежитъ быть убиту. Они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю во дни пророчествованія ихъ; и имѣютъ власть надъ водами—превращать ихъ въ кровь и поражать землю всякою язвою, когда только захотятъ. И когда кончатъ они свидѣтельство свое, звѣрь выходящій изъ бездны, сразится съ ними, и побѣдитъ ихъ, и убьетъ ихъ, и трупы ихъ оставитъ на улицѣ великаго города, который духовно называется Содомъ и Египетъ, гдѣ и Господь нашъ распятъ. И многіе изъ народовъ и колѣнъ, и языковъ и племенъ будутъ смотрѣть на трупы ихъ три дня съ половиною, и не позволятъ положить трупы ихъ во гробы. И живущіе на землѣ будутъ радоваться сему и веселиться, и пошлютъ дары другъ другу, потому что два пророка сіи мучили живущихъ на землѣ. Но послѣ трехъ дней съ половиною вошелъ въ нихъ духъ жизни отъ Бога, и они оба стали на ноги свои, и великій страхъ напалъ на тѣхъ, которые смотрѣли на нихъ. И услышали они съ неба громкій голосъ, говорившій имъ: «взойдите сюда». И они взошли на небо на облакѣ. И смотрѣли на нихъ враги ихъ» (Апок. XI, 3—12).

Подъ этими двумя свидѣтелями св. Отцы, на основаніи нѣкоторыхъ указаній въ Словѣ Божіемъ, разумѣютъ Илію Өесвитянина и Еноха (Сирах. XLIV, 15; XLVIII, 9, 10; Малах. IV, 6).

«Посредникомъ въ дѣлѣ прощенія тягчайшихъ грѣховъ

Израиля и обращенія его къ Господу и Христу, возстановителемъ истинныхъ теократическихъ отношеній народа избранія къ своему завѣтному Богу явится пророкъ Илія, «вторый предтеча пришествія Христова». Онъ, какъ свидѣтель, лица и дѣлъ Господа предъ ожесточенными іудеями, имѣетъ подлѣ себя еще другаго свидѣтеля. Издавна утвердившееся церковное мнѣніе, признаетъ въ этомъ другомъ свидѣтелѣ Еноха. Св. Отцы Церкви думали, что предсказаніе о будущемъ пришествіи этого пророка заключается въ словахъ: «Енохъ былъ взятъ на небо,—образъ покаянія для всѣхъ родовъ» (Сирах. XLIV, 15). Образомъ своей дѣятельности (превращеніемъ воды въ кровь и пораженіемъ земли язвою), направленнымъ на возбужденіе во Израилѣ чувства покаянія, этотъ другой свидѣтель можетъ напомнить древняго Моисея; однако таинственная участь его тѣла, подятіе на небо послѣ трехдневной смерти,—легко сопоставляемая съ болѣе яснымъ и живо утвердившимся въ сознаніи чудеснымъ взятіемъ Еноха «яко на небо», издавна послужила поводомъ къ признанію въ немъ именно Еноха. Что касается самого Иліи, какъ свидѣтеля славы грядущаго Господа, то на него указываетъ не только его чудесная дѣятельность, упоминаемая въ Апокалипсисѣ, сходная съ дѣятельностію пророка Еноха, но и разговоръ Самого Господа нашего со Своими учениками, бывшій вскорѣ послѣ событія Преображенія (Матө. XVII, 10—13; Марк. IX, 11—13). Ученики Христа обратились къ Нему за разрѣшеніемъ вопроса по поводу утвердившейся въ народѣ еврейскомъ молвы объ Иліи пророкѣ, который будто долженъ предшествовать Мессіи и уготовлять Ему путь. Молва эта основывалась на пророчествѣ послѣдняго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ—Малахіи, который отъ лица Божія говоритъ: «Вотъ, Я пошлю къ вамъ Илію пророка предъ наступленіемъ дня Господня, великаго и страшнаго» (IV, 5). Ученики спраши-

вали Христа: «какъ же книжники (представители народной молвы) говорятъ, что Иліи подлежитъ прійти прежде»? Вопросъ выражалъ недоумѣніе учениковъ, соединенное съ чувствомъ недовѣрія къ книжникамъ. Какъ то, такъ и другое могло быть вызвано въ сознаніи учениковъ явленіемъ Иліи при преображеніи Господнемъ. Извѣстно, что Илія тогда скрылся вмѣсто того, чтобы остаться на землѣ, согласно народной молвѣ, и заняться подготовительною дѣятельностію предъ лицемъ Мессіи-Христа. На предложенный вопросъ учениковъ, Божественный ихъ Учитель отвѣчалъ: «Правда, Илія долженъ прійти прежде и устроить все. Но говорю вамъ, что Илія уже пришелъ, и не узнали его» и т. д. Смыслъ отвѣта Господа толкуютъ такъ: безъ сомнѣнія, Илія долженъ прійти (какъ и пророчествуется объ этомъ); а Я вамъ говорю, что онъ уже пришелъ (пророчество о немъ уже исполнилось въ лицѣ Іоанна Крестителя). Но толковать смыслъ разсматриваемыхъ словъ Спасителя исключительно объ одномъ Іоаннѣ Крестителѣ односторонне. Правда, Христосъ въ другомъ замѣчаніи относительно Іоанна Крестителя называетъ его Иліею (Матѳ. XI, 14) и къ нему прилегаетъ извѣстное пророчество Малахіи, пророчествовавшаго объ Иліи грядущемъ; но высказывая положеніе: «онъ, т. е. Іоаннъ Креститель—есть Илія», обусловливаетъ это положеніе словами: «если хотите принять», чѣмъ показываетъ, что Іоаннъ есть Илія въ извѣстномъ, опредѣленномъ смыслѣ, а не безусловно. Какъ ревностный проповѣдникъ покаянія, Іоаннъ Креститель легко можетъ разумѣться подъ образомъ Иліи, въ отвѣтѣ Спасителя на вопросъ учениковъ объ Иліи, но только во второй половинѣ этого отвѣта. Что же касается первой половины отвѣта: «Илія долженъ прійти прежде и устроить все», то здѣсь подъ Иліею никакъ нельзя разумѣть Іоанна Крестителя. Пришествіе Крестителя было уже совершившимся фактомъ,

какъ и замѣчается объ этомъ далѣе въ отвѣтѣ Христа: говорить объ этомъ фактѣ какъ о будущемъ было бы анахронизмомъ... Что никакія иныя нарушенныя отношенія, какъ именно теократическія, и не у какого-либо другаго народа, кромѣ еврейскаго, посланъ будетъ возстановить Илія,—объ этомъ можно заключать съ одной стороны по личности самого возстановителя отношеній, съ другой—по самому смыслу и значенію возстановляемыхъ отношеній. Возстановитель должныхъ отношеній Израиля къ Богу—пророкъ Илія, великій ревнитель по истинной религіи во времена безбожія и религіознаго отупѣнія народа Божія, горячій проповѣдникъ покаянія. Гдѣ же онъ долженъ явиться и дѣйствовать, какъ не у народа, отступившаго отъ истинной вѣры предковъ, закоснѣлаго въ своемъ невѣріи ко Христу-Мессіи? Отношенія, возстановителемъ которыхъ явится Илія, обнимаютъ всю жизнь частную и общественную, окрашиваютъ своимъ колоритомъ всѣ проявленія той и другой жизни, почему и возстановленіе ихъ мыслится, какъ возстановленіе *всего*. Но, разумѣя подъ «возстановленіемъ всего» возстановленіе теократическихъ отношеній народа обѣтованія, съ которыми соединялось для народа избранія все для него дорогое, мы никакъ не должны понимать эти возстановляемыя отношенія въ грубо-чувственномъ видѣ, то есть думать, что евреи нѣкогда чрезъ вѣру въ обѣтованнаго Мессію-Христа сдѣлаются всесвѣтными обладателями, властителями надъ всѣми народами внѣ-еврейскаго происхожденія. Такое грубо-чувственное пониманіе недостойно словъ Спасителя. Іисусъ Христосъ, говоря о грядущемъ Иліи, что онъ *устроитъ все*, разумѣлъ подъ этимъ не иное что, какъ то, что и пророкъ Малахія въ словахъ: «обратитъ сердца отцевъ къ дѣтямъ и сердца дѣтей къ отцамъ ихъ» (IV, 6), или: «приготовитъ путь предо Мною»

(III, 1). Оба эти текста обобщаются и объединяются въ словахъ Господа: *устроитъ*, возстановитъ *все*» [1]).

Отцы и учители Церкви толкуютъ слова пророка Малахіи, объ обращеніи сердца отцовъ къ дѣтямъ въ смыслѣ обращенія сердца евреевъ ко Христу. Такъ блаженный Августинъ говоритъ: «Обратитъ сердце отца къ сыну, т. е. сердца отцовъ къ дѣтямъ, ибо LXX приняли единственное за множественное. И смыслъ тотъ, чтобы сыны (т. е. іудеи) такъ разумѣли законъ, какъ разумѣли его отцы, т. е. пророки, въ числѣ коихъ былъ и Моисей». [2]). Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя занимающія насъ слова изъ Евангелія Матѳея, говоритъ: «Слова эти показываютъ, что Ѳесвитянинъ придетъ предъ тѣмъ пришествіемъ, когда будетъ судъ. Онъ (т. е. Христосъ) вмѣстѣ показываетъ и причину пришествія его. Что это за причина? Дабы онъ, пришедши, убѣдилъ іудеевъ принять вѣру въ Іисуса Христа, и дабы, когда Сей придетъ, не всѣ они совершенно погибли. Посему Онъ, приводя имъ на память сіе, сказалъ: *и устроитъ все*, т. е. исправитъ невѣріе іудеевъ тогдашняго времени» [3]). Въ томъ же смыслѣ блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій на слова св. Евангелиста Марка: «Илія пришедъ устроитъ вся» замѣчаетъ: «Это значитъ вотъ что: когда придетъ Илія Ѳесвитянинъ, онъ умиритъ непокорныхъ іудеевъ и приведетъ ихъ къ вѣрѣ, и такимъ образомъ сдѣлается предтечею втораго пришествія Христова. Илія долженъ устроить все, и не будетъ тогда еврея невѣрующаго, но всѣ повѣрятъ проповѣди, кто только услышитъ ее отъ Иліи». [4]).

---

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. *Н. Виноградова*, стр. 63—66.

[2]) О градѣ Божіемъ LXX, гл. 29.

[3]) На Евангелиста Матѳея бесѣда LVII.

[4]) Благовѣстникъ. Казань, 1857 г., ч. II, стр. 124, 125; сн. ч. I, стр. 302.—Снеси также *Іоанна Дамаскина*. Точное изложеніе прав. вѣры, кн. IV, 26. *Ефрема Сирина*. Слово на пришествіе Господне, и антихрист., въ Твор. Св. Отецъ, XIV, 33.

Сколько времени будетъ продолжаться ужасное владычество антихриста? Къ радости и утѣшенію избранныхъ Божіихъ, владычество этого противника Христа будетъ непродолжительно: оно будетъ обнимать три года съ половиною. Въ книгѣ пророка Даніила говорится: *и они* (святые Всевышняго) *преданы будутъ въ руку его до времени и временъ и полувремени* (VII, 25; сн. XII, 7), и въ Апокалипсисѣ: *и дана ему власть дѣйствовать сорокъ два мѣсяца* (XIII, 5),—*они* (язычники) *будутъ попирать святый городъ сорокъ два мѣсяца* (XI, 2). Тамъ-же о двухъ свидѣтеляхъ, которыхъ Богъ пошлетъ для противодѣйствія антихристу, замѣчено, что они *будутъ пророчествовать тысячу двѣсти шестьдесятъ дней* (—3), и о женѣ, облеченной въ солнце (то есть о Церкви), повѣствуется, что она *убѣжала* отъ дракона *въ пустыню, гдѣ приготовлено было для нея мѣсто отъ Бога, чтобы питали ее тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней* (XII, 6), и дѣйствительно *она тамъ питалась въ продолженіи времени, временъ и полвремени* (—14).

«Благодареніе Богу, Который величность скорби ограничитъ немногими днями! Ибо говоритъ: *избранныхъ-же ради прекратятся дніе оны* (Матѳ. XXIV, 22). Царствовать будетъ антихристъ только три года съ половиною. Мы говоримъ сіе, заимствуя не изъ книгъ, коихъ богодухновенность неизвѣстна, но изъ Даніила. Онъ говоритъ: *и дастся въ руку его даже до времене, и временъ, и полувремене* (VII, 25). Подъ временемъ разумѣется одинъ годъ, въ который онъ явится и усилится; подъ временами—слѣдующіе два года его законопреступнаго владычества, которые вмѣстѣ съ первымъ составятъ три года; а подъ полувременемъ разумѣются шесть мѣсяцевъ. И еще въ другомъ мѣстѣ тоже говоритъ Даніилъ: *и клятся Живущимъ во*

вѣки, яко во время, и во времена, и въ полвремене (XII, 7)» [2]).

«Со креста на Голгоѳѣ изглаголано: *совершишася*. И тотъ-же гласъ, но уже въ шествіи съ неба съ знаменіемъ креста изречетъ Своей Церкви въ ея послѣднемъ крестномъ подвигѣ: *совершишася* (Апок. XXI, 6). Се, второе пришествіе Сына Божія, Богочеловѣка, и уже не въ уничиженіи, оставляющемъ свободу невѣрію, но въ славѣ, преклоняющей всякую свободу. И тогда откроется послѣдній судъ. Пророческое слово подъ различными образами описываетъ это будущее время побѣды Церкви Христовой надъ ея врагами. Трудно разграничить здѣсь то, что составляетъ образъ, отъ того, что есть нынѣ неизобразимая дѣйствительность: ибо она выходитъ изъ предѣловъ понятныхъ отношеній настоящаго времени. И намѣреніе пророчества заключается, конечно, не столько въ томъ, чтобы вполнѣ раскрыть намъ собственныя событія будущаго времени, сколько въ томъ, чтобы быть *нынѣ* словомъ вразумленія и утѣшенія. Вразумленіе: *будь вѣренъ въ страданіяхъ*, хотя-бы путь, повидимому, велъ тебя въ ночь смерти. Утѣшеніе: *ради избранныхъ прекратится скорбь* и обратится въ радость высшей жизни въ истиннѣйшемъ общеніи со Христомъ Спасителемъ. Ветхозавѣтныя пророчества предсказываютъ съ ясностію и въ подробностяхъ: ибо предметъ ихъ—первое пришествіе Господа должно было совершиться въ тиши и уединеніи, слѣдовательно долженствовало быть ясно предсказаннымъ. А второе Христово пришествіе будетъ столь очевидно, что его узнаютъ даже и враги Его. Посему новозавѣтное пророчество прикровеннѣе: оно есть *апокалипсисъ*» [1]).

[2]) *Св. Кириллъ Іерусалимскій*. Огласительное поученіе XV.

Примѣчаніе. Предсказанія объ антихристѣ не разъ уже, и въ древнія, и въ новыя времена, прилагаемы были къ разнымъ лицамъ. Такъ одни, по свидѣтельству блаж. Августина, видѣли антихриста въ императорѣ римскомъ Неронѣ, при которомъ было первое гоненіе на христіанъ со стороны язычниковъ; другіе видѣли—въ еретикахъ гностикахъ; третьи—въ римскомъ первосвященникѣ или вообще въ папствѣ. Послѣдняя мысль возникла и была довольно распространена въ средніе вѣка на западѣ между сектантами, но особенно усилилась съ появленія протестантскихъ обществъ, проникла въ ихъ богословскія системы и многократно раскрывалась въ особыхъ сочиненіяхъ.

5. Для чего Богъ допуститъ явленіе антихриста?

Явленіе антихриста, этого безпримѣрнаго генія зла и разрушенія, въ концѣ дней будетъ завершеніемъ исторіи человѣчества и Церкви Божіей на землѣ. Является вопросъ: какую роль играетъ антихристъ въ домостроительствѣ нашего спасенія? какія цѣли и намѣренія Божіи осуществляются въ немъ и чрезъ него?

«Конечную цѣль, съ которою Богъ пошлетъ антихриста и допуститъ людямъ вѣрить въ него, выражаетъ св. Апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: «да будутъ осуждены всѣ, не вѣровавшіе истинѣ, но возлюбившіе неправду» (2 Сол. II, 12). Здѣсь прежде всего поставляется на видъ

[1]) Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры апологетическія публичныя чтенія протоіерея *Н. Сергіевскаго*, стр. 175.

одновременность, съ которою всѣ за разъ, и безъизъятность, съ какою всѣ вмѣстѣ, назначенные къ осужденію, подпадутъ суду; потомъ указывается и то, за что осужденные подпадутъ своей горькой участи. Между тѣмъ какъ сатана—непримиримый врагъ истины и въ силу злой своей природы постоянно замышляетъ и дѣлаетъ зло, грѣшный человѣкъ только по извращенности своей природы склоняется сначала мыслію, а потомъ волею къ неправдѣ, грѣху. Грѣхъ, иначе называемый ложью, обманомъ, плѣняетъ человѣка, представляетъ ему, что можетъ дать удовлетвореніе страстнымъ его желаніямъ, и человѣкъ, имѣющій потускнѣвшій свѣточъ совѣсти, отвращается отъ истины и правды, лежащей въ тайникѣ его души. За отвращеніе отъ истины грѣшникъ сначала наказывается тѣмъ, что подпадаетъ неудержимому потоку лжи, а потомъ тѣмъ, что несетъ судъ, который свершится надъ самою этою ложью. Чтобы этотъ судъ былъ заключеніемъ исторіи человѣческаго рода, должна наконецъ крайняя ложь въ мірѣ придти къ господству въ полной своей силѣ, обнаружиться во всей своей мѣрѣ. Только тогда можетъ произойти рѣшеніе между нею и истиною, рѣшеніе, которое и исполнится въ судѣ, обнимающемъ всю совокупность людей, полныхъ безбожія и нечестія. Объ этомъ-то судѣ говоритъ Апостолъ, какъ о цѣли, осуществленіе которой будетъ имѣть въ виду Правосудный Богъ, допуская явленіе антихриста. Божественная цѣль при явленіи антихриста будетъ діаметрально противоположна цѣли сатанинской при томъ-же явленіи. Богъ допуститъ явленіе антихриста, чтобы въ немъ и чрезъ него обнаружилось все зло въ мірѣ, который во злѣ лежитъ (1 Іоан. V, 19), чтобы затѣмъ осудить это зло и подвергнуть вѣчному осужденію, вѣчной погибели міръ злыхъ существъ. Сатана проявится въ антихристѣ, воспользуется этимъ человѣкомъ грѣха съ тою цѣлію, чтобы въ лицѣ его

утвердить свое господство въ грѣшномъ мірѣ и сохранить міръ какъ свое владычество въ томъ рабскомъ положеніи, въ какомъ онъ теперь находится, со времени грѣхопаденія человѣка. Хорошо понимая, что впервые (1 Тим. III, 6; сн. II, 14) передало міръ изъ-подъ власти перваго человѣка въ настоящее его порабощеніе, сатана постарается горделивую мысль—«будете яко бози» внушить послѣднему человѣку, человѣку грѣха. И послѣдній человѣкъ будетъ стараться, хотя и тщетно, показать себя богомъ, зная, что съ одной стороны было всегда орудіемъ темнаго господства надъ міромъ, и что съ другой было слѣдствіемъ этого господства (Ефес. 1, 12; сн. Евр. II, 14), князь міра—сатана и то, и другое постарается примѣнить на человѣкѣ-антихристѣ: послѣдній будетъ и человѣкъ грѣха, и сынъ погибели и смерти по преимуществу. Наконецъ, ясно сознавая то, что (Лук. IV, 5—7) можетъ служить поразительнымъ свидѣтельствомъ сатанинской власти надъ міромъ, князь міра въ лицѣ антихриста сотворитъ въ мірѣ многія ложныя знаменія и чудеса (Апок. XIII, 13). Нѣкогда Христосъ Спаситель, при Своемъ первомъ явленіи на землѣ, творилъ знаменія и чудеса въ природѣ и тѣмъ показалъ или, вѣрнѣе сказать, предначалъ ея будущее славное обновленіе. Рѣшительный противникъ Христа и Его Царства, при явленіи антихриста, также сотворитъ знаменія и чудеса въ мірѣ, съ цѣлію удержать міръ въ его рабскомъ положеніи и безграничной зависимости отъ *міродержителя тьмы вѣка сего*. Очевидно, за время жизни и дѣятельности антихриста, борьба князя міра за суетный міръ и безусловную власть надъ нимъ будетъ безпримѣрная, не знающая никакихъ границъ и предѣловъ: сатана въ лицѣ антихриста употребитъ все, что имѣетъ—и грѣхъ, и смерть, и волшебную магическую силу, чтобы только сохранить за

собою міръ, невольно подпавшій игу суеты и тлѣнія» [1]).

6. Второе пришествіе Христово.

Вѣрую въ Господа Іисуса Христа, Сына Божія, паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ. Сѵмволъ вѣры.

Антихристъ будетъ царствовать на землѣ до самаго дня явленія на землю Царя славы, до самаго *дня суднаго*. Въ этотъ великій, единственный по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ день совершатся слѣдующія событія: пріидетъ съ неба Господь—Судія живыхъ и мертвыхъ, Который упразднитъ Своего противника; по гласу Господа мертвые воскреснутъ на судъ и живые измѣнятся; произойдетъ самый судъ надъ тѣми и другими; послѣдуетъ кончина міра и благодатнаго Царства Христова.

«Эти великія событія совершатся одно за другимъ такъ быстро или даже такъ совмѣстно, что раздѣлять ихъ между собою и строго показать ихъ преемственность почти невозможно. Впрочемъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ не несправедливо будетъ расположить ихъ, примѣнительно къ главной мысли о всеобщемъ судѣ, въ такомъ порядкѣ: а) предварительныя обстоятельства всеобщаго суда—пришествіе Господа-Судіи живыхъ и мертвыхъ, воскресеніе мертвыхъ на судъ, по гласу Господа (Іоан. V, 25), и измѣненіе живыхъ; б) самый судъ, его дѣйствительность, образъ и свойства; в) наконецъ сопутствующія обстоятельства всеобщаго суда—кончина міра и преобразованіе его посредствомъ огня (ибо нельзя-же представить, чтобы это совершилось до суда, прежде воскресенія мертвыхъ и из-

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. *Н. Виноградова*, стр. 124—126.

мѣненія живыхъ, которые иначе должны-бы сгорѣть вмѣстѣ съ землею—2 Петр. III, 10 и не могли-бы остаться въ живыхъ до самаго пришествія Господа—1 Кор. XV, 51, занимаясь своими обыкновенными дѣлами—Матѳ. XXIV, 37—41), кончина благодатнаго царства Христова и начало царства славы» (Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*. Томъ II, § 262).

«Се Женихъ грядетъ въ полунощи...» Среди глубокаго мрака, наступившаго во вселенной, и потемнѣнія сознанія людей міра вдругъ засіяетъ никогда невиданный свѣтъ на небѣ, и всѣ люди, даже тѣ, которые хотѣли бы скрыться въ пещерахъ и въ ущельяхъ горъ (Апок. VI, 15), увидятъ его. Свѣтъ этотъ освѣтитъ подсолнечную, какъ молнія, отъ востока до запада, освѣтитъ вдругъ и повсюду.

То будетъ *знаменіе Сына человѣческаго на небѣ* (Матѳ. XXIV, 30). Сынъ человѣческій придетъ съ неба,—и знаменіе Его явится на небѣ.

Что это будетъ за знаменіе? По толкованію Отцовъ Церкви, это будетъ *крестъ*. «*Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси*, то есть, крестъ, который свѣтлѣе солнца, поелику солнце помрачается и скрывается, а крестъ является: онъ не явился бы, еслибы не былъ гораздо свѣтлѣе солнечныхъ лучей» [1]). «Честный крестъ первый явится опять и во второе пришествіе Христово, какъ честный, животворящій, достопокланяемый и святый скипетръ Царя Христа» [2]).

Увидѣвъ знаменіе Сына человѣческаго на небѣ, *восплачутся вся племена земныя* (Матѳ. XXIV, 30), восплачутся всѣ тѣ, которые сдѣлали себя чадами осужденія и

[1]) *Св. Іоаннъ Златоустъ* на Евангелиста Матѳея бесѣда LXXVI.

[2]) *Св. Ефремъ Сиринъ*, Слово на честный крестъ. въ Твор. Св. Отецъ. XIV. 41. Сн. св. Кирилла Іерусалимскаго огласит. поученіе XV.

погибели, и возрадуются тѣ, которые претерпѣли до конца и теперь дождались своего освобожденія...

Имѣющіе увѣровать къ этому времени, іудеи, при видѣ святаго знаменія, которое они прежде считали соблазномъ для себя, а теперь признали орудіемъ искупленія, воскликнутъ торжественнымъ хоромъ во встрѣчу Грядущему вслѣдъ за этимъ знаменіемъ: *Благословенъ Грядый во имя Господне!*

По отношенію къ самому пакипришествію Христову знаменіе креста на небѣ будетъ означать славное, побѣдное, торжественное шествіе Христа съ неба. *И увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою* (Матѳ. XXIV, 30), *со святыми Ангелами* (Марк. VIII, 38), *со тьмами святыхъ Ангеловъ Святыхъ* (Посл. Іуды 14).

Второе пришествіе Господа на землю будетъ совершенно отлично отъ перваго пришествія. Тогда Онъ приходилъ въ уничиженіи, въ образѣ раба (Филип. II, 3), подвергался преслѣдованіямъ и безчисленнымъ оскорбленіямъ и поруганіямъ, былъ распятъ, какъ злодѣй: теперь Онъ *пріидетъ во славѣ Своей, и вси святые Ангелы съ Нимъ, и сядетъ на престолѣ славы Своей* (Матѳ. XXV, 31), *и предъ Нимъ преклонится всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 10). Тогда Онъ приходилъ *не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ* (Матѳ. XX, 28), *не для того, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него* (Іоан, III, 17): теперь Онъ пріидетъ *праведно судить вселенную* (Дѣян. XVII, 31) и *воздать каждому по дѣламъ его* (Матѳ. XVI, 27).

«Мы проповѣдуемъ пришествіе Христово не одно только, но и другое, которое будетъ гораздо славнѣе перваго. Ибо

въ первомъ доказалъ Онъ Свое терпѣніе, а во второе явится въ вѣнцѣ Бога Царя... Въ первое пришествіе Онъ лежалъ въ ясляхъ, обвитый пеленами,—во второе одѣнется *свѣтомъ, яко ризою* (Псал. CIII, 2). Въ первое *претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе* (Евр. XII, 2),—во второе пріидетъ въ сопровожденіи воинства ангельскаго, во славѣ... Пріидетъ Спаситель не для того, чтобы опять судиму быть, но пріидетъ судить судившихъ Его. Тотъ, который прежде, будучи судимъ, молчалъ, припомнитъ законопреступнымъ, явившимъ при крестѣ дерзость свою, и скажетъ: *ты это дѣлалъ, и Я молчалъ.* (Псал. XLIX, 21). Какъ домостроитель пришелъ Онъ тогда, увѣщаніями наставляя людей; а нынѣ по необходимости, хотя бы и не хотѣли, они подвергнутся его владычеству» [1]).

«*Какъ во дни передъ потопомъ ѣли, пили, женились и выходили замужъ, до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ; и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ; такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 38, 39). Іисусъ Христосъ сказалъ это въ доказательство того, что Онъ придетъ вдругъ и неожиданно, когда большая часть будутъ утопать въ удовольствіяхъ. То же самое говоритъ и Апостолъ Павелъ: *когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба* (1 Сол. V, 3). И въ объясненіе сей нечаянности Апостолъ прибавляетъ: *подобно какъ мука родами постигаетъ имѣющую во чревѣ.* Какъ же Іисусъ Христосъ сказалъ: *послѣ скорби дней тѣхъ?* Если тогда (въ послѣднее время) будутъ удовольствія, *миръ и безопасность*, какъ сказалъ Апостолъ Павелъ,—то для чего же Онъ говоритъ: *послѣ скорби дней тѣхъ?* При радостяхъ что за скорбь?—У тѣхъ только будутъ удоволь-

---

[1]) *Св. Кириллъ Іерусалимскій*, огласит. поученіе XV.

ствія и миръ, которые не имѣютъ никакого чувства. Посему-то Апостолъ и не сказалъ: когда будетъ *миръ;* но: *когда будутъ говорить: миръ и безопасность,* изображая тѣмъ ихъ безчувственность; такъ какъ и во дни Ноя беззаконные люди пресыщались удовольствіями, праведные же проводили жизнь въ скорби и печали. Откуда видно, что съ пришествіемъ антихриста между нечестивыми и отчаявшимися о спасеніи своемъ умножится необузданное сластолюбіе: тогда будетъ чревоугодіе, объяденіе и пьянство. Такимъ образомъ приведенный Іисусомъ Христомъ примѣръ совершенно объясняетъ дѣло. Какъ въ то время, говоритъ Онъ, когда приготовлялся ковчегъ, люди не вѣрили, и даже тогда, когда былъ готовъ и предвѣщалъ имъ близкое несчастіе, они спокойно смотрѣли на него и предавались удовольствіямъ, какъ будто не предстояло имъ никакое бѣдствіе: такъ и теперь, хотя и явится антихристъ, за которымъ будетъ кончина, послѣ кончины—наказанія и неизреченныя мученія; но въ людяхъ, опьянѣвшихъ отъ разврата, и эти будущія бѣдствія не произведутъ никакого ощущенія страха. Посему-то, *какъ мука родами постигаетъ имѣющую го чревѣ,* какъ говоритъ Апостолъ, такъ и ихъ постигнутъ сіи ужасныя и неотвратимыя бѣдствія» [1]).

«Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пьянствомъ, и заботами житейскими, и чтобы день тотъ не постигъ васъ внезапно» (Лук. XXI, 34).

Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща! [2]).

[1]) *Св. Іоаннъ Златоустъ,* на Евангелиста Матѳея бесѣда LXXVII.

[2]) Въ той же LXXVII бесѣдѣ св. Златоустъ высказываетъ мнѣніе, что второе пришествіе Христово будетъ въ полночь. Св. Церковь установила особую церковную службу—*полунощницу* для молитвеннаго воспоминанія втораго пришествія и страшнаго суда Христова.

7. Воскресеніе мертвыхъ и измѣненіе живыхъ.

Чаю воскресенія мертвыхъ.
Сvмволъ вѣры.

Вмѣстѣ съ явленіемъ знаменія Сына человѣческаго на небѣ вострубитъ громогласная труба Архангела: какъ всѣ *увидятъ* явившееся знаменіе Сына человѣческаго, точно такъ же всѣ, во всѣхъ концахъ земли, *услышатъ* всѣ звуки превосходящій звукъ архангельской трубы. По зову высшаго изъ Ангеловъ, Архангела, Ангелы Божіи трубнымъ гласомъ возвѣстятъ роду человѣческому второе пришествіе Христово, какъ нѣкогда возвѣстили и первое пришествіе. Но если тогда Ангелы возвѣщали людямъ о мирѣ, о миролюбивомъ и миротворномъ Царѣ-Искупителѣ, то теперь, при второмъ Его пришествіи, будутъ громогласно возглашать о Немъ какъ о грозномъ и праведномъ Судіи живыхъ и мертвыхъ.

Грядущій съ неба Сынъ человѣческій *пошлетъ Ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною* (Матѳ. XXIV, 31), *и мертвые услышатъ голосъ Сына Божія* (Іоан. V, 25): *потому что Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, измѣнимся* (1 Сол. IV, 16, 17; 1 Кор. XV, 52).

И такъ съ славнымъ пришествіемъ Христовымъ *воскреснутъ мертвіи и возстанутъ сущіи во гробѣхъ*, послѣдуетъ общее воскресеніе.

Истина воскресенія мертвыхъ была извѣстна еще въ Церкви ветхозавѣтной (Дѣян. XXIII, 6; XXIV, 5; Іов. XIX,

25; 2 Макк. VII, 9; сн. XI, 14; XII, 43. Іоан. XI, 23, 24). Въ Церкви же христіанской она составляетъ такой догматъ, которымъ необходимо предполагаются всѣ другіе основные догматы нашей вѣры, въ особенности догматъ объ искупленіи.

«Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша, вы еще во грѣхахъ вашихъ, и умершіе во Христѣ погибли. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ» (1 Кор. XV, 12—22).

«Но высказываетъ самъ же Апостолъ возраженіе противъ *возможности* воскресенія мертвыхъ—скажетъ кто-нибудь: какъ воскреснутъ мертвые? и въ какомъ тѣлѣ пріидутъ» (1 Кор. XV, 35)?

«Не знающіе Писанія и силы Божіей вопрошаютъ насъ о воскресеніи тѣла совершенно такъ же, какъ саддукеи вопрошали Господа: *семь братьевъ имѣли одну жену,— въ воскресеніи котораго будетъ женою?* «Тѣло разлагается на атомы, атомы входятъ въ новыя сочетанія,—въ воскресеніи какъ разберутся эти части безъ спора между ихъ обладателями?»—Не знаютъ Писанія, ни силы Божіей. Пусть читаютъ разрѣшеніе у Апостола Павла: «сѣмя бросаемое въ землю хотя сгниваетъ, однако воскресаетъ», то есть, воскресаетъ не то самое тѣло, которое опускается въ нѣдра земли и истлѣваетъ, а что есть въ немъ неистлѣннаго, то Божіею силою возсоздастся нѣкогда въ лучшее тѣло. Какъ и гдѣ сберегается это неистлѣнное, вѣдаетъ Богъ; и *какъ* оно возсоздастся, вѣдаетъ сила Божія. Мы

знаемъ творческое: *да будетъ*; и сіе знаніе выше всѣхъ земныхъ познаній. Воскреснетъ тѣло наше, и упокоенный до времени духъ восчувствуетъ наконецъ полноту своего существованія» [1]).

Дѣйствіе воскресенія, или возстановленія разрушеннаго тѣлеснаго состава нашего, произойдетъ силою всемогущества Божія, того самаго всемогущества, которое нѣкогда вызвало человѣка къ бытію изъ праха земнаго. Живо вѣрить въ это будущее возсозданіе человѣка даже легче и удобопріемлемѣе, чѣмъ въ бывшее въ шестой день творенія, первоначальное созданіе человѣка. Тамъ, при первоначальномъ происхожденіи человѣка, не было еще личнаго человѣческаго духа, который долженъ былъ воодушевить тѣлесный составъ: здѣсь, при возсозданіи нашего тѣла, есть уже самосознающій духъ, который и устремится въ возсозданное Богомъ тѣло наше. И самая матерія разрушенныхъ чрезъ смерть тѣлъ нашихъ сохраняется промыслительною силою Божіею и такимъ образомъ является готовою для возсозданія. Это послѣднее и совершится, лишь только всемогущею силою Божіею составныя части нашихъ тѣлъ изъ сокровенныхъ нѣдръ земли, изъ глубинъ моря и другихъ случайныхъ мѣстъ смерти возвращены будутъ къ первоначальному своему совмѣстному существованію, только болѣе славному, чѣмъ прежде.

«Какъ ртуть, пролитая на какомъ-нибудь покатомъ и пыльномъ мѣстѣ, раздробляется на мелкіе шарики и разсыпается по землѣ, но, будучи кѣмъ-нибудь опять собрана въ одно цѣлое, сама собою сливается съ однороднымъ, ничего посторонняго не принимая въ свою смѣсь: такъ и человѣческій составъ безъ всякаго затрудненія и самъ со-

[1]) Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры, *прот. Н. Сергіевскаго*, стр. 176.

бою соединится въ прежнихъ своихъ частяхъ, коль скоро послѣдуетъ Божіе на то повелѣніе [1])».

«Если Богъ сотворилъ Адама изъ ничего, то гораздо удобнѣе Онъ можетъ воскресить его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ уже, потому что это сѣмя было уже брошено въ землю... Если земля произвела то, сѣмени чего она не имѣла въ себѣ; и если, не бывъ осѣмененною родила она въ своей дѣвственности: то что за несбыточное дѣло произрастить ей то, чего она имѣетъ въ себѣ сѣмена, и родить, будучи осѣмененною [2]).»

«Пусть будутъ смѣшаны различныя сѣмена растеній (тебѣ слабому въ вѣрѣ и примѣры представляю слабые), и сіи различныя сѣмена растеній будутъ находиться въ одной горсти твоей: для тебя, человѣка, трудно ли или напротивъ легко различить, что находится въ твоей горсти, и сѣмена каждаго растенія по свойству ихъ отдѣлить и дать имъ свое мѣсто, чтобъ расли? Такъ, ты можешь различить и привесть въ прежнее состояніе, что находится въ рукѣ твоей: а Богъ ужели не можетъ различить и привесть въ прежнее состояніе, что содержится въ горсти Его [3]).»

Но если не можетъ быть никакого сомнѣнія въ *возможности* воскресенія тѣлъ для возсоединенія ихъ съ душами, то на чемъ мы можемъ основать *необходимость* этого возсоединенія? По смерти тѣла, душа продолжаетъ существовать одна, безъ тѣла, и могла бы продолжать это существованіе вѣчно, удостоившись—въ качествѣ главной составной части существа человѣка—заслуженной награды или получивъ заслуженное возмездіе за свою прошлую жизнь.

[1]) *Св. Григорій Нисскій.* О душѣ и воскресеніи. Русскій переводъ Моск. Дух. Академіи. Ч. IV, стр. 199.

[2]) *Св. Іаковъ Низибійскій.* Слово о воскресеніи мертвыхъ, въ Христ. Чт. 1837 г., II, 32, 33.

[3]) *Св. Кириллъ Іерусалимскій.* Огласит. поученіе XVIII.

Преосвященный *Макарій* въ своемъ Православно-Догматическомъ Богословіи (томъ II, § 264) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ:

«На основаніи Слова Божія, вслѣдъ за св. Отцами Церкви, можемъ разсуждать о самой *необходимости* воскресенія мертвыхъ.

«*Во-первыхъ* Слово Божіе учитъ, что Сынъ Божій приходилъ на землю съ цѣлью спасти насъ отъ грѣха и отъ всѣхъ слѣдствій грѣха (Матѳ. XVIII, 11; Тит. II. 14; Евр. II, 14, 15) и что Онъ пріобрѣлъ для насъ Своими заслугами даже болѣе, нежели сколько потеряли мы въ Адамѣ (Римл. V, 15, 17). Но одно изъ гибельнѣйшихъ слѣдствій грѣха есть смерть: *оброцы грѣха смерть* (Римл. VI, 23); одна изъ величайшихъ нашихъ потерь во Адамѣ—потеря жизни по тѣлу (Быт. III, 17). И такъ по самому существу христіанства необходимо, чтобы, *якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси* нѣкогда *оживли* (1 Кор. XV, 26), чтобы не только былъ побѣжденъ первый нашъ врагъ—діаволъ, но упразднился и послѣдній врагъ—смерть (1 Кор. XV, 26). Иначе цѣль пришествія Христа на землю, цѣль всего христіанства не будетъ достигнута вполнѣ: человѣкъ спасется не весь, враги его будутъ не всѣ побѣждены, во Христѣ мы получимъ менѣе, нежели сколько потеряли во Адамѣ.

«*Во-вторыхъ*, Святые Отцы и учители Церкви утверждали, что воскресенія нашихъ тѣлъ требуютъ и правда Божія, и премудрость. Правда: ибо тѣло человѣка участвуетъ какъ въ добрыхъ дѣлахъ души, такъ и въ ея беззаконіяхъ; слѣд. по справедливости должно участвовать и въ ея вѣчныхъ наградахъ или наказаніяхъ [1]). Премудрость, ибо, по

[1]) Еслибы одна душа упражнялась въ подвигахъ добродѣтели, то одна бы и получила вѣнецъ; а еслибы одна предавалась удовольствіямъ, то одна по

премудрости, Богъ создалъ человѣка двухчастнымъ, изъ тѣла и души, чтобы въ этомъ видѣ онъ достигалъ своего предназначенія: слѣд. премудрость Божія не оправдалась бы отъ дѣлъ, еслибы, рано или поздно, тѣло человѣка, по разлученіи съ душею, снова не соединилось съ нею для составленія полнаго человѣка».

Какими качествами будутъ отличаться воскресшія тѣла?

Они будутъ *существенно тѣ же*, каковыми были въ соединеніи съ извѣстными душами впродолженіе земной жизни. Это видно изъ примѣра Христа Спасителя. Первенца изъ умершихъ, воскресшаго изъ гроба въ Своемъ собственномъ тѣлѣ (Іоан, XX, 25—27). Да это же прямо явствуетъ и изъ самаго понятія о воскресеніи, которое есть только возстановленіе и оживленіе того же самаго, что умерло, а не образованіе или сотвореніе чего-либо новаго.

Но съ другой стороны воскресшія тѣла будутъ и *отличны* отъ настоящихъ тѣлъ: они возстанутъ въ *преображенномъ* видѣ, по подобію воскресшаго тѣла Христа Спасителя, *который уничиженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его* (Филип. III, 21). *Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, 42—44). Въ этихъ словахъ Апостола указаны тѣ *новыя* качества, которыя наши тѣла пріобрѣтутъ послѣ воскресенія: они будутъ *нетлѣнны* и *безсмертны* (1 Кор. XV, 53), *славны* или *свѣтоносны*, подобно тѣлу Христа Спасителя во время преображенія Его на

справедливости была бы и наказываема. Поелику же душа не творитъ ни добрыхъ, ни злыхъ дѣлъ безъ тѣла, то по справедливости и душа, и тѣло вмѣстѣ получаютъ воздаяніе» (*Св. Іоан. Дамаск.* Точное излож. прав. вѣры, кн. IV, гл. 27).

Ѳаворѣ (Филип. III, 21; Матѳ. XIII, 43) [1], *сильны и крѣпки*, непричастны немощамъ настоящей жизни, *духовны* [2]), весьма тонки и легки. Однимъ словомъ, *сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ* будутъ *равны Ангеламъ* (Лук. XX, 36; Матѳ. XXII, 30).

Будутъ ли воскресшія тѣла праведниковъ отличаться чѣмъ либо отъ воскресшихъ тѣлъ грѣшниковъ? Несомнѣнно будутъ. *Общими* свойствами какъ тѣхъ, такъ и другихъ будутъ *нетлѣніе и безсмертіе*. *Вострубитъ* послѣдняя труба, *и мертвые воскреснутъ нетлѣнными* (1 Кор. XV, 52). Но несообразно было бы съ существомъ дѣла думать, что и тѣла грѣшниковъ возстанутъ въ славѣ и просвѣтятся. «Мы возстанемъ и всѣ будемъ имѣть вѣчныя тѣла, но не всѣ подобныя. Если кто праведенъ, получитъ тѣло небесное, въ которомъ бы могъ онъ, какъ надлежитъ,

[1]) «*Тогда праведники*, говоритъ Писаніе, *просвѣтятся, какъ солнце* (Матѳ. XIII, 43) и луна и *какъ свѣтлость тверди* (Дан. XII, 3). И Богъ, предвидѣвъ человѣческое невѣріе, малѣйшимъ червямъ во время лѣта даровалъ способность испускать изъ тѣла свѣтовидный блескъ, дабы люди, судя потому, что видятъ, вѣрили тому, чего ожидаютъ. Тотъ, который даетъ нѣсколько, можетъ подать и все: Тотъ, кто сотворилъ червя блистающимъ, кольми паче просвѣтитъ праведнаго человѣка» (*св. Кириллъ Іерусалимскій*, огласит. поученіе XVIII).

[2]) Наше душевное тѣло, имѣя въ себѣ, уже при условіяхъ здѣшней земной жизни, *начатокъ духа*, въ будущей жизни такъ одухотворится, что легко будетъ замѣтно отличіе его, какъ духовнаго, отъ настоящаго душевнаго. Св. Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ (мы выставляемъ на видъ *одну* изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ этого отличія), что теперешніе органы для матеріальнаго процесса питанія въ будущемъ духовномъ нашемъ тѣлѣ упразднятся. *Пища для чрева и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ и то, и другое* (1 Кор. VI, 13), и это потому, что *плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія* (—XV, 50). Въ этомъ отношеніи воскресшее наше тѣло будетъ славнѣе того тѣла, которое наши прародители имѣли въ раю «*Сѣется тѣло душевное*, т. е. грубое и смертное,—*возстаетъ тѣло духовное*, каково тѣло Господа по воскресеніи, проходившее сквозь затворенныя двери, не утомлявшееся и не имѣвшее нужды ни въ пищѣ, ни въ снѣ, ни въ питіи» (*Св. Іоанна Дамаскина* точное излож. прав. вѣры IV, гл. 27).

обращаться съ Ангелами; если же кто грѣшенъ, получитъ вѣчное тѣло, долженствующее терпѣть мученіе за грѣхи, дабы вѣчно горѣть въ огнѣ и не разрушаться» (*Св. Кириллъ Іерусалимскій*, огласит. поученіе XVIII).

Даже и тѣла самихъ праведниковъ не всѣ будутъ обладать поименованными выше свойствами въ одинаковой мѣрѣ, а соотвѣтственно заслугамъ каждаго. *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ: и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ* (1 Кор. XV, 41, 42). «Всѣ возстанутъ и въ той же силѣ, и въ томъ же нетлѣніи, и въ той же славѣ нетлѣнія,—но не всѣ въ той же чести и несокрушимости» (*Св. Іоаннъ Златоустъ* на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ бесѣда XLI).

Одновременно съ воскресеніемъ умершихъ и живые подвергнутся измѣненію, которое будетъ для нихъ равнозначительно воскресенію. *Говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ, во мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся. Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе* (1 Кор. XV, 51—53). *Св. Іоаннъ Златоустъ*, объясняя это апостольское изреченіе, замѣчаетъ: «Смыслъ его слѣдующій: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся, даже и тѣ, которые не умрутъ; ибо и они смертны» [1]).

Примѣчаніе. Существовали еще нѣкоторыя частныя мнѣнія или гаданія касательно другихъ свойствъ воскресшихъ тѣлъ, какъ-то: касательно ихъ пола, возраста и т. п. Но объ этихъ мнѣніяхъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго, по недостатку прямаго, непререкаемаго ученія Слова Божія. Такъ напр. одни (Оригенъ, Василій Великій) думали, что по воскресеніи тѣлъ различіе въ полахъ уничтожится; другіе напротивъ, что оно останется (Тертулліанъ, Іеронимъ); третьи наконецъ полагали, что всѣ умершіе возстанутъ въ одномъ мужескомъ полѣ,—противъ этого мнѣнія вооружался блаженный Августинъ (О градѣ Божіемъ, XXII, 17, 18). Затѣмъ одни гадали, что всѣ умершіе—и старцы, и мужи, и юноши, и дѣти—возстанутъ въ одномъ и томъ же возрастѣ; другіе говорили, что не въ одномъ, хотя и не допускали, чтобы младенцы и юноши воскресли въ возрастѣ младенческомъ и юношескомъ, а не въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

1) На 1-е посланіе къ Коринѳянамъ бесѣда XLII. Ср. *Блаж. Ѳеодорита* на то же посланіе VI, 51.

Св. Ефремъ Сиринъ держится перваго мнѣнія относительно возраста: «Младенецъ, котораго мать умерла вмѣстѣ съ нимъ во время чревоношенія, при воскресеніи предстанетъ совершеннымъ мужемъ и узнаетъ матерь свою, а она узнаетъ дѣтище свое... Равными воскреситъ Творецъ сыновъ Адамовыхъ: какъ сотворилъ ихъ равными, такъ равными же пробудитъ и отъ смерти. Въ воскресеніи нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ: и преждевременно родившійся возстанетъ такимъ же, какъ и совершеннолѣтній. Только по дѣламъ и образу жизни будутъ тамъ высокіе и славные, и одни уподобятся свѣту, другіе тьмѣ» (О страхѣ Божіемъ и о послѣднемъ судѣ, въ Твор. Св. Отецъ, XV, 306, 307).

Держащіеся мнѣнія, что всѣ безъ исключенія умершіе воскреснутъ въ зенитѣ жизни, въ возрастѣ вполнѣ зрѣломъ и свѣжемъ—отъ 30 до 33 лѣтъ, согласно предѣлу земной жизни, Христа Спасителя и соотвѣтственно тому возрасту, въ которомъ, по общепринятому мнѣнію, созданъ былъ и родоначальникъ человѣчества Адамъ,—основываютъ свое мнѣніе на словахъ св. Апостола Павла: *доколѣ всѣ пріидемъ въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста*

Христова (Ефес. IV, 13). Но въ этихъ словахъ рѣчь идетъ о духовной зрѣлости и о духовномъ ростѣ для познанія Христа. Такимъ образомъ это мнѣніе должно остаться не болѣе, какъ только мнѣніемъ, не восходящимъ на степень непреложной истины.

Есть другое предположеніе, болѣе основательное—то, что каждый изъ насъ воскреснетъ въ томъ возрастѣ, въ какомъ умеръ. Это предположеніе опирается на одно мѣсто въ Апокалипсисѣ: *И увидѣлъ я мертвыхъ малыхъ и великихъ, стоящихъ предъ Богомъ* (XX, 12). При такомъ предположеніи слава воскресшихъ будетъ проявляться въ многоразличіи и многообразіи тѣлъ воскресшихъ. Для этой славной картины воскресшихъ тѣлъ не можетъ быть лучшаго сравненія, какъ указаніе на пріятное разнообразіе въ хорошо устроенномъ саду или же на многообразіе, господствующее въ небесномъ сводѣ. Какъ опытный садовникъ убираетъ свой садъ деревьями и цвѣтами разной величины и какъ въ видимомъ небѣ одна звѣзда превосходитъ другую не только по яркости свѣта, но и по величинѣ: такъ, нужно полагать,—будетъ и въ другомъ мірѣ.

Еще нѣсколько словъ относительно различія половъ въ другой жизни.

Сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ—говоритъ Христосъ Спаситель—ни женятся, ни замужъ не выходятъ» (Лук. XX, 35). *Сподобившіеся достигнуть воскресенія*—этимъ выраженіемъ обозначается не начальный только моментъ новой жизни, котораго сподобляются достигнуть люди вѣрующіе, но и все вообще состояніе воскресшихъ людей въ будущемъ вѣкѣ, какъ показываетъ соотвѣтствующее мѣсто у Евангелиста Матѳея (XXII, 30). Относительно образа лицъ воскресшихъ у Матѳея говорится: «въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ».

Какъ Ангелы Божіи—этими свойствами ясно обозначается, что воскресшіе не совершенно и не всецѣло будутъ подобны Ангеламъ, но что ихъ жизнь и взаимныя отношенія въ духовномъ тѣлѣ воскресенія будутъ таковы же, какъ отношеніе Ангеловъ Божіихъ между собою, дышащее чувствами искреннѣйшей любви и полнѣйшаго сочувствія. Эта внутренняя, духовная сторона брачныхъ отношеній не прекратится; а потому и различіе пола (котораго впрочемъ нѣтъ въ природѣ Ангеловъ) въ лицахъ воскресшихъ не отмѣнится,—устранится только теперешнее физіологическое отношеніе половъ между собою. Да оно и не будетъ нужно, какъ не было нужно въ раю. Тѣ души, которыя, находясь еще въ настоящемъ земномъ тѣлѣ, взаимно себя ищутъ, дополняютъ и имѣютъ содружество, лежащее глубоко въ природѣ обоихъ половъ, а чрезъ освященіе благодатію Св. Духа существенно вліяющее и на вѣчное спасеніе обоихъ половъ, сохранятъ это брачное содружество и по воскресеніи. Продолженіе въ будущей жизни различія половъ въ этомъ смыслѣ утверждали древніе и многіе изъ новѣйшихъ богослововъ, защищая истину о неотмѣнной различимости половъ противъ тѣхъ, которые основывали свои возраженія противъ этой истины, между прочимъ, на замѣчаемомъ несовершенствѣ женскаго пола. Противъ этого основанія уже блаж. Августинъ выставлялъ довольно вѣское соображеніе. «Тогда—говорилъ онъ—только изгонится изъ плоти недостаточное, но сама природа ея сохранится. Родъ (полъ) женщины не есть недостатокъ, но есть природа, которая тогда не будетъ ни зачинать, ни рождать, однако будетъ продолжать свое существованіе; и никогда она не будетъ раздражать страстность того, кто на нее взглянетъ, тамъ, гдѣ прекратится всякая страстность, и женщина будетъ служить новымъ основаніемъ къ тому, чтобы прославлять мудрость и милосердіе Бога, создавшаго то, чего не было,

и освободившаго отъ погибели то, что Онъ создалъ. Такимъ образомъ Создавшій оба пола—оба и сохранитъ». Примыкающіе къ взгляду блаж. Августина на различіе половъ въ воскресшихъ духовныхъ тѣлахъ подтверждаютъ этотъ взглядъ мыслію о воскресеніи каждаго изъ насъ въ той же индивидуальности (духовномъ обликѣ), въ какой каждый изъ насъ былъ здѣсь на землѣ; а эта индивидуальность характеризуется и очерчивается прежде всего различіемъ пола. Въ противоположность же Оригену и оригенистамъ, утверждавшимъ, что воскресшія духовныя тѣла будутъ пола мужескаго, какъ пола болѣе совершеннаго, приближающагося къ своему, неразличимому по поламъ, Первообразу-Богу, указываютъ на извѣстныя слова Христа Спасителя о царицѣ Савской (южно-аравійской): «Царица южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его; ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ, здѣсь больше Соломона» (Матѳ. XII, 42). Эта царица, слабый, *немощнѣйшій сосудъ* (1 Петр. III, 4), повѣрила мудрости Соломоновой, между тѣмъ какъ книжники, фарисеи, народъ еврейскій, въ лицѣ своихъ представителей мужескаго пола, относились съ невѣріемъ къ божественной премудрости Самого Господа.

8. Всеобщій судъ.

Яко страшенъ судъ Твой, Господи, Ангеломъ предстоящимъ, человѣкомъ вводимымъ, книгамъ разгибаемымъ, дѣломъ испытуемымъ, помысломъ истязуемымъ! Кій судъ будетъ мнѣ, зачатому во грѣсѣхъ? Кто ми пламень угаситъ? Кто ми тьму просвѣтитъ, аще не Ты, Господи, помилуеши мя, яко человѣколюбецъ?

«Когда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, и всѣ святые Ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ [1]) славы Своей; и соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ; и поставитъ овецъ по правую Свою сторону. а козловъ по лѣвую [2]). Тогда скажетъ Царь тѣмъ, кото-

---

[1]) Будетъ ли это дѣйствіе очевиднымъ сидѣніемъ Судіи на бѣломъ облачномъ престолѣ или же это—только символическій образъ величія Судіи, заимствованный отъ Архангельскаго предсказанія о наслѣдованіи Христомъ престола Давидова,—во всякомъ случаѣ этимъ дѣйствіемъ ясно, живо и наглядно обозначается мысль о царскомъ достоинствѣ Судіи міра.

[2]) Поставленіе судимыхъ лицъ—однихъ по правую сторону, другихъ по лѣвую есть обычное на языкѣ Свящ. Писанія обозначеніе счастія и несчастія. Оно идетъ изъ области еще въ ветхозавѣтныхъ іудейскихъ понятій и взглядовъ на сторону правую и лѣвую. Такъ по книгѣ Екклесіастъ (X, 2) противоположности между мудростію и глупостію живо обозначается противоположностію между правою и лѣвою стороною; а такъ какъ начало премудрости есть страхъ Божій—корень истиннаго благочестія и праведности, то противоположность между мудростію и глупостію соотвѣтствуетъ противоположность между праведностію и неправедностію. На практикѣ тако смыслъ противоположности между правою и лѣвою стороною выражался въ установившемся обычаѣ іудейскаго синедріона, по которому предъ лицемъ предсѣдателей синедріона становились двое судей, въ качествѣ писцовъ, одинъ по правую сторону—для обозначенія оправдательныхъ свидѣтельствъ, а другой по лѣвую—для записи обвиненія. На послѣднемъ всемірномъ судѣ, правда, не будетъ писаться ни оправданіе, ни обвиненіе: но значеніе правой и лѣвой стороны останется то же, что и въ обычномъ судебномъ присутствіи іудеевъ.

рые по правую сторону Его: прійдите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня: былъ болѣнъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ. Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ—и накормили? или жаждущимъ—и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ—и приняли? или нагимъ—и одѣли? Когда мы видѣли Тебя больнымъ или въ темницѣ—и пришли къ Тебѣ? И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ.—Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странниковъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня. Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ—и не послужили Тебѣ? Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ.—И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную» (Матѳ. XXV. 31—46).

«Слово Божіе изображаетъ всеобщій судъ такъ, что, съ наступленіемъ великаго дня отчета, народы уже стоятъ по правую и лѣвую сторону прежде произнесенія приговора. Предшествовавшее этому воскресеніе облекло уже всякаго въ свойственное ему тѣло чести или позора. И такъ правда суда ясна людямъ прежде приговора. Таково полное *откровеніе* въ концѣ временъ и полное, извнутри исходящее, слѣдовательно *всеправедное рѣшеніе* въ послѣднемъ судѣ» [1]).

«Какъ будетъ Христосъ Господь судить міръ?—Совѣсть каждаго человѣка откроется предъ всѣми, и обнаружатся не только всѣ дѣла, какія кто сдѣлалъ во всю свою жизнь на землѣ, но и всѣ сказанныя слова, тайныя желанія и помышленія. *Пріидетъ Господь, который и освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога* (1 Кор. IV, 5)» [2]).

«Ни одинъ сердечный помыслъ не останется тамъ не открытымъ, ни одинъ взоръ очей не избѣжитъ суда. И срамное слово, сказанное тайно и шопотомъ, будетъ въ тотъ день обнаружено предъ правдивымъ Судіею, который сокровенное судитъ открыто» [3]).

«Писаніе представляетъ сіе (изображеніе всеобщаго суда) олицетворенно, не потому, что Судія каждому изъ насъ будетъ предлагать вопросы или давать отвѣты судимому, но чтобы внушить намъ заботливость и чтобы мы не забыли подумать о своемъ оправданіи. Вѣроятно-же, что какою-то несказанною силою, во мгновеніе времени, всѣ дѣла нашей жизни, какъ на картинѣ, напечатлѣются въ памяти нашей души. И такимъ образомъ услышимъ сіе: *теперь окружаютъ ихъ дѣла ихъ,—они предъ лицемъ Моимъ* (Осіи VII, 2). И книги, упоминаемыя у Даніила (VII, 10), что иное означаютъ, какъ не возбужденіе Господомъ въ памяти человѣческой образовъ всего содѣланнаго, чтобы

[1]) Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры *прот. Н. Сергіевскаго*, стр. 178.

[2]) Пространный христіанскій Катихизисъ, о VII членѣ Сумвола вѣры.

[3]) *Св. Ефремъ Сиринъ*, о страхѣ Божіемъ и послѣднемъ судѣ, въ Твор. Св. Отецъ, XV, 302.

каждый вспомнилъ свои дѣла и чтобы мы видѣли, за что подвергаемся наказанію» [1]).

На чемъ будетъ основываться приговоръ Судіи, предъ которымъ соберутся на судъ всѣ народы въ послѣдній день міра?—По слову Самого Господа, приговоръ на послѣднемъ судѣ основывается на дѣлахъ, особенно на плодахъ вѣры въ любви и милосердіи.

И такъ судъ, имѣющій быть при кончинѣ міра будетъ:

а) *всеобщій*, потому что будетъ простираться на всѣхъ людей—живыхъ и умершихъ, добрыхъ и злыхъ, и даже на падшихъ ангеловъ.

«Царь сходитъ съ своего мѣста, чтобы совершить судъ надъ землею; съ великимъ страхомъ и трепетомъ сопровождаютъ Его воинства Его. Мощные чины сіи приходятъ быть свидѣтелями грознаго суда; и всѣ люди, сколько ихъ было и есть на землѣ, предстаютъ Царю. Сколько ни было и ни будетъ рожденныхъ на свѣтъ, всѣ пріидутъ на сіе позорище—видѣть судъ» [2]).

«Когда говорится, что *не воскреснутъ нечестивіи на судъ*, то сіе означаетъ, что они воскреснутъ не для суда, а для осужденія. Ибо для Бога не нужно долговременное испытаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ воскреснутъ нечестивые, послѣдуетъ и наказаніе» [3]).

Ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, Господь соблюдаетъ въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня (Посл. Іуды ст. 6; 2 Петр. II; 4).

Всеобщій судъ начнется именно съ этихъ ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства—съ міродержителей тьмы

[1]) *Св. Василій Великій*, толк. на Исаію I, 18, въ Твор. Св. Отецъ, VI, 70.

[2]) *Св. Ефремъ Сиринъ*, о страхѣ Божіемъ и о послѣднемъ судѣ.

[3]) *Св. Кириллъ Іерусалимскій*, оглас. поученіе XVIII.

вѣка сего, съ духовъ злобы поднебесныхъ. Начало дѣйствія этого суда надъ ними усматривается въ первомъ актѣ явленія Сына человѣческаго на страшный судъ—въ моментальномъ истребленіи антихриста, этого прямаго орудія злой силы—діавола. Въ Апокалипсисѣ (XX, 10) послѣдняя участь антихриста отождествляется съ конечною участію діавола. Слѣдовательно и дѣйствіе суда по отношенію къ діаволу и подчиненнымъ ему злымъ ангеламъ можно считать продолженіемъ дѣйствія суда, впервые проявившагося на антихристѣ.—Если въ Евангеліи Іоанна (XII, 31) и въ посланіи Апостола Павла къ Колоссянамъ (II, 15) свидѣтельствуется о совершенной уже Христомъ побѣдѣ надъ сатаною и его духами, то эта побѣда Христа Его крестомъ и воскресеніемъ надъ царствомъ адской тьмы совершилась только въ принципѣ: уничтоженіе властію Христовою власти діавола произошло только въ общей сущности и въ Лицѣ Самого Іисуса Христа, а не въ частныхъ проявленіяхъ и жизни всей Церкви. Дѣйствительное и полное обнаруженіе побѣдной власти Христовой въ мірѣ совершится въ тотъ великій день, въ который Христосъ придетъ судить вселенную: тогда Онъ «низложитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои» (1 Кор. XV, 25).

Вслѣдъ за судомъ надъ міродержителями тьмы вѣка сего право и власть суда Богочеловѣка проявится и надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ.

«Извѣстно, что одни экзегеты думаютъ видѣть въ этой Евангельской картинѣ (Матѳ. XXV, 31—46) изображеніе суда только надъ христіанами, другіе—только надъ язычниками, наконецъ третьи признаютъ въ этомъ картинномъ изображеніи Евангелиста судъ надъ всѣми—и надъ христіанами, и надъ нехристіанами, общее сказать—надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ. При взаимномъ сличеніи всѣхъ этихъ пониманій истина остается за взглядомъ третьихъ толкова-

телей, взглядомъ, примиряющимъ мнѣнія толкователей двухъ первыхъ классовъ. Правда, въ нашемъ картинномъ описаніи страшнаго суда упоминается о «божественномъ избраніи» (ст. 34) и о «праведныхъ» (ст. 37); но въ тоже время говорится и о такихъ, кои не захотѣли вступить въ личныя живыя отношенія со Христомъ, Спасителемъ міра. Если первымъ упоминаніемъ ясно предполагаются истинные христіане, то вторымъ замѣчаніемъ несомнѣнно указываются язычники—или христіане, настроенные язычески, христіане только по имени. Въ виду тѣхъ и другихъ самое производство суда, по изображенію Евангелиста Матѳея, ведется не по закону вѣры во Христа, а по обнаруженіямъ и дѣйствіямъ истинной любви къ человѣчеству. По отношенію къ язычникамъ или людямъ настроеннымъ язычески производство суда на такомъ нравственномъ практическомъ основаніи является единственно правильнымъ и вполнѣ возможнымъ; къ христіанамъ оно также имѣетъ полное примѣненіе. Многія мѣста Новозавѣтнаго Откровенія (Матѳ. VII, 21; Римл. II, 6; 1 Кор. IV, 4; 2 Кор. II, 10; Галат. VI, 8), равно какъ и весь духъ христіанства доказываютъ несомнѣнно ту истину, что Господь и самихъ христіанъ въ концѣ дней будетъ судить по плодамъ ихъ живой вѣры—добрымъ дѣламъ, а не по одной ихъ вѣрѣ.

«Положенное въ основаніе послѣдняго суда, какъ его норма, самое общее обнаруженіе вѣры въ дѣлахъ взаимной, гуманной любви и человѣколюбиваго милосердія указываетъ на судъ надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ и съ той еще стороны, что этими единственно дѣлами милосердія можетъ опредѣляться взаимное дружественное отношеніе между всѣми членами обширной семьи рода человѣческаго на всемъ земномъ шарѣ. Иного болѣе общаго признака, опредѣляющаго братское взаимоотношеніе между людьми,—къ какому бы роду, племени, званію и состоянію они ни принадлежали,—кромѣ взаимныхъ дѣлъ искренняго милосердія нельзя, кажется, и придумать. А какъ скоро берется во вниманіе этотъ признакъ взаимоотношенія между людьми, обобщеніе или объединеніе рода человѣческаго на всеобщемъ судѣ является дѣломъ вполнѣ возможнымъ и даже необходимымъ. Еслибы это объединеніе рода человѣческаго на всеобщемъ судѣ доходило даже до того, что всѣ члены этого рода исповѣдывали единую вѣру во Христа, то допустить и это предположеніе не встрѣчается существеннаго затрудненія, такъ какъ ко времени суда всеобщаго, по ученію Новозавѣтнаго Писанія, ожидается всеобщее охристіанизированіе всего рода человѣческаго. Можно сказать даже больше: проповѣданіе Евангелія среди всего языческаго міра, распространеніе Церкви Христовой по всему земному шару необходимо даже требуется идеею о послѣднемъ страшномъ судѣ Христа, ибо прежде чѣмъ Христосъ станетъ судить людей по отношенію ихъ къ Нему какъ Искупителю. Онъ долженъ чрезъ Евангельскую проповѣдь сдѣлаться извѣстнымъ этимъ людямъ» [1]).

б) Судъ, имѣющій быть при кончинѣ міра, будетъ *торжественный* и *открытый*, потому что Судія явится во всей славѣ Своей со всѣми святыми Ангелами и произведетъ судъ предъ лицемъ цѣлаго міра—небеснаго, земнаго и преисподняго.

в) *Строгій* и *страшный*, потому что совершится по всей правдѣ Божіей—и только одной правдѣ: то будетъ *день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Римл. II, 5).

«Судъ сей будетъ единственный, окончательный и страшный, а еще болѣе праведный, нежели страшный, или лучше сказать, потому и страшный, что онъ праведенъ» [2]).

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка *Н. Виноградова*, стр. 262—264.

[2]) *Св. Григорій Богословъ*. Слово, говоренное въ присутствіи отца, въ Твор. Св. Отецъ, II, 55.

г) *Рѣшительный* и *послѣдній*, потому что неизмѣнно и безповоротно опредѣлитъ на всю вѣчность участь каждаго изъ подсудимыхъ.

«Слыша Павла, говорящаго, что *намъ подобаетъ явитися предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. V, 10), вообразимъ мысленно судъ оный и представимъ, что онъ уже совершается теперь, и что требуютъ отъ насъ отчета въ дѣлахъ нашихъ. Я намѣренъ подробнѣе изобразить оный. Ибо св. Павелъ, какъ уже много говорилъ скорбнаго и не хотѣлъ возбуждать еще новыхъ скорбей въ Коринѳянахъ, потому не разсудилъ далѣе продолжить слово о семъ судѣ, но коснувшись слегка главнаго его дѣйствія, т. е. что каждый получитъ по дѣламъ своимъ, тотчасъ перешелъ къ другому разсужденію.

«И такъ представимъ, что уже наступилъ судъ оный. Пусть каждый испытаетъ совѣсть свою и вообразитъ, что пришелъ Судія, и все открывается и дѣлается яснымъ. Ибо мы не только будемъ предстоять, но и будемъ обличены на семъ судѣ. Не краснѣете-ли вы? Не смущаетесь-ли отъ сего? Но если и нынѣ, когда еще не наступилъ день суда, когда мы просто напомнили о немъ и только мысленно его представили, совѣсть привела насъ въ смущеніе, то что будетъ съ нами, когда дѣйствительно наступитъ день тотъ, когда вся вселенная предстанетъ на судъ, всѣ Ангелы и Архангелы и другія небесныя Силы? Когда люди будутъ стекаться отъ всѣхъ концовъ земли, восхищаемые на облакахъ, когда всѣ будутъ объяты страхомъ, когда повсюду вострубятъ трубы и будутъ слышимы неумолкаемые оные гласы? Подлинно, еслибы и не было геенны, то быть отверженнымъ въ присутствіи столь величественнаго и свѣтлаго собранія и отойдти съ безчестіемъ—одно это

сколь великое было бы наказаніе! Если и нынѣ, когда царь входитъ съ своею свитою въ какой-нибудь городъ, каждый изъ насъ, сознавая свое убожество, не столько получаетъ удовольствія отъ сего зрѣлища, сколько печали отъ того, что нисколько не можетъ участвовать въ великолѣпіи, окружающемъ царя, и не находится близь него: то что будетъ при встрѣчѣ Царя Небеснаго? Ужели ты почитаешь маловажнымъ наказаніемъ—не быть включеннымъ въ оный сонмъ ликующихъ, не быть удостоеннымъ неизглаголанной оной славы, быть отлученнымъ далеко нѣкуда и навсегда отъ онаго торжества и тѣхъ неизреченныхъ благъ? Но когда и мракъ, и скрежетъ зубовъ, и неразрѣшимыя узы, и червь неумирающій, и огнь неугасающій, и скорбь, и тѣснота, и страждущій въ пламени языкъ,—какъ это случилось съ онымъ богачемъ, будутъ удѣломъ человѣка; когда мы будемъ испускать вопли, и никто не будетъ насъ слышать; будемъ стенать, терзаться отъ невыносимыхъ болѣзней, и никто не будетъ внимать тому; будемъ всюду озираться—и ни откуда не получимъ утѣшенія: съ чѣмъ сравнить жребій бѣдствующихъ такимъ образомъ? Какія души несчастнѣе оныхъ, какія достойнѣе сожалѣнія? Ибо если, входя въ темницу и видя въ оной однихъ изсохшими отъ печали, другихъ—обремененныхъ оковами и страждущихъ отъ глада, иныхъ—заключенныхъ во мракѣ, мы приходимъ въ ужасъ, цѣпенѣемъ и всячески остерегаемся, какъ бы не попасть въ это мѣсто: то что будетъ съ нами, когда насильно повлекутъ насъ въ геенну? Не изъ желѣза оковы тамъ, но изъ огня никогда не угасающаго; и не таковы у насъ будутъ приставники тамъ, чтобы можно было когда привести ихъ въ состраданіе. Это будутъ Ангелы, на которыхъ и взглянуть устрашимся; потому что они чрезвычайно будутъ раздражены противъ насъ за нашу непокорность Богу.

Тамъ не такъ, какъ здѣсь: для облегченія бѣдствія твоего не принесутъ тебѣ—одинъ сребра, другой—пищи, иной—утѣшительнаго и отраднаго слова,—тамъ всѣ будутъ чужіе. Даже и Ной, Іовъ и Даніилъ, хотя бы увидѣли кого изъ своихъ родныхъ страждущими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастныхъ. Ибо тогда отнимется у насъ всякое сострадані͏е, свойственное теперь природѣ нашей. Поелику и благочестивыя дѣти имѣютъ нечестивыхъ родителей, и благочестивые родители нечестивыхъ дѣтей, то, чтобы радость праведниковъ всегда была чистая и свѣтлая, и чтобы наслаждающіеся благами не возмущались состраданіемъ, то и самое, говорю, состраданіе у нихъ отнимется, и они вмѣстѣ съ Господомъ воспылаютъ гнѣвомъ даже противъ единокровныхъ своихъ. Ибо если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются отъ дѣтей своихъ и исключаютъ ихъ изъ своего родства, когда видятъ ихъ живущими распутно, тѣмъ болѣе такъ поступятъ тогда праведники. Посему никто не надѣйся имѣть утѣшеніе въ той жизни, ничего не сдѣлавъ добраго въ здѣшней, хотя бы кто имѣлъ безчисленное множество праведныхъ изъ своихъ предковъ: *кійждо бо пріиметъ, яже съ тѣломъ содѣла.* Этими словами Апостолъ желаетъ привести всѣхъ грѣшниковъ въ страхъ, ожидающими ихъ наказаніями. Посему воспользуемся и мы его угрозами. Если тебя палитъ огнь похоти плотской, противопоставь ему огнь геенскій,—и огнь похоти твоей тотчасъ погаснетъ и исчезнетъ. Хочешь-ли сказать что-нибудь гнусное, помысли о томъ скрежетѣ зубовъ,—и страхъ онаго обуздаетъ языкъ твой. Желаешь-ли сдѣлать какое похищеніе, послушай, что Судія оный повелѣваетъ и говоритъ: *свяжите ему руцѣ и нозѣ и ввергните его во тьму кромѣшнюю* (Матѳ. XXII, 13),—и такимъ образомъ изгонишь и сію страсть. Если ты преданъ пьянству и ведешь жизнь невоздержную, то

послушай, что говорилъ богачъ оный: *посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой, яко стражду въ пламени семъ,*—и не получилъ помощи (Лук. XVI, 24, 25). Часто приводя сіе на память, наконецъ ты отстанешь отъ страсти невоздержанія. Если ты любишь увеселенія,—разсуждай о тѣснотѣ и скорбяхъ, имѣющихъ быть тамъ: послѣ сего ты и думать не станешь объ увеселеніяхъ. Если ты жестокъ и немилосердъ, то по-часту припоминай тѣхъ дѣвъ, которыя за то, что погасли ихъ свѣтильники, не были допущены въ чертогъ Жениха,—и ты скоро сдѣлаешься человѣколюбивымъ. Нерадивъ ты и безпеченъ? Размышляй о судьбѣ скрывшаго талантъ свой,—и ты сдѣлаешься быстрѣе огня. Тебя снѣдаетъ страсть, какъ бы завладѣть ближняго твоего? воображай непрестанно тотъ неумирающій червь,—и симъ образомъ легко освободишься и отъ сей болѣзни, и всѣ прочія слабости свои исправишь. Богъ ничего не заповѣдалъ намъ труднаго и тяжкаго. Отчего кажутся намъ тяжкими заповѣди Его?—Отъ нашего разслабленія. Ибо какъ самое трудное при нашемъ стараніи и ревности, содѣлывается легкимъ и удобоисполнимымъ, такъ и легкое отъ нашего разлѣненія дѣлается тяжкимъ. Разсуждая о всемъ этомъ, мы должны смотрѣть не на то, какъ одни предаются роскоши и невоздержанію, а на то, каковъ конецъ ихъ будетъ. Но конецъ ихъ въ здѣшней жизни—гной и утучненіе плоти, а въ будущей—червь и огнь. Равно должны смотрѣть не на то, какъ другіе похищаютъ, а на конецъ ихъ жизни. А ихъ и въ сей жизни снѣдаетъ безпокойство, страхъ, мученіе совѣсти, а въ будущей ожидаютъ неразрѣшимыя узы. Мы должны разсуждать не о людяхъ славолюбивыхъ, а о томъ, что слѣдуетъ за славолюбіемъ; но за нимъ послѣдуютъ—ласкательство и лицемѣріе здѣсь, а тамъ—не-

выносимое мученіе въ вѣчномъ пламени. Такимъ образомъ размышляя о семъ сами съ собою и противопоставляя тѣ или другія размышленія нашимъ злымъ пожеланіямъ, мы скоро изгонимъ изъ себя и любовь къ настоящимъ благамъ, и возжжемъ въ себѣ любовь къ будущимъ» [1]).

День онъ страшный помышляющи,
душе моя, побди...

Настанетъ, вотъ грядетъ и близко страшный день!
Въ сравненьи съ нимъ ничто или одна лишь тѣнь—
Всѣ роды бѣдствія, весь ужасъ, страхъ, томленье,
Болѣзни всѣ и тяжкихъ мукъ и золъ мученье,
Кровопролитіе войны и лютыя терзанья,
Землетрясеніе и всякихъ бѣдъ страданья—
Всемірнаго потопа и внезапнаго всѣхъ мора,
Пожаровъ всѣхъ и казнь Содома и Гомора.
Вотъ онъ грядетъ—послѣдній міра день!
Его мы вѣрой зримъ, какъ бы чрезъ тѣнь:
Ниспали звѣзды съ мѣстъ и солнца уже нѣтъ,—
Потухъ его, луны, свѣтилъ небесныхъ свѣтъ;
Стихіи всѣ горятъ; весь міръ поколебался,
Лишь страшный гласъ трубы по всей землѣ раздался.
Конецъ ея насталъ, исчезла вся краса;
Какъ ветхо рубище, свились и небеса.
Такъ все величіе и славу міра въ мигъ
Неотразимый Божій гнѣвъ постигъ!
Моря и рѣки всѣ огнемъ пылаютъ,
Всѣхъ тварей гибелью конечной поражаютъ...
И вотъ изъ пропасти земной, изъ ада, изъ гробовъ
Выходятъ въ мигъ одинъ всѣ роды мертвецовъ;
Явилися и тѣ, что пожраны звѣрями
И коихъ плоти пыль развѣяна вѣтрами.
Предстали! О, какой несчетный сонмъ людей—
Какъ звѣздъ или песку на берегу морей!
Надъ ними молнія потоками сверкаетъ

[1]) *Св. Іоанна Златоуста* на второе посланіе къ Коринѳянамъ, бесѣда X.

И грома страшный шумъ вселенну потрясаетъ.
Явилось въ облакахъ и знаменье креста.
Для устрашенья всѣхъ противниковъ Христа.
Смутились грѣшные, невѣрные народы,
Какъ грозной бурею на океанѣ воды.
И правду вѣчную увидѣли глазами,
И книги совѣсти у всѣхъ раскрылись сами,
Все обнажилося: кто мыслилъ что, творилъ,
Чего когда желалъ и съ кѣмъ что говорилъ.
Всѣ люди ждутъ себѣ послѣдняго суда...
Но скрыться бы, бѣжать?—не вѣдаютъ куда!
Здѣсь въ пропасти съ огнемъ течетъ рѣка,
А тамъ простерла тьму невидима рука.
И вотъ съ небесъ, съ полками Ангеловъ, притекъ
Вселенный Судія—и Богъ, и человѣкъ!
Его всевидящихъ очей раждаютъ взгляды
Въ однихъ страхъ мукъ, въ другихъ надежду на награды.
Съ Нимъ тутъ и сонмъ Святыхъ изъ всѣхъ племенъ,
Подвижниковъ—мужей, дѣвъ, юношей и женъ.
Къ нимъ нѣкіе еще, какъ будто окрыленны,
Съ земли летятъ веселые, блаженны.
Внизу смущенныя толпы со всѣхъ сторонъ
Подняли вопль и плачъ, рыданіе и стонъ:
«Обрушьтесь вы на насъ, холмы! падите, горы!
Да не пронзаютъ насъ молніеносны взоры
Судьи, сѣдящаго въ небесной высотѣ!
Ахъ, Онъ вѣдь это—Онъ, висѣвшій на крестѣ!
А мы, безумные, отринули Его, презрѣли,
Ученію о томъ и вѣрить не хотѣли,
Что Онъ—Спаситель всѣхъ и что Его любовь
Заставила излить за родъ нашъ Его кровь!
И вотъ за то мы кару вѣчну заслужили,
Что по Его путямъ совсѣмъ мы не ходили,
Но жизнь свою въ одномъ нечестьи провели
И безконечный огнь себѣ на вѣки тѣмъ зажгли.
О горе, горе намъ! Увы! тому причиною—мы сами,
Что гибель вѣчную пріобрѣли себѣ грѣхами!»—
Но вотъ и Судія отверзъ уста: Его небесный гласъ,

Какъ гулъ громовъ, всѣхъ ужасомъ потрясъ
И разлучилъ людей... О, Боже правосудный!
Ужель и я навѣкъ погибну, безразсудный?
Судъ совѣсти моей гласитъ во мнѣ,
Что слѣдуетъ горѣть и мнѣ, несчастному, въ огнѣ
За тяжкія мои, велики согрѣшенья,
За то, что я не шелъ путемъ спасенья.
О, сжалься, пощади меня, Спаситель мой!
Очисти всѣ грѣхи и смой съ души моей.
Не ты ли за меня невинно осужденъ,
Былъ на крестѣ замученъ, пригвожденъ?
Чтобы спасти меня отъ вѣчныхъ мукъ,
Не Ты ли былъ убитъ отъ беззаконныхъ рукъ?
О, сжалься, заступись, спаси, исхить меня
Всесильною десницею отъ вѣчнаго огня!

Добраго отвѣта на страшнѣмъ судищи Христовѣ просимъ!

9. Обновленіе міра.

И увидѣлъ я новое небо и новую землю;
ибо прежняя земля миновали.
Апокал. XXI, 1.

«Міръ не имѣетъ другой исторіи, кромѣ исторіи, связанной съ исторіею, человѣка; и какъ міръ вовлеченъ въ слѣдствія грѣха человѣческаго, такъ на немъ отпечатлѣется и преображеніе человѣчества. Равнымъ образомъ исторія цѣлаго человѣчества не имѣетъ другой цѣли, кромѣ цѣли Церкви, или царства Христова. Посему-то послѣдняя судьба всего, судьба человѣковъ и міра поставляется въ ближайшее отношеніе съ собственною судьбою Церкви... Слово Божіе возвѣщаетъ не только о воскресеніи нашего тѣла, но еще о конечномъ преображеніи міра: ибо для прославленнаго тѣла и міръ долженъ быть соотвѣтственнаго естества. Что созданіе Божіе не исключаетъ возможности другаго высшаго образа міра, это довольно ясно намъ уже изъ хода перваго творенія, которымъ на положенной однажды основѣ міръ былъ возводимъ отъ низшаго порядка къ высшему, какъ бы отъ естественнаго къ вышеестественному. Ибо каждая степень міротворенія могла казаться завершеннымъ міромъ; но онъ былъ завершенъ лишь тогда, когда Божіе творчество положило ему предѣлъ. Знающіе, хотя немногіе, и въ нынѣшнемъ состояніи міра изощряются усматривать уже нѣкоторое измѣненіе условій его существованія; и это знаніе сближается съ истиной Божіей. *Новаго небесе и новой земли чаемъ, въ нихъ же правда живетъ.* Если знаніе познаетъ измѣненіе условій жизни міра, не обѣщающихъ безконечности настоящаго его существованія; то вѣра знаетъ и причину этихъ измѣненій—грѣхъ человѣка, вліяющій и на вселенную и въ нее вносящій смерть, и знаетъ также силу, имѣющую побѣдить грѣхъ и смерть, силу Святыни Христа, прославляющей и человѣка, и съ человѣкомъ міръ [1])».

Окружающая человѣка природа какъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и за его грѣхопаденіе подпала игу суеты и тлѣнія, такъ вмѣстѣ съ человѣкомъ же должна испытать и освобожденіе отъ рабства тлѣнію. Чрезъ всѣ части творенія безсознательно проходитъ глубокая скорбь и сильная тоска по освобожденіи, невольно дающая себя знать въ различныхъ ненормальныхъ явленіяхъ жизни природы... «Тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ; потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ.

[1]) Объ основныхъ истинахъ Христіанской вѣры, прот. *Н. Сергіевскаго*, стр. 173, 176—177.

Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится до нынѣ» (Римл. VIII, 19—22).

Тѣ колебанія и потрясенія міра, которыми предварится второе славное пришествіе Христово, будутъ муками, среди которыхъ возродится новый міръ, первыми признаками начинающагося возрожденія его. «Смотрите, не отвратитесь и вы отъ Говорящаго. Если тѣ (ветхозавѣтные люди), не послушавъ глаголавшаго на землѣ, не избѣгли наказанія, то тѣмъ болѣе не избѣжимъ мы, если отвратимся отъ Глаголющаго съ небесъ, котораго гласъ тогда (при Синайскомъ законодательствѣ) поколебалъ землю и который нынѣ далъ такое обѣщаніе: еще разъ поколеблю не только землю, но и небо» (Евр. XII, 25, 26; см. прор. Аггея II, 7). Колебаніе земли при Моисеѣ, во время Синайскаго законодательства, было только преобразовательнымъ по отношенію къ тому болѣе сильному колебанію земли, которое послѣдуетъ въ концѣ временъ. *Еще разъ поколеблю*. Если Богъ теперь *только еще разъ* поколеблетъ не только землю, но и небо, то, безъ сомнѣнія, колебаніе это будетъ послѣднее и рѣшительное: оно измѣнитъ колеблемое до такой степени, что ничего и не для чего уже будетъ колебать послѣ. Небо и земля поколеблются, силы и законы теперешняго міра измѣнятся, но среди этихъ измѣненій и превращеній возникаетъ изъ своего доселѣ скрытаго состоянія новое устроеніе міра («царство непоколебимое»—Евр. XII, 28), соотвѣтственно имѣющему наступить новому порядку въ царствѣ Христовомъ.

Св. Апостолъ Петръ, сопоставляя будущій переворотъ міра съ бывшимъ нѣкогда всемірнымъ потопомъ, говоритъ, что тогдашній міръ, при твореніи котораго Божіимъ словомъ вода имѣла весьма важное служебное значеніе, погибъ, бывъ потопленъ водою, а нынѣшнія небеса и земля, содержимыя тѣмъ же словомъ, сберегаются *огню* на день суда (2. Петр. III, 6, 7). Небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ (ст. 10). Стихія огня выдѣлится и возьметъ верхъ надъ прочими стихіями; стихія воздуха обнаружится въ бурномъ дыханіи, или шумѣ, необходимомъ спутникѣ необыкновеннаго движенія небесъ. Вода отъ огня превратится въ паръ; земля же и всѣ на ней дѣла, т. е. продукты органической жизни, отъ того же огня разрушатся. Общимъ же слѣдствіемъ такого огненнаго переворота въ мірѣ будетъ не уничтоженіе стихій міра (объ уничтоженіи міра Апостолъ Петръ не говоритъ ни единымъ словомъ), а только коренное измѣненіе ихъ теперешнихъ отношеній и состоянія.

Новое небо и новая земля, имѣющія произойдти вслѣдствіе великаго огненнаго переворота, характеризуются у Апостола еще однимъ положительнымъ, весьма знаменательнымъ признакомъ—удаленіемъ съ нихъ неправды. «Ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда» (ст. 13). Такъ какъ теперь зло, нестроеніе, неправда вкрались въ самыя внутреннія отношенія частей міра насквозь проникаютъ природу, подвергшуюся суетѣ, то и процессъ будущаго преобразованія міра посредствомъ огня можно представлять себѣ такъ, что стихіи міра превратятся въ какую-то газообразную водяную массу—туманную, непроницаемую для свѣта; и изъ этой-то массы всемогущая сила Божія востановитъ новое небо и новую землю, на которыхъ будетъ обитать свѣтлая и чистая правда.

Послушаемъ какъ учили объ обновленіи и кончинѣ міра Отцы и учители Церкви.

Св. Ириней: «Не сущность и не вещество творенія упраздняется (ибо истиненъ и силенъ Тотъ, кто устроилъ его), но преходитъ образъ міра сего, т. е. то, въ чемъ произошло разстройство... Когда же прейдетъ этотъ образъ

и человѣкъ обновится и возстанетъ для нетлѣнія, тогда явится новое небо и новая земля [1])».

Св. Кириллъ Іерусалимскій: «Прійдетъ съ небесъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, прійдетъ со славою при скончаніи міра сего въ послѣдній день. Ибо будетъ скончаніе міра сего, и сотворенный міръ сей обновится. Поелику развратъ, *татьба и любодѣянія* и всякій родъ грѣховъ *разліяся по земли, кровь съ кровями*, (Осіи IV, 2) смѣсилась въ мірѣ, то, чтобъ сіе чудесное обиталище тварей не осталось на всегда исполненнымъ беззаконія, прейдетъ міръ сей, дабы снова явиться лучшимъ... Свіетъ Господь небеса не для того, чтобъ истребить оныя, но чтобы опять явить ихъ въ лучшемъ видѣ. Выслушай слова пророка Давида: *въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса* (Псал. CI, 26), *Та погибнутъ, Ты же пребываеши* (—27). Но, скажетъ кто-либо, почему же онъ говоритъ ясно: *погибнутъ*? Сіе видно изъ послѣдующаго: *и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся*. Ибо какъ о человѣкѣ говорится, что онъ погибаетъ, какъ то сказано: *видите, како праведный погибе, и никто же не пріемлетъ сердцемъ* (Исаіи LVII, 1), между тѣмъ какъ онъ ожидаетъ воскресенія: такъ равно ожидаемъ нѣкотораго воскресенія и небу [2])».

Св. Василій Великій: «Предвозвѣщеніемъ догматовъ о скончаніи и измѣненіи міра служитъ и то, что предано намъ нынѣ кратко въ самыхъ начаткахъ богодухновеннаго ученія: *въ началѣ сотвори Богъ*. Начавшееся со временемъ по всей необходимости и окончится во времени. Если имѣетъ *начало* временное, то не сомнѣвайся о *концѣ*... Но они (ученые язычники) не нашли одного изъ всѣхъ способа,

[1]) Противъ ересей, V, гл. 36.
[2]) Оглаcительное поученіе XV.

какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной, праведнаго Судію, воздающаго каждому достойно по дѣламъ, и какъ вмѣстить въ умѣ, вытекающую изъ понятія о судѣ, мысль о скончаніи; потому что міру необходимо измѣниться, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни. Ибо какъ настоящая жизнь имѣетъ качества, сродныя сему міру, такъ и будущее существованіе нашихъ душъ получитъ жребій, свойственный своему состоянію [1])».

Блаж. Іеронимъ: «Ясно показывается (Псал. CI, 27), что кончина и погибель міра означаетъ не обращеніе его въ ничто, но измѣненіе въ лучшее. Равнымъ образомъ и то, что написано въ другомъ мѣстѣ: *будетъ свѣтъ луны, аки свѣтъ солнца* (Исаіи XXX, 26), значитъ не погибель прежняго, но измѣненіе въ лучшее. Размыслимъ о сказанномъ: преходитъ образъ, а не существо. То же выражаетъ и св. Петръ (2 Петр. III, 13)... Не сказалъ: узримъ *иныя* небеса и *иную* землю, но прежнія и древнія измѣненными на лучшія [2])».

Пятый вселенскій Соборъ, опровергая разныя заблужденія оригенистовъ, торжественно осудилъ и то ихъ лжеученіе, будто вещественный міръ не преобразится только, но совершенно уничтожится.

10. Кончина царства благодати и начало царства славы.

Вмѣстѣ съ кончиною міра вещественнаго и преобразованіемъ его въ міръ новый, лучшій, послѣдуетъ кончина и благодатнаго царства Христова и откроется вѣчное царство Божіе, царство славы.

[1]) Бесѣда на шестодневъ I, въ Твор. Св. Отецъ V, 6, 7.
[2]) На пророка Исаію LXV.

Съ устроеніемъ царства славы, Творецъ осуществляетъ Свою цѣль, съ которою Онъ создалъ міръ и ввелъ въ него человѣка. Человѣкъ, сотворенный для блаженнаго единенія съ Богомъ, былъ увлеченъ врагомъ Божіимъ, палъ и вмѣстѣ съ собою увлекъ весь человѣческій родъ въ бездну зла и погибели. Зло возрастало и разливалось въ мірѣ съ ужасающею быстротою. Скоро Богъ былъ совершенно забытъ людьми. Весь міръ погрузился въ глубокую тьму идолопоклонства и крайняго развращенія. Разъединеніе человѣка съ Богомъ было, повидимому, рѣшительное и безвозвратное. Діаволъ торжествовалъ. Между Богомъ и людьми было такое средостѣніе, котораго не могли разрушить ни самъ человѣкъ, ни какое-либо сотворенное существо. Но недомыслимая Божія премудрость находитъ средство спасти человѣка и возвести его въ прежнее блаженное состояніе и союзъ съ Богомъ. Единородный Сынъ Божій принимаетъ на Себя дѣло искупленія и спасенія человѣка, возстановляетъ его и возсоединяетъ съ Богомъ: совершая это чудное дѣло, Онъ съ одной стороны совершеннѣйшимъ образомъ удовлетворяетъ Божескому правосудію, а съ другой сохраняетъ ненарушимою свободу самого человѣка, ибо ненасильно влечетъ его ко спасенію. Такимъ образомъ постоянно продолжается и будетъ продолжаться до конца міра возстановленіе людей благодатію Христовою, подаваемою всѣмъ въ Его Церкви.

Христосъ, ходатай Бога и человѣковъ, Глава Церкви, Царь благодатнаго царства, будетъ царствовать до тѣхъ поръ, пока не доведетъ совершонное Имъ дѣло искупленія человѣчества до самаго послѣдняго, предопредѣленнаго конца. *Ему* (Христу) *надлежитъ царствовать, доколѣ низложитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои*. Какихъ враговъ?—*Когда упразднитъ всякое начальство и всякую власть и силу* и когда *истребится, поглощенъ будетъ побѣдою послѣдній врагъ* людей—*смерть* (1 Кор. XV, 25, 24, 26, 54). *Когда же все покоритъ Ему* (Богу Отцу, Богочеловѣку), *тогда и Самъ Сынъ покорится Покорившему Ему все* (—ст. 27). «Христосъ, какъ сынъ Божій, Сіяніе славы Бога Отца и Образъ ѵпостаси Его, находится въ вѣчномъ, живомъ общеніи любви и существа съ Богомъ Отцомъ. Въ силу этого общенія, исключающаго всякое отношеніе подчиненія, Христосъ, и по покореніи Ему всего и такимъ образомъ по достиженіи Имъ Своего высокаго назначенія, въ земномъ Своемъ служеніи роду человѣческому снова подчинится Богу Отцу [1]).

И тогда наступитъ вѣчное царство славы, тогда *будетъ Богъ все во всемъ* (1 Кор. XV, 28). Во всемъ обновленномъ твореніи, во всемъ освобожденномъ отъ всѣхъ золъ міра не будетъ ничего богопротивнаго или богов раждебнаго; напротивъ все будетъ живымъ выраженіемъ Божественной воли, святой и совершенной; все будетъ служить къ славѣ Божіей. Конечно, Богъ какъ Творецъ и теперь, при настоящемъ порядкѣ вещей, открывается въ мірѣ, давая знать въ немъ Свою присносущную силу и Свое Божество (Римл. I, 20). Но въ будущемъ мірѣ, на новомъ небѣ и новой землѣ, гдѣ не будетъ никакого нестроенія и тѣни безпорядка, а всюду будетъ витать одна совершенная правда, какъ присутствіе, такъ и дѣйствіе Бога станетъ выражаться полнѣе и совершеннѣе.

И воцарится Господь Іисусъ Христосъ, купно со Отцемъ и Св. Духомъ, *надъ домомъ Іакова во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (Лук. I, 33).

Вѣчную славу Его будутъ раздѣлять съ Нимъ и избранные Его, которымъ уготовано царство отъ созданія міра.

Если мы будемъ стараться дѣлать твердымъ наше зва-

[1]) О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. *Н. Виноградова* стр. 292.

ніе и избраніе, *то намъ откроется свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа* (2 Петр. I, 11).

Я все терплю ради избранныхъ, дабы и они получили спасеніе во Христѣ Іисусѣ, съ вѣчною славою (2 Тим. II, 10).

Вѣрно слово: если мы съ Нимъ умерли, то съ Нимъ и оживемъ. Если терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ (—ст. 11, 12).

Если мы—дѣти Божіи, *то и наслѣдники,—наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христу, если только съ Нимъ страдаемъ, чтобы съ нимъ и прославиться* (Римл. VIII, 17).

Избавитъ меня Господь отъ всякаго злаго дѣла и сохранитъ для Своего небеснаго царства. Ему слава во вѣки вѣковъ (2 Тим. IV, 18).

Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его (Апок. III, 21).

Св. Зенонъ Веронскій учитъ: «Апостолъ Павелъ (1 Кор. XV, 24) говоритъ о временномъ вочеловѣчившагося Бога царствѣ, по скончаніи котораго Сей пріидетъ и сотворитъ судъ живымъ и мертвымъ, что подтверждаетъ самая связь рѣчи, въ которой говорится, что Христосъ долженъ царствовать со Святыми Своими до тѣхъ поръ, пока не прекратитъ всякое начальство, всякую власть и силу, пока не низложитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои, пока не истребится послѣдній врагъ—смерть (1 Кор. XV, 24—26). Но Евангелистъ Лука (I—34) и Соломонъ (Премудр. III, 4—8) разумѣли первоначальную власть, въ которой имѣя непрерывное отъ вѣка и до вѣка участіе, Сынъ никогда не получалъ царства отъ Отца и никогда не будетъ передавать его Отцу. Ибо онъ всегда царствовалъ съ Отцемъ Своимъ,

какъ Самъ говоритъ: *царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36). Яснѣе выразилъ сіе Апостолъ Павелъ: *сіе бо да вѣсте*, говоритъ онъ, *яко всякъ блудникъ или нечистъ или лихоимецъ, иже есть идолослужитель, не иматъ достоянія въ царствіи Христа и Бога* (Ефес. V, 5), показывая тѣмъ, что едино есть царствіе Отца и Сына» [1]).

Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: «Царствовать будетъ во вѣки Тотъ, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, который за живыхъ и за мертвыхъ умеръ, какъ говоритъ Павелъ: *на сіе бо Христосъ и умре и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ* (Римл. XIV, 9). Дерзнулъ нѣкто говорить, что по скончаніи міра Христосъ не будетъ царствовать; дерзнулъ утверждать, что Слово, изъ Отца исшедшее, паки возвратившись въ Отца, не будетъ болѣе существовать. Богохульствуетъ такимъ образомъ къ своему осужденію; ибо не внималъ словамъ Господа: *Сынъ пребываетъ во вѣкъ* (Іоан. VIII, 35), не внималъ словамъ Гавріила: *и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (Лук. I, 33). И хочешь-ли узнать, отъ чего тѣ, которые учатъ противному, дошли до такого безумія? Читали они со злымъ намѣреніемъ добрыя слова Апостола: *подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама Своима* (1 Кор. XV, 25), и говорятъ, что когда враги низложены будутъ къ ногамъ Его, то Онъ не будетъ болѣе царствовать; но говорятъ худо и безсмысленно. Ибо Тотъ, который царствовалъ прежде, нежели низложилъ враговъ, не будетъ-ли тѣмъ, паче царствовать послѣ того, какъ побѣдитъ ихъ» [2]).

---

[1]) На слова: 1 Кор. XV, 24, въ «Христ. Чтеніи» 1837 г., II, 18—19.

[2]) Огласительное поученіе XV.

11. Хиліазмъ, или тысячелѣтнее царство Христово.

«И увидѣлъ я Ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключъ отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей. Онъ взялъ дракона, змѣя древняго, который есть діаволъ и сатана, и сковалъ его на *тысячу лѣтъ*, и низвергъ его въ бездну, и заключилъ его, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщалъ уже народы, доколѣ не окончится *тысяча лѣтъ;* послѣ-же сего ему должно быть освобожденнымъ на малое время. И увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано было судить, и души обезглавленныхъ за свидѣтельство Іисуса и за слово Божіе, которые не поклонились звѣрю, ни образу его, и не приняли начертанія на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христомъ *тысячу лѣтъ*. Прочіе-же изъ умершихъ не ожили доколѣ не окончится *тысяча лѣтъ*. Это первое воскресеніе. Блаженъ и святъ имѣющій участіе въ воскресеніи первомъ. Надъ ними смерть вторая не имѣетъ власти; но они будутъ священниками Бога и Христа и будутъ царствовать съ Нимъ *тысячу лѣтъ*. Когда-же окончится *тысяча лѣтъ*, сатана будетъ освобожденъ изъ темницы своей и выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли, Гога и Магога, и собирать ихъ на брань. Число ихъ какъ песокъ морскій» (Апокал. XX, 1—7).

На основаніи этихъ словъ Апокалипсиса уже въ самыя первыя христіанскія времена возникло ученіе о *хиліазмѣ*, или о *тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ*. Сущность этого ученія заключается въ слѣдующемъ: «Задолго до кончины міра Христосъ опять придетъ на землю, поразитъ

антихриста, воскреситъ однихъ праведниковъ, устроитъ новое царство на землѣ, въ которомъ праведники, въ награду за свои подвиги и страданія, будутъ царствовать вмѣстѣ съ Нимъ въ продолженіе тысячи лѣтъ, наслаждаясь всѣми благами временной жизни; затѣмъ уже послѣдуетъ второе всеобщее воскресеніе мертвыхъ, всеобщій судъ и всеобщее вѣчное мздовоздаяніе».

Нужно впрочемъ замѣтить, что ученіе хиліастовъ извѣстно было въ двухъ видахъ.

Одни говорили, что Христосъ, когда устроитъ на землѣ тысячелѣтнее царство свое, возстановитъ Іерусалимъ во всей красѣ, снова введетъ исполненіе обрядоваго закона Моисеева со всѣми жертвами, и что блаженство праведниковъ будетъ состоять во всевозможныхъ чувственныхъ удовольствіяхъ, напоминающихъ Магометовъ рай. Такъ началъ учить въ первомъ вѣкѣ еретикъ *Керинѳъ*, проникнутый ложными вѣрованіями іудейскими и гностическими, [1]) а за нимъ продолжали другіе іудействовавшіе еретики—*евіониты*, *монтанисты*, и въ четвертомъ вѣкѣ—еретикъ *Аполлинарій* съ своими послѣдователями. Это—грубые хиліасты, стоявшіе при томъ внѣ Церкви.

Другіе хиліасты (которыхъ, въ противоположность первымъ, можно назвать *церковными*) напротивъ, утверждаютъ, что блаженство праведниковъ во время тысячелѣтняго царства Христова будетъ состоять только въ удовольствіяхъ невинныхъ, чистыхъ, духовныхъ, и вовсе не проповѣдывали ни о возобновленіи тогда Іерусалима, ни о возстановленіи обрядоваго закона Моисеева. Въ такомъ видѣ мнѣніе

[1]) По свидѣтельству церковнаго историка Евсевія, передающаго слова Кая, пресвитера Римскаго, Керинѳъ утверждалъ, что послѣ воскресенія, по основаніи Христомъ тысячелѣтняго царства, люди будутъ жить тѣлесно въ Іерусалимѣ, служа страстямъ и удовольствіямъ, и что 1000 лѣтъ пройдетъ въ брачныхъ празднованіяхъ. *Евсевій*, Церк. Ист. III, 28; VII, 25.

о тысячелѣтіи въ первый разъ высказано было *Папіемъ* Іерапольскимъ, жившимъ еще въ вѣкъ Апостольскій (*Евсевій*, Церк. Ист. III, 39); затѣмъ оно встрѣчается у *Іустина Мученика* (Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ, 80, 81), *Иринея* Ліонскаго, ученика Папія Іерапольскаго (Противъ ересей, V, 31; сл. *Евсевія* Церк. Ист. III, 39), [2]) *Ипполита, Меѳодія, Тертулліана* [3]) и *Лактанція*; въ позднѣйшія времена оно возобновлено, съ нѣкоторыми особенностями, анабаптистами, послѣдователями Шведенборга, мормонами и другими мистиками и иллюминатами.

Основная мысль хиліазма, та мысль, что христіанство должно быть силою не только побораюшею и воинствующею, но всемірно-побѣждающею и всемірно-господствующею,— вѣрна въ своей сущности и имѣетъ глубокое и важное значеніе. Этою основною мыслію и объясняется особенная живучесть этого ученія, являющагося въ различныя времена исторіи Церкви то въ плотскомъ, то въ духовномъ видѣ. Но кромѣ этой основной мысли, все остальное въ

---

[2]) Какъ у Папія Іерапольскаго, такъ и у Иринея Ліонскаго относительно хиліастическаго времени говорится: придутъ дни, когда на виноградныхъ деревьяхъ будетъ по 10,000 лозъ на каждомъ, на каждой лозѣ по 10,000 вѣтокъ, на каждой вѣткѣ по 10,000 прутьевъ, на каждомъ прутѣ по 10,000 кистей и въ каждой кисти по 10,000 ягодинъ, и каждая выжатая ягодина дастъ по 25 мѣръ вина; и когда кто либо изъ святыхъ возьмется за кисть, то другая кисть возопіетъ къ нему: „Я—лучшая кисть, возьми меня, чрезъ меня благослови Господа“. Тоже относительно и другихъ плодовъ.

[3]) „Мы признаемъ,—говоритъ Тертулліанъ въ своемъ сочиненіи противъ Маркіона,—что намъ на землѣ обѣтовано славное тысячелѣтнее царство, прежде нежели мы взойдемъ на небо въ новое состояніе, спустя 1000 лѣтъ послѣ воскресенія, во вновь созданномъ Іерусалимѣ, который ни спустится съ неба и о которомъ говоритъ Апостолъ, называя его нашею вышнею матерью и нашимъ небеснымъ отечествомъ“.—Что касается столицы тысячелѣтняго царства, то не всѣ хиліасты признавали ею Іерусалимъ: для монтанистовъ столицею былъ городъ Пепуза во Фунгіи, колыбель ихъ ереси, для анабаптистовъ (подъ главенствомъ Іоанна Лейденскаго) — городъ Мюнстеръ въ Вестфаліи, для мормоновъ—Ута на Соленомъ Озерѣ въ Америкѣ, и т. д.

хиліастическомъ ученіи противорѣчитъ духу и характеру всего Новозавѣтнаго Писанія.

Ученіе хиліазма, какъ мы видѣли, основывается на предположеніи двукратнаго воскресенія. Между тѣмъ Христосъ Спаситель со всею ясностію училъ, что будетъ только *одно* воскресеніе мертвыхъ всеобщее въ послѣдній день, когда, по гласу Его, возстанутъ изъ гробовъ всѣ—и праведники, и грѣшники, и непосредственно примутъ отъ Него послѣдній судъ и окончательное мздовоздаяніе (Іоан. V, 25, 28, 29; VI, 40, 54; Матѳ. XIII, 40—42; XXV, 31—46). Затѣмъ Слово Божіе проповѣдуетъ только два пришествія Христова—первое, уничиженное, и второе, славное, и два царства—царство благодати и царство славы. А хиліасты допускаютъ еще какое-то среднее, третье царство Христово по окончаніи царства благодати и прежде царства славы, имѣющее окончиться послѣ тысячелѣтняго существованія.

Не говоримъ уже о томъ, что допущеніе внѣшнихъ благъ и чувственныхъ удовольствій въ царствѣ Христовомъ послѣ воскресенія есть явно черта не христіанская. *Въ воскресеніи не женятся и не выходятъ замужъ* (Матѳ. XXII, 30; Лук. XX, 34). *Царствіе Божіе—не пища и питіе* (Римл. XIV, 17).

Божественный Основатель христіанства вообще училъ о чисто нравственномъ, духовномъ, неземномъ характерѣ Своего царства и всегда уклонялся (см. напр. Іоан. VI, 15), когда Ему представлялся случай основать земное царство подъ видимымъ Своимъ главенствомъ. Поэтому всѣ выраженія Его о царствѣ (не исключая и выраженія о наслѣдованіи земли кроткими—Матѳ. V, 5) должно понимать въ образномъ смыслѣ о высшихъ благословеніяхъ, о высшихъ благахъ какъ въ Его Церкви на землѣ, такъ еще болѣе въ будущей вѣчной жизни на небѣ.

Отдѣльныя мѣста въ свящ. книгахъ Новаго Завѣта, на которыя обыкновенно ссылаются хиліасты, представляютъ только кажущіяся основанія для ихъ ученія. Такъ напр. слова Самого Господа о томъ, что оставившій отца и мать, жену и поле ради Него получитъ *сторицею* и животъ вѣчный наслѣдитъ (Матѳ. XIX, 20), безъ сомнѣнія, слѣдуетъ понимать о замѣнѣ земныхъ благъ высшими духовными; иначе было-бы въ высшей степени непристойно, основываясь на этихъ словахъ, считать будущею наградою каждаго добродѣтельнаго мужчины, цѣлую сотню женъ. Точно также выраженіе Христа Спасителя на тайной вечери, что Онъ не будетъ болѣе пить отъ плода винограднаго, пока не станетъ пить съ учениками *новое вино* въ царствѣ Отца (Матѳ. XXVI, 29), указываетъ на вино въ высшемъ смыслѣ, т. е. на духовныя наслажденія въ будущемъ небесномъ мірѣ.

Что касается апокалипсическаго выраженія «тысяча лѣтъ», то его слѣдуетъ признать за символическое число, подобно другимъ числовымъ обозначеніямъ въ Апокалипсисѣ. Для правильнаго пониманія этого символическаго числа нужно припомнить извѣстное выраженіе во 2-мъ посланіи св. Апостола Петра: «Одно то не должно быть сокрыто отъ васъ, возлюбленные, что у Господа одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день» (III, 8; сн. Псал. LXXXIX, 5). Это апостольское слово высказываетъ не только то, что время для Бога не представляетъ опредѣленнаго промежутка или предѣла, но прежде всего и главнымъ образомъ то, что Богъ, въ Своемъ высшемъ управленіи родомъ человѣческимъ, въ одинъ день можетъ произвести дѣйствіе столь-же важное и съ такими-же многоплодными послѣдствіями, какъ въ другой разъ въ тысячу лѣтъ, и наоборотъ. Богъ по Своей премудрости можетъ замедлить историческое развитіе такъ, что родъ человѣческій

въ тысячу лѣтъ не уйдетъ далѣе, чѣмъ какъ въ иной разъ можетъ уйдти въ продолженіе одного дня.

Выраженіе о «заключеніи сатаны» издавна принято толковать о побѣдѣ христіанства надъ языческимъ идолопоклонствомъ, которою у сатаны отнята власть надъ землею и вслѣдствіе которой, Христосъ съ Своими Святыми и Ангелами воцарился на землѣ, именно въ Своей Церкви, невидимо, духовнымъ образомъ.

Подъ «первымъ воскресеніемъ» въ Апокалипсисѣ разумѣется наступающая послѣ тѣлесной смерти духовная жизнь праведныхъ на небѣ, которые принимаютъ участіе въ небесной славѣ Христа и здѣсь на землѣ прославляются въ нетлѣнныхъ мощахъ своихъ. Если въ Апокалипсисѣ говорится, что не всѣ умершіе участвуютъ въ первомъ воскресеніи, то этимъ высказывается ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что продолженіе жизни безбожниковъ и нечестивыхъ въ мукахъ осужденія нельзя назвать собственно жизнію, что на ихъ физическую смерть нельзя смотрѣть какъ на воскресеніе къ духовной жизни, но слѣдуетъ видѣть въ ней осужденіе на духовную смерть. «Второе воскресеніе» есть общее воскресеніе плоти въ обыкновенномъ смыслѣ, а «вторая смерть»—вѣчное осужденіе на послѣднемъ судѣ. Если наконецъ въ Апокалипсисѣ говорится, что скованный драконъ, по истеченіи опредѣленнаго срока, опять будетъ освобожденъ на короткое время, то этимъ, безъ сомнѣнія, пророчески указывается на великое отступленіе предъ кончиною міра, въ связи съ явленіемъ антихриста—орудія сатаны.

«Извѣстно, что Апокалипсисъ есть книга пророческая и глубокотаинственная, смыслъ которой въ точности намъ недоступенъ. А толковать буквально мѣста пророческія, если они представляются въ этомъ видѣ противорѣчащими другимъ мѣстамъ Писанія, прямымъ и яснымъ, совершенно

противно правиламъ священной Герменевтики, которая справедливо предписываетъ въ подобныхъ случаяхъ изъяснять пророчества въ смыслѣ таинственномъ; потому что Богъ, давшій людямъ Откровеніе, Самъ Себѣ противорѣчить не можетъ [1])».

Если ученія о хиліазмѣ (въ его болѣе духовномъ видѣ) держались, какъ мы видѣли, и нѣкоторые изъ древнихъ учителей Церкви, то держались единственно какъ частнаго мнѣнія, а не какъ догмата. Одинъ изъ такихъ учителей Церкви, именно Іустинъ Мученикъ, самъ замѣчаетъ, что онъ думаетъ такъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми, а многіе другіе христіане не раздѣляютъ его вѣрованія. Другіе учители Церкви прямо возставали противъ ученія о хиліазмѣ, каковы: Кайй, Римскій пресвитеръ, св. Діонисій Александрійскій, Оригенъ, Евсевій Кесарійскій, Тихонъ Африканскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, св. Епифаній, блаж. Іеронимъ, Филастрій и блаж. Августинъ.

Если и можно было держаться ученія о хиліазмѣ даже какъ частнаго только мнѣнія, то лишь до тѣхъ поръ, пока вселенская Церковь не высказала объ этомъ своего голоса. Но когда второй вселенскій Соборъ (въ 381 году), осуждая всѣ заблужденія еретика Аполлинарія, осудилъ и ученіе его о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ «для того внесъ въ самый сvмволъ вѣры слово о Христѣ: «Его же царствію не будетъ конца»,—держаться этого ученія, даже въ качествѣ частнаго мнѣнія, совершенно непозволительно православному христіанину.

---

[1]) Православно-Догматическое Богословіе *Макарія*. Т. II, § 267.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Второй безконечный періодъ загробной жизни.

> И пойдутъ сіи (грѣшники) въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную.
> (Матѳ. XXV, 46).

1. О вѣчныхъ мукахъ грѣшниковъ.

а) Виды адскихъ мукъ.

Приговоръ, ужасный для однихъ, безконечно-сладостный для другихъ, произнесенъ. Въ отвѣтѣ на него праведниковъ сказывается чувство истиннаго смиренія и умаленіе своего достоинства; въ отвѣтѣ же грѣшниковъ слышится дерзкій вопросъ съ оттѣнкомъ упрека. Правосудный Судія остается вѣренъ разъ высказанному приговому—какъ оправдательному, такъ и обвинительному.

Отверженные, несчастные грѣшники *идутъ въ муку вѣчную*, идутъ безвозвратно, навсегда, на вѣки: таковъ приговоръ хотя и безконечно Милосердаго, но и Всеправеднаго, Непогрѣшимаго, Нелицепріятнаго Судіи.

Въ чемъ же будутъ состоять муки грѣшниковъ въ мѣстѣ осужденія—адѣ?

Первый и самый ужасный видъ мученія для человѣка, созданнаго по образу Божію, будетъ—удаленіе отъ Бога. *Идите отъ Меня, проклятые* (Матѳ. XXV, 41). *Не знаю васъ: отступите отъ Меня, дѣлатели неправды* (Лук. XIII, 27; сн. Матѳ. VII. 21)! «Для имѣющаго чувство и разумъ быть отверженнымъ отъ Бога значитъ вытерпѣть уже геенну [1])». «Нестерпима геенна и мученіе въ ней; впрочемъ, если представить и тысячи гееннъ, то все это ничего не будетъ значить въ сравненіи съ несчастіемъ лишиться оной блаженной славы, возненавидѣну быть отъ Христа и слышать отъ Него: *не знаю васъ*, и обвиненіе, что мы, видя Его алчущаго, не напитали. Ибо лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть кроткое лице Господа отъ насъ отвращающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на насъ [2])». Вѣчное удаленіе отъ Источника жизни будетъ для грѣшниковъ *смертію второю* (Апок. XX, 14), смертію лютѣйшею.

Затѣмъ грѣшники будутъ лишены всѣхъ благъ царствія небеснаго, которыхъ удостоятся праведники. *Многіе пріидутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ; а сыны царства извержены будутъ во тьму внѣшнюю* (Матѳ. VIII, 11, 12; сн. XXII, 13) и находясь *въ мукахъ*, будутъ *видѣть издалека Авраама* и праведниковъ *на лонѣ его* (Лук. XVI, 23). «Это лишеніе благъ причинитъ такую муку, такую скорбь и тѣсноту, что еслибы и никакая казнь не ожидала согрѣшающихъ здѣсь, то оно само по себѣ сильнѣе геенскихъ мукъ можетъ растерзать и возмутить наши души... Многіе безразсудные желаютъ только избавиться геенны: но я считаю гораздо мучительнѣйшимъ геенны наказаніемъ не быть въ оной славѣ; и тому, кто лишился ея, думаю, плакать должно не столько о геенскихъ мученіяхъ, сколько о лишеніи небесныхъ благъ; ибо это одно есть жесточайшее изъ всѣхъ наказаніе [1])».

[1]) *Св. Іоаннъ Златоустъ* на посланіе къ Римлянамъ бесѣда V.

[2]) *Его же*, на Евангелиста Матѳея бесѣда XXIII.

Далѣе грѣшниковъ будутъ терзать положительныя внутреннія мученія, которыя будутъ происходить отъ воспоминанія протекшей жизни, безразсудно погубленной на порочныя дѣла, отъ постоянныхъ укоровъ совѣсти за всѣ содѣланныя беззаконія, отъ поздняго сожалѣнія о томъ, что не воспользовались богодарованными средствами ко спасенію, отъ мучительнаго, гнетущаго сознанія, что уже нѣтъ возможности покаяться, исправиться и спастись. *И, раскаяваясь и воздыхая отъ стѣсненія духа, будутъ говорить сами въ себѣ: мы заблудили отъ пути истины, и свѣтъ правды не свѣтилъ намъ, и солнце не озаряло насъ. Мы преисполнились дѣлами беззаконія и погибели и ходили по непроходимымъ пустынямъ, а пути Господня не познали. Какую пользу принесло намъ высокомѣріе и что доставило намъ богатство съ тщеславіемъ? Все это прошло какъ тѣнь и какъ молва быстротечная. Такъ и мы родились и умерли, и не могли показать никакого знака добродѣтели, но истощились въ беззаконіи нашемъ* (Премудр. Солом. V, 3, 6—9, 13). «Тѣ, которые дѣлали зло, воскреснутъ на поруганіе и стыдъ, чтобы увидѣть въ самихъ себѣ мерзость и отпечатлѣніе содѣланныхъ ими грѣховъ. И, можетъ быть, страшнѣе тьмы и вѣчнаго огня тотъ стыдъ, съ которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя предъ глазами слѣды грѣха, содѣланнаго во плоти, подобно какой-то невыводимой краскѣ, навсегда остающейся въ памяти души ихъ [2])».

[1]) *Его же*, Слово 1-е къ Ѳеодору падшему, въ Христ. Чтеніи 1884 г., I, 370, 375.

[2]) *Св. Василій Великій.* Бесѣда на псаломъ XXXIII, 6, въ Твор. Св. Отецъ V, 293.

Къ этимъ внутреннимъ мученіямъ присоединятся положительныя же муки внѣшнія, которыя будутъ происходить частію отъ мѣстопребыванія грѣшниковъ, потому что это будетъ мѣсто мрачное, смрадное и тѣсное; частію отъ сообщества, потому что каждый грѣшникъ, безмѣрно удаленный отъ Бога и отъ Святыхъ Его, будетъ видѣть около себя только подобно себѣ несчастныхъ и, что хуже, злыхъ духовъ, и не услышитъ вокругъ себя ничего отраднаго, а будетъ слышать только вопли отчаянія, хулы, ругательства, плачъ и скрежетъ зубовъ; частію наконецъ и больше всего отъ ощущенія всѣмъ существомъ страшной и невообразимо мучительной болѣзни отъ дѣйствія огня адскаго.

б) Огонь адскій и червь неумирающій.

Если соблазняетъ тебя рука твоя, отсѣки ее: лучше тебѣ увѣчному войдти въ жизнь, нежели съ двумя руками идти въ геенну, въ огонь неугасимый, гдѣ червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ. И если нога твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ее: лучше тебѣ войдти въ жизнь хромому, нежели съ двумя ногами быть ввержену въ геенну, въ огонь неугасимый, гдѣ червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ (Марк. IX, 43—46). Евангельскій богачъ по смерти *страдаетъ въ пламени* (Лук. XVI, 24). Грѣшники на послѣднемъ судѣ услышатъ: *идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный* (Мат. XXV, 41). Господь Іисусъ Христосъ съ Ангелами силы Своей *въ пламенѣющемъ огнѣ совершитъ отмщеніе непознавшимъ Бога и непокаряющимся благовѣствованію Господа нашего Іисуса Христа* (2 Сол. I, 8). *Кто не былъ записанъ въ книгѣ жизни, тотъ былъ брошенъ въ озеро огненное* (Апокал. XX, 15).

Что такое огонь неугасающій и червь неумирающій, отъ которыхъ грѣшники будутъ мучиться во адѣ, Слово Божіе не опредѣляетъ этого. Св. Іоаннъ Дамаскинъ выражается такъ: «Грѣшники преданы будутъ огню вѣчному, не такому вещественному, какой у насъ, но такому, какой извѣстенъ одному Богу [1])». Вообще же древніе учители Церкви представляли, что огонь адскій не будетъ похожъ на здѣшній, какой мы знаемъ, будетъ жечь, но ничего не сожигать и не истреблять, будетъ дѣйствовать не только на тѣла грѣшниковъ, но и на души и на самыхъ духовъ безплотныхъ—демоновъ, будетъ какой-то мрачный, безъ свѣта и таинственный. Нѣкоторые только думали, что огонь неугасающій и червь неумирающій могутъ быть понимаемы въ смыслѣ переносномъ, какъ символы жесточайшихъ мученій адскихъ, что червь выражаетъ преимущественно *внутреннія* угрызенія совѣсти, а огонь—страшныя мученія *внѣшнія*.

«Потомъ (послѣ суда) къ совершившему въ жизни много худыхъ дѣлъ приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которыхъ и взоръ огненный, и дыханіе огненное, по жестокости ихъ воли, и лица подобны ночи, по унылости и человѣконенавидѣнію; потомъ непроходимая пропасть, глубокая тьма, огонь несвѣтлый, который во тьмѣ содержитъ попаляющую силу, но лишенъ свѣтозарности; потомъ какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающій съ жадностію, никогда не насыщаемый и своимъ пожираніемъ производящій невыносимыя болѣзни; потомъ жесточайшее изъ всѣхъ мученій—вѣчный позоръ и вѣчный стыдъ [2])».

«Услышавши объ огнѣ не думай, будто тамошній огонь похожъ на здѣшній: этотъ, что захватитъ, сожжетъ и измѣнитъ на другое; а тотъ, кого однажды обыметъ, будетъ

---

[1]) Точное излож. прав. вѣры, кн. IV, гл. 27.

[2]) *Св. Василій Великій*, бесѣда на псаломъ XXXIII, 12.

жечь всегда и никогда не перестанетъ, почему и называется неугасимымъ. Ибо и грѣшникамъ надлежитъ облечься безсмертіемъ—не въ честь, но чтобы быть всегдашнимъ напутіемъ тамошняго мученія: а сколь это ужасно, того и представить умъ никогда не можетъ; развѣ изъ опытнаго познанія маловажныхъ бѣдствій можно получить малое понятіе о тѣхъ великихъ мученіяхъ [1])». «Одинъ и тотъ же огонь тою же самою силою будетъ и жечь нечестивыхъ, и не сожигать; и сколько будетъ отнимать у нихъ, столько же и возвращать и тѣмъ доставлять себѣ самому вѣчную пищу [2])». Такое страшное и ужасное дѣйствіе вѣчнаго огня будетъ тѣмъ сильнѣе, что ему будутъ соотвѣтствовать не только необычайныя свойства тѣлеснаго состава лицъ, воскресшихъ для осужденія, но и страшныя состоянія ихъ душевныя.

Св. Димитрій Ростовскій такъ разсуждаетъ объ огнѣ геенскомъ:

«О, коль страшенъ тотъ огонь, котораго и самъ сатана трепещетъ! Если для бѣсовъ бездна геенская страшна, кольми паче для людей должна быть ужасна и трепетна. Если и здѣсь огненная казнь, на которую когда человѣкъ бываетъ осужденъ, страшна: то несравненно страшнѣе то наказаніе, которое послѣдуетъ въ гееннѣ огненной. Бѣсы не боятся здѣшняго огня такъ же, какъ и мы не боимся огня, изображеннаго на доскѣ (на картинѣ),—а геенскаго огня трепещутъ. Сей огонь сожигаетъ только тѣлесное вещество, а оный жжетъ и мучитъ и безплотныхъ духовъ. Сей огонь, при недостаткѣ горючаго вещества, угасаетъ; а геенскій никогда не угаснетъ, по свидѣтельству Самого Господа: *червь ихъ* (грѣшниковъ) *не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. IX, 44). Здѣшній огонь, когда горитъ,

[1]) *Св. Іоаннъ Златоустъ*. Слово 1-е къ Ѳеодору падшему.

[2]) *Лактанцій*. Божеств. установл. VII, 21.

свѣтитъ; а пламя онаго огня, когда горитъ, только жжетъ, но нисколько не освѣщаетъ тьмы внѣшней; а еслибы нѣсколько-нибудь и освѣтило, то для большаго страха и трепета осужденныхъ,—для того, чтобы видѣть страшные образы демоновъ, которыхъ самое зрѣніе страшнѣе всякой муки,—для того, чтобы видѣть мучимыя лица грѣшниковъ, съ которыми въ жизни сей грѣхами своими вмѣстѣ прогнѣвали Господа. Здѣшній огонь, объявши человѣка, вверженнаго въ него, тотчасъ умерщвляетъ и въ одинъ часъ сожигаетъ и обращаетъ въ пепелъ; а оный геенскій огонь жжетъ, но не умерщвляетъ: грѣшники, вверженные въ геенскій огонь, не умрутъ, будучи жегомы и мучимы вѣчно. И если одинъ часъ быть жегомымъ мученіе велико и нестерпимо,—помыслимъ, сколь ужасно будетъ мученіе тѣхъ, которые будутъ горѣть и не сгорать въ безконечные вѣки [1])!»

При представленіи вѣчнаго огня адскаго никакъ нельзя отрѣшиться совершенно отъ его вещественности, хотя эта вещественность и утончится соотвѣтственно тонкости и проницаемости нашихъ воскресшихъ тѣлъ. Новозавѣтное Писаніе даетъ ясныя указанія на эту вещественность будущаго огня, представляя его съ одной стороны мѣстомъ мученій для грѣшниковъ, облеченныхъ плотію воскресенія, а съ другой указывая, какъ на подобіе ему, на огонь Содома и Гоморры (2 Петр. II, 6), или же называя геенною, по имени долины сыновъ Еннома въ Іерусалимѣ, въ которой постоянно поддерживался дѣйствительный огонь для очистки нечистотъ. Несмотря однако на свою вещественность, огонь будущихъ мученій будетъ рѣзко отличаться отъ теперешняго огня. Въ томъ будущемъ огнѣ совершенно утратится признакъ благотворности огня, освѣщающаго и согрѣвающаго; напротивъ качества вредоносности его возрастутъ въ

[1]) Лѣтопись объ огнѣ геенскомъ, стр. 122—123.

своей степени и силѣ. Такъ огонь вѣчныхъ мученій не будетъ давать свѣта; почему мѣсто этихъ мученій называется *тьмою кромѣшною*, или *внѣшнею*. Хотя смыслъ этого наименованія объясняютъ и образно [1]); однако нельзя отказать ему и въ нѣкоторой степени соотвѣтствія будущей горькой дѣйствительности для грѣшниковъ, наименованіе неугасимаго огня *тьмою кромѣшною* указываетъ на то, что этотъ огонь будетъ давить на грѣшниковъ непроницаемою ничѣмъ извнѣ тьмою, и это тѣмъ болѣе, что закоснѣлые грѣшники удалены будутъ отъ истиннаго Свѣта и Жизни—Бога. Съ другой стороны будущій вѣчный огонь лишенъ будетъ такой теплоты, которая предохраняла бы отъ холода и цѣпенѣнія: осужденные на пребываніе въ вѣчномъ огнѣ испытываютъ скрежетъ зубовный—дѣйствіе чрезмѣрнаго холода.

в) Тяжесть адскихъ мученій.

Совокупность всѣхъ адскихъ мученій будетъ сопровождаться такою *скорбію и тѣснотою* (Римл. II, 9), которую мы теперь не можемъ себѣ и представить, потому что на

[1]) «*Извержены будутъ во тьму внѣшнюю* и проч.: образъ будущихъ мученій для тѣхъ, кто не удостоится получить блаженство въ царствѣ Христовомъ. Образъ взятъ отъ того же образа пира или вечери, какъ они происходятъ на востокѣ особенно въ холодные вечера. Холодъ и темнота окружающая—противоположность свѣтлой и теплой комнатѣ, гдѣ происходила вечеря. Гостей чѣмъ-либо виновныхъ выводили изъ комнаты вечери и заставляли оставаться въ темнотѣ и на холодѣ въ то время, когда другіе въ теплѣ и свѣтѣ веселились, что для первыхъ, конечно, было крайне непріятно; представляется, что они плачутъ и скрежещутъ зубами отъ досады и холода. Эта тьма кромѣшная, или внѣшняя, т. е. находящаяся внѣ (кромѣ) комнаты пира, плачъ и скрежетъ зубовный лишившихся веселія этого пира и представляются образомъ вѣчныхъ мукъ грѣшниковъ во адѣ» (Толковое Евангеліе *Архим. Михаила*. Книга I, стр. 138).

землѣ нѣтъ ничего такого, съ чѣмъ бы можно было сравнить ее. Крайняя тяжесть и нестерпимость адскихъ мученій понятна нѣсколько изъ того, что, по словамъ Тайновидца, *въ тѣ дни люди будутъ искать смерти, но не найдутъ ея; пожелаютъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ* (Апок. IX, 6). Душа, находящаяся въ адскихъ мукахъ, будетъ томиться въ терзаніяхъ—и не истребляться, будетъ умирать—и продолжать жить, будетъ гибнуть—и оставаться, будетъ близиться къ концу—и пребывать безъ конца... Въ адѣ нѣтъ надежды—нѣтъ *жизни*: здѣсь жизнь—вѣчныя муки. Надъ входомъ въ адъ можно бы помѣстить слѣдующую надпись:

«За мною входъ въ царство скорбей,
За мною—путь къ вѣчной скорби:
Оставь надежду всякъ сюда идущій».

(*Данте*, Божественная Комедія, III, 1—2, 9).

Слѣдующій разсказъ можетъ нѣсколько приблизить къ нашему пониманію невообразимую и неизобразимую силу и томительность адскихъ мученій.

Одинъ разслабленный, изнемогая въ духѣ терпѣнія, съ воплемъ просилъ Господа прекратить его страдальческую жизнь.

— Хорошо, сказалъ явившійся больному Ангелъ,—Господь, будучи неизреченно благъ, соизволяетъ на твою молитву,—Онъ прекращаетъ твою временную жизнь, только съ условіемъ: вмѣсто одного года страданій на землѣ, которыми каждый человѣкъ очищается, какъ золото въ огнѣ, согласенъ ли ты пробыть три часа въ вѣчныхъ мученіяхъ? Твои грѣхи требуютъ очищенія въ страданіяхъ собственной твоей плоти; ты долженъ бы быть въ разслабленіи еще годъ, потому что какъ для тебя, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, нѣтъ другаго пути къ небу, кромѣ крестнаго, проложеннаго Безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ. Этотъ путь тебѣ

наскучилъ на землѣ,—испытай, что значатъ вѣчныя муки въ адѣ, куда идутъ всѣ грѣшники; впрочемъ, испытай эти муки только въ теченіе трехъ часовъ, а послѣ, молитвами св. Церкви, ты будешь спасенъ.

Страдалецъ задумался. Годъ страданій на землѣ—это ужасное продолженіе времени! лучше же я вытерплю три часа въ этихъ безконечныхъ мукахъ,—сказалъ онъ самъ себѣ,—чѣмъ годъ на землѣ.

— Согласенъ въ адъ!—сказалъ онъ наконецъ Ангелу.

Ангелъ тихо принялъ его страдальческую душу и, заключивши ее въ преисподнихъ ада, удалился отъ страдальца съ словами утѣшенія: «Чрезъ три часа явлюсь я за тобою».

Господствующій повсюду мракъ, тѣснота, долетающіе отвсюду звуки неизъяснимыхъ грѣшническихъ воплей, видѣніе духовъ злобы въ ихъ адскомъ безобразіи,—все это слилось для несчастнаго страдальца въ невыразимый страхъ и томленіе. Онъ всюду видѣлъ и слышалъ только страданіе и вопли и ни ползвука радости въ необъятной безднѣ ада; одни лишь огненные глаза демоновъ сверкали въ преисподней тьмѣ, и носились предъ нимъ ихъ исполинскія тѣни, готовыя сдавить его, сожрать и сжечь своимъ геенскимъ дыханіемъ. Бѣдный страдалецъ затрепеталъ и закричалъ; но на его крикъ и вопли отвѣчала только адская бездна своимъ замирающимъ вдали эхомъ и клокатаньемъ геенскаго пламени, которое клубилось въ виду трепетавшаго заключенника. Ему казалось, что протекли уже цѣлые вѣка страданій; съ минуты на минуту ждалъ онъ къ себѣ свѣтоноснаго Ангела,—но Ангела не было. Наконецъ страдалецъ отчаялся въ его райскомъ появленіи и, скрежеща зубами, застоналъ; но никто не внималъ его воплямъ. Всѣ грѣшники, томившіеся въ безднѣ геенской, были заняты собою, своимъ собственнымъ только мученіемъ, и ужасные

демоны въ адской радости издѣвались надъ мученіями грѣшниковъ.

Наконецъ тихій свѣтъ ангельской славы разлился надъ бездною. Съ райскою улыбкою приступилъ Ангелъ къ добровольному страдальцу и спросилъ:

— Что, каково тебѣ, братъ?

— Не думалъ я, чтобы въ устахъ ангельскихъ могла быть ложь,—прошепталъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ заключенникъ.

— Что такое?—возразилъ Ангелъ.

— Какъ что такое?—произнесъ страдалецъ:—ты обѣщался взять меня отсюда чрезъ три часа, а между тѣмъ цѣлые годы, цѣлые вѣка протекли въ моихъ невыразимыхъ страданіяхъ.

— Помилуй, что за годы, что за вѣка?—кротко и съ улыбкою отвѣчалъ Ангелъ.—Часъ, одинъ только часъ прошелъ со времени моего отсутствія, и два часа еще сидѣть тебѣ здѣсь.

— Какъ, два часа?—въ испугѣ спросилъ страдалецъ,—два часа? а это часъ только протекъ? Охъ, не могу болѣе терпѣть, нѣтъ силы! Если только можно, если только есть воля Господня,—умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на землѣ буду я страдать годы и вѣка, даже до послѣдняго дня, до самаго пришествія Христова на судъ,—только выведи меня отсюда. Невыносимо! Охъ, пожалѣй меня!—со стономъ воскликнулъ страдалецъ, простирая руки къ свѣтлому Ангелу.

— Богъ, какъ Отецъ щедротъ и утѣхи,—отвѣчалъ Ангелъ,—удивляетъ на тебѣ благодать Свою. Но ты долженъ знать и помнить, сколь жестоки и невыносимы адскія мученія [1]).

[1]) Письма Святогорца, стр. 224 (письмо 15-е).

г) Степени адскихъ мученій.

Не всѣ грѣшники подвергнутся мученіямъ въ одинаковой степени: адскія мученія, по роду и по степени ихъ, будутъ различны. Вообще наказанія будутъ опредѣляться правиломъ: «Кто чѣмъ согрѣшилъ, тѣмъ и казнится», т. е. наказаніе будетъ строго соотвѣтствовать роду вины. Слѣдовательно адскія муки, распредѣляясь по степенямъ, будутъ столь же разнообразны, какъ разнообразны развѣтвленія порока, сводящаго человѣка въ адъ. *Рабъ тотъ, который зналъ волю господина своего и не былъ готовъ и не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много. А который не зналъ и сдѣлалъ достойное наказанія, битъ будетъ меньше* (Лук. XII, 47, 48). Фарисеи, *которые поѣдаютъ домы вдовъ и лицемѣрно долго молятся, примутъ тѣмъ большее осужденіе* (—XX, 47). *Отраднѣе будетъ землѣ Содомской и Гоморрской въ день суда, нежели тому городу*, въ которомъ не примутъ Апостоловъ (Мате. X, 15), а Тиру и Сидону отраднѣе, нежели Хоразину и Виесаидѣ (—XI, 21, 22). Праведный Судія на всеобщемъ судѣ *воздаетъ каждому по дѣламъ его* (Римл. II, 6).

Согласно съ Писаніемъ и святые отцы и учители Церкви учили, что будутъ различные роды мученій для грѣшниковъ.

Св. Василій Великій говоритъ: «Надобно знать, что выраженія: *біенъ будетъ много* и *біенъ будетъ мало*—означаютъ не конецъ, а разность мученія. Ибо, если Богъ есть праведный Судія не только добрыхъ, но и порочныхъ, воздающій каждому по дѣламъ его, то иной можетъ быть достойнымъ огня неугасимаго или слабѣйшаго или болѣе

пожигающаго, другой—червя неумирающаго, но опять или сноснѣе или нестерпимѣе причиняющаго боль, по достоинству каждаго, и иной—геенны, въ которой, безъ сомнѣнія, есть разные роды мученій, и другой—тьмы кромѣшной, гдѣ одинъ доведенъ только до плача, а другой—отъ усиленныхъ мученій и до скрежета зубовъ. Самая тьма кромѣшная, безъ сомнѣнія, показываетъ, что есть въ ней нѣчто и внутреннее. И сказанное въ притчахъ: *во днѣ ада* (IX, 18) даетъ разумѣть, что нѣкоторые, хотя во адѣ, но не *во днѣ ада*, терпятъ легчайшее мученіе. Это можно и нынѣ отличать въ тѣлесныхъ страданіяхъ. Ибо одинъ боленъ лихорадкою съ припадками и другими недугами; другой чувствуетъ только лихорадку, и то не въ равной степени съ другимъ; иной же не имѣетъ лихорадки, а страждетъ болью въ какомъ-либо членѣ, и то опять болѣе или менѣе другаго» [1]).

Св. Ефремъ Сиринъ разсуждаетъ: «Разные есть роды мученій, какъ слышали мы въ Евангеліи. Есть *тьма кромѣшная* (Мате. VIII, 12): а изъ сего видно, что есть и другая тьма глубочайшая; *геенна огненная* (Мате. V, 22)—иное мѣсто мученія; *скрежетъ зубовъ* (Мате. XIII, 42)—особое тяжкое мѣсто; *червь неусыпающій* (Мате. IX, 48)—въ иномъ мѣстѣ; *озеро огненное* (Апок. XIX, 20)—опять иное мѣсто; *тартаръ* (2 Петр. II, 4)—также свое мѣсто; *огонь неугасающій* (Марк. IX, 43)—особая страна; *преисподняя* (Филип. II, 10)—и *пагуба* (Мате. VII, 13)—на своихъ мѣстахъ; *дальнѣйшія страны земли* (Ефес. IV, 9)—иное мѣсто; *адъ*, гдѣ пребываютъ грѣшники, и дно адово—самое мучительное мѣсто. На сіи-то мученія распредѣлены будутъ несчастные, каждый по мѣрѣ грѣховъ своихъ, или

[1]) Прав., краткое излож., отв. на вопр. 207, въ Твор. Св. Отецъ, IX, 346—347.

болѣе тяжкихъ или болѣе сносныхъ, по написанному: *плѣницами своихъ грѣховъ кійждо затязается* (Притч. V, 22), *біенъ будетъ много* и *біенъ будетъ мало* (Лук. XII, 47, 48). Какъ есть различія наказаній здѣсь, такъ и въ будущемъ вѣкѣ» [1]).

«Иначе мучится прелюбодѣй, иначе блудникъ, иначе убійца, иначе воръ и пьяница» [2]).

Св. Іоаннъ Златоустъ проповѣдуетъ: «Кто большее получилъ наставленіе, тотъ долженъ вытерпѣть большую казнь за преступленіе. Чѣмъ мы свѣдущѣе и могущественнѣе, тѣмъ тяжелѣе будемъ наказаны за грѣхи. Ежели ты богатъ, отъ тебя требуется больше пожертвованій, нежели отъ бѣднаго; ежели уменъ—больше послушанія; ежели облеченъ властію,—покажи блистательнѣйшія заслуги. Такъ и во всемъ прочемъ ты дашь отчетъ по мѣрѣ силъ своихъ» [3]). «Отходящій туда со множествомъ и добрыхъ, и злыхъ дѣлъ получитъ нѣкоторое облегченіе и въ наказаніи и въ мукахъ тамошнихъ; напротивъ, кто не имѣя добрыхъ дѣлъ, принесетъ только злыя, тотъ, сказать нельзя, сколько пострадаетъ, будучи отосланъ въ вѣчную муку» [4]).

д) Вѣчность адскихъ мученій.

Различаясь между собою по степени и силѣ, мученія грѣшниковъ во адѣ нимало не будутъ различны по отношенію къ продолжительности: для всѣхъ равно они будутъ вѣчны и нескончаемы. Это—ясное и несомнѣнное ученіе Священнаго Писанія, не допускающее никакого перетолкованія. Оно основывается на слѣдующихъ мѣстахъ: Исаіи LXVI, 24; Матѳ. III, 12; XVIII, 8; сн. Марк. IX, 43—48; Матѳ. XXV, 41, 46; 2 Солун. I, 9, 10; Апок. XIV, 11; XX, 10.

[1]) Слово на второе пришествіе Господа, Твор. Св. Отецъ, XII, 390.
[2]) Слово на честный крестъ и на второе приш. Господа, тамъ же XVI, 50.
[3]) На посланіе къ Римлянамъ бесѣда V.
[4]) Слово 1-е къ Ѳеодору падшему, въ Христ. Чтеніи 1844 г., I, 413.

Православная Церковь на пятомъ вселенскомъ соборѣ торжественно осудила лжеученіе Оригеново о возстановленіи (апокатастасисѣ) демоновъ и нечестивыхъ людей: «Кто говоритъ или думаетъ, что наказаніе демоновъ и нечестивыхъ людей временно и что послѣ нѣкотораго времени оно будетъ имѣть конецъ, или что будетъ послѣ возстановленіе демоновъ и нечестивыхъ людей,— да будетъ анаѳема». Въ сумволѣ Аѳанасіевомъ читаемъ: «Благая содѣявшіи пойдутъ въ жизнь вѣчную, злая же—въ огнь вѣчный».

Ученіе о вѣчности мученій есть общее ученіе святыхъ Отцовъ и учителей Церкви.

«Безсмертны всѣ души и нечестивыхъ, для которыхъ лучше было бы, еслибы онѣ не были нетлѣнны, потому что мучась безконечнымъ мученіемъ въ огнѣ неугасающемъ и не умирая, онѣ не будутъ имѣть конца своему бѣдствію» (*св. Климентъ Римскій*—у св. Іоанна Дамаскина).

«Ты грозишь мнѣ огнемъ горящимъ временно и вскорѣ угасающимъ, потому что не знаешь объ огнѣ будущаго суда и вѣчнаго мученія, который уготованъ нечестивымъ» (*св. Поликарпъ* у *Евсевія*, Церк. Ист. IV, гл. 15).

«Что онъ (діаволъ) съ своимъ воинствомъ и людьми, послѣдующими ему, будутъ посланы въ огонь и будутъ тамъ мучиться въ безконечные вѣки,—это предвозвѣстилъ Христосъ» (*св, Іустинъ мученикъ*, Апологія 1-я, гл. 28).

«Если кто грѣшенъ, получитъ вѣчное тѣло, долженствующее терпѣть мученіе за грѣхи, дабы вѣчно горѣть въ огнѣ и не разрушиться» (*св. Кириллъ Іерусалимскій*, огласит. поученіе XVIII).

«Господь то рѣшительно говоритъ, что *идутъ сіи въ*

муку вѣчную (Матѳ. XXV, 46), то отсылаетъ иныхъ *въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (—41), а въ другомъ мѣстѣ именуетъ *геенну огненную* и присовокупляетъ: *идеже червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. IX, 47, 48), и еще древле о нѣкоторыхъ предрекъ чрезъ Пророка, что *червь ихъ не скончается и огнь ихъ не угаснетъ* (Исаіи LXVI, 24); потому если при такомъ числѣ подобныхъ свидѣтельствъ, находящихся во многихъ мѣстахъ богодухновеннаго Писанія, многіе еще, какъ бы забывъ о всѣхъ подобныхъ изреченіяхъ и опредѣленіяхъ Господнихъ, обѣщаютъ себѣ конецъ мученію, чтобы свободнѣе отважиться на грѣхъ,—то сіе, конечно, есть одна изъ козней діавольскихъ. Ибо если будетъ когда-нибудь конецъ вѣчному мученію, то и вѣчная жизнь, безъ сомнѣнія, должна имѣть конецъ. А если не смѣемъ сего думать о жизни, то какое основаніе—полагать конецъ вѣчному мученію? И мученію и жизни равно придается одно слово: вѣчный» (*св. Василій Великій*, Прав., кратко излож., отв. на вопр. 207).

«Пусть будетъ такъ, что ты проживешь и много лѣтъ и не испытаешь никакой перемѣны: что же это въ сравненіи съ безконечными вѣками и съ тяжкими и несносными муками? Здѣсь и счастіе, и несчастіе имѣетъ конецъ, и притомъ самый скорый: но тамъ-то и другое продолжается въ безсмертные вѣки и своимъ качествомъ столько различны отъ здѣшнихъ, что и сказать нельзя... Если кто скажетъ: какъ же душа можетъ стать на такое множество мукъ, когда притомъ она будетъ терпѣть наказаніе безконечные вѣки? Такой человѣкъ пусть подумаетъ о томъ, что бываетъ здѣсь, какъ часто доставало многихъ на продолжительную и тяжкую болѣзнь. Если они и скончались,— это не потому, чтобы душа совершенно истощилась, но потому, что тѣло отказалось служить, такъ что еслибы оно

не уступило, то душа не перестала бы мучиться. И такъ, когда душа получитъ нетлѣнное тѣло, тогда ничто не воспрепятствуетъ мученію продлиться въ безконечность» (*св. Іоаннъ Златоустъ*, Слово 1-е къ Ѳеодору падшему).

е. Отвѣты на возраженія противъ вѣчности мученій. [1]).

Какой конецъ зла?—Зло физическое будетъ совершенно уничтожено. Какая-же судьба зла нравственнаго? Что будетъ съ людьми, осужденными на послѣднемъ судѣ и неспособными къ блаженной жизни въ царствѣ славы? Господь Іисусъ Христосъ говоритъ о нихъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную* (Матѳ. XXV, 48). Слова Господа такъ ясны и опредѣленны, что невозможно никакое толкованіе ихъ, кромѣ буквальнаго.

Нѣтъ ни одной откровенной истины, противъ которой съ такимъ упорствомъ вооружался-бы слѣпотствующій разумъ, съ какою возстаетъ онъ противъ вѣчности мученій. Различными вопросами и недоумѣніями онъ старается подорвать, или по крайней мѣрѣ, оподозрить сіе ученіе. Неужели, говорятъ противники сего ученія, для Всемогущаго возможны цѣли недостижимыя? Богъ воззвалъ къ бытію тварь ради славы Своей, и назначилъ человѣку высочайшую цѣль—богоподобіе и вѣчное блаженное общеніе съ Собою. И однако, не смотря на всѣ средства и мѣры, и естественныя и сверхъестественныя, Богъ не достигаетъ Своей цѣли, или достигаетъ ее не вполнѣ. Вопреки Своей цѣли Творецъ вынужденъ устроить темницу, въ которую на всю вѣчность будутъ заключены существа, сотворенныя и назначенныя

[1]) Заимствовано изъ книги: «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка».

для блаженства. Ограниченной человѣческой мудрости очень возможно предположить себѣ какую нибудь цѣль, не соразмѣривъ ее съ средствами, доступными человѣку, и потому или вовсе не достигать своей цѣли, или достигать ее не вполнѣ. Но можно-ли думать, что безконечная Творческая премудрость опредѣлила цѣль твореній и не предуготовила и не могла измыслить средствъ, достаточныхъ для достиженія этой цѣли? Правда, человѣкъ самовольно уклонился отъ своей цѣли, указанной ему Богомъ, и палъ. Но Богъ не отказался отъ Своей цѣли, и не восхотѣлъ оставить падшаго человѣка на безвозвратную погибель. Человѣкъ возстановленъ и спасенъ. Крестная жертва Христова не только равноцѣнна цѣнности всѣхъ человѣческихъ душъ [1]), но имѣетъ безконечно высшую цѣну. Въ искупленіе людей изліянная кровь Христова безконечно превышаетъ и цѣнность искупленныхъ душъ, и съ безконечнымъ преизбыткомъ, вознаграждаетъ количество долга, уплаты котораго требовало за людей Божеское правосудіе. Неужели-же и сей безцѣнный выкупъ еще не достаточенъ для покрытія всѣхъ человѣческихъ долговъ, предъ Богомъ? Неужели и послѣ жертвы, принесенной Искупителемъ за людей, еще найдутся между ними существа столь виновныя предъ Богомъ, что будутъ подвергнуты мученіямъ, и притомъ вѣчнымъ? Будто тяжесть человѣческихъ грѣховъ можетъ перевѣсить безконечныя заслуги Христовы? Вѣчныя мученія противорѣчатъ свойствамъ Божіимъ. Согласно-ли съ безконечною Божіею благостію—обрекать тварь на вѣчныя страданія? Правосудно-ли за грѣхи временной и краткой жизни подвергать наказанію вѣчному? Притомъ-же, вѣчное наказаніе есть наказаніе безцѣльное. Всякое наказаніе имѣетъ цѣлію исправленіе наказуемаго. Наказаніе не имѣющее этой цѣли, есть

[1]) Вас. Вел. Толк. на Псал. XVIII.

простое мщеніе. Неужели-же Богъ вѣчнымъ мученіемъ будетъ мстить твари? Богъ отъ вѣчности провидѣлъ судьбы всѣхъ созданныхъ Имъ тварей. Зачѣмъ-же Онъ создалъ существа, которыхъ Онъ видѣлъ послѣднюю страшную судьбу? Неужели для страданій, для геенны? Апостолъ говоритъ, что съ откровеніемъ царства славы, *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 28); а гдѣ Богъ, тамъ свѣтъ, жизнь и блаженство; гдѣ-же будетъ геенна, если Богъ будетъ *всяческая во всѣхъ?*

Всѣ изложенные здѣсь вопросы кажутся имѣющими силу только на первый взглядъ. Они потеряютъ свою кажущуюся силу, если мы всѣмъ имъ противопоставимъ одинъ только вопросъ, и если сможемъ отвѣчать на него положительно, именно слѣдующій вопросъ: Можетъ-ли существо ограниченное, какъ человѣкъ, вынеся изъ сей жизни нераскаянность и ожесточеніе въ злѣ, оставаться въ этомъ ожесточеніи на всю вѣчность, безъ всякаго желанія обратиться къ Богу, безъ всякой нравственной возможности принимать какія нибудь благія вліянія или благодатную помощь? Можетъ-ли ограниченное существо, какъ человѣкъ, на всю вѣчность оставаться въ ожесточеніи, которое, начинаясь, здѣсь съ отчаянія въ своемъ спасеніи, и съ сомнѣнія въ дѣйственность покаянія, постепенно возрастая и усиливаясь, неминуемо дойдетъ до упорнаго противленія Богу? Есть основанія отвѣчать на этотъ вопросъ положительно.

Содрагается мысль человѣческая, представляя вѣчность мученій. Невозможно представленіе болѣе ужасающее и потрясающее душу. И дѣйствительно, трудно представить, чтобы Богъ осудилъ на вѣчныя мученія существа хотя грѣшныя, но покаявшіяся въ грѣхахъ, хотя не успѣвшія оправдать своего покаянія дѣлами, дѣятельнымъ обращеніемъ къ добру, но алчущія и жаждущіи правды. Самъ Спаситель

обѣщаетъ удовлетвореніе сей духовной алчбѣ и жаждѣ (Матѳ. V, 6). По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что душамъ, отшедшимъ съ вѣрою и покаяніемъ, хотя и незапечатлѣвшимъ свою вѣру добрыми дѣлами, до времени всеобщаго суда есть возможность освобождаться отъ узъ ада, по молитвамъ Церкви, и особенно по силѣ безкровной Жертвы, приносимой за умершихъ. Св. Апостолъ Іоаннъ говоритъ о дерзновеніи молитвъ вѣрующихъ предъ Богомъ: *вѣмы, яко послушаетъ насъ, еже аще просимъ*. Посему Богословъ внушаетъ каждому вѣрующему молиться о согрѣшеніяхъ брата своего съ упованіемъ, что молитва его будетъ услышана Богомъ. О прощеніи одного только грѣха не заповѣдуетъ Апостолъ молиться: *Аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ, и дастъ ему* (Богъ) *животъ, согрѣшающимъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ глаголю да молится* (1 Іоан. V, 14—16). Самъ Господь свидѣтельствуетъ, что всѣ согрѣшенія сыновъ человѣческихъ могутъ получить отпущеніе или прощеніе. *Аминь глаголю вамъ, яко вся отпустятся согрѣшенія сыномъ человѣческимъ, и хуленія, елика аще восхулятъ* (Марк. III, 28). За одинъ только грѣхъ никогда не будетъ прощенія: это грѣхъ или хула на Духа Святаго. *Иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, не иматъ отпущенія во вѣки, но повиненъ есть вѣчному суду* (Матѳ. XII, 32; Марк. III, 29). Грѣхъ или хула на Духа Святаго есть упорное противленіе очевидной истинѣ Божіей, совершенное невѣріе и нераскаянность, упорное отверженіе благодати, соединенное съ отвращеніемъ отъ всего, что свято и богоугодно (Евр. X, 26, 29); или, говоря иначе—грѣхъ противъ Духа Святаго есть ожесточеніе во злѣ, злоба нераскаянная, окончательно потерявшая всякую пріемлемость благодати.

Теперь вопросъ въ томъ: можетъ-ли сотворенное существо, именно—человѣческій духъ, оставаться въ такомъ нераскаянномъ ожесточеніи на всю вѣчность?—Нѣтъ никакого основанія отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Духъ человѣческій сотворенъ съ способностію нескончаемаго развитія, возрастанія и преуспѣванія; и эту способность нескончаемаго развитія онъ можетъ обращать какъ къ добру, такъ и ко злу. Цѣль человѣческаго духа есть уподобленіе Богу, отраженіе на себѣ совершенствъ Божескихъ. Если свободное существо принимаетъ правильное, или доброе направленіе, то въ немъ открывается возможность нескончаемаго усовершенія въ добрѣ, безостановочнаго и вѣчнаго стремленія къ своей цѣли—къ уподобленію Богу и тѣснѣйшему единенію съ Нимъ. Точно такъ-же, если свободное существо принимаетъ превратное, или злое направленіе, въ немъ открывается возможность безостановочнаго стремленія по пути зла, безвозвратнаго и нескончаемаго стремленія отъ своей цѣли, удаленія отъ Бога. И какъ любовь къ добру, въ своемъ нескончаемомъ стремленіи къ Богу, постепенно возрастаетъ, крѣпнетъ и усиливается, такъ что, наконецъ, въ свободномъ существѣ прекращается самая возможность зла, какъ прекратилась она въ Ангелахъ и прекратится въ душахъ, отшедшихъ изъ сей жизни съ вѣрою и покаяніемъ: такъ и злоба, въ постоянномъ стремленіи по своему пути, будетъ постепенно возрастать и усиливаться, такъ что въ существѣ, погрязшемъ во злѣ, пройдетъ самая нравственная возможность добра, какъ прошла она въ бѣсахъ и конечно пройдетъ въ душахъ людей, отшедшихъ отсюда и пребывающихъ тамъ въ ожесточеніи и нераскаянности. Такимъ образомъ, по свойству человѣческаго духа, для него возможно и ему предназначено вѣчное преуспѣяніе и усовершеніе въ добрѣ; но возможно для него вѣчное коснѣніе и нескончаемое возрастаніе во злѣ. Человѣку даны силы для

нескончаемаго развитія и дѣятельности, на путь для своей дѣятельности избираетъ уже человѣческая свобода, и какой бы ни былъ избранъ путь, путь-ли добра, или путь зла, человѣкъ имѣетъ возможность идти по избранному пути нескончаемо и безвозвратно. Правда, во время земной жизни обыкновеннѣе — человѣческая злоба представляетъ собою страшную безпечность о спасеніи, а не сознательное отверженіе и презрѣніе ко всякой спасительной и благодатной помощи. Впрочемъ, и въ настоящей жизни бываютъ примѣры ужасающей силы зла. Въ продолженіи жизни человѣкъ ничему не вѣритъ, живетъ такъ, какъ будто нѣтъ ни Бога, ни будущей жизни, издѣвается и ругается надъ вѣрою, какъ надъ слабостію или мечтою, или какъ говоритъ Апостолъ, не почитаетъ за святыню Кровь Завѣта, которою онъ освященъ, и ругается надъ духомъ благодати (Евр. VI, 29). Приходитъ смерть и при ея видѣ человѣкъ не вразумляется и остается нераскаяннымъ: презрѣніемъ отвѣчаетъ онъ на совѣты и убѣжденія обратиться предъ смертію съ покаяніемъ къ Богу. Злоба, достигшая такой напряженной силы въ краткое продолженіе земной жизни, за предѣлами сей жизни, конечно, скоро можетъ созрѣть и усилиться до нераскаяннаго ожесточенія во злѣ. Судя по опытамъ настоящей жизни—естественно предполагать, что душа, вынесшая изъ сей жизни глубокое и закоренѣлое стремленіе ко злу, и за предѣлами сей жизни будетъ продолжать и постоянно усиливать свое стремленіе. Опытъ неоспоримо свидѣтельствуетъ, что нѣтъ для насъ ничего труднѣе, какъ искорененіе любимаго грѣха, уничтоженіе въ себѣ застарѣлой привычки; нѣтъ ничего труднѣе, какъ вырвать изъ души сроднившееся съ нею убѣжденіе и замѣнить его совершенно противоположнымъ.

Чтобы вѣрить въ возможность нераскаяннаго ожесточенія во злѣ, нужно вникнуть во внутреннее начало и въ

сущность этого ожесточенія. Грѣхъ, который за свою нераскаянность будетъ осужденъ на вѣчныя мученія, есть тотъ-же грѣхъ, которымъ палъ начальникъ зла и которымъ онъ увлекъ и человѣка. Это—духовная гордость, дерзкое стремленіе тварей къ независимости отъ Бога, къ равенству съ Нимъ, самообожаніе или самообоготвореніе. Только грѣхъ этотъ, постоянно возрастая и усиливаясь въ мірѣ существъ нравственныхъ, предъ началомъ вѣчныхъ мученій откроется съ особенною страшною силою и обнаружитъ въ себѣ явную и открытую вражду на Бога, презрѣніе ко всѣмъ Его дарамъ и обѣтованіямъ, и до безумія гордое притязаніе твари на Божескую честь и достоинство. Міръ по слову Спасителя, подобенъ полю, на которомъ до жатвы растутъ вмѣстѣ пшеница и плевелы. Жатва есть кончина міра. Ко времени этой жатвы, на полѣ міра и пшеница и плевелы, и добро и зло, достигнутъ полной зрѣлости,—пшеница для небесныхъ житницъ, а плевелы для огня неугасимаго (Матѳ. XIII, 38, 39). Мрачными чертами описываетъ Апостолъ нравственное состояніе людей предъ концемъ міра. Въ послѣдніе дни, говоритъ Апостолъ, настанутъ времена тяжкія. Ибо люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, вѣроломны, клеветники, невоздержны, жестоки, враги добра, предатели, наглы, напыщенны и пр. (2 Тим. III, 1—4). Но эти гордые и надменные враги добра, не имѣя силы благочестія, будутъ еще носить видъ или личину благочестія (ст. 5). Предъ самымъ-же концемъ міра, злоба сброситъ съ себя всякій видъ благочестія въ лицѣ антихриста. Этотъ человѣкъ грѣха, сынъ погибели, явится открытымъ врагомъ Божіимъ, съ богохульною дерзостію отвергающимъ всякую зависимость отъ Бога и всякое поклоненіе Ему (2 Сол. II, 3, 4). Такимъ-же, конечно, духомъ, горделиваго богохульства и ненависти къ Богу бу-

дутъ проникнуты и его послѣдователи (Луки XVIII, 8; Матѳ. XXIV, 12). Въ такомъ-то ужасномъ состояніи ожесточенной вражды противъ Бога и ненависти къ Нему, нераскаянные враги Божіи сойдутъ въ мѣсто мученія. Вся вѣроятность на сторонѣ мнѣнія, что такая злоба есть злоба нераскаянная, которая никогда не можетъ смягчиться, но будетъ продолжаться цѣлую вѣчность и постоянно возрастать и усиливаться. Мы знаемъ, что и въ продолженіи здѣшней, краткой жизни, если человѣкъ всѣмъ существомъ отдается какой нибудь страсти, она дѣлается непреодолимою и совершенно овладѣваетъ умомъ и волею человѣка. А гордость, и особенно духовная, есть самая упорная и несокрушимая изъ всѣхъ человѣческихъ страстей. И невозможно представить—по какимъ-бы побужденіямъ закоренѣлая горделивая вражда на Бога могла перейдти когда нибудь въ искреннее смиреніе и въ смиренное сознаніе ничтожества твари предъ Творцемъ. Существо, ожесточенное противъ Бога, презираетъ Его дары и обѣтованія, издѣвается надъ вѣрою и молитвою, почитая ихъ постыдною слабостію. Возможно-ли, чтобы такое существо, горделиво презирающее самые дары Божіи, примирилось съ Богомъ за тѣ мученія, которымъ оно будетъ подвергнуто по праведному суду Божію? Конечно, наказаніе или страданіе имѣетъ смягчающую и вразумляющую силу, но только надъ душами не загрубѣлыми въ злѣ, которыя, поражаемыя въ своихъ земныхъ привязанностяхъ, обращаются къ Богу и въ Немъ ищутъ себѣ утѣшенія и успокоенія. Но такъ-ли дѣйствуетъ наказаніе или страданіе на человѣка глубоко порочнаго и нечестиваго? Оно не смягчаетъ его, а только ожесточаетъ. Подъ гнетомъ страданія, его прежняя холодность къ Богу обыкновенно переходитъ въ чувство враждебное, въ ненависть, въ богохульство. Такое-же вліяніе будутъ имѣть и адскія мученія на ожесточенныхъ грѣшниковъ. И на землѣ

видимъ примѣры, что человѣкъ, объятый гордостію, не только отрекается отъ благъ, то и обрекаетъ себя на тяжкія лишенія и нищету, изъ за того только, чтобы не унизить своей гордости, или чтобы не стать въ зависимость въ подчиненіе другому, котораго онъ считаетъ если не хуже, то и нисколько не лучше себя. Въ лишеніяхъ и бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ изъ гордости, есть для гордаго своего рода удовлетвореніе, какое находитъ человѣкъ въ дорогихъ и тяжкихъ жертвахъ, приносимыхъ своему самосознанію и убѣжденію. Если такъ упорна гордость и на землѣ, уступчивѣе-ли она будетъ въ адѣ, въ существахъ, ожесточенныхъ противъ Бога? Мысль о Божіемъ всемогуществѣ не можетъ также ослабить враждебнаго чувства къ Богу въ ожесточенныхъ врагахъ Божіихъ. Эта мысль будетъ только усиливать ихъ ожесточеніе. Они будутъ находить для себя пищу въ сознаніи своего неподчиненія и открытой вражды съ Тѣмъ, могуществу Котораго нѣтъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, если разумное существо на всю вѣчность можетъ оставаться въ состояніи нераскаянной злобы и непримиримой вражды съ Богомъ: то какъ существо, неспособное къ блаженному единенію съ Богомъ, оно должно быть удалено отъ Него, а какъ существо злобное—должно быть ограничено въ своей злой дѣятельности, заключено въ темницу, и притомъ—на всю вѣчность, потому что и злоба такого существа есть злоба нераскаянная и непримиримая, которая никогда не прекратится, но будетъ продолжаться и усиливаться цѣлую вѣчность. Въ царствахъ земныхъ и временныхъ—преступникъ, не показывающій надежды исправленія, изгоняется изъ общества или заключается въ темницу на всю жизнь, и обрекается на такъ называемую политическую смерть. Человѣческое правосудіе находитъ это совершенно законнымъ и справедливымъ. Что-же несправедливаго, если въ вѣчномъ, царствѣ Божіемъ, преступникъ

нераскаянный и неисправимый изгоняется изъ сего царства и обрекается на заключеніе въ адскую темницу, на цѣлую вѣчность. И такъ, для вѣчныхъ и нераскаянныхъ враговъ Божіихъ должны быть вѣчныя мученія такъ же, какъ для неисправимыхъ преступниковъ на землѣ, необходимы пожизненныя изгнанія или заключенія.

Если духъ человѣческій, подобно падшимъ безплотнымъ духамъ, можетъ на цѣлую вѣчность оставаться въ нераскаянномъ ожесточеніи и постоянно возрастать въ своей злобѣ и ненависти къ Богу: то при этой мысли уже не сильны дѣлаются указанныя выше возраженія противъ ученія о вѣчности мученій. Противники этого ученія стараются поставить его въ противорѣчіе съ свойствами Божіими—съ Божіею премудростію, благостію, правосудіемъ, всемогуществомъ, предвѣдѣніемъ и т. д.; но нисколько не обращаетъ вниманія на природу человѣческаго духа, тогда какъ въ этой-то природѣ и полагается человѣкомъ основаніе, условливающее неизбѣжность для него вѣчныхъ мученій. Скажемъ по нѣскольку словъ, на каждое изъ приведенныхъ возраженій.

Если будутъ вѣчныя мученія, то Богъ, говорятъ, недостигаетъ цѣли творенія, или достигаетъ ее не вполнѣ. Но такая недостижимость цѣли возможна-ли для премудрости Всемогущаго?—Правда, Богъ воззвалъ къ бытію разумныя и свободныя существа для вѣчнаго и блаженнаго единенія съ Собою; но если Богъ творитъ существа свободныя, но тѣмъ самымъ условливаетъ Свою цѣль, или поставляетъ ее въ зависимость отъ свободы тварей. Свобода есть высокій даръ Творца и высокое преимущество твари. Безъ свободы невозможно и нравственное блаженное единеніе тварей съ Богомъ, и ихъ любовь къ Нему, какъ стремленіе сердечное и непринужденное. Свободное существо свободно должно идти къ указанной ему цѣли, не влекомое

какою-либо постороннею непреодолимою силою. И Богъ, непреложный въ Своихъ дарованіяхъ, никогда не дѣйствуетъ на свободу тварей силою одного только Своего всемогущества. Не насильно влечетъ онъ и человѣка ко спасенію. Слѣдовательно не падаетъ вины на Божіе всемогущество, если свободная тварь не хочетъ идти къ предназначенной ей цѣли. Всемогущество все можетъ,—но не разрушаетъ нравственнаго царства, не превращаетъ всего міра въ машину, движимую силою необходимости, не отнимаетъ у существъ того преимущества, посредствомъ котораго они, какъ говоритъ Маркъ Ефесскій, могутъ не только располагать и управлять сами собою, но и уподобляться Всемогущему, и которое такъ же необходимо для существъ одаренныхъ умомъ и словомъ, какъ дыханіе для животныхъ. «Неужели же мы одни только изъ всѣхъ существъ, заключаетъ св. Маркъ, будемъ неблагодарны предъ Богомъ, и станемъ порицать свою природу, потому что знаемъ и нѣкоторымъ образомъ сами опредѣляемъ свои обязанности? Это было бы похоже на то, какъ еслибы кто-нибудь, бывъ поставленъ царемъ надъ всѣмъ міромъ, снялъ съ себя порфиру и діадиму, и вздумалъ вести жизнь низкую и развратную, а потомъ, когда бы его свергнули за то, сталъ бы жаловаться не на себя, а на того, кто далъ ему власть» [1]).

Премудрость Божія требуетъ, чтобы свободная тварь имѣла достаточныя средства для достиженія предназначенной ей цѣли. Совершенно достаточныя средства даны были и человѣку невинному, и съ преизбыткомъ достаточныя дарованы человѣку, по паденію, возстановляемому. Божественною силою Христа Іисуса Господа нашего, говоритъ Апостолъ, даровано намъ все потребное къ жизни и благочестію (2 Петр. VIII, 2, 3). Слѣдовательно, не премудрость

[1]) Христ. Чт. 1846 г. ч. 3.

виновна, если свободное существо, имѣя всѣ средства ко спасенію и блаженству, не принимаетъ этихъ средствъ, а отвергаетъ ихъ (Евр. X, 29), и тѣмъ лишаетъ себя блаженства. Виноватъ ли отецъ, который далъ сыну всѣ средства для благоустроенной жизни, а тотъ изжилъ свое состояніе блудно и впалъ въ нищету! Такимъ образомъ, вѣчныя мученія ожесточенныхъ тварей нисколько не противорѣчатъ ни Божію всемогуществу, ни Божіей премудрости. Богъ достигаетъ Своей цѣли творенія въ такой мѣрѣ, въ какой достиженіе ея дѣлаетъ возможнымъ свобода тварей, слѣдовательно достигаетъ ее вполнѣ, потому что и первоначально въ умѣ Божіемъ цѣль эта была не безусловная; но условливалась свободою тварей.

Находятъ вѣчныя мученія невозможными послѣ искупленія человѣка. Неужели, говорятъ заслуги Искупителя несильны еще покрыть предъ Божескимъ правосудіемъ всѣ согрѣшенія человѣческія? Неужели и послѣ искупительной жертвы, принесенной за людей Сыномъ Божіимъ, нѣкоторые изъ нихъ еще будутъ осуждены на вѣчныя мученія?— Отвѣчать на этотъ вопросъ нетрудно. Искупительная жертва, принесенная за людей Спасителемъ, дѣйствительно превышаетъ всѣ человѣческіе долги предъ Божескимъ правосудіемъ. Какъ бы ни были тяжки и безчисленны грѣхи человѣческіе, все же они въ сравненіи съ безконечною полнотою искупительныхъ заслугъ Христовыхъ,—то же, что капля въ сравненіи съ моремъ. *Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. V, 20). Но благодать, пріобрѣтенная намъ Искупителемъ, не есть сила, необходимо и насильно влекущая человѣка ко спасенію. Благодать не дѣйствуетъ насильственно, съ непреоборимою силою. «Богъ, говоритъ Дамаскинъ, не вынуждаетъ добродѣтели и не силою похищаетъ человѣка у смерти» [1]. Благодать требуетъ со стороны человѣка свободнаго согласія, сочувствія и содѣйствія. Путь ей въ свою душу человѣкъ долженъ пріуготовить желаніемъ спасенія и покаяніемъ во грѣхахъ, принять ее съ вѣрою по крайней мѣрѣ,—не затворять дверей сердца (Апок. III, 20), когда она приходитъ, не противиться ей; не угашать и не оскорблять ее, когда она пришла (Дѣян. VII, 51; 1 Сол. V, 29; Ефес. IV, 10). Что же дѣлать благодати съ ожесточенными грѣшниками, которые не имѣютъ ни вѣры, ни покаянія, но съ гордостію отвергаютъ благодатныя средства, и снова распинаютъ Сына Божія, поносятъ и попираютъ Его, не почитаютъ за святыню Кровь Завѣта, которою освящены, и ругаются надъ Духомъ благодати? (Евр. VI, 6, 10, 29). Кровь Искупителя, ими попранная, благодать Его, ими отвергнутая и поруганная, будутъ вопіять на нихъ предъ Богомъ, и только усугубятъ вину ихъ. Такимъ образомъ и безцѣнныя заслуги Искупителя не принесутъ спасенія ожесточеннымъ грѣшникамъ, не потому, что искупительныя заслуги Христовы не сильны спасти ихъ, но потому, что сами они своимъ произвольнымъ упорствомъ дѣлаютъ себя неспособными къ участію въ дарахъ, заслугами Спасителя пріобрѣтенныхъ.

[1]) Излож. прав. вѣры. Стр. 130, 136.

Невѣріе въ вѣчность мученій думаютъ основывать на понятіяхъ о Божіемъ правосудіи, благости и всевѣдѣніи. Правосудно ли, говорятъ, за кратковременные грѣхи земной жизни осуждать на вѣчныя мученія? Но, скажемъ словами Св. Златоуста,—«не по времени согрѣшенія судимы бываютъ, но по естеству прегрѣшеній [1])».

Притомъ, въ вѣчныхъ мученіяхъ будутъ казнимы не только временные грѣхи земной жизни, глубоко повредившіе

[1]) Златоуст. на Іоан. Бесѣд. XXXVIII.

и ожесточившіе душу, но гораздо болѣе—нераскаянная злоба и непримиримая ненависть къ добру, такъ-что вѣчное мученіе будетъ сопутствовать вѣчному ожесточенію твари и ея нескончаемому пребыванію въ грѣховности.

Богъ есть благость и любовь. Какъ же согласить съ благостію Божіею вѣчныя мученія тварей, по благости вызванныхъ къ бытію? Дѣйствительно самъ Господь свидѣтельствуетъ, что любовь Его къ человѣку сильнѣе, чѣмъ любовь матери къ своему сыну (Исаіи (XLIV, 15), или любовь отца къ своему сыну (Матѳ. VII, 9, 10). Все, что только можетъ сдѣлать земной отецъ для воспитанія и образованія своего сына, все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣми средствами, которыя употребилъ Богъ для умудренія и спасенія человѣка. При всемъ томъ найдутся существа, которыя отвергнутъ всѣ сіи спасительныя и благодатныя средства, подавятъ въ себѣ всѣ сѣмена добра, и на цѣлую вѣчность останутся въ ожесточенной злобѣ, и во враждѣ противъ Бога. Ужели же и на такія существа благость Божія должна изливать свои дары и щедроты? Незначило ли бы это (что запрещаетъ Господь Апостоламъ),—давать святая псомъ, и пометать бисеръ предъ свиніями (Матѳ. VII, 6). Еще могла бы низойдти благость Божія, какъ и нисходитъ, къ грѣшникамъ, которые грѣшили по человѣческой немощи, по невѣдѣнію,—къ грѣшникамъ, которые каются въ своихъ вольныхъ и невольныхъ согрѣшеніяхъ, и просятъ прощенія и помилованія: но на вѣчныя мученія будутъ осуждены нераскаянные грѣшники, враги Божіи, презирающіе дары и щедроты Божіей благости. Конечно, не отъ Бога зависитъ ихъ погибель: благость Божія спасла бы ихъ, еслибы они хотѣли только принять спасеніе. Если гибнутъ:—значитъ отвергаютъ спасеніе. Благость Божія есть такое свойство Божественной воли, по которому Богъ сообщаетъ столько

благъ каждой твари, сколько она только можетъ вмѣстить по своей природѣ. Что же благость Божія можетъ сдѣлать съ такими существами, которыя сами сдѣлали себя неспособными къ духовнымъ благамъ и къ благодотнымъ дарамъ, и еще съ гордостію отвергаютъ ихъ? Благость Божія можетъ только оставить имъ бытіе, которое сами они наполнили муками безсильной злобы и страданіями.

Но, говорятъ, Богъ зналъ несчастную судьбу такихъ существъ: зачѣмъ же Онъ создалъ ихъ? Нелучше ли было бы имъ вовсе не существовать, чѣмъ существовать въ вѣчныхъ мученіяхъ?—Представьте, что какой либо отецъ имѣетъ десять сыновей. Девять изъ нихъ умны, благочестивы, совершенно счастливы, служатъ честію своего отца и украшеніемъ своего общества. Но одинъ изъ десяти—человѣкъ потерянный, неисправимый, впалъ въ пороки и преступленія, и навсегда изгнанъ изъ общества. Несмотря на гибель этого несчастнаго, можно ли не назвать отца девяти умныхъ и благочестивыхъ сыновъ счастливымъ отцемъ? Конечно, горько отцу потерять и одного сына: но неестественно думать, чтобы отецъ, радуясь счастію и совершенствамъ девяти сыновъ и скорбя объ одномъ, сталъ жалѣть, что онъ родилъ ихъ на свѣтъ, и еслибы заранѣе зналъ судьбу сыновъ своихъ, изъ-за одного отказался бы и отъ рожденія девяти. Примѣръ этотъ представляетъ нѣкоторое подобіе отношенія Творца къ твари. Богъ конечно еще до творенія міра зналъ число людей, которые вмѣстѣ съ діаволами и аггелами его подвергнутся вѣчнымъ мукамъ; но Богъ также отъ вѣчности провидѣлъ, что безчисленное множество людей будутъ наслаждаться вѣчною блаженною жизнію. Еслибы провидѣнная Богомъ погибель ожесточенныхъ грѣшниковъ могла остановить творческую благость, восхотѣвшую создать разумныхъ тварей; то почему-же и блаженство праведныхъ и спасаемыхъ, также провидѣнное

и ожесточившіе душу, но гораздо болѣе—нераскаянная злоба и непримиримая ненависть къ добру, такъ-что вѣчное мученіе будетъ сопутствовать вѣчному ожесточенію твари и ея нескончаемому пребыванію въ грѣховности.

Богъ есть благость и любовь. Какъ же согласить съ благостію Божіею вѣчныя мученія тварей, по благости вызванныхъ къ бытію? Дѣйствительно самъ Господь свидѣтельствуетъ, что любовь Его къ человѣку сильнѣе, чѣмъ любовь матери къ своему сыну (Исаіи (XLIV, 15), или любовь отца къ своему сыну (Матѳ. VII, 9, 10). Все, что только можетъ сдѣлать земной отецъ для воспитанія и образованія своего сына, все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣми средствами, которыя употребилъ Богъ для умудренія и спасенія человѣка. При всемъ томъ найдутся существа, которыя отвергнутъ всѣ сіи спасительныя и благодатныя средства, подавятъ въ себѣ всѣ сѣмена добра, и на цѣлую вѣчность останутся въ ожесточенной злобѣ, и во враждѣ противъ Бога. Ужели же и на такія существа благость Божія должна изливать свои дары и щедроты? Незначило ли бы это (что запрещаетъ Господь Апостоламъ),—давать святая псомъ, и пометать бисеръ предъ свиніями (Матѳ. VII, 6). Еще могла бы снизойдти благость Божія, какъ и нисходитъ, къ грѣшникамъ, которые грѣшили по человѣческой немощи, по невѣдѣнію,—къ грѣшникамъ, которые каются въ своихъ вольныхъ и невольныхъ согрѣшеніяхъ, и просятъ прощенія и помилованія: но на вѣчныя мученія будутъ осуждены нераскаянные грѣшники, враги Божіи, презирающіе дары и щедроты Божіей благости. Конечно, не отъ Бога зависитъ ихъ погибель: благость Божія спасла бы ихъ, еслибы они хотѣли только принять спасеніе. Если гибнуть:—значитъ отвергаютъ спасеніе. Благость Божія есть такое свойство Божественной воли, по которому Богъ сообщаетъ столько

благъ каждой твари, сколько она только можетъ вмѣстить по своей природѣ. Что же благость Божія можетъ сдѣлать съ такими существами, которыя сами сдѣлали себя неспособными къ духовнымъ благамъ и къ благодотнымъ дарамъ, и еще съ гордостію отвергаютъ ихъ? Благость Божія можетъ только оставить имъ бытіе, которое сами они наполнили муками безсильной злобы и страданіями.

Но, говорятъ, Богъ зналъ несчастную судьбу такихъ существъ: зачѣмъ же Онъ создалъ ихъ? Нелучше ли было бы имъ вовсе не существовать, чѣмъ существовать въ вѣчныхъ мученіяхъ?—Представьте, что какой либо отецъ имѣетъ десять сыновей. Девять изъ нихъ умны, благочестивы, совершенно счастливы, служатъ честію своего отца и украшеніемъ своего общества. Но одинъ изъ десяти—человѣкъ потерянный, неисправимый, впалъ въ пороки и преступленія, и навсегда изгнанъ изъ общества. Несмотря на гибель этого несчастнаго, можно ли не назвать отца девяти умныхъ и благочестивыхъ сыновъ счастливымъ отцемъ? Конечно, горько отцу потерять и одного сына: но неестественно думать, чтобы отецъ, радуясь счастію и совершенствамъ девяти сыновъ и скорбя объ одномъ, сталъ жалѣть, что онъ родилъ ихъ на свѣтъ, и еслибы заранѣе зналъ судьбу сыновъ своихъ, изъ-за одного отказался бы и отъ рожденія девяти. Примѣръ этотъ представляетъ нѣкоторое подобіе отношенія Творца къ твари. Богъ конечно еще до творенія міра зналъ число людей, которые вмѣстѣ съ діаволами и аггелами его подвергнутся вѣчнымъ мукамъ; но Богъ также отъ вѣчности провидѣлъ, что безчисленное множество людей будутъ наслаждаться вѣчною блаженною жизнію. Еслибы провидѣнная Богомъ погибель ожесточенныхъ грѣшниковъ могла остановить творческую благость, восхотѣвшую создать разумныхъ тварей; то почему-же и блаженство праведныхъ и спасаемыхъ, также провидѣнное

Богомъ, не могло подвигнуть Его къ творенію? Неужели хотятъ (чтобы изъ-за злыхъ Богъ отказалъ въ бытіи и во всѣхъ его радостяхъ и добрымъ? «Въ такомъ случаѣ, замѣчаетъ Дамаскинъ, зло побѣдило бы благость Божію» [1]). «Богъ зналъ, говоритъ св. Златоустъ, что Адамъ падетъ; но видѣлъ, что отъ него произойдутъ Авель, Еносъ, Енохъ, Ной, Илія, произойдутъ Пророки, дивные Апостолы—украшеніе естества, и богоносныя облака мучениковъ, источающіе благочестіе» [2]).

Что касается до того—будто вѣчныя мученія ожесточенныхъ тварей кладутъ пятно на твореніе Божіе, то всякій благосмыслящій безъ труда согласится, что вѣчныя мученія нисколько не противорѣчатъ ни Божьему всемогуществу, ни Божіей премудрости. Премудрость дала всѣ средства человѣку ко спасенію; всемогущество не разрушаетъ свободы тварей, безъ которой невозможно было бы и нравственное царство и блаженство тварей въ союзѣ любви съ Богомъ. И кто же изъ нихъ, имѣющихъ умъ и свободу, захочетъ, чтобы Богъ превратилъ его въ безсознательную машину?

Говорятъ, что вѣчныя мученія, какъ наказаніе, не имѣющее цѣлію исправленіе наказуемыхъ, есть безцѣльная жестокость и мщеніе, недостойное Бога. Но что бы сказало человѣческое правосудіе, еслибы ему представили слѣдующее соображеніе. Въ обществѣ, есть преступники ожесточенные и закоренѣлые; никакое наказаніе не исправитъ ихъ: слѣдовательно, всякое наказаніе, на нихъ налагаемое, есть безцѣльная и безполезная жестокость. Слѣдовательно, такіе злодѣи должны быть освобождены отъ всякаго наказанія и имъ должна быть предоставлена полная свобода

[1]) Излож. вѣры стр. 287.
[2]) Apud Phot Biblioth. Cod. CCLXXVII, p. 1548.

дѣйствія. И человѣческое правосудіе, опираясь на непреложный и всѣми сознаваемый законъ правды, нетолько обрекаетъ преступника на пожизненное изгнаніе или заключеніе, но за великія преступленія осуждаетъ злодѣя на смертную казнь. Причемъ, конечно, уже не имѣется въ виду исправленія казнимаго. Законъ правды требуетъ, чтобы нарушеніе этого закона было наказано, независимо отъ другихъ цѣлей, каковы напр. исправленіе наказуемаго, устрашеніе другихъ и пр. Цѣли сіи могутъ быть и не быть; но прямая цѣль наказанія есть воздаяніе за преступленіе, требуемое закономъ правосудія. И самъ преступникъ, основываясь на собственномъ сознаніи, принимаетъ назначенное ему наказаніе не въ видѣ исправительной мѣры, хотя оно и можетъ быть такою мѣрою, но принимаетъ его какъ возмездіе за нарушеніе закона.

Наконецъ, въ словахъ Апостола думаютъ находить проповѣдь о всеобщемъ возстановленіи всѣхъ тварей въ состояніе славы и блаженства. По откровеніи царства славы, Богъ, говоритъ Апостолъ, будетъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. XV, 28). А гдѣ Богъ, тамъ свѣтъ, жизнь и блаженство. Гдѣ же, говорятъ, будетъ геенна, если Богъ будетъ всяческая во всѣхъ?—Но что Апостолъ,—не проповѣдникъ всеобщаго возстановленія, объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, когда говоритъ, что на послѣднемъ судѣ незнающіе Бога и непокоряющіеся благовѣствованію Господа нашего Іисуса Христа въ наказаніе подвергнутся вѣчной погибели отъ лица Господня и отъ славы могущества Его (2 Ѳесс. I, 7—9). Не противорѣчитъ же самъ себѣ Апостолъ. Правда, гдѣ Богъ, тамъ свѣтъ, жизнь и блаженство; но только для тѣхъ, которые имѣютъ очи видѣти (Римл. XI, 8—9), имѣютъ чистое сердце, способное жить въ Богѣ и наслаждаться блаженствомъ лицезрѣнія Божія (Матѳ. V, 6, 8). И естественный свѣтъ для больныхъ гла-

зами бываетъ тяжелъ и невыносимъ: тѣмъ паче нестерпимо свѣтеніе Божественнаго свѣта для душъ, омраченныхъ грѣхомъ. Для чистыхъ сердцемъ Богъ дѣйствительно есть свѣтъ и жизнь; для омраченныхъ грѣхомъ Богъ есть огнь поядаяй (Евр. XII, 29). И тогда какъ первые будутъ вкушать неизреченное блаженство въ лицезрѣніи Божіемъ (Матѳ. V. 8), послѣднихъ одна мысль о Богѣ будетъ приводить въ ужасъ и трепетъ (Іак. II, 19). Богъ будетъ всяческая во всѣхъ: но отъ сего не будутъ блаженны неспособные къ блаженству и недостойные блаженства. И естественный свѣтъ освѣщаетъ всѣ вещи видимаго міра: но отъ этого не дѣлаются прозрачными и свѣтящимися тѣла темныя и непроницаемыя свѣтомъ.

2. О вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ.

а) Въ чемъ будетъ состоять блаженство праведниковъ?

Праведники наслѣдуютъ царство, уготованное имъ отъ созданія міра. Въ этомъ царствѣ, градѣ, домѣ Божіемъ первымъ источникомъ блаженства будетъ для нихъ постоянное сопребываніе, сожительство съ Самимъ Богомъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ и постоянное соучастіе въ Божественной славѣ, сколько это возможно и доступно для твари. Они удостоятся зрѣть Тріvпостаснаго лицемъ къ лицу: *блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ* (Матѳ. V, 8). Въ этомъ лицезрѣніи Всесовершеннаго они будутъ находить полнѣйшее удовлетвореніе для всего своего богоподобнаго существа.

Умъ, жаждущій истины, достигнетъ совершеннаго вѣдѣнія. *Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло,*

гадательно,—тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти,—и тогда познаю подобно какъ я познанъ (1 Кор. XIII, 12). *Тогда то, что отчасти, прекратится* (—10), *вѣра* прекратится, и настанетъ одно непосредственное *видѣніе* (2 Кор. V, 7).

Воля, жаждущая добра, получитъ полное удовлетвореніе своему стремленію. *Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся* (Матѳ. V, 6). *Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть* (1 Іоан. III, 2).

Сердце, жаждущее блаженства, найдетъ себѣ полное успокоеніе въ единеніи съ Богомъ, Источникомъ блаженства. *Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ* (1 Іоан. IV, 16). На праведникахъ исполнятся во всей силѣ слова Спасителя: *Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, отче, во Мнѣ, и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино... Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершены во едино* (Іоан. XVII, 21, 23).

Къ этому присоединится ближайшее, блаженнѣйшее общеніе праведниковъ между собою и съ Ангелами: они будутъ связаны между собою узами чистѣйшей взаимной любви, какъ дѣти одного общаго Отца, который *будетъ все во всемъ* (1 кор. XV, 28).

Блаженному состоянію праведниковъ по душѣ будетъ соотвѣтствовать въ царствіи небесномъ состояніе ихъ по тѣлу. Кромѣ того, что тѣла ихъ востанутъ для будущей жизни *нетлѣнными, славными, сильными, духовными*, они будутъ изъяты отъ всѣхъ назойливыхъ нуждъ настоящей жизни. *Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной*

(Апок. VII, 16). *И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ* (—XXI, 4).

Вообще же блаженное состояніе праведниковъ на небеси будетъ таково, что теперь мы ни представить, ни изобразить его не можемъ: *не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9).

Извѣстный германскій сатирическій поэтъ Генрихъ Гейне представляетъ будущую жизнь безконечно скучною, монотонною, и потому съ своей стороны не желаетъ достиженія ея. Такое представленіе основывается на ошибочномъ перенесеніи въ будущую жизнь несовершенныхъ условій здѣшняго существованія. Состояніе наше въ будущей жизни не будетъ состояніемъ бездѣятельнаго, скучнаго покоя, мертвымъ квіэтизмомъ: оно будетъ представлять гармоническое, всецѣлое удовлетвореніе всѣхъ потребностей и стремленій нашей души путемъ непрерывнаго, безконечнаго развитія. Умъ, сердце и воля человѣка найдутъ для себя много достойныхъ предметовъ и обильную пищу въ этомъ развитіи. Одинъ Богъ—безконечное море сущности—будетъ уже служить неисчерпаемо-возвышеннѣйшимъ предметомъ для нашего ума въ его коренномъ стремленіи постигнуть виновника всего существующаго, для нашего сердца съ его ненасытною жаждою любви, для нашей воли въ ея стремленіи къ нравственному совершенству, къ богоуподобленію. Вотъ первый и главный предметъ, который не будетъ давать покоя всѣмъ нашимъ душевнымъ силамъ, будетъ держать ихъ въ постоянномъ напряженіи и въ то же время доставлять имъ безконечно-блаженное удовлетвореніе! Вторымъ предметомъ нашего духовнаго созерцанія будетъ дѣло нашего искупленія, совершонное Сыномъ Божіимъ, то великое и чудное дѣло, въ которое желаютъ проникнуть и ангельскіе

умы. Третьимъ предметомъ нашего познанія будетъ міръ ангельскій, міръ совершонныхъ духовъ, принимавшихъ и принимающихъ благотворное участіе въ нашей земной судьбѣ и въ особенности въ нашемъ вѣчномъ блаженствѣ. Самъ человѣкъ въ его прошедшихъ судьбахъ и настоящемъ его состояніи будетъ также предметомъ, размышленіе о которомъ будетъ представлять для насъ величайшій интересъ и безконечное удовлетвореніе. Наконецъ преображенный и обновленный міръ во всей его красотѣ и разнообразіи будетъ равнымъ образомъ привлекать умственный взоръ нашъ и возбуждать чувства удивленія и благоговѣнія къ Сотворившему все премудростію. Какая необъятная область вѣдѣнія и жизнедѣятельности! Какой неисчерпаемый источникъ блаженства!

«Какая будетъ слава, какая радость—удостоиться того, чтобы зрѣть Бога и вмѣстѣ со Христомъ, Господомъ Богомъ твоимъ, вкушать радость спасенія и вѣчнаго свѣта, привѣтствовать Авраама и Исаака и Іакова, и всѣхъ Патріарховъ, и Пророковъ, и Апостоловъ, и Мучениковъ, вмѣстѣ со Святыми и друзьями Божіими наслаждаться сладостію дарованнаго безсмертія, и получить то, чего оно не видѣло, ухо не слышало и что на сердце человѣку не приходило» (*Св. Кипріанъ*, посланіе IV)!

«*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* въ горнемъ градѣ, гдѣ всѣ Святые Мои упокоеваются въ великой радости... Тамъ Авраамово лоно пріемлетъ претерпѣвшихъ скорби, какъ пріяло нѣкогда нищаго Лазаря; тамъ отверзаются сокровища вѣчныхъ благъ Моихъ; тамъ горній Іерусалимъ—матерь первородныхъ; тамъ блаженная земля кроткихъ. *Пріидите ко Мнѣ вси, и Азъ упокою вы*, упокою тамъ, гдѣ все тихо и безмятежно, гдѣ все свѣтло и пріятно для зрѣнія, гдѣ нѣтъ ни обидящаго, ни притѣсненнаго, гдѣ нѣтъ уже ни грѣха, ни покаянія,

гдѣ свѣтъ неприступный и радость неизглаголанная, гдѣ нѣтъ ни труда, ни слезъ, ни заботы, ни попеченія, ни сѣтованія, гдѣ нѣтъ ни діавола, ни смерти, ни поста, ни печали, ни ссоры, ни рвенія, но радость и миръ, упокоеніе и восторгъ, гдѣ гласъ празднующихъ, гдѣ открываются недовѣдомыя сокровища мудрости и вѣдѣнія» (*св. Ефремъ Сиринъ*, Слово на второе пришествіе Господа, въ Твор. Св. Отецъ, XIII, 403—404).

«Царство небесное есть созерцаніе. Теперь, какъ въ зеркалѣ, видимъ тѣни вещей, а впослѣдствіи, освободившись отъ сего земнаго тѣла и облекшись въ тѣло нетлѣнное и безсмертное, увидимъ ихъ первообразы. Увидимъ же, если жизнь свою управимъ по прямому пути, и будемъ заботиться о правой вѣрѣ, безъ чего никто не узритъ Господа» (*св. Василій Великій*. Письмо къ Кесарію монаху VIII).

«Думаю, что оно (царствіе небесное) не иное что есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго. А совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе частію да хранимъ, пока живемъ на землѣ, а частію да сберегаемъ для себя въ тамошнихъ сокровищницахъ, чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познаніе Святыя Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ), въ Самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, которому слава и держава во вѣки вѣковъ» (*св. Григорій Богословъ*, слово о поставл. епископ., въ Твор. Св. Отецъ, II, 174—175).

«Представь себѣ состояніе той жизни, сколько возможно это представить, ибо къ надлежащему изображенію ея недостанетъ никакого слова; только изъ того, что слышимъ, какъ бы изъ какихъ-нибудь загадокъ, мы можемъ получить нѣкоторое неясное представленіе объ ней. *Отбѣже*, сказано, *болѣзнь, и печаль, и воздыханіе* (Исаіи XXXV, 10). Что же можетъ быть блаженнѣе этой жизни? Не нужно

тамъ бояться бѣдности и болѣзни; не увидишь ни обижающаго, ни обижаемаго, ни раздражающаго, ни раздражаемаго, ни гнѣвающагося, ни завидующаго, ни распаляемаго гнусною похотію, ни мучимаго заботою о снисканіи потребнаго къ жизни, ни скорбящаго о начальствѣ и власти: ибо вся буря нашихъ страстей, затихнувши, перестанетъ, и все будетъ въ мирѣ, веселіи и радости, все тихо и спокойно, все день и ясность, и свѣтъ, свѣтъ не этотъ нынѣшній, но другой во сто кратъ свѣтлѣе этого, во сколько этотъ (солнечный) ярче свѣта отъ свѣчи. Ибо тамъ свѣтъ не помрачается ни ночью, ни набѣгомъ облаковъ; не жжетъ и не палитъ тѣлъ, потому что нѣтъ тамъ ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемѣны временъ; но иное какое-то состояніе, такое, которое узнаютъ одни достойные. Нѣтъ тамъ ни старости, ни спутниковъ старости; но все тлѣнное изгнано, потому что повсюду господствуетъ нетлѣнная слава. А что всего этого важнѣе,— это непрерывное наслажденіе общеніемъ со Христомъ, вмѣстѣ съ Ангелами, съ Архангелами, съ горними Силами... Ни въ чемъ не будетъ тогда смятенія и борьбы, потому что велико будетъ согласіе въ ликѣ святыхъ, по причинѣ непрерывнаго взаимнаго между всѣми единомыслія» (*св. Іоаннъ Златоустъ*, слово къ Ѳеодору падшему, въ Христ. Чт. 1844 г. I, 370—372).

б) Степени блаженства праведниковъ.

Подобно мученіямъ грѣшниковъ, и блаженство праведниковъ будетъ имѣть свои степени, соотвѣтственно нравственному достоинству каждаго. *Въ домѣ Отца Моего обителей много* (Іоан. XIV, 2), сказалъ Господь Іисусъ Христосъ. И еще Онъ же сказалъ: *Пріидетъ Сынъ чело-*

вѣческій во славѣ Отца Своего съ Ангелами Своими; и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его (Мато. XVI, 27). *Кто принимаетъ пророка, во имя пророка, получитъ награду пророка; и кто принимаетъ праведника, во имя праведника, получитъ награду праведника. И кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей* (X, 41, 42). Въ притчѣ о талантахъ вѣрные рабы за различное употребленіе талантовъ получили отъ своего господина различныя награды (Лук. XX, 17—20). *Каждый получитъ награду по своему труду* (1 Кор. III, 8): таковъ законъ строгой справедливости.

«Многими обителями у Отца Спаситель называетъ мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ; разумѣю же тѣ различія и разности, съ какими наслаждаются тамъ, сообразно съ своимъ разумѣніемъ. Ибо Господь наименовалъ многія обители не по разности мѣстъ, но по степени дарованія. Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается всякій по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущій вѣкъ всѣ праведные водворятся нераздѣльно, въ одной радости, но каждый въ своей мѣрѣ озаряется единымъ мысленнымъ Солнцемъ и по степени достоинства почерпаетъ радость и веселіе» (*св. Ефремъ Сиринъ*, о блаж. обител., въ Твор. Св. Отецъ, XIV, 496).

«Поелику *многи обители въ дому Отца* и различные жребіи назначены въ землѣ наслѣдія, которую *наслѣдятъ кротцыи* (Мато. V, 4), то явно, что иные упокоятся во свѣтлости Божія явленія, а иные подъ покровомъ небесныхъ силъ, другіе же во славѣ свѣта закроются какъ бы домомъ» (*св. Василій Великій*, Толков. на Исаію IV, 5, Твор. Св. Отецъ, VI, 182).

«Въ семъ (т. е. въ различіи мздовоздаянія) убѣждаетъ насъ не только наше умозаключеніе, но и Слово Божіе. Ибо Самъ (Іисусъ Христосъ) говоритъ; *воздастъ коемуждо по дѣяніемъ его* (Мато. XVI, 27). Да не только въ геённѣ, но и въ царствѣ найдешь множество различій: *въ дому Отца Моего, говоритъ, обители многи суть*, и: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ* (1 Кор. XV, 41). И что удивительнаго въ этомъ, что (Апостолъ) представилъ такое различіе, когда еще говоритъ, что тамъ будетъ и такое различіе, какое есть между одною звѣздою и другою» (*св. Іоаннъ Златоустъ*, Слово 1-е къ Өеодору падшему).

в) Вѣчность блаженства праведниковъ.

Какъ мученія грѣшниковъ во адѣ представляются особенно страшными потому, что не будутъ имѣть конца, такъ съ другой стороны и блажество праведниковъ на небѣ становится еще вожделѣннѣе оттого, что точно также будетъ нескончаемо во вѣки.

Я даю имъ (Моимъ овцамъ) *жизнь вѣчную, и не погибнутъ во вѣкъ* (Іоан. X, 28). *Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ; и всякій живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ* (XI, 25, 26). *Обѣтованіе, которое Онъ обѣщалъ намъ, есть жизнь вѣчная* (1 Іоан. II, 25). *И идутъ праведники въ жизнь вѣчную* (Мато. XXV, 46). *Такъ откроется намъ свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа* (2 Петр. I, 11). *Хотя Онъ и Сынъ, однако страданіями навыкъ*

послушанію и совершившись сдѣлался для всѣхъ послушныхъ Ему виновникомъ спасенія вѣчнаго (Евр. V, 8, 9). *Онъ есть ходатай новаго завѣта, дабы вслѣдствіе смерти Его, бывшей для искупленія отъ преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ завѣтѣ, призванные вѣчному наслѣдію получили обѣтованное* (IX, 15). *Кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вѣчно* (2 Кор. IV, 17, 18). *Приготовляйте себѣ влагалища невѣтшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ* (Лук. XII, 33). *Вы и Моимъ узамъ сострадали и расхищеніе имѣнія вашего приняли съ радостію, зная, что есть у васъ на небесахъ имущество лучшее и непреходящее* (Евр. X, 34). *Когда явится Пастыреначальникъ, вы получите неувядающій вѣнецъ славы* (1 Петр. V, 4). *И такъ всегда съ Господомъ будемъ* (1 Сол. IV, 17).

«Если кто пойдетъ сими узкими вратами и симъ тѣснымъ путемъ, то пріиметъ онъ блаженное воздаяніе, воздаянія небесное, которому не будетъ никогда конца» (*св. Ефремъ Сиринъ*. Слово на второе пришествіе Господа).

«То, что будетъ послѣ (всеобщаго суда), какое изобразитъ намъ слово, т. е. происходящую отъ сообщенія со Христомъ сладость, пользу и веселіе? Ибо душа, получивши опять свое благородство и пришедши наконецъ въ состояніе съ дерзновеніемъ видѣть своего Господа, нельзя сказать какое обрѣтетъ наслажденіе, какую выгоду въ томъ, что увеселяется не только обладаемыми благами, но и увѣренностію, что сіи блага никогда не окончатся» (*св. Іоаннъ Златоустъ*. Слово 1-е къ Ѳеодору падшему).

Господи! даруй намъ живую память Твоего будущаго, послѣдняго, славнаго и страшнаго пришествія, Твоего страшнаго суда надъ нами, Твоего праведнаго и вѣчнаго воздаянія праведникамъ и грѣшникамъ, чтобы мы, вспомоществуемые Твоею всесильною благодатію, *цѣломудренно, и праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ* (Тит. II, 12).

ДОПОЛНЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

БЕЗСМЕРТІЯ ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ

и

БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его.
Іоан. I, 5.

Изложивъ ученіе православной Церкви о загробной жизни и послѣдней судьбѣ человѣка, считаемъ не лишнимъ дополнить это изложеніе краткимъ историческимъ очеркомъ, въ которомъ постараемся показать, что ученіе о безсмертіи души и будущей жизни принадлежитъ не исключительно только богооткровенной христіанской религіи, но составляетъ общее достояніе и всѣхъ естественныхъ, или языческихъ религій.

Выше (въ отдѣлѣ первомъ) мы говорили, что непосредственное сознаніе безсмертія души присуще всѣмъ людямъ безъ исключенія и что оно составляетъ отличительную, неотъемлемую черту, необходимое достояніе человѣка, *душа* котораго, по выраженію Тертулліана, *по природѣ—христіанка*. Если это дѣйствительно такъ, въ такомъ случаѣ нужно ожидать, что раскрытіе и выраженіе этого сознанія мы должны встрѣчать у всѣхъ народовъ во всѣ времена, что вѣра въ безсмертіе и будущую жизнь должна быть достояніемъ всего человѣчества. Это и подтверждается на самомъ дѣлѣ. Вѣра въ безсмертіе и будущую жизнь, составляя существенный элементъ религіознаго сознанія, такъ же всеобща, какъ и вѣра въ Бога. Нѣтъ и не было ни одного народа, который не ожидалъ бы будущей жизни, который ограничивалъ бы существованіе и цѣль жизни человѣческой одною землею. Конечно, форма выраженія этой вѣры, характеръ и степень ея развитія не у всѣхъ наро-

довъ (до-христіанскихъ и внѣ-христіанскихъ) одинаковы, какъ неодинаково и все вообще умственное и нравственное развитіе ихъ. Только уже христіанство сообщило истинѣ безсмертія души и загробной жизни полную достовѣрность и истинное выраженіе: до-христіанскія же религіи представляютъ по большей части только болѣе или менѣе ясныя гаданія объ этой истинѣ, болѣе или менѣе вѣрное предчувствіе ея.

Обратимся прежде всего къ языческимъ народамъ древняго міра.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать предварительно слѣдующее общее замѣчаніе. Язычество представляетъ намъ собою не начало въ исторіи религіи, не первобытный видъ ея, а уклоненіе отъ этого послѣдняго, затемнѣніе и искаженіе истинныхъ религіозныхъ понятій и стремленій. Слѣдовательно въ языческихъ религіяхъ мы не можемъ и не должны искать полнаго, яснаго и истиннаго выраженія идеи безсмертія души и будущей жизни. Но съ другой стороны незьзя не видѣть и того, что среди самаго мрака изжитыхъ человѣческихъ заблужденій, по временамъ свѣтили лучи того свѣта истины, который никогда совершенно не оставлялъ человѣка (Іоан. I, 5), что среди самыхъ суевѣрій встрѣчаются слѣды истины. «Въ этихъ призрачныхъ мечтаніяхъ языческой древности, въ этихъ чарахъ, созданныхъ воображеніемъ древняго человѣка, въ этихъ миѳахъ и легендахъ древняго міра, въ этихъ причудливыхъ образахъ фантазіи по временамъ высказывалось исканіе истины, тяготѣніе невольное, полусознательное къ тому, что открыто намъ; въ нихъ мы находимъ гаданіе объ истинѣ, ея предчувствіе... Словомъ, въ отжившихъ вѣрованіяхъ язычества

мы находимъ историческое свидѣтельство объ истинѣ христіанства. Вполнѣ справедлива въ этомъ отношеніи мысль извѣстнаго лингвиста Макса Мюллера, высказанная имъ въ заключеніе его публичной лекціи объ индійскихъ Ведахъ, читанной въ Лондонѣ въ 1865 году: «Изученіе древнихъ религій научаетъ насъ лучше цѣнить то, что дано намъ нашею религіей. Только тотъ, кто терпѣливо и безпристрастно обсудилъ всѣ другія исторически извѣстныя религіи, можетъ знать, что такое христіанская истина, и съ полнымъ убѣжденіемъ и увѣренностію сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: «я не стыжусь благовѣствованія Христова» [1]).

Въ своей проповѣди въ Аѳинскомъ ареопагѣ св. Апостолъ Павелъ раскрываетъ ту мысль, что Богъ и Его вѣчная истина близки человѣку, потому что человѣкъ носитъ въ своей душѣ образъ Божій и въ немъ—нѣкоторое таинственное откровеніе истины. *Отъ одной крови Онъ* (Богъ) *произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли, хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ; ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его родъ* и (Дѣян. XVII, 26—28). *Неужели*—говоритъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ—*неужели Богъ есть Богъ іудеевъ только, а не и язычниковъ? Конечно и язычниковъ* (Римл. III, 29), которымъ Онъ также не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ (Дѣян. XIV, 17) и которые, хотя и лишены были особеннаго положительнаго откровенія Божія, какое дано

---

[1]) *Архимандритъ Хрисанѳъ*, Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Спб. 1873 г. Томъ I, стр. 2—3.

было избранному народу Божію, но не лишены были естественнаго откровенія Божія, даннаго въ разумѣ и природѣ, и при помощи этого откровенія могли познавать и познавали *невидимое* Божіе—*вѣчную силу Его и Божество* (Римл. I, 20), и вѣчную истину, лучи которой пробиваются сквозь тусклую оболочку ихъ представленій.

Поищемъ же въ языческихъ религіяхъ древняго міра того, что можетъ быть найдено въ нихъ относительно занимающаго насъ вопроса.

Начнемъ съ крайняго востока, и именно съ древнѣйшаго изъ существующихъ народовъ—*китайцевъ*.

«Міросозерцаніе Китая—сухое, механическое, безъидейное. Китаецъ—это реалистъ и практикъ въ дурномъ, одностороннемъ смыслѣ этого слова. Его мысль и чувство всецѣло привязаны къ непосредственности явленій, къ видимому и осязаемому; все идеальное, все, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, ему, повидимому, совершенно чуждо. Онъ руководится въ своей жизни исключительно сухимъ разсудочнымъ разсчетомъ. У него незамѣтно стремленій къ сверхчувственному, и можно бы подумать, что у него нѣтъ для этого даже органа: до такой степени онъ привязанъ къ чувственному, видимому, осязаемому; до такой степени заглушено въ немъ всякое тяготѣніе къ идеальному... Его религія едва достойна этого имени даже по сравненію съ религіями язычества: такъ она суха и несложна» [1]).

«Китаецъ и въ рѣшеніи вопроса о послѣдней судьбѣ человѣка отличается особою сдержанностію и сухостію. Въ древнихъ религіозныхъ преданіяхъ Китая нѣтъ слова о безсмертіи. Въ И-цзинъ (книгѣ превращеній) о жизни и смерти всѣхъ существъ безъ исключенія говорится какъ о необхо-

[1]) *Архим. Хрисанѳъ*, тамъ же, стр. 87, 88.

димомъ законѣ жизни; переходъ изъ состоянія небытія, или рожденіе (піенъ), заканчивается превращеніемъ существа въ ничто (Хоа). Вездѣ, гдѣ говорится о наградахъ за добродѣтель, перечисляются только блага временныя: долгая жизнь, богатство, счастіе или благой и спокойный конецъ, а мудрымъ обѣщается только историческое безсмертіе... Единственнымъ слѣдомъ бытія человѣка остается его могила» [1]).

«Впрочемъ, позднѣе мы находимъ и въ Китаѣ вѣру въ безсмертіе. Въ V столѣтіи по Р. Хр. отрицаніе безсмертія признавалось вольномысліемъ, противнымъ религіи. Одинъ ученый, утверждавшій, что душа относится къ тѣлу, какъ цвѣтокъ къ дереву, и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, былъ преслѣдуемъ какъ противникъ религіи. Еще позднѣе мыслители Китая утверждали далѣе, что безсмертіе—существенная принадлежность человѣка, и говорили, что смерть есть только отрѣшеніе отъ тѣла того начала, которое его оживляло, и что тѣло есть только домъ, въ которомъ обитаетъ духъ. Обитатель остается и по разрушеніи тѣла» [2]).

Такимъ образомъ даже и такимъ сухимъ и грубымъ реалистамъ, каковы китайцы, во всякомъ случаѣ не была совершенно чужда вѣра въ безсмертіе души.

Переходимъ къ сосѣдямъ китайцевъ—*индійцамъ*.

«Въ древній періодъ религіозныхъ вѣрованій индійцевъ, въ гимнахъ Ведъ, проникнутыхъ свѣжими чувствами, мы встрѣчаемъ мысль о безсмертіи и, повидимому, личномъ, хотя Веды и рѣдко обращаются къ вопросу о будущей жизни. Кто даетъ милостыню,—говоритъ одинъ стихъ Ведъ,—тотъ идетъ на высоты неба, восходитъ къ богамъ.

[2]) Тамъ же, стр. 120, 121.
[1]) Тамъ же, стр. 124.

Въ другомъ гимнѣ составитель высказываетъ надежду увидѣть послѣ смерти своего отца и мать» [1]).

Вотъ что, между прочимъ, говорилось въ молитвѣ при совершеніи жертвы въ честь бога Сомы (посредника между богами и людьми): «Сома! возведи меня туда, гдѣ свѣтитъ вѣчный свѣтъ, въ міръ безпредѣльной славы, туда—въ міръ безсмертія, туда, гдѣ таинственное жилище царя Вивасваты (перваго человѣка, или идеальнаго, вѣчнаго человѣка); сдѣлай меня безсмертнымъ, Сома, и возведи въ небеса, гдѣ желанія находятъ себѣ успокоеніе, гдѣ живутъ свѣтоносныя существа, гдѣ пьютъ изъ чаши свѣтлаго живительнаго питья, гдѣ одно счастіе и радость» [2]).

Съ другой стороны существовала вѣра, что нечестивыхъ въ будущей жизни ожидаетъ наказаніе. Вообще вѣра въ безсмертіе была такъ всеобща, что законъ Ману запрещаетъ приносить жертвы тѣмъ, кто не вѣритъ въ будущую жизнь.

Но таково было собственно народное вѣрованіе, принадлежащее ранней эпохѣ. Вмѣстѣ съ появленіемъ браминства мѣсто его заступаетъ иной взглядъ на безсмертіе—въ смыслѣ пантеистическомъ. «Уже въ объясненіяхъ на Веды мы встрѣчаемъ характеристическій въ этомъ отношеніи разсказъ о бесѣдѣ бога смерти Ямы съ однимъ изъ браминовъ по вопросу о безсмертіи. Молодой браминъ, посланный своимъ духовнымъ отцомъ къ богу Ямѣ и не заставшій его дома, въ награду за терпѣніе въ ожиданіи бога, получилъ отъ послѣдняго предложеніе просить у него три дара, какіе хочетъ. Браминъ обратился къ Ямѣ съ вопросомъ, отвѣтъ на который, повидимому, всего скорѣе можно было получить отъ бога смерти: «что дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти?—скажи мнѣ!» сказалъ онъ Ямѣ.

[1]) Тамъ же, стр. 339.
[2]) Тамъ же, стр. 340.

«Одни говорятъ, что онъ исчезаетъ, другіе,—что остается. Вотъ что желалъ бы я узнать отъ тебя». Вопросъ смутилъ бога смерти. «Это трудно рѣшить, это—*тонкая вещь*»,—отвѣчалъ онъ. «Ибо боги въ недоумѣніи относительно этого вопроса, и они не знаютъ объ этомъ» [1]). Затѣмъ богъ смерти раскрываетъ брамину идею всепроникающаго мірового духа, который, какъ огонь, распростертъ по всему міру, какъ вѣтеръ, наполняющій воздухъ, проникаетъ собою всѣ разнообразные виды живыхъ существъ.

Брамины поставляли безсмертіе и вѣчную жизнь въ сліяніи и тожествѣ съ Брамою (великимъ духомъ, который есть единство и цѣлость). «Въ Брамѣ все живое и всѣ міры пропадаютъ. Какъ капля воды, брошенная въ море, не выйдетъ на поверхность и не можетъ быть узнана среди цѣлой массы водъ, такъ и единичный духъ, соединившійся съ Брамою, не покажется послѣ, затеряется въ этомъ цѣломъ. Духъ нашъ—только капля изъ моря жизни божественной. Какъ рѣки, текущія въ океанъ, пропадаютъ въ немъ, теряя свой видъ и свои имена, такъ и отдѣльныя живыя существа, погружаясь въ море безпредѣльной сущности, теряютъ свою отдѣльную форму бытія» [2]).

Если браминскій пантеизмъ, отрицая личное безсмертіе человѣка, допускалъ всетаки безсмертіе его въ смыслѣ сліянія съ всеобъемлющею сущностію, съ Брамою, то выродившійся изъ браминства *буддизмъ*, составляющій логическій выводъ и послѣднее его слово, является самымъ крайнимъ нигилизмомъ и атеизмомъ, отрицающимъ не только Бога, но и міръ, проповѣдующимъ абсолютную пустоту, небытіе.

«Между тѣмъ этотъ атеизмъ сталъ религіей и притомъ

[1]) Тамъ же, стр. 342.
[2]) Тамъ же, стр. 344—345.

одною изъ самыхъ распространенныхъ въ мірѣ религій. Явленіе, повидимому, въ высшей степени странное. Но сердце человѣческое такъ устроено, что нашло Бога и среди этого отрицанія. Самого проповѣдника этого всеуничтожающаго ученія послѣдователи его признали своего рода богомъ—могучею, сверхъестественною силою. Къ тому же—и это главное—съ отрицаніемъ въ теоріи въ буддизмѣ связано нравственное ученіе очень строгое и во многомъ замѣчательное, вносившее въ жизнь новый элементъ, давно желанный и ожиданный. Въ этой практической сторонѣ буддизма—все его историческое значеніе и разгадка его первоначальнаго распространенія въ Индіи и за ея предѣлами» [1]).

Что касается спеціально занимающаго насъ вопроса, то основатель буддизма Шакья-Муни (или Будда, то есть мудрый) не допускалъ ни личнаго, ни пантеистическаго безсмертія человѣка: послѣднею цѣлію жизни, по его ученію, является *нирвана* (бытіе угасшее), то есть совершеннѣйшая пустота. Блаженство въ нирванѣ есть блаженство небытія, въ противоположность бытію, съ его неизбѣжными скорбями. Таково было ученіе самого основателя буддизма. Однако этотъ взглядъ далеко не былъ всеобщимъ впослѣдствіи. Съ самыхъ первыхъ временъ появленія буддизма понятіе о нирванѣ въ самихъ буддистахъ возбуждало недоумѣніе. Уже на третьемъ собраніи буддійскихъ духовныхъ предложенъ былъ вопросъ о ней и разрѣшенъ тѣмъ, что нирвана *непостижима*, что она есть тайна, въ которую нельзя проникнуть. Вообще ни одинъ предметъ не возбуждалъ столько разнородныхъ мнѣній у послѣдующихъ буддистовъ, какъ нирвана. Различныя школы представляли ее различно, и для нѣкоторыхъ она имѣла положительный характеръ и значила соединеніе со всеобщимъ, блаженство. Въ представленіи же народныхъ массъ пустота нирваны обратилась въ настоящій рай. Однимъ словомъ, общее понятіе о нирванѣ сводится къ тому представленію, что она есть *уничтоженіе скорбей* и вмѣстѣ съ ними нынѣшнихъ свойствъ бытія.

[1]) Тамъ же, стр. 375.

Такимъ образомъ буддизмъ не можетъ быть выставляемъ какъ возраженіе противъ всеобщности въ человѣчествѣ вѣры въ безсмертіе. Вѣдь даже и въ нѣдрахъ христіанства появляются мыслители, проповѣдующіе буддійскую нирвану. Но метафизическая доктрина никогда не замѣнитъ собою для человѣка религіи; а религія безъ вѣры въ Бога и въ безсмертіе человѣка немыслима и невозможна. Вотъ почему и ученіе Будды, подавляющее чувство, отнимающее у человѣка Бога и будущую жизнь, не могло въ чистомъ своемъ видѣ сдѣлаться народною религіей, оставшись достояніемъ только небольшаго числа буддійскихъ ученыхъ.

Если бы допустить, что болѣе 300,000,000 подобныхъ намъ людей исповѣдуютъ сознательно столь страшное ученіе, въ такомъ случаѣ дѣйствительно нельзя было бы и утверждать, что въ глубинѣ человѣческой души есть инстинктъ безсмертія. Но мы уже видѣли, что мертвящее ученіе Будды о нирванѣ даже первыми послѣдователями этого родоначальника пессимизма было признано неудобопріемлемымъ и получило затѣмъ совсѣмъ иное значеніе и смыслъ, возвратившій сердцу человѣческому его наилучшія чаянія и надежды.

Отъ индійцевъ обратимся къ послѣдователямъ ученія Зороастрадревнимъ *персамъ*.

Особенно выдающуюся черту Зороастрова ученія о человѣкѣ и о его достоинствѣ составляетъ ученіе о безсмертіи. Ормуздъ; по воззрѣнію Зороастра, одарилъ человѣка двумя благами: счастіемъ на землѣ и безсмертіемъ въ будущей

жизни: «Духъ человѣческій какъ духъ, нисшедшій съ неба и существующій независимо отъ тѣла, живетъ и по разрушеніи его и исчезновеніи жизненной силы. Послѣ смерти тѣла онъ восходитъ на гору Альбарда, отъ которой къ жилищу Ормузда, или мѣсту блаженства, ведетъ мостъ Цикވитъ или Сикватъ, страшный для нечестивыхъ и безопасный для праведныхъ. Только тѣ проходятъ чрезъ него, кто вѣрно служилъ Ормузду; нечестивый же низвергается в бездну ада [1])».

При концѣ міра послѣдуетъ воскресеніе всѣхъ людей вмѣстѣ съ тѣлами ихъ. «Предъ наступленіемъ послѣдней, рѣшительной битвы между Ормуздомъ и Ариманомъ, или что то же, въ послѣднія времена міра, силы добра и зла будутъ проявляться въ особенно напряженной дѣятельности. Ариманъ пошлетъ бѣды и горе на землю, откроются жестокія войны, кровь будетъ литься рѣкою... Наконецъ явится послѣдній изъ пророковъ и потомковъ или сыновей Зороастра—побѣдитель дэвовъ (злыхъ духовъ) Сосіошъ. Время его появленія будетъ послѣднимъ временемъ настоящей жизни. Ариманъ и его духи будутъ повержены и лишатся своей власти на землѣ и во всемъ мірѣ. По одухотвореніи людей и побѣдѣ надъ духомъ смерти послѣдуетъ обновленіе или воскресеніе тѣлъ [2])».

Перейдемъ теперь въ таинственную страну мудрости и чудесъ—*Египетъ*.

«Ученіе о послѣдней судьбѣ человѣка составляло одинъ изъ самыхъ выдающихся пунктовъ въ елигіи Египта и служило предметомъ изумленія для древнихъ греческ хъ писателей, знакомыхъ съ Египтомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни у одного изъ народовъ исторически извѣстныхъ вопросъ о смерти не имѣлъ такого значенія и

[1]) Тамъ же, стр. 563—564.
[2]) Тамъ же, стр. 572—573.

важности, какъ у египтянъ, у которыхъ съ нимъ связаны были всѣ религіозныя вѣрованія и чаянія. Изъ Египта греческій историкъ (Геродотъ) изводилъ первую мысль о безсмертіи, увлеченный тѣмъ, что нигдѣ въ древнемъ мірѣ идея о безсмертіи не была такъ полно и сложно раскрыта, какъ въ Египтѣ [1]). Съ удивленіемъ замѣчалъ о египтянахъ другой греческій историкъ [2]), что они нимало не цѣнятъ настоящую жизнь, называя домы живыхъ гостинницами, въ которыхъ человѣкъ останавливается только на время, какъ путешественникъ, и признавая истинными и вѣчными жилищами гробы мертвыхъ. Но египетское ученіе о послѣднихъ судьбахъ человѣка замѣчательно не этою общею мыслію о безсмертіи, которая могла удивлять грека временъ Геродота и которая далеко не чужда была и другимъ народамъ, не силою и всеобщностію вѣры въ безсмертіе, а своеобразными понятіями о жизни души по смерти тѣла, тѣми странными обрядами, какими сопровождалась смерть человѣка и которые придавали какой-то особый, загадочный смыслъ самому ученію о загробной жизни. Изумительно, въ самомъ дѣлѣ, у древнихъ египтянъ усиленное желаніе на всегда сохранить отъ тлѣнія тѣло умершаго, чего не находимъ ни у одного изъ народовъ. Трупъ каждаго умершаго египтянина бальзимировали, пеленали и затѣмъ относили въ некрополь (городъ мертвыхъ). Эти города мертвыхъ въ Египтѣ были зданіями, на устройство которыхъ тратились и силы, и матеріальныя средства; этому желанію сохранить храмину души мы обязаны такими гигантскими зданіями, каковы Хеопсова и другія пирамиды [3])».

На смерть египтянинъ смотрѣлъ какъ на закатъ жизни,

[1]) II, 123: „Египтяне первые ввели ученіе о безсмертіи“.
[2]) Діодоръ Сицилійскій I, 51.
[3]) *Архим. Хрисанѳъ.* Религіи древняго міра, Т. II, стр. 131, 132, 133.

послѣ котораго ожидалъ новаго восхода ея. Умирая человѣкъ уходилъ на время въ *аменти*, то есть въ сокровенную, темную область жизни. Но это пребываніе въ аменти должно быть только переходною ступенью къ новой жизни для умершаго: за нимъ послѣдуетъ *день явленія* для жизни, откроется начало какой-то другой жизни.

Одною изъ отличительныхъ, выдающихся сторонъ въ религіи *семитическихъ* народовъ служитъ слабое, сравнительно, развитіе ученія о безсмертіи, что, въ связи съ грубыми, чувственными формами культа, ставитъ ихъ на не высокую ступень въ ряду другихъ религій.

«Нравственный идеалъ въ *Вавилонѣ* стоялъ очень не высоко. Народъ былъ преданъ чувственности и не отличался гуманностію, какъ египтяне напримѣръ. Яснаго и развитаго ученія о безсмертіи не было.

Замѣчательно, впрочемъ, одно выраженіе въ перевеценномъ Смитомъ (англійскимъ ассиріологомъ) разсказѣ о потопѣ. Въ заключеніе его упоминается о созданномъ «великимъ богомъ» *блаженствѣ Ану*, то есть бога бездны, или нижняго неба, иначе—бога аида. Область, гдѣ царствуетъ Ану, представляется такимъ образомъ *мѣстомъ блаженства*. Трудно найдти какой-либо иной смыслъ въ этомъ отрывочно высказанномъ выраженіи. Погребальные обычаи ассиріянъ и вавилонянъ, по замѣчанію Геродота, были подобны египетскимъ [1])».

«Нравственное воззрѣніе мореплавателей и торговцевъ древняго міра—*финикіянъ* мало извѣстно, но, повидимому, какъ и вавилонское, не отличалось возвышенностію. Это былъ народъ—матеріалистъ по преимуществу. Какъ и въ халдеѣ, мы не находимъ у финикіянъ развитія ученія о безсмертіи. Впрочемъ, въ теогоническомъ отрывкѣ у Санхо-

[1]) Тамъ же, стр. 263.

ніатона встрѣчаются боги съ греческими именами Плутона и Прозерпины. Это, повидимому, служитъ доказательствомъ, что идея безсмертія не была совершенно чужда и финикіянамъ [2])».

«Идея безсмертія не чужда была и *арабскимъ* племенамъ, не смотря на сравнительную грубость ихъ нравственнаго быта. Если нѣкоторые изъ нихъ думали, что со смертію все кончится, то другіе вѣрили въ будущую жизнь и воскресеніе. Когда умиралъ родственникъ или другъ, они зарѣзывали на его могилѣ верблюда или морили его голодомъ, въ убѣжденіи, что онъ оживетъ вмѣстѣ съ умершимъ и будетъ служить ему въ пути, когда онъ пойдетъ на судъ Аллаха. Они думали также, что по смерти, душа улетаетъ изъ тѣла подъ формою птицы Ката или Зада (родъ ночной совы), которая не перестанетъ порхать надъ могилой умершаго, испуская жалобные звуки, и приноситъ ему вѣсть о его дѣтяхъ [3])».

Мы дошли такимъ образомъ до греко-римскаго міра, которымъ завершилось развитіе языческаго человѣчества древности. Обратимся сначала къ *грекамъ* и спросимъ у нихъ отвѣта на нашъ запросъ относительно вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь.

Древнѣйшее, до-гомеровское ученіе о смерти и безсмертіи мало извѣстно. О немъ можно судить только по слѣдамъ, которые остались отъ него въ эпоху Гомера. «У Гомера есть смутное чувство человѣческаго безсмертія подъ формою блѣдной тѣни когда-то бывшей жизни. Объ этомъ говорятъ также и сохранившіеся у него же слѣды древняго

[2]) Тамъ же, стр. 306, 307.
[3]) Тамъ же, стр. 321.

взгляда на умершихъ какъ на существа, не прекратившія вполнѣ своего бытія. Слѣды этого вѣрованія у него выражаются въ почтительной памяти къ умершимъ. Одиссей даже приноситъ имъ жертвы, по повелѣнію Цирцеи: это, очевидно, остатокъ древняго обычая приносить предкамъ жертвы, указывающій на присутствіе нѣкоторыхъ, хотя и смутныхъ представленій о загробномъ ихъ существованіи. Этого мало: Одиссей вопрошаетъ одного изъ умершихъ пророковъ, Тирсія, или Тирезія, о своемъ будущемъ. При гробахъ умершихъ, по свидѣтельству Павзанія, дѣйствительно издревле были оракулы. Таинственная область смерти была источникомъ и вмѣстилищемъ тайнъ самой жизни. Пророкъ Тирсій даже сохраняетъ, какъ мы видѣли, разумъ и въ аидѣ. Но и это еще не все. Рядомъ съ мрачнымъ аидомъ стоитъ представленіе объ Элизіумѣ и объ островахъ блаженныхъ. Менелаю и другимъ героямъ обѣщано, что они не умрутъ, какъ умираютъ другіе, но, сохранивъ тѣло, переселятся на острова блаженныхъ, гдѣ нѣтъ ни холода, ни зноя, ни вѣтра, ни бури. Гезіодъ также говоритъ о переселеніи на небо и о вѣчной жизни древнихъ предковъ золотаго вѣка и героевъ... Очевидно, полнаго отрицанія безсмертія никогда не было; напротивъ всегда было смутное чувство какого-то таинственнаго бытія за гробомъ, что выражалось и въ принесеніи жертвъ умершимъ. Гомеръ представляетъ уже своеобразное осмысленіе этого древняго вѣрованія, которое, исходя, изъ непосредственнаго явленія смерти, не могло, конечно, признавать умершаго живымъ, но съ другой стороны, побуждаемое духовнымъ инстинктомъ и чувствомъ таинственнаго, не могло помириться и съ мыслію о совершенномъ уничтоженіи человѣка и шло за предѣлы видимаго факта смерти. У Гомера души умершихъ являются не исчезнувшими, но живущими подъ формою призрака, или утонченной сущности человѣка. Это—не пантеисти-

ческое ученіе о поглощеніи человѣка всеобщею сущностію и не грубое представленіе дикихъ о душахъ умершихъ, которое приписывало имъ фантастическія, страшныя формы [1])».

Въ греческой мысли и жизни совершилась весьма значительная перемѣна въ четыре вѣка, протекшіе между Гезіодомъ и Персидскими войнами: въ этотъ періодъ времени измѣнился также и взглядъ на нравственный порядокъ жизни. «Съ этой стороны возникала въ сознаніи новая для древняго языческаго міра вообще и въ частности для греческаго сознанія, идея всеобщей *грѣховности*, отчужденія отъ Бога, первоначальнаго *паденія*, мѣра или степень котораго представлялась тѣмъ большею, чѣмъ чище и возвышеннѣе становилось представленіе Божества. Возстановленіе этой первобытной чистоты, освобожденіе души отъ покрывающаго ее зла, *примиреніе* съ Божествомъ возможно только посредствомъ особаго порядка религіозной и нравственной жизни, элементами котораго въ сферѣ религіозной были извѣстныя очищенія, посвященія и проч., въ сферѣ нравственной—соблюденіе извѣстныхъ правилъ и предписаній, назначенныхъ для нравственнаго очищенія души, возвышенія ея надъ чувственными пожеланіями и приближенія къ Божеству. Выраженіемъ этого зараждающагося сознанія были въ религіозной сферѣ *мистеріи*, отличавшіяся отъ обыкновенной, народной религіи тѣмъ, что вступленіе въ нихъ совершалось чрезъ особыя посвященія [2])».

Элевзинскія и орфическія мистеріи посвящены были хтоническимъ (подземнымъ) божествамъ—Деметрѣ, Персефонѣ и Діонису и отвѣчали пробудившемуся въ гелленскомъ сознаніи чувству грѣховности и потребности въ оправданіи очи-

[1]) Тамъ же, стр. 509, 510, 511.

[2]) *И. Чистовичъ*, Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка. Спб. 1871 г. стр. 14, 15.

39*

щеніи. Онѣ направлены были къ возбужденію и укрѣпленію въ душѣ вѣры въ будущую жизнь и потому могутъ быть названы *праздниками безсмертія*. Въ этихъ религіозныхъ мистеріяхъ грековъ выразились лучшія религіозныя представленія и лучшія чаянія греческаго міра. «Счастливъ тотъ,—поетъ Пиндаръ,—кто послѣ этого таинства сходитъ въ нѣдра земли! Онъ знаетъ конецъ жизни, онъ знаетъ ея божественное начало».

«Ученіе о безсмертіи выросло и развилось у древнихъ греческихъ философовъ, какъ это и естественно было, на религіозной почвѣ, на религіозныхъ основаніяхъ, и имѣло характеръ болѣе религіознаго, традиціоннаго догмата, нежели собственно-научнаго изслѣдованія. Но религіозныя основы сами требовали проясненія. Надо было поставить ихъ въ связь со всѣмъ міровоззрѣніемъ, ввести въ общій планъ міроваго порядка, согласить съ высшими потребностями человѣческаго духа и освѣтить свѣтомъ идеи міроправящаго начала—Бога. Философское мышленіе не могло оставаться равнодушнымъ къ такому великому вопросу, какъ вопросъ о безсмертіи. Первый, перенесшій этотъ вопросъ на философскую почву, былъ *Платонъ* [1])».

Платонъ излагаетъ ученіе о безсмертіи въ слѣдующихъ діологахъ: Тимеѣ, Менонѣ, Федрѣ и Государствѣ. Но спеціальное философское изслѣдованіе о безсмертіи изложено имъ въ *Федонѣ*, составляющемъ первый и важнѣйшій опытъ научнаго обоснованія истины безсмертія духа человѣческаго. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе Платоновыхъ доказательствъ безсмертія души человѣческой: мы представимъ въ короткихъ словахъ только самую суть его ученія объ этомъ предметѣ.

«Слово Платона остается послѣднимъ и заключительнымъ словомъ древней философіи и древняго міра. На то, во что онъ вѣровалъ (религіозная сторона его философіи), и чему училъ (философскій элементъ его религіознаго сознанія), мы можемъ смотрѣть какъ на послѣднее слово, изреченное древностію о будущей жизни человѣка. Душа человѣческая безсмертна. Всѣ ея надежды и стремленія перенесены въ другой міръ. Истинный мудрецъ желаетъ смерти какъ начала истинной жизни. Потустороннее—предметъ его созерцанія, всѣхъ его помысловъ. Въ томъ только мірѣ открывается истинная сущность вещей. Здѣшній же міръ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, но имѣетъ значеніе только по отношенію къ другому, какъ его отобразъ, подобіе. Въ этомъ заключается величіе Платонова ученія, возвышающаго и устремляющаго душу къ свойственной ей свободѣ, къ господству надъ всѣми чувственными ограниченіями [1])».

Платоновъ Федонъ—это какъ бы заключительный аккордъ, послѣдній гармоническій звукъ, которымъ разрѣшается и завершается стремленіе гелленскаго духа къ безсмертію, стремленіе, прошедшее сквозь цѣлый рядъ всяческихъ противорѣчій; это гимнъ безсмертію и вмѣстѣ съ тѣмъ мастерское произведеніе діалектическаго искусства, возводящее къ тому, во что въ дѣтской простотѣ вѣрили и что исповѣдывали предки индогерманскаго семейства народовъ.

Однако, говоря строго, безсмертіе, защищаемое Платономъ, не есть чисто личное безсмертіе: это есть безсмертіе вообще духа а не индивидуальныхъ душъ. Но съ другой стороны нужно всетаки сказать, что самъ Платонъ убѣжденъ именно въ личномъ безсмертіи и старается защитить его передъ своими слушателями, что личное безсмертіе, оставаясь у него безъ діалектически-научной опоры,

[1]) Тамъ же, стр. 95.

[1]) Тамъ же, стр. 191.

утверждается на нравственныхъ основаніяхъ: тѣже нравственные навыки, тѣже сердечныя привязанности, тѣже слабости и пороки, вообще вся жизнь сердца—пойдутъ за человѣкомъ въ тотъ міръ, съ ними онъ явится на судъ Божій и получитъ за нихъ оправданіе или наказаніе.

Нужно еще замѣтить, что душа представляется у Платона *вѣчно-живущею* по самой своей природѣ, и эта жизнь ни по своему началу, ни по своему вѣчному продолженію не возводится къ высшему, то есть божественному основанію; между тѣмъ какъ только это основаніе и можетъ быть единственно-твердымъ, положительнымъ основаніемъ безсмертія.

Философія Платона преимущественно пользовалась уваженіемъ христіанскихъ учителей. Это же предпочтеніе выразилось и въ отношеніи къ ученію его о безсмертіи. Такъ напр. Іустинъ Мученикъ въ *увѣщаніи къ Эллинамъ* говоритъ: «Платонъ прямо сказалъ: душа вся безсмертна... Платонъ ясно излагаетъ ученіе о судѣ послѣ смерти...» [1]).

Теперь намъ остается еще выслушать голосъ *римскаго народа*—народа-побѣдителя, стоящаго въ концѣ древней исторіи, покорившаго своей власти почти весь извѣстный тогда свѣтъ.

Римлянинъ былъ созданъ не для интеллектуальныхъ и идеальныхъ стремленій. Это былъ характеръ чисто практическій; утилитарныя стремленія составляли основу всей его жизни и дѣятельности. Призваніемъ его была жизнь политическая. Съ точки зрѣнія пользы и интересовъ гражданскихъ, онъ смотрѣлъ на все отъ начала до конца своей исторіи. Отъ народа съ такимъ анти-идеальнымъ характеромъ трудно было бы ожидать чего-нибудь особеннаго, самобытнаго и возвышеннаго въ идеальной области религіи.

[1]) Увѣщаніе къ Эллинамъ, гл. 6 и 27.

Древнія формы его религіозныхъ вѣрованій рано начали смѣшиваться съ греческими и другими культами. Его религія послѣдняго времени представляетъ смѣсь древнихъ національныхъ вѣрованій съ чужеземными, преимущественно же съ греческими.

Какъ вообще религія римлянъ выражалась не столько въ богатыхъ мыслію и образами миѳахъ, сколько въ благочестивыхъ обрядахъ и дѣйствіяхъ, такъ и римская вѣра въ безсмертіе насколько богата практическими проявленіями, настолько же бѣдна идеями и представленіями. У римлянъ, точно такъ же, какъ и у грековъ, былъ особенный богъ—владыка подземнаго царства: это богъ мрака—Оркусъ. Къ этой таинственной области принадлежала также и богиня—Dea Muta, или Tacita, олицетворявшая собою жизнь умершихъ обитателей аида, которые назывались taciti, или silentes, т. е. молчаливые. Сюда же относилась богиня—Mana, названная такъ по имени умершихъ (manes), со сродными ей нимфами Оркуса—фуріями, или фуринами. По вѣрованію римлянъ, къ каждому человѣку приставленъ свой геній руководящій его судьбою при жизни и даже опредѣляющій его состояніе послѣ смерти. Однако генія, этого существа, принадлежащаго къ царству свѣта, не слѣдуетъ смѣшивать съ душею, нисходящею въ подземный міръ. Души умершихъ, маны или лары, были почитаемы какъ божественныя существа. «Когда я умру»—пишетъ знаменитая мать Гракховъ своему сыну,—ты будешь приносить мнѣ жертвы и призывать божество твоей матери». Погребальные обряды у римлянъ были многочисленны и весьма торжественны, свидѣтельствуя о высокомъ и почтительномъ уваженіи живыхъ къ умершимъ, переселявшимся для продолженія жизни въ другой міръ.

Закончимъ обзоръ языческихъ религій древняго міра по отношенію къ занимающему насъ вопросу свидѣтельствомъ

Цицерона, ссылающагося въ доказательство истины безсмертія души на согласіе народовъ (Tusc. I, 16): «Ut deos esse natura opinamur, qualesque sint ratione cognoscimus, sic permanere animos arbitramur consensu omnium nationum» какъ въ бытіи боговъ мы увѣряемся чрезъ природу, а свойства ихъ познаемъ разумомъ, такъ о пребываніи душъ по смерти судимъ на основаніи согласія всѣхъ народовъ).

Древній міръ совершилъ циклъ своего историческаго развитія. На поприще исторіи выступаютъ новые дѣятели—народы германскаго и славянскаго племенъ, вносящіе новые элементы въ общечеловѣческую жизнь.

Что касается *германцевъ*, о языческой религіи которыхъ мы узнаемъ изъ Эдды, то и у нихъ существовала еще до принятія ими христіанства, вѣра въ будущую жизнь. По религіознымъ представленіямъ ихъ, только храбрые, павшіе въ битвѣ, переходили въ Валгаллу, жилище Одина, чтобы продолжать тамъ земную жизнь на высшей ступени, между тѣмъ какъ всѣ прочіе отправлялись въ печальное жилище Гелы. Эта-то надежда на блаженную жизнь въ Валгаллѣ придавала неодолимое мужество толпамъ кимвровъ и тевтоновъ въ кровавой борьбѣ съ римскими легіонами. По позднѣйшему вѣрованію перехода въ Валгаллу удостоивались не герои только, павшіе со славою въ битвѣ, но всѣ вообще добрые, а въ мрачную Гелу отправлялись всѣ злые. Германцы вѣрили, что земля уничтожится нѣкогда посредствомъ огня, но изъ моря возникнетъ новая, лучшая земля, и тогда начнется новый лучшій и высшій порядокъ міра, при которомъ не будетъ уже никакихъ золъ и бѣдъ.

И наши языческіе предки—*восточные славяне*, наравнѣ съ другими славянскими племенами, вѣрили также въ загробную жизнь.

«Религія восточныхъ славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіей арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ... При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода: отсюда происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—*родовъ* и *рожаницъ*... Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ, но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается ночной мракъ для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни... Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ русалокъ, или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя, или какія бы то ни было нимфы (имя ихъ происходитъ не отъ русла, но отъ *русый*—свѣтлый, ясный): русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою... Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски,—обрядъ, который не у однихъ славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ» [1]).

«Самое олицетвореніе души умершаго свидѣтельствуетъ, что предки наши имѣли понятіе о томъ, что не все оканчивается земною жизнію, и что свидѣтельство Титмара,

---

[1]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи. Томъ I, изд. 4-е, стр. 81, 85, 86 и 87.

говорящаго, будто, по мнѣнію славянъ, все оканчивалось временною смертію [1]), показываетъ только, что у нихъ не было *христіанскаго* понятія о будущей жизни» [2]).

Въ такомъ же смыслѣ нужно понимать и слѣдующее мѣсто въ нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: «Се же послѣ,—говорилъ Владиміръ своимъ болярамъ и старцамъ,—придоша Грьци... и много глаголаша, сказующе отъ начала міру, о бытьи всего міра... *и другій свѣтъ повѣдаютъ быти*: да аще кто, дѣеть, въ нашу вѣру ступить, то *паки, оумеръ, станетъ*, и не оумреті ему ввѣки» (годъ 6495). Здѣсь рѣчь идетъ не объ общемъ вѣрованіи въ безсмертіе души, а о спеціально христіанскомъ ученіи о будущей жизни и о воскресеніи мертвыхъ.

«Если въ нравственной жизни и религіи славянъ должно признать существованіе опредѣленныхъ понятій, то однимъ изъ важнѣйшихъ должно быть понятіе о будущей жизни, или *безсмертіи души*: никакая другая мысль не была такою народно-психологическою необходимостью, какъ мысль безсмертія. Тогда какъ одни религіозныя понятія стояли на высотѣ чисто нравственныхъ идей, доступныхъ и сознаваемыхъ немногими, а потому лишенныхъ силы общенародной необходимости и лишь случайно входившихъ въ дѣйствительность, другія же держались въ жизни по преданію, въ образахъ безотчетнаго вѣрованія, часто заглохшаго или готоваго заглохнуть,—понятія о загробной жизни, вытекая изъ неизбѣжнаго, постоянно дѣятельнаго закона смерти и чувства любви къ близкимъ усопшимъ, никогда не теряли живаго значенія, должны были сохраняться и

[1]) „Qui cum morte temporali omnia putant finiri“, *Thietmarus* (у Бѣлевскаго, Monumenta Poloniae historica. I, 244). Сл. *И. Срезневскаго*, О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души (Журн. Министерства Народн. Просв. 1847 г., № 2, стр. 193—194) и *А. Котляревскаго*, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868 г., стр. 87—89).

[2]) *Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія Россіи. Томъ I, глава 1-я, стр. 24—25.

поддерживаться непрерывно. Мы не хотимъ сказать, что каждое отдѣльное представленіе, каждый обычай, относившійся къ области понятія безсмертія и загробнаго существованія, всегда имѣлъ ясный и опредѣленный смыслъ для язычника-славянина: нѣтъ,—традиціонная безотчетность господствовала и здѣсь, какъ въ представленіяхъ, такъ и въ образахъ; но въ основаніи ихъ лежало твердое, почти догматическое понятіе о безсмертіи. И когда послы князя Игоря скрѣпляли свой мирный договоръ съ греками религіозно-юридическою клятвою, что нарушители его «да будутъ раби въ сь вѣкъ и въ будущій», они говорили совершенно въ духѣ славянскаго язычества; когда воины Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона [1]), не надѣясь на спасеніе, предавали себя сами смерти, они вѣрили, что чрезъ это избѣгнутъ позорной повинности быть рабами своихъ побѣдителей на *томъ* свѣтѣ» [2]).

Говоря о народахъ древняго міра мы обошли молчаніемъ одинъ изъ семитическихъ народовъ, именно народъ *израильскій*—единственнаго носителя и представителя истинной, богооткровенной религіи въ до-христіанскомъ мірѣ. Народъ строго монотеистическій, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ и руководительствомъ Божіимъ, не могъ быть поставленъ рядомъ съ политеистическими ясыческими народами, которымъ Богъ, по Своимъ премудрымъ цѣлямъ, *попустилъ ходить своими путями*, *хотя и не переставалъ* и имъ также *свидѣтельствовать о Себѣ* (Дѣян. XIV, 16—17). Теперь мы считаемъ благовременнымъ обратиться

[1]) Ed. Bonen, p. 151—152.

[2]) *А. Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Стр 187—188.

и къ этому народу съ тѣмъ же запросомъ, какой предъявляли прежде другимъ народамъ.

Если уже у языческихъ народовъ древности, имѣвшихъ болѣе или менѣе искаженныя религіозныя понятія, мы находили вѣру въ безсмертіе человѣка, то народъ съ чистыми, правильными понятіями о Богѣ и человѣкѣ тѣмъ болѣе долженъ былъ имѣть—и дѣйствительно имѣлъ—и болѣе чистое и возвышенное вѣрованіе въ безсмертіе и будущую жизнь. Между тѣмъ нѣкоторыми писателями отрицательнаго направленія этотъ несомнѣнный фактъ,—что то есть у народа еврейскаго существовала вѣра въ безсмертіе и будущую жизнь,—подвергался и подвергается сомнѣнію. Въ наше время извѣстный *Ренанъ* во всемъ ветхозавѣтномъ Писаніи не находитъ никакихъ слѣдовъ ученія о безсмертіи, утверждая, что это ученіе появилось въ средѣ израильскаго народа только тогда, когда онъ почувствовалъ необходимость придать чрезъ это ученіе разумный смыслъ мученичеству, то есть во время гоненія Антіоха Епифана и появленія маккавейскихъ мучениковъ. Сообразно съ такимъ предвзятымъ воззрѣніемъ на происхожденіе библейскаго ученія о безсмертіи Ренанъ видитъ первыя ясныя указанія на вѣчную жизнь только во 2-й книгѣ Маккавейской [1]) и въ книгѣ Премудрости Соломона [2]), относя происхожденіе этой послѣдней книги, конечно, къ эпохѣ, совпадающей съ появленіемъ Маккавейскихъ книгъ. До этой же эпохи у іудеевъ не было будто бы не только какого-нибудь опредѣленнаго ученія, но и никакихъ вообще представленій о загробной жизни. Слѣдуя совершенно невѣже-

[1]) Гл. VII, ст. 36: „Братья наши, претерпѣвъ нынѣ краткое мученіе, по завѣту Божію, получили жизнь вѣчную" (слова послѣдняго изъ семи братьевъ-мучениковъ маккавійскихъ.

[2]) Гл. III, ст. 4: «Ибо хотя они (праведные) въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія».

ственному въ данномъ случаѣ показанію Тацита, не имѣвшаго достаточныхъ свѣдѣній объ іудейской религіи, тому показанію, что іудеи приписывали безсмертіе душамъ только тѣхъ людей, которые умерли въ войнахъ или казнены, Ренанъ думаетъ найдти въ свидѣтельствѣ Тацита твердую историческую опору для своей гипотезы о происхожденіи ученія о безсмертіи у іудеевъ подъ вліяніемъ гоненій за вѣру, воздвигнутыхъ Антіохомъ.

Противъ этого ложнаго и неосновательнаго взгляда мы должны высказать слѣдующее. Еслибы даже во всемъ ветхозавѣтномъ Писаніи не содержалось, такъ сказать, буквальныхъ указаній на вѣрованіе древнихъ евреевъ въ безсмертіе,—и въ такомъ случаѣ человѣкъ непредубѣжденный не рѣшился бы сдѣлать апріорнаго предположенія о происхожденіи этого вѣрованія только со временъ гоненія Антіоха, потому что одного библейскаго сказанія о паденіи человѣка, его послѣдствіяхъ и надеждѣ избавленія отъ нихъ было бы совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, какъ глубоко заложена и вкоренена была идея безсмертія во внутреннемъ духѣ библейскаго воззрѣнія. Отсутствіе чаянія безсмертія возможно и мыслимо только въ такомъ міровоззрѣніи, гдѣ смерть представляется естественнымъ явленіемъ, свойственнымъ природѣ человѣческой въ силу естественной необходимости. Въ Библіи же смерть признается противоестественнымъ, ненормальнымъ явленіемъ въ родѣ человѣческомъ, наказаніемъ Божіимъ за грѣхъ падшаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ относится къ числу преходящихъ золъ, долженствующихъ уничтожиться съ возстановленіемъ падшей природы человѣческой. Тамъ, гдѣ безсмертіе представлялось изначальнымъ назначеніемъ человѣка, гдѣ смерть разсматривалась какъ случайное и преходящее явленіе, гдѣ надежда на освобожденіе и избавленіе отъ золъ паденія служила одушевляющимъ началомъ всего религіознаго міровоз-

зрѣнія,—тамъ представленія и чаянія безсмертія должны были существовать просто даже въ силу психологической необходимости. Такимъ образомъ, вопреки гипотезѣ Ренана, уже первыя страницы первой книги Библіи заключаютъ въ себѣ ясное указаніе на идею безсмертія, твердое ядро вѣры въ будущую лучшую жизнь.

Но въ книгахъ Ветхаго Завѣта есть и прямыя, положительныя указанія на существованіе у ветхозавѣтнаго народа Божія вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь гораздо раньше эпохи гоненій Антіоха Епифана. Уже патріархи этого народа вѣруютъ въ безсмертіе, что видно изъ слѣдующаго:

а) они называли себя странниками и пришельцами на землѣ, ясно выражая этимъ,—по замѣчанію глубокаго и авторитетнаго изъяснителя духа Ветхаго Завѣта, св. Апостола Павла,—что *они ищутъ отечества лучшаго, небеснаго* (Быт. XLVII, 9; Евр. XI, 13—16);

б) Бога они называли обыкновенно Богомъ своихъ отцевъ, уже скончавшихся, что, по объясненію Самого Іисуса Христа, также служило доказательствомъ ихъ вѣры въ безсмертіе, потому что *Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Исход. III, 6; Матѳ. XXII, 32; сн. Лук. XX, 38);

в) на смерть они смотрѣли какъ на приложеніе, присоединеніе къ народу своему, причемъ отличали это приложеніе отъ погребенія тѣла во гробѣ и слѣдовательно указывали на переселеніе другой части человѣка, души, въ страну, гдѣ уже обитали прежде отшедшія души;

г) они дѣйствительно вѣрили въ существованіе *шеола*—мѣста, куда переселяются души по смерти людей. Такъ, оплакивая потерю Іосифа, патріархъ Іаковъ, несмотря на утѣшенія со стороны всѣхъ сыновей и дочерей своихъ, не хотѣлъ утѣшиться и сказалъ: *съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю* (Быт. XXXVII, 35). Подъ словомъ

«преисподняя» (шеолъ) патріархъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, не гробницу Іосифа, а мѣсто, куда отошла душа сына его, потому что Іаковъ не считалъ Іосифа погребеннымъ въ какомъ-либо гробѣ, а былъ увѣренъ, что онъ растерзанъ звѣремъ [1]).

Въ позднѣйшій періодъ еврейской исторіи вѣра и надежда на безсмертіе высказывается еще яснѣе и рѣшительнѣе. Въ учительныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта раскрывается мысль, что духъ человѣческій, по самой природѣ своей, есть начало неумирающее, что онъ долженъ *долженъ возвратиться къ Богу, Который далъ его* (Екклез. XII, 7), что смерть есть явленіе не необходимое, но превзошедшее въ міръ случайно, такъ какъ *Богъ смерти не сотворилъ, а создалъ человѣка для нетлѣнія* (Премудр. Солом. I, 13; II, 23). Наконецъ въ книгахъ пророковъ Исаіи (XXVI, 19) и Даніила (XII, 2) высказывается мысль о воскресеніи тѣлъ для будущей жизни и о вѣчности наградъ и наказаній.

Независимо отъ всего этого, истина безсмертія души и воскресенія мертвыхъ самымъ осязательнымъ образомъ открывалась для ветхозавѣтнаго человѣка въ нѣкоторыхъ наглядныхъ, чудесныхъ явленіяхъ, каковы: взятіе Еноха и Иліи на небо живыми, а также воскрешеніе мертвецовъ пророками Иліею и Елисеемъ. Здѣсь уже истина безсмертія находила свое предуказательно-фактическое подтвержденіе и осуществленіе.

Во времена Іисуса Христа только либеральная секта саддукеевъ, не знавшая *ни Писаній, ни силы Божіей*, и не пользовавшаяся особою популярностію и сочувствіемъ

---

[1]) Древніе евреи строго различали слово *шеолъ* отъ слова *keберъ*—гробъ, и когда шла рѣчь о мѣстѣ или пещерѣ, гдѣ погребались тѣла умершихъ, всегда употребляли послѣднее слово (см. въ подлинникѣ Быт. XXIII, 4, 6, 9; Исход. XIV, 2; Числ. XI, 34; Іов. V, 26; X, 21; XXI, 32; Псал. XCVIII, 19; Іезек. XXXVII, 12, 13 и друг. мѣста).

въ народѣ, отвергала безсмертіе и воскресеніе мертвыхъ (Матѳ. XXII, 23).

Знаю, что воскреснетъ братъ мой въ воскресеніе, въ послѣдній день (Іоан. XI, 24)—эти слова сестры Лазаря Марѳы представляютъ цвѣтъ и завершеніе ветхозавѣтной вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь.

Извѣстный намъ петербургскій профессоръ-гебраистъ *Д. А. Хвольсонъ* нашелъ въ Крыму надгробные памятники евреевъ, умершихъ до Р. Хр.: въ надписяхъ на этихъ камняхъ ясно высказывается вѣра древнихъ евреевъ въ будущую жизнь.

Изъ началъ древняго богооткровеннаго ученія іудейскаго, но смѣшанныхъ съ началами языческой религіи и философіи и потому сильно искаженныхъ и обезображенныхъ, образовалась новая религія,—такъ называемое *новоіудейство*. Искаженіе богооткровенной религіи іудейской языческими воззрѣніями началось со времени плѣна вавилонскаго и продолжалось до VI вѣка по Р. Хр. Въ это самое критическое время въ своей исторіи народъ іудейскій постигнутъ былъ бѣдствіями, подобныхъ которымъ онъ прежде не испытывалъ и которыя даже угрожали полнымъ и совершеннымъ истребленіемъ его съ лица земли. Въ такомъ положеніи іудеи ухватились за свой законъ, который прежде постоянно нарушали и въ исполненіи котораго увидѣли теперь, на краю погибели, единственное средство спасенія. Но, ухватившись за законъ и вдумываясь въ него, они рѣшили, что доселѣ они не только не исполняли, но и не понимали закона, какъ слѣдуетъ, что за это именно Іегова такъ сильно и разгнѣвался на нихъ, что впредь нужно иначе понимать и исполнять законъ, чѣмъ какъ было до-

селѣ, и что только подъ этимъ условіемъ Іегова снова помилуетъ ихъ. И вотъ, вслѣдствіе этого явились многочисленныя толкованія закона, цѣлые кодексы правилъ и наставленій, искусственно извлеченныхъ изъ закона и приспособленныхъ ко всѣмъ возможнымъ отношеніямъ жизни, ко всѣмъ случаямъ жизни еврея. Опредѣляя каждый шагъ еврея такими правилами, основанными будто бы на божественномъ законѣ, учители іудейскіе думали этимъ, такъ сказать, обязать Бога къ милости, вынудить у Него помилованіе себѣ. Эти толкованія и правила составлялись частію подъ вліяніемъ фантазіи іудейскихъ законоучителей, частію подъ вліяніемъ языческой религіи и философіи, съ которыми іудеи, по измѣнившимся обстоятельствамъ своей исторіи, теперь волею-неволею должны были познакомиться. Такія толкованія и правила могли, конечно, только обезображивать и искажать древнее богооткровенное ученіе; а между тѣмъ въ глазахъ евреевъ они стали гораздо выше самаго этого ученія и мало-по-малу совсѣмъ замѣтили его собою. Изъ нихъ составились такъ называемые *талмудъ* и *каббала*, замѣнившіе для евреевъ писанія Моисея и всѣхъ древнихъ пророковъ.

«Обращаясь къ вѣроученію талмуда, мы находимъ его страшно обезображеннымъ сравнительно съ ветхозавѣтнымъ, откровеннымъ. Ученіе о Богѣ искажено здѣсь самымъ крайнимъ антропоморфизмомъ. Возможныя снисхожденія Бога въ міръ и Его отношенія къ человѣку, имѣвшія особую видимость, необходимую для представленія человѣка, талмудъ призналъ самимъ Божествомъ и сталъ разсматривать божественную жизнь во времени и пространствѣ и Самого Бога представлять въ образѣ человѣка громаднѣйшей величины. Этотъ Богъ, говоря строго, не имѣетъ ничего общаго съ ветхозавѣтнымъ Іеговою, почему и получилъ въ талмудѣ

особое имя *Шехины*, т. е. божества видимаго, чувственнаго, осязаемаго. Въ талмудѣ математически высчитывается мѣра и опредѣляется ростъ Шехины, подробно разсказывается, какія у Шехины плечи, руки, ноги, какая шея, борода, какъ велико разстояніе между его глазами, бровями и т. п. Такой Богъ, очевидно, и занятія долженъ имѣть человѣчаскія: и въ талмудѣ, точно, говорится, будто Шехина нѣсколько часовъ въ сутки посвящаетъ на изученіе талмуда, потомъ играетъ съ левіаѳаномъ; всякое утро кладетъ на себя тефилимы (тѣ значки, что евреи кладутъ себѣ на лобъ, когда молятся) и молятся о томъ, чтобы гнѣвъ его не пересиливалъ его милости; часто плачетъ о разореніи Іерусалима, рыкаетъ, подобно льву, три раза въ день... для того, чтобы показать, что ночь должна быть дѣлима на три стражи, а не на четыре, какъ думалъ рабби Іегуда, и т. п. Въ теченіе каждаго дня есть мгновеніе, въ которое Шехина необыкновенно гнѣвается, и есть также мгновеніе, когда онъ бываетъ необыкновенно милостивъ, такъ что исполняетъ всякую молитву, въ это время къ нему обращенную, какова бы ни была эта молитва.

«Міры творилъ Шехина отъ вѣчности, но они были несовершенны, и онъ разрушалъ ихъ всякій разъ тотчасъ послѣ сотворенія, пока наконецъ не сотворилъ настоящаго міра, оказавшагося совершеннымъ и вполнѣ угоднымъ ему. Онъ сотворенъ собственно для того, чтобы приложить къ дѣлу законъ обрѣзанія: безъ этого Шехинѣ не зачѣмъ было бы и творить міръ. Шехина сотворилъ также и человѣка; но собственно только евреи должны считаться происходящими отъ Бога, всѣ же прочіе народы происходятъ отъ 70 низшихъ божествъ, живущихъ на семи планетахъ,—особенно же отъ Шатана (онъ же и Левіаѳанъ) и Лилиты. Души евреевъ сотворены Богомъ прежде созданія міра, который назначался для ихъ обладанія,—сотворены всѣ вмѣстѣ, въ

количествѣ 600 тысячъ [1]) посредствомъ особаго процесса въ самомъ божескомъ существѣ, весьма близкаго къ естественному рожденію. Сотворивши души евреевъ, Богъ и промышляетъ собственно только о евреяхъ; всѣ прочіе народы состоятъ подъ управленіемъ тѣхъ 70 князей, или боговъ, отъ которыхъ они произошли. Хотя язычники взяли теперь верхъ надъ евреями и управляютъ ими; но придетъ Мессія, и настоящій порядокъ вещей измѣнится. Воцаренію Мессіи будетъ предшествовать междоусобная война Гога и Магога, въ которой будутъ истреблены всѣ язычники, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, которые будутъ оставлены для того, чтобы служить рабами въ царствѣ Мессіи. Далѣе въ Іосафатовой долинѣ наступитъ воскрешеніе всѣхъ вѣрныхъ евреевъ; трупы же евреевъ, умершихъ внѣ Палестины, перекатятся къ Іосафатовой долинѣ какъ бочки, подземными трубами. Ангелъ смерти будетъ воскрешать трупы евреевъ посредствомъ удара палкой по устамъ. Каждаго приведеннаго такимъ образомъ къ сознанію, ангелъ будетъ спрашивать объ имени его, и каждый долженъ будетъ сказать свое имя текстомъ Библіи, первая и послѣдняя буквы коего соотвѣтствуютъ первой и послѣдней буквѣ имени заспрошеннаго. Отсюда необходимо какъ можно крѣпче затвердить свое имя, еще при жизни подобрать такой текстъ и хоть по-разу въ день повторять его въ своихъ молитвахъ. Послѣ воскрешенія евреевъ (другіе народы не будутъ воскрешены) послѣдуетъ возстановленіе Іерусалима и храма, всѣхъ жертвъ и обрядовъ. Наконецъ воцарится Мессія и будетъ видимо и славно царствовать съ вѣрными израиль-

[1]) Каждый стихъ Библіи заключаетъ въ себѣ 600,000 смысловъ, т. е. представляетъ 600,000 способовъ пониманія и изъясненія, и каждый способъ изъясненія стиха имѣетъ отношеніе къ еврейской душѣ.

тянами тысячу лѣтъ. Послѣ царства Мессіи наступитъ царство небесное, которое уже будетъ продолжаться вѣчно» [1]).

По ученію каббалистовъ, душа нисходитъ на землю чистою, разумною и притомъ на нѣкоторое малое время, для своего воспитанія и укрѣпленія въ добродѣтели. Лишь только чистый и разумный духъ приходитъ въ соприкосновеніе съ чувственнымъ міромъ, онъ вспоминая небесное и сверхчувственное, получаетъ ясное сознаніе о самомъ себѣ, о своемъ высокомъ происхожденіи и назначеніи, и тѣмъ сильнѣе жаждетъ возвращенія къ своему божественному источнику. Если душа желаетъ стремиться и дѣлаетъ только злое, то ея загробная жизнь—вѣчное мученіе. Душа же, исполняющая волю Божію, по смерти получаетъ вѣчную жизнь.

Для душъ добродѣтельныхъ, однако имѣющихъ и свои паденія, каббалисты принимаютъ за гробомъ средствомъ очищенія душепереселеніе, какъ педагогическую мѣру, какъ вразумляющее наказаніе, какъ средство возвращенія людей къ Богу, какъ средство исправленія и усовершенствованія. Въ Адамѣ—такъ учили ученые раввины-каббалисты—находилось 600,000 еврейскихъ душъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ согрѣшили. Онѣ должны для исправленія, постоянно вращаться въ различныхъ человѣческихъ тѣлахъ до самаго пришествія Мессіи. Душепереселеніе нѣкоторые изъ раввиновъ подтверждали, между прочимъ, существованіемъ одержимыхъ нечистыми духами, считая послѣднихъ душами злыхъ людей. Весь міръ вѣровалъ, что души преходящи и человѣкъ не имѣетъ никакого преимущества предъ животнымъ, пока праотецъ Авраамъ не открылъ всѣмъ, что души живутъ и по смерти и изъ одного тѣла переходятъ въ другое. Душа Авеля—учили раввины, перешла въ Сиѳа, а душа Каина—въ тѣло египтянина, убитаго Моисеемъ. У Каина

[1]) Руководство къ Основному Богословію *Архим. Августина.* Вильно 1876 г. стр. 159—162.

было три души: одна вошла въ Іофора, другая въ Корея, а третья въ египтянина. Душа Іафета вошла въ Сампсона, душа Ѳарры—въ Іова, душа Евы—въ Исаака и т. д. Души же обыкновенныхъ людей, смотря по степени грѣховности и нужды въ очищеніи, переселяются въ животныхъ—въ львовъ, змѣй, ословъ и т. п. Души евреевъ безбожныхъ, убившихъ еврея или измѣнившихъ іудейской вѣрѣ, по смерти переходятъ въ растенія и животныхъ, потомъ мучатся въ аду въ теченіе 12 мѣсяцевъ, а послѣ этого срока мученія переходятъ для исправленія, сначала въ неодушевленные предметы, потомъ въ звѣрей, далѣе въ язычниковъ, а наконецъ опять въ евреевъ.

Послѣ всѣхъ переселеній, душа чистою восходитъ къ Богу, который принимаетъ ее къ Себѣ съ поцѣлуемъ, послѣ чего она восходитъ на высшую степень бытія въ седьмую палатку жизни, называемую *Святое Святыхъ*. Такое путешествіе душъ еврейскихъ показываетъ милосердіе Божіе, имѣющее цѣлію сдѣлать весь іудейскій народъ участникомъ вѣчной жизни. Здѣсь всѣ души соединяются съ Высочайшею Душею, объемлющею и проникающею весь міръ. Тогда все приходитъ въ единство и совершенство, все смѣшивается въ одной мысли, обнимающей и наполняющей вселенную. Въ этомъ состояніи тварь не можетъ отличаться отъ Творца: у нея та же мысль, та же воля, она повелѣваетъ вселенною, и Богъ исполняетъ ея повелѣнія.

Въ VII вѣкѣ по Р. Хр. въ Аравіи явился нѣкто Магометъ († 632), выдававшій себя за пророка Божія, посланнаго въ міръ для окончательнаго возстановленія въ родѣ человѣческомъ единой истинной религіи, какой еще въ раю

Богъ научилъ нашихъ прародителей. Магометъ пріобрѣлъ себѣ многихъ послѣдователей, и новая религія быстро распространилась изъ Аравіи по всему Старому свѣту, сдѣлавшись одною изъ господствующихъ религій въ мірѣ.

Магометанство, или исламъ, признаетъ единаго Бога, Творца и Промыслителя всего, безсмертіе человѣка и будущую загробную жизнь съ ея наградами и наказаніями. Но эти здравыя религіозныя истины, заимствованныя частію изъ древняго іудейства, частію изъ христіанства, Магометъ сильно исказилъ и обезобразилъ, примѣшавъ къ нимъ много чуждыхъ имъ элементовъ изъ талмуда, изъ христіанскихъ апокрифовъ, изъ арабскихъ и другихъ языческихъ преданій и наконецъ отъ своего собственнаго измышленія.

Самый первый и основной догматъ магометанства—о единствѣ Божіемъ имѣетъ въ системѣ Магомета такой своеобразный колоритъ, который лишаетъ всякаго достоинства это «естественное и разумное» (какъ величаютъ его нѣкоторые) ученіе о Богѣ и даже приравниваетъ магометанство къ пантеизму. Слова Магомета: «Нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога»—не только устанавливаютъ собою единство Божіе противъ языческаго многобожія и христіанскаго ученія о Троичности, но содержатъ еще и тотъ смыслъ, что одинъ только Богъ есть дѣятель всего существующаго, единственная дѣйствующая сила во вселенной; а всѣ творенія Его—отъ высшихъ ангеловъ до человѣка и далѣе до дерева и камня—суть только Его слѣпыя орудія, не имѣющія никакого самоопредѣленія, никакой свободы. «Всякое дѣло, всякій предметъ, все прошедшее, настоящее и будущее вселенной заранѣе предопредѣлено Магометовымъ Аллахомъ и зависитъ вполнѣ и исключительно отъ его безусловнаго произвольнаго предрѣшенія. На долю и распоряженіе своихъ разумно-свободныхъ тварей Аллахъ не оставилъ ничего, потому что и дѣянія, и способности, которыми они повиди-

мому располагаютъ, существуютъ только въ немъ одномъ, и чтобы они ни дѣлали, дѣлаютъ только чрезъ него, только по его опредѣленію. Составивъ такое понятіе о Богѣ, Магометъ естественно долженъ былъ лишить Его тѣхъ высокихъ нравственныхъ свойствъ, которыя обыкновенно заставляютъ человѣка любить Бога. Аллахъ Магомета не только въ мірѣ физическомъ, но и въ мірѣ существъ разумныхъ и духовныхъ дѣлаетъ, *что хочетъ* и *какъ хочетъ*, не водясь при этомъ никакими другими мотивами, кромѣ одного своего безусловнаго произвола, или каприза. Это—типъ восточнаго деспота, который дѣлаетъ все, что только ему вздумается, и только потому, что ему именно такъ захотѣлось. Аллахъ самъ производитъ добрыя и дурныя дѣла въ человѣчествѣ, вдыхаетъ въ людей «благочестіе и безуміе» (нечестіе), «заблуждаетъ кого хочетъ и направляетъ кого хочетъ»—и «кого онъ направилъ, тотъ направленъ хорошо; а кого онъ заблуждаетъ, тотъ погибъ». Онъ сотворилъ великое число духовъ (джинновъ) и людей для геенны и самъ посылаетъ этихъ духовъ къ невѣрнымъ, чтобы подстрекать ихъ къ злу и т. п. Самъ въ себѣ онъ не столько благъ и милостивъ, сколько грозенъ и мстителенъ, особенно по отношенію къ тѣмъ, которые посягаютъ на его абсолютное единодержавіе» [1]).

Каково ученіе Магомета о загробной жизни и будущемъ воздаяніи?

«Если таково отношеніе Аллаха къ свободно-разумнымъ тварямъ, что всѣ онѣ суть только его слѣпыя орудія и ничего болѣе, то казалось бы, что въ Коранѣ [2]) не будетъ

---

[1]) *Архим. Августинъ*. Руков. къ Основному Богословію, стр. 174—175.

[2]) *Коранъ* или *Ал-Коранъ*—это, книга, въ которой собраны всѣ мнимыя откровенія Магомета, приведенная въ окончательный, настоящій видъ свой уже послѣ его смерти. Коранъ состоитъ изъ 114 *суръ*, или главъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свое особое названіе (столъ, человѣкъ, корова, Іосифъ, мура-

ученія о загробномъ воздаяніи; потому что не за что же, въ самомъ дѣлѣ, награждать или наказывать того, кто не имѣетъ своей воли и кому поэтому не должны быть нравственно вмѣняемы никакія дѣйствія и поступки. Тѣмъ не менѣе однакожъ Магометъ, какъ будто именно для того, чтобы еще больше показать чудовищность своего Аллаха, учитъ и о райскихъ наградахъ и объ адскихъ наказаніяхъ въ будущей жизни. Послѣ всеобщаго суда, всѣ невѣрующіе (кяфиры), т. е. язычники, евреи и христіане (вмѣстѣ съ джиннами), будутъ подвергнуты вѣчнымъ мукамъ въ гееннѣ, или въ аду. Они будутъ жариться на страшномъ огнѣ, который будутъ постоянно мѣшать, чтобъ лучше горѣлъ. Когда сгоритъ на нихъ одна кожа, имъ будетъ дана другая, чтобы заставить ихъ сильнѣе чувствовать боль и т. д. Кромѣ того здѣсь будутъ язвить ихъ змѣи, громадные какъ горы, и скорпіоны—какъ осѣдланные лошаки; а ангелы-мучители станутъ еще бить ихъ при этомъ желѣзными дубинами. Все это будетъ такъ мучительно, что они пожелали бы отдать въ два раза больше того, что содержитъ въ себѣ небо и земля, лишь бы только избавиться отъ адскихъ страданій. Въ самомъ верхнемъ отдѣленіи геенны (въ ней—*семь* отдѣленій) [1]) будутъ мучиться и

вей и т. д.) и раздѣлена на нѣсколько *айатъ*, или стиховъ. Магометане считаютъ Коранъ твореніемъ самого Бога и чудеснымъ откровеніемъ Божіимъ, въ которомъ выразилась вся полнота истины и въ которомъ каждая іота имѣетъ свой глубокій смыслъ. Сложилась даже между ними басня о томъ, что Коранъ отъ вѣчности существовалъ въ Богѣ или у Бога; потомъ архангелъ Гавріилъ, по изволенію Божію, снялъ съ него копію и принесъ ее на послѣднее, низшее небо, а отсюда уже снабжалъ Магомета главами и стихами своей копіи, открывая ихъ ему, въ продолженіе 23-хъ лѣтъ, по частямъ, смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ. Откровенія эти записаны будто бы были Магометомъ или его писцами и слушателями, также подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого архангела.

[1]) Геенна имѣетъ семь отдѣленій, лежащихъ одно ниже другаго. Первое и наиболѣе сносное отдѣленіе геенны предназначено для грѣшниковъ изъ числа исповѣдниковъ ислама, второе—для іудеевъ, третье—для христіанъ, четвер-

грѣшники изъ магометанъ, но не вѣчно: по прошествіи нѣкотораго времени, они, по ходатайству Магомета, будутъ выведены отсюда въ рай, гдѣ присоединятся къ остальнымъ магометанамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними вѣчно наслаждаться райскими утѣхами. Что такое рай Магомета—болѣе или менѣе извѣстно, такъ какъ рай этотъ обратился даже въ пословицу. Это—сады, мускусная почва которыхъ орошена потоками воды, катящимися среди зеленыхъ береговъ, усѣянныхъ цвѣтами. Кромѣ водныхъ источниковъ, здѣсь текутъ рѣки молока, меду и вина. Тутъ растутъ также деревья съ прекрасными плодами всѣхъ родовъ и сортовъ, и вѣтви ихъ сами гнутся къ рукѣ, чтобы легко было срывать съ нихъ эти плоды, и даже—ко рту, чтобы можно было прямо ѣсть ихъ. Въ такихъ-то садахъ устроены великолѣпныя шелковыя бесѣдки, въ которыхъ собственно и живутъ праведники. Одѣтые въ штофныя, атласныя и парчевыя одежды, украшенные драгоцѣнными запястьями, они ѣдятъ самыя лучшія яства и пьютъ разнообразные напитки изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ. У каждаго изъ нихъ кружокъ прислужниковъ—молодыхъ людей или мальчиковъ, вѣчно юныхъ, какъ низанный жемчугъ. Кромѣ того имъ даны будутъ въ жены особыя красавицы съ большими черными глазами, также вѣчно юныя и притомъ вѣчно дѣвственныя, подобныя гіацинту и кораллу (гуріи [1])».

Примѣчаніе. По ученію Магомета, «мужчины выше женщинъ по качествамъ, какими возвысилъ ихъ Богъ, а женщины ниже мужчинъ». Женщины—существа несовер-

тое—для сабеевъ, или учениковъ Іоанновыхъ (Дѣян. XVIII, 24 и дал.), пятое—для такъ называемыхъ маговъ, т. е. огнепоклонниковъ персовъ, мидянъ, халдеевъ и парѳянъ, шестое—для поклонниковъ фетишей и другихъ идоловъ, седьмое и мучительнѣйшее отдѣленіе—для лицемѣровъ изъ всѣхъ религій. Вѣчно мучиться будутъ грѣшники только въ послѣднихъ шести отдѣленіяхъ.

[1]) *Архим. Амвросій*, Руководство къ Основному Богословію, стр. 175—177.

шенныя, созданныя собственно для того, чтобы раждать дѣтей и служить своимъ мужьямъ. Полнѣйшее безправіе мусульманской женщины совершенно лишаетъ ее въ этой жизни всякаго человѣческаго достоинства. Но Магометъ простеръ свое униженіе женщины еще дальше: изображая свой рай онъ говоритъ, что праведникамъ даны будутъ тамъ въ жены особенныя существа—*гуріи*; стало быть, нынѣшнія мусульманскія женщины или будутъ лишены въ раю тѣхъ наслажденій, какія обѣщаются мусульманамъ-мужчинамъ, или вовсе не будутъ въ раю, а будутъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (только не въ аду, потому что Магометъ *всѣмъ* мусульманамъ обѣщаетъ рай), или же и совсѣмъ не будутъ воскрешены для будущей жизни, какъ не нужныя уже при существованіи гурій. Какъ бы то впрочемъ ни было, несомнѣнно только, что, увлекшись прелестными гуріями, Магометъ вовсе и позабылъ объ обыкновенныхъ, земныхъ мусульманкахъ и не отвелъ имъ никакого мѣста въ загробномъ мірѣ; и его послѣдователи, мусульманскіе богословы, до сихъ поръ не рѣшили еще, будетъ ли у женщинъ какой-нибудь свой рай съ наслажденіями, соотвѣтствующими райскимъ наслажденіямъ мужчинъ.

Намъ остается еще покончить въ нашемъ историческомъ доказательствѣ, утверждающемъ всеобщность вѣры въ безсмертіе души и будущую жизнь въ родѣ человѣческомъ, съ однимъ важнымъ вопросомъ, именно—съ вопросомъ о *дикаряхъ*, или нецивилизованныхъ племенахъ.

Когда ведется споръ о религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ, то писатели отрицательнаго направленія выставляли и выставляютъ, между прочимъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ противъ внутренней необходимости

и истинности идеи Бога и неразрывно связанной съ нею идеи безсмертія человѣка—отсутствіе этихъ идей у такъ называемыхъ дикарей, или нецивилизованныхъ племенъ. Въ лицѣ дикарей думаютъ наблюдать первобытнаго человѣка: дикари—это люди, которые, при полномъ развитіи въ тѣлесномъ отношеніи, имѣютъ разсудокъ дѣтскій, совершенно чуждый идей *изобрѣтенныхъ* и вѣрованій, составленныхъ искусственно и навязанныхъ массамъ пронырствомъ жрецовъ. Еще Локкъ (англійскій мыслитель) первый указалъ на важность изученія мышленія дикарей, когда велъ борьбу съ Декарсомъ (французскимъ философомъ) по вопросу о «врожденности идей». Однимъ изъ доказательствъ прежней философіи, на которомъ утверждали основныя истины метафизики, естественной религіи и морали, было согласіе въ признаніи этихъ истинъ всѣми племенами рода человѣческаго. Локкъ обратился къ описаніямъ путешествій и на основаніи ихъ думалъ доказать, что идеи о Богѣ какъ Творцѣ міра, о безсмертіи души, объ основныхъ правилахъ нравственности совершенно чужды сознанію нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Французская философія XVIII вѣка пошла тѣмъ же путемъ. Дикари вошли въ моду: ихъ выставили противъ местифизическаго ученія предыдущаго столѣтія; ихъ заставляли говорить почти все, что хотѣлось и требовалось тѣмъ, которые заставляли ихъ говорить. Подъ знаменемъ Руссо они вооружались и ратовали противъ убѣжденій въ пользѣ цивилизаціи; подъ знаменемъ Гельвеція они сражались за кодексъ морали, основанный на эгоизмѣ и чувствѣ удовольствія. И въ наше время съ одной стороны матеріалисты, а съ другой дарвинисты (трансформисты), дающіе намъ въ родоначальники вмѣсто Адама обезьяну или троглодита, также обращаются къ дикарямъ за доказательствомъ того, что религіозныя и нравственныя истины не составляютъ необходимаго и существеннаго достоянія человѣка.

Противъ этого злоупотребленія дикарями въ пользу извѣстныхъ предвзятыхъ мнѣній и шаткихъ гипотезъ мы должны сказать слѣдующее. Во-первыхъ, печальное положеніе дикихъ, есть признакъ и слѣдствіе уклоненія отъ прямаго и истиннаго пути человѣческаго развитія, а не натуральное свойство и не характеръ перваго періода этого развитія, какъ хотятъ видѣть матеріалисты и дарвинисты. Слѣдовательно состояніе дикости есть болѣзненное явленіе въ исторіи человѣчества, вызванное разными неблагопріятными обстоятельствами; и потому дѣлать его нормою человѣческаго существованія, по меньшей мѣрѣ, неосновательно и нелѣпо. А во-вторыхъ, не отрицая важности наблюденій, сдѣланныхъ учеными путешественниками относительно дикихъ народовъ, нельзя не признать возможности большихъ ошибокъ въ передачѣ свѣдѣній объ нихъ и не допустить поспѣшности тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаются изъ этихъ свѣдѣній. «Разсказы путешественниковъ, откуда почерпаются эти свѣдѣнія, иногда очень сомнительны. Если не вполнѣ вѣрными оказываются ихъ описанія орудій, жилищъ, обычаевъ, племенныхъ особенностей и естественныхъ произведеній мѣстностей, обитаемыхъ дикими, то съ какою осторожностью должны мы принимать свидѣтельства путешественниковъ о религіозномъ и нравственномъ состояніи племенъ, посѣщенныхъ имъ. Религіозно-нравственныя идеи смутны и неясны въ самыхъ душахъ ихъ, да и высказываются онѣ ими на самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ нарѣчіяхъ; а на языкѣ неразвитомъ трудно выражаются истины отвлеченныя, какъ бы онѣ ни казались намъ просты. Притомъ большая часть дикарей не любятъ, когда ихъ разспрашиваютъ объ ихъ убѣжденіяхъ. Кажется, суевѣрныя мнѣнія дикихъ дѣлаются для нихъ болѣе страшными, когда они выражаютъ ихъ словами, и вмѣстѣ съ тѣмъ они боятся, чтобы насмѣшки бѣлыхъ людей не коснулись вѣрованій,

которыми они дорожатъ болѣе всего. Нужно присовокупить къ этому особенную лѣность ума дикихъ и почти положительную неспособность слѣдовать въ мышленіи правильному, магическому пути. Поэтому они относятся почти совершенно безразлично ко всему, выходящему изъ круга предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ удовлетворенію ихъ физическихъ потребностей. Самыя вѣрованія, религіозныя и нравственныя, стали для нихъ какъ бы обычаемъ, который они исполняютъ, не давая себѣ отчета въ его значеніи и происхожденіи [1])». Такимъ образомъ, если гдѣ, то здѣсь въ особенности нужно съ крайнею осторожностью пользоваться такъ называемымъ аргументомъ *отъ молчанія*, чтобы не придти къ ложнымъ выводамъ. Необходимо замѣтить, что число дикихъ племенъ, не имѣющихъ будто бы вѣрованій въ будущую жизнь, весьма преувеличено. Новѣйшія изслѣдованія все болѣе и болѣе открываютъ такія вѣрованія у племенъ, которыя прежде считались не имѣющими ихъ. Докторъ *Причардъ* и особенно *Альжеръ* [2]) собрали въ большомъ числѣ поразительные факты, свидѣтельствующіе объ убѣжденіи дикихъ племенъ въ воздаяніи по смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что убѣжденіе въ Высочайшей Правдѣ, воздающей каждому по его дѣламъ въ будущей жизни, такъ же древне и такъ же всеобще, какъ и вѣра въ безсмертіе души. Даже у неразвитыхъ дикарей убѣжденіе это поражаетъ насъ такою тонкостью нравственнаго чувства, которой нельзя не удивляться.

Дикари племени *фежьянъ*, которыхъ путешественники представляютъ намъ послѣднимъ по развитію племенемъ рода человѣческаго, убѣждены, что по смерти душа пред-

---

[1]) *Людовикъ Каро.* О происхожденіи вѣрованій въ будущую жизнь, въ Revue des Deux Mondes, 1-я декабрьская книжка за 1875 годъ.

[2]) Въ своей «Критической исторіи ученія о будущей жизни».

стаетъ предъ судилище *иденжей*. Во всѣхъ миѳологическихъ сказаніяхъ, подъ формой болѣе или менѣе грубой, у всѣхъ почти народовъ есть представленіе о первоначальномъ испытаніи душъ, предшествующемъ суду надъ ними. По представленіямъ *гуроковъ*, души умершихъ сначала должны испытать путешествіе, исполненное всякихъ трудностей и опасностей. Имъ нужно перейдти черезъ быструю рѣку по утлой перекладинѣ, дрожащей подъ ихъ ногами; свирѣпый песъ, находящійся на другомъ берегу, не допускаетъ ихъ переправляться и старается сбросить ихъ въ пучину. Далѣе онѣ должны идти по тропинкѣ, вьющейся между колеблющимися утесами, которые падаютъ на нихъ, сокрушая путниковъ, не умѣвшихъ избѣжать опасности. По мнѣнію негровъ *анимановъ*, души добрыхъ людей, на пути къ Божеству, должны испытывать преслѣдованія со стороны злыхъ духовъ—*дидисъ;* отсюда у этого племени появился обычай приносить жертвы за умершихъ этимъ дидисъ. *Гвинейскіе* негры убѣждены, что два духа—добрый и злой сопутствуютъ душѣ по смерти. На пути встрѣчается препятствіе: стѣна заграждаетъ путь. Добрая душа, при помощи добраго генія, легко перелетаетъ черезъ стѣну; злая, напротивъ, разбивается объ нее. Это представленіе очень напоминаетъ извѣстный мостъ «Аль-Сиратъ» у магометанъ, непереходимый для нечестивыхъ. Адъ, въ большей части представленій объ немъ, находится подъ землей. Имъ управляетъ или царь или царица. Такъ у *гренландцевъ* адомъ управляетъ царица, напоминающая Прозерпину древности, возсѣдающая на тронѣ въ глубинѣ пещеры. Души людей порочныхъ наказываются или тѣмъ, что отдаются въ пищу демонамъ, или тѣмъ, что влачатъ печальное существованіе, питаясь змѣями, насѣкомыми и ящерицами. Чаще другихъ встрѣчается убѣжденіе, что души злыхъ людей наказываются возвращеніемъ ихъ на землю, гдѣ онѣ должны блуждать

около своихъ жилищъ и наводить ужасъ на живущихъ. Души добрыхъ людей, напротивъ, не возвращаются. По представленію нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, злыя души, подъ вліяніемъ злыхъ духовъ, принуждены, въ наказаніе за свои злыя дѣла при жизни, наполнять воздухъ шумомъ и смущать сонъ тѣхъ людей, которыхъ онѣ ненавидѣли при жизни. Не показываетъ ли это вѣрованіе особенно тонкаго чутья нравственнаго закона, какъ убѣжденіе, что величайшее наказаніе для человѣка—продолжать дѣлать зло другимъ и послѣ смерти!

Такимъ образомъ мы видимъ, что представленія дикарей о будущей жизни бываютъ, правда, подчасъ чувственны и низменны, но весьма рѣдко нечисты и недостойны.

И такъ голосъ человѣчества, выражающій собою голосъ природы человѣческой высказывается въ пользу безсмертія души и будущей жизни человѣка. Всѣ религіи безъ различія, не исключая даже *религіи отчаянія*—буддизма, проповѣдаютъ эту истину. Этотъ фактъ не можетъ не имѣть большаго значенія и важности. Религія, носительница и выразительница великихъ и глубокихъ тайнъ бытія человѣческаго, представляетъ всегда свидѣтельство цѣльной, нераздвоенной природы человѣческой, потому что въ ней всѣ духовныя силы проявляются въ нераздѣльномъ еще единствѣ и чистой непосредственности, между тѣмъ какъ наука есть всегда односторонняя сила и основывается на одностороннемъ пользованій сферою только разсудочнаго мышленія. Поэтому никакой наукѣ не удастся никогда заставить человѣка отказаться отъ вѣры въ свое безсмертіе, находящей

живой отголосокъ въ самой глубинѣ его существа. Да и никакой добросовѣстный искатель истины не отнесется съ пренебреженіемъ и неуваженіемъ къ этой вѣрѣ, выражающейся въ добромъ преданіи всего рода человѣческаго,— преданіи, которое въ своей непрерывности съ одной стороны восходитъ, можно сказать, до первыхъ дней существованія человѣчества на землѣ, а съ другой имѣетъ прекратиться только съ осуществленіемъ всѣхъ надеждъ и чаяній человѣческихъ въ вѣчности. Это преданіе должно несомнѣнно имѣть и дѣйствительно имѣетъ въ пользу своей внутренней истинности вѣскія предположенія и основанія,— что мы и старались раскрыть въ *первомъ отдѣлѣ* этой книги.